

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ХРОНИКИ XXXIII МИРОВ

БОРИС ИВАНОВ

ЗАКОНЫ ИСЧЕЗНОВЕНИЯ

Annotation

В разбросанных по Обитаемому Космосу Мирах правит бал Демон Исчезновений. Исчезает брат, исчезает враг, исчезает друг... На поиски исчезнувших отправляются разные, непохожие друг на друга люди: торговец, разбойник, Посредник... Каждый из них идет своим путем, преодолевает свои преграды, но Судьба сведет их на странной Блуждающей Планете — в Мире Молний...

Борис Федорович Иванов
Законы исчезновения. Роман

**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

БОРИС ИВАНОВ

**ЗАКОНЫ
ИСЧЕЗНОВЕНИЯ**

РОМАН

 Москва, 2003
Армада
&
Издательство АИФ-Лит

*В ночь перед бурей на мачте
Горят святого Эльма свечи,
Отогревают наши души
За все минувшие года.
Когда воротимся мы в Портленд,
Мы будем кротки, как овечки,
Да только в Портленд воротиться
Нам не придется никогда!*

Пролог

СТРАНСТВИЯ НЕ ИЗЛЕЧАТ ТЕБЯ...

Рус проснулся от собственного крика.

Сидя на краю кровати — странно пустой и холодной, словно она пустовала всю ночь, а сам он лишь только что вернулся сюда из страны зыбкого тумана, — Рус долго ощупывал свое лицо. Потом — руки, шею, грудь — словно пытаясь убедиться, что это именно он, а не кто-то другой сидит здесь в темноте и силится вспомнить что-то очень важное. Что-то такое, без чего никак нельзя жить дальше...

Ах да! Он хотел вспомнить, кто же такой он сам?

Рус нервно нашарил ногами шлепанцы, резко встал и, не включая света, побрел на кухню — пить до черноты заваренный чай. Это сделалось с недавних пор привычкой: успокаивать себя этим черным чаем после того, как во сне ему случалось «нырнуть туда». Он знал, когда начались эти его пугающие срывы в странные сны: много — теперь уже много — лет назад. Когда он еще совсем маленьким мальчиком вернулся домой с прогулки. Вернулся один.

С тех давних пор все ночи его были ночами какого-то странного старания... Натужного усилия — не ступить в запретный круг снов. Не провалиться туда... Усилия, заканчивавшегося всякий раз забытием беспамятства.

Почти всякий раз.

Теперь что-то поломалось в нем — он чувствовал это. Что-то не выдержало долгого, очень долгого сопротивления. Или — что-то явилось извне. Со стороны. Что-то, что ждало своего часа все эти годы. Явилось вместе с привычкой к черному чаю.

* * *

Ожидая, пока вода, превращаясь в крутой кипяток, зашумит в чайнике, он рассматривал в стекло широкого окна ночной город. Еще в детстве — тогда, — сидя на этом вот табурете, старый Лорх сказал ему, что если захотеть, то ночной город можно принять за флот в походе: словно армада светящихся иллюминаторами грозных боевых кораблей, отражался город в тихих водах залива. Неподвижно и в то же время с какой-то уверенной стремительностью, неотвратно шел и шел этот призрачный флот сквозь тьму к какой-то одному ему известной цели... Они — он, Руслан, и его брат Эл — вместе с Лорхом любили фантазировать ночью, сидя вокруг этого тяжелого кухонного стола, такого уютного, что с ним не расставалось вот уже которое поколение Рядовых. Иногда к ним присоединялись родители.

* * *

Заваривал чай Рус по-своему — с приемами и заклинаниями.

Приемам и заклинаниям его научил, конечно, Лорх — он немало постранствовал по Обитаемым Мирам, старик Лорх, и многого нахватался там. Рус и Эл любили не только его

рассказы. Не меньшее удовольствие им доставляли всяческие умения, навыки и приемы, которыми старина Лорх щедро делился с ними при каждом подходящем случае. Жаль, что все развалилось после того, как не стало родителей. Да нет — еще раньше: сперва не стало Эла — и уже тогда все начало разваливаться. Он все реже заходил к ставшему взрослым Русу — старый Лорх. Может и не зайдет никогда больше. Где он сейчас — Лорх Коули?

Рус тоже много путешествовал. И в детстве — с родителями и друзьями, и потом — когда выбрал себе судьбу Посредника. Но теперь это были совсем другие путешествия: путешествия клерка по казенной надобности. Льготные, впрок заказанные билеты и номера в гостиницах — по сходной цене и с гарантированным уровнем услуг. Офисы партнеров «Трансгалактик», которой верой и правдой Рус служил уже не первый десяток лет. Минимум экзотики из окон экскурсионных автобусов — традиционная дань гостеприимству от принимающей стороны. Скука по вечерам — перед экраном ТВ с его непонятными местными новостями и осточертевшей рекламой или в баре гостиницы за строго дозированной выпивкой с полужнакомыми типами, которых встречал когда-то на другом краю Обитаемого Космоса, в точно таком же баре «для взрослых»: полутьма, тихая музыка, «окна новостей», мерцающие над челом настоящего — никаких сервисных автоматов — бармена, консервативно одетая публика, анекдоты на грани непристойности — все очень респектабельно и уныло. Гостиничные бары одинаковы по всей Галактике. Одинаковы офисы, залы Космотерминалов и экскурсионные автобусы.

«Странствия не излечат тебя...» Кто-то сказал это первым. Кто-то из древних...

Это были совсем не те путешествия, о которых рассказывал Лорх. Старина Лорх, с которым они с братом в детстве — таком далеком и таком огромном — обошли все тропинки и все полянки заповедных лесов вокруг их родного города. Старина Лорх, который где только не побывал на своем веку. Невероятно долгом для Разведчика веку...

Впрочем, была и связующая нить с теми — настоящими — странствиями — тонкая, но для Руса очень важная, — как отдушина, форточка, открытая туда — в небо далекого детства...

Нащупать эту ниточку ему удавалось, когда приходилось застревать на неделю-другую в каком-нибудь из Миров, ожидая, пока будет переделана та или иная бумажка из множества совершенно необходимых для подписания очередного контракта, договора о намерениях или еще каких-нибудь документов в этом роде, ради чего стоит сгонять человека в другой Мир. Такой же уныло благоустроенный и идиотски благополучный, как и тот, что приходится покидать ради этого. Дни вынужденного безделья — не такие уж и редкие, если разобраться, — были для Посредника Руслана Рядова цепочкой волшебных зеркал, в которых проступали иные миры — вовсе не такие, каким был мир странствующих клерков.

Собственно, Рус не совершал в такие дни ничего экстраординарного: он ходил по музеям и библиотекам. По лавкам с сомнительным антиквариатом, о существовании которых ему рассказывали такие же, как и он, чудаки или более странные личности, встречавшиеся в кварталах магазинчиков, где можно было найти все, что душе угодно, — от самого настоящего камня с письменами Империи Зу до черепа псевдогуманоида с Фомальгаута... И еще Рус разыскивал людей — интересных людей, которые прожили в этих Мирах, в которые он, Рус Рядов, приходил на считанные дни, всю жизнь. И могли многое порассказать об этих Мирах. И о других интересных людях, с которыми им приходилось встречаться, — о людях из других Миров, часто — довольно далеких. Рус хранил эти рассказы в дневниках, безжалостно загружая память своего ноутбука, — и в своей

собственной памяти, а попав в какой-либо из новых для него Миров (а всего он побывал в двенадцати из Тридцати Трех), он старался разыскать их — рассказчиков странного и находил — все новых и новых.

Про самых первых интересных людей рассказал ему Лорх. С годами Рус стал забывать про это обстоятельство. Только сейчас, после странного сна, пришедшего к нему этой ночью, он вспомнил про это.

Со временем Рус узнал, что их довольно много — таких, как он, — тех, кто интересовался Теневой Стороной жизни Обитаемого Космоса. Они изредка встречались, обменивались информацией: редко — письмами, чаще намеками... Они были разными людьми — и по характерам своим, и по целям, которые ставили перед собой, и — наверное, это было главным — по той движущей силе, что гнала их от Мира к Миру...

Сам Рус редко признавался себе в том, что двигало им. Он боялся снова и снова делать себе больно, потому что когда-то давно, выбирая профессию и судьбу, он загадал найти, вернуть из небытия Эла, своего брата, который исчез.

Надежда эта давно — тоже уже давно — умерла в нем, и от этого ему было особенно больно. И боль эта гнала его из Мира в Мир. И он все искал и искал брата, которого потерял в редком лесу, на берегу злого осеннего моря.

* * *

Вот и в том сне — Рус начал вспоминать его, словно собирая диковинную мозаику, — он неуверенно, неловко брел по серому берегу. Набегали свинцовые волны. Мелкая солоноватая изморось оседала на губах, камни под ногами шатались, ему приходилось перескакивать с одного на другой, вдруг оказалось, что идет он совсем не туда, куда хотел, а все дальше забирает от черных голых деревьев прибрежного леса — к соленой воде. Он растерянно остановился.

— Эл! — крикнул Рус в сторону леса. Срывающееся, неуверенное эхо ответило ему.

— Эл!! — крикнул он снова. — Эй, Эл!!!

И как тогда — страшное, вперед событий забегающее ощущение... Знание того, что они больше не встретятся, пришло к нему в студеном ясном воздухе осеннего дня. Пронзило его тоской — той, что если раз кольнет тебя в сердце, то до конца будет с тобой... Он отвел глаза от леса, повернулся к жемчужной полосе берега, скользнул вдоль нее взглядом и встретил ответный взгляд Лорха.

Тот сидел на валуне довольно далеко от Руса и терпеливо ждал.

И Рус пошел к Лорху — теперь камни под ногами помогали ему. Лорх неторопливо откинул капюшон и коротким жестом сухой, властной руки указал ему на место рядом с собой. Осторожно и нехотя Рус устроился на жестком камне. Получилось так, что они сидели теперь вполоборота друг к другу трудно было смотреть в глаза собеседнику. Только холодное серое небо все время притягивало к себе взгляд.

— Ты давно уже ищешь брата... — сухо сказал Лорх, чертя что-то концом посоха в мелкой гальке под ногами.

— Да, давно, — согласился Рус, стараясь, чтобы громадный ненастный горизонт не проглотил его душу, не растворил его, Руса, в себе. — Давно. Теперь уже — дольше, чем мы жили с ним вместе... Много дольше...

И с неожиданной для самого себя откровенностью добавил:

— Иногда мне кажется... Что если бы я точно знал, что... что его нет. Что его что-то убило тогда. Или что он сам погиб... Мне кажется, что лучше бы было уж так...

Они оба помолчали.

— Ты устал искать брата, Рус... — почти без интонации в голосе сказал старик.

То был уже не только вопрос... Почти утверждение. Но Рус покачал головой.

— Не знаю — устал или нет, но я все ищу его и ищу... И до конца буду искать своего брата Эла, который исчез. Это теперь — моя жизнь. А по-другому я жить не умею и...

Он замолчал.

— И все-таки душа твоя устала, Рус... — после долгого молчания опять сказал Лорх. — Люди не замечают этого — того, когда они подходят к... к Перелому... К тому времени, когда пора... выбирать.

— Что выбирать?! Что?! — сорвавшись, закричал — там, во сне, — Рус и от крика своего проснулся.

Снова на опушке редкого черного леса. И снова холодеющее море сыпало ему в лицо соленую водяную пыль. И он снова и снова окликал брата, как будто тот только что, пока Рус, отвернувшись к берегу, думал о чем-то своем, отошел за редкие черные деревья и не вернулся больше. Сейчас, а не двадцать один год назад...

Странно, Рус не мог вспомнить потом, действительно ли это было тогда, вправду ли Эл за несколько минут до того, как они расстались (навсегда? НАВСЕГДА?!), положил ему руку на плечо и сказал: «Ты постарайся тут, Рус, справиться... Без меня. Меня больше не будет, ты понял?...» Или это приснилось ему, Русу, когда он долго и тяжело заболел потом, после того как вернулся один с прогулки, на которую они отправились вдвоем...

Его родители все тогда сделали, чтобы найти Эла: и полиция прочесала этот редкий лесок у моря, допросила всех, как могла допросить по делу об этой странной пропаже, и объявления были посланы по всем информационным сетям. И они снова и снова возобновляли свои запросы в разные инстанции... Но Эл не вернулся.

Рус видел, что мать и отец очень переживают из-за этого. И из-за того, что он сам — Рус — заболел после исчезновения своего брата. Стараются уберечь его. Он тоже старался помочь, подыграть им: делал вид, что не замечает, что в доме нет ни вещей Эла, ни каких-нибудь старых фотографий. Должно быть, мать убрала все это подальше. Родители никогда не говорили при нем про Эла. Даже в той комнате, где жил Эл, была теперь просто библиотека. Библиотека из старинных — на бумаге отпечатанных — книг. И все.

Но в то же время Рус чувствовал, что и родители, и инспектор Вронски из полиции, и, наверное, все, кто так или иначе знал его и Эла, ждут от него, Руса, что он раскроет им свой секрет. Расскажет про то, что же на самом деле случилось с двумя мальчиками в редколесье на берегу.

А когда так неожиданно для него их вдруг не стало — матери и отца, в один год, — странное чувство стало посещать его, став на какое-то время навязчивой болезнью: что он наврал, придумал это — этот лес и этот гаснущий в наступающем сером сумраке окрик: «Эл!.. Эй, Эл!!!» Что и самого Эла он придумал во время той странной, тяжелой болезни. Что на самом деле у него никогда и не было брата.

Камни гулко шевельнулись у него под ногами. Чайка выкрикнула что-то свое, зависнув над полосой прибоя, соленый ветер бросил пригоршню водяной пыли ему в лицо.

Чтобы удержаться на ногах, Рус перескочил на соседний камень, с него — на другой. А

потом зашагал по мокрой гальке, которую раз за разом окатывал прибой. — к человеку, чго ждал его на валуне немного поодаль.

Это был не старый Лорх. Доктор Кросс терпеливо ждал его, вычерчивая что то своей черного дерева тростью по мокрой гальке.

— Ты промочишь ноги, мальчик, — сказал он, вовсе не собираясь, наверное, уберечь Руса от простуды, а только для того, чтобы начать разговор. — Садись здесь и рассказывай, что у тебя...

Он взял узкую ладонь Руса в свои теплые, надежные руки, и Рус послушно сел вполоборота к нему, на гладкий черный камень.

— Я не мальчик, — сказал он. — Уже давно. И уже давно не хожу к вам на сеансы психотерапии, доктор Кросс. Я выздоровел — уже много лет, как я выздоровел...

Он отвел глаза от тускло блестевшего стального пенсне доктора и стал смотреть под ноги. Волны прибоя захлестывали подножие валуна и кожаные мокасины доктора Кросса. Но тот не боялся промочить ноги.

Когда Рус поднял на него глаза, доктор морщась потирал лоб.

— Ничего... — Он коснулся длинными пальцами белесого шрама над левой бровью. — Уже заживает. Проходит. Здесь быстро все проходит...

И, помолчав, добавил:

— Не хорохорься, мальчик. Для меня ты навсегда останешься мальчиком... И я всегда лучше буду знать — выздоровел ты или заболел. Я, а не кто-нибудь еще... Ты веришь мне?

— Да, — чуть запнувшись, ответил Рус. — Я верю вам, док. Простите. Ведь и вы, вы доктор, единственный, кто по-настоящему верил мне... Все остальные... Им всем кажется... казалось тогда, что я что-то скрываю, не рассказываю им про то, что... было тогда... А вы — верили мне...

— Это потому, Руслан, что ты и вправду рассказал мне кое-что такое, что не рассказывал другим. Ты и себе не рассказал этого... Ты просто не понимаешь этого сейчас. Но это так. И нам снова надо поговорить с тобой...

Доктор умолк, доверительно сжав ладонь Руса.

— На чем мы остановились, мальчик?

— На том, что пришла пора сделать выбор, — ответил Рус. — Перелом... Ты сказал, что, мол, душа пришла к Перелому...

Для него совершенно не имело значения, что это Лорх говорил про то, что пришла пора выбирать, а совсем не доктор Кросс.

У сна — свои законы.

— Выбор... — Док задумчиво потер лоб. — Ты уверен, что сможешь его сделать? И что хочешь этого — сделать выбор?

Рус промолчал.

— Плохое время наступает для тебя... — Док опять чертил тростью по мокрой гальке. — Но надо пройти через это — иначе то, что было пока что твоей бедой, твоей болезнью, никогда не станет выходом... Развязкой. Надо пройти через Выбор.

— Что же я должен выбрать? — глухо спросил Рус. — Что?

Но он знал, что вопрос его фальшив: он уже знал, о каком выборе идет речь.

— Мне кажется... — медленно произнес доктор Кросс, глядя куда-то за горизонт, — мне кажется, что... Прости меня, мальчик, но мне кажется, что подсознательно ты не хочешь найти Эла. Своего брата. Боишься этого...

— Почему?!

Рус почти выкрикнул это. Потому что это было правдой.

— Ты боишься встретить своего брата, потому что боишься встретить себя самого — такого, каким ты не состоялся... И ты боишься того, что встреча эта будет для тебя разочарованием... Хуже, чем разочарованием...

Рус вскочил. Руки его автоматически сжали готовый разорваться череп.

— Не-е-е-т!!! — заорал он, не понимая толком, что же он все-таки отрицает, отталкивает от себя этим своим криком, от которого и проснулся. Всего полчаса назад.

Странно это было и дико: ведь, собственно говоря, ничего страшного с ним и не приключилось в этом продутом осенним ветром сне — ясном и пасмурном одновременно... Никто не гнался за ним по темным коридорам, не заточал его в подземелье, не поджидал во тьме. Была только тоска по брату и осознание какой-то иной, не той, что записана в анкетах, резюме и автобиографиях, правды о себе...

Мутный рассвет таял за окном. Рус прошел в кабинет, взял со стола трубку блока связи, набрал номер и попросил робота-секретаря записать его на прием к доктору Гансу Кроссу. На ближайшее свободное время.

— Вашу просьбу исполнить невозможно, — сообщил ему секретарь. — Господин Кросс давно не практикует. Кроме того, он умер шесть дней назад.

Глава 1

МЕМОРАНДУМ БЕГЛЕЦА

В тот день Рус не пошел в дом старого доктора. Он как-то не мог собрать воедино свои мысли. Да и работа заняла у него неожиданно много времени. Должно быть, он был слишком рассеян. А следующий день был субботой, и временем своим он мог распорядиться чуть более свободно, чем в другие дни недели.

До дома доктора ему не надо было ехать городским транспортом. Они с доктором жили неподалеку — в двух кварталах друг от друга. Правда, вот уже лет шесть-семь они не встречались.

Ничего уже не говорило никому из прохожих о том, что хозяин аккуратного — под красный кирпич — особняка на Парковых аллеях недавно покинул мир. И лицо девушки, что отворила Русу, поднявшемуся на крыльцо, парадную — со стеклом и полированной бронзой — дверь этого особняка, было светло и дышало радостью жизни.

— Хозяйка просила не беспокоить ее... — сообщила она неожиданному посетителю.

Вот как, теперь у дома дока Кросса была хозяйка. Не хозяин. Оно и понятно, ведь кому-то же он должен был достаться — хорошо построенный дом в престижном районе. Скорее всего — наследникам. А кто должен был стать наследником доктора?

Родители Руса дружили с Кроссами — именно поэтому док и лечил его тогда, когда исчезновение Эла свалило Руса в постель. В те времена док Кросс был почти что членом семьи Рядовых. И всех Кроссов Рус знал наперечет. Так что Рус вполне мог предположить, кто теперь стал «госпожой хозяйкой» дома доктора Кросса. «Неужели маленькая Мод? — растерянно подумал он. — Хотя какая уж она теперь маленькая — столько лет прошло...»

— Тогда я не буду вас беспокоить, — Он вежливо притронулся к шляпе. — Видите ли, я только вчера узнал, что господин Кросс... э-э... умер. Я хорошо знал его и хотел...

— Это было в новостях, — погрузнев, сообщила ему девушка. — Вы... были клиентом доктора? Или будете из родственников?

— Я... — Рус чуть замялся. — Ну, скорее мы были с доктором друзьями... Передайте хозяйке, что заходил Руслан Рядов... Рус. И...

— Стоп, — остановила его девушка. — Если вы — тот Рус, то... Обождите минутку...

Постукивая каблучками, она исчезла внутри дома и, если судить по звуку, вознеслась куда-то по лестнице. С минуту так и не получивший внятно выраженного предложения войти Руслан растерянно стоял на пороге, а затем, все-таки решившись толковать правила этикета в свою пользу, прошел в такой знакомый ему вестибюль, притворил за собой дверь и принялся рассматривать дубовые панели стен и резные перила галереи, окаймлявшей зал по периметру второго этажа. На этой галерее и появилась спустя несколько минут взрослая Мод.

— Господи, Рус! — воскликнула она.

* * *

— Вы так давно не были у нас... — Мод подхватила подносик с панели сервисного автомата и стала расставлять на столе чашечки с горячим кофе. — Вы не знакомы с Энни?

Девушка, что открывала Русу дверь и которую он принял за горничную (хотя живые горничные остались, наверное, только в телесериалах), покраснела и приветливо кивнула ему.

— Это моя племянница. Из Дублина. Я пригласила ее пожить со мной, пока... Знаете, я теперь совершенно не могу оставаться одна в доме — после того, что произошло...

— А... а как это все-таки вышло?

Рус старался говорить как можно деликатнее.

Мод дернула плечом:

— Я не верю, что это было самоубийством. И полиция тоже не верит. Нет... никаких оснований думать так. У отца не было ни причин, ни... Одним словом, это было почти полной неожиданностью... И пистолет этот... Папа не держал огнестрельного оружия в доме. Я бы непременно знала. И на руках у него не нашли следов пороха. И потом — так не убивают себя. У него пуля вошла под углом, в голову...

— Вот тут? Над левой бровью? — неожиданно сам для себя показал Рус.

Мод вздрогнула.

— А-а... А вы откуда знаете это, Рус?

— Вы... Вы сделали движение такое — словно прическу поправляли... И мне показалось...

Рус не был убежден в том, что говорит неправду. Но в том, что если это и правда, то не вся, он был уверен на все сто.

— Ты... Вы всегда были очень наблюдательны, Рус... У вас — чутье.

— Ну и что думает полиция? — после небольшой паузы спросил Рус, разглядывая чашечку с недопитым кофе. — И что думаете вы обо всем этом?

— Не знаю. — Мод отошла к окну, отвернулась. — Не могу представить такого человека, для которого отец...

Ее плечи дрогнули.

— Ну... — Рус пытался найти верные слова. — Ведь доктору постоянно приходилось иметь дело с людьми, страдающими разными... нарушениями психики... Может, кто-то из них...

— Нет... — Мод, не поворачиваясь от окна, опять дернула плечом. — Я не помню никого, кто был бы настолько... болен. И потом... Последние годы отец не практиковал. В основном государственные программы и фирмы, которые... Которые были с этим связаны...

Мод шмыгнула носом и нервно достала платок.

— В полиции думают...

Они обменялись с племянницей выразительными взглядами. Взгляд Энни говорил: «А стоит об этом при посторонних, Мод?» Взгляд Мод ответил: «При Русе можно — он свой, Энни».

— Лейтенант Молинар говорит... Что, может быть, отец узнал что-то лишнее... Что-то слишком для кого-то важное... В этих программах вертелись большие деньги, и отец... Он действительно нервничал из-за всего этого... Но все-таки то, что случилось... Никто не ожидал этого...

— Вы сказали... — Русу вдруг стало как-то неловко чувствовать себя в шкуре сыщика-любителя: ведь речь шла не о пропавшем кошельке. — Вы сказали, что это было почти полной неожиданностью... Почти...

Мод резко повернулась. Но в лицо Русу почему-то не посмотрела. Она сосредоточенно

смотрела себе под ноги, словно что-то не так было с шершавым дорогим пластиком покрытия пола.

— Это... Это... Дело в том, что... это может быть как-то связано с вами, Рус...

Она сложила руки в замок и, не разжимая их, сделала ему знак подождать немного и быстро вышла.

Энни кашлянула и занялась перекладыванием опустевших чашек в посудомоечный агрегат. Не столько для того, чтобы отбить хлеб у проявляющего признаки справедливого возмущения сервисного робота, сколько для того, чтобы избежать взаимного разглядывания с несколько ошеломленным Русом. Этого ее занятия хватило ровно на то, чтобы дожидаться появления Мод.

Девушка вошла, решительно сжимая в руках большого формата желтый конверт. Плотно набитый и украшенный ярлыком «Вскрывалось полицией». Адреса на конверте не было, только выведенная надпись: «Для Руслана Рядова».

— Отец... — сказала Мод, присаживаясь на краешек стула. — Отец нервничал последнее время... И... Буквально за несколько дней до того, как... Он вечером — ночью уже — я, помню, легла спать, читала в постели... Так вот, отец зашел ко мне и попросил вот этот пакет сохранить у себя... И... и передать тебе, Рус, если что-нибудь случится. Я очень удивилась тогда...

— И почему... — Рус взял конверт из рук Мод и неловко покрутил его перед глазами, разглядывая. — Ведь прошла уже неделя, а вы даже не позвонили мне...

— Понимаешь, Рус. — Мод неуловимым движением поправила упавшую было на глаза прядь волос. — Мне показалось все это таким странным... Я рассказала об этом следователю... И они на несколько дней взяли эти бумаги на просмотр. Оставили расписку и все такое... А вчера... Нет, позавчера еще раз зашел лейтенант Молинар — он ведет это дело — и вернул конверт. Они там считают, что эти бумаги, скорее всего, никакого отношения к делу не имеют. Но... Но лейтенант просил тебя с ним проконтактировать — так он выразился... Если ты найдешь это необходимым...

Она торопливо вспорхнула из-за стола и принялась искать что-то в своей сумочке, брошенной на небольшом столе у входа. Потом вернулась и протянула Русу визитную карточку лейтенанта.

— Еще он добавил — потом уже, — что не понимает, зачем доктору Кроссу понадобилось знакомить своего бывшего пациента с такими материалами... Что, может, господину Рядову и не надо бы знать того, что там написано... Это лейтенант Молинар так сказал. Я не знаю, что он имел в виду... Я-то ведь в конверт не заглядывала: раз отец мне его дал запечатанным, значит, он и не хотел, чтобы... И я как-то растерялась... И знаешь, Руслан, у меня такое чувство было, что ты уехал... Далеко куда-то. Ты так давно перестал к нам ходить... И даже, когда по ТВ было про смерть отца... В общем, я... еще ничего для себя не решила, как быть с этими бумагами, а тут и ты пришел... Извини, что так получилось...

— Да нет, ничего... Это, вообще, странное какое-то дело... Ты знаешь, Мод, мне доктор совсем недавно приснился... Удивительный был сон такой... И я решил зайти поговорить... И — вот...

Он решительно переложил конверт в другую руку, встал.

— Я... прочитаю это один. И потом, наверное, мы поговорим еще. А сейчас... До свидания.

— До свидания, Рус, — глядя ему в глаза, сказала Мод. — Я попрошу тебя... Будь

поосторожнее. Я не знаю почему, но мне вдруг страшно стало за тебя...

* * *

У Руса было нехорошо на душе: его донимало ощущение, что он делает что-то не то и не так. И какое-то глупое и оскорбительное подозрение посетило его — пару раз дома и на службе. И еще раз — когда он полез в отделение для перчаток своего кара. Будто кто-то порылся в его вещах. Полистал его блокнот и не на место вставил заложенные в него бумажки, переложил в другом порядке листки распечаток в ящиках письменного стола, разворошил канцелярские мелочи в выдвижной коробке. И все такое...

— Невроз, — сказал себе Рус, закрывая за собой двери дома доктора Кросса. — Анализ бесконечно малых. Таких вещей, на которые обращают внимание только нервнобольные и спецагенты из бойскаутов... Таких вещей, как вот то, например, что, когда я входил в дом, напротив дверей, чуть в стороне, точно так же, как и сейчас, стоял серый «ауди». И мрачный тип за рулем пялился из него на меня как сыч. Вот так, как и теперь пялится.

Читать бумаги доктора Кросса Рус стал в городском саду, на скамейке. Ему не хотелось оставаться совсем одному с самим собой.

«Мне очень трудно сделать это, мой мальчик, — писал ровным, мелким стариковским почерком старый доктор Кросс. — Но если есть то, что называют словом «тот свет», то там мне будет спокойнее, если я оставлю после себя на земле меньше лжи. Я долго верил в то, что есть ложь черная, злая — на корысти замешанная, а есть и добрая — та, что во благо, необходимая порой для того, чтобы как-то оправдать для человека его существование, которое при свете одной лишь истины может представиться ему бессмысленным, а то и вовсе невыносимым... Но пришло время разувериться и в этой иллюзии. Те дела, в расследовании которых мне пришлось участвовать в последнее время, порядком изменили мой взгляд на вещи. Боюсь, что моя ложь во спасение принесла тебе много зла. И еще принесет. Конечно, я лгал не одному тебе и, вообще, лгал не только своим пациентам... В жизни часто приходится лгать. Но эта — бытовая ложь по мелочам, — наверное, простится всем нам. А твой случай — особый, Руслан. Прочти мои заметки, которые я вел несколько лет подряд, — распечатки того, что я надиктовал киберсекретарю в файл твоей истории болезни. Ну и некоторые связанные с этим материалы. Постарайся быть как можно хладнокровнее при чтении. Прости, если сможешь, старого дока Кросса и вооружи себя против той беды, что может прийти к тебе».

Рус отложил в сторону листок письма и неприятно дрогнувшими пальцами открыл тощую светло-коричневую папочку со своим именем, оттиснутым на тонком картоне, и с датой того дня, когда друг отца, Ганс Кросс, стал еще и его лечащим врачом. Строка для даты окончательного излечения оставалась пустой.

«Сегодня, — рассказали ему убористые строчки распечатки текста, полученного тем — первым — днем, — Алексей Рядов привел ко мне своего приемного сына Руслана. Приходили они, собственно, всей семьей, но Рита сказала мне не больше полудюжины слов: слишком убита тем, что их затея с усыновлением ребенка потерпела такой жестокий и неожиданный крах. Они действительно не заслужили такого. Еще пару дней назад, когда они привезли парнишку знакомиться со мной (а точнее, с его сверстницей — Мод), это был вполне здоровый и жизнерадостный маленький человечек, полный своих, чисто детских,

забот и чувств. То, что его отцом и матерью теперь будут эти раньше совершенно незнакомые ему люди, казалось, нимало не тяготило его. Он, кстати, удивительно похож на обоих Рядовых — и на Алексея, и на Риту. Я, помнится, даже подумал тогда, что ставший мне сразу симпатичным мальчишка, может быть, чуть более черств эмоционально, чем следует... Тем более разительной была происшедшая с ним перемена...»

Рус на минуту прикрыл глаза.

Потряс головой, еще раз пробежал глазами по словам: «...привел ко мне своего приемного сына Руслана».

«Приемного...»

Чтобы сбросить с себя ощущение нереальности происходящего, он продолжил чтение.

«Это было теперь совершенно иное существо, — рассказывал дальше доктор. — Больное и несчастное. Остро и глубоко несчастное. Мне как-то не хотелось верить в то, что этим двоим снова так не повезло. Первого их сына три года назад отняла у них Темная Вера и наркотики, а когда с таким трудом они добились разрешения на усыновление чужого ребенка, его грозит забрать безумие. Путь этих двоих по жизни и без того был достаточно сложен, и я испытываю к ним горячую симпатию...»

Первое, о чем я спросил Алексея после того, как выслушал его довольно растерянный рассказ, а затем — вконец запутанный, сбивчивый рассказ самого мальчика, не дознался ли Руслан каким-то образом до истории своего старшего брата, того, которого он никогда не видел и который существовал на самом деле. В отличие от того, которого Руслан создал в своем воображении. Нет, ничего подобного — Руслан не узнал за то не слишком долгое время, что провел в доме Рядовых, никаких страшных тайн, не нашел ни одного скелета в шкафу... Все, что произошло, было совершенно неожиданно и напоминало страшный сон».

Дальше шли страницы, отпечатанные другим шрифтом и на другой бумаге. Датированы эти записи были уже годом, Гораздо более близким к текущему. В верхнем правом углу страницы была сделана от руки пометка: «Русу». Текст без всякой преамбулы — возможно, с середины.

«Факты были таковы: почти год Руслан жил в доме своих новых родителей вполне благополучно — никаких экстраординарных событий или происшествий с ним не произошло. Мальчик неплохо учился, приобрел новых друзей, довольно хорошо ладил с людьми, хотя все отмечали, что он замкнут, может долго обходиться без общения со сверстниками. Были и другие особенности в его поведении, которые можно было трактовать двояко, но ничего такого, что внушало бы тревогу: самый обычный десятилетний мальчишка — вот и все. В один из последних солнечных дней осени этот мальчишка не вернулся с прогулки по побережью, здешнему, еще сохранившему тепло лета побережью, до которого за пятнадцать минут можно добраться на городском автобусе, а пешком — меньше чем за час. Алексей с несколькими друзьями и добровольными помощниками на ночь глядя стали уже прочесывать реденький лесок, когда без вести пропавший объявился сам. Нельзя сказать, что благополучно объявился — Рус явился домой зареванный и дрожащий нервной, неудержимой дрожью.

На этом месте истории в нее и вхожу я... Меня пригласили в дом Рядовых, чтобы вытянуть мальчика из глубочайшей психической комы. И я, а точнее — я и старый добрый набор лекарственных средств с делом справились. Только вот то, что стало происходить дальше, вовсе не успокаивало. У Руса появился брат.

Травмированное чем-то — но чем? — его воображение неожиданно породило

невообразимо странный фантом: брата по имени Эл. Эл был близнецом Руса. Они родились и росли вместе в семье Рядовых. Подсознание Руса начисто вытеснило из его памяти начало его жизни, то, что было до его усыновления. Теперь Рус был твердо уверен, что он — настоящий сын Алексея и Маргариты Рядовых. Он создал в своем воображении никогда не существовавший мир своего детства. И все в этом мире было связано с братом. Братом, с которым он в один осенний день отправился гулять на побережье. А вернулся — один.

Я много видел всякого за время своей работы, но такого детально разработанного, многопланового случая самовнушения ни разу не встречал. Мальчик был настолько уверен, что на самом деле лишился реально существовавшего брата, что — признаюсь честно — заразил этой своей уверенностью и меня. Я никогда не признавался ни ему, ни его приемным родителям в тех — совершенно лишенных логики — сомнениях, что охватывали мою душу. Сам не зная, что я, собственно, хочу узнать, я поднял и внимательнейшим образом просмотрел все материалы, связанные с судьбой Сергея Рядова, того его брата, о существовании которого он не знал и знать не мог.

А потом я сделал запрос в интернат, из которого пришел в дом Рядовых воспитанник Руслан. То было не так уж глупо — ведь если откуда-то и пришел в жизнь Руса этот его «виртуальный» брат, так вернее всего — из его реальной, настоящей жизни. Той жизни, которую что-то в его подсознании решило намертво перечеркнуть, запретить где-то в темном пыльном тайнике души, ключ от которого был выброшен неведомо куда. Разумеется, я внимательнейшим образом изучил и то досье, что Комиссия по усыновлению предоставила семье Рядовых. Оно было хорошо известно мне, я знакомился с ним — на правах семейного врача Рядовых — еще тогда, когда о беде не было и речи... Помню, что меня тогда чуть удивило — на долю минуты, не более — имя «закрепленного педагога», подписавшего рекомендацию к усыновлению Руслана Манцева (его биологическими родителями были Светлана и Леонид Манцевы, погибшие при аварии рейса Альтаир — Система) «Закрепленного педагога» звали Алан Доржиев, и известен он мне был совсем в ином качестве. Теперь я снова вспомнил о нем.

Мне пришлось сделать отдельный запрос, касающийся этого моего старого знакомого, для чего потребовался специальный допуск. К счастью, допуск этого уровня у меня есть — как-никак я чуть ли не старейший член Постоянной Комиссии Парламента по контролю над биомедицинскими разработками. Да, это оказался именно тот Алан Доржиев, с которым мне пришлось познакомиться, когда я консультировал следствие по одному весьма запутанному делу с довольно долгой предысторией.

Никогда прежде, до истории с усыновлением Руслана, он не выступал ни в роли «закрепленного педагога», ни в роли рекомендующего лица в вопросах усыновления. Я позвонил в секретариат Контрольного Комитета (полковник Алан Доржиев проходил именно по этому ведомству в те времена, когда я знал его) и попросил о встрече с Доржиевым. Ждать ответа мне пришлось не одну неделю. Наконец письмом, присланным с фельдкурьером, мне довольно любезно ответили, что генерал-лейтенант медслужбы в отставке Доржиев готов встретиться со мной в любое удобное для меня время в пансионате «Киви». Это оказалось в Новой Зеландии. Наш мир, конечно, мал, и другое полушарие — не Дальний Космос, но на то, чтобы навестить старину Алана, мне понадобилось не так мало времени. Правда, я внимательнейшим образом проработал доступную мне информацию о предыстории появления Руслана в семье Алексея, но работа эта, как выяснилось потом, оказалась совершенно напрасной.

В пансионате «Киви» я, признаться, ожидал увидеть если не глубокого старика, то, по крайней мере, далеко не того подтянутого млазавого азиата, каким запомнил Алана по старым временам. У меня были основания судить так — я каждое утро смотрюсь в зеркало, когда бредусь.

Однако я недооценил современную медицину, а может, просто монгольские гены: Алан почти не изменился с тех пор, как я видел его в последний раз... Разве что стал суше. И не так весел...

Он не сразу понял, зачем к нему пришел я. А когда понял, то резко изменил тон разговора. Сперва Алан был дружелюбен, сух и дипломатичен. В точности так же дружелюбен, сух и дипломатичен, как и тогда, когда сидел со мной за одним столом в комиссии, разбиравшейся в чудовищных делах, что творились в орбитальных лабораториях «Проекта Линкольна». Но только до того момента, когда я достал из своего неизменного — адвокатского и докторского одновременно — кейса тонкие папки с твоим, Рус, именем, оттиснутым на пластике их обложек. Интересен был сам момент перехода: когда Алан увидел эти папки, странная смесь разочарования и какой-то невеселой радости возникла на его лице, словно он дождался чего-то достаточно неприятного, чего-то такого, чего ждал так долго, что само ожидание стало ношей, гораздо более тягостной и болезненной, чем то, чего он так не хотел дожидаться...

Он даже вздохнул с облегчением. И махнул мне, приглашая присесть рядом с собой на прогретую солнцем скамью из ракушечника, на которую за минуту до этого неожиданно тяжело опустился сам. Подождал, пока я устроюсь поудобнее, и еще раз махнул рукой, на этот раз уже как бы отменяя отданную когда-то команду.

— Не обращайтесь внимание на эти бумаги, доктор, — вздохнул он с доверительным благодушием и аккуратно извлек из бокового кармана своего прогулочного костюма серебряную с чернью фляжку. Открутил ее мудреную крышку, распавшуюся на пару вместительных стопок, и пригласил меня угоститься женшеневым настоем. — Можете бросить их в печку, Кросс... — продолжал он. — Эти тексты не имеют никакого отношения к действительности. Расскажите-ка лучше мне по порядку, что приключилось с мальчишкой...

Он внимательно выслушал мой рассказ о брате Руслана Рядова по имени Эл.

— Мне стоило бы извиниться перед вами, док, — вздохнул он. — Извиниться за то, что вас так долго водили за нос. В том числе и по моей вине. Мне пришлось довольно долго доказывать моим шефам, что моя встреча с вами необходима для пользы дела. И что вы должны быть посвящены в некоторые секреты — ну хотя бы для того, чтобы не нанести вред вашему пациенту. Я говорю про Русика Рядова... Он, должно быть, уже сильно подрос?

Я кивнул. Конечно, малышное «Русик» уже не вязалось с образом долговязого тинейджера, которым ты, Рус, становился на моих глазах.

— Дело в том, Ганс, — продолжил Доржиев, переходя на более привычное меж нами в былые времена «ты», — что Рус Рядов — не совсем обычный мальчик. Он э-э... инфицирован. Не пугайся — это слово из нашего жаргона. Инфицирован в том смысле, что является носителем не совсем обычных свойств. Точнее — способностей. Притом потенциальным носителем. До какого-то определенного момента — всего лишь потенциальным... И он вовсе не выдумал этого своего брата. Он просто вспомнил о нем.

Мы проговорили с Аланом до поздней ночи.

Речь шла о вещах довольно сложных. Братья Манцевы — Руслан и Эл, близнецы, —

были частью проекта «Редкая птица». Алан часто говорил просто — Проекта. Очень небольшой его частью, но от этого не менее важной. Проект осуществлял один из институтов Спецакадемии, а курировал его федеральный Департамент обороны. В задачу исследований по «Редкой птице» входило обнаружение и дальнейшее изучение носителей так называемых Даров Предтеч. О Дарах этих рядовые граждане Федерации знали малое конкретного. Слухи о необычных способностях, «прорезающихся» у тех, кому выпало посетить такие оставшиеся от древних, не людьми основанные цивилизации Миров, как шарада, Джей или Прерия-II, или проживать в этих Мирах, бродили по всему Обитаемому Космосу издавна. Слухи эти обрастали невероятными домыслами и расцветались игрой фантазии многих поколений рассказчиков.

Под словом «Дар» рассказчики эти понимали обычно довольно широкий набор аномальных свойств — от «заурядных» телепатии и ясновидения до возможности путешествовать во времени и управлять явлениями природы.

Власти Федерации слухи эти не поддерживали, но и не стремились запретить их распространение — решение довольно мудрое, ибо всем известна сладость запретного плода. Так что каждый в отдельности взятый гражданин любого из Тридцати Трех Миров волен был верить или не верить в существование Даров Предтеч. Официальных сайтов в Сети или подобных изданий на твердых носителях, посвященных проблеме Даров, в Федерации не существовало, а издаваемые и поддерживаемые различными энтузиастами журналы и сайты по этой тематике заботливо заполнялись на девяносто девять процентов всяческой граничащей с бредом сивой кобылы ерундой, что автоматически отворачивало от них более или менее серьезную публику.

В отличие от рядовых обывателей, руководство «Редкой птицы» в существовании Даров не сомневалось. По простой причине — оно имело веские доказательства их существования. Сети Проекта были раскинуты по всем Обитаемым Мирам и довольно часто приносили удивительный улов. Каждого выявленного носителя того или иного Дара некоторое время квалифицированно «пасли». Сам того не зная, такой носитель проходил довольно жесткое тестирование, после которого, как правило, ему делали «предложение, от которого невозможно отказаться». Носителю Дара предлагали решение всех его житейских проблем и последующее безбедное существование в обмен на участие в исследованиях, ведущихся по Проекту.

Судьба принявших такое предложение складывалась по-разному. Конечно, Алан, при всей откровенности нашего с ним разговора, все-таки не мог сказать слишком многого. Тем более когда это «многое» напрямую не касалось той проблемы, что привела меня в пансионат «Киви». Знаю, что потеря здоровья, разума или жизни были платой за согласие выступить в роли лабораторной «морской свинки». А порой такой платой было участие в играх спецслужб, в которых тот или иной Дар выступал в роли козырного туза, припрятанного в рукаве одного из игроков. Участники же таких операций рано или поздно переходили в разряд нежелательных свидетелей, участь которых всем известна.

Ясно, что более дальновидные носители Дара, предвидя такую перспективу, либо изначально, обнаружив у себя некие «аномальные» способности, тщательно скрывали их от окружающих, либо, если уж попали в поле зрения «ловцов душ» от Проекта, всячески противились участию в нем. Но восходящие еще к традициям недоброй памяти Империи методы поиска и «убеждения» перспективных носителей Дара редко когда давали сбой.

Другое дело, что со временем выяснилось, что у «Редкой птицы» существуют и

конкуренты. И кое-кто из этих конкурентов — далеко не шуточный. Но об этом — немного погодя.

Оба брата Манцевы обнаружили некоторые косвенные признаки наличия Дара еще в очень раннем возрасте. Тогда же родителям руководством Проекта была предложена очень хорошо оплачиваемая работа на обитаемой станции «Альтаир-12». Там же, на одной из неосвоенных землеподобных планет в системе Альтаира располагался и один из исследовательских Центров Проекта. Речь идет о специализированном центре по работе с малолетними носителями Дара. Как ты понимаешь, Рус, родителям пришлось дать согласие на твое и Эла участие в исследованиях Проекта. До этого момента события развивались, как выразился Алан, по привычной схеме.

Затем начались неожиданности.

Выше я уже обмолвился о том, что по части отлова и использования обладателей Дара у Проекта нашлись конкуренты. Понятное дело, среди них оказалось несколько крупных корпораций, таких как «Дженерал трэндс», например. Но они не были особо страшны. С такими конкурентами Спеакадемия давно уже разделила сферы влияния и наладила систему обмена информацией. Так что тут речь идет скорее уж о партнерских отношениях, а не о конкуренции в ее чистом и незамутненном виде.

Настоящим серьезным конкурентом оказалось само средоточие аномальных процессов и магии — Мир Молний. Люди, связанные с исследованиями Даров Предтеч и экзоархеологией, знают — и часто не понаслышке, — что по Обитаемому Космосу снуют невидимые и никем не замеченные агенты этого страннейшего из Миров. Они очень хорошо организованы, между ними прекрасно налажена связь, они располагают средствами, чтобы оплатить услуги самых влиятельных лиц Федерации и услуги лучших специалистов любого профиля, в том числе и криминального. Ими основаны несколько предприятий и фирм в разных Обитаемых Мирах. Они руководят деятельностью ряда тайных сект.

Нам не известны их конечные цели. В большинстве случаев агенты не затрагивают интересов «сильных мира сего». Им нужны носители Дара. Заполучив их в свои руки, они чаще всего переправляют их в свой Мир. Однако иногда они идут на физическое уничтожение обладателей Даров Предтеч. Много раз они пытались проникнуть в исследовательские центры Проекта. Не знаю, какие меры принимают против этой напасти многочисленные «силовые структуры» Федерации. Алан высказался на этот счет в том смысле, что «к врагу пока что приглядываются и не спешат спугнуть его поспешно начатой стрельбой». Для простых же смертных присутствие в Обитаемых Мирах агентуры Мира Молний остается такой же тайной за семью печатями, какой до недавнего времени было присутствие среди нас агентуры Тартара.

Впрочем, я слишком отвлекся на объяснения.

Суть начавшихся неожиданностей состояла в том, что на борту транспортного корабля, на котором семья Манцевых была отправлена в систему Альтаира, оказалось четверо наемников, подкупленных, по всей видимости, агентурой Мира Молний. Они предприняли попытку захватить корабль, чтобы захватить или уничтожить двоих малолетних Манцевых. Это им почти удалось. Но твои родители, Рус, проявили незаурядное мужество, и вас удалось спасти. Правда, ценой их жизни. Вам двоим пришлось около недели провести в изолированном от остальных помещений корабля отсеке, прежде чем прибыла помощь. Вы оба находились в состоянии сильнейшего эмоционального шока. А вдобавок — пребывали на грани физического истощения.

В таком состоянии вы были доставлены в исследовательский центр «Кречет», расположенный на той самой пребывающей в первобытной дикости планетке. Вас интенсивно лечили. Физическое здоровье удалось полностью восстановить у вас обоих. Что до состояния психики, то ты хуже, чем Эл, перенес свалившееся на вас испытание. Было решено применить к тебе гипнотерапию. А именно — метод замещения истинной памяти памятью ложной. Супруги Рядовы, штатные сотрудники «Кречета», взяли на себя роль твоих с Элом родителей. Вы не были одиноки там, у далекого Альтаира. В исследовательском центре было собрано около пятидесяти ваших сверстников, отношения у вас с ними складывались ровно. Кроме того, обоих вас курировал крупнейший специалист по работе с детьми — носителями Дара доктор Лорх Коули. Он — в течение нескольких лет — провел с вами огромную работу и определил примерные характеристики ваших Даров и тот возраст, в котором они должны были проявиться. У Эла этот возраст был уже близок. У тебя формирование полноценного Дара было отнесено на гораздо более далекий срок. В целом ваше с Элом взросление и формирование как личностей протекало успешно.

К сожалению, на этом ваши с Элом беды не кончились. Нам не известно, как существа из Мира Молний просочились на эту безымянную планетку. Не известно, как им удалось вступить в контакт с Элом и как удалось заставить или убедить его следовать за ними в этот их — чуждый всем нам — Мир. Так или иначе, это случилось. И случилось именно так, как потом рассказывал ты: в редком лесу на берегу серого, стылого моря. Только это было за много световых лет от волн Балтики и от песчаных дюн ее побережья.

Ты второй раз пережил глубокий — переходящий в кому — эмоциональный стресс. И второй раз тебя лишили памяти. Было решено эвакуировать исследовательский центр «Кречет». Детей, которые воспитывались в нем, разместили в различных филиалах Проекта. Тебя вместе с твоими приемными родителями отправили в самое надежное и защищенное убежище, в сердце Федерации — на Землю.

К сожалению, судьба в третий раз сыграла с тобой злую шутку — ты наткнулся на Балтийском побережье, где поселили вас, на место, которое очень походило на тот редкий — из плохо прижившихся земных сосен — лесок на песчаных дюнах. И это вернуло тебе память о брате. После этого было решено прекратить какие-либо активные исследования твоего Дара и дать тебе пожить обычной человеческой жизнью. То лечение, что я назначил тебе, было признано — собравшимся, так сказать, за моей спиной консилиумом специалистов — правильным. А самого меня, грешного, не стали ставить в известность об истинной подоплеке твоего несчастья.

Получилось так, что чуть ли не полтора десятка лет я лечил тебя от твоей собственной памяти. Прости меня, Рус».

Ниже было дописано от руки:

«Прости и будь осторожен. Потому что если это письмо попало в твои руки, то зло вернулось. И — вернувшись — коснулось крылом твоего старого дока Кросса».

Кроме даты, дальше не было написано ни строчки. А дата говорила о том, что беспокойство овладело Гансом Кроссом примерно пару недель назад.

И еще кое-что было вложено в тот конверт. В темной металлической рамке снимок — двое мальчишек в солнечный день. Он, Рус, и его брат Эл.

Он сразу узнал его.

Да и трудно было не узнать. Ведь они с братом были близнецами. Рус помолчал немного и сунул снимок в карман куртки. Потом сложил бумаги доктора Кросса обратно в

конверт и взвесил его на руке, прикидывая, как поступить с этим, если разобраться, небезопасным документом.

— Вы можете его сжечь... — произнес почти над самым ухом глуховатый голос.

Рус обернулся как ужаленный.

Рядом с ним на садовой скамейке сидел тот самый тип, что совсем недавно пялился на него из серого «ауди». Совсем недавно и в то же время очень давно — потому что за это время успела минуть вечность, свалившаяся на Руса из конверта доктора Кросса.

Одет тип был довольно строго — ну, не так, чтобы наводить на мысль о свадьбе или похоронах, но и не так, чтобы его можно было упрекнуть в небрежности. Единственными элементами его наряда, не вписывающимися в стандартный облик офисного клерка или «специального агента», были чересчур ярко расписанный галстук и значок на лацкане пиджака. Значок изображал белоголового орла — птицу и поныне редкую.

* * *

— Да-да, — кивнул тип. — Лучше всего спалите эти бумаги. Вы уже поняли, что они — не для посторонних глаз. Ей-богу, у вас могут быть из-за них неприятности. А не хотите жечь — отдайте мне. Тогда они будут лежать в надежном сейфе и вы всегда сможете забрать их — если потребуются.

— Гм... — произнес Рус. — Насколько я понимаю, я имею дело все-таки не с лейтенантом Молинаром?

— Не стану вас обманывать, — вздохнул тип, — не с ним. Впрочем, если вам хочется его повидать, мы можем вместе зайти в околоток и там он меня вам представит по всей форме. Собственно, господин Молинар искал встречи с вами с единственной целью — представить нас с вами друг другу. Но я просто не захотел терять время на формальности. Все равно дело от полиции передано федералам. А с ними мы работаем рука об руку.

Тип помолчал немного. Потом, искоса глянув на Руса, осведомился:

— Вы как? Ничего?

Он кивнул на пакет, который Рус продолжал сжимать в руке.

«В самом деле — как?» — подумал Рус.

И сам удивился тому, насколько мало его взволновало прочитанное. Конечно, рассказ дока Кросса о его, Руса, странном детстве болью отозвался у него в душе, всколыхнул темную волну загнанных в подсознание воспоминаний, но... Но в самой глубине души Рус остался спокоен. Как будто прочитал историю про какого-то другого человека. Может быть, близкого, хорошо знакомого. Но — другого.

И понял — тот эмоциональный взрыв, тот шквал страстей, что должен был обрушиться на него, уже состоялся. Этой ночью. Во сне, от которого его пробудил собственный крик. А сейчас... Как следствие удара по нервам все еще тянулся в его сознании долгий «шлейф» какого-то притупления чувств и почти полного отсутствия глубоких эмоций.

— Ничего.

— Тогда не уделите ли мне минуту-другую вашего времени? Его не так уж много — и у меня, и у вас. Только вы этого еще не знаете...

— Хорошо, — согласился Рус, не спеша кидаться в объятия нагловатому незнакомцу. — Времени мы терять не будем. С кем, как говорится, имею честь?

Тип протянул ему свою идентификационную карточку. Карточка удостоверяла всех и каждого в том, что принадлежит Петру Николаевичу Бороде — старшему научному сотруднику девятнадцатого подразделения Академии специсследований. Рус вернул господину Бороде его карточку и мрачно поинтересовался — чего же, собственно, от него надобно девятнадцатому подразделению Спецакадемии?

— Собственно говоря, у нас с вами, как бы поточнее выразиться, не телефонный разговор. Но не здесь же на скамеечке его вести? А пока я всего лишь должен передать вам приглашение на... На собеседование. Скажем так. Постарайтесь в четыре пополудни зайти в отделение здешнего Управления. Я разумею федералов. Надеюсь, мне не надо объяснять, как туда пройти? В четвертом подъезде для вас уже будет готов пропуск. В двести двадцатой комнате вас будут ждать очень серьезные люди. Постарайтесь не обидеть их...

— Постараюсь, — пообещал Рус. — Кстати, чем занимается это ваше девятнадцатое подразделение?

— Орнитологией, — радостно улыбнулся Петр Николаевич. — Редкими птицами. Вы как раз кое-что прочитали про них...

* * *

Рус дошел до дому, что называется, «на автомате» и первое, что сделал, заперев за собой дверь, — сунул голову под струю ледяной воды в умывальнике. Потом привел себя в порядок и положил пакет дока Кросса в маленький домашний сейф.

Сразу после этого вдруг понял, что делать ему в ближайшие три часа, оказывается, совершенно нечего. Он отдал дань охватившей его подозрительности — потратил с четверть часа на то, чтобы привести систему сигнализации и старенькую сервисную автоматику своего дома в сторожевой режим, взял со стола свой ноутбук — потертый, но надежный — и побрел на кухню. Там он вытащил из холодильника пиво, достал с полки сырные крекеры и заклинил в привычном углу с компьютером на коленях — читать справку по Миру Молний из сетевой энциклопедии.

Рус и без этого занимательного чтения достаточно хорошо знал то основное, что стоило знать об этой самой аномальной из населенных планет. О планете, обходящейся без дарующего свет и тепло светила, вокруг которого она должна была бы вращаться. О планете, странствующей меж звезд.

Но сейчас, погрузившись в «перелистывание» энциклопедических файлов, он снова, как в детские годы, оказался заморожен этим миром: громадным — почти с Юпитер размером — миром. Миром, затянутым пеленой грозowych туч, громоздящихся в несколько слоев. Туч, прорезаемых непрерывными вспышками молний. Их частота и их количество были настолько велики, что Мир Молний обладал своим, собственным свечением с совершенно ненормальным спектром. И, разумеется, своими радиошумами глушил чуть ли не все виды электромагнитной связи в пределах своей космической «ауры». Но это была не самая большая странность невероятной планеты. Мир Молний не хотел походить ни на один другой мир: при своих огромных размерах он имел чудовищно маленькую массу, сравнимую с массой Земли, а значит, плотность материи, его составляющей, была невероятно низкой: Мир Молний просто не мог быть твердым телом.

Так что не было пределов удивлению планетологов, обнаруживших под километрами

прошитых молниями и высокочастотными разрядами туч неподвижную твердь. Миллионы квадратных километров тверди — да еще какой тверди! Тверди, громоздящейся в стратосферу складками горных хребтов, тверди, выстилающей дно невероятной глубины океанов. Тверди, поросшей густыми лесами и подставляющей угрюмым, трепещущим электрическим пламенем небесам проплешины безжизненных пустынь. Тверди, на которой обитали тысячи тысяч невероятных биологических видов живых существ, которым вовсе не место в одном Мире... Тверди, населенной Двенадцатью Народами, рядом с которыми нашли свое место и люди Земли — Тринадцатый Народ.

Когда и как объявились в Мире Молний люди и другие разумные существа, энциклопедия не уточняла, ограничиваясь указанием на то, что вопрос этот — спорен. Общепринятый же миф гласил, что потомки разумных рас были переселены в Мир Молний со своих родных планет в незапамятные времена. Ну, разумеется, Предтечами.

Они довольно быстро распространились по Миру Молний — люди Земли проникли во все его ниши, пригодные для жизни, и из чужаков-пришельцев давно превратились в составную часть конгломерата племен и народов, населяющих эту планету. Каждый из народов со своими нравами и традициями, со своей религией и своим пантеоном богов и божков... Говорят, именно оттуда — из Мира Молний и пришла в Миры Федерации Пестрая Вера, которую всяк понимает по-своему. Впрочем, кто же принимает Пеструю Веру всерьез?

Всего одна удачная высадка была совершена на поверхность Блуждающей Планеты. Совершена, собственно, ее же первооткрывателями — Фоксом и Младеновым. Добытые ими материалы и легли в основу практически всех публикаций о внутреннем — СКРЫТОМ под тучами — мире этого невероятно странного космического тела. Шесть следующих попыток повторить такую высадку закончились трагически. Еще четыре просто не удались, но не повлекли гибели космических кораблей и их экипажей.

Ученые мужи до сих пор ломали головы над тем, что представляет собой Мир Молний — из какой субстанции сложена эта словно пустотелая — планета... Ядро ее — источник сильнейшего магнитного поля — вращалось с угловой скоростью, в десятки раз превышающей скорость вращения сложенной из совсем не похожей на земную магмы и весьма сходных с земными осадочных пород «внешней скорлупы» Мира Молний. Взаимодействие этого переменного поля с потоками заряженных частиц в верхних слоях атмосферы планеты порождало мощные разряды в ее небе. В слое атмосферы, который, понятное дело, получил название фотосферы. Происходило как бы «перекачивание» ничтожной доли энергии, запасенной во вращении чудовищной массы таинственного внутреннего тела Блуждающей, в энергию света и тепла, дарящих жизнь поверхности планеты. Вдобавок ко всему активность фотосферы пульсировала с переменным периодом, который в среднем был близок к земным суткам.

Что же располагается под твердью «скорлупы» Мира Молний, оставалось полной загадкой. Наиболее распространена была «плазменная» теория, согласно которой именно вырожденная плазма и заполняла разрыв между крошечным и невероятно плотным ядром планеты «скорлупой». Всевозможные напряжения, вызываемые множеством сил, действующих на «скорлупу» Блуждающей, якобы компенсировались за счет процессов, протекающих в этой разреженной субстанции.

Про то, что принято было называть «магией» Мира Молний, энциклопедический поисковик хранил молчание.

Рус скосил глаза на приютившийся в углу экрана его ноутбука циферблат часов и решил,

что если выйдет из дому сейчас, то не торопясь, на своих двоих, как раз вовремя доберется до места встречи с «очень серьезными людьми».

* * *

Здание здешнего филиала Федерального Управления Расследований — аккуратный краснокирпичный параллелепипед с почти незаметными окнами-бойницами — было отгорожено от мирской суеты большого приморского города обширным сквером и чистой, пустынной стоянкой автотранспорта «только для сотрудников». Сотрудники, видно, все как один были в разъездах или вообще не пользовались личным автотранспортом. Долго размышлять над этой проблемой Рус не стал, а потратил остаток времени — до шестнадцати ноль-ноль — на поиски четвертого подъезда преславного бастиона законности и порядка.

Его действительно ждали: пропуск — на проходной и очень серьезные люди — в двести двадцатой комнате.

Серьезных людей было аж трое. Один — демонстративно скучный, аккуратно причесанный тип в мундире полковника военно-медицинской службы. Второй — уже знакомый Русу Петр Николаевич Борода. А третьим был Лорх.

Рус слегка опешил. «Черт возьми! — подумалось ему. — Сколько же лет деду? И почти не изменился...» Он растерянно улыбнулся старому другу детства.

Тот приветливо кивнул ему и указал на жестковатое кресло, намертво закрепленное перед широким столом, за которым заседал триумвират.

— Со мной вы уже знакомы, — дружелюбно произнес Петр Николаевич. — И уж я не думаю, что есть хоть малейшая необходимость представлять вам доктора Коула. А вот с подполковником Штуббе вам предстоит работать, как говорится, рука об руку...

Подполковник чуть приподнялся со стула и отвесил Русу приветственный полупоклон. Потом откашлялся, давая понять, что в дальнейшем решающее слово принадлежит ему.

— Очень рад, — произнес он голосом дантиста, предлагающего пациенту занять место в кресле, — что вы согласились принять приглашение к этому разговору. Мы, правда, предполагали, что вы проявите интерес к событиям несколько раньше...

— Вы имеете в виду — сразу после м-м... гибели господина Ганса Кросса? — уточнил Рус. — Я просто не узнал вовремя о том, что случилось...

— Я имел в виду не только это, — угрюмо бросил подполковник. — Ну да ладно... Очень хорошо, что вы ознакомились с документами, которые вам оставил господин Кросс. Это сэкономит нам время. Я думаю, что то, с чем вам пришлось ознакомиться этим утром, не оставило вас равнодушным. Более того. Я думаю, что вы испытали немалое потрясение. Если вы чувствуете, что вам трудно поддерживать сейчас деловой разговор, то лучше отложить нашу беседу.

Петр Николаевич кашлянул.

— Я же вам говорил, — с тихой укоризной бросил он, адресуясь к Штуббе. — Никаких признаков кризиса. Стресс... Нормальный стресс, не выходящий за пределы нормы.

— Не беспокойтесь за меня, — вставил свое слово Рус. — Я бы предупредил вас, если бы не был готов к разговору.

Штуббе переглянулся с Лорхом и, видимо, несколько приободрился. Он опять откашлялся.

— Тогда на том и покончим с формальностями.

Подполковник передвинул разложенные перед ним бумаги и снова воззрился на Руса. Потом заговорил — голосом чуть менее картонным, чем до этого.

— Вы уже хорошо поняли, что ваша судьба, господин Рядов, и судьба вашего родного брата находятся в довольно сильной зависимости от той особенности ваших личностей, которую принято называть Даром и неким вмешательством со стороны посторонней, чуждой нам цивилизации. Я имею в виду цивилизацию так называемой Бродячей Планеты. Или Мира Молний, как ее часто называют.

— Да, я понял это, — без особого воодушевления признал Рус.

— Прекрасно. Должен вам сказать, что ваш брат — не единственный, кто канул в эту бездну. Но он — единственный, о судьбе кого мы смогли получить хоть какую-то информацию.

Подполковник хрустнул пальцами.

— Речь идет о том, господин Рядов, что мы хотим предложить вам принять участие в некой спецоперации... И одним из результатов ее должно оказаться установление судьбы вашего брата. Возможно — его возвращение в этот Мир. Должен предупредить заранее — речь идет о м-м... о мероприятии, связанном с высокой степенью риска.

Он подождал реакции Руса на это заявление. Никакой реакции не последовало, и подполковник продолжил:

— В любом другом случае мы направили бы для выполнения аналогичной миссии хорошо подготовленного специалиста по м-м... оперативной работе. Но, к сожалению...

— Должен заранее вас предупредить, — счел нужным заполнить непредвиденную паузу Рус. — Единственное, что я умею делать хорошо, так это убеждать людей в том, что им жизненно необходимо подписать с «Трансгалактик» контракт, на самом деле совершенно им не нужный. Еще я довольно свободно общаюсь на всех трех основных языках Федерации и на нескольких местных диалектах. И это — все. Большого от меня не ждите.

Штуббе улыбнулся и переглянулся с коллегами так, словно услышал отменную шутку.

— Дело в том, что ваше участие в нашей операции как раз и обусловлено тем, что мы ждем от вас большего, чем то, что вы нам только что перечислили. Кстати, если вас так беспокоит перспектива лишиться вашего поста в филиале «Трансгалактик», то...

Надо заметить, что Рус только сейчас взглянул на вопрос именно с такой точки зрения.

— То мы урегулируем это с руководством корпорации. Вы можете не волноваться. Кроме того, как и всякая работа, сопряженная с повышенным риском, ваш труд будет оплачен по соответствующим ставкам. Если говорить коротко, то сразу по подписании контракта на ваш счет будет переведено...

Возможность вот так — просто за росчерк пера — заработать примерно два своих годовых оклада, конечно, заняла соответствующее место в сознании Руса рядом с грустным соображением о том, где именно можно встретить запасы бесплатного сыра. Но мысль о том, что удастся побольше узнать про Эла, занимала его значительно сильнее. Господин Штуббе меж тем продолжал гнуть свою линию.

— Так вот, наш выбор, господин Рядов, обусловлен двумя причинами. Во-первых, нет никаких гарантий, что в Мире Молний сможет успешно действовать человек, не обладающий так называемым Даром.

Рус помрачнел. Каким-то образом он успел за прошедшие несколько часов почти полностью вытеснить из своего сознания тот факт, что именно проклятый Дар и был

первопричиной его и Эла бед. Мало того, про то, что сам он — Рус Рядов — является носителем какого-то там Дара, правда носителем всего лишь потенциальным, он просто не вспоминал.

— Я бы не сказал, — начал Рус и осекся, поймав нахмуренный взгляд Лорха.

Но собрался с духом и продолжил:

— Я бы не сказал, что замечал за собой какие-то необычные способности...

— Не беспокойся, Рус, — вступил в разговор Лорх. Русу было необыкновенно приятно вновь услышать этот — по совсем другой своей жизни знакомый — голос.

— Ты и не должен был замечать ничего, — заверил его старик. — Это мое дело — замечать, ловить признаки... А для тебя то необычное, что временами происходило с тобой, всегда было чем-то простым и естественным. Как воздух, который все мы привыкли не замечать... Вот скажи, пожалуйста, в каком направлении отсюда находится твой дом?

Рус слегка удивленно показал рукой в сторону дальнего угла кабинета.

— Там, разумеется...

— А тебе не приходило в голову, что девяносто процентов обычных людей, поплутав целый день по городу и потом по здешним коридорам и переходам, просто не смогли бы так вот сразу ответить на столь простой для тебя вопрос?

Рус пожал плечами. Ему было решительно нечего сказать в ответ.

— Есть еще несколько вещей, которые отличают тебя, Рус, — продолжил старик. — Но не думай, что это — Дар. Это — только его признаки. Симптомы... Сам же Дар только начинает просыпаться в тебе. Подошел срок — и он просыпается. И окончательно овладеет тобой уже там — в Мире Молний.

Русу очень не понравилось это — «овладеет тобой». Но Лорх всегда называл вещи своими именами.

— Так вы предлагаете мне отправиться туда? — слегка ошарашено спросил он.

— Именно так, — заверил его Штуббе голосом дантиста, сообщающего клиенту, что проблемный зуб придется рвать. — Я назвал вам только одну из причин, по которым выбор пал именно на вас. Первая — наличие у вас Дара. Вторая же причина заключается в том, что вряд ли кто-нибудь, кроме вас, сможет быстро найти общий язык с вашим братом. Понять его и... э-э... убедить, что его настоящая жизнь должна протекать здесь — в нормальном, человеческом мире...

Рус потер лоб.

— Простите, но все то, что вы мне предлагаете... Вся эта «операция»... Она что, затеяна только для того, чтобы выволить из того мира Эла? Это признано такой важной задачей?

Штуббе секунду-другую жевал свои губы — тонкие и бесцветные, подыскивая, видно, подходящую формулировку для мысли, которую хотел выразить.

— Видите ли, господин Рядов, — произнес он наконец. — Вы — человек, работающий в сфере бизнеса, поэтому должны хорошо понимать, что благотворительностью в наше время не занимаются даже благотворительные фонды. Как бы мы ни сочувствовали вам и вашему брату, мы никогда не получили бы ни цента ассигнований просто под экспедицию с целью его возвращения в ваши... э-э... объятия.

Он косо глянул на нервически закопошившегося Николая Петровича. Тот явно хотел что-то добавить от себя. Но — слова не получил.

— Нас заставляют действовать причины весьма серьезные, и времени на подготовку у

нас мало. Может быть, его нет вообще. Ваш брат — это только одна из ниточек, за которые мы пытаемся ухватиться. Дело в том, что, по нашим данным, он занимает сейчас одну из ключевых позиций в той игре, которая начинает разыгрываться. Разыгрывается она пока что там — на Блуждающей планете. Но еще немного — и игра перейдет на наше поле. Сюда, в этот Мир. Впрочем, не буду говорить с вами загадками.

Штуббе посмотрел на часы.

— Сейчас вы сядете вот за тот столик в углу и внимательно прочитаете один очень интересный документ... У него есть служебное название. Так сказать, кличка. «Меморандум Беглеца».

Он вынул из лежащей в сторонке от других бумаг папки пару скрепленных листков, заполненных убористым, от руки написанным текстом, и положил перед собой на стол.

— У этого документа — интересная предыстория. Вам не приходилось слышать о событиях на Джее? Давнюю такую историю о пробуждении технодракона? Нечто связанное с возникновением некоей эпидемии... Ведь вы, насколько нам известно, интересуетесь всем, что связано с различными... м-м... аспектами наследия Предтеч и Древних Империй?

Рус кивнул. Ему приходилось бывать на Джее. И наслушаться тамошних баек — тоже. Помнится, он даже потратился на покупку пары тамошних «магических» сувениров, исполненных из напоминающего латунь сплава, — «глобусов» — с голубиное яйцо размером каждый, — с удивительно тонко выгравированными на них древними материками и прочими деталями поверхности Дджея времен Древних Империй.

И, конечно, он слышал и ту историю, на которую намекал Штуббе.

— Насколько мне известно, — осторожно начал Рус, — суть различных слухов о тех событиях сводилась к тому, что несколько человек — трое или пятеро — привели в действие некий талисман... Или — нечто в этом духе. Никто толком не мог описать эту штуку. Говорили, что условное ее название — «Джейтест»... Вот эти люди и попали под ее влияние. И оказались наделены некими сверхъестественными способностями. Из-за чего вышло немало бед. Вот та эпидемия, в частности. Правда, тогда эти... Преображенные сами вроде и помогли с эпидемией той справиться. Ну а в конце концов все они то ли погибли, то ли просто исчезли неведомо куда... Впрочем, теперь могу предположить — куда именно.

— Гм...

Штуббе пожал плечами.

— В целом это, конечно, достаточно далеко от истины. Но полностью вымышленной историю не назовешь. Вам еще предстоит познакомиться с фактами. Пока же — вот что...

Он поднялся со своего кресла и принялся расхаживать взад и вперед за спинами двух своих коллег.

— Пока вам полезно будет знать, что их было пятеро — этих людей, которым посчастливилось наткнуться на то загадочное устройство... И они действительно привели его в действие и действительно наломали, как говорится, дров. И действительно покинули Обитаемые Миры не слишком понятным образом. Им, кстати, было от кого бежать. К тому времени за голову любого из них были обещаны немалые деньги. И притом — сразу несколькими очень солидными... м-м... организациями. В общем, думаю, вам понятно, почему за этими пятью закрепилось условное обозначение «Беглецы».

Он замолк на несколько секунд, уставившись на Руса, видимо, желая убедиться, что тот достаточно серьезно внимает его словам.

— До недавнего времени, — продолжил он, — эти пятеро считались попросту без вести

пропавшими. И папка «Джейтест» была положена в сейф Федерального архива. Но вот недавно один из участников того давнего расследования получил письмо. Довольно странное письмо — от одного из этих Беглецов. Вам будет полезно ознакомиться с его содержанием.

— Ну что же, — пожал плечами Рус и поднялся, чтобы взять листки со стола.

— Но сначала — одна формальность, — остановил его Штуббе. — Вам надо дать подписку о неразглашении.

Он кивнул Петру Николаевичу, тот подхватил со стола, протянул Русу планшетку со стандартным бланком, удерживаемым на ней зажимом. Рус пробежал глазами нехитрый с виду текст, взял протянутый ему электрокарандаш и со вздохом поставил в нужном месте свою подпись. Добавил, как того требовала графа бланка, свое имя и фамилию — прописью, поставил дату и отдал планшетку Штуббе, получив взамен два исписанных от руки листка. С ними он и уединился, пристроившись на отменно неудобном стуле у столика в углу кабинета.

* * *

Собственно, это была не сама рукопись, а всего лишь ее ксерокопия. Причем ксерокопия неполная. В нескольких местах убористый текст разрывали аккуратные белые лакуны. Среди прочего отсутствовали и несколько первых строчек, в которых, очевидно, адресат письма назывался по имени. Что ж, значит, Руслану Рядову знать то, что скрывали эти «белые пятна», не положено. Рус пожал плечами и приступил к чтению.

«...Я думаю, что вы лучше меня знаете, кому передать этот мой меморандум. В свое время мы имели возможность достаточно близко общаться между собой, и, надеюсь, вы правильно оцените серьезность моего сообщения. Меня вынуждают к обращению к вам определенные моральные обязательства перед людьми Обитаемых Миров, хотя я не намерен когда-либо к ним вернуться.

Коротко определяюсь с местом моего теперешнего пребывания и обстоятельствами моего бытия здесь.

Покидая Обитаемые Миры, я и мои спутники не имели ни малейшего представления о том, куда приведет нас выбранная нами дорога. Мы надеялись только, что нам удастся вырваться из заколдованного круга, в который попали, приведя в действие нечто, чему сами же дали имя «Джейтест». И из того заколдованного круга, который сплели вокруг нас корысть и страх «сильных мира сего». Это нам и удалось и не удалось одновременно.

Закончилась только первая ступень Испытания, которое уготовано было для нас создателями «Джейтеста». Мы ступили на следующую его ступень. И эту ступень нам придется пройти под трепещущим пламенем небес Мира Молний.

Потому что именно сюда привела нас та тропа, петляющая между Мирами, на которую вывел нас мой странный Дар. Дар находить пути. Я не располагаю временем, чтобы достаточно ясно, вдаваясь в подробности, изложить здесь историю тех нескольких лет, что мы, пятеро выходцев из Обитаемых Миров — пятеро Пришлых, как называют здесь таких гостей, — провели здесь.

Нам выпала странная судьба — стать демонами-опекунами нескольких племен, населяющих эти края. Сила тех Даров, которыми нас наделила первая ступень нашего Испытания, многократно возросла. Но за это пришлось заплатить огромную цену.

Чтобы объяснить сложившуюся ситуацию, я должен хотя бы коротко описать тот Мир, в котором мы очутились, ту его сторону, которая не могла попасть в файлы сетевых поисковиков и на страницы справочников и энциклопедий. Речь идет не о планетологических характеристиках и не о диковинной физике и географии Блуждающей планеты. Речь пойдет о разумных расах, населяющих Мир Молний.

Их здесь несколько. Причем, как мне кажется, ни одна из них не имеет своих корней в Мире Молний. Точно так же, как и люди, населяющие здесь обширные территории, называемые Сумеречными Землями. Все разумные существа попали сюда из других Миров. Те из них, кому подходят условия среды, в которой привыкли обитать люди, довольно мирно уживаются с ними. По крайней мере, более мирно, чем уживаются между собой сами люди. А люди здесь собраны довольно разные. В общем-то собраны они под эгидой здешней имперской короны. Но на деле на Сумеречных Землях сосуществуют сами по себе несколько трудноуправляемых вольниц, постоянно то враждующих, то вступающих между собой в разнообразные союзы. Все это — на вполне феодальном уровне. Науки здесь практически не существует, и занятия ею не приветствуются. Не котируются наряду с чернокнижием.

Зато активно используются и существуют как нечто само собой разумеющееся самые удивительные артефакты древних технологий. По умолчанию считается, что все они, как, наверное, и весь Мир Молний, — результат деятельности тех, кого мы привыкли называть Предтечами. Мир Молний в тысячи раз больше насыщен ими, чем Миры Квесты, Джея или Шарады, на которых Человечество впервые столкнулось с так называемой «Магией Древних».

Практически все знания, относящиеся к этой области, все коллекции артефактов сосредоточены в руках процветающей здесь Гильдии Магов. Организация эта не так уж малочисленна, весьма замкнута, имеет древние традиции и активно практикует множество обрядов, смысл которых, как правило, темен. Однако это довольно миролюбивая организация. Основное занятие ее членов — выколачивание денег из клиентов, которым они оказывают самые различные услуги, заменяющие здесь отсутствующие гражданскую авиацию и телефон.

Впрочем, для избранных существуют все-таки плоды современной цивилизации, просачивающиеся сюда из Обитаемых Миров. Такими избранными являются некоторые из Посвященных.

Вот о Посвященных как раз и пойдет речь. Прежде всего, это — высшая имперская знать и руководство Гильдии Магов. На второе место можно поставить Пятерых. На сегодняшний день это мы — беглецы с Джея. Пятеро, традиционный институт здешнего общества. Пятеро проходящих вторую ступень Испытания. Суть ее они могут постичь, только пройдя ступень до конца. Пятеро Новых приходят и Пятеро Старых — уходят. Куда? К каким дальнейшим превращениям готовит их

Мир Молний, можно только гадать. Но речь идет не о моих догадках. Я просто объясняю диспозицию основных сил этого Мира. Традиционно Пятеро держатся вместе, невзирая на разногласия, возникающие между ними. Старые Пятеро иногда неохотно уступают свои места, и тогда в Сумеречных Землях разгорается борьба — порой весьма жестокая. Но рано или поздно Пятерки меняются. И каждый из Старых Пятерых оставляет для Новых Пятерых своего рода наследство — народ, который он должен опекать с помощью своего Дара, или некие обязанности по поддержанию равновесия сил в Сумеречных Землях.

На это равновесие покушаются многие. Но не только Пятеро его берегут. Есть еще довольно непонятная для меня пока сила, которую олицетворяют трое Посвященных — Трое Меченых Мглой. Эти Трое отличаются тем, что никогда не бывают Пришлыми. Выбирает их Мгла, которой они служат — пожизненно. Никто из них не обладает Даром. Они так же уязвимы для всех бед и хворей и так же смертны, как любой из обитателей этих краев. Но Мгла — самоорганизующаяся атмосферная взвесь нанороботов — временами вступает за...

...для него — всего лишь плацдарм, с которого он собирается начать вторжение в Обитаемые Миры.

Не следует недооценивать эту опасность. По крайней мере, тем Мирам, что «инфицированы» «магией Предтеч». Им предстоит пережить не лучшие времена. Неназываемый собирается в поход не в одиночку. С давних пор в Обитаемых Мирах действует хорошо законспирированная и разветвленная сеть агентов Неназываемых.

До сих пор они — эти агенты — были сравнительно индифферентны к внутренним делам человечества. Их задачей было всего лишь не допускать утечки информации о существовании и расположении Порталов, связывающих Обитаемые Миры с Миром Молний. Они также выполняли роль гидов, обеспечивающих безопасность Неназываемых, когда те отправлялись в странствия по Обитаемому Космосу. Эти агенты выполняли разного рода заказы — добывали для Мира Молний различные диковины, оставшиеся от эпохи Предтеч, а также различные технические новинки для увеличения могущества знати Сумеречных Земель.

Для этого во многих Мирах ими созданы торговые и посреднические фирмы. Они поддерживают целый ряд религиозных и мистических культов и сект».

Тут текст меморандума прерывался основательным пробелом.

«Иногда агенты Неназываемых вступают в конфликт с законами Федерации, но, думаю, особого беспокойства, а следовательно, и особого интереса спецслужб Миров Федерации они до сих пор не возбуждали. Теперь это время кончилось. Нынешний Неназываемый активно пополняет ряды своих подручных в Обитаемых Мирах. Они переходят к активному вмешательству в политику. Это уже не пассивные сторожа при Порталах. Мне известно, что Неназываемым отданы приказы приступить к физическому уничтожению ряда лиц, которые могут оказаться помехой его вторжению в Обитаемые Миры».

Снова в рукописи следовал длинный пробел.

«Уже через короткий промежуток времени наступит период активных действий, и спокойствие сразу нескольких из Тридцати Трех Миров будет сильнеешим образом поколеблено.

Мною и моими товарищами уже давно приняты меры для того, чтобы противостоять этому. Наши люди тоже посланы в Обитаемые Миры».

Снова пробел.

«Я призываю руководство Федерации как можно скорее вступить во взаимодействие с нашей Пятеркой. Для этого наиболее целесообразным мне представляется найти среди населения Обитаемых Миров хотя бы одного носителя Дара и организовать его перемещение в Мир Молний. В приложении, к моему письму я привожу возможные технические приемы реализации такого перемещения. Там же содержится краткое руководство для ваших посланцев — по правильному поведению в Мире Молний и по способам выхода на контакт с Пятеркой. Там есть кроки местности, по которой им придется передвигаться, и характеристики тех существ, с которыми им придется иметь дело.

Что касается возможных кандидатур для заброски в наши края, то я — благодаря своим информаторам, заброшенным в Обитаемые Миры, — располагаю информацией о некоторых лицах, обитающих в Мирах Федерации и подходящих для роли посредников в нашем деле. Вот их список:»

Снова в тексте меморандума следовал пробел — на этот раз довольно короткий. В конце его Рус обнаружил свое имя. Судя по обширному белому полю справа, автор меморандума приводил тут же и какие-то мотивы, которыми руководствовался, рекомендуя того или иного кандидата. Но, видимо, Русу не следовало раньше времени знать характеристику, данную ему Беглецом.

«Я надеюсь, — писал в заключение тот, — что мое послание будет воспринято достаточно серьезно и в контакт со мной вы вступите без долгих промедлений. Это прежде всего — в ваших интересах.

С уважением, Кайл Васецки»

За подписью следовала дата — относительно недавняя. Рус снова скрепил листки и поднял глаза на троих «орнитологов», ожидавших его реакции на меморандум.

* * *

— Вы закончили? — осведомился Штуббе. — Вам требуется время на размышления?

Рус пожал плечами. Конечно, прочитанное нуждалось в осмыслении. Только времени на это было нужно явно гораздо больше, чем готовы были предоставить в его распоряжение любители редких птиц.

— Вообще-то, — произнес он как можно более мягко, — за сегодняшний день я узнал, пожалуй, слишком много нового. Но не стоит ждать, пока я переварю все это. Основное до

меня, как говорится, дошло.

— Собственно, главное вы уже поняли...

Тон подполковника стал более вкрадчив и менее официален.

— Вам предложено принять участие в совместной операции Федерального Управления Расследований и Академии специсследований. Принять участие в качестве испытателя некоего нового метода подпространственного туннелирования. Ну, а заодно вы попытаетесь выполнить там, на месте прибытия и некую э-э... дипломатическую миссию.

Рус воззрился на Штуббе с некоторым недоумением.

— Дело в том, Рус, — мягко вступил в разговор Лорх, — что доктор Васецки несколько недооценивает то внимание, которое мы здесь уделяем проблеме проникновения в Обитаемые Миры этих типов из Мира Молний. За некоторыми из них удастся присматривать, а за некоторыми — нет. И то, что их активность резко возросла, тут заметили отнюдь не после того, как был получен Меморандум Беглеца. Поэтому был приведен в действие план противодействия вторжению. И один из пунктов этого плана — тайная экспедиция на Блуждающую планету. Пока — в составе одного человека. Тебя.

— По рекомендации господина Васецки?

— Ну, скажем... это сыграло решающую роль в выборе кандидатуры, — согласился Лорх Коули. — Правда, мы лишены возможности отправить тебя в те края теми способами, которые он нам предлагает в своем послании. К сожалению, Васецки плохо представляет себе положение дел у нас. Те Порталы, которые он назвал нам, либо разрушены, либо находятся в «горячих точках» Обитаемого Космоса. В местах ведения боевых действий или в районах, находящихся под властью таких правителей, как харурский Кривой Император.

— Понятно, — вздохнул Рус. — А обычную высадку — я имею в виду — с борта космического корабля...

— Об обычной высадке и речи быть не может, — рассеял его недоумение Штуббе. — Если бы можно было высаживаться на Блуждающую, как на любую обычную планету, то половина тайн Мира Молний уже давно бы не была тайнами. Но траектория Блуждающей — траектория, обратите внимание, а не орбита — нестабильна. Даже выход на орбиту вокруг этой милой планетки весьма рискован. После того как угробилась шестая экспедиция в Мир Молний, его космические окрестности объявлены зоной, не пригодной для космонавигации. Так что решено было испробовать совершенно иной метод доставки исследователей на поверхность планеты — подпространственное туннелирование.

— Прямо на поверхность? — озадачился Рус. — Но...

Как и любой простой смертный, о подпространственном туннелировании он знал лишь то, что возможно оно только между избранными точками «входа» и «выхода», расположенными всегда в Дальнем Космосе и никогда — на поверхности планет.

— Техника не стоит на месте, — пожал плечами Штуббе. — Уже почти год, как на поверхность Блуждающей таким манером забросили принимающий модуль системы подпространственной транспортировки. Модулю, конечно, здорово досталось, но теперь без всякого риска можно забросить на Блуждающую до ста килограммов любого груза — за один сеанс. Правда, это довольно дорогостоящее удовольствие...

— А... А обратное перемещение? — с тревогой поинтересовался Рус. — Допустим, я даю согласие на участие в вашей... операции. Допустим, я попаду на Блуждающую, сделаю все, что надо, и останусь в живых. Как я выберусь назад? К нормальным людям?

Штуббе вскинул над столом свою сухую, узкую ладонь, успокаивая его.

— Вы повезете с собой — так сказать, в багаже — некоторые устройства, которые установите на принимающем модуле. Тем самым превратите его в модуль отправляющий. Правда, одноразовый. Сработав, он не выдержит вторичных эффектов транспортировки и выйдет из строя. Саморазрушится. Что поделаешь — экспериментальная модель...

Он отбил по столу своими похожими на бамбуковые палочки желтоватыми пальцами короткую дробь.

— Вы не должны думать, — произнес он, — что мы собираемся вот так, с бухты-барахты зашвырнуть вас в совершенно чуждый вам Мир, словно толкиеновского хоббита — с одним носовым платком в кармане. В случае вашего согласия вас ждет месяц интенсивной подготовки — и по части работы с техникой, которую вам доверят, и по части знаний о Мире Молний и ориентировки в нем. К сожалению, больше времени мы под эту подготовку отвести не можем. Противник, если можно так выразиться, перешел к активным действиям. По-видимому, противник этот счел, что господин Кросс знает слишком много.

— Вы полагаете?.. — с сомнением в голосе произнес Рус.

— Мы знаем! — прервал его Штуббе. Он нервно отошел к окну и с минуту рассматривал бледно-голубое небо.

— Мы полагаем также, — произнес он наконец, — что и в отношении вас могло бы быть предпринято такое же покушение. Во всяком случае, за вами присматривали... А вот о том, что стоило бы присмотреть и за Кроссом, не догадались.

Он снова помолчал немного. Потом повернулся к Русу.

— Так что вы решили, господин Рядов?

* * *

Свет, исходяемый немногими светильниками, укрытыми в нишах у потолка кельи, был неожиданно ровен и ясен. Мальчик-служка, осторожно вошедший в незапертую дверь, замер, приглядываясь к этому немигающему светлему «нечто», заполнявшему крохотный кабинет Учителя. Он привык к тому, что свет не может не мерцать — ни свет костра, ни свет свечи, ни — тем более — свет Молний. А тени не должны лежать на стенах и полу словно приклеенные. Их дело — суетливо метаться, сея в душе неясную тревогу, не давая ей погрузиться в покой и сон. Но это ясное спокойствие света, заполнявшего келью, было ему странно знакомо — напоминало о чем-то далеком и позабытом... И хотя созерцал мальчишка волшебное сияние, затаив дыхание, Учитель его присутствие ощутил сразу и, неторопливо повернувшись к нему лицом, с упреком покачал головой.

— Я понимаю, Сонни, что случилось что-то необычное. Понимаю... Но — что бы там ни приключилось — это не должно было помешать тебе постучать в дверь перед тем, как войти ко мне. Постучать и попросить разрешения...

— Учитель... Ты просил меня... Ты просил меня не медлить с такими новостями. Свечи...

Учитель молча смотрел на служку, и лицо его не выражало почти ничего. Только тень тревожного ожидания играла на нем.

— Свечи стали гаснуть, Учитель. Без ветра. Безо всего...

Он вытянул перед собой сложенные тюльпаном ладони и протянул Учителю лежащую в них каменную фигуру.

— Свеча погасла перед ним, Учитель.

Учитель взял в руки миниатюрное изваяние. Нури-и-Нари — Терпеливый Бог Находок вежливо улыбался ему с ладоней мальчишки.

— Перед ним погасла свеча? — спросил он для проформы.

Мальчишка часто закивал в знак согласия.

Учитель прикоснулся к его коротко остриженной макушке.

— Иди и забудь об этом, — тихо произнес он. — Иди и забудь...

Глава 2

СУНДУК ДЕНДЖЕРФИЛДА

— Ну и темнотища здесь у вас! — с нескрываемой досадой крикнул Фрагонар, потирая очередную жестоко ушибленную часть своего упитанного тела. — Светите, пожалуйста, под ноги, Конча. У вас еще будет время на то, чтобы налюбоваться этой рухлядью!

Последнее относилось к пыльному нагромождению сработанной из отменно прочной древесины местных пород мебели, верой и правдой служившей четырем поколениям Дю Тамплей. Это значит, с тех самых времен, когда преславный род обосновался на Малой Колонии и сам Форрест Дю Тампль Первый построил этот дом — тогда еще среди болот и пустошей Предгорья. Обставил он его на свой вкус изделиями здешних краснодеревщиков — потомков Первопроходцев. Первопроходцам, конечно, и в страшном сне не могло привидеться, что их потомкам вместо противоперегрузочных кресел и дисплеев компьютеров на долгие годы обеспечены лишь место у верстака, стамеска и рубанок. А еще им достались вечера при свечах, наполненные воспоминаниями о рассказах дедов и бабок про далекую Метрополию, которой до них — выбравших чужие небеса, — по всему судя, теперь нет, да и не было никогда никакого дела.

Странные были люди — те три поколения колонистов, что последовали за первым, Первопроходческим. Они приняли на свои плечи всю тяжесть той единственной задачи, которую поставил перед ними этот чужой и неласковый мир: выжить безо всякой Земли и без надежды на то, что придет Корабль. За это, бывало, отправляли за Хребет — за веру в Корабль. Странную жизнь прожили эти люди, и странные вещи оставили после себя. После страшных снов эпохи Изоляции. И после Плохих времен, пришедших им на смену.

Представитель пятого поколения преславного рода Дю Тамплей — выпускник Лозаннского университета, что в Метрополии, и Высших Военных Курсов Республики, несостоявшийся полковник гвардии и рано удалившийся от дел адвокат, вопреки блестящим, как утверждали его немногочисленные друзья, способностям Форрест Дю Тампль Пятый шел по темному чердаку своего фамильного особняка молча, ориентируясь по памяти. Ничего не изменилось здесь за те шесть лет, что он провел в тюрьме.

* * *

Зато вокруг его дома изменилось многое. «Дом Форреста» — теперь здесь его называли только так — стоял уже вовсе не среди бесполезных буераков. Вокруг простирались «спальные кварталы» среднего класса: аккуратные и одинаковые, как кубики рафинада, ухоженная зелень и спрятанные в ней домики, чем-то напоминающие игрушечные. Даже не просто напоминающие — равняющиеся на них. И не с болот и пустошей, а отсюда — от громоздящегося в запущенном саду здания в ухоженные домики вползали неосознанные страх и тревога: с болтовней ребятишек, с шушуканьем старших, со старыми байками. И со странными снами, приходившими к тем, кто слишком долго обо всем этом задумывался.

«Дом Форреста» был домом с привидениями. Домом со своими тайнами. Со старыми — давно умершими — хозяевами, навевывавшимися проведать новых — еще живых. С бродившими по анфиладам его комнат и коридоров невидимыми гостями, которых так и не

дождались в их домах после того, как они как-то раз задержались на вечеринке у Форрестов. Со «скелетами в шкафах». И в сундуках.

Люди, из которых сложилось четыре поколения Дю Тамплей, не были законопослушными простаками, за каждым из них — словно хвост за кометой — влачилось облако легенд и слухов самого темного содержания. Не был прост и пятый Форрест.

— Осторожнее, Фил, — посоветовал он. — Вы перекалечите антикварные вещи. Таких теперь больше не делают...

— Нет, я все-таки не понимаю — какого черта вы не провели на чердак электричество? — продолжал раздражаться в ответ Фрагонар.

И снова пребольно въехал коленом в нечто тяжелое и окованное, высотой своей бывшее почти по пояс ему и потому оставшееся незамеченным.

— П-продал бы ты к чертовой матери весь этот антиквариат да отремонтировал бы свою богадельню...

Старый адвокат сердито рассматривал предмет, остановивший его продвижение во мраке.

Потом некая догадка посетила его:

— Так это он и есть? Та самая штука, которая отправила тебя на каторгу?

— На каторгу меня отправил Кон Джависси, — заступился Форрест за свое фамильное достояние. — А эта штука отправляет людей совсем в другие края...

Плоский, темного, необычной фактуры дерева сундук был окован тускло поблескивающими полосами металла. Скупой узор, покрывавший их, чем-то зачаровал присевшую на корточки перед сундуком Кончу.

— Да, это — сундук Денджерфилда, — задумчиво сказала она. — До того как я с вами познакомилась, Форрест, я видела его только раз, когда была совсем маленькая. И все равно — запомнила его. А потом видела на рисунках... Его или точно такой же...

Девушка зачарованно протянула перед собой руку и, словно слепая, кончиками пальцев ощупывала поверхность сундука.

— Как похож... — пропела самой себе она, совершенно перестав обращать внимание на окружающих. — Неужели и впрямь сундук принцессы Фесты?

— Вам, конечно, лучше знать, девушка, — чуть насмешливо прогудел Фрагонар, — но если этот сундук и вправду принадлежал вашей легендарной родственнице, то как получилось, что он оказался среди реквизита самого Кристофера Денджерфилда, выставленного на аукцион на Святой Анне? Ему полагалось бы объявиться откуда-нибудь с Северного Полушария...

Конча дернула плечом:

— Принцесса ушла к звездам не одна, и в багаже ее было кое-что еще, кроме носового платка... Мог и такой вот сундук оказаться. Во всяком случае, мы узнаем это сегодня... Нет, полночь еще не наступила... Завтра... Это будет уже завтра — когда мы узнаем это...

— А завтра — когда? — осведомился адвокат. Ему не улыбалось засиживаться на темном, продуваемом сквозняками чердаке.

— Когда луны побегут в небе... — пояснила Конча, не обернувшись.

— Вам виднее, девушка, — еще раз вздохнул Фрагонар. — Только почему надо ждать так долго?.. Если вы мне станете рассказывать старую побасенку о том, что только в лучах Бегущих Лун на этих железках становятся видны тайные Руны Предтеч или что-нибудь еще в том же духе, то — вы уж простите меня великодушно, девочка, меня, старого моржа, — я

просто перестану вам верить...

Конча чуть презрительно дернула плечом и хрупкой птицей — даже еле различимой в темноте тенью птицы — устроилась на чем-то совсем уж неразличимом, чуть поодаль от предмета своего восторженного интереса.

— У вас есть время перекинуться в картишки или поболтать там, внизу. А я поработаю с... вещью...

Она нехотя поднялась и сбросила с плеча тихо звякнувшую сумку.

— Вы ведь хотели, чтобы я узнала, не сломали ли вы замок тогда, Форрест?

Форрест молча кивнул, его движение было почти незаметно в темноте.

— Только не раскрывайте его снова... — добавил он вслух.

— За это не волнуйтесь. — Девушка, наверное, усмехнулась, но догадаться об этом можно было только по чуть странной интонации ее голоса. — По-настоящему открыть сундук принцессы Фесты можно только ключом. А их всего три.

— Ей-богу, с радостью пропустил бы стаканчик-другой грога у камина с Форрестом... В такую ночь и после стольких лет разлуки нам нашлось бы о чем поговорить... — Фрагонар пожал плечами. — А на сундук я еще успею наглядеться. Но не в моих правилах, э-э... вот этак вот оставлять молодых леди на темных чердаках... — Он пожевал губами. — Не хочу вас пугать, милая, но ведь здесь наверняка водятся мыши...

Конча презрительно фыркнула, теперь уже и не думая о приличиях.

— Я родом с Северного Полушария, Филипп. И женщины там не боятся мышей. Ести вещи пострашнее. А вы оба только будете мне мешать... Не люблю, когда мне заглядывают через плечо. Говорят, сам Господь Бог этого не любит... И вы, Форрест, не бойтесь — я не стану делать того, чего вы боитесь... Мне еще не время... уходить. Под Чужие Небеса...

— Я верю вам, Конча... — Форрест повернулся к Фрагонару. — Пожалуй, нам действительно стоит поболтать у камелька, Филипп. Пойдемте. И не бойтесь за Кончиту. Эта леди и вправду не такая, как все... И перечить ей тоже не стоит...

* * *

Уолтер М. Ли окинул зал «Канасты» — небольшой, но вместительный — тревожным взглядом и облегченно вздохнул, стараясь сделать это как можно более незаметно. Человек, которого он боялся не найти здесь, был, слава богу, на своем месте. Старина Кон допивал только лишь вторую, судя по его виду, еще вполне пристойному, кружку «Небесного». И, разумеется, травил байку очередному лопаухому землянину, впервые, видно, на Малую Колонию занесенному переменчивыми ветрами времен.

Кашлянув и неприметно сдвинув шерифскую звезду за лацкан просторной, потертой, покроя «сам себе хозяин» куртки, Уолтер подсел к уютно гудящей паре и тоже приобщился к числу потребителей «Небесного эля Корнуэлл энд Уитни». Коннор Ф. Джависси не оставил это незамеченным и, приветственно отсалютовав представителю закона полуопустошенной кружкой, повернулся к собеседнику:

— Разрешите, Джонни, вам представить: мистер Ли («Уолтер», — коротко сблизил дистанцию сам Ли) — наш окружной блюститель закона. А это...

Тут лопаухий землянин откашлялся.

— Это — мистер Линдерманн. Впервые на нашем шарике... Собирается основать е

наших краях производство этих... — Кон вопросительно глянул на гостя Малой Колонии и вспомнил нужное. — Принадлежностей для спортивной рыбной ловли... Филиал...

Некоторое время свежееобразовавшаяся компания живо обсуждала перспективы нового вида бизнеса, потом эль в кружке шерифа иссяк, по каковой причине он со вздохом поставил ее на стойку и похлопал старину Кона по плечу.

— Марта, сдается мне, заждалась тебя, Конни... Могу подвезти — мне как раз по дороге...

Старина Конни был догадлив. Да, впрочем, и разговор с размякшим от гостеприимства туземцев исчерпал себя и утомил гостя. Так что щедро оснащенный органами слуха мистер Линдерманн тоже был не прочь отправиться восвояси. Прощание закадычных друзей заняло чуть ли не четверть часа, и Уолтер основательно притомился к тому времени, когда наконец, покопавшись в программере своей «опель-тойоты», представитель ушастого племени благополучно убыл по своим делам. Теперь, снова став полноценным шерифом, Уолтер кашлянул и кивком головы предложил Кону занять место рядом с собой, на сиденье выдавшего виды «патрола» местной штамповки.

Тот послушно сел и, уставясь в темноту, стал терпеливо ждать, пока Уолтер не врубит движок и не тронет кар по направлению к Кольцевой.

— Ведь вы собирались отправиться именно в эти места, — нарушил чуть затянувшееся молчание Уолтер. — На Болота едем?

Кон неохотно кивнул. Потом скосил глаза на шерифа.

— Это Марта тебя переполошила?

Уолтер, морщась, извлек изо рта ком жевательной резинки, которую успел там пристроить, дожидаясь, пока Кон распростится со своим новым другом с Земли, и косясь на собеседника, как на бестолкового ученика, прилепил жвачку под приборным щитком.

— Марта? Конечно. Еще вчера звонила мне, потом сама пришла в офис и все мозги мне проточила своими страхами: мол, Форрест Дю Тампль тебе теперь отомстит. И где это видано, чтобы суд давал человеку «двадцатку», а он уже через какие-то шесть с небольшим лет уже болтался на свободе?.. И так далее... Но, признаюсь тебе, Кон, я не придавал бы большого значения всему этому, пусть Марта разорялась бы у меня в кабинете хоть неделю без передыху... Ты уж прости, но она любит наговорить такого, чего говорить не стоило бы...

Кон Джависси вздохнул: кому, как не ему, было знать это...

— Нет, — продолжал Уолтер. — Меня встревожило то, что вы с Форрестом договорились о встрече — втихую... И даже не это само по себе... — Шериф вытянул из пачки, воткнутой в нагрудный карман рубахи, сигарету и, не предлагая собеседнику — кто же не знает, что Кон Джависси не курит? — закурил, мрачно рассматривая мчащуюся под колеса дорогу и выпуская дым в приспущенное боковое окно. — Меня встревожило то, что вы договорились встретиться в Утро Шести Лун... Мне это...

Он нервно стряхнул пепел в пространство, наполненное остывающим, становящимся полуночным ветром, и не окончил фразу. Некоторое время они ехали молча.

— Если, как ты говоришь, — с досадой спросил наконец Кон, — мы договорились втихую, то, спрошу я тебя, Уолт, откуда же ты про это знаешь? Про это вообще и про Утро Шести Лун в частности?

Уолт косо усмехнулся:

— Вы уж слишком хорошо секретились, ребята... Вы даже не знаете, сколько ушей

слушает вас, сколько глаз за вами присматривает со времени того суда, а особенно с того дня, когда Форрест вернулся в свой дом... Думаешь, никто не прислушивался к тому, о чем вы чирикали в кафе у Фердинанда?

— Неужели кого из прессы принесло туда с дальнобойным микрофоном? — поразился Кон.

— Замнем это, — мрачно закрыл тему Уолтер. — Мне не нравится ваша затея... Форрест уже встречался с одним человеком в Утро Шести Лун — семь лет назад. С Мэри-Энн Габор.

Шериф помолчал.

— Как ты думаешь, — продолжил он, — не напрасно ли мы вычеркнули Мэри из списков разыскиваемых?

Вопрос этот сопровождался косым пристальным взглядом, брошенным на собеседника.

— Мое дело — свидетельские показания, — сухо сказал Кон. — И тут я абсолютно честен. Почему-то все как один считают нужным колоть мне глаза тем, что из-за моих показаний на суде Форрест получил двадцать лет каторги. И это — заметь, шериф, — те же самые людишки, которые горланили тогда на всех углах и требовали линчевать проклятого расчленителя Форреста Дю Тампля. И они так бы и сделали — линчевали бы его за милую душу, если бы у присяжных хватило ума его оправдать.

— Я вовсе не собираюсь ничем колоть тебе глаза, Кон... — Шериф передвинул сигарету из одного угла рта в другой. — Но и за святую невинность тебя не держу. Ты ведь, пожалуй, лучше нас всех знал Форреста в ту пору. И должен был для себя решить — мог он или нет прикончить Мэри-Энн, да еще и так запрятать труп, что его до сих пор не сыскали. И, наверное, решил. Да что там решил — просто знал, что никак не мог. Парень Форрест, что и говорить, крутой был в ту пору, но убивать, да еще расчленять — а иначе как скрыть, так сказать, останки? — это не его репертуар...

— Чужая душа — потемки, — нервно и зло отозвался Кон, глядя в летящую за окном тьму. — Кому, как не тебе, это знать, шериф...

— А я говорю — ты знал, что Форрест — не убийца! — надавил голосом Уолтер. — С самого начала знал! Это нам, грешным, простительно: народ был зол, что полиция бездействует, Форрест выпендривался, и я всерьез принял его за убийцу. Но теперь, сам знаешь, народ поостыл, вскрылись новые обстоятельства...

— Ты имеешь в виду Сару Коллинз с ее статейками? — презрительно фыркнул Кон. — Новые обстоятельства... Старые-то обстоятельства что — отменили? Не было ни крови на полу, ни вещей госпожи Габор в «Доме Форреста»? И никто не видел, как Мэри-Энн заходила в этот домик? Или нашелся кто-нибудь, кто видел, как она оттуда выходила после двадцатого февраля?

— Когда я говорю о новых обстоятельствах, — жестко прервал его шериф, — то я имею в виду, например, то, что в бумагах Мэри-Энн нашли расписки, которым сначала не придали никакого значения. И только Сара со своими друзьями из «Ворона» разъяснили почтенной публике, что платить по этим распискам Мэри или ее наследникам — если бы у нее были наследники — должна была бы одна маленькая такая компания, фиктивная по сути дела, «Феникс-Дельта». Ее директором был тогда твой племянник, Кон. А капитал в ней — твой. Но подрядился вручать те денежки Мэри-Энн — Форрест. Как твой партнер. Ну как же не подсобить старине Кону — ему-то в лом было унижаться перед этой бабой с ее-то гонором. И теперь ясно, что он ей не свои баксы, а ваши — от твоего и твоего племянничка имени —

при свидетелях пару раз вручал, те самые денежки, под которые выданы расписки. Вот и получается, что пропажа Мэри-Энн Форресту не принесла ни копейки, а вот тебе, Кон, очень с руки пришлась. Расписок-то еще осталось — вагон и маленькая тележка...

— Ты что же, под меня копать начал? — резко повернулся Кон к Уолтеру. — Напрасно, шериф!

— Не стоит мне угрожать, парень! — взъерепенился и Уолтер. — Мы еще не кончили! Мы еще не кончили со «вновь открывшимися обстоятельствами»... Вы ведь были большими приятелями с Форрестом. И даже компаньонами... Все акции «Вуд продактс» поделили между собой, так ведь? И вот после того как Форрест гремит на каторгу, его душеприказчик Гарри Хомби пускает его пай на продажу. И продает на редкость невыгодно. В ущерб клиенту, можно сказать. А кто же пай эти по бросовой цене скупил?

Кон демонстративно отвернулся к окну.

— А скупил их по старой дружбе миляга Кон Джависси, — ответил на свой оставшийся без ответа вопрос Уолтер. — Старый, надежный, как скала, дружище Кон... Не постеснялся подобрать то, что плохо лежит...

— По-твоему, — резко спросил Джависси, — я должен был хлопать ушами и упускать контрольный пакет дела, в которое мы с Форрестом вложили свои пот и кровь?

Тут Уолтер скривился, словно Кон «дал петуха» с оперной сцены.

— Ведь никто не мог предположить, что Форрест вернется с Фронтيرا так скоро? И что он вообще оттуда вернется? — зло закончил Джависси, резко повернувшись к шерифу.

— Ну, уж ты действительно постарался, чтобы этого не случилось, — мрачно ответил тот и выпустил дым сигареты почти что в лицо собеседнику. — Сделал все, как говорится, что мог. И впрямь, не твоя вина, что парень выжил...

— Так, по-твоему, я должен был скрыть от суда имеющиеся улики? Солгать в своих показаниях?

Кон продолжал твердо глядеть на собеседника.

— Интересно получается...

— Вот что... — как-то глухо, но вместе с тем гораздо более ясно и членораздельно, чем все то, что он произнес ранее, выговорил Уолтер. — Все мы не без греха, и хоть я и ношу эту вот, — он прикоснулся к звезде на груди, — железочку, не мне, однако, учить других тому, как им жить... Но вот что я тебе скажу: по моему собственному разумению — только по нему, Кон. Только по нему... Если ты считаешь, что парень не мог никого убить и не убивал, а просто влип в нехорошее дело, и так получается, что и без того все собаки на нем висят, то можно и повременить с тем, чтобы окончательно уж топить его. Надо, понимаешь, дать времени все расставить на свои места... А ради такого дела можно и призабыть кое-какие мелочи: ну, что кто кому сгоряча сказанул, или какие бумажки кто-то кому-то через тебя передавал... Я бы — я говорю: «Я бы» — на твоём месте не так сильно копался в памяти тогда... — Уолтер с сожалением вынул изо рта вконец изжеванный пенек сигареты и принялся рассматривать его с таким вниманием, которого от него не всякий раз удостоивались вещественные доказательства, проходящие по серьезнейшим делам и делишкам.

— А секач с кровью на нем? — уже с откровенной злобой в голосе поинтересовался Кон. — А одежда Мэри-Энн, что нашли в доме? Это что — как раз те мелочи, которые стоило похерить, чтобы уберечь хорошего мальчика Дю Тампля от лишних треволнений? Пара пустяков, о которых можно и подзабыть?

Взгляд Кона Джависси утратил последний оттенок доверительности, стал стеклянным, немигающим взглядом того типа, который когда-то — теперь уж почти семь лет тому назад — давал показания на процессе «Федерация Свободных Земель Квесты против Форреста Дк Тампля».

Уолтер еще раз внимательно посмотрел на окурок и выбросил его за окно, как бы говоря всем своим видом: «С какой, однако, дрянью приходится иметь дело, дружок». Причем относилось это не только к плохому табаку. Кона шериф уже не удостаивал взглядом, а все свое внимание уделил тому, как автопилот выполнит маневр парковки его «патрола» у небольшого, круглые сутки открытого кафе.

— Приехали, — коротко буркнул он, вылезая на стоптанный асфальт пешеходной полосы.

Совсем недалеко, за реденькой полоской парка, в который превратились остатки бывшего леса, видны были два-три светящихся прямоугольника: в «Доме Форреста» все еще горел свет.

— Я так полагаю, — все еще не удостаивая Кона взглядом, сказал в пространство шериф, — что, пока вы с Форрестом свои дела решать будете, я тут вот у Доббинсов пропущу пару кружек светлого... А вы уж, мистер Джависси, соблаговолите, когда свои дела с месье Дю Тамплом закончите — ко мне сюда вот, — Уолтер кивнул на вывеску «Закуски в любой час», — завернуть на пару минут, словом-другим переброситься. Чтобы у полиции спокойней на душе стало. Может быть, вы не заметили, мистер Джависси, но Уолтер М. Ли предпочитает, чтобы на вверенной ему территории столицы, на Гиблых Болотах то есть, не происходило разного там сведения счетов...

Шериф выразительно помолчал.

— И еще, — заметил он уже намеревавшемуся, не прощаясь, покинуть место действия Кону. — Если тебе с Фости не хватит пары часов на то, чтобы по-дружески, за рюмочкой-другой прошлое припомнить, то уж не обессудьте, придется старику Уолту заглянуть к вам на огонек... Не обижайтесь в таком разе...

Он молча проводил взглядом так и не промолвившего ни единого слова в ответ Кона и, прижав плечом к уху трубку мобильного, стал раскуривать вторую сигаретину.

— Эй, Петровски, — тихо окликнул он в трубку. — Не спите там?

— Все ОК, шеф, — откликнулся из трубки агент Петровски. — Оцепление выставлено, выходы из «Дома Форреста» просматриваются. Но скоро Малые Луны уберутся, шеф, и станет совсем плохо видно.

— Врубите инфракрасный диапазон — слышали о таком? — посоветовал Уолтер. — Это такая кнопка на мониторе, слева от экрана. Временами ее полезно нажимать, Серж... И смотрите — чтобы у вас даже мышь сквозь оцепление не прошмыгнула...

— Мышь не проскочит, сэр, — заверил шерифа уязвленный агент Петровски. — Если, конечно, будет идти прямо на меня, не сворачивая... А что до инфракрасного визира, так он прекрасно показывает всех бродячих собак и кошек — тоже, а также — полдюжины людей Управления, что опшиваются в лесочке. Но когда дойдет до дела — все будет как всегда, сэр... Я эту подлую машину знаю как...

— Разговоры о «как всегда» — отставить! — рявкнул Уолтер. — А также — о кошках, собаках и агентах Управления. А до дела дойдет, я думаю — аккуратно к восходу Шести Лун. Тогда будет светло. А сейчас — все внимание на дом. Сейчас туда войдет Гади́на Джависси. Зафиксируйте хотя бы это...

— Да, сэр, — деловито отозвался Петровски. — Мы его уже видим, сэр. Гадина тянет резину... Торчит на опушке, курит и думает...

— Вот и прекрасно, — вздохнул Уолтер. — Пусть думает. Ему есть о чем...

Он переключил канал и, услышав усталое, хриплое:

— Алло, шеф? — спросил — тоже устало:

— Ну так как?

* * *

— Ну, так — как? — хрипло и устало переадресовал его вопрос загорелый детина, фунтов ста шестидесяти весом, облаченный в форму Милиции Свободных Территорий, мрачно ссутулившемуся на стуле перед ним типу. Типу было хреново.

— Не волнуйтесь, шеф, — заверил Уолтера детина. — Часу не пройдет, как этот фрукт разговорится...

Он отложил трубку мобильного в сторону.

— Вы еще ответите за рукоприкладство... — посулил тип детине и попытался утереть кровоточащий нос запястьями рук, забранными в легкие, но дьявольски прочные титановые наручники. — Ни слова я тебе, хмырь, не отвечу без адвоката. Я свои права точно знаю...

— Ну, насчет рукоприкладства — это еще бабушка надвое сказала, — мрачно заметил блюститель закона и положил огромный кулачище на стол. — Для кого — рукоприкладство, а для кого — сопротивление при аресте... — Он осторожно прикоснулся к своей рассеченной брови. — А про адвоката — ты прав. Виноваты-с... Спешим загладить вину... Вот он — телефон. Звоните, пожалуйста, мистер как вас там... На один звонок — имеете право, коли так уж повелось. Хотите — адвокату, хотите — в стол заказов: ребята там расторопные, живо вам пиццу с пылу с жару сюда доставят... Вы ведь проголодались, мистер?

Детина сдул с пластиковой тарелочки крошево, оставшееся от только что съеденного им гамбургера.

— И пить небось хочется?

Он откинулся, заставив свой стул балансировать на задней паре ножек, дотянулся до холодильника, вытащил оттуда запотевшую банку пива, раскупорил ее и с удовольствием отхлебнул пенящуюся янтарную влагу.

— Что-то вы не торопитесь, господин хороший... И правильно делаете, скажу я вам. Покуда вы своего адвоката дождетесь, я успею по этому вот аппаратику, — детина похлопал по притороченному к ремню чехлу блока связи, — сообщить ваши приметы и обстоятельства задержания прямехонько нашим друзьям — конкурентам из Федерального Управления. Они нас о тебе предупредили, мол, будет один такой интересный клиент... Они здорово обрадуются. И уж точно будут здесь раньше, чем сюда доберется ваш адвокат или даже мальчик с пиццей.

Он снова отхлебнул пива.

— Усекаешь?

Тип совсем вроде скис. Скованные руки его свисли между колен, голова, казалось, еле держалась на плечах. Но хитрая злоба тускло светилась в почти закрытых, замутненных глазах. В какой-то момент полицейский поймал на себе этот злобный взгляд и,

поперхнувшись пивом, поспешил отвести глаза в сторону. Он сосредоточился на бессильно висящих над самым полом кистях рук пленника.

Кисти эти словно жили своей собственной жизнью — быстро и сноровисто пальцы пленника плели из воздуха невидимую сеть или, быть может, веревку-удавку... Полицейский тряхнул головой, освобождая сознание от дурного видения, посетившего его в душном, пропитанном табачной вонью ночном околотке.

— Так все-таки, — он чуть ословело уставился на арестованного, — кто же тебе платит, малый?

Арестованный вздохнул.

— Мне платит «Роджерс и Роджерс», — устало сказал он. — За то, что я выполняю их поручения...

— Да, вы уже нам представились частным детективом, — небрежно отмахнулся от этих слов полицейский. — Было бы неплохо, если бы у тебя, парень, отыскалась какая-никакая заверенная лицензия на такие занятия. Или вообще хоть что-то удостоверяющее личность... И лучше сразу объясниться, за каким чертом вы висели на хвосте у Форреста Дю Тампля. И зачем шастали вокруг его дома. А заодно — кто сообщник, тот, что ушел от нас...

Он провел ладонью по лицу: померещилось... Действительно на секунду ему показалось, что пальцы задержанного перекатывают из ладони в ладонь сверкающие металлические шарики... Да нет! Какие там шарики? Откуда им взяться?

— Я уже объяснял, — как-то тихо и невыразительно, но в то же время очень вкрадчиво завел свою шарманку задержанный, — мое удостоверение личности вы можете затребовать в порядке, установленном законом. Закон же, установленный в том же отношении...

Он говорил и говорил — тихо, неразборчиво, словно молился какому-то своему богу, а полицейский никак не мог оторвать взгляда от завораживающей игры в прятки тускло поблескивающих шариков в руках арестованного. Шариков, которых на самом деле не было... Некоторое время он понимал, что с ним происходит что-то не то, но уже не пытался противиться происходящему. Потом и понимание это ушло, испарилось...

— А теперь — дай мне ключи... — не меняя тона, лишь чуть более четко произнес задержанный. — Ключи от наручников... Так, так, спасибо... А теперь — присядь... Присядь на пол... Ты же ведь устал. Расслабься... Представь, что ты где-нибудь на речке... На берегу... Травка кругом... Жарко... Стрекозы над водой...

Он ловко перехватил связку ключей, протянутую ему одеревеневшей рукой обалделого стража закона, отомкнул наручники и сноровисто надел один из них на запястье впавшего в сомнамбулическое состояние полицейского. Второй браслет он накинул на стальную, вмурованную в пол ножку стула, на котором сидел только что сам.

И при этом все продолжал говорить, говорить, говорить...

* * *

А в «Доме Форреста» Фрагонар кончил тасовать колоду карт и, приспустив очки на кончик носа, осведомился:

— Еще партию, Форрест?

Форрест направился к бару.

— Не желаете промочить горло, адвокат?

Он прихватил из бара графин, стаканы и стал расставлять их на столе.

Фрагонар всем своим видом показал, что он не возражает против этого предложения.

— Однако почему три? — спросил он, кивнув на стаканы. — Вы намерены пригласить...

— Да, у нас будет гость... — пояснил Дю Тампль. Он выразительно глянул на часы.

— Этот тип задерживается...

В ответ на реплику снизу прозвучал осторожный стук дверного молотка — «Дом Форреста» не признавал новомодных веяний вроде электрического звонка. Форрест не спеша направился на первый этаж, бросив через плечо:

— Можете сдавать на троих...

Спускаться по украшенной причудливыми перильцами чугунного литья винтовой лестнице было для него небольшим путешествием в далекое теперь прошлое, в те дни, когда стук в дверь означал только что-нибудь приятное — письмо от брата, визит друзей... Или встречу с Мэри-Энн.

Он усмехнулся старому воспоминанию, пересек тускло освещенную прихожую и сдвинул тяжелый засов парадной двери.

— Я думал, вы прикатите на своем фаерболе, Коннор, — приветствовал он Джависси. — А вы, похоже, прилетели на помеле...

— Да нет... — хмыкнул тот, следуя за хозяином по ступеням узковатой лестницы. — Меня подкинул шериф Ли. И, кажется, намерен ждать — тут, поблизости — до тех пор, пока я не выйду от вас живым и невредимым... Я, кстати, вовсе не просил его об этом... Просто у нашей встречи, похоже, было слишком много свидетелей...

— Ну что же... Я думаю, что мы не заставим его куковать там до утра, — добродушно откликнулся Форрест, пропуская Джависси впереди себя. — Но часа два, а то и все три ему придется потерять... Вы ведь не откажетесь перекинуться со мной в картишки в компании господина адвоката? Заодно и поболтаем...

— Честно говоря, когда вы позвонили мне... Вам не кажется, Форрест, что нам не стоит вспоминать былое?... Хотя я и рад, что вы не держите на меня зла...

Кон узрел неприятно морщащегося Фрагонара — адвокат не удосужился даже приподняться в кресле, приветствуя гостя, — и поклонился ему. Тоже без особой симпатии. Ответного поклона не последовало.

— Если вы уж хотите, чтобы между нами не было недомолвок...

Форрест указал Джависси на кресло у стола.

— Если вы хотите говорить начистоту, то не должно у нас с вами быть и запретных тем. Я просто хочу рассказать вам историю сундука Денджерфилда — как я ее понимаю.

— Сундука? — поразился Кон.

— О нем не было речи на суде... Мне не хотелось поднимать тогда такую тему, которая... Одним словом, сейчас пришло время об этом сундуке вспомнить... О сундуке и о том, что произошло между мной и Мэри-Энн. Если вам уж совсем не понравится то, что я расскажу вам, ну тогда вы можете и промолчать сегодня вечером... Мы ведь не в зале суда... Не хмурьтесь так, я шучу, конечно... Наливайте себе, господа, — кто сколько хочет. Прекрасное виски... Правда, с закуской у меня — проблемы. Будьте добры, Кон, нарежьте сыр — он справа от вас, а ножик у вас под рукой. Я так и не овладел этим искусством, всегда получаютсЯ безобразные толстые ломти... Позвольте накапать вам «Бурбона»... За встречу...

Последовала пауза, заполненная шуршанием карт и междометиями, сопровождающими начало игры. Потом, поймав полные тщательно скрываемого ожидания взгляды партнеров, Форрест откинулся в кресле и, рассеянно продолжая начатую партию, приступил к своему рассказу.

— Как вы помните, господа, наши дела с покойной Мэри-Энн Габор включали в себя и работу с определенного... гм... сорта антиквариатом. Вещи, что побывали в руках великих людей и разных... э-э... сильных мира сего... На такого рода барахло существует довольно устойчивый спрос. И она, и я в то время были частыми гостями на всяческих специализированных аукционах, закрытых распродажах и тому подобных... мероприятиях. Но, признаюсь, цирковой реквизит — это далеко не моя стихия. Я, пожалуй, и в мыслях никогда не имел покупать «Сундук Денджерфидда», да я его и не покупал. Сундук не достался бы мне, если бы Крис не был моим другом...

— Кристофер Денджерфилд? — удивленно поднял бровь Кон и забрал со стола карты, сброшенные ему партнерами. — Вы и вправду знали его лично?..

— Я-то думал, что вы все знаете о Форресте Дю Тампле... — промурлыкал себе под нос Фрагонар, добывая из колоды карты.

— Я не особенно рекламировал свои с Крисом отношения... — чуть косо улыбнулся сам Форрест. — Он был подобен комете — Крис Денджерфилд. И хвост этой кометы состоял из сплошных скандалов и разоблачений... Это не по мне... Я — человек негромкий. Многие даже считают меня скрытным. Пусть так... Познакомился я с ним задолго до этого, когда мы еще зелеными мальчишками попали в гнилые окопы во время событий на Архипелаге...

— Так что же, все эти рассказы о том, что ему на самом деле триста с хвостиком лет и что отец его — колдун из болот Парагеи, а мать — ведьма с Шарады... Это все — абсолютная туфта? — несколько разочарованно осведомился Кон, не отводя глаз от своих карт.

— Вот как раз насчет этого не буду утверждать ничего конкретного, — задумчиво промычал Форрест, тоже погрузившийся в размышления над выпавшей ему комбинацией, и зашел шестерки треф. — Крис никогда не болтал о своей родословной, — продолжил он уже более легко. — Никогда не говорил на сей счет ничего лишнего. Ну и слегка темнил относительно своего происхождения вообще. Есть такой джентльменский способ распускать о себе слухи. Ничего не придумывать самому, а только подкинуть пару-другую «немых», так сказать, намеков... Ну, скажем, давал вам посмотреть фото в журнале, на котором он или кто-то как две капли на него похожий был снят лет пятьдесят назад в одной компании с давно умершими знаменитостями... Вот так просто: на вашей же книжной полке находит ваш же пожелтевший экземпляр журнала и в нем нужную страницу с тем самым фото. И — никаких комментариев. Можете сочинять на этот счет какие угодно объяснения. Крис вам в этом деле не помощник... Подписи? — Форрест поднял взгляд на задавшего вопрос Фрагонара. — Ах подписи к снимкам? Как правило, они вам ничем помочь не могли... Или имена изображенных на фото не приведены, или приведены, да не все... Или там напечатано что-нибудь в духе «служащий фирмы «Каркано»» или «участник состязаний мастеров карточных фокусов»... Или он мог затеять разговор о какой-нибудь редкостной диковине, ну, например, об ожерелье Ибн-Джеллуда, о Скрижали Дурной Вести, — причем затеять разговор этот в компании, где блистают, как говорится, своим присутствием знатоки. Такие знатоки, которые, что называется, зубы съели именно на этой вот диковине. Крис и сам, как правило, выказывал незаурядную, уникальную порой — неведомо откуда им заполученную

— эрудицию в затронутом вопросе. А потом он приглашал собравшихся зайти в какой-нибудь закуток своего жилища, «норы», как он любил выражаться. Он, знаете, всегда, куда бы его ни заносила судьба, умудрялся поселиться прямо-таки в каком-то лабиринте комнат и таких вот закутков, способном запутать даже профессионального спелеолога. И вот в таком закутке он показывал желающим нечто поразительно напоминающее предмет застольного разговора. Никогда он при этом не затрагивал вопрос о подлинности того... м-м... экспоната, который он этак вот демонстрировал. В лучшем случае осведомлялся: «Похоже, а?..» Но не более того. Если речь шла о какой-либо вещице, не требующей особого обхождения, ну, о чем-нибудь вроде того же самого магического перстня или какого-то фолианта, то Крис запросто мог пустить вещь по рукам — для лучшего рассмотрения...

Что? Вы говорите, что на том мы, наверное, с ним и сошлись — на пристрастии к диковинному антиквариату, к дымке легенд, окружающих такие вот изыскания, к головоломным розыгрышам... Должен огорчить вас — нет! Пожалуй что это он, Крис Денджерфилд, пристрастил меня к такому вот занятию, как... э-э... обращение вокруг да около всякой экзотической рухляди... Но никогда в этом деле я не достигал таких высот, как он, Крис... Мы с ним были и остаемся... м-м... существами, живущими в различных плоскостях, господин Фрагонар... И соприкоснуться нам было суждено лишь на узкой грани пересечения этих плоскостей... Уж так устроен мир... И так устроены мы сами... То в нас, о чем мы знаем или догадываемся...

А тогда — в молодости — нас свела война.

Теперь об этом довольно забавно вспоминать — кто теперь берет в расчет Архипелаг со всеми его проблемами? Но тогда это были события для первых трех минут новостей по ТВ и для первых полос газет... Должен сказать, что реальному масштабу событий это никак не соответствовало. Большую часть времени мы — тогдашние «миротворцы» — сражались с сыростью в палатках, насекомыми и... со скукой. За полгода нас только дважды бросали в бой. В первом я заработал вот это...

Форрест дотронулся до причудливого шрама, пересекавшего — сверху вниз, через бровь и веко — левую сторону его лица.

— А во втором — спас Крису Денджерфилду жизнь. Кстати, вы — первые, кому я рассказываю об этом. Оцените.

— Он что, всерьез запрещал вам рассказывать эту историю? — поинтересовался Джависси. — Она выручила бы вас на суде. Особенно если бы нашлось кому подтвердить ее.

Форрест чуть нахмурился.

— В обычном смысле этого слова — нет. Но... Но что-то заставило меня промолчать тогда об этом... Знаете... Может быть, это странное чувство, но, мне кажется, каждый его ощущал — в той или иной мере... Временами всем нам очень хочется, чтобы у тебя был какой-то секрет... Причем такой, на который душа наша смогла бы опереться в скверный час сомнений в себе... Что-то бесспорно хорошее, сделанное не напоказ — чистое и незамутненное хвастовством... Это был как раз тот случай... И Крис ценил это мое молчание. А я — ценил то, что он ценил его...

Форрест усмехнулся своему воспоминанию и взял из колоды прикуп.

— Так и сложилось у нас это небольшое — всего из двух членов — тайное общество... И я стал неким... э-э... допущенным в этакый круг посвященных. В один из многих кругов, которыми любил окружать себя Крис... Извините за каламбур.

— И что же он... — задумчиво рассматривая свои карты, промычал Фрагонар. — Он,

рядовой Крис Денджерфилд, по документам и по внешнему виду — особь призывного возраста, уже и тогда любил разводить вокруг себя всю эту эзотерику про свое происхождение от Предвечных Сил и про свое родство с Калиостро и Агасфером?

Форрест мягко улыбнулся:

— Сказать, что все это пришло только потом, будет неверно. Крис уже и тогда был тот еще темнила... Но тогда у всего этого не было еще привкуса большого бизнеса. Просто этакое любительское, перманентное шоу для узкого круга друзей... Чтобы не сдохнуть от злой тоски и дешевого виски в мокрой грязи Архипелага...

Образно говоря, Крис был тогда Арамисом из «Трех мушкетеров» — не из «Виконта де Бражелона». Даже не из «Двадцати лет спустя».

— И вы так и не расставались с ним с тех пор, пока?.. — заинтересованно спросил Кон и постучал пальцем по брошенной перед ним карте, сиюсь обратить внимание подслеповатого адвоката на то, что козыри в этой их партии — вовсе не крести. — Я помню тебя после армии, Фости, — ты очень изменился тогда, но я и слыхом не слыхивал про твои дела с Денджерфилдом...

— А и не было никаких дел, — добродушно отозвался Форрест и начал сбрасывать карты. — Была... э-э... вяло текущая переписка... В основном — розыгрыши со стороны Криса. Он их любил, розыгрыши... Я уже говорил об этом. И иногда — просьбы помочь советом. Чаще всего — шутливые такие просьбы, словно бы и не всерьез... А в остальном — мы «дозревали» каждый сам по себе, каждый на своих дорогах. Я тужился доказать хотя бы самому себе, что представляю самостоятельную — как солидный, практикующий адвокат — ценность, будучи, так сказать, взят отдельно от миллионов прапрадеда Форреста. Ну а Крис — он... э-э... вращался. В тех кругах, в которых надлежит вращаться такому, как он. И это длилось довольно долго. Ну а потом...

Форрест помахал в воздухе двумя оставшимися у него на руках картами.

— А потом снова пришла мне пора спасать Криса Денджерфилда. Вы, часом, не помните процесс «Демидовф против Демидовфа»?

Фрагонар нахмурился.

— Что-то шевелится в памяти... Но...

Форрест усмехнулся.

— Да-да! Именно — «что-то шевелится»! Но в чем там было дело — как-то не припоминается, не так ли? И ничего удивительного. Все было сделано — и ваш, как говорится, покорный слуга к тому немало руку приложил, — чтобы нормальная человеческая особь, из тех что имеют привычку по утрам читать газеты, а с вечера — глазеть в «ящик», ни за что бы не поняла, в чем там у этих русских дело. А главное — все было сделано для того, чтобы даже народ попроницательнее не дознался, что главным обвиняемым на процессе этом был не кто иной, как Кристофер Луис Денджерфилд. Настоящая его фамилия и имя, данные ему при крещении, были и есть Кирилл Демидовф. Денджерфилд, так же как и Кристофер, и Луис, — это все появилось при записи в армию. Вы же знаете...

Форрест повернулся к Фрагонару.

— Вы знаете эту нашу гусарскую традицию при записи в добровольцы в военное время — новобранец может взять имя и фамилию какого-нибудь дальнего родственника. Или вообще записаться под псевдонимом, взятым с потолка.

— Это — не такое уж гусарство, — заметил адвокат, перебирая свои карты. — Такая

практика помогает загнать в окопы немало шалопаев, числящихся в розыске. Или имеющих другие проблемы с законом... Это выгодно и для армии, и в общем-то для общества. Так, значит, Денджерфилд был из добровольцев? Я — пас.

Последнее относилось к картежной партии.

— Да, — кивнул Форрест. — Он был именно из тех добровольцев, которых вы имели в виду... А потом сохранил за собой новое имя. А на деле — он сын одного и племянник другого выходца из русской Сибири. Вот с ним-то Демидовы-старшие и схлестнулись на том процессе. Кажется, впрочем, сын он был приемный, а значит, и племянник не родной. Как я уже говорил, по-моему, Господь, да и сам Крис не допускали, чтобы хоть в каком-то вопросе, касающемся этого парня, что-нибудь было ясно от начала до конца.

Форрест умолк, потирая переносицу, затем продолжил:

— Вот после четырех лет — пока шел этот достославный процесс — работы рука об руку с Крисом мы стали, пожалуй, значительно ближе друг другу... Правда, я заработал дурную славу и адвокатскую практику оставил... Это дало мне массу свободного времени. Тогда мы с тобой, Кон, и основали «Вуд продактс»...

— М-да... Хорошие были времена... — как бы про себя пробормотал Кон, бросая исподлобья осторожный взгляд на бывшего партнера.

Вполне возможно, тот пригласил его именно для того, чтобы снова вернуться в дело. Что ж, тут было о чем потолковать. Кон осторожно поглядел на часы. Неторопливая партия слишком затянулась. Джависси вовсе не хотелось, чтобы завязывающийся разговор был прерван появлением шерифа Уолтера.

— В общем, — свернул разговор в прежнее русло Фрагонар, — у Кристофера были все основания быть благодарным вам?

— Да, были... — подтвердил Форрест, покрывая козырной карту Джависси. — Он и отблагодарил меня, как и следовало ожидать, довольно своеобразным способом.

Он криво усмехнулся.

— Старина Крис завещал мне Ларец принцессы Фесты. Тот самый сундук, о который вы чуть было не поломали себе ноги там, наверху, Филипп... Откроем карты, господа?

Он широким жестом сдвинул в сторону блюдо с нарезанным сыром. Нож — совсем не подходящий для сервировки стола охотничий кинжал — соскользнул на пол. На пару секунд Форрест отвлекся, пытаясь извлечь его из-под стола, но, видно, не добившись результата, тут же вернулся к картам, лежавшим на столе рубашкой вниз.

— Мы ведь играли на интерес? — осведомился Кон.

— Разумеется, — успокоил его Форрест. — Вы не должни мне ни гроша.

Он собрал карты со стола и принялся тасовать их.

— Еще партию?

Не дожидаясь согласия партнеров, Форрест принялся раз давать карты.

— М-да... — бросил Фрагонар. — Если это действительно тот самый сундук, то господин Денджерфилд сделал весьма щедрый подарок... Он завещал вам целое состояние, Форрест.

— Учитывая, что Крис хоть немного, но моложе меня...

Форрест плеснул себе виски.

— Учитывая это, жест его был чисто символическим. И притом весьма своеобразным. Ключи от этого антикварного чуда он завещал продать с аукциона, а полученные за них деньги передать в фонд Музея Магии своего имени...

— Согласен, — признал адвокат, наполняя свой стакан на треть. — Шансов получить завещанное у вас было немного. Он был довольно злой шутник, этот Крис Денджерфилд. Ну и картишки вы мне сдали, Форрест...

Он крикнул и пригубил спиртное.

— Не знаю, как насчет возраста, — задумчиво перебирая доставшихся ему дам и валетов, бросил Дю Тампль, — только последний год своего пребывания на этом свете Крис боял вовсе не той смерти, что приходит со старостью...

— У него завелись враги? — осведомился Кон, наливая себе виски. — Или начались неприятности с законом?

Форрест поморщился от чего-то, что стало досаждать ему последние несколько минут, и добавил виски в свой стакан.

— Похоже, что Крис связался с какими-то опасными типами и стал всерьез задумываться о том, чтобы податься в Дальние Миры. Исчезнуть... Но не успел. Хотя тот пожар в концертном зале и признан просто роковой случайностью, я думаю, что это было профессионально сработанное убийство.

Он осторожно покрыл карту Фрагонара единственным козырем, выпавшим ему в этой раздаче.

— Итак, в наследство вам досталась, так сказать, пустая коробочка... — сочувственно пробормотал адвокат и забрал заработанные карты со стола.

— К тому же коробочка запертая, — вздохнул Форрест. — Зато Крис оставил мне прекрасную возможность выкупить ключи от этой коробочки на аукционе. Вы, наверное, помните, что распродажа реквизита шоу Денджерфилда и его личных вещей стала большим событием. За галстук, который Крис и надевал-то раз в жизни, или за его шляпу отваливали целые состояния. А с чертовыми ключами вообще приключилась история, достойная пера какого-нибудь классика... Я пас.

— И я, — коротко бросил Кон. — Кстати, был я на том аукционе. Сам, разумеется, ничего не купил, так, поторчал из любопытства. Но что-то не помню, чтоб видел там тебя...

— На торги пошла Мэри-Энн, — пояснил Форрест. — И чуть не пустила меня по миру. Дело в том, что в проклятые ключи клещами вцепились еще два покупателя. И каждый раз, когда Мэри повышала ставку, кто-нибудь из них, в свою очередь, чуть ли не удваивал предложенную цену. Так ключи чуть и не ушли от нас...

— Я, кажется, начинаю что-то припоминать... — пробормотал Кон и в два глотка опорожнил содержимое своего стакана. — Я беру прикуп...

— Нас спасло только то, — продолжил Форрест, — что эти типы не смогли вовремя расплатиться наличными. Как вы знаете, на наших аукционах не жалуют чеки, расписки и векселя. Особенно после последнего дефолта. И вообще любые бумажки, кроме федеральных баксов наличными... У Мэри на руках была «зелень». В необходимом количестве. А у господ соперников наличных не оказалось. Только чеки и тому подобная муть. Те, кто их послал, не очень-то доверяли своим порученцам... За что и поплатились.

Кон почесал в затылке.

— Значит, вам не пришлось ломать замок на вашей коробочке? И что в ней нашлось?

Форрест поднял на него взгляд — пристальный и какой-то мутный одновременно. Потом поднял к губам свой стакан и, не отводя глаз от собеседника, мелкими глотками опорожнил его.

— Собственно, мы там нашли именно то, что произошло с Мэри... Хотите увидеть кое-

что собственными глазами?

Снова неприятно поморщившись, он поднялся из-за стола. Звякнул связкой ключей, вынутой из кармана.

— Пошли, Кон... Он здесь, наверху, этот сундук... Одна симпатичная мисс как раз занимается его замком. Так что мы не будем там одни. Подождите нас здесь несколько минут, Филипп. Вам будет интересно послушать то, что вам расскажет старина Кон... Карты подождут нас... Возьмите со стойки фонарик, Кон. Там темно — наверху...

Кон положил свои карты рубашкой вверх, нехотя поднялся и последовал за хозяином дома.

— Вы прихрамываете, — окликнул поднимавшегося по лестнице Фрэгонар. — Что-нибудь серьезное? Раньше не замечал...

— Ерунда, — отмахнулся Фрэгост. — Щиколотку расшиб, когда вылезал из машины... Да, чуть не забыл — там, на полке — конверт. В нем — кое-что интересное для вас. Почитайте на досуге. Дома. Именно дома — не здесь. Вы меня поняли, Филипп?

* * *

Оставшись в одиночестве, адвокат добавил себе в стакан виски и потянулся к блюду с закуской. Вспомнив про свалившийся под стол нож, заглянул под дубовую столешницу. Никакого ножа на ковре не было.

Фрэгонар задумчиво откинулся на спинку стула, пригубил виски и зажевал глоток спиртного кусочком сыра. Сыр пришлось отламывать. Как раз в тот момент, когда адвокат рассеянным взглядом искал на столе салфетку, чтобы вытереть пальцы, на каминной полке музыкально запела трубка мобиьника.

Адвокат со вздохом поднялся и, подойдя к камину, подождл немного: может быть, докучливый ночной абонент повесит трубку, не получив ответа. Но мобиьник продолжал наигрывать «О Сюзанна, моя Сюзанна» с интервалами в четыре секунды. Фрэгонар снова вздохнул и поднес трубку к уху.

— «Дом Фрэгоста», — устало произнес он. — Здравствуйте, шериф... Да, вы угадали, с вами говорит Филипп Фрэгонар... Да, и господин Джависси тоже здесь, вы опять угадали. Вообще говоря, мы втроем всего лишь перекидываемся в картишки. А сейчас хозяин повел Кона наверх — на чердак. Демонстрировать ему свой антиквариат...

Послушав еще с минуту курлыкание трубки, адвокат потер лоб и неуверенно произнес:

— Вы знаете... Может быть, это будет нелишне... Во всяком случае, ничего дурного не будет в том, что вы заглянете сюда на огонек... И, знаете, чем быстрее вы это сделаете, тем лучше...

Он положил трубку на место и вопросительно воззрился на спускающуюся по винтовой лестнице Кончу.

— Вы уже закончили, Кончита? — осведомился он.

— Да... — рассеянно отозвалась девушка. — Знаете, Филипп, выходит, что это и впрямь сундук принцессы. Я повозилась немного с замком — Фрэгост был прав — кто-то пытался с ним почудить, пока хозяин мотал срок. Но теперь все в порядке.

Светильник под потолком мигнул, на мгновение погрузив и без того мрачную столовую «Дома Фрэгоста» в полумрак. Но уже через секунду освещение пришло в норму.

— Действительно — Ларец Фесты? Тогда Форреста можно поздравить, — заметил Фрагонар. — У него появился шанс хорошо поправить свои дела. На любом аукционе...

— Аукционе?... — рассеянно переспросила девушка.

Она то ли думала о чем-то своем, то ли просто прислушивалась к тому, что происходит там, наверху. Фрагонар тоже посмотрел вверх.

— А, э-э?... — вопросительно промычал он, указывая на потолок.

— Форрест дал мне понять, — подала плечами Конча, — что третий там — лишний. Да мне и в самом деле нечего делать там...

Адвокат тоже пожал плечами. Потом, вспомнив что-то, взял с каминной полки и поместил во внутренний карман пиджака конверт, на котором было написано его имя.

— Я не решаюсь предложить вам, мисс, столь крепкое угощение... — начал он, указывая жестом на полупустой графин.

— Глоток не помешает мне на сон грядущий, — заверила его Кончита и, открыв дверцы буфета, извлекла на свет божий еще один хрустальный стакан. Она была своей в этом доме. Дунув в нутро стакана, чтобы избавить его от пыли, она уверенной рукой отмерила себе в него свой глоток виски — довольно основательный.

«Всех сегодня тянет на выпивку, — подумал Фрагонар. — И меня тоже. Предчувствуем недоброе и глушим предчувствие спиртным...»

Внизу раздался стук дверного молотка — уверенный и требовательный. Фрагонар сделал еще глоток из своего стакана и поспешил к лестнице, ведущей в прихожую. Почти одновременно на другой лестнице, той, что вела на чердак, появился Кон Джависси. Он был бледен как полотно.

Фрагонар оглянулся на него и остановился, присматриваясь.

— Что-то случилось? — дрогнувшим голосом спросил он.

* * *

— Раскройте сундук, мисс, — голосом сухим, словно песок Сахары, распорядился шериф. — Вы можете это сделать без ключей?

Конча откашлялась.

— Вы не соблаговолите отвернуться, господа? Как-никак дело идет о моем «ноу-хау»...

Уолтер пробормотал нечто о дамских капризах и демонстративно стал спиной к пресловутому сундуку. Фрагонар и Джависси отвернулись молча. С минуту в сумраке чердака царила почти полная тишина. Только легкое побрякивание инструментов Кончи нарушало ее.

— Можете повернуться, — сообщила она. — Все готово. Прикажете открывать?

— Открывайте, мисс, — кивнул шериф.

Конча жестом фокусника откинула не слишком тяжелую крышку темного, окованного узорчатыми металлическими полосами сундука и направила внутрь его луч карманного фонаря. Сундук был пуст. Для пущей уверенности шериф опустил в него руку и немного помахал ею. Потом выпрямился и уставился на Кона. Кон тихо застонал.

— Прекратите скулить и повторите то, что вы рассказали нам там, внизу, — сурово приказал ему Уолтер.

— Вы все равно не поверите мне... — уныло выдавил из себя Джависси.

— Оставьте это мне! — прикрикнул на него шериф. — Оставьте мне право решать, верить вам, Коннор Джависси, или не верить! Ваше дело повторить ваш рассказ — слово в слово!

Внизу по лестнице затопали шаги, и над обрезом люка, ведущего в нижние помещения, появилась голова в широкополой шляпе помощника шерифа.

— Наконец-то, Джим, — приветствовал голову Уолтер. — Серж с тобой?

— Он здесь, — заверила его голова Джима. — Нам подняться к вам?

— Нет! Торчать на лестнице до второго пришествия! — раздраженно ответил Уолтер. — Разумеется, полезайте сюда и прочешите всю эту голубятню! Ищите запасной выход. И отмечайте все подозрительное! Если наткнетесь на покойника — не удивляйтесь...

— Второго выхода здесь нет, — сообщил Джим, наконец забравшийся на просторный чердак «Дома Форреста». — В смысле — есть еще пара чердачных окон. Так мы же их держали под контролем...

Фрагонар удивленно откашлялся. Оказывается, пока они с Форрестом и его неприятным гостем перебрасывались в картишки, дом находился под наблюдением...

— Нам уже пару раз приходилось полазить по этому чердачку, — уточнил возникший из люка вслед за Джимом Серж Петровски. — Первый раз — когда искали труп пропавшей Габор. Второй — когда дом пытались грабануть. Да вот и мисс, которая тогда подняла переполох...

Он кивнул на Кончу, та утвердительно кивнула в ответ. Уолтер воззрился на нее.

— Вы... Вы, кажется...

— Это мне Форрест оставил ключи от дома, — разрешила его сомнения Кончита. — Перед тем, как его свезли в каталажку. Имущество-то его не конфисковали, и он хотел, чтобы за домом кто-то присматривал.

— А кем вы ему, вообще говоря, приходитесь? — осведомился Уолтер. — Я что-то запамятовал.

— Никем, — пожала плечами Конча. — Доверенным лицом, если хотите...

Тут в разговор вмешался агент Петровски. Он нагнулся и посветил на пыльный пол фонариком.

— Вы хотели найти что-то подозрительное? — повернулся он к шерифу. — Вот, пожалуйста... Прямо у вас под ногами. Посвети сюда, Джим.

Он аккуратно — за острие и кончик рукоятки — поднял и поднес к свету охотничий нож. Фрагонар узнал его. Агент Петровски поморщился.

— На нем — кровь, — добавил он. — Интересно...

— И впрямь — интересно... — согласился Уолтер и посмотрел на ставшего окончательно белым, словно мел, Джависси. — И особенно интересно вот что... Ты уверен, Кон, что на «перышке» нет твоих «пальчиков»? Джим — упакуй вещдок...

— Мои «пальчики» там есть, — выдавил из себя Кон. — Можете быть уверены, шериф. И часа не прошло, как я этим ножиком сыр нарезал... Господин адвокат, — он кивнул на Фрагонара — не даст соврать...

— Сыр?.. — задумчиво буркнул себе под нос Уолтер. — Не только сыр, дорогуша. Но к этому мы еще вернемся — чем вы там закусывали и какую употребляли выпивку. Спиртным-то от тебя разит порядком, дорогуша... Так что — мы язык проглотили? Я же тебе ясно сказал — повтори нам ту сказочку, что рассказал тогда, с самого начала...

Кон сглотнул слюну и, запинаясь, начал второй раз рассказывать о том, как, оставив на

середине начатую партию в карты, Форрест пригласил его на чердак — показать нечто связанное с исчезновением Мэри-Энн.

— Эта мисс была тут, — кивнул он на Кончу. — Но очень скоро ушла... Откинула крышку сундука и ушла. Потом... Потом он стал говорить, что сундук этот — вовсе не сундук, а переносной Портал...

— Портал, говоришь? — ироническим эхом отозвался Уолтер.

— Ну, вроде двери в какие-то другие миры... — зло оскалился в ответ Джависси. — Я не запомнил всего, потому что это мне показалось совершенной чепухой. Бредом... Потом он сказал, что через этот Портал Мэри-Энн и исчезла. Неизвестно куда... И спросил — не хочу ли я убедиться в том, что он правду говорит...

— Ты упускаешь один момент, Конни, — прервал его Уолтер. — Ты не уточнил, когда прихватил с собой «перышко»...

— Я ножа этого с собой не брал, — кисло возразил Кон. — И не знаю, как он тут оказался...

— Может, ты этого просто не помнишь? — вкрадчиво осведомился шериф. — Знаешь, виски иногда отшибает память...

— Прости, Уолтер, но я — не клептоман! — взвился Кон. — И если и пропустил стаканчик спиртного, то за свои действия все-таки отвечаю! Скорее всего, это Форрест притащил сюда эту штуку!

— Ага... И сам себя ею пырнул? — усмехнулся Уолтер. — Тебе назло. Или это — твоя кровь на лезвии? Совсем еще свеженькая... Ты ненароком не порезался где? Или, может, у тебя носом кровь шла?

— Он мог и себя пырнуть! — зло ответил Джависси. — Запросто. Именно чтобы вот так меня подставить! Незаметно, куда-нибудь в неопасное место ткнул себя и измазал лезвие...

— Очень, просто очень правдоподобно, — усмехнулся шериф. — Ну, давай, продолжай свою сказочку.

Стараясь успокоиться, Кон облизнул пересохшие губы и заговорил по-прежнему глухим, срывающимся голосом:

— Он... Он открыл этот чертов ящик и влез в него. Сами видите — вместительная штука. И попросил меня закрыть за ним крышку. На минуту-другую, как он выразился, не более. Ну и я, дурак, рад стараться... Действительно прикрыл. И действительно подождал эти пару минут... Чтоб черти меня живьем сожрали за такую наивность!

— То неплохо, что ты считаешь себя самым наивным типом среди нас, грешных, — одобрил его Уолтер. — Ну и конечно, когда ты открыл сундук...

— Хрена вам с маслом, господин шериф! Замок коробочки-то захлопнулся! Я это не сразу сообразил, черт бы побрал мои заплывшие салом мозги! И когда я попробовал открыть чертову коробочку, она открывалась не лучше, чем банковский сейф жулику в плохую погоду. Ну, я принялся колотить по чертовой крышке и орать Форресту, — в том смысле, что, мол, хватит дурачиться... Тут еще, как назло, фонарик погас. Ну и тут же снова зажегся... А потом... Потом, Уолтер, я понял, что в сундуке-то этом уже ни-ко-го нет!

Кон замолчал и некоторое время, вытаращив глаза, смотрел на шерифа.

— Ну и с чего же ты это взял? — наконец спросил тот. — У тебя что, на пупке рентген приделан? Или что еще?.. Не замечал раньше...

— Просто по звуку понял, — угрюмо пояснил Кон. — Да и когда стал качать его и двигать, уж больно легким показался... Ну я и ломанул вниз — за подмогой. А тут — вы...

Ну, дальше — сами знаете...

Уолтер помолчал немного, сверля тяжелым взглядом физиономию Кона. Потом повернулся к своим помощникам.

— Сдается мне, что этому мистеру не повредит провести ночь у нас в гостях... Может, ему в голову придет что-нибудь больше похожее на правду... Проводи его, Джим...

— Я имею право... — начал было Кон.

— Своему адвокату ты позвонишь из участка, — оборвал его Уолтер и повернулся к хранившим молчание Фрагонару и Кончите. — Пойдемте вниз, господа... Как я понимаю, вам нечего добавить к тому, что наплел тут этот тип?

— Знаете, Уолтер... — потирая лоб, медленно произнес Фрагонар, глядя вслед влекомому под руку помощником шерифа Джависси. — Все это действительно похоже на бред, но... По-моему, он не лжет. Именно так все и было скорее всего... За этим сундуком стоит хорошенько присматривать. Мне Форрест о нем рассказал нечто очень похожее на то, что говорил тут Кон.

— На этот счет — не беспокойтесь, господин адвокат... — со вздохом произнес шериф, подхватив Фрагонара под локоть и увлекая его к лестнице. — Я не настолько тупой коп, чтобы не видеть, что дело тут совсем не простое. Так что будьте готовы со мной побеседовать — завтра с утра, в моей конторе. Беседовать будем обстоятельно. Постарайтесь вспомнить все, что связано с Форрестом и его делами... И, боюсь, не только со мной вам придется вести такие разговоры...

Они спустились в опустевшую гостиную, и Уолтер смолк, выжидая, когда к ним присоединится Кончита.

— Это и к вам относится, мисс, — строго воззрился на нее шериф. — Сдается мне, что Форрест с вами был, как говорится, на короткой ноге...

— Что значит «был»? — пожала плечами Конча. — Он и сейчас есть. Только — далеко отсюда...

— Я не хочу вас пугать, господа, — мрачно оборвал ее Уолтер, — но Форрест, вернувшись из мест не столь отдаленных, притащил за собою неслабый «хвост». Господа федералы сильно заинтересовались его делишками и ошиваются в двух шагах отсюда. А вчера мои люди сцапали подозрительного субчика. Этот тип сначала разнюхивал тут всякое-разное о «Доме Форреста», а потом надумал вломиться в сам этот домик. Тут мы его и замели — прямо под носом у людей Управления.

Впрочем, Форрест об этом узнать не успел... И не знаю, когда успеет теперь. У меня с этими заморочками сложился довольно большой, как говорится, дефицит времени. Так что этой ночью мне предстоит еще много головной боли. Я оставлю пару людей присматривать за домом. А вам обоим рекомендую хорошенько выспаться и с утра пораньше быть у меня. Постарайтесь не контактировать с незнакомыми людьми. Выделить вам сопровождающих?

Адвокат всплеснул своими удивительно изящными — достойными пианиста-виртуоза — руками.

— Не стоит, — воскликнул он. — Поверьте, не стоит беспокоиться и отрывать людей от дела. Я подброшу мисс до дому и прослежу, чтобы все было благополучно... Разрешите принести вам извинения за...

Уолтер только отмахнулся от адвоката и угрюмо пробурчал, что в таком случае никоим образом не задерживает ни мисс, ни мистера.

— Остановите машину здесь, за поворотом, Филипп, — попросила Конча, как только «Дом Форреста» скрылся из виду за стеной деревьев. — Я сойду, — ответила она на немой вопрос, означивший себя на физиономии почтенного адвоката. — Старина Уолт прав — за домом и за сундуком в особенности надо приглядывать. По крайней мере, пока Шесть Лун бегут по небу...

— Господи! Да старина Уолтер вам уже достаточно ясно сказал, что не оставит дом без присмотра... Его люди вас просто не пустят туда...

— Вот кого меньше всего должны опасаться злоумышленники, — хмыкнула Конча, — так это увальней из нашего милицейского ополчения. А я так вообще пройду сквозь них, как сквозь вечерний ветерок. Когда желаешь незаметно пройти мимо людей Уолтера, главное — не спугнуть какую-нибудь псину. Или не споткнуться о кошку. Но ни кошек, ни собак окрест не водится... Живность вообще не любит эти места...

А если все-таки я напорюсь на этих стражей порядка, то у меня — неплохая отмазка. Вот!

Она вытащила из кармана джинсов связку ключей и потрясла ею в воздухе.

— Я, господа, всего лишь хотела вернуть на место ключи от хозяйства Форреста! Он, видите ли, не успел еще забрать их у меня...

Адвокат осуждающе покачал головой.

— Кончита, я тебя знаю, можно сказать, с детства. — Фрагонар перешел на «ты» — это был признак серьезной обеспокоенности. — А твои родители были моими хорошими друзьями. Знаешь, я до сих пор считаю себя в какой-то степени в ответе за тебя перед ними... Будь они живы... Ей-богу, отец просто велел бы надрать тебе уши за твои постоянные затеи...

— Не кипятитесь, Филипп! — вскинула вверх тонкие, сильные руки Конча. — Ты был прекрасным опекуном. Но ведь ты — не опекун мне больше?!

Фрагонар тяжело вздохнул.

— Формально я не несу за тебя, Кончита, больше никакой ответственности. Но...

— Ладно, оставьте эти «но» для суда присяжных, — снова перешла на «вы» Конча. — Теперь за себя отвечаю только я сама... Единственное, о чем я вас попрошу, господин адвокат, это не поднимать шума. Просто вы высадили меня на Мэлоун-лейн — и дело с концом. Не здесь, а именно на Мэлоун-лейн. Ладно?

Конча выпорхнула из притормозившего у обочины кара, оставив после себя аромат редких духов и терпкое ощущение тревоги.

Фрагонар — за те десять лет, что довелось ему быть опекуном Кончиты Фарга — успел хорошо узнать ее крутой характер. Так что, оставив даже помышлять о том, чтобы воспрепятствовать исполнению очередного замысла, созревшего в ее взбалмошной, но вовсе не лишенной мозгов головке, он тронул кар в направлении центра города. Разве что на пару секунд задержался, чтобы проводить взглядом ее хрупкую фигурку. Но фигурка эта почти мгновенно скрылась во мраке — на Гиблых Болотах с освещением было неважно.

В своей оценке людей шерифа Конча была совершенно права. Ни агент Петровски, ни приданный ему в усиление констебль Лейстнер и ухом не повели, когда от окружавшей «Дом Форреста» темноты отделился небольшой ее — этой темноты — клочок и, еле слышно побренчав ключами, исчез в провале окна угольного погреба. Все внимание обоих стражей порядка было целиком и полностью сосредоточено на двух дверях, украшающих фасад здания, и на черном ходе, ведущем в заброшенный сад.

В угольном погребе «Дома Форреста» и впрямь когда-то, в лихую годину Изоляции, сваливали уголь. Его на Квесте хватало. До сих пор в воздухе этой каморки с низкими сводами ощущался характерный, отдающий сероводородом, запах древнего энергоносителя.

Конча прислушалась к тишине и, убедившись, что покой хранителей дома не нарушен ее появлением, через незапертую дверь, ведущую в котельную, проскользнула в дом. Она достаточно хорошо помнила внутреннее устройство «Дома Форреста» и даже не стала доставать из кармана свой мини-светильничек. Из котельной через кухню не так уж и сложно было выбраться в гостиную, а там — тихо, по-кошачьи, чтоб не скрипнула ни одна ступенька — по винтовой лестнице подняться к люку, ведущему на чердак. Против этого, сработанного из местной, прочной, как камень, древесины (в миру именуемой «дубом»), люка умение Кончи сладить с самыми хитрыми замками и задвижками было бесполезно. Требовалась элементарная физическая сила.

Проклиная ослов, додумавшихся опустить проклятое дубовое надгробие на проем люка, Конча кое-как сдюжила-таки с чертовой доской и оказалась во мраке чердачного пространства. Но, как ни глубокий был этот мрак, она успела заметить в нем некое стремительно-испуганное движение и уловить едва слышный, скользкий звук то ли затвора пистолета, то ли ключа в замке. Беззвучно Конча откатилась в сторону от разверстого люка. Помедлив мгновение, крышка его с дьявольским грохотом захлопнулась. Что, впрочем, не помешало Кончите совершенно четко расслышать четыре торопливых хлопка. Сильно обожгло голень — кто-то палил по ней из ствола с глушителем. Палил почти в упор, но почти промазал.

Ориентируясь больше на свое чутье, чем на скудные показания органов чувств, она коротким рывком бросилась под ноги невидимому врагу. Бросок получился в общем-то удачным. Неудачным было лишь то, что противник этот, заорав нечеловеческим голосом, грянулся оземь, производя такой треск и грохот, что, если бы людям Уолтера — там, внизу — напрочь заложило уши, они все равно не смогли бы не услышать этот концерт. Вдобавок чертов недоумок еще раз выпалил в белый свет, как в копеечку, и пуля прошла через стекло чердачного окна. Стекло это, по некотором размышлении, сочло нужным обрушиться вниз кучей осколков, дополнив звоном и дребезгом и без того неслабый набор шумовых эффектов. Снизу раздались невнятные восклицания людей шерифа.

Конча — благодаря обострившейся интуиции — сумела поймать в темноте кисть противника, сжимающую пистолет, и принялась ее выкручивать, положив на это занятие все свои силы. Проклятый же отморозок, не мудрствуя лукаво, вцепился ей в руку зубами.

И тут в глаза обоим сцепившимся на пыльном полу противникам ударил луч карманного прожектора. Тип, стрелявший полминуты назад в Кончу, разомкнул зубы, выпустил оружие и шарахнулся прочь. Луч прожектора последовал за ним. И словно защищаясь от него, «тип» включил свой — не менее мощный — ручной фонарь и принялся слепить им неожиданно появившегося нового противника. Мрак чердачного пространства превратился просто в полутьму. В сумрак. Конче даже не пришлось зажигать свой

святильничек.

Стоя враскорячку, оба незнакомца старались — каждый на свой манер — уклониться от луча фонаря противника и при этом навести свой фонарик тому в лицо. Все это напоминало какую-то странную шаманскую пляску.

«Сейчас они начнут сражаться на карманных фонариках, как джедаи из древних видеков», — подумала Конча, отступая подальше во тьму.

Она споткнулась обо что-то. О Господи! — о разверстый сундук! Как видно, застигнутый ею врасплох взломщик успел покопаться в наследстве Денджерфилда. И отмычки у него были не хуже, чем у Кончиты.

— Вам все равно не забрать это! — прошипел один из незнакомцев. — Даже если мы не возьмем это сами, мы не дадим вашей братии заполучить вещь в ваши лапы!

Ответом ему послужили короткие, погашенные глушителем, торопливые хлопки выстрелов. Незнакомец грянулся на колени и швырнул перед собой что-то небольшое. Что-то, что с легким гроыханием покатилося по полу. Что-то, от чего второй незнакомец шарахнулся как черт от ладана.

Снизу, из-под крышки люка агент Петровски и его напарник в два голоса вопрошали о том, «что за чертовщина творится у вас там, наверху?» Оба они не спешили появиться в эпицентре непонятных событий.

Кончита рванула на себя кольцо крышки чердачного люка. И взвыла от боли — ее недавний противник поработал зубами что надо. Да и тянуть тяжеленную, заклинившуюся в своей раме крышку было не в пример тяжелее, чем толкать ее снизу — плечом и спиной. Что-то подсказывало Конче, что в ее распоряжении остались считанные секунды и ждать помощи от тех болванов снизу бессмысленно.

Выход у нее был один. Собственно, не оставалось у нее времени и на то, чтобы врать себе — она и пришла сюда за тем, чтобы этим выходом воспользоваться.

Те полтора-два метра, что отделяли ее от Ларца принцессы Фесты, она преодолела в долю секунды. Задыхаясь от боли в задетой пулей голени и в прокушенном проклятым придурком запястье, она провалилась в странно прохладное нутро сундука. Ей показалось, что изнутри он значительно больше, чем снаружи. Но на размышления об этом у Кончиты просто не было времени. Она стремительно ухватила за вделанную во внутреннюю сторону крышки сундука рукоять и потянула ее на себя.

Крышка эта почти бесшумно захлопнулась. Так же — почти беззвучно — щелкнул замок. Оба фонаря в руках у непрошенных гостей «Дома Форреста» дружно погасли. А через миг чердак озарила слепящим светом молния разрыва плазменной гранаты.

* * *

Филипп Фрагонар — второй человек в Гильдии Адвокатов Малой Колонии — тяжело поднялся по ступеням, ведущим к дверям его дома. Он вовремя вернулся — небо начинали затягивать тучи ночной грозы. В вестибюле он мрачно кивнул спустившемуся ему навстречу старине Фицпатрику, не столько потомственному дворецкому семьи Фрагонаров — немногие на Квесте могли позволить себе роскошь содержать живого дворецкого, — сколько неотъемлемому члену этой семьи.

— Похоже, мне не удастся выспаться этой ночью, Джон, — вздохнул он, отдавая

Фицпатрику свой плащ. — Будь добр, принеси в каминную плед, знаешь, мой любимый...

(Кому уж, как не Джону Мэйкпису Фицпатрику было не знать этот красно-синий плед, появление которого на сцене означало глубокое душевное смятение хозяина дома).

— И... И позаботься о гроге, Джон... Знаешь... В ночь Быстрых Лун грог иногда помогает нервам...

Джон отвесил хозяину сочувственный поклон и бесшумно удалился — выполнять пожелания старого адвоката.

Когда тот, сполоснув руки и лицо и облачившись в домашний халат, появился в уютной каминной, горячий, пряный грог уже ждал его в серебряной чаше на столике у камина, а пресловутый плед был аккуратно разложен на кресле-качалке. Забытые быть упомянутыми сигары соседствовали с оснащенной щипчиками вазочкой с засахаренными фруктами, а — также не удостоившийся отдельного упоминания — камин был растоплен.

Хозяин поискал глазами верного Джона, но тот, сделав свое дело, не счел нужным отягощать хозяина своим присутствием. Его персону представлял здесь всегда готовый к действию старинный бронзовый колокольчик, удобно размещенный поодаль от хрустального стакана — ближе к массивной каменной зажигалке. Нож для обрезания сигар довершал сей — словно из прошлых веков явившийся — натюрморт. Фрагонеры всегда ценили комфорт.

Адвокат грустно улыбнулся и опустился в кресло-качалку. Прежде чем накинуть на колени верный плед, он бросил на столик конверт, что оставил ему Форрест. Он чуть было не позабыл его в кармане пиджака. Не то чтобы память изменила ему. Просто он вспомнил, что Форрест просил его не торопиться с чтением своего послания.

Фрагонар некоторое время следил за пляской огня в камине — это успокаивало его. Обряд раскуривания сигары окончательно привел в порядок его нервы. Адвокат наградил себя основательным глотком горячего грога и, собравшись с силами, распечатал письмо Форреста.

* * *

Лицо Уолтера М. Ли было испачкано сажей. Но не разводы в копоти придавали ему это страшное выражение.

— Гипноз? — спросил он мрачно, исподлобья глядя на сидящего перед ним доктора Фогеля.

Но дока — штатного психиатра Уголовной службы — зверским выражением физиономии смутить было трудно.

— Гипноз, — подтвердил он. — Правда, тот, кто этак обработал вашего парня, владел им мастерски, но это самый обычный гипноз. Со времен эриксоновского — это еще двадцатый век — разработали много очень эффективных видов гипноза. Но используют их в основном специалисты высокого класса — люди из спецслужб или очень опытные авантюристы. Так что не стоит вам метать громы и молнии на вашего дежурного. Парню просто не повезло. Мне кажется, что я сказал вам все, что мог...

— Ладно, — вздохнул шериф. — Валяйте, док. Понимаю, что вам не слишком приятно было подниматься по моему вызову посреди ночи. У нас всех впереди еще нелегкий день.

Док встал, понимающе мотнул головой и, отсалютовав присутствующим шляпой, исчез за дверью. Уолтер повернулся к подавленно молчащему детине.

— Скажи спасибо господам психологам-психиатрам, Моррис. Лопухнулся ты здорово. Но ограничимся просто объяснительной — накропаешь ее к утру. А сейчас — доберись до госпиталя и посмотри на того типа, которого вытащили из огня Петровски с Лейстнером. Не тот ли это фрукт, что этак ловко отвел тебе глаза... Как он там? — Шериф глянул на виновато притулившегося к подоконнику Петровски. — Заговорил?

— Пока нет... — пожал плечами Серж. — Четыре огнестрельных ранения, контузия, ожоги... Но удалось как бы установить его личность... Я его заснял на камеру — сразу, не отходя, как говорится, от кассы. Его — по фото — и опознали в «Центральной».

Он достал из кармана записную книжку.

— Вот... Джон Линдерманн, предприниматель. То ли коммивояжер, то ли производитель каких-то...

Он принялся разбирать собственные второпях нацарапанные каракули.

— Ах, лопухая сволочь! — Уолтер треснул кулаком по столу. — Вот какой рыбалкой он приехал сюда заниматься!

— А ведь и действительно лопухий... — заметил Петровски, рассматривая вынутый из папки снимок. И действительно — «Принадлежности для спортивной рыбалки» — его бизнес... Как вы догадались, шеф?

Уолтер усмехнулся, изобразив на лице чувство отеческого превосходства над бестолковыми отроками.

— Держать наши Болота под контролем — это основное занятие старины Уолтера вот уже четвертый десяток лет, ребята, — сурово отрезал он и принялся вытряхивать из пачки сигарету. — И на вашем, господа помощники, месте я бы учился у старого Ли, пока того еще носят ноги...

Петровски услужливо щелкнул зажигалкой.

* * *

Конверт, вскрытый старым адвокатом, содержал в себе всего два листа бумаги. Один — обычного формата, тщательно отпечатанный на гербовом бланке, подписанный и заверенный документ — доверенность распоряжаться имуществом Форреста Дю Тампля, включая его банковские счета, на время его отсутствия. Доверенность была оформлена на имя Филиппа Фрагонара. В случае признания упомянутого Дю Тампля без вести пропавшим или погибшим Филипп Фрагонар объявлялся его душеприказчиком.

Адвокат нахмурился, позволил себе еще солидный поток грога и, задумчиво попыхивая сигарой, отложил документ в сторону.

Второй листок был довольно длинной распечаткой, сделанной на портативном принтере, сложенной «гармошкой» и — никем не подписанной. Хотя с первых же ее слов не оставалось сомнений в том, кто ее автор.

«Филипп, — писал Форрест, — надеюсь, это мое письмо принципиально не может иметь ни малейшей юридической силы: оно не написано моей рукой и не подписано мною. Поэтому я могу позволить себе большую, чем обычно, откровенность.

Все то время, что мне пришлось коротать в «местах не столь отдаленных», мне не давали покоя рассказы Криса о тех тайнах, которые были связаны с его изысканиями в области «наследства Предтеч». Как ни странно, размышления об этих материях гораздо

больше не давали мне покоя, чем планы отмщения тем, кто обрек меня на наказание за не совершенное мною преступление и наградил меня клеймом убийцы.

Та — злая, в общем-то, — шутка, которую я собираюсь — попутно с исполнением главного своего плана — сыграть с подлецом Джависси, просто мальчишеская шалость по сравнению с той серьезной игрой, которую я решил затеять с Судьбой. Кон, я думаю, выкрутится из этой истории, потеряв немного нервов и еще раз подмочив себе репутацию. Не в нем дело.

Дело в том, что тогда — теперь уже много лет тому назад — я не решился принять приглашение Криса и обрести иную судьбу в ином мире. В том, куда смело шагнул он, а за ним и Мэри-Энн. Я до последнего момента скрывал ото всех — и от тебя, Филипп, в том числе, — что гибель Криса Денджерфилда в огне пожара, охватившего концертный зал перед его вступлением, не более чем умелая мистификация. Признаться в этом — значит, признать свое соучастие в уголовном преступлении. у меня хватает ума не делать этого, несмотря на то что владельцы сгоревшего «Спейс-Феста» получили громадное страховое возмещение (у меня есть основания думать, что они с Крисом «работали» рука об руку), несмотря на то что, кроме самого Криса, пожар не унес ни одной жизни. Что до этой — единственной — жертвы пожара, то следствию пришлось иметь дело с останками какого-то несчастного, которого Денджерфилд долго разыскивал по моргам Малой Колонии, чтобы обеспечить себя достаточно подходящим по анатомическим параметрам двойником. Мало кто знает, что ни иммунологическая, ни генетическая идентификация покойного была попросту невозможна: Крис позаботился о том, чтобы ни в одной из клиник, услугами которых он пользовался, не сохранилось соответствующего материала для опознания. Он даже армейский банк данных времен боев на Архипелаге умудрился освободить от медицинских сведений о себе. А его зубной врач за соответствующую мзду заменил зубную карту и рентгеновские снимки челюстей Криса на карту и снимки, снятые с покойного двойника.

Он умел разыгрывать народ — Крис Денджерфилд.

А весь этот грандиозный обман был сделан им затем, чтобы естественность его ухода из этой Вселенной не вызывала ни малейших сомнений. Чтобы отсечь самую возможность проследить его тропинку в тот мир, среди правителей которого ему вздумалось занять свое место. А уж тем более — чтобы никто не прошел по этой тропинке следом за ним. Приглашение присоединиться к нему было сделано лишь немногим. Среди них был и я. И я это приглашение не решился принять. За что Крис и попытался лишить меня ключей от врат в его Мироздание, завещав выставить ключи от Ларца принцессы Фесты на аукцион.

Да-да. Он метил занять место не менее чем в пантеоне богов или — на худой конец — полубогов того совершенно иного мира, в который вели доставшиеся ему Врата. Он много раз посещал этот мир раньше. И открыл некие его слабости, которые могли, по его мнению, повергнуть к его ногам обитавшие там, в Ином Мироздании, племена и народы.

Не стану останавливаться на деталях его рассказов. Многое из них не может быть воспринято человеком, который не знал Криса близко и долго, иначе как бред. Вот и не будем об этом.

Не охватила ли его мания величия? У меня нет ответа на этот вопрос. Он был очень честолюбив — Крис Денджерфилд. Но честолюбие его было не тем честолюбием, что свойственно большинству людей... Впрочем, дело не ограничивалось одним только честолюбием. Об этом — потом.

Оставим это.

Лучше я попытаюсь объяснить нечто более близкое вам, Филипп, ту цепочку странных событий, которая привела меня все-таки к необходимости — с большим запозданием — принять приглашение Криса и последовать за ним в те края, из которых вот уже восемь лет не приходило от него никаких вестей. Нет, мною двигала вовсе не дьявольская гордыня, которая всю жизнь владела Крисом. Мною владел страх.

Первой, кто понял, что спокойной жизни по эту сторону Врат для нас уже не будет, была Мэри-Энн. Первой, если не считать самого Криса. Дело в том, что, все глубже влезая в ту кашу, что варится вокруг всех этих экзоархеологических древностей, настоящих и поддельных, она стала все больше ощущать присутствие какого-то, как говорится, «не от мира сего» фактора. Незадолго до того как произошли события, которые привели меня на скамью подсудимых, у нас с ней состоялся любопытный разговор. Мы довольно часто говорили с ней на темы, связанные с Предтечами, Сгинувшими Империями и со всякой всячиной в этом роде. В конце концов, вокруг всего этого и крутился наш небольшой, смахивающий на дорогостоящее хобби бизнес. Но в таком ключе разговор происходил впервые.

Мэри тогда сидела в гостиной, на том самом диване, на котором любите посидеть и вы, Филипп. Сидела, подобрав под себя ноги и зябко кутаясь в теплый плед, хотя тот вечер нельзя было назвать холодным. Помнится, речь зашла о том, что в наш бизнес уж слишком часто суют нос то та, то другая из спецслужб — то здешних, то федеральных, а то и вообще какие-то нелегалы.

Мэри сокрушенно отмахнулась от моих слов.

— Знаешь... — сказала она каким-то унылым, словно и не своим голосом. — Знаешь — этих-то еще можно понять. С ними можно договориться. От них можно просто сбежать на край света. Не в них дело. Можешь счесть меня суеверной, но... Слишком много странного приключилось со мной за последние год-полтора. Да и тебя, по-моему, не минула чаша сия...

Она была права — после исчезновения Криса странные совпадения и странные истории преследовали и ее и меня. Не буду останавливаться на деталях — не так-то у меня много времени осталось до Ночи Бегущих Лун. Так что мне осталось только понимающе кивнуть.

— Похоже, истинные хозяева всех этих магических монет и заколдованных колец вовсе не канули в вечность. Они с нами — здесь. Живут в этих предметах. И все эти удивительные штуковины, что наши археологи и могильные воры выковыривают из захоронений или находят в древних руинах, в остовах их кораблей, болтающихся в Космосе... Ну — не все... Некоторые из них... Все это — приманки. Ловушки для таких, как Крис. Раньше мне только казалось это... Я только догадывалась о том, что они никуда не исчезли. Теперь — после того, как Крис отправился в это свое путешествие, — я в этом уверена.

Видно, в подсознании у меня созрела подобная идея. Так что особого внутреннего сопротивления дикая на первый взгляд мысль Мэри у меня не вызвала. Я пожал плечами и промолчал. Но вспомнил многое. Например, историю, что приключилась на Джее. Точнее, слухи об этой истории. Никто ничего достоверно не знал о том, что там произошло на самом деле.

— Они, — продолжала Мэри, — не просто подшучивают над нами. Они нас проверяют... Не знаю зачем. Похоже, они устраивают нам какой-то экзамен. И тех, кто его прошел, забирают к себе. Как это случилось с Крисом... Но Крис — это одно. А мы с тобой

— другое...

— Ты хочешь сказать...

Помнится, я сделал вид, что не понимаю, к чему клонит Мэри-Энн.

— Я хочу сказать, что нам с тобой выпала роль ненужных свидетелей. И совсем недавно мне дали это понять. Тебя еще никто не тревожил на этот счет?

Вот тут недоумение в моем взгляде стало вполне искренним.

— Значит, нет... — задумчиво констатировала Мэри-Энн.

Некоторое время она молчала и еще более зябко куталась в свой плед. Это порядком разозлило меня. Временами Мэри может довести человека до белого каления одним только своим отрешенным молчанием...»

Фрагонар прервал на минуту-другую чтение распечатки, откинулся на спинку качалки и бросил в рот пару засахаренных ягод куста Ча. Ему припомнилась Мэри-Энн Габор — похожая на тщательно ухоженную и не лишенную привлекательности ведьму, женщина, отчаянно боявшаяся увидеть в зеркале или в глазах окружающих отражение признаков приближающегося увядания. В сочетании с врожденной ненавистью к косметике и чисто мужской деловой хваткой это делало Мэри человеком своеобразным. Мужчины относились к ней с опасливой галантностью, женщины — с непониманием, смешанным у кого с симпатией, у кого с раздражением. Что до их с Форрестом отношений, то их скорее можно было назвать партнерскими, нежели как-то иначе. Форрест и сам был не прост. И близость его с Мэри-Энн была близостью двух странных людей.

Адвокат рассеянно посмотрел на кончик тлеющей в пепельнице сигары, проводил взглядом тянущуюся к потолку струйку табачного дыма и продолжил чтение.

«— Значит, нет, — повторила она. — А у меня этим утром состоялась довольно неприятная беседа...

— Неприятная — в каком смысле? — поинтересовался я, чтобы задавить в зародыше наметившуюся паузу.

— Во многих сразу!

Мэри дернула острым плечом.

— Тебе было бы приятно, если бы после того, как ты сел в свой кар и запустил двигатель, с заднего сиденья спрятавшийся там тип приставил тебе пистолет к затылку и в таком положении провел бы с тобой воспитательную беседу?

— Вот как?.. — Я удивленно посмотрел на нее. — И ты не сказала мне до сих пор? Ты не заявила об этом шерифу?

— О чем? О том, что мы участвовали в затее Криса с его фиктивной смертью и пожаром в «Спейс-Фесте»? И о том, что знаем тропинку в другую Вселенную? — пожала плечами Мэри. — Роскошный выбор — между скамьей подсудимых и муниципальным дурдомом...

В тот момент это был немалый удар для меня: я-то ведь считал, что дело было сделано безупречно, как это всегда получалось у Криса. И вдруг наш секрет оказался секретом Полишинеля! Я пробормотал только что-то в том духе, что нас, похоже, собираются шантажировать нашей «невинной» затеей... И стал хорохориться на предмет полного отсутствия каких-либо доказательств нашего участия в аванюре Криса.

— Заткнись! — резко оборвала меня Мэри. — Шантажируют нас не только этим дурацким пожаром! А сказать точнее — так вовсе и не им! Нас просто грозятся убить. Меня — пристрелить, а тебя — отправить на виселицу. И это — вполне серьезно! Они меня прикончат, а тебя изобразят убийцей. Подставят!

— Кто «они»?! — ошарашенно спросил я.

— Знаешь, визитных карточек мне они не оставили. Может, это — люди Комплекса. Может, еще какие-то любители секретов Предтеч...

— Тогда почему они просто не сперли у меня этот проклятый сундук? Это был бы для них самый простой вариант...

Мэри нахмурилась и пожала плечами.

— Они просто не знают, что фокус заключается именно в нем — в проклятом сундуке! Они вышли на Криса каким-то другим путем. Так или иначе, но вычислили, что он грешит визитами в Иное Мироздание. И то, что мы кое-что об этом знаем... Не в этом дело. Дело в том, что нам пора принимать приглашение Криса. У нас мало времени. До Ночи Бегущих Лун осталось меньше недели. И примерно столько же времени мне удалось выторговать на то, чтобы подготовиться к встрече с этими господами. Вот так, Форрест.

Пару дней из оставшейся неполной недели я просто «прорезинил». В конце концов, страхи Мэри-Энн могли быть сильно преувеличены. На третий день офис Мэри перевернули вверх дном, а мне в сейф, запиравшийся моим личным кодом, подсунули муляж взрывного устройства. Точнее — действующую модель. Проклятая хлопушка чуть не оставила меня без глаз.

Затем последовала серия анонимных звонков — чтобы рассеять наши заблуждения, если таковые у нас имелись, относительно того, на что нам намекают те, кто обеспечил нас приключившимися неприятностями. В том, что никто из нас не станет беспокоить власти по поводу происходящего, звонившие не сомневались ни в малейшей степени.

После этого ждать было нечего. Точнее, оставалось ждать только Ночи Бегущих Лун. Каждый из нас принял свое решение: Мэри решила найти убежище в том мире, куда отправился делать себе сказочную карьеру Крис, я надумал скрыться в нашем, более знакомом мне Мироздании.

События приняли, однако, неожиданный для нас оборот.

В Ночь Бегущих Лун я лишился памяти. Да-да. Я хорошо помню это: Мэри подготовившаяся к своему странствию, вовремя явилась в мой дом. Тогда мы были убеждены, что визит этот происходит без свидетелей. Я явственно помню, что помог ей снять тот злополучный плащ, что фигурировал потом в деле об ее исчезновении. А вот дальше... Дальше мои воспоминания становятся какими-то рваными, бессвязными. Я просто не знаю, откуда взялись в моем доме те люди, от которых мне пришлось отстреливаться с чердачной лестницы. Да, я твердо помню, что пытался как можно дольше не пустить их к сундуку. Не помню точно последовательности событий. Что было раньше, что позже?.. Какой-то страшный мордобой... Пневматический шприц, прижатый к моей шее...

А потом — физиономия старины Уолтера, фонарики, светящие мне прямо в лицо, и вопросы, вопросы, вопросы...

Мне сильно повезло. Хотя я и не уверен в том, что Мэри-Энн довела до конца свой замысел, сундук Денджерфилда остался цел. Видно, о его роли грабители так и не догадались. Наверное, у них были совсем другие представления о том, как должны выглядеть Врата в иную Вселенную. Меня очень смущает кровь Мэри, которую обнаружили на полу, рядом с сундуком. Возможно, она была всего лишь ранена... Не хочется предполагать худшего, но живой в руки нападавших она явно не попала. Вы сами знаете, адвокат, что при современных методах допроса «расколоть» можно даже самого Господа Бога. Однако секрет сундука остался секретом. Я не знаю, взяла ли Мэри с собой ключ от этих странных Врат. Я

нигде не нашел его в своем доме. Я больше не видел его нигде и никогда.

Мне повезло и в том, что старина Уолтер на первых порах ограничился тем, что взял с меня подписку о невыезде. Это позволило мне принять меры — я частично разобрал механизм замка проклятого сундука и оставил его на хранение Кончите. Она, как вы знаете, была своего рода «младшим партнером» в нашем с Мэри-Энн бизнесе и кое-что смыслит в магическом хламе. Вы как ее опекун знаете, что, хотя с законом она не в дружбе, Кончита Фарга — надежный человек. Кроме того, человек, владеющий искусством взлома. Но тайной Денджерфилда я с ней в тот раз не поделился.

Шантажисты исполнили свое обещание. Исчезновение Мэри-Энн было преподнесено как убийство, а убийство «пришили» мне. Основательную помощь им оказал мерзавец Кон. Иногда на меня наезжает ощущение, что они с ним спелись. Но, видно, окончательно уничтожать единственного носителя тайны Денджерфилда охотники за этой тайной не решились. Меня просто поугали. А потом организовали досрочное освобождение. В местах заключения добраться до меня было трудновато. Хотя и были такие попытки. То, что я снова нахожусь под колпаком, я понял довольно скоро. И принял свое решение. Вы знаете теперь какое, Филипп.

Моя просьба на прощание — избавьтесь от проклятого ящика. Он не принесет счастья никому».

Фрагонар сложил распечатку, приложился к сигаре и допил остатки грога. Поднялся, спрятал бумаги в сейф и прошел в кабинет. Настукал нужный номер на клавиатуре блока связи.

— Алло, это вы, Уолтер? — спросил он. — Чувствую, что вам так и не удалось выспаться этой ночью?

— Господи, о каком сне вы говорите, Филипп? — отозвался с другого конца линии шериф. — Вы в курсе последних событий?

— Н-нет... — несколько растерянно признал адвокат.

— Так вот — будьте в курсе, это прозвучит в утренних новостях. Вскоре после того, как мы с вами расстались, неизвестным удалось вломиться в «Дом Форреста», устроить там перестрелку и поджечь здание. И не спрашивайте меня, где в это время были мои люди!..

— Дом сгорел дотла? — после небольшой паузы осведомился Фрагонар.

— Нет, — все также устало отозвался Уолтер. — Только чердак пострадал... В этот раз наши пожарники оказались на высоте. Но... Но тот предмет, что интересует вас, считайте — полностью уничтожен.

— Кто-нибудь пострадал? — после новой паузы спросил адвокат.

Шериф молчал с минуту. Потом ответил, осторожно взвешивая слова:

— Там не нашли трупов. По нашим данным, при пожаре никто не погиб.

— Спасибо, — сухо произнес Фрагонар. — Вы сможете меня принять в восемь?

— В десять... В десять, Филипп... — Шериф повесил трубку. Фрагонар подумал немного и набрал номер мобильного Кончиты.

Но абонент находился вне зоны досягаемости систем связи.

* * *

На этот раз мальчишка вовремя вспомнил, что в двери к Учителю надо стучать. И

Учитель словно ждал его.

— Погасла свеча? — почти не обернувшись, спросил он.

— Не одна, Учитель, — торопливо произнес служка. — Сразу две...

Учитель вовсе не был удивлен этой вестью.

— Ты уверен, что это не ветер? — все так же, словно без особого интереса спросил он.

Мальчишка коротко кивнул. И протянул Учителю две фигурки. Глиняную и бронзовую.

Учитель повертел их в руках, рассматривая то так, то этак древних богов Пестрой Веры. Глиняного — Саута-Боро — Скупого Бога Исцеления и бронзового Нет-ин-Тана — Неверного Бога Потерь.

Потом кивнул мальчишке.

— Присматривай и дальше за богами, Сонни. И помни, что молчание — золото.

Глава 3

ТОВАР СЭРА ЛЕНТА

Боев вошел, точнее, влетел в прокуренный объем комнатухи, в которой мирно дремал его напарник, с таким видом, словно намеревался заорать что-то в духе: «Рота — подъем!!!» или «Дежурное отделение — на выезд!!!» — но не смог набрать в легкие необходимого количества воздуха. Слишком много в воздухе этом скопилось табачного дыма, аромата поджарки из паприки, чесночного духа, крепкой, бодрящей эманации ожидающих стирки носков и бог ведает чего еще. В общем — всех тех летучих субстанций, что составляют внутреннюю газовую среду однокомнатного домика в дешевом кемпинге после недельного проживания в домике том двух временно холостых командировочных. Дыхание прогулявшегося по утренней свежести майора криминальной полиции Колонии Святой Анны перехватило, и, вместо того чтобы выдать на-гора некую взволновавшую его новость, он зашелся глухим, перхающим кашлем.

Захаров, бессильно распластанный на лежанке, меланхолично, но с искренним сочувствием смотрел на мучения старшего по чину.

— Достала меня здешняя погодка, — сообщил он временно лишившемуся дара речи коллеге. — Поутру — колотун жуткий, а днем — вот увидишь — сущее пекло будет. Какой дурак додумался Джей этот колонизировать?

Поскольку на разговор о погоде Боев реагировал только выпучиванием глаз и трясением руками, Александр решил озаботиться конкретикой происходящего.

— Что с тобой, Мирчо? У тебя такой вид, словно за тобой черти на лягушках гонялись. На больших таких, рогатых лягушках, — мечтательно добавил он, должно быть, очарованный прелестью картины, рожденной его воображением. — Нельзя же, в самом деле, вламываться вот так...

— Без стука, что ли, прикажете не входить, лейтенант Захаров?! — раздраженно выдавил Мирчо — сквозь кашель и перханье. — Где тут у нас вода была? Ты б окошко отворил, что ли.

— Ты как раз со стуком вошел, майор, — укоризненно отозвался Захаров, указывая глазами на перевернутую не глянувшим вовремя под ноги приятелем табуреточку. — С очень большим стуком... Воду я за ночь выпил, но в холодильнике должно оставаться пиво. Хоть что-то здесь делают по-человечески...

Обнаруженная в крохотном «Филипсе» банка «Тройного-золотого» несколько смягчила настроение Мирчо. Сделав из нее пару основательных глотков, он с удовлетворением потряс головой и осведомился:

— Это ты про холодильники?

— Это я про пиво, — уточнил Захаров. — Пиво здесь что надо. А окно открывать здесь рискованно — какая-то местная мошка... Нет-нет, да и залетит. Кусать не кусает, правда, но на нервы действует... Кстати, о нервах — ты чего это сегодня такой? Как с цепи сорвавшийся...

— Сейчас и ты, Саша, у меня с нее соскочишь — с цепи этой, — заверил его Боев. — Ты как лежишь — хорошо? С койки не грянешься? И под ноги смотри, когда вскакивать будешь — понаставлено тут всякого...

Это предупреждение не оказало на лейтенанта Захарова ровным счетом никакого

действия. Он продолжал пребывать в позе полного отдохновения.

Мирчо еще раз приложился к «Тройному-золотому», вздохнул с окончательным облегчением и повернулся к Захарову.

— За мной гонялись не черти, Саша... За мной все утро гонялся майор Сфорци... А я — за ним. Надеюсь, майор тебе запомнился еще с первой встречи...

— Серьезный мужчина... — согласился Захаров. — Но это работа у него такая — за нами присматривать, пока мы здесь транзитом кукуем... Бьюсь об заклад, он тебе сообщил, что «Эвклид» отказался брать на борт попутных командированных, потому куковать нам тут еще невесть сколько. А перевод командировочных...

— Насчет «Эвклида» ты, можно сказать, угадал, — оборвал ход его рассуждений Боев. — Но не в «Эвклиде» дело. Как ты думаешь, Саша, кого вот уже вторые сутки пасут пс столице Республики здешние Пинкертоны?

Захаров уныло зевнул.

— Кого-кого... Да не иначе как всеми нами любимого Чудина Николая Николаевича, — скучным голосом произнес он. — По кличке Затейник...

Боев чуть не подпрыгнул на месте.

— Так ты уже в курсе?! Сфорци и сюда звонил?

Тут уж подскочить пришлось лейтенанту Захарову. Причем — ударом. Сразу из позы расслабленного сибарита — в боевую стойку. Загодя сделанное ему коллегой предупреждение о «всяком тут понаставленном» пропало втуне — давешняя табуреточка, так и не успевшая скрыться в более безопасном месте, запуталась в длинных ногах лейтенанта и отправила его в полет в направлении северо-западного угла кемпингового домишки. Скромные габариты помещения и вовремя подставленная рука коллеги сделали этот полет достаточно коротким.

— Что?! Действительно?! — ошалело спросил Захаров, сидя на полу и потирая ссадину на скуле. — Это что — шутки у тебя такие, Мирчо?! Этого просто не может быть!

— Может, Саша, может... — усмехнулся Боев, подхватывая его под локоть. — Сейчас живо приходи в форму и — в комиссариат! Не забудь «пушку» прихватить — скорее всего, сейчас и брать будем голубя нашего. Альдо уже в машине ждет. Быстро! Скачками!

* * *

Альдо Сфорци подждал обоих эмиссаров криминальной полиции Колонии Святой Анны отнюдь не в полном одиночестве. Вместе с ним в прохладном салоне «мерседеса», числящегося за центральным комиссариатом, находился сухощавый тип с лицом, взятым напрокат из полицейского сериала, — мужественным и слегка поношенным.

— Инспектор нашей «криминалки» Франклин Филби, — представил Альдо своего спутника. — Ему с вами работать. Я, извините, всего лишь протокольный отдел. Встречи, проводы, билеты... А настоящим делом извольте заниматься с ребятами покруче.

Инспектор Филби вяло улыбнулся в знак того, что оценил комплимент коллеги, и повернулся к втискивающимся на заднее сиденье гостям-коллегам.

— Можно просто — Фрэнк...

Его улыбка стала чуть менее вялой.

— А это, — продолжил взаимное представление бойкий Альдо, — майор Мирчо Боев и

лейтенант Александр Захаров. Криминальная полиция Колонии Святой Анны...

Инспектор улыбнулся наконец совсем уж дружелюбно — процентов в двадцать от предусмотренного резерва мощности.

— Очень удачное совпадение, господа. Я имею в виду то, что вы оказались, как говорится, в нужное время и в нужном месте... Мы можем сэкономить массу времени на формальностях.

— Какое тут, к шуту, совпадение!.. — недоуменно и зло бросил Александр, прилаживая на ссадину полоску пластыря с репарирующим гелем. — Я не понимаю: кто у нас за кем охотится? Мы за Затейником или Затейник за нами? Получается, что, пока мы летали через весь Обитаемый Космос из-за него, дурака, он, вместо того чтобы смыкаться куда подальше, спокойно висел у нас на хвосте! «Умная дичь идет за охотником» — так что ли? Только откуда...

— В том то и дело, что ниоткуда! — оборвал его Мирчо. — О том, что после бегства с Фронтيرا за ним отправят с Джея уполномоченных, он, конечно, догадывался. Но нас-то он в жизни никогда не видел! Так что неоткуда ему знать, что мы к нему на родину мотались именно по его душу...

— Не так уж мы и невычислимы... — буркнул Александр и смолк надолго.

Ситуация и впрямь сложилась отменно идиотская. Руководство криминальной полиции Колонии Святой Анны командировало двух своих — не самых бестолковых — сотрудников разбираться на месте с побегом изрядно осточертевшего всей сыскной братии «Аннушки» авантюриста. Честно израсходовав не особо обильные командировочные ассигнования и вволю попортив нервы работникам исправительно-трудового заведения — громадного карьера на полюсе одной из планет системы Черного Солнца — Фронтيرا, Мирчо и Александр возвращались, как говорится, не солоно хлебавши. Возвращались довольно кружным путем — с пересадкой на Джее — в Мире, в который занести их «подопечного» могли разве что какие-то особо дурные черти.

И — надо же — именно сюда они его и занесли. Строго одновременно с прибытием его «крестников». Такая удача как-то настораживала.

Альдо окинул огорошенных гостей Республики понимающим взглядом, тронул машину с места и принялся выруливать в направлении центра города.

— Скажу прямо...

Инспектор взял лежавшую рядом с ним на сиденье папку и положил себе на колени.

— Этот ваш беглец и в самом деле ведет себя весьма странно...

Он открыл папку, полистал подшитые в ней распечатки.

— Вы ведь, наверное, лучше меня знаете его личное дело? А то нам по общей рассылке достался такой куций файл, что совершенно непонятно, что за птица такая к нам залетела...

— Птица еще та... — вздохнул Мирчо. — Эту птичку полиция доброй дюжины Миров в клетку загоняла... Не просто грабитель, а я бы сказал — грабитель-виртуоз...

Инспектор пожал плечами.

— Мм... Первый срок он у вас «тянул» где-то чуть ли не в детстве. Освобожден в связи с примерным поведением и необходимостью ухода за больными родителями... И после этого не попадался. А теперешняя его отсидка — и вовсе уж смешная — три года за причинение легкого увечья автодорожному инспектору... Из которых два он уже отмотал. Знаете, драка с автоинспектором мало походит на виртуозное ограбление...

Мирчо улыбнулся — печально и устало. Впрочем, все же не так печально и не так устало, как умел улыбаться Фрэнк Филби.

— Поверьте — только таким образом удалось хоть на время засадить его за решетку. В какой-то степени — для его же блага. По всем остальным эпизодам его деятельности в большинстве случаев даже дело открыть не удалось.

Филби удивленно заломил бровь и уставился на Боева, явно ожидая пояснений.

— Затейник... Знаете, он у нас этакий Робин Гуд. Честных людей не грабит. Специализируется на крупных жуликах. У него прямо-таки нюх на всякие левые сделки. И собственная разведсеть. Нам бы такую... Но мы своим осведомителям не можем платить и десятой доли того, что перепадает его людишкам. Он с ними привык щедро делиться...

— Ага... — прикинул инспектор. — Стало быть, он выбирает такую «дичь», которая, после того как он ее ошиплет и выпотрошит, не поплетется плакаться в околоток... Но это тоже небезопасный бизнес. В полицию какой-нибудь теневой воротила, может, и не станет обращаться, а возьмет да попросту наймет киллера. Стоп, я, кажется, начинаю понимать, почему господин Чудин не смог отмотать свой смешной срок до конца...

— Нет, почему же... — пожал плечами Мирчо. — Бывает, что в полицию такой народ обращается... Но — по неофициальным каналам. К своим людям. Есть такие служители закона, что не прочь промышлять левыми заработками. И не только в полиции...

— Можете меня не просвещать на сей счет, — подарил ему очередную похожую на увядший цветок улыбку инспектор Филби. — Мы с вами как-никак коллеги. Так он что — заговоренный, этот господин Затейник? Если дожил до сегодняшнего дня?

— Похоже, что так, — неожиданно легко согласился Мирчо. — На него покушались... Пару раз покушавшиеся были близки к цели. А один раз им даже удалось его похитить. Но он всякий раз выходил сухим из воды, а его противники имели серьезные проблемы. Так что «заказы» на него солидные специалисты не принимают... А от мелкой шантрапы его спасают разного рода ангелы-хранители. Последний раз таким хранителем оказались полиция и суд Колонии Святой Анны. Мы могли бы ограничиться сроком поменьше и к тому же условным. Да и в каталажке он мог бы посидеть, так сказать, дома — не покидая Колонию. Специально закинули его от греха подальше — на Фронтир... И думали, что вздохнем свободно. Но...

— Но случился побег. Совершенно нелепый и — на первый взгляд — немотивированный. У вас есть своя версия причины этого его поступка?

— Версии было две, — вступил в разговор Александр. — Обе связаны с прибытием на Фронтир новой партии заключенных — именно из Колонии. Одна — вы сами ее уже высказали — состоит в том, что среди новоприбывших зэков оказался кто-то, кого послали по душу нашего теперешнего подопечного. Тогда ему просто пришлось спасти свою жизнь.

— Однако он мог бы обратиться к тюремному начальству, — заметил инспектор. — Он, кстати, был там на хорошем счету... Так, по крайней мере, отмечено в ориентировке... Работал в карьере оператором звена роторных экскаваторов. Работал, судя по всему, без дураков. Во время аварии — в ориентировке не указано какой — участвовал в спасательных работах...

— Это было бы не в его характере... — покачал головой Мирчо. — Он не такой человек, чтобы прятаться за нашу спину. Знаете, наверное, таких динозавров, что блюдут свой уголовный «кодекс чести» и того, кто их «на перышко поставил», даже на смертном одре не заложат. Только братве или кому-то из корешей завещают отомстить. Так что мы в

этом направлении поработали. Для того на Фронтир и мотались. И по первой версии ничего не нарыли. Чудин, надо сказать, человек общительный и легко входящий к людям в доверие, там, за «колючкой», этих своих качеств не проявлял. Держался особняком. Но — без враждебности. В бараке был своего рода неформальным лидером. Не давал в обиду тех, на кого наезжали любители беспредела. Ну и все такое. Из последней партии зэков — как раз с «Аннушки» — ни с кем особо не контактировал. И с их стороны никто им не интересовался.

— Ну... — Филби поморщился. — Киллер, если таковой и затесался среди новоприбывших, как раз и не должен был бы никак привлекать к себе внимание... Впрочем, вы говорили, что у вас была и еще одна версия случившегося?

— Да, была, — согласился Мирчо. — Более, так сказать, психологическая. Исходя из характера Чудина, можно предположить, что его могла вывести из себя какая-то новость из родных краев. Например, что кто-то из его друзей или близких попал в беду. Или, наоборот, предал его... В таком случае он вполне мог повести себя безрассудно. Например, неожиданно объявиться снова в пределах Колонии. И учинить там что-нибудь из ряда вон выходящее.

— Естественно, ваши люди побеспокоились о том, чтобы проверить эту версию. — Слова инспектора звучали не вопросом, а просто унылой констатацией факта.

— Уж про это не забыли, — пожал плечами Мирчо. — Ноль. Да и контактов с прибывшими с «Аннушки» осужденными Чудин словно избегал. Как и всех контактов вообще.

— Ммм... — инспектор почесал в затылке. — То есть совсем никаких контактов? И никаких предпочтений? Такого не бывает. Там, на Фронтире с их группой просто работал неважный психолог...

Мирчо покрутил головой так, словно воротничок стал ему тесен.

— Нет, почему же... Они там не только в покер играли — тамошние работнички. Кое-что знали о каждом... У него был... — тут он сделал неопределенный жест, — не скажу, что приятель, но... Доверенное лицо, что ли, у него завелось незадолго до побега... Кстати, тоже из последней партии осужденных, заброшенной туда, на Фронтир. А кстати, ведь отсюда человек был. С Джея... По крайней мере, по происхождению.

Инспектор снова издал недоуменное «Ммм?...».

— Пауль Паульсен. Кличка — Тетушка Полли. Нет, не «голубой». Просто по созвучию. Рожден, кстати, здесь, в Лагодо.

Мирчо сделал жест в сторону проносящихся мимо кварталов столицы Республики.

— Потом за каким-то чертом получил гражданство Святой Анны. Но жил то там, тс здесь... В основном мотался вдоль Трассы. Загремел на Шараде. Точно так же, как и Чудин. И точно так же в Транзитной зоне. Почему и судил его наш суд. Это, знаете, наводит на размышления...

— И по какой статье он влип? — поинтересовался инспектор.

— Грабеж. Точнее — попытка грабежа... Могло закончиться просто условным сроком. Но этому типу не повезло. Покусился на добро какой-то дипломатической шишки. И из-за этого получил срок по полной программе. Видимо, у него с Чудиным обнаружилось родство душ. И штатный психолог, и соседи по бараку отметили, что они несколько раз довольно подолгу оставались наедине. И что Затейник стал в последнее время то ли задумчив, то ли рассеян.

— Вы, конечно, поработали с этим типом?

— Разумеется... И... и, в общем, обломились. Паульсен или на самом деле ненавидит Затейника лютой ненавистью, или умело симулирует эту ненависть. Во всяком случае, когда Саша попробовал раскрутить его на откровенность, с ним случился настоящий нервный припадок. За этим что-то стоит, может быть. Но нам он не открылся.

Мирчо досадливо потер нос.

— Конечно, если бы это была не федеральная «зона», а наша, региональная, мы бы поговорили с этим типом на другом языке...

Филби усмехнулся — еле заметной усмешкой. Методы, принятые в органах следствия и дознания Колонии Святой Анны в их работе с очутившимися по ту сторону тюремной решетки людишками, были всем известны. Впрочем, они — методы эти — не слишком отличались от тех, что практиковали службы безопасности Джея.

— Да... — вздохнул он. — Федералы со своим либерализмом доехали до полного маразма. Обязательное присутствие адвоката и все такое... Но не в этом дело. Сейчас нам неплохо будет определиться — как быть с вашим подопечным. Вы меня, ребята, смутили...

Он осторожно закрыл папку и тихо щелкнул ее магнитным замочком.

Мирчо и Александр повернулись к нему, на лицах выражение пристального внимания к собеседнику.

* * *

— Собственно, пока не понятно, как он миновал проверку на таможне, — сообщил инспектор, нервно барабанив сухими пальцами по папке с распечатками. — Но ему взбрело в голову остановиться в одном из самых фешенебельных отелей Лагодо. В «Звездном Береге». Это вон то здание — впереди. Смахивает на айсберг. Мы как раз едем туда... Так вот, сами понимаете, что в таких местах к клиентам присматриваются хоть и деликатно, но пристально. Но если бы в «Звездном Береге» не торчал на ночном дежурстве наш бывший оперативник, ни у кого этот тип особых подозрений не вызвал бы. А тот — старой закалки дед — инстинктивно что-то учуял. И на всякий случай связался со своей родной конторой, с нами то бишь. И не забыл перекинуть по сети видеозапись подозрительного типа. С видеозаписи их внутренней службы безопасности. Ну и как только кадрики с физиономией этого типа прокачали через компьютер, судьба господина Чудина вполне определилась.

— Остается поблагодарить вас, — несколько хмуро бросил Мирчо, — за то, что хоть на заключительный акт представления вы нас пригласили...

— У меня, — медленно подбирая слова, отозвался инспектор, — возникли сильные сомнения, что этот акт будет заключительным. Вы же сами сказали, что у этого типа — хороший нюх на теневые денежки. Если он из мест, как в старину говаривали, «не столь отдаленных» направился сюда, в места людные и обитаемые, да еще расположился в фешенебельном отеле, то это наводит на вполне определенные размышления. Так, может, думаю я, благодаря своему особому нюху господин Чудин окажет нам дополнительную услугу — наведет на какую-то шишку калибром побольше, которую он приготовил к разделке?

Оба эmissара Святой Анны задумчиво молчали.

— Вам эта идея пришла прямо вот сейчас? — осведомился Саша. — После разговора с нами?

— Не совсем...

Казалось, что улыбка дается инспектору ценой невероятного усилия над своей природой, по всей видимости мрачной и мизантропической.

— Вы просто подтвердили то впечатление, которое сложилось у меня от наблюдения за господином Чудиным в течение суток. А впечатление это заключается в том, что он затеял нечто весьма существенное. И что если мы его возьмем вот так просто сейчас, то, боюсь, уже ничего никогда не узнаем о том, что происходит или произойдет в «Звездном Береге»... Кстати, как видите, к нему мы и подъезжаем — к «Берегу».

Комплекс зданий — гостиница, многоэтажные гаражи, торговый центр и бог знает что еще, — точно такой же, как и понастроенные «Космотреком» еще в половине столиц Миров Федерации, «Звездный Берег» возносился теперь уже прямо над головами собеседников, и Альдо переключил автопилот кара на самостоятельный поиск свободной стоянки. Задача эта была явно чересчур сложна для слабого человеческого умишки.

— Понимаете... — потер переносицу Мирчо. — Вы все-таки плохо знаете этого человека. Нельзя затягивать слежку за ним. Он и виду не подаст, что заметил что-нибудь. Просто растворится в воздухе — и все!

— У нас не растворится, — чуть более весело усмехнулся Филби. — «Берег» сейчас взят в хорошие клещи. Несколько моих ребят «косят» под служащих, а еще несколько — под журналюг. Эти всегда там ошиваются. Всяческие шишки — наши и из других Миров — обычно задерживаются именно в «Береге», прежде чем разъехаться по родным пенатам. Пресс-конференции дают обычно там же — в одном из залов для такого рода сборищ. Иногда по несколько мероприятий, говоря казенным языком, в день приключается. Сегодня вот предвидится прием нашего посла с Шарады... Теперь уже бывшего. Почтенный старикан вышел наконец в отставку и вот... Стоп!

Филби резко оборвал свой монолог и уставился на Мирчо серыми, водянистыми, но очень пристальными глазами.

— Вы ведь говорили, что тот тип, что секретничал с Затейником там, на зоне, — он ведь тоже с Шарады. И... Да и Чудин именно там погорел. В «транзитной зоне»...

— И вы, наверное, догадались, кто был той дипломатической шишкой, на имущество которой покусился тот стервец Паульсен?..

Мирчо прищелкнул пальцами, фиксируя догадку.

— Я так полагаю, что шишкой той был Их Превосходительство Посол, сэр Август Лент... — уныло предположил, а точнее, констатировал инспектор.

* * *

— Темное это дело — первые годы заселения Шарады, — в очередной раз изложил суть всем хорошо известной Великой Тайны Том Шпарро. Был Том коренастым крепышом сорока с небольшим лет и жил в добром мире с плотным брюшком и с активно берущей свое лысиной. А когда поблизости находилась кружка-другая пива, то считал вполне приемлемой штукой и весь остальной мир.

Сейчас пива было море. Любого сорта. Бар клубного комплекса «Звездный Берег» был Меккой для общины любителей пива Лагодо, а сам «Берег» — любимым местом общения тех немногочисленных жителей столицы Республики Джей, что побывали за

Геоостационаром и, «повидав небо», подцепили «небесную болезнь».

Основным симптомом этой, в общем-то, безвредной хвори было и остается неудержимое пристрастие «небожителей» к поискам себе подобных и попыткам взаимно излить душу и выслушать новую, привезенную из-под чужих небес байку.

Свое пиво Том отработывал на совесть: как мог, старался раскрутить и подвигнуть на откровения редкую для Джея птицу — сэра Августа Лента, только что вышедшего в отставку и вернувшегося под родные небеса Джея Чрезвычайного и Полномочного Посла Республики Джей в странном мире цивилизации Шарада, где господин Посол провел без малого полста. Ни в коем случае его нельзя было именовать «бывшим Послом» — «Посол» в номенклатуре Федерации был титулом пожизненным. В крайнем случае, можно было упомянуть о том, что тот или иной Посол является Послом в отставке. Но лучше было обходиться без уточнения. Том старался не забывать этого.

Хотя встреча сэра Лента, окончательно вернувшегося в свои родные края, была организована более чем скромно. Официальные лица Республики с легкой душой выполнили просьбу стареющего дипломата и предоставили ему возможность прибыть в столичный Космотерминал уже просто в качестве частного лица. И встречали его только двое знакомых. Одним из которых и был Том.

Старался Том не для себя, а для человека тонкой кости, с восточными чертами в облике, строго одетого во все белое по случаю курортного сезона, Яна Санджинова — обозревателя трех крупных, федерального значения — информационных сетей. Клиент понимал, что дичь ему и впрямь перепала редкая, и почти не встревал в разговор, полностью предоставив инициативу Тому: в конце концов, это Том Шпарро в детстве был любимцем «дяди Августа», именно Том, не раз побывав на Шараде, — а это само по себе многого стоило — вел с Послом различные дела. Был посвящен кое во что и, видно, не врал, когда обещал Яну «организовать хороший материал». Встреча представителя массмедиа с сэром Августом происходила в обстановке непринужденной и демократичной — за столиком элитарного клубного ресторана, без особых свидетелей. Оговаривалось лишь предварительное, «рамочное» соглашение о серии публикаций, взаимополезных как для представителя СМИ, так и для некоего проекта, затеваемого господином Послом. Этот материал не предназначался для предстоящей через полчаса пресс-конференции господина Посла.

Посол Лент был высок, сложен атлетически, на всей его фигуре был замечен как бы отсвет какого-то очень чистого и очень благородного металла. Шарада накладывала на людей, с ней соприкоснувшихся, свою печать — Ян знал это. Открытость и дружелюбие Посла сочетались в нем с предельной замкнутостью — способностью «отсутствовать, присутствуя». В отличие от Яна, ограничившегося чашечкой кофе, и от Тома, наградившего себя литровой кружкой «Особого золотого», сэр Август изредка подносил к губам бокал местного сухого вина, по которому, видно, соскучился в далеких краях. Был он общителен, доброжелателен и — на вид — прост с людьми.

Демократичность Чрезвычайного и Полномочного объяснялась, впрочем, достаточно просто: несмотря на свой грозный титул, никаких особых по исполнению служебных обязанностей хлопот Август Лент не нес. Никаких сколько-нибудь серьезных дипломатических отношений Свободная Планетарная Республика (так официально именовала себя Республика Джей) и загадочная цивилизация Шарады между собой не имели. Консульские хлопоты об относительно немногих гражданах Джея, забредших на Шараду, и гражданах Шарады, которым что-то понадобилось на Джее и окрест, охотно взяли

на откуп частные юридические конторы. Любые мало-мальски важные дела, затевавшиеся при участии обоих этих Миров, решались на уровне Федерального Директората и часто не требовали даже подписи региональных Послов. Так что на долю Чрезвычайного и Полномочного перепадали лишь кое-какие из чисто представительских функций и масса свободного времени для удовлетворения своих научных интересов (сэр Лент был признанным авторитетом в экзоархеологии), а также для устройства личных дел. Это было своего рода компенсацией за то, что в «обойму» дипломатической аристократии Федерации сэр Лент практически никогда допущен не был. Да сэр Лент и не козырял своей формальной принадлежностью к великосветским кругам. Выйдя в отставку по выслуге лет, он стал совершенно непритязательным профессором на пенсии — чудаковатым, но не лишенным деловой жилки и энергично проявляющим себя в средней руки бизнесе.

В этом последнем занятии сэр Август Лент, как человек, сведущий в отношениях между Мирами Федерации, говорят, сильно преуспел. По крайней мере, по меркам Республики Джей он мог считаться весьма состоятельным человеком. Об этом свидетельствовали солидные пожертвования, сделанные сразу же по возвращении в родные края в фонды Университета и Службы Здравоохранения столицы. Но к вопросам, касающимся темы бизнеса, ни Том, ни Ян переходить не собирались. Гораздо безопаснее и приятнее было вести беседу о тайнах Шарады и вообще о событиях плана магического...

А беседа — с подачи Тома — уже вошла в намеченное русло, и сэр Август тут же оседлал любимого конька — принялся популярно излагать свою оригинальную гипотезу распространения разумной жизни в Галактике. Гипотеза эта сделала его много лет назад почетным членом ряда одних научных обществ и намертво закрыла доступ в другие.

— Вы же знаете, — живо отозвался сэр Август на реплику Тома, — что две планеты из известных сейчас Обитаемых Миров были населены к тому моменту, когда до них добрались первооткрыватели.

— Населены людьми, вы имеете в виду, — помог разматывать нить беседы Том.

— Именно так, — подтвердил Посол. — Считается, что на Желтые Луны людей систематически забрасывали те, кого принято называть Предтечами... Об их дальнейшей судьбе приходится только догадываться. А в Мире Молний народы, напоминающие людей, появились, как считают, в результате тамошней эволюции...

— Теперь же, — подхватил Том, — господин Посол выдвинул и вот уже несколько лет защищает свою новую, весьма своеобразную теорию, согласно которой население Шарады — имеется в виду та часть населения этого Мира, что представлена людьми, — неоднородно по своему происхождению...

— Значит, — с интересом вступил в беседу Ян, — вы считаете, что не все люди, населяющие Мир Шарады, — люди в... э-э... подлинном смысле этого слова? Кто же они тогда? Значит, их предки — не такие же добровольно-принудительные эмигранты, как народ Желтых Лун? Или...

Посол Лент слегка усмехнулся.

— А что нам известно о народе Желтых Лун? Все биологические исследования организма так называемых переселенцев или строжайше запрещены, или не менее строго засекречены... Я думаю, что несколько тысяч лет назад, когда Предтечи — или уж не знаю кто основали первые поселения людей на Шараде, они использовали уже... м-м... каким-то образом измененный человеческий материал. Возможно, Желтые Луны — это просто некая перевалочная база... Или, простите за такое сравнение, гигантская ферма, где на подножном

корму воспроизводили себе подобных сначала всего несколько тысяч людей, похищенных с Земли — из районов Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. Затем их количество исчислялось миллионами, а теперь миллиардами. Из этой огромной массы человеческих существ произвели жесткую выборку и с их помощью пытались достичь каких-то целей в других Мирах. Ну хотя бы в одном из них — на Шараде. Всякий, кто изучал достаточно серьезно искусство, предания, быт таких анклавов, как Горные Монастыри, Островное Братство Лиммеров и других, должен был бы прийти к такому выводу. Подумайте: в самых разных уголках Мира Шарады мы натываемся на замкнутые сообщества, вовсе не стремящиеся в этом чуждом, совершенно нечеловеческом мире вернуться к контактам с себе подобными. Нет, они не сторонятся земной культуры, цивилизации, языка, но... Но они следуют какими-то своими путями... Куда? К какой цели?..

— Ну... — Том осмелился вставить в монолог разговарившего наконец Посла свою реплику. — Ведь существует же прецедент Гринзеи...

— Прецедент Гринзеи... — Посол задумчиво откинулся в кресле и принялся перебирать четки. Четки Шарады, у которых каждый раз — как ни считай — оказывается разное число бусин. У которых каждая бусина символизирует один из Миров, и, как утверждают любители темнить, не только символизирует, но и является этого Мира кусочком.

Том и Ян зачарованно следили за его пальцами...

— Да, прецедент Гринзеи будут вспоминать теперь долго... Это, конечно, случай из ряда вон выходящий — отказ целого анклава земной цивилизации в колонизируемых мирах от своей человеческой сущности, от человеческой культуры, истории, языка... Биологическая мимикрия под инопланетные виды... Пессимисты по-своему правы: то, что произошло, нас — людей Земли — характеризует... Характеризует совершенно определенным образом. Но все это, господа, дела дней нынешних. А в случае «тайных народов» Шарады ситуация совершенно иная. Совсем другой масштаб времени и совершенно другая постановка вопроса... Там, на Гринзее, туземцы, в буквальном смысле этого слова — из кожи вон лезли, чтобы доказать всему миру, что они ни в коем случае не люди! А вот обитатели темных анклавов Шарады старательно прилагают все усилия, чтобы ничем решительно от людей не отличаться и излишнего внимания к себе не привлекать... И не привлекают. Ничьего внимания — кроме нескольких таких вот старых чудаков вроде вашего покорного слуги...

— И в то же время людьми все-таки не являются? — попытался уточнить позицию собеседника Том.

— Это — как посмотреть... — мягко улыбнулся Посол. — Самый тщательный медицинский осмотр не выявит в их строении никаких радикальных отличий от нас, грешных, — представителей рода человеческого... Точно такие же органы, ткани и клетки... А в клетках — точно такие же, как и у всех нас, митохондрии, рибосомы и ядра, а в ядрах — точно такие же хромосомы и гены... Только вот того, что в этих генах и хромосомах — записано хотя бы примерно то же самое, что и у нас с вами, я вам вовсе не гарантирую... Так же как не гарантирую вам того, что та ключевая информация, что загнана в их базовые нейронные структуры, в контуры управления работой мозга, в архетипы поведения, у них сильно похожа на ту, что управляет поведением обычных, таких как мы с вами, людей... Для того чтобы проникнуть на этот уровень, требуется сложная техника...

— Ну и вы... Вы и сторонники вашей... м-м... концепции... — Ян, подобно прилежному ученику, склонил голову на плечо, стараясь, упаси Господи, не задеть Посла

нетактичным вопросом. — На какие методы, на какие данные опираетесь вы в своих... м-м... построениях?

Вопрос пал на хорошо подготовленную почву.

— Прежде всего, — Лент выпрямился в кресле, четки как-то сами собой исчезли из его тонких и чутких пальцев, — прежде всего элементарная фактография: первые постоянные поселения людей на самой Шараде и орбитальных станциях в системе Шарады были основаны всего за тридцать лет до того, как началась Эпоха Изоляции. Образ жизни переселенцев сказался, конечно, на облике их поселений. Но, по сути дела, функциональность поселений являлась стилем имперской культуры того времени.

Правда, уже тогда в активе исследователей имелась довольно большая, но мало достоверная, апокрифическая так сказать, фольклорная информация о неких поселениях отшельников, о каких-то следах ранних высадок людей на эту планету. И были в этом активе еще и довольно интересные археологические находки. Но надо принять во внимание, что на Шараде за относительно короткий период времени побывало множество пришельцев из других Миров. Кроме того, относительно шести видов живых существ, там обитающих, специалисты ожесточенно спорят на предмет отнесения их к разумным существам. Еще во внимание надо принять, что следы Предтеч на Шараде необыкновенно свежи. Они с Шарады, видно, просто не вылезали... Учитывая все это, можно понять, что занятия археологией в этом милом мирке — работенка не для среднего ума. Я лично не встречал двух специалистов в этой области, которые были бы одного мнения хотя бы по самому простому вопросу.

Сэр Лент с грустной иронией посмотрел на своих собеседников.

— Так или иначе, а надо было много концов свести с концами, многие открытия того периода закрыть или найти им объяснения, а для начала хотя бы просто все расставить по полочкам...

Он вздохнул.

— Так вот: именно в этот момент занавес истории опускается, и в хронике Шарады начинаются — как почти во всех Обитаемых Мирах — долгие годы Периода Изоляции. Хотя, если вдуматься, не такие уж и долгие... Не успела закончиться жизнь и двух поколений, как люди снова открывают для себя эту планету со всеми ее спутниками — искусственными и естественными — и с прочими, как выражается молодежь, примочками. И застают они на планете картину, разительно отличающуюся и от того положения вещей, которое было здесь до начала Изоляции, и от того, что они ожидали увидеть.

Во-первых, людей стало здесь невероятно много. Конечно, предполагая очень высокую рождаемость и очень низкую смертность, можно допустить, что за эти темные десятилетия людское население Шарады выросло от нескольких десятков тысяч до нескольких миллионов человек. Тем более что никто толком не знает структуры распределения людских поселений в этой своеобразной микровселенной — в мире пещер, лабиринтов, подводных городов, летающих лесов — и прочих... экстраординарных характеристик среды...

Гораздо проще все объяснить тем, что довольно большое людское поселение существовало на Шараде уже в момент ее официального открытия Первопроходцами. Но ни малейшего желания объявлять о себе новоприбывшим пришельцам с Земли почти никто из них, старожилы, будем называть их так, не проявил. Но в Эпоху Изоляции оба людских поселения Шарады слились. Старожилы помогли новичкам — крупных войн или большой резни на Шараде, похоже, не было. Те, что встретили второе пришествие землян, — прямые

потомки семей, которые составляли костяк имперской колонии на планете до Изоляции.

Сами старожилы многое взяли от новоселов: технологии и средства обмена информацией, многие... мм... элементы культуры и быта. Те из них, кто этого захотел, конечно. А кто не захотел — остались жить во многих — несть им числа — уголках и анклавах этого так и не изученного толком Мира. Со своими законами и традициями — так, как научили древних героев их легенд и сказаний Извечные Боги, что в незапамятные времена переселили их из одной Вселенной в другую... На Шараде легко затеряться несколькими миллионам таких, как они. Особенно если их толком никто и не ищет... — Посол закончил пассаж своей особенной — умиротворенной, но жесткой — улыбкой, как бы говорящей собеседнику: «Вы, конечно, можете не относиться серьезно к тому, что я вам тут говорю, если хотите...»

Том кашлянул.

— Если не ошибаюсь, сэр Август, вы излагали эту свою точку зрения во время телевизионной дискуссии с тем журналистом... На Океании... К сожалению, тогда ваше выступление не имело большого резонанса... Помнится, однако, что ваш оппонент выразился в том духе, что вы просто заменяете одни маловероятные объяснения другими — еще менее вероятными, но более красивыми...

— Да. — Посол улыбнулся еще благоднее. — Терри Шеннон выразился именно так. На что ваш покорный слуга заметил ему, что красота — не самый последний признак Истины. Ее, так сказать, отблеск... Ну, а что касается того, что передачи эти — Терри отдал им довольно много времени и сил — большого успеха за пределами Океании не имели... Что подделаешь, Океания — богатый, быстро растущий мир... Место приложения новейших технологий, расцвета предпринимательства... Не удивительно, что тамошний народ замкнут больше на себя — на проблемы своего роста, становления. Мало кого там интересует сказочный мир Шарады и его темные загадки. Тайны и головоломки — не для тех, кто думает о расширении поставок сырья и маркетинге... Так что рейтинг «Волшебного зеркала» Шеннона близок к критическому... Консервативные Старые Миры Федерации — те, что по-прежнему делают погоду на рынке идей, как и полагается дряхлеющей Метрополии, — мстят «смелому новому миру» тем, что отрицают его культуру как провинциальный эрзац для снобов и прагматиков... Так что нет совершенно ничего удивительного в том, что программы тамошних телестудий не пользуются большим спросом в информационных сетях Федерации. Но интересующиеся этим вопросом — даже в Метрополии — высоко оценили те программы. Академик Кирбит, например, незадолго до своей смерти привел отрывок из такой программы в своем докладе Директорату...

Но уверенность вашего покорного слуги в своей правоте основывается далеко не на одних только, как говорится, красивых словах... — Посол приосанился.

«Если он еще пяток раз назовет себя нашим покорным слугой, — с тоской подумал Ян, — я, пожалуй, начну принимать эту формулировку всерьез и пошлю его за пивом... Или спинку попрошу почесать...» А вслух спросил:

— Значит, ваши соображения относительно плотности населения Шарады?..

— Не являются решающим аргументом в пользу моей теории... Нет. — Посол сложил руки «домиком», замер, рассматривая кончики пальцев. — Но есть другой ряд доказательств... Знаете, кто только и как только ни занимался фольклором Шарады, а вот простейших, на поверхности лежащих выводов не удосужился сделать никто.

— Вы имеете в виду?.. — попробовал уточнить Ян.

— Я имею в виду то, что в основе практически всех легенд, повествующих о появлении на планете той или иной популяции, населяющей изолированные анклавы, на каком бы языке и в каких бы традициях они ни переходили из поколения в поколение, они все имеют одно ядро — один единый архетип... Все они описывают некий изначальный, так сказать праисторический, период существования предков богоизбранного этноса, память о котором этот этнос хранит и лелеет. Это предбытие этноса протекает в некой первозданной обители — чаще всего в ней узнается тот или иной регион Земли, какой она была несколько сотен или даже тысячелетий назад. Только слепой может этого не заметить.

— Я прочитал те материалы, которые вы мне передали через Тома, — кивнул Ян. — В вашем варианте перевода это действительно очевидно.

Он приложил все свои силы к тому, чтобы в его голосе не прозвучала ирония.

— Значит, вы поняли исходную мысль — о покинутой обители народов, живущих теперь на Шараде, — одобрительно прикрыл веки сэр Лент. — И обратите внимание — обитель эта хороша всем, но бытие в ней почему-то не радует Извечных Богов, и они — эти Боги — посылают в совершенный, но грешный мир некое Испытание. В этом Испытании отбираются, выковываются и мужают Герои-Странники, которые затем переносятся в некий Промежуточный — назовем его так — мир. Там каждый из них порождает свой род, и история такого ведущего свое начало от Героя-Странника рода и составляет в большинстве случаев основное — литературное, скажем так — содержание второй смысловой части мифа. Тут и преодоление козней коварных соперников, и странствия во льдах или огненных пустынях, тут и всяческие спецэффекты, связанные с магией... Многое явно измышлено, многое скопировано у предшественников. Но, так или иначе, суровые испытания оказываются пройдены вполне успешно. А затем — снова более или менее стереотипный для всех вариантов эпоса фрагмент. Заключительный, после преодоления всех трудностей и духовного перерождения. После переоткрытия себя самого в новом, неожиданном для себя самом качестве. Герой готов принять странный и чуждый мир. То есть наступал этап укоренения потомков героев этноса в Мире Шарады. Но... Почти всегда в конечных пассажах эпосов рефреном звучит напоминание о том, что главные свершения народа-скитальца еще впереди...

Наступила пауза. И Том и Ян старались сохранить на своих лицах как можно более глубокомысленное выражение.

— Мне кажется... — Посол пригубил высокий бокал. — После столь долгого моего монолога у вас должны возникнуть вопросы ко мне, господа...

— Мм... ну что ж... — позволил себе сделать пробный ход в странной игре, в которую постепенно превращался их разговор, Ян. — Раз уж вы хотите поиграть в вопросы и ответы, то скажите мне вот что. По-вашему получается так, что в старые времена Предтечи осуществляли какой-то проект массового расселения людей Земли по Галактике, с пересадкой, так сказать, на Желтых Лунах... Этот мир, с вашей точки зрения, что-то вроде инкубатора отобранных для переброски в иные миры ну... клонов людей? А место назначения — Шарада?.. И к чему же вы нас, грешных, хотите призвать на основе такой вот поправки к истории рода человеческого? К каким, так сказать, практическим шагам в политическом и моральном плане?

Посол Лент пожевал губами, то ли смакуя легкое вино, то ли осуждая собеседника.

— Я, право, ожидал, что вы, прежде чем вот так потрошить суть дела, хотя бы потребуете у меня более веских доказательств, нежели жонглирование цифрами и пересказ

старых сказок на новый лад... Вы, право, как-то не критически подошли к моим рассказам, господин обозреватель...

— Помилуй Господи, — поспешил сгладить неблагоприятный, как ему показалось, эффект вопроса Яна Том. — Если такие доказательства у вас есть, то нам первым на Джее выпало счастье с ними познакомиться... Если, конечно, господин Посол...

Лент наклонил голову, своим преувеличенным вниманием как бы приглашая собеседника завершить начатую фразу.

— Если господин Посол захочет нас с ними познакомиться, — закончил свой полувопрос-полупросьбу Том.

* * *

Примерно двенадцатью этажами выше, в просторном номере гостиницы, два типа довольно хмурого вида прислушивались к голосу Посла, отчетливо доносившемуся из динамика небольшого универсального блока связи. Приборчик лежал перед ними на журнальном столике среди графинов с прохладительным и пестрых буклетов, взхлеб расхваливающих туристические и все прочие достопримечательности гостеприимного Джея.

— Пока что старый дурень не сказал ни одного путного слова по делу, — уныло прокомментировал услышанное тот из двоих, что был постарше и поплотнее сложен.

Одет говоривший был настолько крикливо, что оживлявшее интерьер номера чучело попугая, устроившееся на специальной металлической веточке похожего на никелированный куст торшера, смотрело на него с явным осуждением.

— Он и не обязан трепаться с первым встречным и поперечным о том, где хранит фиговинку, застрахованную на три миллиона федеральных баксов, — пожал плечами второй тип.

Тип состоял в основном из носа, агрессивно устремленного в пространство и увенчанного темными очками, за которыми невозможно было рассмотреть его узко поставленных глаз. Портрет дополнялся глубокими залысинами с остатками рыжих кудрей и косо обрубленным подбородком. Ко всему этому Господь приладил сухопарое туловище, облаченное в довольно дорогой, но скромный на вид костюм, и все полагающиеся к телу конечности. Конечностями тип пользовался сейчас на полную катушку — руками перебирал дурацкие буклеты, не заглядывая в них, а ногами нервно сучил. Его собеседника это явно раздражало.

— Слушай, Рори, — морщась, произнес он. — У меня все больше складывается впечатление, что мы с тобой просто маемся дурью. Ты уверен, что Зоннтаг ничего не напутал? Типы, которые имеют в багаже предмет, застрахованный на три «лимона», не ведут себя так. В полете они сдают предмет в корабельную камеру хранения. По прибытии заказывают курьера с броневиком, чтоб он свез его в банк. И там предмет этот и держат. А этот прохвост даже и не пытался предпринять что-нибудь в таком роде. Он просто путешествует налегке. И развлекается всяческими умствованиями перед своими приятелями. Он не то что о банке не подумал. Он даже абонентским ящиком здесь не поинтересовался. Велел снести чемоданы в номер — даже не проследил за ними — и отправился в бар с этими вот двумя типами, что встречали его в Терминале...

Он кивнул на аппарат, лежащий на столе. Бормотание в нем возобновилось.

— Зоннтаг ни разу не подводил, — возразил Рори.

Он умудрялся одновременно оспаривать страхи своего приятеля, нервически грызть ногти и прислушиваться к звукам, долетавшим из подслушивающего устройства.

— Если Ферди Зоннтаг дает «наколку», Эйб, то «наколочка» эта — верняк!

Поименованный Эйбом налил себе ледяного апельсинового сока из запотевшего графина и пожал плечами.

— Так и дела-то до сих пор были, скажу тебе, Рори, какие-то все больше нормальные... — пробормотал он.

Дела, которые Родерик Кроссленд и Авраам Фукс — оба свободные предприниматели — вели на правах полнейшего партнерства со скромным служащим «Объединенных орбитальных перевозок» Фердинандом Зоннтагом, и впрямь по сю пору не выделялись ни блеском, ни размахом. В определенном смысле их можно было в самом деле назвать нормальными.

Па в этой троице Ферди был специалистом по «наколкам», сильно обижался, когда его именовали более правильно, но и более грубо — наводчиком). Он всего лишь вычислял, кто из потока пассажиров, прибывающих в Космотерминалы Джея из других Миров, имеет при себе что-либо достойное внимания. А достойными внимания объектами можно было назвать плохо припрятанную партию наркотиков, незарегистрированное оружие или партию боеприпасов, выдаваемую за коллекцию предметов искусства (или что-либо из этих самых предметов искусства, которые при соответствующем подходе можно без особого риска изъять у того или иного странствующего лопуха).

Вычислив же нечто в этом духе, верный Ферди вовремя ставил в известность своих закадычных друзей — Рори и Эйба. Только и всего. А те уж решали, стоит ли брать соответствующего клиента «в работу». Довольно часто они сходились во мнении, что рисковать не стоит. Благодаря чему у обоих знакомство с органами суда и следствия Республики Джей ограничивалось испугом — не всегда, правда, легким.

Проще всего обстояло дело с наркокурьерами и «оружейниками». Те привыкли — в большинстве своем — к поборам со стороны как таможенников, так и обычных шантажистов. Рори и Эйб не слишком зарывались в своих претензиях. Почти всегда конфиденциальные беседы с владельцами «интересного» багажа обходились даже без перехода на высокие тона. Но и навар такая относительно безопасная деятельность приносила явно недостаточный — по меркам теневого бизнеса Джея.

Более рискованным делом было хищение — часто с последующим выкупом самим пострадавшим — вычисленной ценности. Это требовало поистине артистической виртуозности в сочетании с везением. Зато и окупалось хорошо. Что до прямого грабежа, то тут риск бывал слишком велик и чаще всего не оправдан. Рори и Эйб, будучи далеко не самыми смелыми из свободных предпринимателей Джея, на такое шли крайне редко.

Сегодня же им выпал случай далеко не типичный.

* * *

— Понимаешь, — задумчиво поскреб в затылке Эйб. — Ферди — хорошо. Он свое откукарекал, а там хоть не рассветай. А нам — поди разберись... С одной стороны, Ферди выудил из компьютера цифру страховки на какой-то груз, что вез при себе пассажир класса

«люкс» Август Лент. Оно и понятно — когда посол возвращается навсегда, то следует ожидать, что не с пустыми руками. Но, как называется или как выглядит застрахованная штука, Ферди так и не вычислил. И это — минус.

— Что-то небольшое... — пожал плечами Рори. — Багаж у сэра — всего ничего...

Эйб уныло кивнул. Разговор их шел по кругу. И поделаться с этим ему ничего не удавалось.

— Второе, что удалось Зоннтагу выковырнуть из корабельного компьютера, — продолжил он, — это часть обширной переписки господина Посла с нашим филиалом Спецакадемии... Он что-то везет для них. И договаривается о встрече в день прибытия, то есть сегодня. А тырить что-то из-под носа у Спецакадемии...

— Вот это мне с самого начала не понравилось... — нехотя согласился с ним Рори. — Военщики... Можно нарваться на большие приключения.

— То-то и оно, — кивнул Эйб. — Хотя, с другой стороны, чем они не покупатели? И какая им разница, у кого покупать? Мы-то в любом случае запросим меньше, чем сэр Посол... Только вот получается, что мы пока делим шкуру неубитого медведя. И даже не знаем, как этот медведь выглядит...

— Разговор его с приятелями мало чего дает... — Рори бросил недовольный взгляд на блок связи. — Или Посол носит эту штуковину с собой — в кармане или в бумажнике, или она — в одном из его чемоданов. В его номере. В последнем случае наш сэр — вконец неосторожный человек. Для дипломата просто фантастически неосторожный.

— Ну. — Эйб откинулся на спинку кресла. — Если он сейчас же направится на встречу с покупателями из Спецакадемии, то, значит, эта штука при нем, и наша карта бита...

— Ты перечитай записку Зоннтага, — усмехнулся Рори. — Встречу они назначили именно здесь, в «Звездном Береге».

— Читал, не слепой... — недовольно поморщился Эйб. — Из этого, между прочим, очень хреновая возможность следует.

— И какая же? — воззрился на него Рори.

— Да та, — пожал плечами Эйб, — что военщики могут «Берег» на это время под колпак взять. Чтобы чего не вышло. Это я к тому, что если ты намекаешь на то, что неплохо было бы к сэру в номерок заглянуть, покуда он развлекает своих приятелей, то прими к сведению, что за номерком-то могут и присматривать...

Мгновенно нахохлившийся Рори перебил его.

— Ты хочешь сказать, что я об этом не подумал? — осведомился он таким ледяным тоном, что Эйб сразу понял: «Не подумал! Конечно же не подумал, рыжий клоун!»

— И что же ты приготовил — из нашего с тобой арсенала — на такой случай? — поинтересовался он в свою очередь. Рори, однако же, быстро нашелся.

— А чем тебя не устраивает твоя обычная роль? Ты в роли мастера ремонтной службы всегда очень убедителен... И удостоверение твое — если надумают проверять — в розыске пока не числится...

— Пока его хозяин не вернулся из отпуска.

Со стороны Джованни Пуччи — кристально честного служащего «Юнайтед Джей Инсталлейшн» и страстного аквариумиста — было, конечно, большой неосторожностью водить дружбу с таким типом, как Родерик Кроссленд. А уж тем более доверять ему на время убывтия в отпуск уход за своим «рыбным хозяйством», занимавшим половину его небольшого домика в пригороде столицы. Кроме уймы аквариумов в домике этом умещался еще

«небольшой, но надежный сейф», в котором тот хранил свои служебные документы... Но что подделаешь — разговоры о рыбках за кружкой пива так сближают, а сейфы имеют способность открываться, когда к этому их принуждают умелые ручки.

— Ну да ладно... — вздохнул Эйб, вспоминая все эти обстоятельства. — Ксиву ты смастерил, в общем, надежную... Но только, будь добр, постарайся не так зевать по сторонам, когда будешь стоять на стреме, как это у тебя получилось в прошлый раз.

Рори проглотил нескрытый упрек своего партнера и поднялся из кресла.

— Тогда нам пора. Старый бабай как раз собрался на пресс-конференцию... Самый момент. Не забудь только про ключики и про удостоверение. И фирменную кепочку нацепи — на верхнюю конечность... На самую верхнюю.

Эйб скривился, как от зубной боли.

— Я и про униформу не забуду. Все хозяйство у меня в камере хранения — на пятнадцатом. Переоденусь у себя. Ты контролируй пока положение... — Он поднялся и двинулся к выходу. Проходя мимо торшера, с неодобрением глянул на чучело тропического франта и буркнул:

— Какой дурак додумался впендюрить сюда это уродство?

И вкатил чучелу отменно крепкий щелчок — по лбу, от всей души.

— На вот. — Он достал из нагрудного кармана и протянул Эйбу увесистую серебряную монету старинной чеканки. — Древнеамериканский доллар. Североамериканских Соединенных еще Штатов. Ношу с собой на счастье. Тебе оно тоже не мешает — раз тебе в нору лезть, а мне — только на стреме стоять...

Рори пожал плечами, сунул монету в карман, хмуро глянул на мягко задвинувшуюся за партнером дверь и, подойдя к зеркалу, стал приводить себя в порядок. Выдернул дерзновенный волосок из ноздри, пригладил волосы щеткой... Что-то беспокоило его. Он с тревогой оглянулся. Да нет, все было в порядке. Только чучело попугая нахально пялилось на него.

* * *

В неприметном фургончике на одной из многочисленных стоянок, облепивших комплекс «Звездного Берега», человек в форме, потирая ухо, из которого торчал проводок микродинамика, пожаловался другому в штатском:

— Мало того что я чуть не оглох, этот урод еще и камеру набок своротил. Обзор пропал.

На экране перед ним открывался перекошенный вид на часть гостиничного номера, которая попадала теперь в поле зрения видеокамеры, вмонтированной в пострадавшее от Эйбова щелбана чучело. Большую часть кадра занимал потрясающих размеров нос, за которым с трудом просматривался его обладатель. Прямо на невидимых ему соглядатаев пялился, томимый худыми предчувствиями, Рори. Через секунду, перестав визировать камеру, он покинул поле зрения и — судя по звуку задвинутой двери — само помещение.

— Ладно... Эта точка нам теперь и ни к чему. — Тип в штатском вынул изо рта трубку, не раскуренную по причине малого внутреннего объема фургончика. — Давай команду ребятам в здании — пусть будут готовы взять этого субъекта, как только он выйдет из номера Посла с товаром.

— Принимая во внимание то, что до сих пор никто толком не знает, даже

приблизительно, как эта штука выглядит... — мрачно заметил третий насельник фургончика.

Был он лыс и невесел.

— Принимая во внимание еще и то, что эти два типа — типичные дилетанты, шансы у нас — просто аховые. Зоннтаг нас заверил, что эти ребята расколют его превосходительство в два счета. А что мы видим? — Он кивнул на опустевший экран.

— Двух жуликов-любителей. Не более того...

— По твоему, Ласло, лучше было бы иметь дело с профессиональными гангстерами, так что ли? — пожал плечами обладатель трубки. — И поверь мне, Зоннтаг в людях не ошибается. Если он решил, что работу имеет смысл сделать руками этих двух пентюхов, значит, так оно и есть. Ну а если они провалятся, у нас в запасе остается просто силовой вариант.

— Крайне нежелательный... Крайне... — вздохнул лысый тип. — И еще меня беспокоит то, что господа покупатели пока ничем не проявили себя. Ни одного их человечка не нарисовалось окрест. Или беспечность это, или...

Он неодобрительно посмотрел на типа в форме и кивнул собеседнику, напоминая ему об осторожности. Обсуждение деталей проводимых операций в присутствии технического персонала не приветствовалось в той системе, на которую работали эти двое.

— Я бы тоже сказал, что покупатели ведут себя беспечно, — заметил тип с трубкой. — Я бы тоже так сказал. Если бы покупателем не была Спецакадемия. А у них — свои методы. У них здесь позиции сильные, и своих людей они сюда могут и не посылать вовсе. Для них и местная контрразведка всюю расстареется. Ее, впрочем, тоже не видно. Все наши «закладки» молчат.

— Однако все-таки включите внутренний обзор... — распорядился инспектор. — Очень он как-то вовремя появился на горизонте — этот ваш техник...

Оператор недовольно хмыкнул, обозначив этим то обстоятельство, что в «Береге» не приветствуется нарушение «прайвиси», даже в отсутствие хозяев, однако нужную клавишу надавил, и на одном из экранов выскочило сразу четыре картинки. Две из них позволяли лицезреть обе комнаты посольских апартаментов, одна — с видом ванной и еще одна — дающая обзор того места, куда даже короли пешком ходят.

* * *

Наблюдение за внутренними помещениями «Берега» осуществляли почти две дюжины операторов, располагавшихся в тесноватых кабинетах со множеством мониторов и разноцветных индикаторов и шкал на панелях, занимающих три из четырех стен. Кабинетов было шестнадцать, в одном из них, кроме оператора и его напарника, сейчас находились лица посторонние, но не из тех, кому укажешь на дверь: инспектор Филби и два эмиссара «Аннушки». Инспектор придерживал рукой воткнутый в ухо микродинамик и прислушивался к докладам своих агентов, разбросанных по ключевым точкам «Берега».

— Сейчас наш «клиент» смотрит ТиВи, — сообщил он спутникам. — Ждет начала пресс-конференции. Но уже приделся — скромненько так — и, похоже, готов выйти на дело.

— Неужели мы все-таки угадали? — поскреб в затылке Мирчо. — Просто не верится в

такое совпадение...

— Не сглазь, — мрачно посоветовал ему Саша. — Давай молиться и ждать...

— Посол с компанией выходит из номера, — флегматично заметил напарник оператора, кивнув на экран монитора. — Тут кто-то из наших техников путается у него под ногами со своим чемоданчиком... Упс! Старый хрен отдает ему ключ от номера. Должно быть, поломка какая...

— Значит, воровать в номере не фига, — резонно заметил Саша. — Кроме какой-нибудь мелочовки...

* * *

Техник отеля заботливо осмотрел замок двери посольского номера — сначала снаружи, потом изнутри. Потом осторожно захлопнул дверь за собой и стал делать вид, что озадачен какой-то неполадкой в системе набора контрольного кода электронной щеколды. Отдав этому занятию секунд десять своей полной совсем иных забот жизни, он вытер со лба мелкие бисеринки пота и прошел в ванную. Там вымыл руки, сполоснул лицо и некоторое время изучал его в зеркале. Лицо это было все тем же, до боли знакомым ему лицом старины Эйба Фукса. Растерянное и преисполненное наивной хитрости лицо крепкого задним умом селянина.

Эйб, однако, не стал долго предаваться самосозерцанию и резко сменил стиль своего поведения. От законопослушной мимикрии перешел к противозаконной активности. А именно принялся тщательно, сантиметр за сантиметром прочесывать территорию, оказавшуюся в его распоряжении на ближайшие полтора-два часа. Делал он это привычно, деловито и споро.

В первую очередь он, конечно, досконально обыскал, в буквальном смысле вывернул наизнанку не слишком объемный багаж сэра Августа. Багаж был невелик. Один чемодан, видно только что распакованный, так и лежал на кровати, не застегнутый и беззащитный. Он не содержал ничего интересного — только несколько пижам и других предметов личного туалета господина Посла. Большая часть содержимого этого кожаного монстра была уже расставлена и разложена по полочкам и тумбочкам гостиничного номера, из чего следовало, что сэр Август собирается провести в «Береге» пару суток. Кое-что попало даже в стенной бар — в дополнение к стандартному набору, полагающемуся в комплекте с прочими видами сервиса в гостиничном номере. Вкус у Посла был непритязательный. Коньяк «Космос» — он и есть коньяк «Космос», где бы его ни разливали — на Шараде ли, на Джее или в Метрополии — на Малой Арнаутской... Еще початая бутылка виски — сэр принимал друзей — и почти пустая бутылка местного легкого винца...

Эйб с досадой закрыл бар и продолжил осмотр помещения.

* * *

— Совершенно неожиданный вариант, — констатировал Филби. — Похоже, ваш подопечный решил загрести жар чужими руками. Нанял кого-то из здешних профессионалов.

— На него не похоже... — задумчиво промямлил Александр. — Он у нас — волк-одиночка... Может быть...

— Может быть, стоит брать его прямо сейчас? — перебил его Мирчо. — Неожиданно... Хотя — нет...

— Вот именно, — кивнул Филби. — Надо отследить — за чем именно его послали. За документами, драгоценностями, за еще чем-либо?.. И к кому он понесет добычу... Ждем.

— Ждем, — согласился Мирчо.

* * *

Второй чемодан Посол и не думал раскрывать — он был глубоко задвинут в нишу для багажа, соседствовавшую с небольшим гардеробом в прихожей. В нем начинка была посложнее — плотно уложенные контейнеры с кубиками «лазерной памяти». Принимая во внимание, сколько информации содержит один такой кубик (объемом ровно в сантиметр кубический), господин Посол волок с собой нешуточную библиотеку, на радость многим поколениям «шарадологов». Кроме той прорвы информации, в чемодане находилось несколько папок с документами в «бумажном» исполнении: ничего интересного — дипломы, просто и дипломы почетные, свидетельства об уплате чего-то кому-то, свидетельства о присвоении каких-то высоких титулов и степеней... И — сувениры.

Тут Эйб порядком растерялся. Любой из этих дурацких предметов — непонятных изделий из камня, металла, странной древесины — мог оказаться тем самым драгоценным товаром, что привез сэр Лент на продажу федеральным «высоколобым». В принципе, можно было, конечно, забрать весь этот хлам оптом, только вот как быть с ним дальше?

В заднем кармане брюк у Эйба завибрировал бесшумным сигналом вызова мобильник. Вытащить его из тесноватого местечка оказалось задачей непростой.

— Да? — тихо спросил в микрофон Эйб.

— Ты тянешь резину, дорогой, — раздраженно прошипел с другого конца канала связи Рори. — Ты что — не можешь определиться?

— Представь себе — не могу! — зло отозвался Фукс. — Здесь одно дерьмо! Одно. Дерьмо. Здесь!

— Норки? Щелки?

На нехитром жаргоне этих двоих сие значило: «Тайники? Трудные для взлома места?»

— Хренушки... — вздохнул в ответ Эйб.

— Дилетант ты... — в тон ему вздохнул Рори. — Дилетантом родился, дилетантом и помрешь! Жди меня.

— Э-э-ап! — только и успел возразить ему Эйб, прежде чем в трубке зазвучал сигнал отбоя.

Что должно было означать: «А кто ж на стреме-то стоять будет, дурак ты чертов?!»

— Зато ты у нас — профи! — ядовито сказал он в оглохшую трубку. — Если уж профи не родился, так уж, во всяком случае, профи помрешь!

Он не знал, насколько оба они близки именно к такому обороту событий.

* * *

— Глядите-ка — второй!.. — удивился Захаров. — Их полку прибыло...

— Признаться, я не понимаю, — пожал плечами Боев. — Что за ерунда там у них творится?

По всей видимости, инспектор Филби тоже был бы не прочь понять то, что демонстрировал ему монитор, на который было выведено изображение, передаваемое одной из видеокамер, установленных в номере Посла Лента.

* * *

— Закрой дверь получше, — тихо прошипел Рори. — С обратной стороны закрой — и становись на стреме. Я сам найду то, что надо. Тебе поручить найти ширинку на собственных штанах — и то наплачешься...

Эйб смахнул со лба вновь мелким бисером выступивший пот и, сдерживая судорожный вздох облегчения, выскользнул за дверь. В коридоре он огляделся и, не заметив окрест ничего предосудительного, отошел к блоку лифтов, откуда хорошо просматривались коридоры обоих крыльев здания отеля, сходящиеся тут под небольшим углом. Фукс отворил приборный щиток и присел под ним на свой чемоданчик с инструментарием дежурного техника. Так он имел вид специалиста, решившего передохнуть минутку-другую, прежде чем вернуться к исполнению своих профессиональных обязанностей. Он даже вытащил и зажал между указательным и большим пальцами правой руки заранее припасенный в кармане дежурный окурок, разумеется, затушенный во избежание активации противопожарной сигнализации. Кемарящий в уголке с недокуренной сигаретой техник не вызывает подозрений у «замыленного» взора дежурного, периодически поглядывающего на экраны расположенных перед ним мониторов. По крайней мере, так всегда было до сегодняшнего дня.

Но сегодня события явно катились не по тем рельсам, что всегда.

Первым об этом узнал Рори. В тот самый момент, когда он покончил с осмотром третьего — и последнего — предмета багажа господина Посла, небольшого кожаного саквояжа, заключавшего в себе упакованные в прочный прозрачный пластик рукописи, он услышал позади себя еле слышный звук.

Словно спущенная пружина, Рори подскочил на месте и замер, повернувшись лицом к выходящей на просторную лоджию двери. В ней маячил силуэт приземистого типа в форме внутренней охраны. Тип держал Родерика Кроссленда на прицеле небольшого кольта. Сознание Рори успело сгенерировать несколько нелепый вопрос: «С неба он свалился, что ли?» — но его — сознания этого — работа была тут же парализована решительным окриком:

— Стой! Стрелять буду!..

— Стою... — покорно отвечивал Рори.

— Стреляю, — констатировал тип и нажал на спусковой крючок.

Колыт глухо пукнул, и во лбу у Рори — почти точно между глаз — появилась круглая дыра. «Охранник» ловко подскочил к ставшему заваливаться ничком труп и аккуратно, без шума опустил его на ковер.

— Елки-моталки! — вскричал в кабинете дежурного Захаров. — Он его пришил! Как мы упустили гада!

— Если вы про господина Чудина, — холодно заметил Филби, — то ни мы, ни вы его не упустили. Он сейчас появится на месте действия. Идет по коридору. А этот тип спустился с лоджии номера этажом выше. Мы бы могли засечь его, если бы вовремя развернули камеру в нужном направлении...

Он поднес к губам микрофон.

— Всем — полная готовность. Без команды — не шевелиться!

Повернувшись к Мирчо, он добавил:

— Берем только с «товаром». Уж этот-то тип знает, за чем пришел...

А в неприметном фургончике — внизу на стоянке — мгновенно воцарилась паника. Оба типа — и в штатском и в форме — прижимали к ушам трубки мобильных и бросали в них короткие, рубленые фразы.

— Наш человек убит! В дело вошли какие-то третьи лица... — коротко рапортовал военный.

— Срочно блокируйте номер, блокируйте этаж! — деловито распоряжался штатский. — Нельзя дать им уйти!

Близился последний акт трагикомедии, ни один из участников которой уже не понимал, что происходит вокруг.

Тип с кольцом, безусловно, и впрямь знал, зачем пришел в номер Посла. Он небрежно — носком ботинка — отодвинул в сторону разложенное на полу содержимое саквояжа, сунул оружие за пояс и — к удивлению всех незримых наблюдателей, отслеживающих его действия, — двинулся напрямик к стенному бару.

В тот момент когда он отворил это подсвеченное изнутри цветными огоньками вместилище спиртного, в кармане Рори зажужжал мобильник. Зажужжал неслышно, но «охранник» каким-то обостренным чутьем уловил эту низкочастотную вибрацию и метнулся к уткнувшемуся носом в быстро пропитывающийся кровью ковер покойнику. Извлек мобильник на свет божий. Замер.

Мобильник снова завибрировал — теперь у него в руке.

Задержав дыхание, тип надавил на кнопку включения связи.

— Эй, Рори! — торопливо затарабанил в трубке незнакомый ему голос. — Ты что, оглох, дурень? Отвечай!

Тип выразительно кашлянул в трубку.

— Конспиратор хренов! Давай закругляйся. Здесь охранник тащится по коридору.

Прямо сюда... О ч-ч-ч...

В трубке хрустнул сигнал отбоя.

Тип воткнул мобильник на место — в задний карман брюк покойного Родерика Кроссленда, стремительно вернулся к отворенному бару и — продолжая изумлять своих соглядатаев — с лихорадочной поспешностью завладел бутылкой «Космоса». Он не просто жадно схватил емкость с не бог весть какого качества спиртным, он секунд пять-шесть что-то внимательно вычитывал на ее этикетке и бережно, как нечто неслыханно ценное, определил посудину во внутренний карман своей куртки.

Потом метнулся к входной двери и застыл сбоку от нее, напряженно прислушиваясь к чему-то происходящему в коридоре.

* * *

— Разрази меня гром! — не выдержал дежурный, до сих пор не вмешивавшийся в разговор полицейских чинов. — У них там просто фестиваль какой-то сегодня. Глядите — еще один в нашей форме, но — лопни мои глаза! — и этого субъекта я вижу впервые!

Инспектор и оба гостя со Святой Анны мрачно смотрели на быстро приближающегося к блоку лифтов человека. Никому из них не стоило напоминать, что эта мешковатая, облаченная в форму отряда внутренней охраны «Берега» фигура и кучерявая — цвета воронова крыла, с проседью борода принадлежали Николаю Чудину.

— Похоже, — предположил Филби, — что они работают вместе... Если так...

— Не так! — резко оборвал его Захаров. — Затежник никогда не связывался с мокрушниками... Происходит что-то непонятное. Какое-то дикое случайное совпадение...

— Почему же случайное? — пожал плечами Боев. — Ваша фирменная форма охранников, господа, — он скосился на дежурного, — просто идеальный камуфляж... Первое, что может прийти в голову жулику, грабителю или убийце, проникнувшему в отель, это нарядиться здешним охранником. Сколько их здесь у вас — неполная сотня, наверное? Они хотя бы знают друг друга в лицо?

Дежурный угрюмо промолчал в ответ.

— Надо остановить его! — решительно рявкнул второй дежурный. — Смотрите! Он сграбастал этого «техника» и тащит его к номеру, ну что твоего барана, прямо-таки! Они там сейчас перебьют друг друга!

— Не успеваем... — процедил сквозь зубы Филби. — Он уже в двух шагах от...

Он резким движением схватил трубку.

— Всем — к первому объекту! К номеру Посла! Приготовиться к захвату!

* * *

Если бы Эйб вошел в номер так, как положено, то бишь осторожно протиснулся бы в приоткрытую дверь, опасливо озираясь и стараясь не производить шума, то все и получилось бы, как положено. Через долю секунды после того, как его голова просунулась бы в помещение, пуля без лишнего шума проделала бы в ней аккуратную дырочку, а услужливый «охранник» подхватил бы бранные останки Авраама Фукса и расположил бы их рядышком с

останками его невезучего партнера.

Но у этих оболтусов все получалось не так, как у людей, — притаившийся у двери тип понял это слишком поздно.

Шуршание электронной отмычки в щели замка еще не прекратилось, как дверь номера, чуть было не слетев с петель, отворилась настежь от удара с размаху — увесистым, массивным предметом. Сам предмет тут же влетел в крохотную прихожую, сметая на своем пути массу всякой всячины — и типа с пистолетом заодно.

Предметом этим был, вообще говоря, сам Эйб. Полупридушенный, но живой Основательно приложившись скулой к ковровому покрытию пола, он нашел, что оно могло бы быть и помягче. Еще он нашел, что лежать вжавшись в пусть жестковатый, но все-таки разительно отличающийся от тверди железобетона ковровый ворс, прикидываясь покойником или чем-то вроде того, пожалуй, самая подходящая для него линия поведения.

Застигнутый врасплох тип со стволом, попытавшись удержать равновесие, не успел парировать самый простой из возможных приемов единоборства — «прямой в лобешник», к которому и не замедлил прибегнуть ввалившийся в номер следом а использованным в качестве тарана и прикрытия Эйбом Затейник. В результате тип грянулся затылком оземь и некоторое время в дальнейшем развитии событий не участвовал.

* * *

Николай Чудин находился в положении безвыходном. В гораздо более безвыходном, чем могли себе представить все за ним наблюдающие чины полиции и куда более могучих силовых структур. Поэтому действовал он целеустремленно и решительно. На оценку обстановки — три недвижимых тела (одно с выходным отверстием в затылке), раскиданное по полу содержимое посольского багажа, мелкой россыпью — инструменты из сумки «техника», разверстая ниша бара — у него ушло чуть менее секунды.

Он подхватил вывалившийся из руки бесчувственного «охранника» пистолет и наскоро обыскал его карманы. Результат превзошел все ожидания. То, зачем он явился сюда, — предмет, который при самом тщательном изучении любой непосвященный не назвал бы ничем иным, кроме как бутылкой посредственного коньяка «Космос», — в целости и сохранности перекочевал из внутреннего кармана куртки одного «охранника» в точно такой же карман другого. Исподтишка наблюдавший за этими манипуляциями Эйб мрачно констатировал непреложный факт: он оказался заперт в одной клетке со свихнувшимися алкоголиками.

Николай поднял валявшуюся среди рассыпавшегося инструмента отвертку, загнал ее «жало» в скважину замка — аварийную, на механический ключ рассчитанную — и напрочь сломал его. Через долю секунды с противоположной стороны налегли двое дюжих полицейских, но было поздно — теперь на совесть сработанную дверь номера было не так-то просто высадить.

Первая секунда штурма посольского номера еще не истекла, а на столике в углу громко заверещал сигнал вызова блока связи. Продолжая сканировать внимательным взглядом стены и потолок помещения и держа пистолет наготове, Николай отступил в простенок между выходом на лоджию и панорамным окном, открывающим вид на залив и затянутое предгрозовыми облаками небо. Дотянулся до надрывающегося аппарата. Снял трубку.

— Господин Чудин, — зазвучал в трубке сухой, как прошлогодний хворост, голос инспектора Филби. — Вы заблокированы. Помещение и гостиница — окружены. Мы наблюдали все ваши последние действия. Не усугубляйте свою вину. Бросьте оружие и откройте двери номера...

— Не вибрируйте, ребята! — резко оборвал его Чудин. — Через десять минут — спокойно входите через балкончик. Сопротивления не будет. Только не раньше. Спешка вам только повредит, ребята. Учтите — у меня ствол и два заложника. И еще — то, за чем мы все сюда пришли. С этим может всякое случиться, если вы неправильно себя поведете...

— Лучше сразу откройте, Чудин... — все так же сухо посоветовал ему Филби.

«Откройте, — усмехнулся про себя Николай и бросил трубку на рычаг. — Нашелся умник. Ее — дверь-то эту — сейчас сам — и захотел бы — без электродрели хрен отпру...»

Он прицелился в ничем не примечательную хреновнику под потолком, выдававшую себя за обычное декоративное крепление оконных жалюзи, и вклеил в него пулю. Жалюзи остались на месте, а изображение внутренности одной из комнат номера на экране в кабинете дежурного напрочь исчезло. Вместе со звуком. Через десяток-другой секунд ослепли и оглохли все камеры внутреннего контроля номера господина Посла.

* * *

— Ишь — все вычислил! — прокомментировал дежурный. — Разбирается...

— Это — ас, — угрюмо заметил Мирчо. — Но ему никуда не деться...

— Я бы не стал на это заключать пари... — еще более угрюмо отозвался Александр. — Он — действительно ас. А не клинический идиот.

Заверещал сигнал вызова. Филби щелкнул переключателем.

— Шеф, — прозвучал в динамике голос оперативника, застрявшего у двери номера. — Это Эрик... Тут к нам подвалили еще трое... Из Гэ-Бэ... У них тоже свои претензии к тем типам в номере.

Гости кабинета дежурного озадаченно переглянулись.

— Уступить им пальму первенства, что ли? — задумчиво предположил Мирчо.

И инспектор, и собственный подчиненный волками покосились на него.

— Действуйте по обстоятельствам, — озвучил свое решение инспектор. — Оказывайте коллегам из госбезопасности посильную помощь. Введите их в...

— Да в курсе они уже!.. — отозвался раздраженный Эрик. — Ставим на дверь кумулятивку и входим?

Дежурный тихо застонал. Должно быть, болел душой за имущество отеля. Хорошая дверь хороших денег стоит. А ее — кумулятивным зарядом...

Филби цыкнул на него и распорядился в селектор:

— У него заложники. Ждите приказа. Обещает сам сдаться...

Филби задумчиво прижал микрофон к узкому подбородку.

— За каким дьяволом ему нужны эти десять минут? — спросил он пространство перед собой.

Ослепшие экраны не ответили на его вопрос.

Эйб осторожно приоткрыл глаза и увидел прямо перед своим носом покрытый рыжими завитушками затылок Рори. Затылок этот был изрядно подпорчен выходным отверстием пули не слишком большого калибра. Лежал Рори неподвижно, нелепо повернув голову так, что кроме его затылка в поле зрения iba попадали его смятое ухо и наивного василькового цвета глаз, уставившийся безнадежно мертвым взглядом в ворс ковра.

Эйб тихо икнул от испуга. «Зря ты монетку свою счастливую мне отдал, — мысленно сказал он покойному теперь партнеру. — Вот счастье про тебя и позабыло...»

Тут же крепкая рука Затейника уверенно взяла Эйба за загривок и перевела его в положение сидя. Потом та же рука вlepила ему мощную, но, в общем-то, почти отечески ласковую затрещину.

— Не придуривайся, чудик, — прогудел у него над ухом удивительно безмятежный, хрипловатый голос незнакомца. — Вставай. Или по тюряге сильно скучаешь?

— К-кто вы т-такой? — ошалело спросил Фукс. — Я-я... У меня есть удостоверение...

Тут он получил вторую затрещину и резко смолк, послушно уставившись на бородатую и странно благодушную физиономию человека, лишившего его сначала свободы, а теперь, похоже, и права голоса.

— Ты хоть знаешь, дурень, зачем сюда влез? — ласково спросил его бородач. — И в какой, вообще, переплет попал?

В дверь принялись колотить чем-то тяжелым, а со стороны лоджии раздались выкрики, усиленные полицейскими громкоговорителями. Так что долго размышлять о том, в каком именно из возможных в жизни гостиничного воришки переплетов он оказался, времени у Эйба не было.

— Нам крышка! — с трудом выдавил из себя он. — Какого черта?.. Я не...

— Так ты все-таки ни черта не понял!

Бородач с досадой сплюнул в сторону.

— Вас подставили — дурачки вы этакие! — сочувственно пояснил он ничего по-прежнему не соображавшему Эйбу. — Вашими руками жар загрести хотели. Только — обломились! Они же не понимают, идиоты, что притащил Посол на продажу!

— Нам — крышка! — снова, теперь уже с глубоким чувством, произнес Эйб. — Нас обложили! Это ты, дурень, обломился, а не они... Как ты собираешься отсюда уходить? Через канализацию просачиваться? Какая нам теперь, к хренам, разница, что старый дурак притащил сюда от этих недоделанных колдунов!

— Разница есть... — усмехнулся бородач. — Через толчок выбираться не будем. Для нас другая дверца откроется...

Он определил пистолет за пояс, полез за пазуху и извлек оттуда бутыл с красивой этикеткой и фирменной пробкой. Внутри бутыл содержала — в полном соответствии со своим предназначением — жидкость цвета темного янтаря.

Эйбом овладела нервная икота.

— Как ты думаешь, — осведомился Николай, — за каким чертом почтенный сэръ через половину Галактики тащил в чемодане эту вот дешевку? Оттого, что выпить вдруг захочется? Так, что ли?

Эйб — от немыслимого идиотизма ситуации только продолжал таращить на бородача

выпученные до предела глаза.

— Так вот, — стараясь выговаривать слова как можно разборчивее, объяснил ему тот, — коньячком отовариться сэр — при его-то окладе — мог бы всюду, где выпить ему приспичило. Он не спиртное в пузыре этом с собой тащил. Не спиртное вовсе — ключик!

— К-какой к-ключик? — осатанело потряс головой Эйб. — Ч-чушь какая-то...

— В другой мир ключик, — усмехнулся Николай. Неприятной какой-то, совсем не веселой улыбкой.

— В д-другой?.. — не понял Эйб. — В к-какой д-другой?

— В тот, в который мне очень нужно... — все также невесело, усмехаясь, объяснил ему Николай. — Больше я про него ничего не знаю... А эти...

Он кивнул в сторону дверей.

— Эти — воображают, что сели мне на хвост. Идиоты. Им и в голову не приходило, что я их всех как миленьких в два счета вычислил... Совсем уж за дурака держат старину Затейника...

— Т-так т-ты знал?! — поразился Эйб. — З-знал, что под колпаком ходишь, и притащил за собой всю эту парашу?!

— Слушай, — вздохнул Николай. — Долго тебе объяснять это все. А времени — фиг! Потом потолкуем — время, может, и выдастся... А пока — слушай сюда... Сейчас я половину этой дряни, — он тряхнул перед глазами Эйба дурацкой бутылкой, — проглочу. После этого бери ее у меня из рук — быстро, не мешкая — и глотай все остальное. Что дальше делать — поймешь сам... Только запомни: эту штуку, — он снова потряс перед Эйбом загадочной емкостью, — этим сукам не вздумай оставить! Держи в руках крепко. Не выпускай!

Он одним движением «свернул шею» «Космосу» и опрокинул горловину бутылки себе в рот. Успевший к тому времени подняться на ноги Эйб потрясенно смотрел на него. Не подававший дотоле признаков жизни тип, порешивший несчастного Рори, тихо замычал и попытался нащупать пол под собой. Эйб испуганно глянул на него, потом на бородача. Тот прикончил свою дозу содержимого бутылки и одной рукой протягивал ее Эйбу, а рукавом другой утирал рот.

— Э-эт-то — яд? — хриплым, прерывающимся голосом спросил Эйб. — В д-другой мир — э-эт-то на т-тот свет? Д-да-а-а-а?

— Фигню не пори! — оборвал его Николай. — Бери бутылку и глотай быстро! А мне...

Он окинул пространство вокруг себя странным взглядом, словно увидел что-то для себя неожиданное.

— А мне пора... Держи!

Он сунул бутылку в руки Эйбу и, пошатнувшись, шагнул куда-то. Вышел.

Только вот куда?

Эйб оглянулся — бородача не было нигде окрест, — потом с недоумением и страхом посмотрел на чертову посудину, зажатую в руке. Из коридора доносились приглушенные крики:

— Открывай!.. Будем взрывать дверь!

Эйб оглянулся в сторону лоджии. Сверху — с этажа, что нависал выше, уже сбросили вниз тросы. «Сейчас по ним спустятся мастера ручного боя в бронежилетах...» — мелькнуло в голове у Эйба.

Его отвлекло донесшееся с пола глухое мычание. Звук испускал силящийся подняться

«охранник». Ему уже удалось стать на четвереньки, открыть глаза, и теперь он с ненавистью и удивлением пялился на Фукса.

«О господи! — подумал Эйб. — Ведь сейчас он меня — того...» И — скорее рефлекторно, чем сознательно, — он сунул горлышко бутылки себе в рот и принялся, давясь, заглатывать ее содержимое.

Оно оказалось совсем не похожим на коньяк — более густое словно маслянистое. Не слишком приятное на вкус. Сделав над собой усилие, Эйб опростал посудину и уже чуть было не швырнул ее в физиономию встающего на ноги «охранника», как вспомнил слова бородача: «Эту штуку сукам не вздумай оставить! Держи в руках крепко. Не выпускай!»

Волна странного озноба прокатилась по его телу. Мир вокруг стал неожиданно, невыносимо странен...

Он крепче сжал бутылку в руках и стал пятиться от возвращающегося к жизни лиходея. Судорожно огляделся в поисках пути к отступлению и — к немалому своему удивлению — увидел его. Он шагнул в ранее не замеченный им почему-то проход между двумя дверьми, ведущий из комнаты, прошел мимо шершавых, нездешних, в камне высеченных и неровных стен, спустился по переходящим в нагромождение каменных плит ступеням и, словно в гладь простершейся перед ним реки, вошел в теплый, влажный туман чужого мира. И мир этот, и его туман не спеша поглотили Эйба. Дали приют.

* * *

Дверь номера распахнулась настежь, помещение наполнил тошнотворный запах взрывчатки. Вслед за ним в комнату ввалилось с полдюжины крепко сложенных ребят в костюмах высшей защиты, тихо исходящих голубым, еле заметным пламенем защитного поля. Одновременно через дверь лоджии горохом посыпались точно такие же спецназовцы, только с другими нашивками.

Еще через десяток секунд все они — за исключением четырех-пяти человек, рванувшихся проверять содержимое ванной комнаты, туалета и всех подряд шкафов, — стояли тесным кругом, в центре которого, высоко вскинув руки, пошатывался коренастый «охранник», единственный живой человек, застигнутый стремительным штурмом спецназа в номере господина Посла. Что и говорить, добыча получилась не из богатых.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Потом один из людей, наряженных в защиту, поднял руку к забралу своего шлема и сдвинул его вверх. Забрало скрывало не слишком молодое лицо человека, который повидал в жизни побольше, чем остальные парни в защитных костюмах. В отличие от них он был в годах и в чинах. Хотя знаков различия на его бронекастюме видно не было, старший офицер в нем читался, что называется, однозначно. Склонив голову набок, он присмотрелся к лицу «охранника».

— Привет, Уолли, — хриловатым голосом произнес он. — А я-то думал, что тебя упекли всерьез и надолго... На кого работаешь теперь?

Тип, поименованный Уолли, мрачно смотрел в сторону.

— Не твое дело, — процедил он сквозь зубы и сплюнул себе под ноги.

Офицер кивнул оперативникам, и в долю секунды «охранник» был скручен и «упакован» по всем правилам спецназовской науки. Правда, благоразумный Уолли и не

подумал оказывать при этом никакого сопротивления.

— Здесь никого больше нет! — доложил офицеру слегка запыхавшийся командир группы, прочесавшей все закоулки гостиничного номера.

— Здесь было четверо, — с тихой яростью в голосе напомнил ему старший по чину. — Чет-ве-ро! А мы имеем одного покойника и одного пентюха из наших бывших...

Он нагнулся к удерживаемому в согбенном состоянии Уолли, так чтобы видеть его лицо.

— Тут были еще двое! Понимаешь?

Он потряс перед носом у пленника «козой», составленной из двух сухих, жилистых пальцев.

— Где они? Я повторяю: где?!

Вместо ответа Уолли затрясся от почти беззвучного, истерического смеха.

— Они... — наконец выговорил он. — Они не на продажу ключ сперли... Они его искали для себя! Понимаете вы, ослы этикие, — для себя!!! Так что ищите их отсюда — далеко! О-чень да-ле-ко!

— Что он порет? — спросил стоявший за спиной офицера — тоже, видно, не из простых боевиков. — Какой ключ?

Ответа он не успел услышать — в комнату повалил народ.

* * *

Несмотря на то что номер, отведенный под место временного обитания господина Посла, был помещением по всем понятиям просторным, в нем быстро становилось тесно.

Уже через минуту после того, как они вошли туда, Боев и Захаров поняли, что в образовавшейся толчее они — лишние. Обменявшись взглядами с довольно растерянным Филби, они оба без лишних разговоров выбрались в коридор. В небольшом зале у блока лифтов нашлось несколько кресел, сгрудившихся вокруг пары журнальных столиков под табличкой, допускающей курение в этом месте.

— Я ничего не понимаю... — глухим, неожиданно севшим голосом произнес Александр, опускаясь на обитое упругим пластиком сиденье.

— Я понял лишь одно, — пожал плечами Мирно. — Наши заботы, кажется, кончились.

* * *

— Похоже, что ты растерян, Сонни?

Голос Учителя был усталым и чуть хрипловатым со сна, но ни малейшего раздражения тем, что ученик потревожил его в столь поздний час, не звучало в нем. Наоборот, скрытое, но заметное все-таки нетерпеливое желание услышать поскорее что-то, что освободило бы его душу от какого-то давнего гнета, слышалось в нем.

— К вам пришли, Учитель, — растерянно доложил Сонни. — Он говорит, что это — не терпит отлагательств...

— Кто это — «он»?

— Повелевающий Демоном... — чуть испуганно уточнил мальчишка.

— И.

— Павел... — вздохнул Учитель. — Ладно. Не заставляй его ждать, Сонни...

— И вот еще...

На ладонях Сонни снова лежали две фигурки — стеклянная и каменная. Стеклянный Глинн-динн-Гланн — Неуловимый Бог Превращений казался хитровато-беспечной бестией, а угрюмый Тохо-и-Тау — Таинственный Бог Забытых Снов, как ему и полагалось, смотрел куда-то мимо, в одном ему ведомые пространства.

— Их свечи... — осторожно добавил ученик. — Они тоже погасли...

Учитель молча кивнул, жестом приказал впустить в келью позднего гостя.

Гость был широк в плечах, коренаст и бородат. Волосы его были так светлы, что притаившаяся в них седина была почти незаметна. Учитель кивнул ему на каменную скамейку у стола и сам присел напротив.

Ученик взглядом попросил разрешения уйти. Но Учитель покачал головой.

— Присядь здесь в углу, Сонни. Тебе пора привыкать слушать наши взрослые разговоры. Он повернулся к гостю. Тот хмуро смотрел на него.

— Ты, наверное, уже понял, — произнес гость, — с чем я пришел?

— Костры? — осведомился Учитель. — Неназываемые дают Знак?

— Костры, — подтвердил гость. — Пять костров. Пять столбов дыма там — за Перевалами. Как и условлено.

— Все сходится, — кивнул Учитель и бросил взгляд на пять причудливых фигурок, выстроившихся на его столе. Боги Пестрой Веры хранили молчание.

— Новые Пятеро пришли, — вздохнул гость. — Но мы, собственно, уже обо всем договорились между собой... Я дам знать Цинь и Тому.

— А за мной — Марика, — кивнул в ответ хозяин. — Ты остаешься у меня на ночь? Вот — почитай на сон грядущий. Тебя, наверное, интересует, что я нарыл здесь с тех пор, как мы говорили в последний раз?

— Интересует, — согласился гость, принимая из рук хозяина стопку листков, исписанных убористым почерком. Учитель поймал удивленный взгляд Сонни.

— Ты что-то хотел спросить? — повернулся он к нему.

— Вы говорили про неназываемых... — озадаченно произнес мальчик. — Разве их много? Я думал...

— Никто не знает — сколько их, — улыбнулся Учитель. — Но только один из них — наш враг.

Все было почти точно так же, как и при обычном подпространственном броске на борту транспортного лайнера «Космотрека». Провал в небытие, а потом затихающий гул где-то в подсознании, не в ушах... Металлический привкус во рту и острая, непередаваемая тоска о чем-то ускользающем из заветного, давно позабытого уголка души. О чем-то страшно важном, но неумолимо исчезающем, тающем...

Рус, не открывая глаз, нащупал в нарукавном кармане упаковку психоэлеватора и сунул в рот пару сладковатых таблеток. Потом открыл глаза и сверился с показаниями приборов. После чего принялся торопливо расстегивать ремни, удерживавшие его в пилотском кресле. Надо было покидать приемный модуль как можно скорее. В первые минут сорок после броска это устройство могло выкинуть неожиданные фокусы. Например, превратиться в источник жесткого излучения.

Сервомоторы завели свою жалостливую песню, но сдюжили с тяжелой крышкой выходного люка. Воздух Мира Молний сперва слегка одурманил Руса. Холодный ночной воздух, настоящий за предыдущий день на непривычных ароматах чужого края. Воздух был разреженный и в то же время пыльный. Спрыгнув на каменистый грунт и оглядевшись, Рус понял, что так и должно быть. Место, куда был заброшен приемный модуль, оказалось высокогорным плато, а сам подпространственный бросок порядком потряхнул и сам модуль, и окружающую местность — над плато медленно оседали облака подброшенной в небо пыли.

Поправив рюкзак, Рус припустил трусцой в направлении скал, возвышающихся в паре сотен метров от врывшегося в каменистую твердь приемного модуля. На тренировках в Центре подготовки все его действия по прибытии на Блуждающую были расписаны по долям секунды и отработаны до автоматизма на макетах местности. Там, в укрытии, он сможет оглядеться и сориентироваться в пространстве.

Все было так, как подсказывала ему карта, составленная на основе всех собранных в Центре данных о Сумеречных Землях, и в то же время — совсем не так. Все здесь действительно было замороженным. Лишенным реальности. Словно во сне привидевшимся. Наверное, виной тому еле заметный трепещущий свет, пробивающийся сквозь наслоения туч. В тучах тонули вершины гор, в непроницаемом мраке ущелья и долины казались бездонными, в преисподнюю низвергающимися пропастями.

Цель, до которой ему предстояло добраться, располагалась, казалось бы, совсем близко на одной из скалистых «полок» на склоне горного кряжа, находящегося неподалеку от плато, на которое волею судеб подпространственный переход выбросил Руса. Должно быть, в хороший бинокль днем можно рассмотреть сливающиеся с камнем сооружения Скальных Храмов, один из которых приютил Находящего Пути.

Но для того чтобы добраться до этой цели, надо спуститься в зияющую черной пропастью долину и преодолеть Худые леса. Судя по сведениям из Меморандума Беглеца, не всякому это удавалось.

Рус бросил взгляд на часы и прикинул, что опасность миновала, пора ему заняться ремонтированием приемного модуля в модуль отправки. На это, по его расчетам, должна была уйти оставшаяся часть ночи. Конечно, он не мог определить, какая ее часть уже миновала, ему показалось, что камень скал не до конца отдал накопленное за день тепло. Стало быть, до рассвета еще далеко.

Только шагах в десяти он заметил вдруг, что уже не одинок здесь, среди нагромождений мертвого камня. На массивной раме люка грузового отсека примостился пушистый комок тьмы. Тьма эта посверкивала маленькими глазками-бусинками и цепко держалась за рифленый металл длинными, похожими на потеки смолы пальцами скрытых в непроницаемо-черной шерстке лапок. Рус лихорадочно перебрал в памяти описания существ, которые, предположительно, могли встретиться ему в этих краях, не припомнил ничего даже отдаленно похожего.

Он потянулся к кобуре бластера, но существо на люке укоризненно покачало головой и неодобрительно зацокало. Тогда Рус успокаивающе помахал зверьку и, демонстрируя полное дружелюбие, нарочито неторопливыми движениями вытащил из нагрудного кармана упаковку таблеток глюкозы — витаминизированной и ароматизированной. Он показал угощение зверьку, облизнулся, чтобы дать понять, насколько оно вкусно, и кинул таблетку на щебень — неподалеку от модуля.

Зверек проявил неожиданную доверчивость и проворство. Миг — и он исчез с окантовки люка, а глюкоза — с каменистого грунта. Рус несколько секунд искал его глазами, но это было, видно, занятием бесполезным. Он вздохнул, включил механизм, открывающий люк, и принялся за распаковку дополнительных блоков, которые предстояло установить на модуле.

Глава 4

ВСТРЕЧИ ЛЮДЕЙ ПОСВЯЩЕННЫХ

Пронизывающий ветер гнал сеющийся мелкой, морозящей влагой туман между редкими стволами Ведьмина леса.

У ветров здесь были имена.

Этот был назван в честь плохих времен — Ветром Тьмы. И еще — Ветром Злых Дней. И должен был принести их с собой — эти плохие времена... Листья шуршали под этим недобрым ветром, заглушая звук шагов, но Анна все равно старалась шагать бесшумно — годы службы Лесу и Мгле не прошли даром. Тихо, очень тихо ступала Анна вдоль опушки, несмотря на то что приходилось справляться и с другой почти невыполнимой задачей — заслоняясь полрой плаща от беспощадного Ветра Злых Дней, нести к Мертвому Камню светлого воска, от тайных огней затепленную свечу.

Птица Кром трижды прокричала ей в спину — птица Кром с планеты Кром. И змеи Медных Камней трижды уползали из-под ее почти невесомых шагов. Но Анна неотрывно смотрела только на светлое пламя свечи. На мгновение оно полыхнуло отчаянным, предсмертным всполохом, обморочно сжалось, словно решив совсем уж сдаться — тонкой струйкой копоты изойти в мятущуюся тьму вокруг... И сама эта тьма стала в тот миг и вовсе беспросветной: мчащиеся в бездне неба нижние облака совсем уж было заслонили трепещущий свет Настоящего Неба. Но Анна знала, что это только кажется ей.

Свет Молний не гаснет никогда. Меркнет, становится незаметен. Но никогда не гаснет до конца.

Не погасла и свеча. Пламя метнулось, поперхнулось копотью и вновь заколыхалось неровным, грозящим сорваться стягом над светящимся изнутри столбиком свечи. И, словно отразившись в далеком, незримом зеркале, в темноте, среди редких стволов неприметно замерцал второй язычок светлого пламени. Пламени, со стремительной неспешностью летящего по-над замшелыми валунами, черными колодами гнилых пней, то исчезая за почти неразличимыми во тьме стволами, то появляясь из-за невидимой преграды, вновь разгораясь под дуновением этой тьмы. Летящего к той же цели, к которой несла свой огонь Анна, — к поляне Мертвого Камня.

Они почти одновременно подошли к ней — странно ровной, заросшей другой, не такой, как на обычных полянах Леса, травой, окружавшей асимметричный сгусток тьмы посредине — Мертвый Камень.

Мертвый Камень, Ловец Заблудших Душ...

Но Анна не спешила ступить в круг Другой Травы: на границе поляны она застыла, прикрывая трепетное пламя полами плаща. Точно так же — без единого слова — замерла по другую сторону поляны и вторая — как две капли воды похожая на нее — полурастворившаяся во тьме, чуть подсвеченная зыбким огнем фигура.

Два огня ждали, пока появится третий...

И он возник — такой же неровный и трепетный, такая же почти неразличимая во тьме тень принесла его к поляне с Другой Травой.

Только тогда все три тени одновременно вступили в Круг и приблизились к Мертвому Камню. Три свечи встали в поросшие серым мхом ниши, три тускло блеснувших ножа легли перед ними. Здесь Ветер Злых Дней был не властен над крохотными язычками пламени, и

они, вытянувшись, замерли, источая во тьму над собой тонкие струйки копоти. Как бы питая тьму тьмой.

— Ну вот... — первым нарушил молчание тот, что пришел последним, человек невысокий, седой и бывалый.

Под плащом на нем был надет бушлат морского десантника со споротыми знаками различий. Да и вся его экипировка была оттуда — из той жизни, где простые люди ходят по одной дорожке с людьми Жестокого Ремесла, где и слыхом не слыхивали про свечи, которые не задувает Ветер Тьмы.

— Ну вот, — снова повторил этот человек. — Вот и дождались Знака... Трое пришли, чтобы не дать случиться беде. Чтобы Пятеро могли встретить Пятерых.

— Начинается охота, — глухо сказала та тень, что принесла вторую свечу.

Ее по-прежнему трудно было разглядеть — не старую еще вроде женщину, лицо которой, тонкое и нервное, почти совсем утонуло в тени капюшона. Ей словно что-то мешало шагнуть в круг ровного, ясного света свечей, и она оставалась там — на границе трепещущей почти невидимыми всполохами Тьмы.

— Мы... — Она наконец оторвала взгляд от светлого пламени. — Мы должны сделать выбор. Как вы понимаете, теперь нам очень скоро будет предложено выбирать...

— Что до меня, — сурово сказал принесший третью свечу, — то я свое выбрал давно: мне с Их Величеством решительно не по пути... Их Величество давно уже стал просто жалкой тенью Неназываемого...

— Мы в этом не сомневались, — сказала Анна, чувствуя, что ей надо опередить ту, что второй поставила свечу на камень. — Мы не сомневались, что если бы выбор делал один ты, Торн, то Император никогда бы не получил помощи Мглы. Но только дело в том, что мы не можем принять решение поодиночке. И большинством голосов его принять мы не можем... Только наше общее, единое решение имеет силу...

— Ну что же — видно, разговор нам предстоит долгий. — тут он сделал приглашающий жест и сам первым опустился на сухую траву поляны.

— Раз уж я начал... — Он сложил «домиком» кончики пальцев и сосредоточил свое внимание на них, — Раз уж я начал... Нет сомнения в том, что Их Величество пожелает ровно того же чего пожелает Неназываемый, — того, чтобы с этими Пятерыми, что пришли сейчас, случилось бы в точности то же, что и с теми — давешними... Но Пророчество утверждает нечто совершенно иное... Вот тут я и спрошу тебя, Анна, и тебя, Хло: стоит ли нам только для того, чтобы угодить государю, идти заведомо против Пророчества?..

Та, что звалась Хло, нервно дернула плечом:

— Пророчество на то и Пророчество, что понять его можно по-разному. Это только тогда, когда оно уже сбудется, все окажется совершенно очевидным. Но — только тогда... А ты, Торн, берешься судить вперед...

— Если Пророчество — вовсе никакое не Пророчество, а так — бабушка надвое сказала, — веско возразил Торн, — так тогда на черта нужны и мы с вами, и служение наше с вами Силам Мглы? Нет! Нас — немногих — Мгла недаром отметила. И Понимание Знакои дала — не зря! Пророчество ясно гласит: «Трое придут и не дадут случиться беде. Когда Пятеро встретят Пятерых, то падет Драконов Запрет, и Мир станет свободен от Драконов, а Драконы — от Мира...»

— Ты находишь это совершенно ясным, Торн? — вопрошающе заломила бровь Хло. — Ты знаешь, например, что такое Драконов Запрет? Или ты уверен, что Трое — мы то есть —

должны именно помочь встрече Старых Пятерых с Новыми? Может быть, «не дать случиться Бед» это как раз значит — не дать им встретиться? Ведь ты именно так думаешь? О-о-о... Я хорошо знаю твой примитивный ум, Торн. Твой простой и надежный ум. Он хорош, чтобы прикидывать планы сражений и разбираться в хитростях придворных интриг... А вот для того чтобы трактовать Пророчество, ты слишком мелок, Торн. Но, к сожалению, только этим ты и занимаешься последнее время...

Прежде чем наливавшийся во время этой тирады черным сарказмом Торн успел вспылить, Анна резким жестом вскинула перед собой ребром поставленную ладонь.словно беззвучным, коротким вскриком оборвала нить начавшегося спора.

— Не мне судить, Хло, насколько прост наш брат в своем толковании Пророчества... — резко вступила она в разговор. — Важно то, что, сдается мне, Неназываемый понимает его точно так же. И это единственное, что важно для нас... Здесь и сейчас.

Не успеет трижды минуть Тьма, как нам будет предложено найти и передать в руки людей Неназываемого тех Пятерых, что пришли. Или найти и уничтожить. Что то же самое...

— Ты так уверена в этом, сестра? — вскинула на нее свой неприязненный взгляд та, что на этой поляне звалась Хло.

— Не меньше, чем ты... — Ответ Анны прозвучал совсем в другой тональности.

Это была не реплика в споре, а скорее усталый совет матери, адресованный зарвавшейся дочери, — кончать болтать ерунду.

— Не возьму я в толк, — хмуро повернулся Торн к Хло. — Ты скажи, чтобы понятно было, — что ты делать предлагаешь: Новым Пятерым путь указать и в пути этом от беды беречь, в сторонке постоять до поры или этим Пятерым — как Неназываемому наверняка угодно будет — пути не давать?

— Я предлагаю ждать. — Хло уставилась на Торна немигающим взглядом. — Ждать до той поры, пока сам ход событий не сделает нам понятным смысл Пророчества. И ты, и Неназываемый доверились крикам деревенских знахарей и можете оба крупно проиграть в той игре, что затевается...

— Всякий, кто на поле боя хочет остаться в сторонке, будет бит, Хло, — насмешливо возразил Торн. Он подхватил с земли причудливого вида веточку и теперь чертил ею в траве невидимые знаки. — И будет бит обеими сторонами...

— Нам не впервой оставаться над схваткой. — Хло выпрямилась и превратилась, кажется, в воплощение отрешенности от дел мирских.

Она замерла, глядя в пространство, всем своим видом по казывая, что предоставляет слово своим младшим и менее рассудительным партнерам. Но Анна была уже достаточно научена опытом общения с этой себялюбивой и вздорной ведьмой, чтобы оставить последнее слово за ней. Тем более что ясно было, каким будет это последнее слово. Поэтому она сыграла на опережение:

— Это не пройдет, Хло! — бросила она. — Не надо нам твоего молчания!

— Что ты имеешь в виду?! — резко повернулась к ней Хло. — Что именно не пройдет?!

— Да твое обычное представление — «Когда между нами — слугами Мглы — нет согласия — слово за старшим!».

В сумраке Торн еле слышным звуком обозначил свою одобрительную усмешку.

— Вот как? Ты знаешь другое правило?

Тон Хло стал уж и вовсе стеклянно хрупок и неприязнен.

— Да, сестра. Я теперь лучше разбираюсь в тех правилах, по которым Мгла играет с нами. Лучше, чем тогда, когда позволяла тебе, опытной старшей подруге, вытирать сопли мне, сосунку-новичку. Правило старшинства хорошо в других играх. А при том раскладе, что выходит у нас, дело решает жребий!

— Что ж...

Хло презрительно повела плечом.

— Может быть, ты и впрямь веришь в то, что говоришь, младшая сестра... В то, что стала хоть что-то смыслить в Играх Мглы. Но вот кое-какие простые вещи ты позабыла...

— Какие? — неожиданно прогудел из-под своего капюшона Торн.

Похоже, что он решил отойти от своего правила, к которому прибегал всегда, как только тон Анны или Хло становился резок. «Пусть бабы разбираются между собой сами, а я покурю в сторонке» — так звучало это правило.

— Какие такие простые вещи позабыла сестра Анна?

Хло бросила на Торна холодный взгляд, в котором на фунт ледяного равнодушия приходилась ровно унция недоуменного удивления и хорошо заметная щепотка презрения.

— Сестра Анна позабыла, что правильный жребий нам — людям Мглы — выпадает только на Белом Талере, — сухо, словно напоминая, что дважды два равно четырем, сообщила она. — Ну а талер, даже Белый, как и все монеты во Вселенной имеет только две стороны...

— Ну и?.. — невозмутимо промычал Торн.

— Жребий Белого Талера позволяет выбрать одно из двух решений, Торн. Из двух, а не из трех...

— А разве их три? — все с тем же невозмутимым недоумением осведомился Торн.

— Если я правильно поняла, — все так же холодно отчеканила Хло, — мы выбираем одно из трех — принять сторону Государя, стать на сторону Пяти Явившихся или ждать, пока Мгла не поможет нам истолковать смысл Пророчества...

— Х-хе!.. — с деланным изумлением пожал плечами Торн. — По-моему, один из этих вариантов никто и не предлагал... Так что из двух решений выбираем, сестра. Из двух...

Короткая молния гнева, на мгновение словно высветившая черты Хло, выдала ее с головой. По крайней мере, в глазах Анны.

«Интересно, — подумала она, — стареющая ведьма просто хочет забрать под себя все Дары Мглы и сделаться главной среди нас или... С чего ей так хочется угодить Неназываемому?..»

— Ну что ж... — преодолев себя, глухо и невыразительно произнесла Хло. — Вы, я вижу, оба за жребий?

— Именно так, сестра, именно так... — с нарочитой усталостью в голосе подтвердил Торн.

Анна просто опустила веки в знак согласия с ним и легким кивком это согласие закрепила.

— В таком случае, — все тем же глухим и невыразительным голосом игрока — проигравшего, но не сдавшегося — определила Хло, — не будем откладывать надолго. Белый Талер — здесь, мы в сборе. Ждать нечего, Сестра и Брат.

Торн стал на колени, наклонился к подножию камня, поднял камешек помельче и постучал о Камень змеиным стуком. Из незаметной щели между твердью Мертвого Камня и поросшей черным мхом почвы выскользнула медная, тускло поблескивающая струйка —

страж-змея. Признав своих, мелкий, но разящий всякого чужака мгновенной смертью гад, покоившись, скользнул в сторонку и свился неприметной завитушкой среди палой листвы.

Торн с легким вздохом облегчения плавным движением погрузил правую руку по локоть в скрытую под Камнем нишу и — мгновение спустя — благополучно извлек оттуда небольшой кожаный кошель, туго затянутый прочной бечевой. Поколдовав немного с мудреным узлом, он вытряхнул на широкую, мозолистую ладонь старинную серебряную монету с диковинным гербом с одной стороны и означенным номиналом в один талер с другой.

— Ну что же... — хрипловато пробасил он, выпрямляясь в полный рост. — На орла ставим — принять сторону Пяти. Нет возражений?

Хло только неприязненно дернула плечом. Скорее всего, просто в знак неодобрения того, что Торн, не спросясь, взял на себя роль распорядителя предстоящего коротенького обряда. Анна просто промолчала в знак согласия.

— Ну а «решетка»... — продолжил басить Брат Мглы, — «решетка» — ясное дело — ждем-с... Бросаем?

Обе женщины согласно кивнули.

Тяжелая кисть Брата Торна сжалась, скрыв в себе заговоренную монету, и с размаху, коротким движением рванулась вверх, разжалась и отправила Белый Талер ввысь — навстречу тусклому пламени Небес. И пламя это, отразившись в металле, зло сверкнуло в глаза Троим вопрошающим.

Талер, торопливо вращаясь, застыл в высшей точке своей траектории и тяжело устремился вниз — в подставленную Братом ладонь.

Но скрыться в ней он не успел.

Стремительным, почти незаметным глазу движением Сестра Хло перехватила падающую монету и зажала ее в сухонькой, словно из крепкой древесины сработанной ладошке. На Торна она бросила полный скрытого торжества взгляд.

Брат ничем не выдал своего отношения к столь явно выраженному ему недоверию. Со стороны могло показаться, что он вообще не придавал уловке Сестры никакого значения. Анна — еле заметно — брезгливо поморщилась, бросив на Хло осуждающий взгляд, тоже едва заметный.

Хло решительно вытянула руку перед собой, повернула сжатую ладонь вверх и разжала ее. Все трое одновременно склонились над лежащей на ней монетой.

— Решка! — пожал плечами Брат Торн. — Ожидание нам выпало...

Он деловито подковырнул Белый Талер с ладошки Хло,дохнул на него, обтер обшлагом рукава и полез под Камень — укрыть числящийся по неписаному уговору за ним Талер в тщательно охраняемом смертоносным гадом тайничке.

— Ну что ж, — чопорно произнесла Хло, — поклянемся, Сестра и Брат, что не предпримем никаких действий, могущих повлиять на исход встречи Пяти новых с Пятью старыми, до той поры, пока...

— Э-э... Не та формулировочка, уважаемая сестра! — прогудел Брат Торн, поднимаясь на ноги и отряхивая с ладоней приставшие к ней землю и прелую листву. — По мне так ты не той клятвой клясться надумала...

Хло приподняла левую бровь, и вид ее стал чопорен уже просто невыносимо. Она даже сделала крохотный — чисто символический — шагок в сторону, показывая, что раз так, то она готова уступить свое место на условной трибуне неотесанному грубияну.

— Вот в чем мы с вами, Сестры, поклянемся, — хриплым, прикрывающим баском определил Торн. — Мы клянемся Мгле — узлом и крюком, змеей и стрелой, иглой и молотом, — что ни один из нас не воспользуется твоей, Мгла, с нами дружбой, чтобы исход встречи Пятерых с Пятерыми по своей воле поменять, до той поры пока не явишь нам Знак. Ждем, Мгла, твоего Знака — ясно явленного и разуму понятного! Клянемся!

Произнесена Клятва была хоть и неблагозвучным прокуренным басом старого вояки, но произнесена с таким внутренним напряжением и напряжение это с такой силой разрядилось в последнем ее слове, что обе Сестры просто машинально — вслед за Братом — вскинули руки в Знаке Верности.

Некоторое время Трое молчали. Потом Хло пожала плечами, высоко вскинув их, словно хотела взмахнуть несуществующими крыльями.

— Мне кажется, что мы с вами обсудили нашу... ммм... проблему, Сестра и Брат, и приняли определенное решение...

— Осталось договориться, — прогудел Торн, — сразу расходимся и по одному события, как говорится, отслеживаем или как? Или кому-то из нас поручим за Знаками Мглы на этот счет приглядывать? Да и за нами, грешными, тоже... Не ровен, как водится, час...

— Кому из нас ты не доверяешь, Брат Торн?

Голос Анны стал неожиданно ломок и возвысился на четверть октавы.

— Помилуй, Сестра... — всплеснул руками Брат. — Дык я ж так... для порядка предложил просто... чтоб потом не говорили...

Он бросил косой взгляд на Хло, давая понять, чей злой язык и чью явную неудовлетворенность выпавшим решением имел в виду. Для Хло этот взгляд не остался незамеченным.

— Однако, — демонстративно глядя в сторону и ни к кому персонально не обращаясь, бросила она, — предмет нашего обсуждения больше походит на нечто полагающее ему конец... Пожалуй, нам пора расстаться, — сухо, как престарелая бонна-наставница, произнесла она и поджала губы. — Расстаться на время, конечно...

— Верно! — отечески добродушно поддержал ее Брат Торн. — Тут каждому на свой манер, в уединении, в спокойствии к себе и к миру прислушаться стоит...

— Ну что ж, — все так же отводя взгляд в сторону, — согласилась Хло. — До встречи, Сестра... До встречи, Брат...

Она взяла из ниши свою свечу и повернулась лицом к тьме. И тьма поглотила ее.

Торн и Анна молча забрали свои свечи, повернулись — каждый в свою сторону — и бесшумно скрылись в чаще. Теперь Мертвый Камень снова стал просто сгустком мрака посреди полянки, заросшей странной травой.

* * *

Торн не спешил. Он выбрал самую короткую дорогу к еле слышному, но слышимому издали ключу, укрытому в крохотной лощинке, к которой вела незаметная, почти несуществующая тропка. Брат был уверен, что по этой тропинке к ключу спустится и Травница — Анна. Травница не могла выйти к ключу, не проведав перед этим своих заповедных полей.

Устроившись на камне чуть поодаль от ручейка, убежавшего куда-то в темень

обступившей ключ чащобы, Торн терпеливо ждал. Время начинало поджигать — Торну еще предстояли встречи этой ночью.

Анна появилась из сумрака лесных зарослей, держа в руках пару связок какой-то лесной зелени, и быстрым, легким шагом направилась к озерцу, которое питал тихий ключ и откуда брал начало незаметный ручеек. Когда она оказалась совсем рядом, Торн привлек ее внимание осторожным покашливанием.

Анна вздрогнула и воззрилась на Брата с недоуменной досадой.

— Опять ты за свое, — угрюмо бросила она. — Если у тебя ко мне разговор, какого лешего ты не сказал всего, что хотел, там — у Камня?

— Камень — не самое удобное место для таких разговоров, которые Мгла не понимает... — пожал плечами Торн. — Или которые она может понять по-своему. Скажи, сестрица, у тебя никогда не было такого чувства... такого ощущения, что Камень нас подслушивает?

— Чудак ты, Брат, — пожала плечами Анна. — Конечно же слушает. И ты это прекрасно знаешь. Иначе зачем нам у него собираться? Ты ведь совсем других ушей опасался. Так ведь?

— Если ты — про сестрицы Хло ушки, так, пожалуй, права будешь, — усмехнулся Торн. — Только не опасаясь я этих ушек-то. Против Клятвы грешить не намерен. А все равно, что сестрице нашей слышать надо, так то она уже услышала, а уж что не для ее слуха, так и не надо сестрицу в соблазн вводить. Я ей и так чуть не высказал, чего дамам высказывать не полагается. Это когда она Талер на лету перехватила. Видала ее физиономию? Она бы еще язык мне показала!

— Ладно, не кипятись, Брат...

Анна положила руку на плечо Торна.

— Говори уж — что там у тебя. А то пора мне заняться моими отварами да настоями...

Анна присела над берегом озерца и принялась укладывать плоские, покрытые водой камни связки принесенных с бою трав. Торн, почесывая в затылке, следил за этим ее занятием.

— Птичья трава должна как следует отлежаться в проточной воде, — пояснила Травница, поймав его любопытный взгляд. — Чтобы дурман ушел, а целебное начало закрепилось. Иначе пользы не будет. Так слушаю я тебя...

— Я вот что рассудил... — хмуро прогудел Брат, присаживаясь на бережок подле разложенных на песке связок травы. — Не годится нам в сторонке держаться в такой момент. Я бы даже сказал, нам — всем троим — надо бы Пришлых перехватить и, по крайней мере, глаз с них не спускать...

— Ты же только что говорил о Клятве... — напомнила ему Анна.

Голос ее отдавал горечью.

— Говорил, — совершенно спокойно признал Торн, — Говорил, что нарушать не намерен. И не нарушу!

Анна оставила в покое травы, сложила руки на коленях и с удивлением уставилась на Брата.

— В чем мы поклялись-то, сестрица? Помнишь? — с лукавым прищуром деревенского хитрована осведомился Брат Торн. — «Узлом и крюком, змеей и стрелой, иглой и молотом»? А?

— В том, что будем ждать Знака — ясно явленного и уму понятного... — снова пожала

плечами Травница.

— Этточно, — согласился с ней Брат. — Но я не про то...

— Ну и еще мы поклялись не вмешиваться в ту игру, в которую предстоит сыграть старой Пятерке с новой.

Лукаво прищурившись, Торн сокрушенно покачал головой.

— В травах своих, сестрица, ты, конечно, толк знаешь. А вот психологии вовсе не обучена. А потому порой сама не понимаешь, в чем поклялась. Вот как сейчас, например.

— Вот как? — удивленно подняла брови Анна.

— Именно... — хитро кивнул ей Брат. — Именно что поклялась, а клятву свою понимать и не подумала. Ты же ведь всего лишь обещала дружбу Мглы не использовать на наши с Пятерками мелочные игры — и все. Разве кто из нас обещал свой нос в дело не совать и за версту Пятерых обходить? Да нет же! Да и Мгле самой не угодно нас рабами своими видеть...

Секунду Анна смотрела на Торна чуть сузившимися и ставшими вмиг неподвижными зрачками.

— Так... — сказала она задумчиво. — Значит, ты считаешь что до тех пор, пока мы играем по правилам простых смертных, руки у нас — свободны? И каждый из нас может потихоньку играть в свою игру?

— Ты правильно меня поняла, Анна, — заверил ее Брат. — Только у меня маленькая поправочка будет к этой твоей догадке... Каждый, говоришь, в свою?.. А вот у меня будет к тому как раз та самая поправочка. Мне, сестрица, сдается, что наши с тобой две партии лучше будет сыграть в четыре руки...

— Стало быть, — усмехнулась Анна своей почти незаметной улыбкой, — я тебе могу чем-то помочь в какой-то твоей, Брат, затее... Но уж тогда и ты мне в чем-то помочь обязан. Только вот никак не придумаю в чем...

— Так затея-то у нас, — добродушно прогудел Брат, — я думаю, общая... Нам ведь чего надо? Нам с тобой, сестрица, вроде, ниоткуда ничего не надо... Нам с тобой, наоборот, вовсе того не надо, чтобы снова Война Магий началась... А ведь начнется — если не присмотреть... Ты пойми, сестрица: я ж не лезть в дела их непонятные хочу... бог с ними, с делами этими. Я, что за люди придут, посмотреть хочу... И кому из них доверять — старым или новым, — для себя решить хочу. Для себя — понимаешь? И если уж без драки не обойдется, то для себя решить — на чьей стороне мне быть. Без подсказок — понимаешь? Не куклы мы. Не на веревочках Мгла нас водит...

Минуту только тихий шелест ручья, уносящего из крохотного озерца избыток подаренной ключом влаги, нарушал наступившую тишину. Потом Травница тихо кивнула. И — так же тихо — прокомментировала этот свой кивок.

— Ну что же... Ты, наверное, в детстве был непослушным ребенком, Брат. Я, наверное, тоже. Только не хочу я лезть в эту кашу, как прошлый раз. Хочу сначала разобраться. К тому времени и Знак поспеет...

— А не будет Знака, — уверенно подхватил ее слова Торн, тем чтобы закончить на свой манер, — так, значит, не против Мать-Мгла нам самим выбор предоставить...

— Жаль, Брат, — вздохнула Анна, — что тебя в отрочестве в кадеты определили. А не законникам в учение отдали. Из тебя знатный крючкотвор получился бы... Ну да ладно. Меня уговаривать не стоит. Выкладывай свой план. Ведь за этим меня ждал?

— Да какой там план, сестрица! — с досадой махнул рукой Торн. — Тут плана пока

никакого не проглядывается... Вслепую торкаться приходится. Никакой не план у меня, а так — пара идей смутных...

Он искоса глянул на собеседницу. Та выдержала паузу, не вставив от себя ни слова.

— Ну, одна мысль — она на поверхности лежит — к главному из Пятерых подкатиться... К Знающему... Если к кому вся лесная братия и ходит на исповедь и причастие, так это к нему. И у тебя и у меня прямого выхода на него нет. Но на его подруг — уж и не знаю, теперешних или все-таки бывших — выходы имеем. Ты — на Видящую, я — на Целительницу... Вот так и пойдем — двумя путями. Каждый по своему пути. Но как что ценное от него узнаем — сразу делимся друг с другом... Ну и... И сестрицу Хло не забудем поставить в известность... Если это будет для нее важно...

«О да, конечно, — прочитал он в ставшем ироничным взгляде Сестры Анны. — А что важно для бедняжки Хло и что для нее не важно, мы уж решим по своему разумению...»

— Ну что ты так глядишь на меня, Энни? — недовольно буркнул Торн, отводя глаза в сторону. — Ты, ей-богу, заставляешь меня чувствовать себя прямо-таки заговорщиком...

Анна вздохнула — безнадежным вздохом старшей сестры, давно оставившей надежду наставить малолетнего брата-шалопа на путь истинный.

— Ладно, Торн...

Ее рука снова успокаивающе легла на плечо Брата.

— Ну конечно, я постараюсь связаться с Видящей След. Конечно, я постараюсь предстать пред светлые очи Знающего Пути... Конечно, я приведу в действие все свои связи с лесными друзьями... И — конечно — я не стану держать в секрете ни от тебя, Брат, ни от Сестры Хло того, что мне станет известно о Пяти — старых и новых... Ты прав — в этом не будет никакого прегрешения против Клятвы. Но разве это все, о чем ты хотел договориться со мной, Брат?

Торн покачал головой, вперясь глазами в стеклянную гладь озерца.

— Есть и второй моментик, Энни... Я же говорил, что идей у меня на сейчас — две. Так вот, вторая — такая... Я тут уже принял меры кое-какие... Ты ж хорошо понимаешь, что о чем у нас у Камня речь пойдет — догадаться не трудно было. Ну и пока я ничего никому пообещать не успел, загодя кое с кем из людишек, что в курсе здешних дел, поговорить сумел. В том числе — кой с кем из Славного Сословия...

— Ага... Это со старым забулдыгой Рённом то есть... — иронически скривила уголки губ Анна. — С Украшением Славного Сословия...

— Зря ты его так... — нахмурился Торн. — Сэр Рённ по части знания здешних делишек кому хочешь сто очков вперед даст. Он мне пообещал и сам поинтересоваться, не привалило ли новеньких Извне, и товарищей своих этой же морокой, как говорится, озадачить... А преславный сэр, хоть он как есть по натуре своей — винная бочка, слово свое крепко держит...

— Поверь, Брат, я на твою дружбу с преславным сэром ничуть не покушаюсь...

Энни улыбнулась все той же усталой улыбкой старшей сестры непутевого брата.

— Даже более того, Торн. Я никакого отношения к ней не имею. И не возьму в толк, с чего ты вдруг...

— Понимаешь, Энни...

Торн остановил Сестру осторожным движением тяжелой ладони.

— Мы с преславным сэром, видишь ли, так уговорились, что если что узнает он о делах, с новой Пятеркой связанных, такое что-нибудь, о чем поговорить стоит, так в условленном

месте — есть у нас с ним такое, у самого Тракта — камешек белый оставит. А если еще и найдет что-то такое, что за след сойдет, так два таких камушка...

Брат Торн жестом провинциального фокусника извлек левую руку из складок своего тяжелого плаща и протянул перед бой ладонь, на которой покоились два не особо примечательных белых камешка.

— Вот что я нашел в нашем тайничке, — прогудел он. — Как раз перед тем, сестричка, как на встречу нашу отправиться... А сейчас вот пойду с Рённом на встречу. Раз вызывает — надо идти... А как поговорю с сэром и заберу у него какую-никакую находочку его, так ты, Энни, мне и понадобится. Сумеешь меня через час-полтора у плеса встретить? Ну, знаешь место, где я рыбешку прикармливаю?

— Ты хочешь, — вздохнула Энни, — чтобы я тут же с находкой этой к Видящей подалась?

— Угадала... — одобрительно прогудел Торн. — Чтобы след остыть не успел... А там, глядишь, и выйдем на гостей — хоть на одного...

Анна замерла, пристально вглядываясь в поверхность озерца. Потом скептически покачала головой.

— Получается, что мы Пятерых на след гостя выведем? Ну а, если они вовсе и не рады ему, гостю этому, будут?

— Я так, сестрица, разумею, — отрубил Торн, поднимаясь в полный рост и отряхивая ладони, — если уж Славное Сословие о госте этом дозналось, то и Пятеро скоро лучше нас все знать будут — о гостях... Но тогда уж наше дело — совсем сторона будет. А вот если мы подсуетимся, да при том, как повстречаются они, сами поприсутствуем — совсем другой оборот получится. Какой-никакой, а контроль над всем этим сохраним. Сможем воспрепятствовать, если зло какое затеется...

Сестра снова помолчала. Потом и сама поднялась с земли.

— Пожалуй, ты прав, Брат, — коротко бросила она. — Ступай. Я буду ждать у плеса...

* * *

Хло осторожно спустилась по склону глубокого оврага и неслышными шагами двинулась по течению струящегося по о дну ручья. Идти ей пришлось недолго: «Пчелка» — крохотный вертолет-одноместка ждал ее, заваленный ветками «рваного дерева» там же, где она его и оставила у подножия развесистого древесного гиганта, который у каждого из местных племен имел иное имя. Двое верных слуг — из здешних туземцев — тут же вынырнули из прохладной тьмы и, не дожидаясь приказа, принялись проворно освобождать машину от маскировки.

Хло терпеливо дождалась конца этого занятия. Поблагодарив верных аборигенов молчаливым кивком, другим кивком она отпустила их. Пусть отходят в своих пещерах-землянках от того страха, которого они наверняка натерпелись, ожидая Сестру Мглы здесь, на самой черте, отделявшей Праведный Край от пребывающего во власти злых чар Леса. Наверняка оба неказистых мужичка наплетут своим благоверным и многочисленному сопливному потомству с три короба о виденных ими здесь чудесах.

Мужички действительно поторопились ретироваться и торопливо шли не оборачиваясь до тех пор, пока не вышли на равнину. Только там они позволили себе наконец обернуться и,

задрав головы, проводить взглядом крохотный вертолет, с легким гулом унесший Сестру Хло в направлении гор, высвеченных огнем полыхавших на их вершинах коронных разрядов.

* * *

Конечно, Хло могла посадить «Пчелку» прямо на для того вообще-то и предназначенную площадку на крыше главного монастырского корпуса. А потом спокойно отправиться отдыхать. Скоро, судя по всем признакам, Молнии должны набрать силу и мощь, и Период Света (тот, что Пришлые называют «день») должен будет наступить во всей своей красе. Это значит — с серебристым туманом, затопляющим низины, с дождями, смывающими туман, и с неперменной службой Богам Света, на которой надо было присутствовать отдохнувшей и просветленной.

Никто бы и слова не сказал Сестре Братства Мглы — разве что мать-настоятельница при встрече скорчила бы недовольную гримаску на своей обезьяньей рожице, но... Но не стоило дразнить гусей.

Поэтому «Пчелка» оставила Сестру Хло у часовенки, утопавшей в серебристом облачке листвы здешних ясеней, и на автомате ушла в свой ближайший ангар. А Сестра Братства Мглы, не торопясь, отправилась пешком добираться до ворот Монастыря.

Молчаливая привратница отворила ей калитку и бесшумно затворила ее за ней. Молчаливые тени сестер-послушниц торопливо прошмыгнули мимо нее в узких проходах и на лестнице, ведущей в ее келью. Меченая Мглой обитала в Монастыре на тех же точно правах, что и остальные сестры, посвятившие свою жизнь следованию Праведному Учению. Она неукоснительно следовала всем канонам поведения, принятым здесь, — кроме тех случаев, когда Служение Мгле требовало отступить от здешнего сурового устава, как это случилось, например, в эту ночь. Сестра Мглы ничем не отличалась от всех послушниц Учения. Только вопросов ей не задавали. Никто и никогда.

* * *

В келье Хло освободилась от дорожного плаща, омыла лицо и руки из чаши с кристально чистой водой и быстрыми, легкими шагами подошла к скрытой расшитой тусклыми рунами занавесью стене.

Присутствие этой занавеси было единственным отличием кельи Хло от других келий Монастыря. Отодвинув ее в сторону, Хло оказалась не перед голой стеной, как это случилось бы в любой из келий, а перед вправленным в тяжелую, темного металла раму зеркалом. Чуть ниже располагался небольшой, оснащенный множеством дверец и ящичков секретер.

Сестра уперлась в зеркало задумчивым взглядом. И оно начало темнеть. Сначала — совсем незаметно, только тени сгустились в нем.словно в той — зазеркальной — келье стали наступать сумерки. А затем и вовсе наступила ночь. Хло потрясла головой.

Мгла предупреждала ее.

— Кто-то из нас был нечестен сегодня, — тихо прошептала она. — Кто-то солгал всем. И себе, может быть. Потому что в сердце своем отступил уже от данного обещания — ждать... Кто? Анна — вспыльчива. По-детски глупа... Но не лжива. И Торн — хитер, далеко

не прост. Но в то же время чист сердцем. Этого у него не отнимешь...

Значит, лгу я? Ведь Мгла не ошибается...

Так или иначе, надо было быть в курсе того, что предпримут в ближайшее время ее Сестра и Брат по Мгле. Хло аккуратно подняла крышку секретера, выдвинула ящик со сложенными в нем причудливыми предметами — инструментами и атрибутами магии Мира Молний. Конечно, здесь — в своей келье — она и не думала хранить те из них, с которыми могла работать всерьез. Это был ее обменный фонд — и то не из главных, а так, чтобы было чем махнуть с кем-нибудь из мелких сошек, кружащих вокруг Магии и порой вылавливающих в этой мутной водичке что-либо ценное.

Не понимая истинной ценности находки, сошки охотно меняли найденное на безделицы, припасенные в секретере хитрой Хло. В общем, это был по всем своим признакам второстепенный ящик со второстепенными ценностями в нем.

Дело было не в них — Хло решительно, одной ей известным движением сдвинула заднюю стенку ящика, и из открывшегося тайничка, которому, казалось бы, по всем законам, людским и божеским, просто негде было разместиться в пространстве того шедевра столярного искусства, что представлял собой ее простенький на вид секретер, извлекла небольшой, старинной работы браслет.

Пару минут она задумчиво разглядывала его. Дар Его Величества, который наверняка был не чем иным, как скрытым Даром Неназываемого. Хло не приняла и не отвергла тогда, теперь уже — много лет назад. Оставила на хранение. Скажем так...

Хло вернула украшенный рунной резьбой браслет на место и задвинула ящик секретера. «В этот раз мы тоже обойдемся без помощи Вашего Величества, — поморщившись, сказала себе она. — И без помощи того, кто стоит за вами...»

Она присела на грубо сколоченный табурет, придвинутый к секретеру, достала из лежащей на его крышке папки листок бумаги и набросала короткую — в две-три строки — записку. Потом позвонила в крошечный бронзовый колокольчик, поднялась и снова стала надевать дорожный плащ.

В дверях появилась девочка — из самых младших послушниц, ростом малая, кроткая и сопливая. Она замерла, не смея переступить порог.

— Передашь Матери-настоятельнице, — распорядилась Хло, протягивая ей сложенный листок. — И никому больше. Перед самой службой. Не раньше.

Она заперла за собой дверь кельи и, не оборачиваясь, двинулась прочь.

Послушница молча поклонилась ей вслед.

* * *

Торн миновал заброшенную мельницу и по развалинам плотины, преграждавшей течение речушки, что брала начало в Высоких озерах, перебрался на противоположный берег. Здесь, на краю заросшей колючей, черной травой поляны стоял заброшенный лет двадцать тому назад дом мельника.

Ясное дело: чтобы держать мукомольню здесь, на самом рубеже меж Праведными Краями и Худыми лесами, надо было обладать не только недюжинной смелостью, но и некоторыми другими качествами — из тех, что у простого люда никак не в почете. В частности, для этого надо уметь знаться-якшаться со всякой местной нечистью и время от

времени оной угождать, потакая всяким ее — нечисти той — мерзким затеям. А то и самому в затеях этих участвовать... Словом, когда было Мельниково хозяйство обитаемо и обжито, иначе как по делу сюда нос совать никому в голову не приходило. А сейчас и вовсе глухим местом стал этот угол.

Человека, у которого все те качества да умения присутствовали бы в нужном сочетании, не находилось в крае вот уже третий десяток лет, после того как однажды прибывшие сюда со своим зерном окрестные селяне нашли обиталище последнего содержателя мукомольни в спешке покинутым и брошенным на разор и поругание.

Что в спешке — о том свидетельствовали многочисленные признаки, выразительно описанные прибывшим в ближнее село представителям властей мирских и духовных немногочисленными очевидцами страшной картины. Выслушав их рассказы, и власти (дьяк из Монастыря Дела Доброго и окружной пристав), и общество (все, кому не лень было языки почесать в трактире или в дороге по Тракту до города) остались единодушны. Порешили, что, видно, не совсем пропащей душой Грон Фирст (так последний мельник от рождения наречен был) являлся и, видно, потому не угодил кому-то из слуг Неназываемого, которыми — дело опять-таки ясное — кишат и Леса и Предлесье. Слуги те с ним, с Гроном Фирстом по кличке Темный как-то по-своему и разделались, стало быть. А потому совать нос в дом его и на плотину — дело худое. С тех пор дом и стоял заброшенным, а по Сумеречным загуляла еще одна недобрая легенда о здешних местах.

Брата Торна это вполне устраивало.

Небо над темной громадой леса светлеть еще не думало, но огненный полог Небес словно приблизился к земле, стал ниже. Еще с десятков часов — и станет так светло, что можно будет читать разборчиво написанный текст, не разводя для того огня и не зажигая свечи. Впрочем, пока и без всякого лишнего света Торн разыскал в разрушенной стене скрытый густым кустарником пролом и пробрался сначала во двор Мельникова дома, а затем через окно, забранное тяжелыми створками, засов которых, однако, легко поддался его умению, и в сам дом.

Брошенное жилище мельника, водившего дружбу с окрестной нечистью, здешний народец грабить поостерегся на том основании, что такое добро огрести — себе дорожке обернется. Нечисти же добро то, видно, и вовсе ни к чему было, так что Брат расположился на давно им обжитой мельниковой кухне не без удобства и даже камин растопить и разжечь импровизированные — из плошек с фитилями, плавающими в застывшем жиру, — светильники не убоился. В предвидении приема гостя он даже загодя озаботился тем, чтобы в подполе (вход в который был им умело забаррикадирован и замаскирован) сохранился, заботливо им пополняемый, запас не худшего вина и провизии. Очень вовремя — аккурат накануне — жители Аугусты, здешнего селения, довольно богатого, очень кстати поклонились Мгле в лице Брата Торна упитанным кабанчиком — чтоб охота в сезон была удачной, урожай не весь на корню погиб да мясной породы рогатые жабы по рекам-озерам к нересту не перевелись. Конечно, играть роль сельского колдуна и пробавляться положенными тому воздаяниями истинному Брату во Мгле было как-то стремно, так ведь суеверия темного народа — коли таковые уж существуют помимо наших воли и желания — должны же хоть сколько-то пользы приносить людям сведущим и посвященным? То-то и оно...

Не только кухня та, но и весь домище был Братом уже давненько неплохо обжит. Служил он ему не только временным пристанищем, но и местом встреч с разного рода

нужным народом. Нужным-то нужным, но в дружбе с Братом Мглы замеченным быть не желающим. А то и вовсе лишних глаз не терпящим.

Вот как, например, сегодняшний его гость — Украшение Славного Сословия, сэр Рённ — Рог Несущий.

Рог имелся в виду Орденский. Гербовый. Тот, что на Сходах Сословия за Круглым Столом наполняли добрым вином, чествуя победителей, поминая побежденных и наказывая штрафною чаркой ко Сходу припозднившихся. Именно этот Рог, принадлежавший зверю, неведомо какому, но, по всему виду, немалому в своем роде-племени, сэр и хранил. И обязан был вовремя доставлять на очередной Сход. С чем и справлялся вполне успешно, как и родитель его, от которого столь славная и почетная обязанность к сэру и перешла. Намеков же о возможности приобретения в комплект к Орденскому других каких рогов сэр не терпел, поскольку, будучи принципиальным холостяком, рогами наделить мог, вестимо, кого угодно, но вот приобрести таковые не способен был по определению.

В эту ночь сэр условным знаком, у Тракта оставленным, настоятельно просил Брата Торна, с которым в закадычной дружбе состоял сызмальства, о встрече важности и секретности необычайной. Конечно, как и все его Сословие — сильно пьющее и сильно же бестолковое, — сэр Рённ мог неправильно понять те просьбы и пожелания, с которыми парой дней раньше подкатился к нему Брат Торн. А потому мог попросту отнять у Брата уйму времени ради сущей ахинеи. Но мог и впрямь что-то для дела важное разнюхать.

При любом раскладе просьбой обидчивого по природе своей сэра пренебрегать не стоило.

* * *

Гейнц Сигурд — Главный Дворецкий Его Императорского Величества Тана Алексиса XXIII к появлению этого самого Величества в Потайном кабинете был полностью готов. После заседаний Верховной Коллегии Магов организм Его Величества всегда требовал отдыха и уединения именно в Потайном кабинете, куда — кроме Гейнца и, разумеется, самого Императора — не допускалось ни одно живое существо.

Для отдохновения августейшей души было приготовлено все необходимое — к камину, не растопленному по причине затянувшегося тепла на дворе, было пододвинуто любимое, смахивающее на парадный Каменный Трон, но только из дуба сработанное кресло Его Величества, и на кресле этом уютно располагались не менее Его Величеством любимые подушки и подушечки. На отдельном столике, прикрытые кипенно-белой салфеткой, ждали своего часа объемистые хрустальные графины с охлажденными винами трех сортов и достойные каждого из представителей аристократии хмельной лозы кубки, украшенные филигранной чеканкой и искусной чернью. Чуть поодаль от скрытых белоснежным полотном шедевров резного хрусталя и замысловатой филигрании манила глаз старинного литья серебряная ваза, щедро наполненная отборнейшими фруктами, предназначенными сопровождать веселящее и умиротворяющее содержимое графинов в царственный желудок.

А увеселения и умиротворения душа Его Величества настоятельно требовала всякий раз после беседы с господами колдунами. Беседы эти приводили монарха в прескверное состояние духа, и, лишь изливая накопленную в сердце — за время многочасовых прений Верховной Коллегии — досаду своему верному Гейнцу и заполняя — с небольшими

интервалами — освобождаемое этой досадой пространство глотком-другим доброго вина, Отец Народов и Брат Богов постепенно вновь становился самим собой. Беседы с Гейнцем волшебным образом возвращали ему силы, чтобы нести далее по жизненному пути крест Императора Сумеречных Земель, Гаранта законности и Арбитра споров... А также обладателя еще тридцати шести или тридцати семи титулов, но уже менее важных и не обязательных в неофициальной обстановке.

Так было и в этот раз. Его Величество вошел в кабинет, устало подволакивая ноги и язвительно улыбаясь. Собственно, только язвительную улыбку и могло по-настоящему выразить его благородно-утонченное, но все-таки как-то по-щучьи скроенное лицо. Вообще, что-то было не так не только с лицом, но и со всей фигурой Императора. И широкоплеч он был, и строен, в точности как и целая череда его предков, чьи портреты — в полный рост, и на коне верхом — украшали анфиладу внутренних покоев дворца. Однако ни величественная осанка, ни благородное серебро волос и бороды, ни орлиный взгляд не делали его настоящим Императором. Что-то неуловимое подсказывало постороннему глазу, что предъявленный на обозрение внешний облик Его Величества Тана XXIII скрывает на самом деле товар с гнильцой.

— Маги — вот оно, истинное зло нашего времени! — доверительно сообщил удрученный монарх своему верному слуге и без сил опустился в кресло.

За этим последовали откровения, составленные в более крепких выражениях.

Надо заметить, что основания для того, чтобы быть откровенным именно с Гейнцем, у Его Величества были. Ну хотя бы потому, что династия Сигурдов — дворецких сначала королей, а затем Императоров Сумеречных Земель — могла своей древностью посоперничать с любой из ветвей Высочайшей Фамилии, из которых и рекрутировались все короли и Императоры этого края. И все эти короли и императоры по старинной традиции в гораздо большей степени полагались на своих дворецких, чем на подаренных любящей злые шутки Судьбой родственников и уж тем более на самостоятельно прогрызших себе дорогу к власти министров и маршалов. Сигурды никогда не подводили Престол. Бывало, что Престол давал маху. Сигурды — никогда.

Свои сентенции о злокозненности колдовской гильдии Его Величество произносил регулярно и всякий раз — до крайности выразительно. Но сегодня день выдался и вовсе уж неудачный, потому, опорожнив наполовину кубок красного, Император уточнил свое мнение о мерзком ему «шаманском отродье» в выражениях особо сильных — из тех, что монаршим устами произносить вроде бы и не пристало... Гейнц сочувственно кивал и заботливо поправлял подушечку под монаршим затылком.

Сочувствия Государь и впрямь был достоин. Уже хотя бы потому, что в своей неприязни к Колдовскому Сословию находился где-то на грани раздвоения личности. Не мог он в этой неприязни быть последовательным по той простой причине, что, для того чтобы иметь право председательствовать на заседаниях Верховной Коллегии люто ненавидимой им Гильдии Магов, Его Величество и сам должен был быть магом. Притом не просто магом, а Магом Высокого Дома, посвященным в необходимые для того Таинства и прошедшим не менее необходимые Испытания. И в далеких теперь отрочестве и юности нынешний монарх, а в ту пору только еще Принц-Наследник был согласно древней традиции обучен колдовским наукам в Скрытых Монастырях и вполне мог теперь при желании гасить взглядом свечи, останавливать в полете малых птах или, скажем, раскуривать трубку от своего левого мизинца. Однако же умениями этими брезговал пользоваться и за упоминание

о них, бывало, карал усекновением языков или других частей того или иного излишне болтливой организм — вплоть до головы.

Полагали, что неприязнь эта брала свое начало в детских годах Государя, когда перед пострижением в послушники Тайной Обители малолетний Наследник Престола проходил домашнее обучение под руководством Черного Настоятеля Коронаса — личности во всех отношениях омерзительной, но крайне авторитетной как при дворе, так и среди знатоков колдовских ремесел. Слухи об отношениях малолетнего воспитанника и его зловещего воспитателя ходили разные. В том числе и такие, за которые лишали дворянского, а то — вдобавок — и еще какого жизненно необходимого достоинства.

Так или иначе, но факт остается фактом — восшествие на престол Тана Алексиса сопровождалось — помимо трехдневных Неминуемых Торжеств и Высочайшей Амнистии — еще и Высочайшим Рескриптом. Рескрипт предписывал: всех представителей рода Коронасов, коих изловить удастся, подвергнуть моральной укоризне с последующим полным поражением в правах и публичным четвертованием. Сия крайняя мера была, впрочем, тут же — под влиянием Гильдии и Сената — заменена высылкой всего упомянутого рода на Чумные земли — на прокорм и правление. Воспитание же собственного наследника император Тан — скрепя сердце — доверил магу Озрику из рода Мегалов, славного своим благочестием.

Однако именно Озрик на позавчерашнем и сегодняшнем заседаниях Коллегии играл первую скрипку в стройном оркестре оппозиции, не желавшей принимать самых убедительных доводов Председательствующего. А Председательствующий, то бишь Император Тан собственной персоной, просто обязан был — в силу клятвы, данной им Неназываемому, — убедить Гильдию повлиять на исполнение Предсказания, явленного трое суток тому назад. Предсказание тем и хорошо, что исполниться может так, а может и иначе. Смотря что разуместь под словами всегда нарочито темными. В данном случае Стоящий над Царями категорически требовал, что исполниться оно было должно в соответствии именно с его — Неназываемого — и ничьими больше пожеланиями.

Маги же вертелись, словно ужи под вилами, и уводили обсуждение этого недвусмысленного пункта повестки дня куда-то в сторону философических споров и умозрительных построений. Императору уже тошно было от их явно злонамеренного словоблудия.

— Стоит мне призадуматься, — вздохнул он, — не слишком ли я возвысил этого Озрика и не слишком ли много прав дал этой чертовой Коллегии. Плесни-ка еще немного кносского, Гейнц...

* * *

Однако спокойно вкушать дары кносских винокурен Его Величеству не удалось. Колокольчики сигнала Срочного Обращения рассыпали по внутренним покоям Дворца мелодичнейшую трель, ничего хорошего не предвещавшую. В ответ на раздраженно-величественный кивок монарха Главный Дворецкий молниеносным и в то же время исполненным достоинства движением поднес к уху трубку селектора. Выслушав нечто очень короткое и очень важное, он почтительно склонился к нервически закопошившемуся в своем кресле Величеству.

— Личный Посланец, Государь, — голосом, проникнутым искренним сожалением о прерванном отдохновении монарха, доложил он. — Речь идет об аудиенции... Внеочередной и срочной...

Государь туг же — словно кол проглотив — выпрямился и сосредоточенно впился глазами в нечто пребывающее в непосредственной близости от кончика царственного носа, но, по всему судя, недоступное взорам простых смертных. Одной рукой он впился в набалдашник левого подлокотника кресла, изображающий державу, а пальцами другой руки забарабанил по правому подлокотнику, отбивая что-то в духе марша «Имперских соколов».

— Кто на этот раз? — коротко бросил он куда-то в пространство перед собой.

— Снова тот Пришлый, — с сожалением в голосе доложил Гейнц.

— Тот наглец, что носит титул Князя Миров Обретенных? — переспросил Император, надеясь, что все-таки ослышался.

— Именно он, — печально признал дворецкий факт, который не мог не огорчить Государя.

Глаза Императора так и остались сведенными к переносице, но он собрался с силами, коротко и нервно вздохнул и поднялся с кресла.

— Пусть Посланцу передадут, — отчеканил он, — что я жду его в Лесных Покоях. Пусть там приготовят все как должно и проводят князя туда. Через десять минут.

С этими словами Его Величество резко простер свою правую длань со слегка скрюченной от нетерпения ладонью в сторону и немного назад. Гейнц без промедления вложил в эту ладонь до краев наполненный кубок теннисского и уважительным поклоном приветствовал те звуки, с которыми содержимое сосуда проследовало в августейшую утробу.

Осушив кубок единым махом, Государь не глядя протянул его в пространство сбоку от себя, где кубок встретили услужливые руки Гейнца. Монарх же демократично — тыльной стороной ладони — отер бороду и усы и, не говоря худого слова и не оборачиваясь, твердой и быстрой поступью устремился прочь из обители отдохновения — навстречу суете сует, заполняющих весь остальной мир.

* * *

Лесные Покои Дворца служили местом конфиденциальных, не предназначенных для чужих глаз и ушей встреч Государя Сумеречных Земель с лицами, достойными самого наиделикатнейшего отношения, — такими, как путешествующие инкогнито владельцы иных Пространств Мира Молний или особо влиятельные и могущественные Пришлые. Здесь тайный гость Императора мог — не замеченный никем — прожить сколь угодно долго. Несколько высоких, облицованных темным малахитом, сводчатых комнат-залов скрывали в себе и почивальню, и кабинет, и трапезную, и даже небольшой внутренний сад, напоминающий о лесных дебрях.

Именно здесь, в этой мрачноватой чащобе, и ждал Императора Посланец Неназываемого. Князь Миров Обретенных был внешне вполне обычным человеком. Не выделяли его ни рост, ни сложение, ни незамысловато скроенное — простолюдину более под стать — лицо. Необычностью одежд или поведения тайный гость тоже в глаза не бросался. Так выглядеть и так вести себя мог любой человек из тех, кого в Сумеречных Землях называют хозяевами жизни: отпрыск богатой купеческой династии, аристократ на

дипломатической службе, потомственный член какой-нибудь из гильдий — ювелиров, часовщиков, врачей, адвокатов, что доход имеют солидный, а клиентуру — постоянную. Гость сидел на одном из двух кресел, придвинутых к каменному столику, и рассеянно изучал вьющиеся по стенам стебли всякой ползучей растительности — должно быть, пытался угадать, какие из них настоящие, живые, а какие — бронзовые, искуснойковки. За спиной гостя безмолвно высился ожидающий распоряжений камердинер.

Ни малейших признаков нетерпения Посланец не проявлял и уже этим одним вызвал у Его Величества привычный спазм бешенства. Князь Миротворенных тем-то и «доставал» Его Величество, что самым вызывающим образом игнорировал неписанные, но, по мнению Тана XXIII, совершенно необходимые для того, чтобы уберечь мир от полного хаоса, правила поведения. Правилам этим, по мнению монарха, должен был неукоснительно следовать каждый, кому, следуя повелению Судьбы, приходится соприкасаться с испепеляющей субстанцией Власти. И с его — Тана XXIII — точки зрения, Посланец — лицо, причастное к той Власти, что здесь, в озаренном трепетным светом молний мире, стоит превыше всех властей, — должен вести себя сообразно своему «калибру». Сейчас вот он просто обязан был излить на собеседника, заставившего его потерять пяток минут своего драгоценного времени, море сарказма и гневного недоумения. Когда же Посланец вместо того, чтобы каждым своим поступком — да что поступком, каждым словом и жестом! — втоптывать подчиненную ему сволочь (пусть даже сволочь венценосную) в грязь, корчит из себя нечто той сволочи равное, то это — предательство Системы! Это проступок не менее отвратительный, чем проступок простолюдина, не поспешившего сорвать с головы свой драный картуз перед благородным всадником. И, конечно, ровно столько же плетей, сколько следует отмерить за такой проступок тому простолюдину, заслуживает и любой представитель высших сословий, не желающий понять, что во имя сохранения мира и покоя под сводами Трепещущих Огней он должен играть ту роль, что уготована ему его местом в Системе.

Верный правилам этикета, Посланец поднялся навстречу Императору и не опускался назад в кресло, пока не был приглашен к этому демонстративно гостеприимным жестом хозяина Дворца.

Осведомившись относительно того, чем гость предпочитает освежиться (гость предпочел минеральную воду), и дождавшись, покуда моментально доставивший на стол заказанное питье камердинер беззвучно удалится, Государь несколько расслабленно откинулся на спинку кресла и осведомился, не утомила ли гостя дорога. Посланец же отсек необходимые для завязывания беседы общие фразы коротким взмахом руки. Просто отмахнулся от скучной формальности.

— Мой шеф обеспокоен, — начал он с места в карьер. Только этот — ненавистный Его Величеству — тип был способен поименовать Неназываемого вот так запросто — шефом.

— Поверьте, — Его Величество прижал ладонь к сердцу, — мне будет очень горько сознавать, что мои скромные труды во благо Сумеречных Земель стали хотя бы в малейшей степени причиной такого беспокойства...

Лицо Посланца — простое и на вид добродушное — еле заметно дернулось.

— Ваше Величество... — произнес он, покручивая в ладонях запотевший бокал с пузырящейся минеральной водой. — Вы прекрасно понимаете, что, пока тут у вас, в Сумеречных, не начнутся голодные бунты или, скажем, гражданские войны, ваши способы управления Империей Пославшего меня нисколько не волнуют. Беспокойство вызывает

другая сторона дела. Пославший меня просил уточнить одну только вещь...

Его Величество сделался сама любезность.

— Рад буду разрешить любые сомнения, которые...

— Вот именно о сомнениях и идет речь, — снова без особых церемоний оборвал Посланец царственного собеседника. — У Пославшего меня возникли совершенно определенные сомнения. Сомнения в том, что влияние Вашего Величества на определенные факторы... на определенные силы, которые определяют жизнь в здешних краях, действительно настолько велико, как мы это себе представляли. Или, точнее сказать, как вы нам это хотели представить...

На щучьих щечках Его Величества обозначились едва заметные желваки. Но любезная улыбка удержалась на его тонких губах.

— О чем это вы? — с усталым недоумением осведомился он. — О влиянии на кого именно и на что именно идет речь?

Посланник пригубил тихонько шипящую минералку и слегка наклонился над столом, приблизив свое лицо к лицу Государя, что при других обстоятельствах можно было счесть за покушение на придворный этикет.

— Прежде всего, Ваше Величество, — доверительно сказал гость, — речь идет с магах...

Его Величество нервно дернулся.

— Ну, князь, поскольку я занимаю в иерархии соответствующей Гильдии не последнее место...

— Вот именно...

В голосе Посланца четко обозначил себя привкус яда иронии.

— Формально вы даже эту Гильдию возглавляете...

— Возглавляю!

Император раздражение выпрямился в кресле и, как мог, приосанился.

— Возглавляю. И именно поэтому вполне контролирую все основные стороны деятельности этой братии... — стеклянным голосом отрезал он.

Разговор с пренеприятным гостем вышел на уж вконец неприятную Его Величеству тему.

— Тогда почему же вы как Председатель Верховной Коллегии не смогли — на двух подряд этой Коллегии заседаниях — провести простое и совершенно недвусмысленное решение? — осведомился Посланник.

И, надо сказать, совершенно резонно осведомился.

— Простое и недвусмысленное, — повторил он с некоторым нажимом в голосе. — Такое, о котором просил вас Пославший меня...

Император прикрыл глаза мгновенно потяжелевшими веками.

«Не успело еще заседание закончиться, — с тоской подумал он, — а Посланец уже полностью в курсе принятых решений. Вот вам и запирающие заклęcia, вот вам и магические клятвы...»

Наступила тяжелая пауза. Посланец явно считал, что сказал достаточно, что теперь очередь Государя проявить красноречие. Точнее, дать объяснения.

— Вы знаете не хуже меня, — рассеянно, словно не придавая сказанному особого значения, начал Государь, — что Коллегия — это всего лишь говорильня. Сборище безответственных болтунов. Им лишь бы покрасоваться друг перед другом... У каждого свои

интересы. Тем более когда речь идет об отношениях с Пятью. Если вас интересует мое мнение, то...

— Меня вообще ничего не интересует в этих краях... — снова оборвал его Князь Миробренетных. — А вот Того, Кто Меня Послал (он так и произнес эти слова — явно начиная каждое с заглавной буквы), — его интересуют вовсе не мнения Вашего Величества, а ваши дела. Конкретные результаты. А еще точнее — их, результатов этих, на сегодняшний день полное отсутствие!

Тонкая в кисти рука Императора вспугнутой птицей взлетела с подлокотника кресла, призывая сурового собеседника выслушать новые слова оправдания. Посланец Неназываемого смолк, демонстрируя терпение и готовность оценить аргументы оскандалившегося монарха.

— Поверьте мне, — торопливо вставил в образовавшуюся паузу Государь, — если бы Неназываемый в большей мере положился на меня... Позволил бы мне большую свободу действий... Не ставил бы непременно условием выносить вопрос о пришествии новой Пятерки на заседание Коллегии... Тогда работа с господами шаманами уже дала бы результаты.

Его Величество даже заломил пальцы, силясь выразить то, как нелегко ему дается критика действий Неназываемого.

— Не следовало, Князь, совершенно не следовало вопрос о Пяти Новых выносить не Коллегию. Здесь так дела не делаются...

— А вообще — они здесь делаются? — уже не скрывая яда в голосе, подал свою реплику Посланец.

— С вашего позволения, — с достоинством откашлявшись, означил свою позицию монарх, — я буду работать с господами колдунами... э-э... индивидуально. На глазах у своих братьев по Гильдии ни один из этих облезлых попугаев ни словом не обмолвится о том, что хотя бы допускает саму мысль о том, что с Пришл... с Приходящими Извне можно затевать запретные игры. И что можно ставить палки в колеса Пятерым.

— Для них более приемлема конфронтация с Пославшим меня? — саркастически заломил бровь Посланник.

— Гильдия попала меж двух огней, — пожал плечами Государь. — Потому-то от имени Магов она не скажет ни «да», ни «нет». Никогда! По крайней мере, до той поры, пока их не прижмут к стенке...

— Так за чем же дело стало? — точно таким же пожатием плеч отозвался Посланец. — Вы играете на своем поле, Государь Император Сумеречных Земель. Вам и карты в руки. Надо припереть Гильдию к стенке — так найдите стену покрепче и...

— А вот это уже опасно! — В голосе Государя зазвучала менторская жесть. — Маги — осиное гнездо, в котором девяносто процентов тварей не способны ни на что. Зато десять процентов — способны на все! Вот с этими десятью процентами я и буду работать. Остальные — пустая трата времени. Каждый из них живет дюжиной работающих приемов, смысла которых не понимает, а держится на болтовне и интригах. Самостоятельно никто из этих шарлатанов на конфликт с Пятеркой не пойдет. Но вот та — десятая часть... Особенно те из них, кто помоложе или кто был в свое время обойден, обижен... Таких можно — работая с ними с глазу на глаз — уломать на то, чтобы они пошли на риск, чтобы услужить Неназываемому. А за ними — когда им улыбнется удача — пойдут многие...

— Тому, Кто Послал меня, — сухо оборвал его Посланец, — не нужны многие! Ему

нужны все! Как один!

На секунду-другую Император снова прикрыл глаза.

«Ну почему?! — уныло подумал он. — Почему, о боги, от века повелось, что в этом Мире порядка диктуют Пришедшие Извне? Пришлые! Не те, кто Мир Молний складывал п кирпичику. Не те, кто родился и стал собою здесь, под трепещущими сполохами небесами. Почему он — потомок владетелей Сумеречных Земель от Обретения Миром его Памяти — должен быть разменной монетой в играх между Пришлыми: Пятерками — старыми и новыми, Неназываемым и вот этим — Князем Миров Обретенных?.. А ведь и верно, Князь то, похоже, фигура, от Неназываемого тоже отдельно стоящая... Самостоятельная...»

Последнее соображение пришло в голову Государя неожиданно — по наитию. Игривое теннисское что ли, подсказало?.. И монарх заметил себе, что мысль эту надо — при случае — припомнить и обдумать как следует...

— Они и пойдут за теми, кто прислушается к пожеланиям Неназываемого, — заверил он Посланца, постаравшись придать голосу как можно большую уверенность. — Именно — все, как один. Как только поймут...

На уста Императора просилось: «Как только поймут, на чьей стороне Судьба», но он сглотнул сию ересь вместе с набежавшим под язык избытком слюны и закончил:

— Как только поймут, по какую от них сторону стоит кормушка...

Посланец уперся в переносье Его Величества тяжелым, неприязненным взглядом.

— Вы намекаете, — ледяным тоном произнес он, — на то, что Пославший меня должен каким-то образом явить свое могущество господам Магам? Напомнить им об этом могуществе?

М-да... Посланник действительно был понятлив. Но свое понимание намеков Его Величества Князь, кажется, повернул совсем не той стороной, какую имел в виду Император. Вместо обещания некоего дополнительного блага слова о необходимости напомнить магам о могуществе Неназываемого содержали в себе... угрозу. Ну и черт с ними, с магами... Может, им даже на пользу пойдет, если Неназываемый их всех перепугает хоть до поноса...

— Так или иначе, — произнес Государь, украсив свои уста наилюбезнейшей улыбкой, — я рассчитываю на то, что на господ колдунов с вашей стороны будет оказано... э-э... некое воздействие. Не на Гильдию — примите это еще раз во внимание, — а лично на каждого. И в первую очередь на тех, с кем я вступлю в контакт... С кем намерен встретиться в том путешествии, в которое мне придется отправиться сразу после нашей с вами беседы, Князь.

Произнеся эти слова, Государь сам немало им удивился. До этого момента ни малейшего намека на мысль о посещении гнезда чертовых шаманов ему в голову не приходило. Однако идея эта — не в мозгу, а прямо-таки на языке у него родившаяся — была не так уж и плоха.

Что и говорить, великая вещь это теннисское...

Посланец, похоже, тоже оценил инициативу Государя.

— Ну что же... — задумчиво произнес он. — Это я, пожалуй, могу обещать вам — от имени Пославшего меня. Хотя само по себе то, что вы нуждаетесь в такой... м-м-м... поддержке, отнюдь не свидетельствует о вашем влиянии, Ваше Высочество.

На скулах Императора проступили белые пятна.

— Разумеется, — аккуратно следя за своей интонацией, произнес он, — я буду

неукоснительно ставить вас в известность о том, в каком порядке и в какое время встречусь с каждым из намеченных мною лиц...

Посланец натянуто улыбнулся.

— Не стоит утруждать себя еще и этой докукой, Ваше Величество... — кисло произнес он. — Поверьте, нам не составит большого труда быть, как говорится, в курсе дела. Постоянно и своевременно. И когда это станет необходимо, с вами свяжется шеф. Или я. Надеюсь, вы не собираетесь в дороге расставаться с Даром Пославшего меня?

Посланец указал взглядом на лежащую на плечах Императора стальную цепь. Плоские, тусклого металла звенья ее были испещрены едва заметными рунами. Император знал о многих особых свойствах этого «сувенира», принятого им от Неназываемого в ночь Коронации. И догадывался о существовании еще большего количества других свойств Дара, о которых ему знать не полагалось. В данной ситуации Его Величеству не оставалось ничего другого, кроме как изобразить всем своим видом полнейшую готовность ни на миг не расставаться со столь драгоценным предметом убранства своего костюма.

Посланец понимающе улыбнулся, но тут же улыбку свою погасил, решительно поставил недопитый стакан с минеральной водой на стол и, выпрямившись, впился взглядом в собеседника.

— Я думаю, — произнес он неприязненным тоном, — что с магами вы — с нашей тем более помощью — найдете общий язык. Разумеется, чем быстрее у вас это получится, тем лучше. Но, к сожалению, маги — не те, кто решает, чему в конечном счете быть, а чему не бывать в Сумеречных Землях. Есть еще одна сила в этих краях. И с этой силой вы, Ваше Величество, тоже должны уметь находить общий язык...

Теперь улыбка уже не смогла удержаться на монарших устах. Ее почти мгновенно сменила гримаса злого и горестного сарказма.

— Если вы, Князь, имеете в виду Троих Меченных Мглой, то...

— Я имею в виду Мглу, — резко оборвал его Посланец. — Саму Мглу как таковую. Меченые не так уж важны. Они лишь передаточное звено. Связующая субстанция. Если теперешняя Тройка не идет навстречу вашим пожеланиям, то...

Лицо Государя молнией перечеркнула судорога злобной досады.

— Любой из Тройки, — произнес он голосом, в котором уже явно означилась неприязнь к собеседнику, — повторяю, любой или все они вместе взятые могут хоть сейчас отправиться в изгнание, в застенки или прямо на плаху. Каждый из них — всего лишь простой слабый смертный. Но за каждым из них стоит Мгла. Она подчиняется им, когда на то есть ее, Мглы, воля. Она их хранит и защищает. Но она же и отдает их на заклятие, когда сочтет это нужным. И еще — Мгла мстит за них.

— Вот как? — Посланец изобразил на своей простецкой физиономии искреннее удивление: — Ваше Величество, оказывается, только недавно о том узнали? И не в курсе того, как защитить себя от происков Мглы?

Его Величество поморщился.

— Мои отношения с Мглой — это мое дело, Князь... Вся беда состоит в том, что Мгла — субстанция чуткая, обмануть ее нельзя. Она работает на Меченых только тогда, когда их решения бывают действительно едиными и ни от кого, кроме них самих, не зависящими... Так что давить на Троих бессмысленно. Эффект, скорее всего, будет прямо противоположным.

— Значит, только единогласный и самостоятельный выбор... — медленно повторил

Посланец и выпрямился.

Он уже пришел к какому-то — своему — решению. Похоже, что о Мгле и Меченых он знал то, чего не знал Его Величество. Или Князь просто думал, что Император этого не знает.

— Именно так — единогласный и самостоятельный, — твердо отчеканил Государь. — И то, что пока они решили от окончательного решения воздержаться, скорее хорошо, чем плохо... У меня, конечно, есть подходы кое к кому из Тройки, но...

Посланец решительно поднялся из-за стола.

— Вам не стоит беспокоиться об этом, Ваше Величество. Сосредоточьтесь целиком на контактах с магами. Меченные Мглой теперь моя забота!

* * *

Здесь следовало таиться от посторонних глаз. Здесь самым опасным местом были дороги — заброшенные и зарастающие бурьяном дороги, пронизывавшие Худые леса некогда, словно сеть кровеносных сосудов. Теперь они стали средоточием опасной, хищной гнили — разбойного люда, бродяг, способных охмурить самого тертого пройдоху, а порой и существ вовсе не понятных. Роду людскому чуждых и враждебных.

Однако и в обход дорог гулять по буреломам было делом далеко не безопасным. Хотя комбинезон, в который был наряжен посланец Обитаемых Миров, и защищал — довольно надежно — от укусов змей или даже от шальной пули, гарантии полной безопасности он вовсе не давал. Перспектива же провести в Лесах предстоящую ночь, или, как надо было говорить здесь, часы Тьмы, Руса вовсе не радовала, и он поставил себе цель — пересечь эти гиблые места засветло. Благо тронуться в путь ему удалось пораньше — монтаж: дополнительных блоков на модуль подпространственного перехода занял гораздо меньше времени, чем он ожидал.

Худые леса дали о себе знать сначала все более и более густыми зарослями кустарника, встречавшимися ему на пути, а потом уж и уверенно тянущимися к пылающим Небесам причудливыми деревцами. Одни из них были совершенно незнакомы ему, другие — вполне можно было найти в учебнике ботаники, изданном где-нибудь в Метрополии. Но в целом местность была еще слишком открытой для того, чтобы можно было спокойно передвигаться по ней, рассчитывая оставаться необнаруженным.

Рус полагался на здешнее подобие предрассветной мглы и на выбранный им с самого начала способ передвижения — короткими бросками от одного укрытия до другого. Это было довольно наивно, но все же лучше, чем ничего. Прежде чем окончательно посветлело, ему удалось добраться до опушки уже настоящего лесного массива — мрачного и простиравшегося, казалось, куда-то в сумеречную бесконечность.

Продельвая этот маршрут, он пару раз вынужден был застывать и с замиранием сердца вжиматься в каменистый грунт, ища защиты у чахлах кустиков или у непритязательной груды камней. Оба раза тревога оказалась ложной.

Первый раз, когда где-то внизу, среди затянутого дымкой моря деревьев вдруг возник и взлетел до небес рев, подобный тому, который выпускали, наверное, миллионы лет назад бродившие по далекой Земле гигантские динозавры. Только рев этот был какой-то неживой, механический. Словно здешние динозавры были выкованы из титанового сплава и

приводились в действие допотопными паровыми движками. Допотопными, но, по всему судя, весьма мощными.

А второй раз на него стала надвигаться погоня. Невидимая, грозная погоня. Сначала вдалеке, а потом все ближе и ближе над пологим склоном стал раздаваться топот сотен копыт. Он громом разнесся по отрогам горных кряжей, надвинулся, заполнил все пространство вокруг. Земля содрогалась под тяжестью скачущих легионов. К грохоту копыт добавились невнятные возгласы и звон оружия. Погоня настигла Пришлого, теперь они были уже здесь — его стремительные преследователи.

Но никого не было вокруг.

Осторожно приподняв голову, Рус мог убедиться в этом воочию. Ни травинки не шелохнулось поблизости. Ни облачка пыли не поднялось над склоном. Птицы смолкли. Он только теперь обратил внимание, что, спускаясь к лесу, слышал их странное пение. Если то, конечно, были птицы. Но сейчас они смолкли.

А погоня прокатилась дальше. Стала тише. Свернула за изгиб горного склона и словно растаяла. Снова он был один.

Рус поднялся, отряхнул с себя пыль и уже не так испуганно, как раньше, двинулся вперед. До Леса оставалось совсем ничего. Вот уже его прохладная тень легла ему на лицо. И снова стало слышно странное пение птиц. Рус попробовал рассмотреть их в листве, но не очень преуспел в этом. Кроны здешних деревьев слишком плотны.

Он уже было вздохнул свободно, когда понял, что кто-то внимательно смотрит на него. Ему понадобилось сделать над собой усилие, чтобы, перехватив этот взгляд, повернуться лицом к тому, кто продолжал таращиться на него. То был его ночной знакомец — пушистый, черный, как душа грешника, зверек с любопытными глазами-пуговками. Зверек сидел на плече у всадника.

Глава 5

МАРИКА ВИДЯЩАЯ СЛЕД

Стук копыт по заброшенному тракту зазвучал вовремя — не дав Торну впасть в уныние затянувшегося ожидания, кускам кабаньего мяса, насаженным на вертела, — пригореть, а вино, загодя разлитому по объемистым кружкам, — выдохнуться. Стук этот приблизился, запнулся, сбился с ритма и почти стих, утонув в густом листовом опаде.

Чуть позже тренированный слух Брата различил тихое цоканье подков где-то почти у ограды. Оно сменилось еле слышным пофыркиванием Рённова Альдебарана, оставленного где-то у импровизированной коновязи и осторожным шорохом, производимым самим сэром, пробиравшимся через хламом заваленный и бурьяном поросший мельников двор. Шорох этот, впрочем, можно было считать и вовсе не слышным, так как его вполне заглушало позвякивание доспехов и оружия, с которыми сэр Рённ если и расставался, то не иначе как только в бане. Да и лязг этот тоже шел не в счет. Его с лихвой перекрывали редкие по крепости и изысканности своей эпитеты и метафоры, которыми сэр сопровождал каждый свой очередной неуспех в борьбе с особенностями пересеченной местности, преодолеваемой им.

Наконец сэр постучал в ставни быстрым условным стуком и, как был — при плаще, шпорах и мече, — перевалился через высокий, массивный подоконник прямо на руки к готовому принять его наилучшим образом Брату Торну.

— А ты неосторожен, братец, — сурово попенял он хозяину, отдирая разного рода репы и колючки, прицепившиеся к его амуниции.

Полутемное помещение, в котором он очутился, удостоилось мрачного и подозрительного взгляда из-под бровей.

— Из трубы — дым столбом, — продолжил он, — в окнах — свет просматривается...

— Сущая ерунда, сэр! — отмахнулся от этих придирок Брат Торн, помогая гостю освободиться от репьев, плаща и части дорожного снаряжения. — Дым... Свет... Да местные жители, завидев такие дела, берут ноги в руки и в дальнейшем вокруг этого места только круги нарезают — чем шире, тем лучше... Боятся, понимаешь, что кто-то из тех, кто не на сон грядущий помянут будь, с проверкой сюда появился — не завелось ли новых тут хозяев, визнает... Это — простой люд. Ну, а кто поболее в таких вещах понимает, так с теми я в прятки и не играю... У таких Брат Торн весь как есть на виду — вот он: помыслы чисты, дела — Мировому Добру Угодны, душа — Вечному открыта, утроба — свое берет, а лишнего не просит!

Он гулко хлопнул себя по объемистому чреву и удовлетворенно захохотал. Широким жестом указал гостю на лавку. Ренн осторожно опустился на лавку рядом с ворохом своей экипировки и с благодарным вздохом принял из рук гостеприимного хозяина кружку вина и вертел с кусками дымящегося мяса. Не обидел, впрочем, Брат Торн и себя.

Некоторое время под сводами захламленной кухни слышалась только энергичная работа двух пар крепких челюстей, хруст разрываемого мяса да плеск щедрой рукой наливаемого вина. Потом Брат Торн как бы между делом, вытирая жирные пятерни о бороду, поинтересовался:

— А ведь скучно стало в наших Палестинах после того, как Черный Рыцарь убрался восвояси?

Начинать деловые беседы в этих краях было принято издавека, используя, однако, повод, хоть сколько-нибудь не лишенный актуальности. Что до истории с Черным Рыцарем Мо, то от нее народу Сумеречных икалось уже второе поколение подряд. Пожалуй, то был страшнейший из Пришлых.

Не считая, конечно, Неназываемого...

— М-м-да... — согласился сэр Рённо, справляясь с принятым на зуб хрящиком. — Черный Рыцарь — это да... То была э-по-пе-я... Истинный, Брат, бой бобра с козлом... Истинный...

Тут сражение зубов сэра с хрящиком закончилось сокрушительным поражением последнего.

— Истинный... Впрочем, новые Пятеро... Они многое обещают в этом смысле?

— Гм... — пожал плечами Торн, круговыми движениями помешивая вино в зажатой в руке кружке. — Именно это я и хочу понять. И тут мне большой подмогой является помощь твоего, сэр, Сословия... До меня дошли слухи, что та просьба, с которой...

— О да!!! — вскинул руки в знак согласия с уважаемым собеседником сэр Рённо. — Не может быть споров — мы обоюдно заинтересованы в том, чтобы вовремя и достойно встретить новых Пятерых. Повторение истории с сэром Мо не устроит ни вас, ни нас. Поэтому, как только мы получили ваш, Брат, знак... Мы не просто «уделили этому вопросу время», как вы изволили выразиться. Мы пустились прочесывать все уголки Земель, которые хоть когда-либо имели отношение к действию Врат... Мы расставили засады... Раскинули сети... Но...

— Но?..

Благодушная улыбка не то чтобы исчезла с физиономии Торна, нет... Она просто мгновенно застыла, превратившись в маску, в прорези которой выглядывали полные цепкого внимания глаза Меченного Мглой.

— Не говори мне, сэр, что в сетях ваших не запуталась ровным счетом ни одна рыбешка и ни одна тварь лесная, а в капканах ваших оказалось пусто — хоть шаром покати... — усмехнулся Торн, прихлебывая вино.

— Ну, тогда бы я с тобой на встречу и не напрашивался... — резонно парировал сэр, мрачней на глазах и в то же время прикидывая, с какого бы боку подступиться к самому наипетитнейшему куску кабаньего мяса, сбереженному им на своем вертеле напоследок.

— Хочешь, я скажу тебе, что там у вас вышло? — голосом, преисполненным наиподлейшего ехидства, осведомился Брат Торн. — Я скажу... Скажу... Капкан-то у вас, видать, щелкнул. Щелкнул... Сети ваши задрыгались-задрожали... Да только вы — господа всадники — замешкались. А дичь-то тем временем то ли силки порвала, то ли — птица гордая — себе самой лапку перекусила да вам на память в капкане том и оставила, а сама, как говорится, и была такова. Угадал? Я ж предупреждал — в Пятерки абы кто не приходит. А кто придет, так то будет народ ушлый. Что называется — оторви да брось! У каждого — Дар!

— Да уж не учи ученого... — невесело буркнул сэр Рённо, угрюмо рассматривая доставшийся ему полным дымящейся кабанины, а сейчас до обидного пустой вертел. — Что с Пятерыми — новые они или прежние — надо ухо остро держать, в Сословии только разве что малые дети не знают... Не очень ты сегодня угадлив, братец. А можно сказать, так и не угадлив, как говорится, вовсе-совсем!

Сэр Рённо сердито поболтал остатки вина на дне своей кружки.

— Одним словом, — недовольным тоном продолжил он, — заметили тут наши людишки, еще до того, как ты, братец, к нам со своим геморроем подвалиться успел, что среди Лоскутного Племени секрет какой-то загулял... А сам, Брат, знаешь: Лоскутных Племен короли, они не меньше чем одним Вратам хозяевами приходится... Кочующим.

Торн помрачнел. Лоскутное Племя через свои Кочующие Врата уже не раз пропускало в Мир Молний всякое-разное Недоброе. Недаром ходят слухи, хоть и отпирается Племя от них, как может, что и за пришествие Неназываемого все шесть Племен и восемь Народов, обитающих под Огненными Небесами, Лоскутному Племени кланяться должны. Да и что хорошего ждать от племени, которое, ничего не боясь, по Худым лесам ночами без всякого к хозяевам этих мест уважения шастает? С кем оно там знается, это племя? Одним словом — дурной народ, со Злом познавшийся... Недаром Государь Тан, по примеру своих предков, не реже чем раз в пару Больших Зим — по плохому духа расположению — народец этот то на крестах распинает, то в болотах топит, а то и по-простому — на кострах палит...

— Ну, — продолжил свой рассказ сэр Торн, — явно тут кем-то из Пятерых запахло, а по таким делам сам сэр Стефан с обоими своими братьями и, натурально, с отрядами их тут же к королю теперешнему Лоскутному, к самому Мири Пэлу, и пожаловали — аккурат тот всем табором своим сына своего младшего свадьбу играть надумал...

Сэр зловеще улыбнулся.

— Была бы им свадьбка — та еще...

Торн хорошо представил себе, как это выглядело: тьма лесной поляны, разодранная пламенем костров, пестрый, разношерстный — от мала до велика — люд вокруг костров тех гомонящий, причудливые тени кибиток — гигантские и уродливые на экране стены вековых деревьев вокруг... И вдруг — словно черти из бутылки — в просветах между стволов, со всех сторон сразу — всадники! Во всеоружии! С мечами и кнутами. С раскрученными над головами арканами и «моргенштернами»! С диким гиком и свистом! С именем Доброго Дела на знамени!

И — полнейший переполох курятника под бомбежкой. Перевернутые столы, опрокинутые кибитки и возы, осатаневшие кони, женщины, влекущие своих чад бог весть куда... Сами эти чада, путающиеся под ногами и копытами, впережку с домашней птицей, краденными поросятами и ошалевшими псами. Мужчины, пытающиеся уберечь и женщин, и детей, и добро — все сразу, а заодно хоть что-то объяснить рыцарям в броне, гарцующим на остатках праздничного пиршества... Непослушное пламя разметанных костров... Пожар в сумасшедшем доме. Во тьме ночной и под вулкана извержение...

Сэр Рёnn щелкнул в воздухе пальцами, привлекая внимание отдавшегося своим мыслям Брата.

— Полыхать бы, Брат, той свадьбе синим пламенем, — гудел он, — да старый Мири все вовремя просек, в ножки Стефановым людям повалился и все, о чем спрашивали его, и выложил. Как на духу. В смысле — без утайки, похоже... В общем, в том все и дело было, что Врата Кочующие — тот сундук его поганый — еще одним Пришлым неделю назад разродился. Причем не простым, а таким, которого здесь, похоже, поджидали...

— Что значит — «поджидали»? — поинтересовался Торн.

— А то, что Одиночка — помнишь такую? — письмо для него специально оставила. Точнее — пакет. Еще давненько... Так вот...

— Стоп, стоп, стоп, стоп... — попридержал плавное течение речи своего гостя Брат Торн. — С этого места — поподробнее, пожалуйста...

Он подлил в кружки хмельного, снял с углей вовремя поспевшие вертела с благоухающими, пронизанными янтарными прослойками сала ломтями мяса и бросил их на оловянное блюдо посреди стола. Сам же воплотил своей позой и выражением лица само Вниманье.

— Да ты ж лучше меня ту историю знаешь... — прогудел сэр Рённо, с вожделением косясь на еще скворчающую кипящим жиром кабанину.

— Я и знаю, будь спокоен, — уверенно пробасил Брат, скрыв физиономию в недрах винной кружки.

В том, что история Одиночки основательно выветрилась из его памяти (если она туда и попадала когда-либо вообще), Брату сознаваться не хотелось. Помнилось ему только, что кличка та закрепилась за какой-то из одиночных Пришлых, что появляются в Мире Молний время от времени — без всяки знамений, тому предшествующих, и без знаков, эти явления определяющих, — в отличие от того, когда приходят очередные Пятеро. Та Пришлая покрутилась какое-то время среди Племен, да и попала в конце концов в услужение к Неназываемому. Так со многими Извне явившимися бывает. Всех и не упомнишь.

— Ты про пакет, про письмо-то уточни... — подтолкнул Брат впавшего в некую растерянность и потому переключившегося на наполнение своей утробы сэра.

— А что пакет? — развел сэр руками. — С ним у нас действительно прокол получился, так ведь все едино — не знает из нас никто, что в том пакете было. Так — догадываемся только... Запечатан он был, да и теми буквами, видно, надписан, что Пришлые пользуют. Как они лопотать начинают, так на слух все вроде ясно-понятно. А как накалякают что черным по белому, так все — конец. Ищи толмача... Ну, одним словом, перед тем как к Неназываемому податься, оставила Одиночка у Мири ту штуку — «тому, мол, кто следом за мной явится... Чтоб, значит, верным путем за мной шел». Ни хрена себе «верный путь» — скажу. Прямо к Неназываемому в лапы... Ну да, впрочем, эт'я отвлекся... С тем, в общем, она и отчалила. Сам знаешь куда. В общем, оставила она пакет этот и приметы еще назвала — того, кому письмецо адресовано. И — никому больше! Но главное — имя!

Брат Торн поморщился, словно от зубной боли.

— Ну так давай, рожай! — нетерпеливо поторопил он собеседника. — Кто там из сундука того вылез? На кого похож, как по имени?

Сэр Рённо неловко завозился, разыскивая что-то в многочисленных карманах своей куртки. Наконец вытащил на свет божий листок плотной бумаги с ладонь размером и, поднеся его к свету плоски-светильника, прочел что-то про себя, старательно шевеля губами. Вновь обратил рассеянный взгляд своих серых, слегка навывкате глаз на собеседника и доложил:

— Имя-то? Да идиотское. Как и все у них, у Пришлых... Форрест, — прочитал он по слогам. — Форрест Дю... Тампл! Форрест Дю Тампл, одним словом. И приметы — вот. Рост выше среднего... Ну и все такое. Рот... Нос... Шрам над бровью... Словом — мужик как мужик. Вот...

Он двинул листок по столу к Торну и продолжил:

— Ну, как только Пришлый тот пакет вскрыл и то, что в нем было, прочитал, так тут же в путь и собрался. Ну а Мири, натурально, за штаны его не стал удерживать. Пришлый — он далеко не всегда подарок. В общем, как только оклемался тот Форрест да научился говорить здешние понимать, так и подался прямехонько в Горные Края. В обход Лесов, естественно. Причем, что обидно, ну прямо из-под самого Серафимова носа ушел. Тот смекнул и по

горячему следу за ним и ломанул. Даже на Лоскутный народец времени тратить не стал — да и ни к чему это было, если уж они к нему честно, всем сердцем, с открытой душой... Ну... паре-тройке злыдней — из тех, что конокрадством особо славны были, — головы он, конечно, снял, да девок с полдюжины люди его с собой увели. А так — друзьями, можно сказать, расстались. Тут как раз и я со своим отрядиком Стефана нагнал и при расставании том поприсутствовал... Мири все еще в гости заезжать предлагал. Аж прослезился на прощание... Но не до того нашим было. Девок Серафим с молоденьким Айни к себе в Шантен отправил, а сам — налегке — за Пришлым двинул. Только тут нехорошо вышло...

Сэр отхлебнул вина и тяжело о чем-то задумался. Брат Торн напомнил ему о себе выразительным покашливанием.

— Словом, что и говорить, — покачал головой сэр Рённо. — Вовремя мы вслед Форресту тому тронулись. Да вот все ж запоздали малость. Промешкали...

— Ты бы, сэр, ближе к делу факты излагал, — морщась, как от зубной боли, поторопил его Брат Торн.

Он уже прикинул, что, судя по всему, сразу после этой беседы с украшением Славного Сословия ему придется отправляться в путь. И отправляться поспешно. Поэтому он лихорадочно шарил взглядом по погруженной в сумрак комнате в поисках своих брошенных где-то тут пожитков, которые надо было не забыть прихватить с собой. Сэр покосился на него и засопел — слегка обиженно.

— В общем, — угрюмо прогудел он, — получилось так, что поджидали того Форреста в дороге... Шепчущие поджидали. Судя по всему, из тех, что от Неназываемого к Меняле так и не переметнулись. Так вот, ждали они Пришлого в Колючей ложине и оттуда в Мертволесье то ли заманили, то ли силком затащили. Мы бы его и в жизнь не сыскали — если бы не Сморчок. Помнишь — конюх мой. Из лесного люда он. А потому тот еще следопыт. Вовремя он на Форреста этого вывел. Еще немного, и хрен его б мы и видели... Шепчущие его в паутинное гнездо загнали. К тому времени как мы к нему через буераки всякие добрались, висел он, голубь, в паутине той подлой головкой книзу, спеленатый, что твой младенец. И уже не боле младенца того соображать мог. А твари Шепчущие уже вокруг него хоровод свой водили... Все мечи мы об них да о паутину ту к черту потупили...

О, это Брат Торн тоже ясно представил себе: в чем-то подобном ему, ветерану Его Величества Десантного Легиона, приходилось участвовать — и не раз. Мерцающий мрак, белесая поземка «слепого молока», стелющаяся по мертвой земле... Жутковатые нагромождения бурелома Мертволесья и фосфорически светящиеся клочья парализующей паутины на них. Всполохи далекого Небесного Пламени, отраженные сталью клинков... Хриплый визг Шепчущих, их срубленные, катящиеся по кочкам головы, продолжающие пучить бельма невидящих глаз и беззвучно выкрикивать какие-то злые заклинания, перебирая своими вывернутыми губами-присосками. Пляска не желающих падать, обезглавленных тел. И руки — отсеченные и продолжающие ползти, цепляться за черную землю, чтобы воссоединиться с другими корчащимися вокруг обрубками в одно химерическое целое...

И на все это смотрят сквозь задепившую их паутину не живые и не мертвые глаза кого-то взятого в плен упругими паучьими пеленами, повисшего где-то по ту сторону добра и зла. Теряющего — капля за каплей — свою человеческую суть.

— Ну а когда кончили мы эту дрянь в капусту рубить, — продолжал сэр Рённо, — то призадумались...

Вот призадумавшихся на поле брани вождей Славного Сословия Брат Торн вообразить себе мог с большим трудом. Но раз славный своей честностью и прямотой сэр Рённ так говорит, значит, было что-то в этом роде, было...

— А призадумавшись, — вел свой рассказ сэр Рённ, — мы и смекнули, что не могла Шепчущая мразь сама собой догадаться, что этим путем и в эту именно ночь мимо ее владений Пришлого понесет. Кто-то его маршрут наперед знал... А как узнать мог, если в пакетик тот, что Одиночка оставила, глаз не запустил? А? Вот то-то и оно! Тут гадать нечего — торганул, стало быть, старик Пэл своим секретом-то...

Ну и я — ясное дело — своим людям «по коням», скомандовал, и ломанули мы по второму заходу на Лоскутную свадебку гостями...

— Постой, постой, — притормозил сэра Брат. — А этот... Форрест... С ним-то что?

Сэр выразительно пожал плечами.

— А что с ним? Да ничего! Он теперь, считай, по твоей части. Пока что Серафим его и себе в Шантен повез. Но, опять же, сам понимаешь — что против яда паучьего тамошние коновалы? Угаснет он таким макарон через недельку-другую. А может, того хуже — зауклится... Тогда уж, сам знаешь, всем нам забот будет — мало не покажется... Так что на тебя вся и надежда. Это ты у Целительницы в друзьях-товарищах ходишь...

Торн остановил его движением руки.

— Ясно. Мое дело — верно! И — немедля! Все у тебя? Больше ничего путного у Лоскутных выведать не удалось?

— Как так не удалось? — приосанился сэр и отбросил на блюдо второй вертел, освобожденный от аппетитного груза. — Удалось! Кое-что, но удалось! Ты б не перебивал меня, брат... Я об том как раз и речь веду...

Он отхлебнул вина и насупился.

— Лоскутное отродье бесовское меня с отрядом своим ждаты на старом месте не соизволило. Не удостоило, понимаешь, такой чести. Побросали половину шмотья своего, возы запрягли и — только их и видели! Только тут у меня на такие хитрые штучки свой штопорок имеется...

Сэр со значением ухмыльнулся в густые усы.

— Знаю я, кого при случае спросить-расспросить про то, кто, куда, когда и какой тропой-дорогой через Леса пер...

— Это ты про Мелких? — небрежно уточнил Торн. Рённ испуганно оглянулся и суеверно сплюнул.

— Про Шуршиков я, про Бегунков лесных... «Мелкими» их называть не след. Услышат — обида будет. А услышат точно — их в Лесах где только нет... Я с ними дружбу рушить не хочу... Не враг я народу этому. А вот Лоскутные, как раз часто им обиду всякую творят. И разорение. По местам их заповедным со своими возами-кибитками прут, захоронки их со снedyю или другой добычей какой в распыл пускают... Так что Бегункам этим ворюгам месть какую-нибудь учинить или просто нагадить всяко — благое, считай, дело. Одним словом, новую стояночку Пэловых людишек они мне мигом указали. За пяток монет всего. И ходить далеко не пришлось — там же у речки и накрыл я Лоскутников...

Сэр, улыбнувшись какому-то воспоминанию, отхлебнул еще пару глотков вина.

— Ну, сам Мири артачиться не стал. Повздыхал только малость о том, что себя не послушал — с самого начала от пакета того и вообще от секретов Пришлых добра не ждал, ан нет — все равно с делами ихними связался...

— Сундук свой старик Мири продавать еще не надумал? — иронически улыбнувшись, поинтересовался Торн.

И он сам и сэр Рённо прекрасно знали, что, сколько бы доуки и неприятностей ни доставило Лоскутному Племеню обладание Кочующими Вратами, воплощенными в пресловутом Сундуке Предтеч, есть и всегда останется масса причин, по которым с Вратами этими бродячий народ никогда не расстанется и чужакам его местонахождения не раскроет. И одна из причин этих — вера в то, что через них, через эти неведомо когда и неведомо как доставшиеся Врата, Лоскутное Племя пришло в Мир Молний. Изгнанное из какого-то другого — много лучшего — Мира. И подразумевала, конечно, эта вера и то еще, что, когда будет дан Знак и настанет Пора, через те же Врата Лоскутный народ и уйдет — куда-то туда, где в путанице дорог и тропинок, соединяющей Миры и Времена, ждет их лучшая доля. Коли на то будет воля Судьбы Бродяг.

В конце концов, для всех, кто приходил сюда, Мир Молний был чужим. Какой-то долгой остановкой на пути к неведомой цели. Испытанием, но не домом.

— Так вот, — продолжил сэр Рённо свой рассказ о душевной беседе со старым Пэлом. — Пакетик-то этот отдавал Мири человеку, что от Неназываемого приходил. Тоже из Пришлых. Назвался Посланцем. Недавно — когда Ветра менялись...

«Но все-таки до того, как Знак был... — прикинул про себя Торн. — Но концы-то с концами не сходятся. Одиночка — у Неназываемого в услужении, а письмо ее прочесть специальный человек приезжает... Значит, нет там между людишками Пришлыми друг к другу доверия...»

— Ненадолго пакетец взял тот человек от Неназываемого... — вздохнул сэр Рённо. — И вернул — на вид — нераспечатанным... Да толку что? И дурню ясно, что конверты да печати не от такого народа сделаны... Как звали типа этого, что письмо на посмотри выманил, Мири сказал — не знает. И я ему верю. У старика правило железное — лишнего в голову не брать... А типу тому — на кой ляд бродяге какому-то свои имена-прозвища открывать?! Посланец — он Посланец и есть... По-сла-нец!

Торн тяжело вздохнул. Отхлебнул из кружки.

— Ладно, сэр. Как того засланца зовут и что еще тут такого он вызнал и откуда — мне репу чесать...

Сквернословием Брат Торн, можно сказать, что и не грешил всеу. Однако подручных Неназываемого, да и самого частенько именовал словами вроде необходимыми, но стремными какими-то — вроде вот «засланца» того же...

— А сейчас, — энергично откашлялся он, — по последней, и — погнал я. Дела, вижу, назревают — будь здоров!

Он снова разлил вино по кружкам: гостю — от души, а себе — осторожно, больше для виду. Негоже было Брату Мглы уж и вовсе пьяным быть в такие времена, что нынче подступили к порогу Сумеречных Земель. Решительно встряхнувшись, он всем видом своим показал собеседнику, что засиживаться за столом больше не намерен.

— Погоди, Брат! — придержал его сэр Рённо. — Тут у меня есть что тебе показать... Да и порассказать еще будет о чем...

Он смущенно засуетился под раздосадованным взглядом Торна. Манера славного сэра — о важном вспоминать только к концу разговора — допекала Брата необыкновенно. Тот об этом догадывался, но ничего со своим капризным норовом поделывать не мог.

— Тут... — прогудел он, роясь в ворохе своей амуниции, — тут пацанва эта лесная...

Ну, я про Малый Народец — не им в уши будь сказано, ты ж понимаешь... Так вот — они мне напоследок вот экую странность для дальнейшего разбирательства впарили... Говорят, точно — Пришлых вещица. И вроде совсем недавно Оттуда...

Сэр почесал в затылке.

— Тут дело, в общем, в том, что в прошлую ночь с Гор сразу двое Пришлых явились. Приметы у них такие...

Сэр заскрипел кожей куртки и многочисленных своих ремней, ремешков и ремешочков и не без труда — откуда-то из подбрюшного кармана — вытянул еще клоч бумаги, небрежно оторванный и многожды сложенный. Клох был покрыт неудобочитаемыми каракулями в сумраке и спешке сделанных заметок.

— Один — коренастый, чернявый, с проседью... Одет не по-нашему, естественно. Вроде при оружии. Второй — помельче, рыхлый такой... Словом, роста невеликого, но дороден... Лицо — что твоя тарелка. Волосы — редкие, светлые, в завиток...

«О боги! — мысленно вскричал Брат Торн, выслушивая косноязычное описание внешности еще одного незваного гостя Мира Молний. — Пришлые чуть ли не новой Пятеркой в полном составе бродят окрест, а преславный сэр только сейчас — и то по случаю — припомнил это обстоятельство...»

— Они вместе объявились? — постарался он уточнить складывающуюся расстановку сил.

— Как разаккурат наоборот! — живо возразил ему сэр Рённ. — Один — тот, что покруче, — сразу по темноте. Другой — к рассветной ясности поближе. И похоже, что искали они один другого... Да только не сошлись. Один вроде дорогу свою знал — вниз по реке шел. Прямиком в Леса, значит... А другой покружил, покружил, да так след его и потерялся. То ли назад в горы двинул, то ли затаился где... Так вот... Его — эта вещь.

Сэр приподнял свой брошенный поодаль на скамью плащ и из его потайного кармана вытянул нечто бережно завернутое в потертую, но на удивление чистую тряпицу. Из тряпицы же своим чередом явилась на свет божий вещь, для всех, кроме Мира Молний, Населенных Миров вполне обычная, — бутылка темного небьющегося стекла из-под фабричного розлива спиртного. Была она практически пуста, укупорена типовой гермопробкой и украшена не лишенной определенного изящества этикеткой, исполненной на одном из языков Пришлых.

— На десяток имперских реалов подняли меня, паршивцы... — пробормотал он, крутя диковинную вещицу перед своими светлыми, навывкате глазами. — Может, и одурачили по обыкновению своему противному — не знаю уж... Но больно уж на следок похоже... На настоящий следок...

— Ты про каких паршивцев говоришь-то? — постарался уточнить Брат.

— Да про Мири и сынка его... Не того, что свадьбу играл, а старшего его брата — Одноглазого... Он эту диковину отцу и приволок...

Сэр Рённ снова покрутил диковину перед носом.

— Опять же... Сморчок говорил, что Магией от этой штуковины так и разит... За версту, как говорится.

Брат Торн задумчиво кивнул и принял загадочную емкость из рук преславного сэра. Нахмурившись как можно более глубокомысленно, он откупорил ее и осторожно произвел своей могучей дланью несколько взмахов над разверстым горлышком, приняхиваясь к аромату, источаемому еле заметными остатками некогда содержавшейся в бутылки жидкости.

— Ммм... Что-то крепкое! — воодушевился сэр Рённо, нос которого уверенным румпелем развернулся в сторону источника нового запаха. — Пришлые называют такое «коньяк»... — сообщил он.

Если сэр и не знал чего-то по части греющих душу и веселящих сердце напитков, то, по общему мнению всех его Друзей и знакомых, этого «чего-то» и знать не стоило.

Сэр еще разок-другой втянул в себя воздух и призадумался.

— Н-но... — протянул он.

Брат Торн и сам ощутил уже присутствие среди летучих ингредиентов заурядного, в общем-то, спиртного некоего «но». Вещица была безусловно Извне. Но каким боком она относилась к Магии? Как ни крути, однако Брату Мглы не след было показывать простому смертному (пусть даже и немало украшающему собой Славное Сословие), что его — Брата — чутье на Магическое будет (особенно после второй кружки красного) куда как пожиже, чем у какого-то конюха по кличке Сморок.

Он решительным движением поплотнее укупорил бутыль, выпрямился и изрек:

— Так что ж, Пришлые этак вот и разгуливают по здешним местам, выпивают, понимаешь, стеклом пустым мусорят где ни попадя, а нам до того вроде как и дела нет?

Он повертел перед собой творением стеклодувного мастерства какого-то из нездешних Миров и добавил:

— Притом мусорят, паршивцы, не простым стеклом, а таким, в котором жижа магическая недавно плескалась... За мусорщиков они нас тут держат, что ли, не пойму?..

— Да нет!.. — Сэр Рённо устало отмахнулся от столь вздорных слов своего закадычного друга. — В том-то и дело, что Пришлый — тот, которого под прошлое утро с гор принесло, — был какой-то ненормальный... На остальных непохожий... Он, видно, не понял вовсе, на какой свет попал. Но одно за ним заметить успели, прежде чем унесло его неведомо куда.

Сэр крикнул, в один присест ополовинил содержимое своей кружки и закусил стебельком пряной травки.

— Кружил-кружил чужак этот по лесу, — продолжил он. — Кружил-кружил... Удивительно, как в западню или яму какую-нибудь не влез... Так вот — покружил этак, да и вышел наконец к Тракту... А там — у дороги — огляделся этак пристально, осторожно. Потом деревце приметное отыскал с дуплом подходящим да в него, в дупло это, стекло свое пустое и схоронил. Видно, в стекле том смысл какой-то для него заключен. И видно — рано ли, поздно ли, а придут за ним... За стеклом пустым. Может, он сам, а может, кто другой... Только в делах здешних он, конечно, ровно дитя малое... Пацанва лесная у него чуть ли не под ногами вертелась, а он не провидел и не слышал ни-че-го-шень-ки! Сынок Мири с целой компанией ему чуть ли не на пятки наступают, а он — пень пенечком. Только головой крутит, а все не в ту сторону. Лоскутные — сам знаешь — мастера глаза отводить... Так что чужак тот лишь, говорят, ушами иногда прятал. Словно кобыла, которую мошка достает...

— А потом? — поторопил его Брат.

— А потом вроде потопал он по Тракту и в места такие полез, что даже Лоскутные за ним идти не решились. Сперли из дупла стекло поганое и — в табор. Спереть-то сперли, а что делать с ним, не решились. А тут и я подвернулся с расспросами своими... С твоим, Брат, порученьем — следок Пришлых поискать. Ну, Мири тут же и смекнул, что, кроме меня, ему на то стекло покупателя хрен найти. Но торговался за него круто — с девятисот монет начал! Но, со мной потолковав, до десяти спустился. А дальше — ни в какую! Ну я и сам...

Из своего кармана...

Вторичное напоминание о тратах, в которые ввело сэра исполнение дружеской просьбы Брата, сопровождаемое выразительным покашливанием, возымело свое действие на утратившего было всякую сообразительность Брата. Крякнув, он поднялся из-за стола и принялся с сопением шарить в отдаленном углу кухни. Посвятив несколько долгих минут этому занятию, он отыскал под кучей наваленного там хлама ничем не отличающуюся от других плиту каменного пола, подцепил ее каминной кочергой и, приподняв, запустил в образовавшуюся щель руку. Назад он ее вытащил, зажав в горсти неполную дюжину монет золотой чеканки с гербами самых разных земель и профилями самых разных персон, когда-либо царствовавших на территории Сумеречных Земель.

Не вдаваясь в пересчет тяжелых кругляшей, он — неким подобием рукопожатия — вложил их в ладонь сэра Рённа. Сэр с выражением лица, говорящим: «Ну право же, стоило ли вам утруждать себя подобными пустяками, Брат?..» определил монеты в один из многочисленных карманов своей кожаной куртки, бросив на них лишь один, но цепкий, словно абордажный крюк, взгляд. Увиденное вполне устроило сэра и подняло его настроение.

— А вы уверены, сэр, — поинтересовался тем временем Брат Торн, — что Лоскутное Племя и впрямь упустило того бедолагу, а, скажем, не сдало его за соответствующее вознаграждение все тому же засланцу?..

— Посланцу, — то ли поправил его, то ли просто перевел на понятный для себя язык слова Брата сэр Рённ. — Не думаю, Брат, не думаю... Лоскутные, они хоть и подлое племя, а с Неназываемым дела вести боятся... Да если б и сдали они бедолагу того — так стекло-то это ведь непременно с ним заодно к тому же покупателю и пошло бы... Верно я рассуждаю, Брат Торн?

— Пожалуй что и да... — рассеянно промычал Брат.

Вернувшись к столу, он уже не опускался на лавку, а оставался стоять с кружкой в руках, намекая гостю, что рассматривает предстоящий тост как заключительный.

— Ну, славный сэр, — невесело усмехнулся Торн, — если за пазухой у тебя не затерялся еще десяток-другой новых Пришлых, о которых ты не нашел времени упомянуть, то...

Славный сэр отозвался понимающим гудением.

— Если это так, — продолжил Торн, — то расстаюсь я с тобой ненадолго, но поспешно... иначе, прости, со многим неотложным мне не справиться...

Он вздохнул.

— Славное Сословие, сэр Рённ, в твоём лице сильно помогло Братству Мглы. Вам не долго придется ждать нашей благодарности. И мы рассчитываем на то, что наше сотрудничество в такой сложный момент продлится...

— Хорош речи толкать, — добродушно завозражал сэр. Торн потер лоб и бросил на сэра Рённа требовательный взгляд.

— Ты меня очень обяжешь... — произнес он, стараясь впечатать каждое свое слово в размягченное вином и кабаниной сознание сэра. — Ты очень обяжешь меня, если как можно скорее поставишь сэра Серафима в известность о том, что в ближайшее время я заявлюсь к нему в Шантен в сопровождении надежного целителя. Для всех других посетителей — буде такие явятся — его пострадавший от козней Шепчущего народа гость должен оставаться недоступен. Лучше, если о нем вообще никто не будет знать. Кроме тех, разумеется, кто уже знает... Я знаю...

Он отмахнулся от собиравшегося что-то произнести сэра рённа.

— Я знаю, что Славное Сословие не любит слышать слова «должен» от посторонних... Но...

— О, не беспокойся, Брат! — взмахнул руками сэр Рённ. — Когда речь идет о Магии, о Пришлых, о Мгле и тому подобных вещах, в которых смыслят немногие — вот вроде тебя, Брат, — мы, люди твердой руки и чистого сердца, становимся тихи, как овечки, и послушны всем советам и требованиям такого вот знающего люда... Когда ему доверяем, разумеется. Вот как тебе, Брат!

Он взял в руки кружку и, стоя, отсалютовал ею Торну.

* * *

Анна ждала Брата Торна там, где и было условлено, — у скрытой зарослями кустарника и высоких трав заводи. Она устроилась на выброшенной когда-то давно на крохотную отмель и успевшей уже порости мхом колоде. Травница коротала время, меланхолично скармливая крошки своего прихваченного в дорогу и оставшегося нетронутым ужина какой-то водной живности, кишачей у бережка.

Торна она заметила издалека и, не меняя позы, помахала ему рукой.

— Ваша встреча состоялась? — рассеянно осведомилась она, когда Брат подошел поближе. — Как поживает сэр Рённ? По-прежнему украшает Славное Сословие своими делами и помыслами? И вина в него влезает не меньше прежнего? Как в сорокаведерную бочку?

— Где-то так... — добродушно прогудел Торн, присаживаясь рядом — места на колоде хватало. — Однако и в этот раз оказался полезен — заметь это для себя, Сестра. Сэр вот, к примеру, успел разузнать, что у Лоскутного Племена аж трое из Новых Пятерых отметились...

Анна молча пожала плечами.

— Так вот, — продолжил Торн. — Одного из новоприбывших Славное Сословие уже к себе в гости — в Шантен — заполучить сподобилось. К сэру Серафиму на отдых и излечение... Правда, излечение ему понадобится крутое... Я бы сказал — крутейшее... После встречи с Шепчущими, правда, считай — хорошо отделался... Так что мне этой ночью и не спать — пойду Исцеляющей в ножки кидаться. Против паучьего яду она одна только сила... Надо, чтоб госпожа Цинь в Шантен поспела скорее, чем человек от Неназываемого... А такой уже объявился в наших краях. Легок, как говорится, на помине... Ты об этом знаешь?

— Знаю, — усмехнулась Анна. — Есть такая магия — «радиоперехват» называется...

Торн усмехнулся, показывая, что оценил шутку. Потом движением руки отвел шутки в сторону.

— Ладно, сестрица. Этот гость Шантена и все сложности с уговорами Целительницы... Все это — моя головная боль. А твою, Энни, я принес с собой... Сюда.

Торн скинул с плеча дорожный мешок, присел на корточки, распутывая шнурок, стягивающий его горловину, и наконец извлек на свет божий давешнюю бутылку Пришлого. Анна осторожно приняла пустое стекло из рук Брата и молча повертела его перед глазами, слушая весьма лаконичные пояснения Брата. Откупорила склянку и осторожно вдохнула

запах остатков ее содержимого. Задумавшись, заломила бровь — несколько иронично: как-никак, из таинственного сосуда несло в основном спиртным. Потом положила руку на плечо умолкшего и безмолвно наблюдавшего за ней Торна.

— Значит, ты думаешь, что я должна отнести эту находочку к Видящей?

— Так о том и говорю, сестрица... — недоуменно загудел Торн. — Вещь побывала в руках, по крайней мере, у одного из Новой Пятерки...

Анна оборвала его, сухо и звонко щелкнув в воздухе своими крепкими, длинными, как у пианистки, пальцами.

— Ты думаешь, я не поняла твоего рассказа?

Она поежилась и, не дожидаясь ответа, заговорила быстро и тревожно.

— Ты меня было уговорил, Брат, а вот сейчас — по здравом размышлении — снова меня сомнение берет... По букве — Клятву мы вроде блюдем... Но ведь мы — не простые смертные... вот дело-то в чем. Мы — Трое Меченных Мглой. И хотим мы этого или не хотим, а получается, что, поклявшись ждать, мы тем не менее начинаем вовсю действовать. И хочешь не хочешь, а получается так, что действуем мы от имени Матери-Мглы...

— Так я и знал! — с досадой крякнул Брат. — Тебя, сестрица, одну оставлять — только делу вредить. Тем более в месте таком... раздумчивом... Как тебе время на размышление дашь, так ты всенепременно весь уговор шиворот-навыворот перевернешь...

Он тяжело засопел, успокаивая нервы.

— Лишку ты хватаешь, Энни... Ждать мы договорились. Ждать — а не бездействовать! Бездействие и ожидание — далеко не одно и то же, Сестра! Вспомни премудрого Рэя: «Порой мудрость состоит в том, чтобы в бездействии видеть действие». Ведь прикинь — именно бездействуя, мы и становимся на одну из сторон. И тем как раз и нарушаем наш уговор с Матерью-Мглой! Мы ведь о чем уговорились? Мы о том уговорились, чтобы Знака от Мглы дожидаться — подсказки — чью сторону принять. Сторону Пятерых — не важно, Старых или Новых, — или сторону Неназываемого... А теперь прикинь: что значит сделать выбор в его — Неназываемого — пользу? Это значит — сравить Новую Пятерку со Старой. Чтобы они друг друга или извели, или до предела ослабили. А заодно в драку эту втянуть все здешние племена и народы. Это у него здорово получается. Тут все до драк охочи... Только Пятеро да Мать-Мгла равновесие и держат... Они Неназываемому — главная помеха.

Торн знал, что говорит: пришествие Неназываемого ознаменовалось в Сумеречных Землях, да и во всем Мире Молний, пожалуй, неслыханной сварой и смутой, которые немало способствовали его — Неназываемого — возвышению, а заодно и восшествию на престол нынешнего государя Земель — Тана Алексиса XXIII.

Анна слегка поежилась.

— Что-то мы все философами становимся... — угрюмо буркнула она. — Но уж если «Книгу подсказок» цитировать, так до конца. У Рэя там дальше сказано: «Мудрость заключена и в том, чтобы в действии усмотреть бездействие»... Ты, Брат, подумал о том, что если ты приведешь Целительницу к одному из Пришлых, а я через эту штуку — она помахала в воздухе чудной бутылкой — выведу Видящую на второго, то получится как раз, что мы своими действиями поставим две Пятерки в неравное положение? Попросту отдадим новых Пришлых в полное распоряжение старых...

Торн упрямо покачал головой.

— Мы имеем не какую-то философскую проблему, Сестра. Мы имеем живого человека, который без помощи Целительницы попросту обречен на ужасную участь. Какую не всякому

врагу пожелаешь. Вот захочет ли Целительница его спасти — другой вопрос. Но если мы не обратимся к ней, то получится, что мы — я и ты — берем его смерть на себя. А это к тому же может быть и не просто смерть. Ты лучше меня знаешь, что Шепчущие могут наколдовать кое-что и похуже смерти. А что до второго из Пришлых... Тут — тебе решать. Можешь просто забросить это стекло куда-нибудь подальше и забыть о нем. Кто как, а я тебе — слова не скажу...

Анна молчала, думая о чем-то своем, коснулась кончиками пальцев темной, кажущейся тяжелой, словно мазут, воды — по заводи побежали трепещущие, еле заметные круги волн.

— Я решу сама, Брат... Оставь меня одну. Или тебе есть что сказать мне еще?

— Да пожалуй больше нечего, — признал Брат. Он тяжело поднялся на ноги и протянул Анне тускло поблескивающую карточку.

— Это наших с преславным сэром разговоров запись. Найди время послушать. Не найдешь — сразу в огонь определи... Одним словом, до встречи, Сестра...

Сестра все так же молчала, не отрывая взгляда от тяжелой глади воды. Ее в который уж раз поразила странность собственной судьбы. И вообще — странность выбора, что сделал с Мать-Мгла. Ну что общего могло быть у них Трех: у ветеран Морского Десанта, подавшегося в лесные бродяги, у странной монахини из странного монастыря и у нее самой, лесной Травницы, так же далекой от мирских забот, как Огненные Небеса далеки от тоскливой тверди, что стелется под ногами.

Шаги Брата стихли в глубине чащобы, и скоро откуда-то из поднебесья стал слышен — правда, слышен еле-еле — характерный звук движка «Лаланда» — юркой авиетки с вертикальным взлетом-посадкой. Звук приблизился, сменил тональность и оборвался, через минуту зазвучал снова, теперь уже удаляясь куда-то в направлении неровных всполохов над зубцами гор. Там он и стих окончательно. Брат явно прибег к мере, считавшейся среди Меченных Мглой исключительной, — вызвал свой личный транспорт. Впрочем, он, разумеется, был прав — тот Пришлый, что попался в паутину Шепчущего Племена, был, надо думать, плох, а Шантен — не ближний свет.

Анна снова поежилась — от темных вод заводи все явственнее тянуло холодом — и тихо щелкнула крышкой потертого амулета-медальона — вещицы, почти не приметной даже на фоне скромного наряда Травницы. Потертая, темного металла крышка скрывала под собой клавиатуру и экранчик блока связи — старомодного, как сказал бы любой житель Федерации. Но в Мире Молний обладание подобными средствами связи было привилегией немногих. Привилегией довольно сомнительной — бурная магнитосфера Мира ограничивала возможность радиосвязи до минимума. Но те, кто должен был слышать Анну, находились неподалеку.

* * *

Анна все глубже и глубже заходила в лес. Тропинка, которая завела ее в самое сердце глухой чащи, стала едва заметна. Только тайные, ничего не говорящие глазам непосвященного знаки — особым образом заломленные травинки, увядшие листья не растущих окрест деревьев, сложившиеся в условный Узор сухие ветви — указывали путь, которым надо было следовать, чтобы не угодить в какую-нибудь из многочисленных ловушек, разбросанных окрест. Или просто не заплутать в зарослях, сплетенных ветвями,

стволами, вьющимися побегам растений, словно созданных отравленным наркотиком воображением обезумевшего художника. Растений, которые и растениями-то назвать не всегда язык поворачивался.

В волглой ложбинке, в нише, свитой невинным на вид черным кустарником, ей почудилась засада. Рука ее потянулась к надежно прикрытому металлическим кожухом светильнику, что висел на поясе, но она удержалась от того, чтобы выдать себя светом его огонька. Просто остановилась и, притаившись, стала всматриваться в темную глубину кокона, сплетенного ветвями.

Там — в коконе этом — действительно угадывалась человеческая фигура. Тоже притаившаяся и ждущая. И только после долгого и томительного всматривания в сгустившийся сумрак Анна поняла, что видит лишь подобие человека. Приблизившись и чуть приподняв задвижку фонаря, она уже отчетливо различила перед собой сплетенное из мелких веточек и побегов изваяние, в точности, портретно воспроизводившее облик кого-то, кому совсем недавно не повезло тут. Кого-то, кто не понял тайных знаков тропы...

А еще немного погодя — после того, как она миновала бочажок с темной, мертвой водицей, — не стало и знаков. Пора было остановиться.

Анна знала, что если даже повернет с середины пути и пойдет обратно — по памяти или по цепочке знаков, которые миновала недавно, — то все равно назад, к началу пути ей не вернуться. Лес собьет ее с дороги. Но это вовсе не пугало ее. Меченым Мглой не привыкать ходить заклетыми путями.

Она глянула на ставший еле различимым в сплетении сомкнувшихся над нею густых крон трепещущий огонь Небес и присела на шершавый валун — чуть поодаль от тихо журчащего где-то в зарослях высоких трав невидимого ручья. Анна не сомневалась, что ее одиночество здесь, в этой глухой чащобе, не более чем иллюзия и не одна пара глаз, хорошо укрытая в тенях Леса, внимательно наблюдает за каждым ее движением. Малый Народец — каины — неприметен, но он пронизывает своим присутствием все здесь.

Присутствует всюду, но остается невидим, пока сам не захочет показать себя человеческому глазу.

А потому бессмысленно вертеть головой по сторонам и напрягать зрение, вглядываясь в игру теней в листве кустарника и расщелинах камня. Расслабься, прикрой глаза и жди. Слушай Лес. Слушай шорох листвы и голоса невидимых тварей. Вдыхай аромат травы и ветерка, забравшегося сюда издалека. Ощути ласку невидимой паутины, опускающейся на твоё лицо. Иногда тебе будет чудиться всякое — еле слышный звон колокольчиков и смешливый шепот, например. Или запах нагретого воска горящих свечей. Неслышный топот крошечных ног. Или еще что-нибудь. Не обращай внимания. Растворись в пространстве Леса и жди.

И если ты пришел туда, где ты нужен, если верно угадал время и место, то рано или поздно крохотная ручка потреплет тебя за рукав. Потом осторожно коснется пальцев...

Анна вздрогнула и открыла глаза.

* * *

Тайри-Тойри стоял внизу, среди причудливых трав и нетерпеливо теребил ее руку.
— Здесь нельзя засыпать, Энни, — тихо, с укоризной в едва слышимом голосе

напомнил он ей. — Если ты хочешь говорить с Хозяйкой — иди за мной...

Анна осторожно поднялась с камня, достала из котомки загодя приготовленную тесьму и протянула ее кончик Тайри.

— Веди меня, — тихо произнесла она.

И чуть было не добавила «малыш». Но вовремя прикусила язык. Вслух Тайри и его соплеменников можно было называть — не обижая их — только лишь «пронырами», «работягами», «пострелятами» и всякими другими именами, не намекающими прямо на их физические размеры.

«И почему это смешливый Малый Народец начисто лишается чувства юмора, когда ему намекают на его малый рост? Или называют гномами? — пожалала плечами Анна. — Впрочем, если поставить себя на их место... К тому же, несмотря на детские замашки и смешные клички — кстати, это мы их им даем, большие люди, потому что не только выговорить, но и расслышать их настоящих чудных имен не способны, — большинство каинов — создания весьма почтенного возраста. По людским меркам, конечно.

Ловкому Тайри — верному слуге Видящей След — никак не меньше, чем самому старому из стариков, которых я знала. Он помнит не одну Пятерку Пришлых...»

Тесьма слегка натянулась и повлекла Анну под полог кустарника — вслед за мгновенно исчезнувшим из виду Тайри. Теперь надо было идти особо осторожно, чтобы не затоптать ненароком кого-то из оставшихся невидимыми в густой траве спутников.

Тот, кто создавал Малый Народец, явно или сам был человеком, или собирался устроить в свое время какой-то симбиоз «малых» и людей. Слишком — без всякой на то надобности — очеловечил он их, слишком многими людскими качествами, часто возведенными в степень пародии, наделил он их. Кое-кто из ученого люда до сих пор до хрипоты спорит о том, не были ли эти крохотные — дюйма в четыре ростом — подобия людей каким-то из «пробных шаров» Предтеч. Результатом генетических экспериментов с «человеческим материалом». С людьми Предтечи экспериментировали, пожалуй, чаще и больше, чем с представителями других разумных рас Космоса, которых они в незапамятные времена заманили, а то и просто выкрали из самых разных уголков Мироздания и собрали в своей причудливой коллекции разумов здесь, под небом Молний. Возможно, ими хотели населить какой-то более подходящий для этих малоросликов Мир. А может, и населили. А здесь — в плавильном котле Мира Молний — остались то ли излишки, то ли резервные остатки этого чудного отродья — просто позабытые, а может, сохраняемые до поры до времени. Так же как и заблудившиеся в этом Мире племена еще семи — не меньше — разумных рас, прижившихся под трепещущим пламенем здешних Небес.

Конечно, если присмотреться, многое было «не так» в строении тел этих, с виду похожих на карикатуры на представителей рода людского. Мышцы были на вид «пожиже», а руки-ноги подлиннее, чем у обычных людей. Увеличь их до нормального человеческого роста — и их головы показались бы уродливо большими, словно причудливые шапки грибов, насаженные на крепкие пеньки плотно сбитых туловищ. Но в своем мирке, спрятанном в дремучих зарослях трав, в лабиринтах пещерных нор и пронизывающих горные кряжи ходов-туннелей, они — облаченные в крепко сшитые из шкур каких-то им одним известных тварей одежды, перепоясанные причудливыми поясами и перевязями, увешанные диковинным оружием, освещающие свои темные пути крошечными золотистыми фонариками и дающие о себе знать друг другу звоном миниатюрных колокольчиков и напевами серебряных дудочек — смотрелись очень гармонично сложенными и даже не лишенными какого-то

героического флера.

Тайри нырнул в щель неожиданно выросшей перед Анной скалы, и Сестре Мглы пришлось протискиваться за ним следом, а потом и сгорбиться в три погибели, когда каменные стены сомкнулись над ней в низкий свод. Станный запах — чужой и смрадный — стал ощутим в сыром воздухе подземелья. Свет фонариков Тайри и еще двух его спутников — теперь и они перестали прятаться от Анны — был скорее светом путеводных огоньков, но никак не тем светом, который позволял видеть хоть что-то вокруг, кроме самого фонарика разумеется.

— Я зажгу свой фонарь, Тайри? — тихо попросила Анна, очередной раз основательно приложившись скулой к незамеченному вовремя выступу скалы и вторично оступившись в протекавший под ногами ручей.

— Не надо... — ответил ей из темноты еле слышный голосок. — Здесь — не наш путь. Шепчущее Племя дает нам дорогу. А они, ты знаешь...

Что и говорить, свет в обители Шепчущего Племени был совсем ни к чему. И Шепчущих он мог расстроить, и самой Анне вовсе не хотелось увидеть того, что мог осветить здесь ее фонарь.

«Вот, оказывается, что за странный дух здесь стоит, — сообразила Анна. — Я могла бы и догадаться, куда попала...»

Шепчущие — Темное Племя... Ни на что не похожие создания, умеющие самым невероятным образом изменять свой облик. Наделенные невероятной способностью регенерировать чуть ли не из фарша. Способные разделяться на части и, наоборот, сливаться друг с другом в одного монстра... Возможно, это вообще было единое существо, части которого могли жить по отдельности, а могли соединяться друг с другом в любых комбинациях. Один бесконечно многоликий Шепчущий. Кто знает? Темное племя обреталось по подземельям Сумеречных Земель испокон веку. Еще с тех пор, когда Предтечи стаскивали в Мир Молний и смешивали в этом огромном котле образцы разумных рас со всех уголков Вселенной. Говорят, что когда-то Шепчущие были верным инструментом этих экспериментов Предтеч. А может, и самими Предтечами, выродившимися теперь в странных ночных тварей, с наступлением темноты выбирающихся из подземелий на болота и караулящих свои жертвы на их зыбких тропах.

Они вовсе не утоляли свой голод людской плотью или плотью других разумных созданий. Они не жаждали даже просто смерти попавшихся в их лапы неудачников. Нет, ими владела жажда иного рода.

Шепчущие владели искусством превращения. Жертве было суждено стать коконом, облепленным вязкой паутиной. Иногда — на считанные дни, иногда — на долгие годы. А потом кокон этот усыхал, сморщивался, и находящееся в нем существо снова обретало жизнь и свободу. Но человеком это существо уже не было. Разные превращения претерпевали узники паутинных коконов одни из них становились Шепчущими, другие — невыносимыми чудовищами, третьи — просто слегка человекоподобными существами, словно вышедшими из страшных сказок. Впрочем, чего-чего, а удивительных созданий в Мире Молний хватало. С одними из Превращенных Шепчущие продолжали работать, порой ввергая сотворенного монстра во все новые и новые циклы превращений, других — «исследовали». Люди знающие считали, что подземное царство Темного Племени — не что иное, как брошенная Предтечами лаборатория, в которой те творили все новые и новые разумные расы, предназначенные для заселения каких-то дальних Миров. Лаборатория, продолжающая свою

давно уже ставшую бессмысленной работу. Лаборатория, в которой оставленный там живой инструмент творит все новых монстров и исследует свои наиболее интересные изделия. «Исследования» эти, как правило, кончались мучительной смертью «объекта изучения». Но некоторых отпускали на свободу, видимо утратив к ним всякий интерес.

Одни из отпущенных были агрессивны и опасны. Таких рано или поздно приходилось уничтожать. Другие пополняли орду лесной нечисти. Бывали и такие, что приживались среди людей. Многих из Превращенных брали к себе в услужение маги...

Естественно, большой любви людское население Сумеречных Земель к Темному Племеню не испытывало. Удальцы из Славного Сословия, такие как сэр Рённо например, при случае крошили клятую нечисть в капусту и предавали огню — чтобы не срослась и не ожила. Временами — с подачи очередного государя — затевались карательные экспедиции на предмет полного искоренения этой напасти. Но больших успехов такие походы обычно не приносили. В лучшем случае Шепчущие надолго исчезали в своих пещерах, затем снова объявлялись ночами в болотном крае. Попытки хоть как-то вступить с Темным Племенем в переговоры успеха не приносили. Хотя были Шепчущие разумны, и кое-кто из магов похвалялся, что владеет их языком — «языком шепота»...

С каинами Шепчущие не воевали и даже оказывали им мелкие услуги — как вот сейчас, разрешив пройти через свои владения. И еще — они никогда не трогали Меченных Мглой.

Еле слышимый звук воды, стремящейся неведомо куда и неведомо откуда по своему подземному руслу, вселял тревогу. Но когда ноги Травницы коснулись холодных струй подземной реки, она испытала даже какое-то странное успокоение.

— Жди, — тихо молвил в темноте Тайри.

Анна ответила кивком, словно в окружающей темноте можно было увидеть это ее движение. Впрочем, может быть, ее спутник и в самом деле хорошо разглядел его — у Малого Народца зрение устроено не так, как у простых людей. Они зорки во тьме, и слабенького света их причудливых фонариков им достаточно для того, чтобы разглядеть в ней — этой тьме — многое недоступное взгляду обычного человека.

Трудно сказать, сколь долго им пришлось ждать. Травница вдруг потеряла ощущение времени. Но время от этого не перестало существовать. И в свой срок еле заметное во мраке подземелья движение вод принесло из мрака темную, из одного ствола дерева выдолбленную лодку. У ее носовой части светился слабым светом небольшой фонарь. А темную фигуру с веслом, висевшую на корме, Анна рассматривать не стала. Она не любила Шепчущих — даже тех, что были «своими». И старалась не думать о них.

Она осторожно ступила в лодку и помогла перебраться туда крошечным проводникам. Темный лодочник оттолкнул суденышко от берега, и оно заскользило по ледяным водам подземной реки, подчиняясь их неслышному течению. Снова время стало ускользать от Травницы. Его заменило что-то другое — такое же таинственное. Что-то, что хорошо понимаешь в детстве, но забываешь, взрослея. Может быть, то, что служит временем во сне.

Тихое прикосновение ручонки Тайри разбудило Анну.

Лодка, покачиваясь, стояла у сколоченного из грубых досок причала. Откуда-то сочился призрачный свет. Анна окончательно стряхнула с себя сон, поклонилась — в знак благодарности — жутковатому лодочнику и со вздохом облегчения покинула лодку. Каины уже ждали ее на причале.

Свет — еле видимый — проникал на причал из далекого выхода из подземелий. Там Небеса разгорались набирающим силу дневным пламенем. Травницу все еще не отпускала

сморившая ее усталость, и она пару раз оступилась, следуя за своими проводниками вдоль поблескивающей под ногами струйки воды.

— Не бойся, Энни, — прошелестел из темноты Тайри. — Потерпи немного. Мы придем уже скоро... Сейчас мы выйдем в сад Хозяйки...

* * *

И они действительно вышли в сад.

Вышли из горловины старинного грота, откуда ручей, промочивший во тьме скального лабиринта обувь Анны, выбегал уже живописным и звонким подобием малой речушки и устремлялся по каменному руслу вниз — невинный и чистенький, оставивший во мраке подземелья всю свою память о мерзких тайнах Шепчущего Племени.

Анна подняла голову к светлеющим Небесам.

«Утро, — подумала она. — Пришлые называют это «утром»... Скоро станет совсем светло».

Потом Анна огляделась.

Эта часть Леса и впрямь могла считаться садом — заброшенным, заросшим, заселенным призраками прошлого садом. А в глубине сада стоял Дом Видящей След.

Этот дом можно было назвать и замком: строившееся и одновременно разрушавшееся много веков подряд здание, в котором сочетались десятка два архитектурных замыслов и воплотились бредовые фантазии не одного потерявшего разум зодчего. Здание это множество раз переходило от одного здешнего племени к другому, сменило множество хозяев. Теперь оно было Домом Видящей След.

Во владениях своей Хозяйки Малый Народец уже не таился, и Анна поразилась тому, как много их здесь — деловитых мальков, снующих окрест по своим и своей хозяйки делам.

Видящая След, как всегда, встретила свою подругу по-простому — не в сумраке кабинета, уставленного предметами, долженствующими означать магическое могущество хозяйки, а в небольшой, залитой ровным светом люминесцентных ламп оранжерее.

Да и держала себя Видящая просто — не было сегодня в ее репертуаре приемчиков, обычных для высоко вознесшихся Пришлых. Отрешенного, вперенного во что-то, чего простым смертным узреть не дано, взгляда, осанки, подобающей более особам королевских кровей, властной стали в голосе. Из глубины оранжереи навстречу Анне вышла по-домашнему одетая, улыбающаяся, миниатюрная женщина — из тех, что до глубокой старости производят впечатление молоденьких. По-детски милое лицо хозяйки Дома было упрятано в копну иссиня-черных волос, а половину лица, казалось, занимали васильковые — в контраст волосам — глаза. В глазах этих не было и намека на связь с тайными силами этого мира. Только тень тревоги жила в них — где-то в глубине.

Рядом с Видящей Анна всегда начинала себя чувствовать неуклюжей, долговязой нескладехой. Видящая поражала Анну своей неподвластностью времени. Говорят, что это — общая черта всех Пришлых. То ли старость забывает про них надолго, то ли они просто не успевают состариться за то время, что выпадает им, чтобы пройти свое испытание и уйти дальше по пути Превращений... Да, старость, может, и забывает про них, а вот Судьба, бывает, вспоминает. И часто.

Впрочем, не только во внешности было дело, не в том, что Видящая оставалась

привлекательной, сохранившей в облике что-то детское миниатюрной ведьмочкой. Будь она даже обтянутым пергаментной кожей скелетом или призраком, бренчащим цепями, Травница все равно была бы влюблена в свою подругу — за внутреннюю молодость, которой та была наделена. И которую дарила всем, кто понимал ее так, как понимала Травница. Впрочем, сегодняшняя их встреча вряд ли закончится душевным разговором за чашкой настоящего на травах чая.

— Здравствуй, Видящая След, — поклонившись, произнесла Анна.

— Здравствуй, Травница, — невеселым от необходимости выслушивать и произносить прозвища-тителы голосом отозвалась хозяйка. — Присаживайся.

Она небрежно махнула чуть испачканной в оранжерейной земле рукой в сторону каменной скамьи. Анна опустилась на шершавую плиту и, сняв с плеча котомку, поставила ее себе на колени.

— Показывай вашу находку, — кивнула ей хозяйка. — И давай без церемоний! Ты для меня — просто Энни, а я для тебя — просто Марика. Договорились? И доставай же ты не свет божий свое сокровище!

— Ты уже обо всем знаешь... — вздохнула Анна и принялась развязывать стягивающий горловину котомки шнур.

— Мои пострелята еще прошлой ночью что-то видели и что-то слышали... — усмехнулась Марика. — В Лесах и на Тракте. Но Лоскутное Племя их опередило... Спасибо что ты решила мне помочь в этом деле...

— Ты должна знать, — глухо, с трудом подбирая слова, стала объяснять Анна. — Это не просто помощь... — Она запнулась. — Я д-должна быть уверена, что мы — Меченные Мглой — не бросаем свой меч ни на одну из двух чаш весов...

— Ты хочешь от меня клятвы? — как-то отрешенно-беззаботно спросила Марика. — Какой? Я верю, что мы пойдем друг друга...

— Я должна быть уверена, что вы — Пятеро — не обратите нашу помощь во вред тем, кто пришел вам на смену... Мы связаны клятвой перед Матерью-Мглой.

Марика смотрела на подругу прозрачным, без тени тревожной задумчивости взглядом.

— Я готова поклясться, что сама не причиню вреда никому из Новых Пятерых... — не задумываясь, произнесла она. — Не причиню его — первой. И не позволю этого своим друзьям. Но только в том случае, если никому из нас не придется защищать себя или своих друзей. Тебя устроит, если я поклянусь в этом?

Анна молча кивнула.

— Тогда — клянусь! — сухо и строго отрубила Марика, вскинув к огню Небес тонкую руку.

Она помолчала немного, взяла протянутую ей странную склянку и чуть небрежно прикинула ее на вес. Улыбнулась.

— Давно я не встречала старый добрый «Космос». Это питье, Энни, продается в буфетах всех Космотерминалов. Там...

Она неопределенно взмахнула рукой в сторону трепещущих пламенем Небес.

— Примерно как «Дурная кровь» — в каждой приличной таверне здесь, в этих краях. Странно...

Она осторожно поставила пустое стекло на скамью и, присев перед ней на корточки, стала приглядываться к нему. Потом протянула к странной склянке руки, погладила ее кончиками пальцев... Закрыла глаза, прислушиваясь к чему-то нездешнему...

Анне всегда хотелось представить себе, что происходит в сознании Видящей, когда она прослеживает пути вещей в пространстве и во времени, их встречи с людьми и живыми тварями. Но представить ей это никогда не удавалось.

Марика еще с минуту-другую сидела неподвижно. Потом быстро — словно вспорхнула — поднялась на ноги и поднесла сосуд к лицу. Откупорила его, вдохнула давно забытый запах не слишком дорогого коньяка и тут же вернула пробку на место. Отставила лесную находку в сторону и резко свела пальцы в замок.

Она узнала этот едва заметный аромат, приметававшийся к запаху спиртного. Хотя ей всего лишь раз пришлось ощутить его. Далеко отсюда. И теперь уже — довольно давно.

— «Жидкие Врата», — сказала она тихо. Скорее всего — самой себе. — Господи, глупость какая...

Она прикрыла глаза и как-то сразу осунулась. Ушла в себя.

«Жидкие Врата»... Энни опасливо покосилась на пустое стекло. Пустое, да не совсем... Она тихо поднялась со скамьи и отступила на шаг — чтобы не мешать Марике. За те несколько лет, что она водила дружбу с Видящей, Анна хорошо усвоила, что в те минуты, когда той овладевает ее странный Дар, посторонним вообще не стоит быть рядом. А раз уж пришлось, то надо держаться тише воды и ниже травы — чтобы не нарушить это глубокое — в саму себя — погружение Видящей.

А в этот раз — так, по крайней мере, показалось Анне — в сумеречной глубине подсознания что-то не получается у Видящей. Что-то ей не дается. Озадачивает ее.

Никто другой не заметил бы этого. Не смог бы прочесть это по ее почти неподвижному лицу — лицу спящего ребенка. Но именно по лицам детей Анна училась в свое время читать души людей. Эта способность — читать по лицам — была ее давним проклятием. Вот и сейчас она не сводила глаз с чуть подрагивающих уголков губ Марики и что-то мучительно решала вместе с ней. Делала какой-то выбор. Ей казалось, что еще мгновение — и она поймет какой. Сама станет такой же, как Марика, — Пришлой Ведьмой, Видящей След. Впрочем, она хорошо понимала, что это предчувствие обманывает ее. Ей давно была знакома эта иллюзия. Анна даже улыбнулась ей — этой незримой обманщице — как своей старой знакомой.

Марика открыла глаза и тряхнула головой. Бросила на Анну успокаивающий взгляд и тихо хлопнула в ладоши. Еле слышные шажки засеменили издалека, и через несколько мгновений по левую руку от Видящей словно из-под земли вырос крохотный, подчеркнуто серьезный каин.

От прочих «лесных пострелят» его отличал, кроме этой глубокой серьезности, пожалуй, только фосфорически-белый воротничок — деталь, забавно сочетавшаяся с традиционным нарядом Малого Народца, нарядом мастерового и охотника. Сплошная кожа — из шкур каких-то прячущихся в густотравье тварей, ремни, карманы, кармашки — простые и потайные...

Анна никак не могла вспомнить, как зовут этого педантичного зануду — доверенного секретаря-порученца Видящей.

— У нас проблемы, Шорри... — вздохнула Марика, поворачиваясь к гному. — Найди Лонни и передай: пусть велит своим следопытам — пяти-шести самым толковым — приготовиться к выходу в Лес. Будет охота на Пришлого. Его придется вытаскивать прямо из-под носа у людей Неназываемого... Может, сразу двух Пришлых... Пусть ребяташки поторопятся. Мы будем их ждать на Стеклоанной тропе.

Анна оценила это как бы невзначай брошенное «мы».

Она встретила взглядом с Видящей. Та улыбнулась, взмахом ладони отпуская Шорри. Подхватила со скамьи склянку Пришлых.

— Придется держать это под замком, — сказала она. — Слишком многим может приглянуться это стекло. А точнее — то, что осталось на его стенках...

Анна кивнула, давая понять, что разделяет тревогу подруги.

— Я думаю, ты не против? — бросила та и кивком головы пригласила Анну следовать за собой в Дом. — Я говорю, ты ведь не против того, чтобы участвовать в поисках? Так тебе будет много спокойнее за твое обещание Мгле.

— Ты дала слово, и я спокойна, — ответила Анна, с трудом поспевая за ней в отворившуюся тяжелую дубовую дверь. — Другое дело — что и от меня может быть польза... Я тоже кое-что смыслю в лесных тропках...

Марика кивнула, легко взбегая по винтовой лестнице. Остановилась на площадке у дверей на галерею второго этажа. Повернулась к Анне, которая задержалась внизу.

— Конечно, Энни, — согласилась она. — Ты знаешь Лес не хуже любого каина. Но ты ведь устала? Подожди здесь, я распоряжусь о чае — том, твоём... Он прекрасно восстанавливает силы. Если немного вздремнешь — еще лучше. Сама понимаешь — у нас будет непростой Поиск сегодня...

Она скрылась за дверью-ширмой, расшитой знаками неведомого Анне языка. На несколько минут Травница осталась наедине с собой. И — с Домом.

Он был, как всегда, странен — Дом Видящей. Был он словно необитаем — пуст и чист, прибран, словно приготовлен к расставанию. Анне казалось, что Видящая в Доме жить и не собиралась, а просто навела в нем порядок, накинула чехлы на старинную мебель, а сама обосновалась в небольшом, больше похожем на затейливую антикварную лавчонку кабинете. А может, он больше походил на какую-то мастерскую — этот кабинет. Анна часто бывала в нем и хорошо помнила его внутреннее убранство.

Там — этажом выше — на низеньких лавках-столах были разложены и разбросаны предметы странные и никому, наверное, в Сумеречных Землях не известные. На полках стояли книги в причудливых переплетах, а в стенах мерцали экраны, в которых то ползли непонятные узоры, то возникали какие-то знаки и видения. Странное то было место.

А здесь, в пустом, светлом зале не было ничего, кроме нескольких лавок из потемневшего от времени дерева вдоль стен. Да еще на стенах висело несколько по шелку выполненных картин, вставленных в простые рамы, тоже почерневшие, словно закопченные. Изображали картины, должно быть, пейзажи, существовавшие в тех, других Мирах, что — Извне... На других полотнах — тоже выполненных в необычной, нездешней манере — Анна видела цветы, растения, животных — тоже не таких, как здесь, — чужих...

Особенно долго рассматривать убранство зала — и без того ей хорошо знакомое — Анне не пришлось. Тихое, но хорошо различимое в тишине покашливание, исходившее откуда-то от двери на веранду, привлекло ее внимание: там из-за серой портьеры высывалось крошечное личико слуги-каина. Анну приглашали пройти на балкон, где ей подан завтрак.

Травницу всегда разбирало любопытство — хотелось хоть раз подсмотреть, как каины управляют с хитрым искусством сервировки стола для хозяйки и ее гостей. Анне представлялось, что лесные крохи никак не могут обойтись в этом деле без какой-нибудь — гигантской по их масштабам — машинерии. Без каких-нибудь лебедек, полиспадов,

подъемных башен, в общем всего такого, что можно повидать на строительстве замка, крепости или собора. Но всякий раз прислуга Видящей успевала сделать свое дело, не показываясь на глаза посторонним. И всякий раз результаты их незримой и бесшумной активности являлись ей в сиянии полной законченности и таинственной завершенности.

Как вот сейчас. Словно вышколенной горничной накрытый стол. Гренки, ветчина, суфле и чай на травах. Разумеется, скрупулезно заваренный по ее — Травницы — рецепту.

Именно здешние травы и их секреты свели Анну-Травницу с Марикой Видящей След. Е ту пору — теперь уже довольно далекую — Марика была еще новичком в Мире Молний и даже с помощью доставшегося ей во владение Малого Народца трудно приживалась в Сумеречных Землях. Анна-Травница, Меченная Мглой — замкнутая обительница заброшенных скитов и зимовий — неожиданно для себя самой, как и для остальных двоих Меченных Мглой, сошлась с Марикой Видящей След, Пришлой колдуньей из Новой Пятерки. Сейчас они уже могли считаться близкими подругами.

Дружбой своей Анна не злоупотребляла. По-прежнему на девять десятых их разговоры были посвящены особенностям разной целебной зелени Сумеречных Земель. За годы общения Марика и Анна всего несколькими словами обмолвились о тех силах, что стояли за каждой из них. Ни обо Мгле, ни о Магии Предтеч всуе говорить у них было не принято. Обс они неукоснительно соблюдали это правило. Сегодняшний день был исключением.

К поданным блюдам Анна притронулась больше из вежливости, чтобы не обидеть хозяйку. Она очень странной находила это обыкновение Пришлых — с утра накидываться на обильную, тяжелую еду, словно специально для того чтобы убить часы утренней рассветной легкости ленивой сонливостью, источаемой плотно набитым желудком. Чай же был заварен на удивление умело, и Травница, не торопясь, маленькими глотками чашку за чашкой опустошила весь чайничек, в котором был подан настой.

Настой тот действительно оказал на Анну свое действие — накопившаяся за бессонную ночь усталость покинула ее. Травница обрела ясность сознания, а дух ее исполнился утренней бодрости.

Появившаяся на балконе Марика застала гостью уже вполне готовой тронуться в путь по тропам Худых лесов. Сама Видящая — в удобном, слегка потертом дорожном наряде, при легком рюкзачке, закинутом за спину, — была почти неотличима от обитателей этих краев.

Им не потребовалось много времени на то, чтобы собраться в путь. Уже через полчаса тень Леса поглотила их.

* * *

— Видите? — прервал долгое молчание всадник, указывая на вершину небольшого холма, который начал неожиданно вырастать перед путниками словно ниоткуда. На вершине этой находился довольно уютного вида дом.

— Это — мой дом, — объяснил Русу всадник. — Вы будете моим гостем. До тех пор, пока мы не поймем, кто вы такой.

Рус уже успел догадаться, что гостеприимство незнакомца отличается весьма заметным своеобразием.

С момента их встречи прошло уже немало времени, и они успели основательно удалиться от той лесной опушки, где эта встреча произошла, но представиться друг другу

успели только наполовину. Рус назвал себя и без особых церемоний объяснил, что направляется к Скальным Храмам для встречи с человеком, который его ждет.

На что всадник, почесывая за ушком черную пушистую тварь, устроившуюся у него на плече, высказался в том духе, что для всех будет только легче, если они продолжают движение вместе. К сожалению, он не может предложить господину Рядову коня, но путь недалек, и если тот не откажется подержаться некоторое время за стремя, то они без проблем смогут позавтракать обсудить интересующие их вопросы в более комфортабельной обстановке. Себя называть всадник и не подумал. Поэтому, а может, и по какой-то иной причине свой не слишком долгий путь по довольно широкой тропе оба они — и гость и хозяин — проделали в молчании.

Собственно говоря, у Руса не было оснований отказываться от приглашения. Во-первых, всадник даже не намекнул на возможность задержать его силой. Да и оружия при нем, похоже, не было. А оружие, которым Центр снабдил Руса, оставалось при нем. Во-вторых, указанное им направление не слишком отличалось от того, в котором намеревался продолжать свое движение Рус. Если бы в намерения так незаметно приблизившегося к нему всадника входило отправить Пришлого на тот свет, то он для того имел достаточно хорошую возможность. И раз ею не воспользовался, то, стало быть, его намерения были другими. Ну и, наконец, просто не стоило обострять обстановку. Если это и был арест, то арест, проведенный в крайне мягкой форме. Вот и сейчас Рус не стал выражать слишком уж большого недовольства этим безапелляционным «вы будете моим гостем до тех пор, пока...». Он только осведомился:

— «Мы» — это?..

Всадник пожал плечами.

— Это я и некоторые другие... Те, кому приходится присматривать за странниками вроде вас. Но лучше мы поговорим с вами в стенах дома. Они — будьте уверены — не имеют ушей. По крайней мере, таких, о которых я не знал бы. А Лес — полон ушей и глаз...

Он снова почесал за ушком черного пушистика, понимающе переглянувшись с ним и скормил зверьку извлеченный из кармана орешек.

У ворот, ведущих во дворик перед жилищем столь гостеприимного всадника, его ожидал преисполненный почтения пожилой слуга, которому спешившийся хозяин передал поводья и своего пушистого подопечного. Зверьку при этом был оказан не меньший респект, чем самому хозяину. Рус же слугою просто не был отнесен к числу предметов, заслуживающих внимания. Хозяин простым кивком предложил гостю заходить в помещение.

Дом был невелик и, судя по всему, выстроен далеко не в этом веке. Внутри он, впрочем, не выглядел ни ветхим, ни заброшенным, как это казалось со стороны. Русу было предложено присесть-отдохнуть с дороги, а заодно и подкрепиться — чем-то вроде плоховато приготовленного рагу и тепловатого отвара, мало отличавшегося по вкусу от кипяченой воды.

Рус окинул взглядом нехитрое убранство комнаты, которая, видно, служила одновременно и прихожей, и гостиной, и столовой, и кабинетом хозяина дома. Хозяин этот явно не грешил пристрастием к роскоши. Обстановка комнаты сводилась к трем табуретам, широкому столу и некоему подобию конторки, где в беспорядке находились бумаги и переплетенные в кожу фолианты.

— Так кому же я все-таки обязан таким гостеприимством? — осведомился наконец Рус.

— Вообще-то, — пожал плечами хозяин, — для здешнего народа я — Антуан Парре, хозяин пары гостиниц на Новом Тракте. Но перед вами мне придется выступать в несколько ином качестве...

— Вы ненароком не из неназываемых будете? — устало предположил Рус.

— Вы угадали, господин Рядов, — с легкой досадой в голосе подтвердил хозяин дома.

Глава 6

ШЕГА ПО КЛИЧКЕ КЛЮЧИК

То, что он не один в Лесу, Николай понял еще во время второй своей ночевки, на которую устроился в странном домишке, расположившемся прямо среди непролазной чащобы. Нет, еще раньше — до того, как он нашел еле заметную тропинку, что привела его к этому домишке. Когда стал замечать, что из чащи, из-под густых кустов, из черной тени причудливых зарослей поблескивают чужим, потусторонним блеском глаза каких-то явно к нему — Николаю Чудину — присматривающихся тварей. Что-то настолько недоброе было в этих взглядах, что, несмотря на голод и усталость, спать Николаю совершенно не хотелось. Он накидал на пол внутри домишки кучу относительно сухой листвы и свернулся на ней калачиком, натянув поплотнее куртку — дурацкая форма охранника «Звездного Берега» все еще была на нем — и приготовился как-то перекемарить здешнюю ночь. Или то, что здесь, в Мире Молний, заменяло ночь. Однако сон его все же сморил. И тут — уже засыпая — он испытал страннейший глюк.

Ему почудилось, что кто-то крохотный протопал совсем рядом с его ухом, будто какой-то маленький зверек. Это было само по себе неприятно. А когда крошечная тьма вдруг пролепетала в то самое ухо — с дьявольски странным акцентом: «Не бойся темноты. Иди с нами...», стало еще неприятнее. Когда тьма советует тебе ее не бояться, это пугает само по себе. Николай погрозил в крошечный мрак пудовым кулачищем, левой рукой нащупал на поясе портативный прожектор — часть комплекта обмундирования охранника «Берега» — и залил пространство перед собой потоком яркого зеленовато-белого света. В правой руке он сжимал пистолет — тот, что отобрал у типа, с которым столкнулся в покоях сэра Лента. Глаза не сразу привыкли к яркому свету, и Николай с трудом понял, что видит перед собой.

После чего обалдел окончательно. Прямо перед ним, заслоняя личико от яркого сияния, стоял крохотный человечек. Человечек ростом в вершок, но затянутый в кожаные доспехи и вооруженный довольно длинным мечом, висевшим в кожаных же ножнах на поясе. Позади него, в полутьме, толклось еще трое или четверо таких же, словно выскочивших из книжки детских сказок.

— Не свети мне в глаза, — попросила его галлюцинация тем же лепечущим голосом, которым только что говорила с ним тьма.

«Так... — отрешенно подумал Николай. — Вот уже и гномики нам мерещатся...» Но на всякий случай направил фонарик в потолок. Теперь вся комнатуха заполнилась более мягким, но неприятно призрачным, мертвенным светом.

— Вы что? — растерянно спросил Чудин. — Вы — на самом деле?.. Вы — г-гномы здешние?

— Если хочешь с нами говорить по-хорошему, — слегка угрюмо сообщила ему настырная галлюцинация, — то спрячь оружие. И слова «гномы» при нас не говори! Мы — каины. Слыхал о таких?

Нет, ни о каких кайнах Чудин ни разу в жизни не слыхал. В чем и сознался, растерянно покачав головой. Пистолет он убрал за пояс.

— Это не важно, — небрежно бросила воинственная кроха. — Давай не будем терять времени. Мы пришли за тобой. Ты ведь потерял дорогу? Мы еле нашли тебя. Но теперь все будет в порядке. Мы отведем тебя к Хозяйке. Она накормит тебя. Ты ведь хочешь есть?

Есть Чудин хотел невероятно. Поэтому он не раздумывая поднялся и стал отряхивать с себя остатки листвы. Фонарик-прожектор он положил так, чтобы тот светил в стену.

— Если накормит, так пойдемте... — согласился он. — А она — Хозяйка ваша... Она что — тоже?..

— Не задавай лишних вопросов, — нетерпеливо оборвало его крохотное создание. — Дорога трудная, а нам надо успеть привести тебя в Дом — пока еще Темная Пора... Хозяйка и ее подруга не смогли сами пробраться сюда. Они ждут нас у моста...

* * *

На балконе, открывавшем вид на сад, простирающийся перед Домом Видящей, был накрыт легкий то ли очень ранний завтрак, то ли очень поздний ужин. Несколько видов травяных настоев, три вида пирожков с разной начинкой, здешнее подобие сыра и соус, похожий на варенье (а может, варенье, похожее на соус), — вот, пожалуй, и все. Чревоугодие не входило в привычки Видящей, даже когда ей случалось принимать гостей. Она и Травница тихо перебрасывались малозначащими замечаниями, расположившись в двух придвинутых к столу плетеных креслах. Третье ждало задержавшегося, чтобы привести себя в порядок, Николая.

Он появился, стряхивая с бороды капли воды и настороженно озираясь.

Марика произнесла традиционное:

— Здравствуй, Гость... Садись и угощайся.

После чего перешла на «вы».

— Надеюсь, вы не в обиде за то, что ваше оружие пока побудет у меня под замком? Там оно в полной безопасности, а нам всем будет спокойнее...

Марика произнесла это на том наречии, на котором всегда говорили между собой Пришлые. Оно не слишком отличалось от того говора, что был в ходу в Сумеречных Землях, и Анна хорошо понимала ее, хотя на слух диалект этот был ей странным.

— Здравствуйте, мэм, — как можно более вежливо отозвался Николай и без долгих церемоний грузно опустился в кресло и принялся за пирожки. — Разрешите представиться, — произнес он несколько невнятно по причине набитого рта, — Чудин Николай Николаевич. Э... Предприниматель. Насчет ствола моего я не волнуюсь. Палить я ни в кого вроде не собираюсь.

— Марика, — коротко представилась Видящая. — Марика. Карой. Моя профессия — видеть судьбу вещей. В основном — их прошлую судьбу. След.

Николай потряс головой.

— Вы... э-э... розыском пропаж занимаетесь, что ли, мэм?

— В некотором роде... Я неправильно сказала — профессия. Это называется — Дар. Розыск пропаж и объяснение появлений — тоже. Вот вроде вашего тут... Заодно опекаю Малый Народец. Я, видите ли, одна из Пятерых. Это — такой союз...

— Ах Дар... — пробормотал гость.

Марика чуть удивленно заломила бровь.

— Вам знакомо это понятие? Вы, должно быть, побывали на Джее или на Шараде? Впрочем, давайте по порядку.

Она пододвинула свое кресло ближе к столу и уставилась в глаза гостя испытующим

взглядом. Довольно доброжелательным взглядом.

— Кто вас сюда послал, Николай? Кто и зачем? Здесь плохие места для случайных прогулок...

Николай как замороженный, не отрывая взгляда, созерцал бурную деятельность каинов — внизу, на лужайке те производили что-то типа генеральной уборки. Лужайку они явно вознамерились превратить в культурный газон.

— Так, стало быть, вы у них за главного? — рассеянно осведомился он, словно пропустив мимо ушей заданный вопрос.

Потом тряхнул головой, будто сбрасывая сонную одурь, и перевел взгляд на Видящую.

— Видите ли, мэм... Вы уж простите, но я для начала сам кое о чем хочу у вас спросить... Вы, я вижу, человек в этих краях не последний... И, может, знаете такого... Целителя... Его еще Гуго Глоссом зовут...

— У вас, Николай, к нему дело? — вопросительно склонила голову набок Марика.

«Как это похоже на Пришлых, — подумала Травница. — Они разговаривают друг с другом вопросами. И очень не любят давать ответы».

— В некотором роде — да... — пожал плечами Чудин. — Действительно — дело... Если тут что-то не так... Если вы на этого господина смотрите косо, то...

— Может быть, — осторожно предположила Марика, — вам нужен просто Целитель? Не господин Глосс, а именно Целитель? Или вообще кто-то из нас, Пятерых? Вы слыхали с здешних Пятерых, Николай?

— Да так... — неопределенно протянул Затейник. — Кое-что... Только вот мне именно Гуго Глосса назвали.

Марика огорченно вздохнула и слегка развела руками.

— Вам не повезло, Николай. Глосса здесь уже нет. И никого из его Пятерки — тоже. Одни ушли дальше, с другими — случилось всякое...

— Дальше — это куда? — Опасливо поинтересовался Николай.

Вопрос этот вызвал у Марики спазм какого-то мрачного веселья.

— Знаешь, мне самой хотелось бы знать — куда! И самое скверное в том, что у меня есть шансы самой узнать это...

Она подавила судорожный вздох и отвернулась.

— И Глосс... Он тоже отправился дальше?

Голос Чудина стал тревожен и глух.

— С ним случилось... странное, — торопливо и неопределенно ответила Марика и поднялась на ноги.

Зябко поправила заброшенную на плечи ветровку.

— Вот что... Мне кажется, что вы влипли в довольно сложную историю, господин Чудин. В сложную и довольно для вас опасную. Если угодно, можете не доверяться мне. И если вы еще на кого-то можете положиться в этом Мире, дело ваше. Но если вы намерены полагаться только на собственные силы, то считайте, что пропали. Я... Точнее — мы... Мы можем вам пригодиться, господин Чудин. Мы — это Пятеро. Новые. Другие. А вы уже догадываетесь, что Пятеро кое-что значат в этом Мире и на этих Землях. Лучше, если у вас не будет от нас секретов. Я имею в виду — секретов, связанных с вашим тут появлением. Выкладывайте напрямую — что привело вас сюда?

Николай потер нос тыльной стороной ладони. Поморщился. Отодвинул опустевшую посуду.

— В открытую, так в открытую... Только это — довольно путаная история, мэм. Впрочем... Вы ведь, по всему судя, не здешняя... Если позволите догадаться откуда, то...

— Не тратьте зря времени на догадки, господин Чудин! — остановила его Марика. — Я — с Джея. Родилась там и выросла. Будет случай — расскажу о себе подробнее... Но сейчас — о вас речь, Николай Вы уж разрешите к вам — по имени... Так что не бойтесь, что вас не поймут. Если чего не пойму — спрошу, будьте уверены. Ладно, чего не хотите — не говорите. За язык вас не тяну. Вам же хуже.

Николай откашлялся. Снова потер нос. Посмотрел на начинающийся дождь за окном. Потом заговорил. Хрипловато и глухо. Иногда запинаясь и с трудом подбирая слова.

— Я сюда, к вам, мэм, пожаловал прямиком из мест, как говорится, не столь отдаленных. С Фронтира. Это ничего, мэм, что я не в ладах с законом? Был и, положив руку на сердце, признаюсь — так не в ладах и остаюсь...

— Если вы про Закон Федерации... — Марика равнодушно дернула плечом. — Тот Закон остался там — за Небесами. Здесь все по-другому. Постарайтесь поскорее понять, что здесь и как. И быть честным. В отношении к нам, по крайней мере...

Гость нервно сглотнул и пригубил травяной настой.

— Так про что я? Ах да — Фронтир... Исправлагеря... За что и как я там срок мотал, я с вашего позволения, мэм, излагать не буду. Это к делу совершенно не относится. К делу пацан относится. Шега... За ним я сюда и пришел.

— Пацан? — Марика удивленно подняла бровь. — То есть мальчик? Ребенок? Это что — ваш сын? Как он мог сюда попасть?

Николай досадливо крикнул и почесал в затылке.

— Можно сказать, что и так, мэм. Сын. Только — не родной... У людей вроде меня, мэм, — у таких, которым что ни день — срок ломится, — семей, как правило, не бывает. И если и бывают у такого народа родные дети-внуки, так мы, мэм, никогда почти о них ни сном ни духом не слыхивали. С таких отцов, как я, скажу вам честно, ни алиментов, ни даже памяти путевой ждать не приходится. Тут не в том дело.

Он запнулся.

— В общем, так... Дело было на Шараде. Я тогда кое-какие — дела в Транзитной фактории имел. Там и жил — в гостинице, разумеется. Вся Транзитная, считайте, мэм, — одни только сплошные гостиницы да посольства с консульствами... Встретились мы с Шегой впервой, когда он у меня товар увел...

* * *

И действительно: встреча этих двоих — старого и малого — была окрашена отнюдь не в идиллические тона.

Собственно, встретиться они и не должны были вообще. По крайней мере, Шега на тот момент вовсе не мечтал встретиться с владельцем тяжеленного кейса, который ему удалось выудить из камеры хранения Северного Терминала Транзитной фактории. Николай же в тот самый момент был еще совершенно не в курсе, что уже благополучно избавлен от этой части своей добычи, честно изъятой им у заезжего специалиста по контрабанде ворованных драгоценностей. Так что и у него не было оснований стремиться ко встрече с Шегой. Однако их встреча состоялась.

Виной тому была свойственная Бенджамину Бриллеину (известному среди русской диаспоры Транзитной фактории как Беня Брыль) дурацкая инициатива. Инициатива эта выразилась в том, что в одну прекрасную ночь — в первом ее часу Николая разбудило залиvistое пение валявшегося в изголовье его дивана мобиьльника. Свой код канала связи Чудин доверял не многим, и, стало быть, тревожить его в столь поздний час могла только какая-нибудь скотина из числа особо близких друзей. И точно — в трубке затараторил прерываемый торопливым придыханием голос Бени. Голос этот нес какую-то чушь про некую возможность, упускать которую ни в коем случае не следовало. Минут через пять обмена раздраженным, но совершенно невразумительным мычанием с одного конца провода и горячечной скороговоркой с другого один из участников этого обмена (Николай) наконец понял хоть что-то. А именно то, что ему второпях пытаются втюхать для дальнейшего сбыта прекрасную коллекцию ювелирных изделий старой работы. При этом обещают неплохой процент от предстоящей сделки.

Второй участник переговоров сперва был информирован о том, что подобные сделки в данный момент Николаю и на фиг не нужны. Но затем в душу Затейника вкралось нехорошее предчувствие.

— А ну, — скомандовал он Бене. — Давай-ка сюда — ко мне в номер. С причиндалом этим. И бегом. Скачками!

Чудин перешел в положение сидя и энергично потряс головой, сбрасывая сон. Ему было над чем подумать сейчас. Черный рынок тесного мирка транзитных гостей Шарады Затейник знал лучше, чем содержимое своих карманов. А уж и вовсе узкий сектор торговли антиквариатом представлял себе во всех деталях. И если в этом секторе совершенно неожиданно возникает набор антикварных брюликов... Тем более если брюлики эти явно жгут руки даже такому тертому калачу, как Беня Брыль, то... То что, собственно говоря, это значит? А значит это то, что либо в игру вошел кто-то ранее ему — Затейнику не известный, либо...

Реализовалось именно оно — это второе «либо».

* * *

После того как порядком запыхавшийся Беня с суетливым достоинством разместил свой товар на журнальном столике — перед суровым взглядом Чудина, все стало предельно ясно. Оторвав взгляд от чарующего блеска мерцающих в приглушенном свете торшера «стекляшек», Беня узрел прямо перед своим носом нечто еще более впечатляющее — зрачок пистолетного дула. Зрачок этот был суров и скептичен.

Беня с трудом оторвался от этого поразительного зрелища и встретился недоуменным взглядом со стариной Ником-Затейником. Легче ему от этого не стало.

— Т-ты что? — ошарашенно выдавил он из себя. — Т-ты чего, Ник?! За тобой ведо отродясь такого не водилось...

— Чего это такого за мною никогда не водилось? — голосом, не предвещавшим ровно ничего хорошего, поинтересовался Николай.

— Да т-такого, — борясь с нервическим заиканием, отвечивал Беня, — т-такого, чтобы ты с-своих дрючил! Т-тебе это...

— Вот как? — все тем же многообещающим голосом прервал его Чудин. — Это я-то

кого-то дрючу? А вот мне сдается, что кто-то хочет мне впарить мой же товар! Да еще и поиметь денежки от его реализации! И вот что, Бенджамин: если ты сейчас же как на духу не выложишь мне, каким образом во это вот все из моего сейфа в Терминале переехало к тебе лапы...

— Из с-сейфа?.. В Т-терминале?.. — переспросил Брыль, начиная наконец хоть что-то понимать. — М-может, ты еще номер ячейки мне скажешь?

— Скажу, — с тихим бешенством в голосе заверил его Николай. — Зет — восемьсот восемьдесят четыре. Это тебе хоть что-нибудь говорит?

Беня с тяжелым вздохом опустил в кресло и уставился на Ника выпученными глазами.

— Похоже... — пробормотал он, — похоже, что чертов малец здорово подставил нас...

— Какой еще малец? — с досадой осведомился Николай, убирая пушку от греха подальше — в накиннутую поверх пижамы наплечную кобуру.

Ответ на этот вопрос занял у него довольно большой кусок жизни. По крайней мере, он таким ему показался — этот кусок.

* * *

— Ну, — продолжил свой рассказ Николай, — Брыль со мной долго чикаться не стал, понял, что — извините за худое слово, мэм, — в дерьмо влип... С брюликами-то на руках заявился Гарри Люс — тот еще тип из молодых... Погонялово у него Овечка было. Чтс характерно. Но ума у него хватило, чтобы понять, что самому ему — в одиночку — товарец этот толком сбыть не удастся. И покупателей на такое он не знает, и подкатиться к уважаемым людям не сможет. А если и подкатится, так или обшпоают его начисто, или просто-напросто «стекляшки» экспроприруют, а самому по голове настучат. А то, чего доброго, грохнут под шумок и скормят сельскохозяйственным животным. И такое бывало, мэм. На худой конец, копам сдадут... Так что, хоть умом он, как я уже сказал, в мутона пошел, а сообразил, что кого-то из тертого народа надо в долю брать. Ну и вылез на Беню. Тот, мэм, и вправду человек с опытом. И первым делом Овечку принудил рассказать доподлинно — откуда у него столь ценные вещицы. Потому что одно дело, если он просто квартирную или какую другую кражу учинил у каких-то раздолбаев, что брюлики на виду оставили. А совсем другое — если замочил кого... И только потом на меня вышел. Потому что знал, что на меня положиться можно. И что только я знаю, кому на Трассе можно за хорошие деньги сбыть такой товар.

Николай перевел дух и отхлебнул травяного настоя.

— Ну, в общем, тот, конечно, крутил-крутил, а наконец свой секрет выложил. И сообщника своего Бене сдал. А оказался сообщник этот малым пацаненком. Звать — Шега. Там это часто — имя есть, а фамилия вроде как и не нужна вовсе... Особенно у найденьшей. Или брошенных. И кликуха у него была — Ключик. Он, понимаете, мэм, и вправду ключиком оказался. Там — на Шараде — с детьми переселенцев такое бывает... Я — про тех, которые подцепили Дар какой-нибудь...

Тут Николай снова опасно глянул на Марику. Та и виду не подавала, что приняла не слишком уважительное «подцепили» на свой счет.

— В общем, в тех краях так бывает... — стал объяснять Николай. — И бывает с теми из детворы, кто без особого присмотра живет. Или с компанией какой дурной связался... Или

вообще в бродяжки подался... Не с каждым, конечно. И не с одним на сотню... Реже. Гораздо реже... Ну, словом, заносит таких в разные странные места. Там с ними такое и случается. Или встречают они странных людей. И не только людей, может быть... Знаете, они обо всем этом рассказывать не любят. Темнят... Ну, а те, кто с такими — Дар обретшими — постоянно дело имеют, так те, наоборот, от себя слишком уж добавляют. Короче, у таких вот неприкаянных бывает, что и прорезается эта штука. Одни зверей заколдовывать могут, другие судьбу предсказывать. Или вот, как у Шеги, — способность с замками дружить. И с другими всякими механизмами... Или, говорят, страшная такая штука бывает — порчу и смерть накликают. Посмотрит на тебя косо такой паренек — и кирдык! Самопроизвольная остановка сердца. Инсульт, паралич или какая другая зараза...

Чудин глянул на слушательниц в надежде на понимание. Понимание было.

— Ну, я лучше — про то, что Шега умел... Это древняя такая штука — Дар подчинять себе всякую механику. Хотя я неправильно сказал, мэм... «Подчинять» — не совсем то слово. Наверное, лучше сказать будет — они, у кого такие способности прорезались, умеют как-то с механизмами этими ну что ли в единое целое сливаться... Чувствуют ее — механику эту... Ну — не важно, в общем, как это получается, только у Шеги такой Дар был. Он уж потом понемногу-потихонечку мне о том порассказал, как это все у него сложилось-получилось.

Теперь лицо Чудина стало совсем другим. Напряженное беспокойство уходило, а на его место приходила какая-то отрешенная углубленность. Погруженность в себя. Трудно сказать, что успокоило его — травяной настой или воспоминания, которым он предался.

— Понимаете, мэм, — продолжил он, — оказалось, что Шега был из Проданных. Есть там такие. Они не то чтобы рабы... На рабство всюду запрет. Ну, и на Шараде тоже. Оно и действительно сроду никому не нужно. Кому, мэм, кроме одичавших горцев из Заброшенных Миров взбредет сегодня в голову содержать на своей шее раба? Да еще и откупаться за это идиотство от закона? И от этого закона еще и прятаться? Нет... Не знаю, как у вас тут, а на Шараде все сильно посложней будет... Просто малолетний работник — он на фиг, извините за грубое слово, мэм, на фиг, говорю, он кому там сдался. Только с профсоюзом за него судиться. Геморроя в жизни и без того хватает, думается мне... Но на таких вот детишек, к которым Дар какой-нибудь прицепился, там — в тех краях — настоящая, мэм, охота идет. А раз охота идет, так и охотники есть. Потому что есть на мальков этих спрос. Разный спрос, мэм. Разный.

Марика молча налила гостью свежую порцию настоя и всем своим видом показала, что слушает его внимательно.

— Ну, например, — продолжил тот. — Всякая мелкая шушера вроде Бени Брыля готова «пенками» довольствоваться. Использовать мальчика в качестве отмычки — и дело с концом! Или как гадалку. Или если исцелять может — то кабинет подпольный открывают... А то и киллером делают. Я ж говорил вам про таких... Э, да что там! Всяко-разно ими пользуются. Но не так чтобы долго. Вычисляют их быстро. Или полиция, или — и это уж точно — те из охотников, что работают на шефов покрупнее. На тех, что знают, как из этих мальцов извлечь чего-то гораздо помасштабнее, чем сейфов вскрытие... Ну, всяческие специалисты, которые из таких вот Даром наделенных парнишек и девочек целые бригады создают и заказы потом принимают от тех, кто хорошо заплатить может, — на самые разные дела. Есть и другие — из местных уже. Из коренных обитателей Шарады. Тех, что не в Транзитной фактории обитают, а в Анклавах живут. Те посерьезнее будут... Их по-разному там

называют. Чаще всего по старинке — магами. Такие мальцов одаренных в обучение, понимаете ли, мэм, берут... И тогда ждет их судьба, скажу я вам, интересная, но вовсе уж не человеческая. Одни так весь век и остаются у колдунов этих в услужении и, бывает, их, так сказать, бизнес наследуют. Другие, выучившись, бродить подаются. Часто в истории разные влипают. Те, у кого голова дурная. Бывает, что в «казенный дом» попадают, а бывает, что и на костер, мэм... Это ж ведь только в Транзитной фактории федеральные законы действуют. А там, в Анклавах, все по-другому... А бывает, что к какому-нибудь из правительств на службу идут.

Николай задумчиво крутил в руках опустевшую чашку.

— Но все они, мэм, — и те, и другие, и третьи — рискуют на науку нарваться. Есть на них, на мальцов, Даром наделенных, еще крутые покупатели. От лабораторий да институтов — Спецакадемии, Комплекса, Дальних баз... Ну и от всяких заведений и фирм, чтс поменьше. Эта публика и взрослых носителей Дара к себе заграбастать пытается тоже... Но те-то — люди самостоятельные и что к чему понимают... Господам спецученым, мэм, не магия сама по себе нужна. В смысле не чистый результат. Этим интересно, как это все работает. Потому они носителей Дара и изучают... У них — свои методы. Говоря коротко, мэм, если им покажется, что для пользы дела носителя Дара надо на кусочки порезать, так порежут, не моргнув глазом. Не сомневайтесь, мэм...

Судя по выражению лица и неторопливой, уверенной манере речи, гость знал что говорил.

— Нет, мэм, разумеется, они все это делают не просто ради удовлетворения собственного любопытства. Им за их работенку баксы плывут. И баксы немалые. От тех, кто в Обитаемом Космосе к власти рвется, как вот ребята с Харура. Ну и от тех, кто разработки по военной науке финансирует. Они на то, чтобы от Магии хоть кус малый урвать, любые денежки выложат. Их у них хватает. Так что охотничкам для них есть ради чего стараться.

Чудин поставил чашку на стол, уперся локтями в колени, а на сведенные в замок кисти рук водрузил свой уже украшенный пробивающейся иссине-черной щетиной подбородок.

— Ну, короче, вы уже поняли, мэм, что на Шараде для мальчика, а тем более для мальчика бездомного нет хуже несчастья, чем этакий вот Дар подцепить, — вздохнул он. — Ну так я и решил Шегу — пацана этого — под свое крыло взять. Правда, должен признаться, не сразу решил. Далеко не сразу. Только когда с мальцом поближе сошелся. И только тогда, когда понял, что Брыль с Овечкой удумали. Впрочем, чего тут понимать и до чего догадываться — верно, мэм? Разумеется, они Ключиком торгануть решили. Только вот покупателя понадежнее с лопатником потолще сразу найти не смогли. Ну так ведь и опять же ко мне на поклон прибежали.

Чудин не без гордости усмехнулся.

— Потому что я об этих делах знал впятеро больше их, всех вместе взятых. И потому что без меня они могли бы солидно подзалететь на этой истории. Что верно, то верно — имел я кое-какие связи и с Магами тамошними, и с людишками хитрыми, теми, что для науки диковины всякие на Шараде скупали... Разные связи, мэм. Только вот не по части торговли людьми.

Николай поморщился и стал наполнять свою чашку из услужливо пододвинутого ему чайничка.

— Что до меня, мэм, так не по душе с самого начала затея эта была. Людьми торговать — это не дело вовсе. А уж несмышленных мальцов в рабство или на смерть отправлять — так

это совсем уже наипоследнее, простите за худое слово, паскудство. Но и вразрез с тамошней братвой идти — дело гиблое. Так что решил я на хитрость пойти и свой план на этот счет измыслил. Правда, такой, что, как говорится, по исполнению мне на Шараду путь уж точно заказан был бы...

Он покачал головой, сосредоточенно глядя на поверхность темно-янтарного настоя в своей чашке.

— Потому что это лучше — извините, мэм, — задом незащищенным на горячую сковородку присесть, чем тамошней братве в руки залететь, после того как братву эту — уж снова меня, мэм, за худое слово простите — объегорить... Особенно тем макарон, что я придумал.

Он пожал плечами.

— А впрочем, ничего особого я и не придумал: просто решил время потянуть. И за время это с помощью Дара, что Шега достался, прикопить деньжат решил на порядочные для нас ксивы и на рейс — в какой-нибудь мирок поспокойнее. Типа Океании. А может, и в самую Метрополию. Ну уж а там мальчика от дел моих в сторонку отвести и как-то по-хорошему пристроить. К людям порядочным — из тех, что с законом дружат. Потому что со мной — ну какая это ему жизнь будет? Верно, мэм? Над Шегой я вроде как шефство учинил. Забрал его от уroda этого — Гарри-Овечки. Комнатенку ему нашел почище, придел как следует. Бенья и Гарри, понятное дело, не в восторге от всего этого были, но допетрили, что для пользы дела так лучше. До конца-то я им, конечно, не раскрылся...

* * *

Собственно, повлияло на решение, принятое Чудиным, странное сходство судеб — худенького, угловатого мальчишки Шеги по кличке Ключик и его собственной. Оба не помнили своих родителей и так никогда и не узнали, что случилось с ними. Оба с улицы попали в лапы лихих людей. Только вот никакого Дара Николай нигде не подцепил. Вместо этого за плечами у него была солидная криминальная «школа повышения квалификации» — тьюрга для малолетних.

А вот Шега с миром исправительных заведений Федерации Тридцати Трех Миров еще не успел познакомиться. На его долю выпало знакомство с другой стороной жизни, с какой познакомиться можно было, пожалуй, только на Шараде.

* * *

— Понимаете, мэм, — продолжал свой рассказ Чудин, — я так прикинул, что, по всему судя, не должны были его родители быть сволочами... Не хочется мне так думать. Так же как и про своих. Просто где-то лихие времена тогда наступили. Сгинули они во время какой-то заварушки скорее всего. А Шега остался у кого-то на руках обузой. Как его на Шараду занесло — бог весть. Должно быть, попал мальчишка к кому-то, кто в те края переселялся. И этот кто-то, чтобы уж совсем на произвол судьбы ребенка не бросать, отдал его в Новый Приют. Это такое заведение поблизости от Транзитной фактории. Уже не сама Фактория, но еще и не Анклавы.

Гость повертел в воздухе рукой, пытаясь придать ясность своим словам.

— Он, вообще-то, только с той поры себя и помнит. А что до того было — все ключьями, все в тумане... Что раньше в каком-то большом доме жил, что по лесу гулял с добрым дядей каким-то. Потом — что везли его куда-то, что прятали в темных подвалах. Еще помнит, как на корабле летел. Но на каком и откуда — не помнит совершенно. Помнит только, что чужие люди им занимались, а он их все про маму спрашивал — когда она вернется? А они ему не отвечали. И что за добрый дядя его по лесу водил, и что за люди его прятали — не осталось в памяти. Он себя только в Новом Приюте сознавать начал. И то — есть провалы в памяти его о том месте...

Николай нахмурился, собираясь с мыслями.

— Вы, должно быть, не в курсе тамошних дел, мэм... Скажу только, что за этим Новым Приютом в Транзитной среди народа сведущего худая слава тянется. Вот и Шега странное о нем вспоминает... То есть если со стороны посмотреть, так все, как говорится, путем там было. И учили малышню приютскую счету-грамоте, и к чистоте-порядку приучали. И к тому, чтобы вообще по уму жить. И содержали их хоть, как говорится, по-спартански, но не совсем уж и в черном теле. Только...

Тут Чудин задумчиво поцокал языком.

— Только во всем том какое-то двойное доньшко имелось. Ну вот, к примеру, рассказывал малец такие вещи. Учились они там в группах — человек по двенадцать-пятнадцать, по возрасту подобранных, по способностям. Но были у них и такие уроки, на которые их разводили человека по три. А иногда один на один с учителем занимались. Если, конечно, то учителя были — те странные люди, что работали с ними. Они, кстати, и учителями не назывались. А Наставниками...

Николай поморщился, словно на язык ему попало что-то кислое. И продолжил.

— В общем, так и не смог Шега мне толком объяснить, чему его на этих странных занятиях обучали. Помнил только, что много было тестов разных. И еще — что гипноз на нем испытывали. Или что-то очень похожее на гипноз... И есть у меня подозрение, что не только гипноз и психотехники разные там на детишках отработывали. Потому что, когда рассказывал мне Шега про то, какие сны да видения к нему приходили после тех занятий, так мне очень даже хорошо припомнились те штуки, что ребята, которые галлюциногенами баловались, рассказывали... Помнил он еще, что возили его и еще нескольких пареньков постарше в странные места какие-то. Но тут тоже все путается. Не всегда Шега знал, что из ему запомнившегося действительно с ним было, а что — сны, да гипноз, да галлюцинации одни... Но одного из Наставников этих он запомнил так, что, думаю, вовек не забудет. Он, собственно, так только его и называл — Наставник. Ничего другого про него не говорил — стар тот или молод, светел или черен, зол или милостив. Одно только повторял: «Все обо мне он знал. Даже то, чего сам про себя не знаю...» Вот такой вот страшный тип в душу ему запал, мэм. Он у Шеги и обнаружил Дар — живой отмычкой служить.

Николай потер лоб и снова поморщился, словно глотая горькое лекарство.

— А особо ему какое-то место запомнилось... Такое, о котором он долго рассказывать не хотел. Но и в себе эту память носить боялся. Такое с людьми бывает: случится с тобой что-то такое, о чем никому рассказывать не стоит, ты и молчишь. Только память тебя гложет и гложет. До тех пор, пока не выложишь всю эту историю первому встречному. Ну, или не совсем первому, а во г. как у нас с Шегой получилось — тому, кто первый к тебе отнесется по-человечески. Я, мэм, доброго дядюшку из себя не корчил и розовых, извините, соплей не

распускал. Просто не упустил случая объяснить мальцу, что к чему на этом свете. Ну и, конечно, планами своими поделился немного погодя. Вот тогда он и стал мне всякое такое... сокровенное о себе рассказывать. Тоже делиться стал — тем, что него на душе. И про это свое воспоминание... Или про сон — тоже... Это когда мы с ним как-то раз на природу, к реке выбрались да ближе к ночи костерок развели — он про это и заговорил.

Николай решительно отставил в сторону опустевшую чашку и жестом показал хозяйке, что больше наливать не надо.

— В общем, так... Его Наставник однажды пришел за ним поздним вечером. Ночью уже. Пришел и сказал, что им нужно побывать в одном месте. Вдвоем. Что Наставник доведет мальчика туда на своем «ровере». Что он — Наставник — долго ждал, когда Шега будет готов к тому, чтобы в том месте побывать. И теперь видит, что тот готов. И медлить нельзя.

Николай помолчал, сразу как-то потемнев лицом.

— Они туда долго добирались, — продолжил гость после почти полуминутной паузы. — Почти всю ночь. И поутру выехали на побережье. В дюны. Там — во сне том или в мороке — только дюны ему и запомнились. Только песок холодный под ногами. И ветер холодный. И небо над головой тоже холодное, серое... И море до горизонта мглой подернуто. Холодное и серое. И лес невдалеке — редкие такие деревья. Без листьев.словно мертвые...

Там Наставник остановил машину, открыл дверцу и приказал: «Иди туда, в лес... Там сам все поймешь...»

И Шега побрел к лесу. Побрел, ежась от холодного ветра, утопая по щиколотку в ледяном песке, к теряющимся в сумраке угрюмого рассвета черным деревьям.

Николай поехал, словно тот ветер из зыбкого мира снов мальчика добрался до него здесь и пробился под плотное сукно бушлата.

— Вроде ничего страшного, мэм, малец и не рассказывал. Но... Каждый раз как вспомню, как он сидит, колени ладонями обхватив... Весь из себя тоненький такой, напряженный, а глаза — большие, и слезы в них стоят... Сам глядит на огонь — и словно не видит его... Словно зверек маленький перед змеей... Ну я его и спросил — что было с ним там, в лесочке этом? А он молчит и только на огонь смотрит... А потом отвечает — рассеянно так: «Я там заблудился. И остался там. Навсегда». Я, помню, переспросил тогда: «Как это — навсегда? Хочешь сказать — на всю жизнь?»

Он глянул на Марику, словно ища у нее поддержки.

— Понимаете, я тогда подумал, что малец немного того... Умом тронулся после всего, что с ним в Приюте том сотворили. Должно быть, Шега это понял. Но взгляда от огня все оторвать никак не мог. Только повторил: «Навсегда». И я, знаете, так и не смог понять — возражает он мне или со мною соглашается... «Ты же, — говорю, — сейчас со мною здесь, у костерка сидишь. Живой и невредимый. Значит, выбрался ты оттуда, из леса того. В нем не остался...» А он на меня посмотрел как-то странно и кивнул: знаете, мэм, так вот, как мы иногда детишкам неразумным киваем. Когда о чем-то таком толкуем, чего им, малолеткам, вовек не понять... И сказал: «Это... совсем другое...» Потом помолчал еще немного и добавил: «Мне и сейчас еще он снится — этот лес... Будто я все брожу и брожу там с тем парнем, которого там встретил... И все говорю и говорю с ним...»

Чудин нахохлился в своем кресле и озадаченно поскреб бороду.

— Я, помнится, даже опешил, — продолжал он. «С каким, — говорю, — парнем?»

Малец помолчал, подумал-подумал и говорит: «Он еще раньше меня туда забрел. Давно... И я хотел... Мне надо было его оттуда увести... Но... Он тоже — все еще там, в том лесу...»

Николай потер лоб и искоса глянул на Марику.

— Я даже не знаю, мэм, зачем я вам так все это расписываю. Потому что зыбко это все. Кажимость одна...

— Не беспокойтесь, господин Чудин, — успокоила его Видящая След. — Здесь все — тоже зыбко. Нам с вами придется иметь дело с вещами... с вещами весьма двусмысленными. Продолжайте. И будьте уверены в себе.

Николай снова потер лоб и откашлялся.

— Словом, страх мальцом овладел. И перед Наставником своим, и перед теми делами, что в Приюте том творились. И он в бега подался. А что для пацана двенадцати годков от роду означает в бегах жить, да еще в Транзитной фактории, будь она неладна? Это, мэм, означает, что попадает он прямехонько в лапы к Гарри-Овечке. А то и к кому похуже. Это еще очень повезло ему, что я его перехватил...

Николай тяжело вздохнул.

— Ну вот так мы и действовали. Таким вот путем... По моему, одним словом, плану... Было у меня на примете несколько людишек, которых от лишних денежек можно было избавить — без шума и пыли. Все такого сорта пройдохи, что в полицию им как бы и не с руки обращаться. И все бы так и вышло — самым наилучшим образом. Если бы не прокололся я по-глупому. Бес меня попутал тот чертов «форд» угонять...

* * *

Угон автомобиля не был целью задуманной Затеяником операции. Просто ему на часок-другой потребовалось транспортное средство для доставки небольшого переносного сейфа в такое место, где Шега без помех смог бы поработать с его замками. Брать мальчонку с собой на дело — во взломанный относительно простыми приемами офис, откуда он собирался позаимствовать тот тяжеленный железный ящик, — Николай не стал. Рисковать мальчишкой не стоило.

Самым досадным было то, что забрать из уже «готового» офиса свою добычу он так и не успел. Копы остановили его на полпути. Дурацкий, не поставленный на сигнализацию «форд» числился, оказывается, в розыске. Брошен он был кем-то из местных налетчиков — при бегстве после попытки ограбления инкассаторской «тачки». Причем брошен в такой спешке, что на полу — за спинкой сиденья водителя, куда Чудин заглянуть еще не удосужился, — остался валяться вполне боеспособный ствол с бронебойными патронами в магазине.

Кому другому при сложившихся обстоятельствах удалось бы отмазаться, но на Затеяника у Фемиды вырос преогромный зуб. Тем более что по принятым в Транзитной фактории правилам Фемиду здесь представлял суд того Мира, гражданином которого являлся преступник. А после того как прибывший из Колонии Святой Анны прокурор узрел на скамье подсудимых своего старого знакомого, судьба Затеяника определилась довольно печальным образом. Он, впрочем, к самому факту предстоящей отсидки отнесся философски.

— Ну, в общем, конечно, мэм, — продолжал Николай свой рассказ, — срок мотать — это вам не пирожки лепить. Но не скажу, чтобы мне на Фронтире так уж и в тягость все было. Тем более что и срок, если разобраться, пустяковый вышел, и режим был с послаблениями. Однако пришлось мне оттуда в бега податься. С Фронтира бежать — это само по себе дело не из легких. А если у тебя до конца срока счет уже, почитай, на недели пошел, так это полным дурнем надо быть, чтобы побег удумать...

Николай махнул рукой и досадливо крикнул.

— К тому времени я, считайте, уже на положении вольнопоселенца на Фронтире обретался. Тоже не сахар, но не сравнить с теми, кого за «колючкой» держали. Так что мне только из-за Шеги в тех краях и не жилось. Душа за мальчишку ныла. Один он остался — без моего глаза... Нет, не то чтобы я уж совсем-напрочь такого расклада не предвидел. Кое-что я на всякий пожарный случай подготовил. Денежки кое-какие в надежных местах для него оставил. Заранее объяснил — куда деваться, коли со мной что приключится. И к кому идти... Но все это, сами понимаете, не дело. Так что за него вина на мне лежит. Вот и не было мне покоя — все пытался ему хоть пару слов переслать и от него хоть какую весточку получить. Ну и пару раз удавалось такое — пересылали мне о Шеге новости. От того человечка, что я за ним присматривать оставил. А в самом конце вдруг — раз и нате! Как снег на голову — и сам этот человечек на Фронтир приспел!

Гневно выкатив глаза, Николай треснул себя пудовым кулаком по колену.

— Был такой — Пауль Паульсен. Старый мой знакомый. Еще на Святой Анне мы с ним скорешились. Вот ему-то я Шегу и оставил. А он сам на Фронтир загребел! Явился не запыхавшись. И такую мне, сволочь, историю поведал, что я, мэм, чуть на стенку от бешенства не полез!

Тут Николай снова смолк, прикусив губу и уставившись в пространство перед собой. Марика и Травница деликатно выжидали, пока Пришлый справится со своими эмоциями.

— Кличка у него была «Тетушка Полли». Или просто «Полли». Один только Шега его «дядей Полли» называл. Лысый такой мужик, солидный. И сам он на дело обычно не ходил. И правильно делал — не его профиль. Только завалил бы все. Но что спрятать получше да загнать подороже — тут у него татант был ого-го какой. И держали его все — и я тоже — за человека порядочного. Однако на поверку — сукою, простите, мэм, за худое слово, обернулся!

Николай снова приложился кулаком по колену.

— Поначалу все у них там путем шло. Пацан даже учиться ходил. Под чужим, естественно, именем, в обычный класс. Без всяких фокусов. И крыша у него над головой была, и не голодал он. Но потом у Полли жадность разыгралась... Не ожидал я, правда, от него такого. Но что поделаешь — ошибка вышла...

Что и говорить, в Пауле Паульсене Чудин ошибся, и ошибся здорово. Нет, тот доверенные ему деньги на себя не тратил, и мальчишку держал далеко не в черном теле. Но

не удержался от соблазна самому попользоваться необыкновенными способностями Шеги. О том, что Дар у Шеги имелся, догадаться Полли было не трудно. Раз Затейник заботится с чужом ребенке, тщательно скрывает его от посторонних глаз, то дело тут явно не во внезапно прорезавшихся в его душе отцовских чувствах. Точнее, не только в них.

Мальчонка, правда, крепко усвоил наставления Николая — ни одной живой душе ни словом не обмолвиться о своей дружбе с замками и прочей механикой. Да Полли и не давил на него. Но Брыль и мил-друг Гарри-Овечка столь усиленно искали неожиданно выпавшего из обращения Шегу, что привлекли внимание Полли. Ничем не выдавая себя, он довольно быстро раскрутил эту парочку на откровенность. После чего крепко задумался.

Полли охотно ходил по тому тонкому льду, который отделяет законопослушную жизнь от темных вод криминала. Он всегда был готов предложить свои услуги и свой многолетний опыт жизни в Транзитной фактории тем тeneвым дельцам, которые такого опыта были начисто лишены. Это было не самое доходное, но вполне безопасное занятие. Что до того, на какие статьи уголовного кодекса «тянули» дела клиентов Полли, то это просто не интересовало Пауля Паульсена. Сам он никогда не совал руки туда, где на них могли надеть стальные браслеты на замочках. Так что о том, чтобы использовать Дар Шеги прямо и непосредственно, и речи быть не могло. Русская поговорка «Не в свои сани не садись» была ему хорошо знакома — ее любил повторять Чудин.

Работать надо было тоньше, чтобы в финале предстать перед старым приятелем жертвой форсмажорных обстоятельств. На Шегу надо было найти очень специфического покупателя. Который заплатил бы за носителя Дара настоящие деньги. И — что не менее важно — такого, который бы не надумал расплатиться с Полли просто сунутым ему под нос стволом пистолета. И Полли принялся искать такого покупателя — тщательно и осторожно. Настолько тщательно и настолько осторожно, что, вполне возможно, и не успел бы управиться с этим делом вплоть до самого возвращения Николая из мест не столь отдаленных.

Изрядной помехой было для Полли то, что Всевышний не сподобил его стать законченным подлецом. Поэтому отдавать мальчонку в плохие руки ему не хотелось. Так бы и ходил Полли кругами в поисках подходящего покупателя до самого морковкина заговенья, если бы этот самый покупатель не нашел его сам.

Его нашел Наставник.

* * *

Наставник подошел к Полли именно там и тогда, где и когда к нему и стоило подходить. Полли только что запер дверь, украшенную табличкой «Паульсен и Нильсен. Консультационное агентство», и, перейдя на противоположную сторону улицы, устроился за стойкой бара «Три картежника». Собственно, эта стойка, а не украшенный многочисленными отметинами от загашенных сигарет письменный стол «Консультационного агентства» была постоянным рабочим местом Тетушки Полли. Однако вести вдумчивые деловые толковища он привык только с теми, кому было «назначено». Этого никак нельзя было сказать о типе, который подошел к нему в тот вечер и осведомился, не возражает ли господин Паульсен против того, чтобы угоститься кружечкой «Гиннеса» за его, тогда еще незнакомца, счет?

— Мне рекомендовал обратиться к вам один наш общий знакомый, — уточнил он и толкнул по стойке к локтю Полли белый прямоугольничек визитной карточки.

Полли скосил на визитку глаза и прочитал имя рекомендателя незнакомца. Вот уж о ком ему не хотелось вспоминать, так это о Лайонеле Манфреди, настоятеле Нового Приюта Южного округа. Но пренебрегать такой рекомендацией явно не стоило. Тем более что уже в первые минуты разговора выяснилось, что дельце, с которым появился здесь этот сухопарый, с резкими чертами лица тип, вполне могло быть решено ко взаимному удовлетворению сторон.

Человек, пришедший от настоятеля, был согласен платить деньги — и деньги вполне приличные — даже не за то, чтобы увести с собой Шегу, а просто за то, чтобы поговорить с ним пару часов наедине. А дальнейшее парнишка должен будет решить уже сам.

Он так и представился, этот тип, — Наставник — и все тут.

Полли испытал даже какое-то облегчение — в конце концов он не предпринял ни одного шага для того, чтобы сдать Ключика на руки этому странному типу. Поэтому он не стал противиться Судьбе. Поиграв немного — для порядка — в непонятки и получив самые серьезные заверения в том, что с мальчишкой не случится ничего, что бы шло против его воли, Полли коротко оговорил условия предстоящего товарообмена, с совершенно независимым видом отвалил от стойки и покинул «Трех картежников», чтобы, выждав условленное время, добраться до «Депозит-банка».

Там, в абонентском ящике, код которого назвал ему Наставник, его уже ждала оговоренная сумма федеральной «зелени». Оперативно — ничего не скажешь. Взамен Полли оставил в ящике листок из блокнота, на котором печатными буквами нацарапал адрес пансионата, где проживал Шега, и то имя, под которым он там значился. После чего запер ящик, распахнул кредитки по карманам и постарался забыть все про исшедшее как дурной сон.

* * *

Как и когда именно Наставник явился к Шеге, Полли не знал. И то, о чем они говорили при этой встрече, узнал далеко не сразу и, в общем-то, не по своей воле.

Просто Шега исчез. И появился уже тогда, когда Полли потерял надежду снова увидеть его. Шега пришел прощаться.

Полли не знал, когда мальчишка забрался в его офис, может — прошлым вечером, может — ночью, а может — утром, незадолго до того как Паульсен заглянул сюда — просмограть пришедшую за выходные дни почту и сделать необходимые звонки. Шегу он заметил не сразу. Тот сидел, скорчившись в тяжелом, задвинутом в темный угол кресле, и только глаза его, ставшие похожими на глаза загнанного в угол зверька, сверкали из полутьмы — огромные и полные тоскливого страха.

— Ты что? — окликнул его Полли. — Ты... Тебя обидел кто-нибудь?

Шега искоса глянул на него и еще сильнее сжался на сиденье.

— Нет... — ответил он нехотя. — Просто я пришел с тобой попрощаться. С тобой и с дядей Ником. Я уйду. Далеко. Наставник велел...

Разумеется, Полли не ожидал от того темного типа ровным счетом ничего хорошего. Но что произойдет вот так странно, он все-таки не ожидал.

— Наставник? — осторожно переспросил он. Уверенности в том, что тот стремный тип не «заложил» его Шега, у него не было.

— Угу... — отозвался малец. — Вы про него не знаете, дядя Полли. Это — такой человек... Он послал меня в лес... Только вы и про тот лес не знаете... Лес на дюнах...

Полли подавил вздох облегчения и поблагодарил Господа за то, что его сделка с Наставником осталась для Шеги тайной.

— И не вздумай! — строго оборвал он мальчишку. — Какой, к черту, лес! Какие дюны! Кончай ерундой голову забивать — себе и другим! Твое дело сейчас — выучиться и человеком стать! Чтобы мне перед дядей Ником за тебя краснеть не пришлось! И здоровье тебе подправить надо — вон худой ты, словно щепка... Никуда не годится это! Чем вас в пансионате только кормят? Вот что, я тебе подкину сейчас десятка два баксов — чтоб ты фрукты себе прикупил, что ли... Ну там — толкового чего-нибудь. На конфеты-сладости — не трать!

Он принялся нервно шарить по карманам.

— Не... — остановил его Шега. — Не надо, дядя Полли. Я больше не вернусь в пансионат. Я должен найти того человека, что заблудился в том лесу — около моря... Я должен его увести. Из тех мест, куда он попал. Иначе большая беда будет.

Полли подтащил стул к креслу, в котором скорчился Шега, уселся поплотнее, а само кресло развернул так, чтобы лучше видеть лицо мальчишки.

— Слушай, — произнес он строго. — В какие это края ты двинуть собрался? Чем тебе голову задурил этот — как бишь его — Наставник?

Он чуть было не добавил: «И откуда Наставник этот на твою голову свалился?» Но побоялся услышать в ответ наивно-простое: «Так ведь это вы его ко мне прислали, дядя Полли...» Вместо этого он сурово бросил:

— И про какую такую беду ты мне тут толкуешь?

Глаза Шеги расширились, тонкие загорелые пальцы еще сильнее вцепились в потертую ткань на коленях джинсов. Мальчишка уставился прямо в зрачки Полли.

— Н-неназываемый... — тихо, чуть запинаясь, произнес он. — Неназываемый вырвется из Мира Молний. Вырвется и придет в наши Миры!

Сказал он это с такой силой убеждения, что Полли на миг как-то смешался, закашлялся и поднялся со стула, чтобы скрыть растерянность.

— Слушай! — загудел он, наклонившись к мальчику и придав голосу максимально возможную уверенность. — Здорово тебе мозги затемнили, я чувствую... Я, конечно, понимаю — не такой ты, как все. Можешь не отвечать — я нутром это чую. Но ты не думай, что от этого одного ты умней меня стал. Нечего тебе в этих мудростях путаться. Выбрось ты из головы всяких разных неназываемых. А Наставнику своему — коли снова объявится — такое скажи: мол, не отпускает меня дядя Полли — никуда, ни в какие края. Мал я еще, мол. И вот что... Раз такое дело, что на тебя Наставник твой столь сильное действие имеет... Вот что, перебирайся-ка ты, сынок, на пару недель на проживание к старому доброму дяде Полли и забудь ты на фиг про все эти заморочки с неназываемыми да с лесами всякими. Знаешь, лучше вывезу я тебя на природу — за город, на озера... А с Наставником твоим я...

С Наставником старый добрый дядя Полли намерен был теперь разобраться более основательно. Хотя, конечно, при мысли о такой разборке у него начинало неприятно ныть под ложечкой.

Конечно, это было с его — Наставника — стороны полнейшим свинством: одно дело —

договориться, пусть даже и не за слишком умеренную плату, о свидании со своим бывшим учеником. И совсем другое — сманить пацана, в которого уже вложены хорошие денежки. Правда, не его, Пауля Паульсена, Николая-Затейника — кровные, но сие не суть как важно. Сманить в какие-то неведомые края, причем с явным намерением ни гроша за это не приплатить... Свинство и наглость!

Следовало притормозить Шегу и подождать, пока тип опять выползет из своей норы — торговаться. И уж тогда по меньшей мере удвоить цену. Эти соображения придавали монологу Полли особую убедительность.

Шега оборвал его, покачав головой. И такая отчаянная безнадега прорвалась в этом его коротком движении, что Полли мгновенно осекся и растерянно уставился на мальчишку.

— Не получится, — тихо сказал Шега. — Не получится, дядя Полли. Я не могу послушаться. Пусть Ник простит... Он очень много хорошего для меня сделал... Хотел сделать. И ты меня прости, дядя Полли...

Потом Шега оглянулся, словно опасаясь, что его услышит кто-то посторонний, и заговорил быстро и сбивчиво, глотая слова и перескакивая с мысли на мысль.

— Но я знаю теперь! — горячо зашептал он. — Я теперь узнал, как вам стать богатыми! Очень богатыми!

Он снова боязливо оглянулся.

— Мне надо... Я не должен был рассказывать... Только это можно... Дяде Нику — можно! Чтобы он... Чтобы он пришел за мной. Туда...

— Стой-стой-стой!.. — попробовал хоть как-то «въехать» в смысл его торопливых слов старый добрый дядя Полли. — Куда это — «туда»? Отчего это мы вдруг разбогатеть должны?

Шега сверкнул на него своими расширившимися от волнения глазами — глазами затравленного зверька — и тихо, но очень отчетливо прошептал:

— Я знаю, где достать «Жидкие Врата»!

Полли, который стоял перед мальчиком, согнувшись и уперев руки в колена, на какое-то мгновение замер, словно ему вступило в поясницу.

Понятное дело, как и все, кому пришлось хотя бы год-другой прожить в Транзитной фактории, Полли кое-что слышал о «Жидких Вратах». Он знал, что речь шла о некоем средстве, которое, попав в организм человека, открывало ему путь в иные измерения, а через них — в какие-то невероятно далекие края. Края эти разные людишки называли по-разному. Чаще всего о тех, кому удалось воспользоваться «Жидкими Вратами», говорили иносказательно: «ушел туда, откуда редко приходят». Или: «теперь он — в Блуждающем Мире». Оттуда, куда уводили «Жидкие Врата», действительно не вернулся почти никто из тех легендарных личностей, которым удалось добыть эту субстанцию.

И о Блуждающем Мире, известном как действительно блуждающая между солнцами Галактики полумифическая планета, именуемая еще Миром Молний, он тоже слышал. Никто не знал, почему именно в этот Мир вели «Жидкие Врата».

Хранителями этой диковинной субстанции были именовавшиеся «магами» обитатели далеких и таинственных анклавов населенных пространств Шарады. Добраться до них, а затем сторговаться с магами и наконец живым — и с добычей в руках — вернуться в Транзитную факторию было делом фантастически трудным. Но — в случае удачи — на счастливицков обрушивался золотой дождь. Всякого рода домыслов на этот счет ходило много. В большинство из них Полли не особенно верил.

Собственно, не верил бы вообще, если бы не знал доподлинно, что есть среди обитателей Транзитной фактории весьма состоятельные покупатели на «Врата». Покупатели, готовые даже за следовые количества этого соединения платить невероятные суммы наличными. Значит, было за что! Тем более что за этими скупщиками стояли весьма влиятельные силы. На уровне всего Обитаемого Космоса, начиная с самого Федерального Директората и кончая крупнейшими криминальными авторитетами.

Дело оборачивалось неожиданной для Полли стороной.

— Постой-постой, парень... — выговорил он наконец. — Кто это и чего наплел тебе про «Жидкие Врата»? Ты, малец, хоть знаешь, что это за штука?

Шега смотрел на Полли расширенными, потемневшими зрачками.

— З-знаю! — выдохнул он, чуть заикаясь. — Я... Я уйду через них... За тем человеком. Чтобы его оттуда забрать... Увести.

— Кого забрать? — сморщился Полли. — Кого увести?.. Да кого ты — малый мальчонка — сможешь забрать и увести оттуда?

— Ч-человека... — прошептал Шега. — Того парня из леса на дюнах...

Полли попытался собрать свои — разом перепутавшиеся — мысли в единое целое и представить себе, какой прок можно извлечь из обрушившейся на него головоломки. Это заняло у него минуты полторы-две сосредоточенного сопения. Лоб его покрылся мелкими бриллиантками испарины.

— Ты ж малец совсем, — выдавил он из себя наконец. — Просто пропадешь там на фиг — только и всего...

Вдруг Полли начал горячиться.

— Почему это, спрашивается, он — Наставник этот твой — тебя, несмышленного, в пекло посылает? Почему сам туда не сунется? Что за дела такие?

— Н-нет... Не пропаду...

Шега сосредоточенно уставился куда-то в точку, расположенную сантиметрах в сорока за затылком Полли.

— Я знаю теперь, куда там идти. К тому... Кто научит... И — только я... Только я могу. Это — мой Дар такой... Дядя Ник не велел никому рассказывать... Только теперь — безразлично...

Действительно, про Дар Шеги Полли знать вовсе не полагалось. И то, что мальчишка теперь махнул рукой на запрет «дяди Ника», которого почитал как святого (и то правда — то был первый и пока последний порядочный — на свой, правда, манер — человек, встретившийся ему в его сознательной жизни), говорило о многом. О том, например, что он уже не надеялся больше вернуться в этот Мир. Это было серьезно.

А Шега торопливо, словно боясь, что бестолковый дядя Полли снова начнет прерывать его своими уговорами, сбивчиво стал объяснять, что без него никак не получится. Что только там — в Блуждающем Мире — его научат по-настоящему своим Даром пользоваться.

— Понимаешь, дядя Полли, — шепотом говорил он, — то, что я умею здесь, это только всего ничего. А там меня научат. И тогда заработает главное.

— Стоп-стоп-стоп! — снова притормозил его Полли. — Кто научит? Какое такое «главное»? Что ты такое, малец, мелешь?

— Главное... — Шега впился глазами в то невидимое, что пребывало перед его мысленным взором и вдохновляло его. — Главное, что тогда я смогу снимать Заклятие Неназываемого!

И мальчишка принялся с пятого на десятое объяснять доброму старому Полли, что ему надо сделать сразу же после того, как он очутится в странном мире, куда отправлял его Наставник.

— Там меня встретят... — торопливо шептал он. — Там — условлено. Там будут ждать. Один из Пяти.

Остается только удивляться тому, что Полли почти дословно запомнил эту горячечную скороговорку и смог — много позже, на лагерных нарах — подробно пересказать и растолковать все услышанное Нику Чудину.

Но это было потом. А тогда — в полутемном, пыльном офисе, под аккомпанемент задыхающегося всхлипывания Шеги — все это казалось просто каким-то спяну привидевшимся, болезненным бредом. Но уже тогда Полли понимал, что только казалось. И еще он понимал, что мальчишка теперь для него потерян. Хотя, как будто, чего проще? Вот он — беззащитный малец — сидит, скорчившись на твоём кресле, в твоём кабинете. Возьми, да и просто-напросто не отпускай его к какому-то там Наставнику, и дело с концом! Ведь ты в своём праве, старина!

Но Полли понимал, что за мальчишкой тянется — издалека, не из этого Мира — цепочка чужой, не человеческой воли, противостоять которой ему не дано. Шегу теперь не удержать здесь никакими силами, замками и стенами. Сам не вырвется — за ним придут. Придут и отнимут.

Так что лучше Судьбе не перечить, а постараться извлечь из сложившейся ситуации хоть какую-то пользу. Тем более что польза действительно просматривалась. И не какая-нибудь, а вполне внушительная — в денежном своём выражении. Поэтому, взяв себя в руки, Паульсен терпеливо дождался, когда наконец, то ли исчерпав свои силы, то ли отчаявшись объяснить бестолковому Полли что-то так очевидное ему самому, Шега замолкнет, и тогда осторожно спросил его:

— Так ты сказал, что можешь оставить нам с дядей Ником на память немного «Жидких Врат»?

Шега медленно, словно возвращаясь из какого-то дальнего края, перевел свой взгляд с того невидимого, что до сих пор этот взгляд приковывало, на добродушную физиономию Паульсена.

— Нет, — произнес он как-то рассеянно. — Я не успею вам передать... Как только я доберусь до этого... Мне сразу придется уйти. Туда — в Блуждающий Мир... Я только знаю, где вы можете это взять. У кого это есть...

Полли наконец вспомнил, что в комнате, кроме кресла, в котором приютился Шега, существует и другая мебель. Он, не глядя, подтянул к себе стул, грохнулся в него и уставился в глаза мальчишки.

— Ну и у кого же в кухонном шкафу припрятан кувшинчик этого зелья? И чем нам ублажить Большого Страшного Дракона, который, наверное, сидит на той кухне под столом, на цепочке и охраняет это сокровище?

Шега тряхнул головой и сурово поглядел на него.

— Не надо так, дядя Полли... Это будет покупать Посол Лент. Тот богатый тип с Джея. Ему удалось договориться с магами из Темных Анклавов. Он — в обмен — привез им какие-

то странные штуки с Джея. Вы же знаете, дядя Полли, там — на Джее — от Предтеч осталось много всякого... Того, что магическим называют. Ну, не такого, как тут, на Шараде, но похожего... Ну вот Посол Лент такой обмен и затеял.

Полли почесал в затылке, припоминая те услуги, которые ему пришлось оказывать сэру Ленту — высокому, худощавому пожилому джентльмену, воплощавшему, казалось, саму порядочность. Вспомнилось много интересного. А Шега торопливо продолжал:

— Только ему самому не с руки было по Анклавам путешествовать. Ну а Наставник уже давно за делами в Темных Анклавах присматривал. Ему тоже нужны были «Жидкие Врата». Только не на продажу... Ему нужно было в Блуждающий Мир своего человека закинуть. Меня. Он всегда знал, что в Анклавах это достать можно. Но ему предложить взамен было нечего. Поэтому он для Посла с магами торговался. Переговоры вел. А тот ему обещал за помощь и за риск с ним этой штукой поделиться. Но обманул.

Но я нашу долю заберу. Я смогу туда пройти. В дом Посла. В апартаменты... И забрать у него немного. Наставник вычислил, где он хранит. И сразу после этого уйду... Туда — за Врата...

Шега снова боязливо оглянулся.

— Только это — не главное... — прошептал он. — Посол Лент увезет «Врата» с собой. На Джей. Там ему много больше заплатят. В десятки раз. И Наставник рассказал, где он спрячет... Это Наставник сам придумал. Подсказал ему — раньше... До того, как они разошлись...

* * *

— Ну вы-то, мэм, теперь хорошо знаете где, — прервал свой сбивчивый рассказ Николай и кивнул на приютившуюся в углу склянку.

Помолчал немного. И закончил:

— Он ему много чего рассказал. И куда попадет. И к кому — к Гуго Глоссу — Целителю. И куда идти, и кого спрашивать. И все... И потом Шега ушел. Исчез... Полли не стал даже пытаться задержать его. Страх его, Полли, огромный страх разобрал...

Николай помотал головой, стряхивая нашедшее на него вдруг одурение. Сгорбился, прикрыл глаза и замолк на несколько мгновений.

— Вы думаете, Полли мне все это так запросто и выложил? Нет, мэм. Пришлось, как говорится, с ним попотеть...

Он безнадежно махнул рукой.

— Я вот все думаю, — продолжил Затейник после короткой паузы. — Случай то вышел или нет — то, что Полли со мной в одну колонию загремел? Или все же расчет чей-то? Так чей тогда?

* * *

По расчету или нет, а загремел Пауль Паульсен на исправительно-трудовые работы далеко не по своей воле. Загрел он на Фронтир благодаря своей жадности. Вернее, коктейль из скарденности с изрядной долей опасливой осторожности так вскружил голову

старого доброго Полли, что тот решился покуситься на имущество, которое сэра Лента готовился прихватить с собою на родной Джей, не прибегая к услугам специалистов.

Это был единственный в его жизни случай, когда Полли позволил себе отступить от своего же собственного жизненного правила — никогда не идти вразрез с Его Величеством Законом.

И случай этот оказался роковым!

Полли — с того самого момента, когда копы сцапали его прямо на месте преступления при попытке проникнуть в кабинет сэра Лента, — усердно клял и корил себя за совершенную глупость и к моменту прибытия на Фронтир, где ему предстояло отбывать срок, щедро отмеренный ему приговором выездной сессии суда, представлял собой довольно жалкое, в смысле состояния своего морального духа, зрелище.

Неожиданную встречу с Затейником он воспринял как вполне логичное заключительное звено в цепи постигших его кар небесных. Николаю на самом деле не пришлось не то чтобы потеть, а даже прилагать особых усилий для того, чтобы вытряхнуть из Полли все подробности приключившейся с ним и Шегой истории. Кое о чем пришлось просто догадываться, извлекая крупницы истины из бесчисленных недомолвок и иносказаний вероломного приятеля. Кое-что подсказала интуиция.

Самое главное дошло до Николая не сразу. А когда дошло — времени у него уже оставалось в обрез. Срок пребывания Посла Лента на Шараде истекал в скорейшем времени!

* * *

— Вот тогда я и решил, — пояснил Чудин своим собеседницам, — что выбора-то у меня и нет. Одна дорога — в бега! И бегать мне до тех пор, пока не догоню парнишку.

Он уставился на Марику расширившимися зрачками.

— Ведь вы поймите, мэм! Он — Шегга — ведь не затем же Полли всю эту затею с посольской контрабандой как на духу выложил, чтобы просто нам подзаработать подсобить. Он ведь на что надеялся? На то, мэм, что я приду за ним! Помогу из этой беды выбраться. Это ведь он мне дорожку указал — в эти края ваши... Вот я по дорожке той и притопал. Такие вот мои дела-делишки.

На минуту за столом воцарилось молчание. Анна осторожно переводила взгляд со всклокоченной бороды Пришлого на озадаченно поджатые губы Видящей. Наконец та потерла переносицу и энергично откашлялась.

— Значит, ты ограбил Посла... — не столько спросила, сколько констатировала она. — И привел с собой в наш мир какого-то своего приятеля...

Николай потряс головой.

— Вот с этим — все не так, мэм! Вовсе тот, что за мной увязался, не приятель мне! А если вы про Полли, так он на Фронтире отдыхать остался. А тот, что со мной пришел, еще один за «Жидкими Вратами» охотник оказался. Вместе нас там — прямо у Посла в номере — обложили. Не оставлять же его одного там — копам на растерзание... Да кабы только копам... Ну я и поделился зельем...

Марика и бровью не повела, выслушав это объяснение. Только глаза ее — и без того огромные — еще чуточку расширились, означив немалое удивление услышанным.

— Ты уверен, — осведомилась она, — что действительно оказал человеку услугу? Что

ему будет лучше здесь, чем за решеткой?

Николай задумчиво поскреб в затылке. Покрутил головой, словно воротник вдруг стал ему тесен.

— В тот момент мне так казалось... — произнес он без особой уверенности. — Дело в том, что напарника его уже пришили. Конкуренты его, наверное... В общем — мочилов пошло... И я не уверен, мэм, совсем не уверен, что те копы, что приперли нас в том номере, — правильные копы...

— Да, я вижу, дела там у вас разворачивались самым крутым образом... — вздохнула Марика. — Ты уж, будь добр, остановись на этом месте поподробнее. Чтобы мы могли ясно представить, что теперь от вас — от тех, что Извне, — ожидать.

Чудин, стараясь говорить подходчивей, принялся излагать хозяйке историю того, как ему удалось — в самые сжатые сроки — задумать и осуществить побег с Фронтира. О том, как ему удалось — только уже на Джее — догнать покинувшего Шараду Посла, о том, как перед самым заключением сделки сэра Лента с агентами Спецакадемии он неожиданно обнаружил, что господин Посол уже, что называется, глухо обложен еще двумя или тремя бандами охотников за «Жидкими Вратами».

— У меня, мэм, — пояснил он, — был только один козырь в этой игре. Всем остальным было мало просто добраться до «Врат». Им необходимо было еще и скрыться как-нибудь с этим товаром на руках. И при этом — заметьте, мэм, — еще и сохранить голову на плечах! Но и этого мало — им надо было еще как-то передать товар покупателю. А с того — получить деньги или услуги. И при этом — опять-таки — живыми остаться! Это, доложу вам, не фунт изюму! А вот что до меня, мэм, так тут дело куда более простое. Проще некуда. Добрался до Врат — и уходи в них! Только и всего. Что, в конечном счете, и получилось. Вот и все, мэм.

* * *

Анна не могла сказать, слушает ли Видящая След этот сбивчивый рассказ. Глаза Марики снова стали непроницаемы, вся она словно замкнулась в себе. Ушла в какую-то незримую даже для Меченных Мглой глубину. Похоже, Видящая даже не заметила, что Чудин закончил свой рассказ. Но наступившая тишина длилась недолго.

— Вот что, — произнесла Марика тоном довольно неприятным. — Этот вап приятель... Вы хоть знаете, как его зовут?

Николай сокрушенно покачал головой.

— Он может странную роль сыграть... В этой игре, — задумчиво бросила Видящая. — Только...

Она смолкла, прислушиваясь к чему-то в себе.

— Очень жаль, — наконец произнесла она. — Жаль, что его путь и путь этого стекла пересеклись так ненадолго. Это путает след. Мне только недалеко видно, куда он ведет.

Она поморщилась, стараясь сосредоточиться вновь.

— Очень мало могу сказать о нем... Он по-прежнему в опасности. И он по-прежнему где-то рядом. Здесь, в Худых лесах. Ему не удалось уйти далеко. Точно он этого и не хотел. Тут... Тут есть какая-то ложь. Кто-то наврал тебе, Анна. Или, может быть, тебе, Гость. Что-то из того, что мы сейчас знаем о твоём приятеле, — вранье. Это все, что я вижу... Ладно!

Марика вернулась оттуда, где блуждала все эти последние мгновения, тряхнула головой и поднялась из плетеного кресла.

— Ты отдохни пока с дороги, Гость. Приведи себя в порядок и будь готов двинуться в дорогу — когда станет посветлее. Часов пять у тебя есть.

Она хлопнула в ладоши, со всех сторон послышался топот множества крохотных ног.

— Мои ребяташки тебя проводят и покажут что, где и как...

Николай опасливо покосился на дюжину готовых двинуться ему на помощь каинов. Те — послушные приказу своей патронессы — выступили из-за низко опущенных портьер ведущей в дом двери и замерли, вытянувшись шеренгой вдоль резного бордюра, окаймлявшего низ стены, отделявшей балюстраду от внутренних покоев. Гость осторожно поднялся с кресла и, стараясь не наступить на кого-нибудь из сопровождающих, последовал за возглавившим процессию Шорри.

— Постарайся за это время выспаться, — бросила ему вслед Марика. — Просто выспаться. Твоя проблема теперь — уже моя головная боль.

— Это вы про Шегу? — спросил Николай, обернувшись в дверях.

— Да, про него, — кивнула Видящая. — Про него.

* * *

Оставшись наедине с Травницей, Марика, не спеша, сосредоточенно думая о чем-то своем, принялась убирать со стола. Где-то на середине этой процедуры она додумала свою мысль и резким движением поставила на стол взятую было в руки чашку. Повернулась к Анне.

— Похоже, что с этого Шеги все и началось. Это теперешнее нашествие Пришлых. Кто-то — какой-то Наставник — забросил сюда мальчишку, который должен снять заклятие Неназываемого... Каково, а?

Травница нервно хрустнула пальцами.

— Кто-то хочет вмешаться в наши здешние дела. Кто-то оттуда. Извне.

— Это не очевидно, дорогая Анна. Не очевидно. Вполне возможно, что он отсюда пришел за мальчишкой — тот Наставник... Но не это главное. Важно, что Неназываемый, без сомнения, все сделает для того, чтобы этот мальчишка сгинул без следа! Если только он догадывается о его существовании. А он, скорее всего, догадывается.

Видящая выпрямилась и сложила руки «домиком», что обычно свидетельствовало о том, что она придает моменту особую важность.

— Но не только это важно, дорогая Анна. Ведь Наставник этот не просто зашвырнул мальчишку в этот Мир. Он указал ему, к кому и как идти. Но у Наставника была устаревшая информация. Адресат — прошлый Целитель — как говорится, выбыл. А теперешняя Целительница ни словом не обмолвилась о том, что встречала мальчишку. И — никто из остальных трех членов Пятерки...

— Ребенок, скорее всего, просто не добрался до вас, — вздохнула Травница. — Этот Мир жесток...

— Или все-таки дошел... — пожала плечами Видящая.

«Если все-таки он дошел до кого-то из Пяти, то этот «кто-то», похоже, не доверяет остальным Четырем...» — закончила про себя ее мысль Анна. Но предпочла так — при себе

— ее и оставить. Марика, впрочем, без труда прочитала эту мысль в ее глазах. И кивнула в подтверждение.

— Да, у нас все сложно. Ты можешь мне помочь. И ты, и этот наш Гость. Он ведь здесь тоже не случайно. Кем бы там ни был этот чертов Наставник, он — не идиот. По крайней мере, не такой идиот, чтобы случайно проболтаться мальчишке про секрет Посла. И уж наверняка не отпустил бы Шегу для этого идиотского прощания с «дядей Полли», если бы это ему не было нужно. Ясно что Наставнику или тем, кто за ним стоит, надо было и этого типа, — она кивнула на дверь, в которой скрылся Чудин, — заманить сюда, к нам.

— Наверное, — неуверенно предположила Травница, — чтобы он потом, когда дело будет сделано, вытащил паренька вместе с его Даром обратно. В их Мир...

Теперь уже Видящая хрустнула пальцами.

— Разве что так... — с сомнением в голосе произнесла она. — Знаешь, Энни, от таких людей, как этот Наставник — если это человек, конечно, — трудно ожидать бескорыстного гуманизма. А вот Дар этого мальчишки — вполне подходящая причина, чтобы не бросать его в здешних краях.

Она тряхнула головой, словно отгоняя невидимую муху.

— Но это, дорогая Энни, только одно из возможных объяснений. Только одно... И меня очень беспокоит тот, второй тип, которого наш Гость притащил с собой...

— Думаешь, и это не случайность? — покосилась на нее Травница. — Что и этого... попутчика Гостю Наставник подбросил?

— Ты знаешь, Энни, — вздохнула Видящая, — сдается мне, что в делах, связанных с судьбами этого Мира, случайностей не бывает... Но даже если его к нам забросил Его Величество случай, то мой Дар подсказывает мне, что с этим типом мы еще намучаемся. Знаешь, существует такая порода людей, которые только для того и рождаются, чтобы всем, с кем их сведет судьба, путать карты. Боюсь, что это именно тот случай.

Травница неопределенно повела плечами. Она знала, что предчувствия редко обманывали ее подругу.

— Мне надо посоветоваться со своими... — тихо сказала она. — С другими Мечеными... Мне придется покинуть тебя.

Марика кивнула.

— Мне надо побыть одной, — тихо бросила она. — Подумать — с какого конца браться за дело. Если у тебя есть лишние час-два, подожди меня. Твоя комната — всегда в твоём распоряжении. Наверное, и тебе нужно время, чтобы переварить все это... Да и посоветоваться нам с тобой не помешает — сразу после этих размышлений. А сразу после этого отправляйся к своим. Я понимаю тебя.

Она выпрямилась, кивнула Анне и быстрым, легким шагом ушла. Анна подошла к перилам и стала смотреть на сад.

* * *

Закрыв за собой двери кабинета, Видящая След подошла к столу и сдвинула в сторону штору, укрывавшую широкую нишу слева от него. За шторой, склонившись в позе почтительнейшего внимания, возле игрушечной — под рост каина — потайной дверцы уже ждал ее распоряжений верный Шорри.

— Гость? — глядя мимо него, сухо осведомилась Видящая.

— Гость — в бане, Хозяйка, — с готовностью отвечал каин. — Думаю, что ужинать Гость не будет. Он очень устал и уже не голоден. Мы постелили ему в...

— Присматривайте за ним, — коротко распорядилась Марика, не проявив особого интереса к тому, где расположится на ночлег Пришлый. — В час птиц разбудите его. Пусть будет готов двинуться в путь.

Каин глубоким поклоном заверил Хозяйку в том, что ее указания будут выполнены беспрекословно.

— Мое радио? — все тем же рассеянным тоном поинтересовалась та.

— За это время получено две шифровки от ваших друзей, Хозяйка, — принялся обстоятельно докладывать гном. — Как всегда, много помех. Иногда исчезает слышимость. Записи — у вас на столе.

Он жестом указал на кожаный бювар, лежащий перед Хозяйкой.

— От наших друзей из Дворца только что получена депеша. Я взял на себя труд декодировать текст... Нам сообщают, что Его Величество, сказавшись больным, отменил все свои аудиенции на следующую неделю. На самом же деле король отбыл инкогнито в отдаленные районы Сумеречных Земель. Полагают, что он намерен встретиться с наиболее влиятельными членами Гильдии Магов. Видимо, первый визит он намерен нанести Робину-Книжнику... Но более важным наши друзья считают то, что состоялась встреча между Государем и Князем Миров Обреченных — Посланцем Неназываемого. После которой Посланец тоже покинул дворец. Есть мнение, что он намерен вступить в переговоры с Мечеными Мглой.

* * *

— Тот, кого называют Неназываемым... — произнес он вслух. — Тот единственный, о котором известно всем... Он тоже был вашей ошибкой?

Лицо Парре еле заметно дернулось.

— Вы хорошо информированы. Ваша миссия здесь связана с деятельностью этого человека?

— Да, связана, — признал Рус. — Те, кто помог мне попасть сюда, считают, что он опасен не только для вашего Мира.

— Вы собираетесь встретиться с ним?

— Мне предстоит посоветоваться с тем, к кому я должен явиться сюда. Я назвал его вам...

— Сначала с ним посоветуется наш человек, — тоном спокойным, но не допускающим возражений отрезал Парре.

— А если я попробую добраться до него сам? — с некоторым раздражением осведомился Рус. — Вы станете чинить мне препятствия?

— Нет... — совершенно добродушным голосом отозвался хозяин. — Вы можете покинуть мой дом, когда вам это будет угодно. Но у вас будут трудности с выбором пути. Боюсь, что вам будет трудно найти дорогу обратно в Лес.

Он поднялся с низкого подоконника и с вежливой улыбкой предложил гостю взглянуть на вид, открывающийся из окна. Рус ясно помнил, что окно это выходит в ту сторону, откуда

они подошли к дому. В сторону широкой лесной тропы. Но сейчас перед ним были только безжизненные склоны гор. Гор, совершенно незнакомых ему.

Глава 7

ЦИНЬ ЦЕЛИТЕЛЬНИЦА

Дом Целительницы был хоть и не мал, но скромн и ничем не выделялся из того пейзажа, в который был умело вписан. А пейзаж этот слагался из тонущих в тумане предгорий, с крутых каменистых склонов которых обрушивались в бесчисленные, ярусами расположенные озерца и озера столь же бесчисленные водопады и водопадики. Все здесь располагалось по горизонтали — параллельно слоям тумана и глади вод вытянулись сложенные из слоистого камня ступени скал, а им в параллель — приплюснутые, разделенные на плоские слои кроны здешних деревьев, забравшихся на уступы тающих во мгле каменных стен или склонившихся над озерными водами. А воды эти множили и без того бесчисленные слои тумана, камня и ветвей, отражая их на своей зыбкой поверхности.

В этом туманном лабиринте дом, вытянувшийся вдоль берега озера и словно придавленный своей плоской крышей с загнутыми к пасмурному небу краями, не бросался в глаза. Он просто был там, где его не могло не быть. И поэтому Торн даже не заметил, как увидел вдалеке — пока вдалеке — жилище Целительницы.

Он приземлил свой «Лаланд» близ малой рощицы на берегу озера, по ту сторону которого и протянулся вдоль берега дом, где обитала Цинь. Торн не сомневался, что не остался незамеченным, и поэтому не торопился покинуть рощицу. Он обошел свою авиетку кругом, проверив, все ли в порядке с ее шасси и прочими выступающими частями. Долго заниматься этим ему не пришлось.

— Здравствуй, Меченный Мглой, — произнес всадник, из тумана возникший у него за спиной.

Торн не спеша повернулся к нему лицом.

Их часто принимали за людей — чеани, Племя Сейвы. Конечно только издали. Достаточно было присмотреться к этим лесным созданиям поближе, как всякое сходство с людьми пропадало. И исчезало совсем, если посмотреть чеани в лицо. Последнее, впрочем, удавалось немногим — чеани никогда и нигде не появлялись без масок. Вот и у этого — чуть напоминающего богомола — всадника лицо закрывала ритуальная маска дозорного. Через ее — несколько неожиданно, с людской точки зрения, расположенные — прорези видны были только ледяные, ничего ровным счетом не выражающие глаза.

— Здравствуй, дозорный, — приветствовал всадника Торн. — Дома ли твоя Хозяйка?

Он тут же прикусил язык, употребив совсем не то слово, которое нужно было бы произнести.

— У чеани нет хозяев, — сухо уведомил его всадник.

И продолжал молча, в упор смотреть на гостя.

— Я имел в виду Ту, которая дружит с вами, — назвал Торн хозяйку дома над озером принятым среди чеани титулом, — у меня срочное дело к Целительнице.

— Отдай мне все оружие, которое есть у тебя, — распорядился всадник.

Торн послушно протянул ему свои кинжал и пистолет. И то и другое — рукоятью вперед. Всадник определил и то и другое в притороченный к седлу кожаный мешок и коротко кивнул.

— Идем. Держись за стремя.

— За машиной присмотрят? — кивнул Брат Мглы на «Лаланд».

— Присмотрят, — ответил дозорный.

И указал в направлении рощи.

Чеани — немногословны. И не удивительно — говорить голосом, который может воспринимать человек, для них то же самое, что петь на высоких нотах.

Торн посмотрел в указанном направлении и тоже удовлетворенно кивнул — из-за скрытых в тумане деревьев выступили еще двое всадников. Брат покрепче взялся за стремя.

* * *

Сложенный давным-давно из местного камня мостик, по которому они пересекли узкое озеро, выглядел на удивление легким. У него не было перил — только небольшие бортики, сильно выщербленные и покрытые золотистым мхом.

Должно быть, кто-то из дозорных уже оповестил Целительницу о прибытии гостя. Она вышла навстречу Торну и его молчаливому конвоиру. Брат немного растерялся, увидев и на ее лице маску. Что именно означала она, Торн не представлял — раньше он таких не видел. Целительница кивнула дозорному в знак благодарности, тот молча развернул коня и растаял в тумане: его не стало видно уже где-то на середине моста, по которому он только что провел Брата. Целительница жестом пригласила Торна в дом.

В большой, освещенной мягким светом скрытых светильников, прохладной комнате было много диковинного. Странные, неуловимо похожие на простирающийся за окнами пейзаж картины украшали стены. В стенах располагалось множество ниш, а вдоль стен тянулись низкие, словно прижавшиеся к полу, покрытые черным лаком сундуки, окованные тускло поблескивающим металлом. Кое-какие — ритуальные, судя по всему, — предметы располагались на причудливых этажерках и полочках, асимметрично расставленных и развешанных вокруг. Однако, несмотря на изобилие всяческих странностей, комната казалась просторной и даже какой-то пустоватой.

— Присаживайтесь, Брат Мглы, — предложила вошедшая следом за Торном Целительница и указала жестом на скамью около низкого, длинного стола в центре комнаты. — Вы голодны?

— Нет, госпожа Целительница, — ответил Брат. — Этой ночью я отлично отужинал с преславным сэром Рейном... И, кроме того, дело, с которым я прибыл, не терпит отлагательств...

— «Госпожа Цинь» звучит для меня приятнее, чем мой магический титул, — бросила Целительница, снимая причудливую маску и прилаживая ее на специальный крюк у двери. — Подарок, — кивнула она на искусно выполненную личину. — Я сподобилась спасти от смерти трех старейшин чеани — одного за другим. Они подумали и одарили меня этой штукой. Изготовлена специально под человеческое лицо — видите: глаза почти там, где надо...

Она усмехнулась немного иронически, а немного горделиво. Так умеют улыбаться только китайцы. Точнее, китаянки.

— Теперь приходится надевать ее, когда имею дело с чеани. Они весьма чувствительны к подобным вещам. Они вообще очень чувствительны. Это, наверное, одна из причин, почему они носят маски. Хотя это — чисто человеческое суждение.

Торн терпеливо сопел и демонстративно игнорировал приглашение хозяйки присесть.

— Вы торопитесь в Шантен? — небрежно осведомилась Цинь. — Тогда, может быть, нам по дороге...

Только сейчас Брат заметил, что одета хозяйка по-дорожному.

— Так вы, госпожа, уже в курсе дела? — с легкой досадой, но в то же время и обрадованно произнес он. — Тогда... Надеюсь, что еще не поздно бедолагу того...

Лицо китаянки словно окаменело.

— Мне и полагается быть в курсе таких дел. Появлений и исчезновений. Племя Сейвы не было бы Племенем Сейвы, если бы упустило явление Пришлого. И чеани не были бы моими друзьями, если бы немедленно не поставили меня в известность.

Цинь запнулась и бросила на Торна взгляд — искоса, словно сомневаясь, следует ли говорить ему то, что она собралась было сказать.

— Ну и, кроме того, вы, Брат, не первый из Трех, кто пришел ко мне с новостями...

— Хло, зар-р-раза! — хлопнул себя по коленям Брат Торн. — И что же она вам в уши надула, госпожа Цинь?

Госпожа Цинь не выразила своего отношения к этой вспышке гнева.

— Она всего лишь осторожна, господин Торн. Всего лишь осторожна... И она высказала далеко не глупые мысли относительно сложившейся ситуации...

Целительница подхватила со скамьи небольшой саквояж — такой, с каким в древности ходили по пациентам семейные врачи, — и энергично кивнула в сторону двери, как бы желая сказать: «Раз уж отказываетесь от моего гостеприимства, так давайте не будем мешкать!»

— Вы полагаете, — все тем же жестким голосом продолжила она, сбегая по плоским каменным ступеням, — что я собираюсь навестить того Пришлого в благотворительных целях? Вы, Брат, позабыли, что сюда никто не приходит просто так. Прежде всего я должна понять, что за гость к нам пожаловал. И в зависимости от этого и принять решение.

— Я так думаю, — прогудел Брат, поспешая за ней, — что сначала надо человека с того света вытянуть, а потом уж узнавать — какого, собственно, рожна его занесло в наши края...

— Вы наивны, Брат Мглы, — определила Цинь. — Вы не представляете себе такого варианта событий, при котором окажется, что этот невезучий Пришлый наделен Даром распространять безумие? Или даже смерть? Или каким-то другим разрушительным Даром? Разве в истории Сумеречных Земель не было ничего подобного? Разве так давно к нам явился последний из неназываемых? А Князь Миров Обреченных? Он был беспомощен и слаб, как дитя, но уже на ложе болезни смог натворить много бед.

Она остановилась недалеко от берега озера и сделала знак кому-то невидимому в тумане. Из белесой мглы появилась долговязая фигура чеани, ведущего под уздцы двух оседланных лошадей. Племени Сейвы туман — не помеха.

— Э-э... — начал Торн и откашлялся. — Может, того, не стоит лошадок-то зря мучить. У меня здесь поблизости есть транспорт получше... И главное — побыстрее и понадежнее.

— Фу, черт! — тряхнула головой Целительница. — Я и не подумала о том, что у вас, Меченых, есть эта привилегия. Совсем забыла.

Она дала конюху отмашку, и тот растворился во все более сгущающемся тумане, словно и не было его.

У сэра Серафима, безусловно, было доброе сердце. Но, кроме того, у него были четыре бестолковых разновозрастных сына, не слишком путевая дочь, исключительно сварливая супруга, масса забот по поддержанию на плаву своего слегка запущенного имения и очень серьезные обязательства перед Славным Сословием. Так что присутствие в Шантене сраженного ядом паутины Шепчущих Пришлого ложилось на его плечи довольно тяжелой обузой.

И не только на его. Раздраженный сверх меры сэр бродил по двору замка, подобно леопарду в клетке, и все, кто знал суровый нрав и тяжкий характер воинственного хозяина, прятались в самых невероятных щелях и щелочках — чтобы только не попасть ему под тяжелую руку. Даже принесший добрую весть о скором появлении Брата Торна с каким-то подходящим целителем сэр Рёnn старался держаться подальше от владельца Шантена.

Поэтому, когда уши обитателей поместья уловили донесшийся из поднебесья ноющий звук движка «Лаланда», облегчение испытал не один только славный сэр. Как только сквозь густую рыжую растительность, покрывавшую добродушную, в общем-то физиономию, сэра, миру явилась счастливая улыбка, двор замка — только что совершенно безлюдный — буквально переполнился всяческой челядью, мастеровыми людьми и парой бестолковых пажей, спешивших наконец беспрепятственно заняться текущими делами. Все они прислушивались к приближающемуся звуку в небесах. Звук этот был хорошо знаком сэру Серафиму — с Братом Торном ему не раз пришлось делить и радостные, и горестные минуты жизни. При активном участии надежного, как верный клинок, «Лаланда». И уж нечем можно было быть уверенным на все сто процентов, так это в том, что просто посмотреть на безжизненного Пришлого Брат не помчится ни по земле, ни по воздуху. Для этого он был слишком серьезным мужчиной.

Процедура встречи Брата Мглы была хорошо отработана. Велев двоим великовозрастным пажам следовать за ним и прихватив по дороге себе в помощь старшего сына, сэр оседлал сивого жеребца и поторопился к предполагаемому месту посадки авиетки. Сэр Рёnn поспешил присоединиться к этой маленькой кавалькаде.

Они успели аккурат вовремя, и сын сэра Серафима — будущий сэр Жанвье — успел проявить признаки хорошего сословного воспитания, помогая по мере сил выбраться из кабины даме — крепко сбитой, миниатюрной китаянке с приятными, но жесткими чертами лица.

— Пожалуй, вы не знакомы... — прогудел Брат Торн, покидая кабину вслед за своей спутницей. — Разрешите, сэр, представить вам госпожу Целительницу.

Целительница приняла знаки глубочайшего почтения как нечто само собой разумеющееся и, не ожидая особых приглашений, двинулась к воротам замка. Сэр Серафим, збегая то справа, то слева, как мог более толково изъяснял Целительнице суть происшедших событий. Пажи, под руководством Жанвье, принялись усердно разорять неподалеку расположенные стога сена и заваливать им самолетик — на предмет его маскировки. Торн угрюмо подергивал свою коротковатую бороду. Его томили мрачные предчувствия.

* * *

Вырванный из лап Шепчущего Племена Пришлый пребывал в глубокой коме. Он

неподвижно покоем под шерстяным покрывалом на застеленной белоснежными простынями лежанке, укрытый от посторонних глаз в небольшой светелке в левом крыле замка. Цинь опустила свой сак на каменную табуреточку, поставленную в головах лежанки, а сама наклонилась над своим пациентом, внимательно присматриваясь к каждой его черточке.

Человек этот был высок, сухощав и далеко не стар. Впрочем, точно определить его возраст Торн не взялся бы. Действие «паутинного яда» сильно изменяло внешность человека. Обычно — сильно старило. Пришлый лежал вытянувшись и производил впечатление человека, просто прилегшего отдохнуть. Минутное блаженство от короткого отдыха среди трудов праведных было написано на его осунувшемся лице. Дыхание его можно было заметить, только присмотревшись и прислушавшись очень внимательно. Цинь взяла Пришлого за запястье. Пульс еле прощупывался.

— Вы обрезали паутину, которая на нем оставалась? — скорее констатировала, чем спросила она. — Это очень опасно...

— Я надел самые толстые из кожаных перчаток, что у меня были... — заверил ее сэр. — Правда, потом пришлось спалить их в камине. А клинок я...

— Это было опасно не столько для вас, сэр, — оборвала его Цинь, — сколько для него. — Резкое снятие контакта с этими гифами могло привести к шоку... А вы могли получить только ожог — не сильнее, чем от некоторых здешних трав или от укуса насекомого. Все остальное — предрассудки.

— Выходит, я зря загубил добро, — мрачно заметил владетель Шантена.

— Та-ак... На левой руке — на внешней ее стороне, ближе к кисти — незаживший еще порез... — пробормотала Целительница. — Это он заработал еще там. Откуда он явился к нам. Что у него было при себе? — не обращая внимания на огорчение сэра Серафима в связи с лишением перчаток и неплохого клинка, осведомилась она.

— Мы... Мы не стали осматривать его одежду. Она вся была в проклятой паутине... Вот она — в мешке, на полке... Больше с ним ничего не было. Разве что припрятал по дороге... Но вряд ли...

Цинь сурово, через плечо, глянула на славного сэра.

— Вообще, сэр Серафим, ваше присутствие здесь вовсе не обязательно. Будет лучше, если вы пришлете сюда слугу потолковее, а сами займетесь... Ну, текущими делами.

Сэр намек понял и ретировался с видом оскорбленного достоинства. Торн вопросительно взглянул на Цинь. Та придержала его, прикоснувшись к рукаву бушлата коротким, повелительным движением.

— Вы можете пригодиться, Брат... Как-никак опыт у вас побольше, чем у меня... Заодно и засвидетельствуете, что я играю честно. Осторожно, но честно. Осмотрите пока его вещи.

Она кивнула на сложенную на полке одежду Пришлого. Потом достала из своего саквояжа несколько причудливых, плотно укупоренных сосудов и, поискав глазами, где бы их расставить, поставила снадобья прямо на выстланный тонким шерстяным ковром пол. Расстелила рядом пару прихваченных с собой салфеток и расположила на них неполную дюжину инструментов, вид которых не вызвал у Брата Торна никаких хороших ассоциаций. Освободив каменную скамейку, Цинь присела в головах у странного пациента. В руках она сжимала два не приметных камешка.

Торн вздохнул и принялся вытряхивать из мешка одежду Пришлого, не опасаясь, что на

руки ему попадет «паутинный яд». Он давно уже знал: без контакта с жертвой все виды активности паутины Шепчущих угасают в считанные часы, а сама она становится всего-навсего похожим на перхоть белесым прахом. Тем не менее Брат, стараясь не вдыхать эту мерзость, прибег к помощи присланного сэром Серафимом пажа и как можно тщательнее очистил одежду Пришлого. Он позаботился о том, чтобы седой прах не рассеялся по комнатухе и был аккуратно — весь, до последней пылинки — выметен из нее.

Торн проверил содержимое карманов куртки, рубахи, брюк и пары небольших подсумков, крепившихся на поясном ремне Пришлого. Он даже прощупал подкладку и швы одеяния, столь непохожего на его собственное. При этом он нет-нет, да поглядывал на Целительницу.

Прижав камешки к вискам Пришлого и немного прикрыв глаза, Цинь что-то быстро-быстро говорила ему. Очень тихо и очень монотонно. Но в то же время — очень убедительно. От этого полуслышного ему речитатива Брат ощутил нечто вроде погружения в состояние между сном и явью. Состояние это он постарался стряхнуть с себя, занявшись изучением того, что нашел в карманах и подсумках Пришлого.

Ну, во-первых, во внутреннем кармане куртки Пришлого нашлись документы. По крайней мере, Торн счел это за документы. Это было редкостью. Обычно Пришлые, явившись в Мир Молний, ничем не могли удостоверить свою личность. Да и не стремились к тому. Никто здесь, кроме самих Пришлых, не имел ни малейшего понятия о жизни там, Извне. А для самих пришельцев, как правило, терял всякое значение практически весь опыт их жизни там, откуда они пришли...

Повертев в руках карточку-идентификатор, украшенную голограммой владельца, его адресом и краткими паспортными данными, Брат Торн уяснил, что перед ним на широкой лежанке в глубокой коме покоится некто Форрест Дю Тамплъ, гражданин Объединенных Республик Квесты. Это не так уж и много говорило Брату. Он знал, что с помощью хитроумных устройств, которыми располагают Пятеро (и, кроме них, еще лишь немногие в Сумеречных Землях), можно узнать много о каждом из обладателей таких карточек — информация записана на них в скрытой и очень компактной форме. Ну что ж, Целительнице этот орешек, наверное, по зубам. А вот ему — Брату Мглы — нет...

Форрест Дю Тамплъ имел при себе также нездешней работы пистолет с запасом заряженных обойм (в одном из подсумков), охотничий нож, аптечку и — в недавно распечатанном пакете с его именем на лицевой стороне — большую записную книжку. Ее Торн успел бегло пролистать. На некоторых страницах он задержался.

На них он узрел нечто, что напоминало страшно искаженные и коряво выполненные, но вполне узнаваемые кроки здешней местности. Выдержаны они были в разных масштабах — тут были и контуры Сумеречных Земель в целом, и более подробные зарисовки отдельных их районов. Эти зарисовки были испещрены какими-то пометками и значками. Еще интереснее оказались другие странички — исписанные мелким, бисерным почерком на причудливом, но, в общем-то, понятном Торну языке Пришлых. Точнее, на одном из многих их языков — самом распространенном. Кое-какие из страниц были озаглавлены странно написанными, но тоже вполне понятными и очень знакомыми именами. Были странички, посвященные монарху Сумеречных Земель, была своя страничка для Пятерых. И для Меченных Мглой тоже была своя страничка. Блокнот Пришлого был предельно сжатым путеводителем если не по всему Миру Молний, то по Сумеречным Землям определено. Кто-то хорошо проинструктировал Форреста Дю Тампля, предвидя странствия по здешним краям.

Во втором подсумке Торн, к немалому своему удивлению, обнаружил несколько магических монет с Шарады и колдовских медальонов с Джея. Этот Форрест знал даже то, с какой валютой следует являться в Мир Молний...

И еще при Пришлом было письмо. Плотный, на совесть заклеенный желтый конверт, на котором от руки было написано только два слова:

Кристоферу Денджерфилду.

И ничего более.

* * *

А Форрест вдруг судорожно и глубоко вздохнул. Потом застонал — еле слышно. Цинь мгновенно отреагировала на это: она подхватила с расстеленных перед ней салфеток две странные, напоминающие тонкие жезлы спицы и вложила их в руки Пришлого. Потом взяла ровным счетом ничего магического не представляющий пневматический шприц и впрыснула своему пациенту какое-то неведомое снадобье — под лопатку, для чего ей пришлось, поднатужась, перевернуть Форреста Дю Тампля на бок. Вернув его в исходное положение, Цинь разожгла имевшуюся среди ее утвари миниатюрную спиртовку, налила из причудливых сосудов в металлическую чашку неравные доли каких-то таинственных ингредиентов, наполнив ее жидкостью примерно наполовину, и принялась чашку эту над огоньком спиртовки разогревать, перемешивая ее содержимое осторожными круговыми движениями. По комнате распространился слегка дурманивший, терпкий запах.

Инъекция и предшествовавшие ей магические процедуры возымели свое действие. Пришлый закашлялся и открыл глаза. Потом попробовал сесть, заходясь булькающим хрипом.

Цинь и Брат охотно помогли ему, подложив под спину подушки и спешно принесенную пажом кучу мягкой рухляди. Целительница поднесла к губам пациента давешнюю чашку с разогретым снадобьем и осторожно, чтобы ни капли не пролилось, заставила Пришлого выпить.

Форрест Дю Тампль зажмурился, покачнулся, но тут же сел прямо. Посмотрел вокруг — уверенно, но явно обалдело, как смотрит, бывает, на свои владения пьяный комендант крепости. Попробовал что-то выговорить. Язык плохо слушался своего хозяина. С третьего или четвертого раза ему удалось произнести нечто вроде «благодарю вас, мэм».

«Мэм» торопливо забрала у него свои жезлы-спицы и поднесла ему к губам чашку, наполненную новой смесью таинственных субстанций. Форрест покорно проглотил и это питье.

«А ведь опоит она Пришлого, стерва раскосая, — подумал про себя Торн. — Точно опоит... И как мне потом перед Мглой-Хозяйкой отчитываться? Ведь не хватать же ее за руки — сам привел...» Но вслух лишь предположил, что теперь гостю и крепенько выпасться — теперь по-хорошему уже — не помешает...

Цинь задумчиво покачала головой.

— Нет, Брат Мглы... Засыпать ему сейчас нельзя. Элементарно может снова в кому съехать. С ним сейчас поговорить надо... Молодой человек, — обратилась она к безмолвно и

ошалело наблюдавшему за всем происходящим пажу. — Принесите что-нибудь, на что Брат Торн мог бы присесть, и какого-нибудь горячего питья — да побольше. Гостю сейчас требуется много жидкости... И ему обязательно надо согреться. После этого оставьте нас здесь втроем... Что, знобит? — повернулась Цинь к гостю, который, морщась, обхватил плечи руками крест-накрест. — Сейчас согреетесь, господин... Извините, еще не знаю вашего имени.

— Форрест, — представился гость. — Форрест Дю Тампль. Я — с Квесты...

— Брат Торн, — попросила Цинь, — будьте добры — передайте господину Дю Тамплю что-нибудь из его одежды, чтобы он мог накинуть на себя...

Торн подобрал с широкой полки рубашку и свитер гостя и его теплую куртку и бросил их на лежанку. Попутно он убрал с полки и сунул себе за пояс — под шерстяной балахон — его пистолет: не стоило стволам сейчас валяться на виду. Не ровен час разговор мог принять ненужный оборот. Цинь он протянул карточку, удостоверяющую личность гостя.

Тем временем явились миру вторая каменная скамеечка и пара дымящихся медовыми флюидами объемистых кувшинов. Громадных керамических кружек им принесли на всех — три штуки. После чего дверь в светелку деликатно, как бы сама собой прикрылась, и в комнате, как и велено было, осталось только трое.

* * *

Торн разлил питье по кружкам, и все трое отхлебнули по глотку.

«Черт возьми, — подумал Брат. — В Шантене весьма однозначно понимают идею согревающих напитков...» И сделал глоток побольше, покосившись на Целительницу.

— Ничего, — поняв его взгляд, отозвалась та. — Вот как раз это гостю сейчас не повредит...

Сама она еле прикоснулась губами к дымящейся кружке.

Гость сделал два небольших глотка и потряс головой.

— Гос-с-споди... — произнес он глухо. — Ну и сны ТАМ показывают...

— О снах мы тоже поговорим, — заверила его Цинь. — Но это — потом. А сейчас давайте о делах мирских, Форрест... Ничего, что я буду называть вас по имени? А меня зовите тоже по-простому — Цинь.

Торн поспешил представиться.

— Так вот, уважаемый Форрест, — продолжила Целительница, выждав, пока собеседники сделают еще по глотку. — Мне кажется, что мы имеем право проявить интерес в отношении того, что привело вас сюда. В самом деле — что? Вы уже смогли убедиться, что это не самый безопасный и не самый приятный из Миров...

— Я здесь...

Торн заметил, что взгляд гостя оставался мутен и не сфокусирован. А речь — явно затруднена. «Опоила его чертова баба, — подумал он. — Опоила или тем пользуется, что не оклемался гость наш еще...»

— Я здесь, можно считать, по приглашению... — закончил-таки свою фразу Форрест и улыбнулся — чуть глуповатой улыбкой.

— Вот как? — без особого удивления заметила Цинь. — Вас пригласили сюда ваши друзья?

Форрест задумался, некоторое время казалось, что он готов снова погрузиться в сон. Торн бросил на Цинь неодобрительный взгляд. Ему не нравилось, что игра идет явно не на равных.

— Д-да... — как-то неуверенно согласился Форрест. — В некотором роде это был мой друг — тот, что позвал меня сюда...

— Ему удалось передать вам письмо? Или кто-то на словах передал вам его приглашение? Кто он — этот ваш друг?

Форрест массировал лицо руками.

— Он... Этот человек... Он далеко пошел здесь... У него теперь снова свободный доступ в наши Миры...

Он запнулся, словно сбился с какой-то важной для него мысли. Цинь не мешала ему, а Торн и не собирался подталкивать.

— Свободный доступ... — повторил Форрест, словно напоминая себе самому, на чем прервалась нить его мысли. — В том-то и беда, — произнес он более уверенно. — Его нельзя впустить в Обитаемый Космос... Он, конечно, не сможет... Не сможет добиться своего... Но может наделать бед... Он уже послал своих людей... И не только людей...

Силы снова стали покидать гостя, слова его начали путаться, терять смысл... Цинь потянулась за новым шприцем, но Форрест встряхнулся и коротким жестом остановил ее.

— Нет, не надо. Все в порядке... Я, кажется, сказал уже, что я здесь по приглашению. Только, боюсь, что тот, кто пригласил меня в эти края, очень быстро пожалел о том, что был излишне откровенен со мной. И с другими... И послал за нами свою команду... Только я...

Форрест снова улыбнулся. Теперь его улыбка уже почти не была глуповатой. Скорее она была горьковатой улыбкой разочарованного человека. Может быть, человека, плохо понимающего, что с ним происходит. Но уже не бессмысленной гримасой полуидиота. «Похоже, парень быстро приходит в норму», — констатировал про себя Брат Торн.

— Только я, — продолжил Форрест, — хитрая дичь... Меня засадили за решетку, я из-за нее выкарабкался. Ко мне стали подбираться снова, а я... Как вы думаете, мэм, где прячется хитрая дичь, когда дракон выходит на охоту за ней?

— Наверное, на спине у дракона? — не столько спросила, сколько огласила старую охотничью мудрость Целительница.

— Вот так примерно я и поступил, мэм, — снова улыбнулся Форрест Дю Тампъ.

— И как же зовут вашего Дракона, Гость?

Цинь улыбнулась, подбадривая гостя. Самую чуточку, краешками губ. Но гость то ли был еще недостаточно в себе, либо, наоборот, был уже себе на уме. Форрест кисло улыбнулся и откинулся на подушки.

— Это сложный разговор, — пробормотал он еле слышно. — Давайте отложим его хотя бы до завтра...

Цинь пригубила согревающее, поднялась со скамьи и стала задумчиво ходить по комнате.

— Ну что ж... — вздохнула она. — Действительно, вам еще слишком трудно много говорить. Мы можем попросту плохо понять друг друга. А взаимное непонимание для нас сейчас опасно. Опаснее, чем что-либо другое...

Стоя за спиной Торна, она с интересом листала блокнот гостя.

— Но и засыпать вам сейчас нельзя. Вот что... пусть Брат Торн побудет с вами. Поговорит на несложные темы... Наверное, у вас тоже есть к нам вопросы... Возможно, этс

вам обоим пойдет на пользу. Меня же ждут неотложные дела. Я вернусь через несколько часов. Тогда и поговорим. Посмотрим, как будет обстоять дело с вашим здоровьем к тому времени... Вы не возражаете, Брат Торн?

Брат Торн не возражал. Китайка так ловко связала его по рукам и ногам, предоставив, казалось бы, роскошную возможность ночь напролет общаться с подозрительным Пришлым, что и сказать было нечего. Себе же она оставила полную свободу действий. И — уж в этом Торн не сомневался — эти несколько часов своего «тайм-аута» она потратит не зря.

Двери за Цинь затворились, Торн снова наполнил кружки все еще горячим питьем. Протянул гостю его кружку и подошел к полке, где были разложены пожитки Форреста. Взял в руки блокнот — ему было о чем спросить гостя относительно этой переплетенной в прочную кожу книжицы. И тут у него испортилось настроение.

С полки исчезло письмо. Пакет, адресованный Кристоферу Денджерфилду.

* * *

Дороги, проходящие через Худые леса, поросли черной травой. По ним уже испокон веку не прокатывалось колесо телеги и не ступало конское копыто. Разве что на Зброшенном тракте можно было увидеть вереницу пестрых фургонов Лоскутного Племена, сыны и дочери которого давно уже породнились со здешней нечистью, а потому не боятся ни богов, ни демонов. Из простого же люда, да и из люда сословного — то же: всяк, кто не болен на голову, места эти минует, либо делая немалый крюк — к предгорьям, либо — реками, заплатив ровно столько, сколько заломит в этот день кто-нибудь из лодочников.

Так что встретить на лесной дороге, вдалеке от Реки и от Тракта всадника, а тем более всадницу Посланник Неназываемого не ожидал. Сначала он подумал, что это звук копыт его коня гулким эхом отдается в лесной тишине и, заплутавшись меж золотисто-коричневых стволов деревьев, запоздало возвращается к нему. Но дальнейшие события развеяли это его заблуждение. Из-за скрытого разросшимся кустарником поворота пегая кобыла — явно из конюшен Славного Сословия — вынесла навстречу ему неприхотливо, по-дорожному одетую амазонку. Амазонка, похоже, встрече не обрадовалась и умелым движением руки, сжимающей поводья, заставила своего коня разминуться с неожиданным встречным.

На Посланца наездница, казалось, не обратила внимания — только с полным безразличием мазнула по нему взглядом бездонных черных глаз. И как не было ее.

Но Посланец на то и прожил в Сумеречных Землях не один земной год, чтобы хорошо знать — случайности любят тянуться друг к другу. И поэтому, обострив до предела все свои чувства, он внимательно проэкзаменовал все доступное этим чувствам пространство вокруг. И не зря. По параллельной- почти скрытой стволами и кустарником — дороге вслед исчезнувшей всаднице бесшумно мчалась стремительная черная тень.

Но мчалась она все же недостаточно быстро.

«Еще немного, и этот чужак поймет, что никого уже не догонит по этим буеракам, — прикинул Посланец. — И тогда сбросит скорость и остановится подумать — что делать дальше. А то и повернет назад. Что ж...»

Не торопясь, Посланец провел своего коня меж лесных гигантов, миновал цепкие кусты и островки молодой поросли и вышел на ту самую параллельную просеку, по которой промчался почти незримый преследователь встреченной всадницы. Скакать по его следу

пришлось недолго. Незадачливый наездник пребывал именно в том положении, которое ему мысленно определил Посланец: стоял у перекрестка заросших просек и сосредоточенно думал. Что-то в его осанке и повороте головы насторожило Посланца.

Ясно что — это тоже была женщина!

Посланец даже узнал ее со спины.

— Хло! — тихо окликнул он. — Сестра Хло-о!..

Сестра Хло быстро, но довольно неумело развернула коня, умудрилась при том не свалиться в листовую опад под ногами и впиалась глазами в лицо приближающегося Посланца.

— Рад видеть, что вы не чужды конному виду спорта, Сестра... — улыбнулся Посланец. — Но Небеса темнеют. Вы можете не успеть добраться до вашего монастыря. От Шантена это не ближний свет... Вы ведь оттуда скачете? Разрешите составить вам компанию?

— Сестра-настоятельница не будет волноваться обо мне, — уклончиво ответила Хло, трогая коня с места.

— Да, они там совершенно спокойны за вас, — заверил ее Посланец, пристраивая своего коня голова в голову с конем Сестры. — Я совсем недавно говорил с сестрой Маргаритой... Представляете, какая незадача! Я еду к Старому маяку — там никто не имеет представления, куда делся бродяга Торн. А ведь он оттуда неделями не вылезает... Проехался по скитам да заимкам, где Сестра Травница имеет привычку бывать, — снова хоть шаром покати... К вам в монастырь наведался — та же история...

— Я не сомневаюсь, Князь, в том, что если бы вы предупредили нас, что желаете встретиться с нами — вместе или по отдельности, — то наверняка избежали бы лишних хлопот, — дипломатично пожала плечами Хло.

— К сожалению, у меня не было такой возможности, — сокрушенно вздохнул Посланец. — Но, по крайней мере, с вами мне повезло: я надеюсь, вы сможете уделить мне пару минут для весьма серьезного разговора? Торопиться вам, как мне кажется, некуда. Госпожа Целительница уже далеко отсюда.

— При чем здесь Целительница? — снова пожала плечами Сестра. — Вы же сами заметили, что я совершаю конную прогулку. Ничего более... К тому же не думаю, что вам со мной так уж особенно по пути...

— Оставим это... — поморщился Посланец. — Вы прекрасно знаете, о чем я говорю. А времени у нас с вами почти что и нет. А то, которое все-таки есть, стремительно убывает. Ведь Новые Пятеро уже пришли в этот Мир.

— Да, — Хло сделала безразличное лицо, — они пришли. Я думаю, это не секрет для Пославшего вас.

— Для Пославшего меня нет секретов.

Иной реплики от Посланника и нельзя было ожидать. Только вот произнес он это дежурное речение без пафоса, слегка устало, как привычный разговорный штамп вроде «Ну и слава богу».

— Я полагаю, что Трое Меченных Мглой не оставили без внимания начавшиеся события? — продолжил он. — Более того, я полагаю, что Трое уже сошлись на одной какой-то точке зрения на происходящее. Выработали, как говорится, единую платформу...

Сестра выпрямилась в седле, присматриваясь к лицу собеседника.

— Разумеется, мы договорились между собой кое о чем на этот счет. Но...

— Но?.. — подтолкнул замерший маховик ее речи Посланник.

— Вы за этим пожаловали в наши края, Князь, и рыскаете окрест в поисках наших скромных особ? Только чтобы узнать наше мнение на этот счет? — уверенно увела разговор в сторону от своего неосторожно брошенного «но» Сестра Хло.

— Поверьте, — вяло улыбнулся Посланец, — и я сам, и Тот, Кто Послал меня, склонны придавать мнению Трех большое значение... Разумеется, в том случае, если вы не желаете оглашать ваш совместный вердикт, мне не остается ничего другого, кроме как принести вам свои извинения за причиненное беспокойство и...

— Если бы я хоть на минуту поверила вашим столь вежливым заверениям, — поморщилась Хло, придерживая своего коня, норовящего убраться подальше от Посланца, — то мне разве только и осталось бы теперь, что раскланяться и попрощаться с вами, Князь. Но зная ваше и Пославшего вас обыкновение доводить любое дело до конца... К тому же наше совместное решение и не секрет вовсе... Мы держим нейтралитет. Пока сама Мгла не даст недвусмысленного знака.

Посланец помолчал немного. Потом снова вывел на лицо наивежливейшую улыбку.

— Однако, как я понимаю, у вас, Сестра, возникли сильные сомнения в том, что ваши... э-э... партнеры строго придерживаются соглашения?

Хло бросила на него не слишком добрый, оценивающий взгляд.

— Не знаю, чем дала вам повод для подобного умозаключения...

— Своим «но», милейшая Сестра... Своим «но», оставшимся без продолжения. Но не только этим... И не только вы... Ну посудите сами — что должен был подумать я, узнав, что сразу после того, как маги объявили, что им был явлен Знак, все Трое Меченных Мглой срываются с насиженных мест и отправляются кто куда? Что я должен подумать, если верные информаторы доносят мне, что двое из вас направились навстречу Пятерым? Что я должен был подумать? И как должен был действовать?

Сестра смотрела на Посланца прозрачным, невидящим взором.

— А почему, собственно, вы должны действовать? Думать — думайте все, что вам угодно. А вот действовать... Дела Мглы касаются только нас, Меченных Мглой.

Посланец поморщился.

— Давайте не будем водить друг друга за нос... Вы же ясно представляете соотношение сил на этих благословенных землях, Сестра. Все здесь держится на очень зыбком балансе сил. Мгла и вы — Трое ее служителей. Пятеро носителей Великого Дара. И еще Пятеро которые должны их сменить. Буйное Славное сословие. Государь и маги...

— И Неназываемый, — подсказала Хло.

— И Пославший меня... Разумеется. Так вот, стоит каким-то из этих сил вступить в коалицию, и снова все затрещит по швам. Так что ваше первоначальное решение о нейтралитете — решение мудрое. Хотя и ссорит вас с государем.

— Знаете, Князь, лекцию на тему о наших здесь распрях я и сама могла бы прочитать вам. В последней смуте были виноваты кто угодно, но не Меченные Мглой, — ответила Сестра. — Сказать кто?

— С тех пор много воды утекло, Сестра Хло... — невозмутимо гнул свое Посланец. — Не стоит ворошить прошлое. Важен настоящий момент. Постарайтесь понять Пославшего меня. Пятеро откровенно враждебны ему. Государь, наоборот, всецело предан. И — что немаловажно — имеет все основания опасаться Пятерых. Мгла нейтральна. Маги расколоты на несколько лагерей. Но в целом тоже держат нейтралитет. Но если Старые Пятеро

стакнутся с Новыми — быть беде...

— Попросту говоря, — ядовито улыбнулась Хло, — Неназываемый опасается, что ему припомнят то, что своим появлением он вверг Сумеречные Земли в пучину смуты и междоусобицы. Такое возможно. Но если две Пятерки передерутся, то мы рискуем снова получить то же самое — междоусобицу и смуту. Нужны взаимные гарантии... что ни Пятеро, ни Пославший вас не предпримут попытки реванша.

— Вы совершенно не представляете планов того, кого упорно величаете Неназываемым, — твердо сказал Посланец. — Тратить силы на здешнюю мышиную возню он больше не намерен. Он получил от Мира Молний главное — мощь здешней магии. Дар Власти. И теперь его интересы лежат вне этого мирка. Обитаемый Космос — вот его новая арена.

Хло некоторое время молчала, покачиваясь в седле. Потом снова желчно улыбнулась.

— И такое здесь тоже было, Князь... Но, если это действительно так, ситуация меняется. Хотя бы на время. Если это действительно так...

— Было бы неплохо... — неопределенно-туманным тоном произнес Посланец, — было бы неплохо, если бы вы, Сестра, приняли участие в том, чтобы утвердить взаимопонимание между противостоящими сторонами. Это было бы высоко оценено...

Хло бросила на собеседника пристальный, полный подозрения взгляд.

— Вы это говорите от имени вашего господина?

— От имени Пославшего меня.

Было трудно понять, уклонился ли Посланец от ответа, поправив собеседницу в том смысле, что господином Неназываемый ему не является, или подтвердил то, что делает предложение от его имени. Хло решила остановиться на последнем.

— И это предложение касается меня лично или и других Меченных Мглой тоже? — осведомилась она. Посланец в который уж раз пожал плечами.

— Это зависит от вашего собственного выбора, Сестра Хло. Они достигли перекрестка с Заброшенным трактом. Сестра попридержала коня.

— В таком случае мне потребуется время на размышление. Нет-нет, — она предупредительно подняла руку. — Я прекрасно понимаю, что именно времени-то у нас у всех в обрез. Тем не менее прощаюсь с вами до обеденного часа. Встретиться можем снова здесь.

Не дожидаясь ответа, она развернула коня и пустила его рысью по Тракту. Прочь от смутившего ее душу собеседника.

* * *

— Он все-таки заснул?

Голос Целительницы прозвучал за спиной Торна неожиданно, но так тихо и ненавязчиво, что тот даже не вздрогнул.

— Вы уже вернулись, Целительница? — повернулся он к незаметно вошедшей в комнатку китаянке. — Нет, наш гость не спит...

— С вашим другом не уснешь, — не открывая глаз, произнес Форрест. — Просто я задумался. Я, мэм, понимал, что попаду в очень сложную ситуацию. Но не представлял, насколько она окажется сложной.

— Если... Если мы на минуту-другую оставим вас наедине с собой, вы не отключитесь, мистер? — уже вполне по-земному, не так, как принято здесь, осведомилась Цинь.

— Да так будет даже лучше, — совершенно спокойно согласился Дю Тампль. — И вам и мне лучше побыть чуть-чуть наедине с собой.

Она подошла к полкам с брошенной там одеждой гостя и небрежно тронула куртку кончиками пальцев. Из ее ладони как-то сам собой выскользнул и лег на прежнее место конверт, адресованный Кристоферу Денджерфилду. Цинь кивнула Торну на дверь. Тот, крикнув, поднялся со скамеечки и, пробормотав что-то вроде: «Мы тут ненадолго», вышел из комнаты, пропустив Целительницу впереди себя. Та плотно притворила за собою дверь.

— Дело оборачивается очень плохо... — тихо произнесла она. — Точнее — очень сложно... Тебе удалось узнать от него что-то важное, Брат?

Торн тяжело вздохнул, огляделся — вокруг не было ни души, — подошел к окну в торце короткого коридора и пристроился на широком подоконнике, словно седой сыч на удобном суку.

— Нам удалось хорошо поговорить... Он почесал в затылке, достал свою трубку-носогрейку, повертел ее перед собой и снова спрятал в кисет.

— Он много интересного говорит... — продолжил он. — В общем, что-то не то получается — совсем... Никакой он не... Он не из Новых Пятерых... Он за ба... за подругой своей сюда заявился. Звать подругу ту Мэри-Энн. Фамилию не запомнил Да и не называл он ее, вообще-то, фамилию эту... Он думает, что какой-то из его приятелей протоптал дорожку сюда — в Мир Молний. И сманил с собой эту самую Мэри. Но, похоже, не в ней одной дело. Может, даже вовсе не в ней...

— Это интересно, — сухо, не поднимая глаз, признала Цинь. — Это похоже на те данные, что мне удалось добыть. Но...

— Но?.. — подтолкнул ее слова Брат Мглы.

— Но сами Пришлые могут вовсе и не осознавать истинное свое предназначение. То, ради которого перед ними отворили Врата. Это я не с чужих слов говорю вам, Брат. Случайно сюда не попадают. Мир Молний сам выбирает гостей.

— Вам виднее, Целительница, — сказал Брат Торн. — Только вот, по-моему, в непонятках он — Пришлый этот. Деле вроде, было не так уж чтобы слишком давнее, по земному, говорит, счету лет всего восемь тому назад все приключилось, когда те двое должны были в наши края забрести, ан вот, ни о чем таком мне, старому дурню, не известно. А ведь любой Приход Извне знак оставляет. И уж нам, Меченым, Мать-Мгла дала бы знать, случись что такое...

— Вы поразительно недогадливы, Брат, — пожала плечами Целительница.

— Может, и недогадлив, — насупился Торн. — Однако осторожен. Не давил я на гостя. Лишних вопросов не задавал. Об осторожности, кстати... Письмо-то его вы рискованно забрали. Мог заметить... Не мое, конечно, дело вам замечания делать...

— Это только джентльмены не читают чужих писем, — иронически поморщилась китаянка. — Слыхали о такой породе людей, Брат? А нам — здешним колдунам — о Пришлых всю подноготную знать надо... Кстати, я не спрашиваю вас, почему Сестра Хло пыталась следовать за мной по пятам, когда я направились, чтобы... Вы знаете, что есть способы прочесть письмо, не вскрывая конверта...

— Сестра Хло?..

Торн огорченно мигнул.

— От нее можно было ожидать такого. Но я не предусмотрел...

Цинь строго посмотрела на него.

— Очень жаль, что между Троими бродит тень недоверия...

Торн нахмурился.

— Кстати о доверии... Эти ваши чтецы закрытых писем... Они-то надежны?

— Надежны, — коротко отрубила Цинь. — У них есть все основания держать язык за зубами.

Она посмотрела на Торна исподлобья.

— Вы хотя бы прочли имя адресата на конверте, Брат?

— Прочел. Оно мне ничего не говорит. Ровным счетом.

Цинь высоко подняла брови.

— Вот теперь тебе удалось удивить меня, Брат... — вздохнула она. — Неужели вам Троим не известно, что Неназываемый до того, как Неназываемым стать, еще там — за Небесами — носил имя Кристофер Денджерфилд?

* * *

Теперь гость был уже почти в порядке. Настолько, что довольно непринужденно сбежал по лестнице (а лестницы в Шантене крутизны необычайной) в Малую трапезную, где был накрыт завтрак.

Впрочем, это был не совсем завтрак. Для завтрака было уже поздновато. Военный совет это был, лучше так назвать. И на стол бышу подано только нечто завтрак символизирующее — салат с копченой медвежатиной, ореховая настойка для джентльменов и легкое вино для Целительницы. Плюс нечто, заменявшее чай (или кофе) и еще одно нечто заменявшее кофе (или чай). Целительнице было предоставлено почетное место — во главе стола. Хозяин имения и Украшение Славного Сословия присутствовали чисто протокольно, поскольку изначально в дела Троих и Пятерых носа не совали. Поэтому оба хранили значительный вид и основательно налегали на ореховую. Брат Торн уже покинул их компанию. Ему надо было спешить на встречу Троих Меченных Мглой. Так что фактически собеседников было двое: Форрест и Целительница.

Разговор начала Цинь. И начала без лишних обиняков.

— В ночь и с утра мы о многом поговорили, Форрест, — обратилась она к гостю. — Разреши сделать тебе несколько неприятных сюрпризов...

— На приятные сюрпризы я и не рассчитываю, — ответил Дю Тамплъ.

Цинь иронически кивнула.

— Прежде всего, — продолжила она, — вы попали в центр целого урагана здешних страстей. В Мирах Федерации их называли бы политическими. Но здесь все сложнее... Тот, кто вас интересуется... Ведь вы имеете в виду господина Кристофера Денджерфилда?

Последовал кивок согласия. Цинь тяжело вздохнула.

— Вы недооцениваете того превращения, которое он претерпел в здешних местах. Вы считаете, что он стал тут всего лишь влиятельной особой...

— Ну... — Форрест задумчиво ковырнул салат вилкой. — Если брать в расчет его претензии, то меньше чем на звание Господа Бога он не был согласен...

Цинь ответила горьковатой усмешкой.

— Ну что ж... Ваш приятель почти добился своего. Осталось совсем чуть-чуть... Он стал весьма могучим носителем чуть ли не главного здесь Дара. Дара Власти... И носит титул Неназываемого.

Форрест продолжал рыхлить салат.

— Не знаю, мэм, могу ли я называть его теперь своим приятелем... Но Крис всегда добивался того, чего хотел. Знал, чего хотеть. И как. Но, я вижу, вы не выражаете слишком большого восторга по поводу того, что он занял место в здешнем пантеоне...

Цинь выпрямилась.

— Видите ли, его восхождение в ипостась Неназываемого сопровождалось смутой и междоусобицей. Погибла почти вся предыдущая Пятерка Носителей Дара. И множество простых смертных. Не известно, что было бы, если бы затея ему удалась... Сумеречные Земли стали бы каким-то Царством Тьмы. Мордором, извините за выражение...

— Мор... Чем?

— Не важно — это из древней литературы... Видите ли, как мы поняли из тех записей, которыми вас снабдил кто-то сведущий, и просто из разговоров с вами, вы должны понимать главное: основа основ жизни в этих краях — равновесие сил. Так же, впрочем, как и в любом из Миров. Только здесь силы весьма своеобразны. С развитием наук и ремесел не получается ничего. Здешние властители не хотят взорвать сложившуюся систему. Поэтому обычная для населенного Космоса техника используется здесь в редчайших случаях. И, как правило, тайно. Даже развитие вооружений не пошло дальше огнестрельной техники. Компьютеры, волоконная оптика и информационные сети приравнены к магии. А владеть магией дано не многим. Собственно, и магия, в том числе и наши Дары, и Мгла, и все с этим связанное — тоже самые обычные техника и технологии. И основаны они вовсе не на действии сверхъестественных сил, а на обычных законах природы. Просто это техника и технологии цивилизаций, которые на тысячи лет опередили нас. Точнее, остатки этих сверхтехнологий, которые живут здесь самостоятельной жизнью. И почти совсем непонятны для нас. Такие вещи — только в мизерных количествах — встречаются в разных местах Обитаемого Космоса. На Шараде, на Джее... Впрочем, не буду читать вам лекцию на эту тему.

— Да, — признал Форрест. — Я немного подкован в этих вопросах. Когда не буду понимать чего-то, спрошу — будьте уверены.

— Тем лучше, — кивнула Целительница.

А гостеприимный хозяин поспешил наполнить прекрасные образцы столового хрусталя, стоящие перед гостями, бодрящей влагой. После чего предложил означить с ее помощью важность момента.

— Так вот, — продолжила Цинь, — еще раз прошу понять: здешняя система жизни основана на равновесии сил. Боюсь, что ваш бывший приятель не отказался от мысли эту систему разрушить. И заменить чем-то вроде пирамиды, на вершине которой будет находиться он сам. Только он. И больше — никого! А все, что не захочет в эту пирамиду вписаться, он намерен сокрушить. Он проявил на пути к этому необыкновенные таланты и даже своего рода мудрость. Единственное, чего не дано ему понять, так это того, что путь, выбранный им, гибелен. И для Мира, в который он явился, и для него самого!

Целительница коснулась губами содержимого своего бокала и отставила бокал подальше — видно, винные погреба Шантена не удовлетворяли ее вкус.

— Он не понял, — Цинь решила довести мысль до конца, — того, что то равновесие сил, которое он застал здесь, далеко не случайно. Не понял, что Мир Молний — не просто

обломок некогда всемогущей цивилизации Предтеч. Это... Это — действующий механизм. Инкубатор новых разумных рас. Арена для их гладиаторских игр. Их плавильный котел. И законы, что правят этим Миром, не дадут сбыться его честолюбивым замыслам. Но прежде чем он все-таки поймет это, прольется много крови...

Форрест неопределенно гмыкнул и отправил-таки в рот немного салата.

— Вы не можете представить себе, — вздохнула Цинь, — до какой степени эти годы изменили вашего знакомого. Из обычного человека...

— Крис никогда не был обычным человеком, — тихо заметил Форрест.

— Все равно, он сейчас — нечто совершенно иное, чем тот, кого вы знали, — возразила ему Целительница. — Трудно сказать, что в нем осталось от человека вообще... Поэтому ваши расчеты на встречу с ним и с вашей подругой — самая наивная глупость!

Форрест угрюмо молчал, прожевывая ломтик ветчины.

— Что вы можете сообщить относительно Мэри-Энн? — наконец осведомился он. — Вам ведь знакомо и ее имя? Мне не надо пояснять, о ком идет речь?

— Не надо... — кивнула Цинь. — Не могу вас порадовать ровно ничем. — Она стала одним из камушков, из которых Неназываемый лепит свою пирамиду. Она...

— Мэри-Энн — не тот человек, которого можно использовать! — Тон гостя впервые стал резок. — Ни в качестве камешка для пирамиды, ни как-нибудь еще. Она из породы одиноких волков, мэм. А я эту породу хорошо знаю. Сам такой.

Цинь улыбнулась. Странной какой-то, «внутренней», не очень веселой улыбкой.

— Да, Гость, вы — сам такой. Вы даже не понимаете, насколько точно выразились. У вашей подруги и здешнее имя — Одиночка. Правда, это не совсем из-за характера. Так тут называют тех Пришлых... Вам знакомо это слово? Вы на него не обижаетесь? Оно и ко мне относится...

— На слова не обижаются, мэм. Обижаются на тот смысл, что в них вложен. В этом Мире мы — действительно Пришлые... Так что не будем мелочиться.

— Так вот, Одиночками у нас называют тех пришлых, которых сюда заносит не в составе новых Троек или Пятерок. Как бы случайно. Но не в том дело. Дело в том, Гость, что сюда никто не попадает случайно. Или просто по собственному желанию.

Она — искоса — бросила на гостя пристальный взгляд.

— Это относится и к вам, Форрест Дю Тампль! Этот Мир ищет по Вселенной... Ищет и находит то, что ему необходимо. Необходимо для той странной игры, что он ведет сам с собою уже невесть сколько тысячелетий. И, как правило, человек, проникающий под эти Небеса, чем-то необычен. Наделен какими-то свойствами, делающими его необходимым именно здесь и сейчас. В том случае, когда является ярко выраженный носитель того или иного Дара, это — знак. Чаще всего знак того, что кто-то из Пятерых не выдержал своего испытания. Мы ведь проходим здесь именно испытание... Тогда он должен вступить в борьбу с тем, кто пришел на его место, или просто уйти. Стать таким, как все...

Целительница горько усмехнулась.

— Тот, кто был Целителем до меня, — Гуго Глосс — выбрал именно этот путь. Думаю, он достоин уважения. Но... Но и жалости тоже.

Ее лицо вдруг стало очень человеческим — грустным и неясным.

— Или это может означать, что кому-то из нас надо отправляться дальше — в путь по Тропе Испытаний. К тому моменту уходящий уже знает, что ему надо для этого сделать.

Форрест поскреб начинающий зарастать щетиной подбородок.

— Вас — всегда Пятеро? И всегда один из вас Целитель, другой...

— Это так и не так, — прервала его Цинь. — Нас Пятеро — тех, кто согласен с другими Четырьмя. Это очень древняя традиция. Но есть еще и Одиночки. Те, кто не захотел вступить в наш союз. Или не успел. И не всегда все пять Даров, которыми мы наделены, — те же, что и у предыдущих Пятерых. В прошлой Пятерке не было, например, никого, кто бы Видел След вещей и событий. Это очень редкий Дар. Зато был человек, наделенный Даром менять Судьбу... Но никогда среди Пятерых не бывает двух одинаковых Даров.

— Одиночки... — осторожно повторил Форрест. — Мэри-Энн, судя по тому, что вы сказали, как раз стала такой... Она не нашла с вами общего языка? Я же говорил, что...

— Говорили, что она — одинокий волк, — снова прервала его Цинь. — Но дело не в ее характере. Все мы Пятеро — одинокие волки. Каждый по-своему. Это — не помеха для вступления в союз. Конечно, кому-то из нас пришлось бы уступить ей место. Но мы не успели вступить в переговоры с ней. Неназываемый наложил на нее Заклятие Власти. И она теперь не вольна в своих действиях. Ее Дар находится во власти Неназываемого. Она сделала большую ошибку, когда направилась в его владения, не переговорив сначала ни с кем из нас...

— Так у нее был Дар? — Форрест удивленно уставился на Целительницу.

— Да, — кивнула та. — Был. И остается. Точно так же, как и у вас, Гость.

Она жестом остановила Форреста, готового прервать ее недоуменным вопросом.

— В этом не приходится сомневаться. Неназываемый — еще в ипостаси Кристофера Денджерфилда — посещал наш Мир. И не раз! И хорошо разобрался в сути своего Дара и в том, как находить Дар в других людях. И занимался такими поисками в вашем Мире долго и систематически. Так что его предложение вам — сделаться его партнером в борьбе за власть в этих краях — далеко не результат простого всплеска дружеских чувств...

— Здесь — в Мире Молний — он не мог выбрать себе таких партнеров? — пожал плечами Форрест. — А там — в родных краях — сразу двое. Причем оба в одном месте... Я уже говорил, что у меня с Мэри был совместный бизнес.

— Вот в этом-то мало удивительного, — усмехнулась Цинь. — У здешнего населения — за редчайшими исключениями — иммунитет к тому, что принято называть Дарами. Это не случайность. Может быть, у нас будет время об этом поговорить подробнее. Наделенные Даром здесь если и попадают, то их с раннего детства «пасут». У здешних могущественных опекунов все под контролем.

— М-м... А маги? Они имеют ко всему этому какое-то отношение?

Лиико Целительницы дернулось.

— Маги? Жалкий, эгоистичный народец. Обычные людишки со всеми их слабостями и пороками. Но только их предки наложили лапу на множество документов и практически на все технологии, что остались от Предтеч. Они пользуются ими, как дикари могут пользоваться попавшим им в руки оружием погибшего воинства. Дикарь может понять, что, если нажать на спусковой крючок, пистолет выстрелит. Еще через два поколения его потомки могут догадаться, что способность стрелять дают пистолету патроны определенного калибра. И так далее... Примерно так.

Наши маги знают, что если произвести с теми штуками, которые они почитают за кольца, монеты, ожерелья Предтеч, определенные действия, то последует определенный результат. Не более того.

И эти свои обрывочные знания тщательно хранят, записывают каббалистическими

знаками в тайных книгах и очень гордятся и дорожат этой недоношенной премудростью. Никогда ею не делятся ни со своими собратьями по Гильдии, ни с кем другим. Только передают ученикам — по наследству. Изредка сами открывают какие-то новые возможности своего магического барахла. Чаще — наоборот. Теряют и предают забвению то малое, что было известно. Пользуются они этим добром, правда, осторожно и изощренно. Но никогда не стремятся проникнуть в суть дела. Да и не могут. Здесь нет науки в земном смысле этого слова... А Извне сюда проникают только единицы. И, как правило, среди них нет подходящих специалистов. Хотя я знаю исключения из этого правила...

Целительница косо глянула на гостя, чтобы убедиться, что тот понял суть сказанного ему. Потом закончила:

— Так что здесь Пришлому подходящих подручных себе было не найти... Скорее уж он сам мог оказаться чьим-то рабом. Ни он один мог быть носителем Дара Власти. А вот там, Извне... Вас не должно удивлять, что Наделенные Даром в Мирах Федерации часто встречаются не поодиночке. Где есть один, там ищи и других... Где-то рядом. Потому что это не врожденное. Это как инфекция. Это можно подцепить, общаясь с магией Предтеч. Я это знаю не понаслышке. Ведь и вам приходилось сталкиваться с чем-то таким? Не так ли? Форрест кивнул:

— Да. Наш с Мэри бизнес был основан на торговле магическим антиквариатом... Вы думаете...

— Тут думать особенно не о чем, — ответила Цинь. — Точнее, думать следует о том, какого рода Дар достался вам, Форрест Дю Тампль. И о том, как вам избежать участи жертвы Заклятия Власти.

— Но... вы-то, Пятеро, устояли против его Дара. Значит... На вас не действует это самое Заклятие?

Цинь посмотрела на него с некоторой жалостью. Как на безнадёжного ученика, которому выше удовлетворительной оценки не подняться никогда.

— Заклятие Власти, Гость, это не пуля, которую можно выпустить из-за угла. И не отравы, которую можно подмешать в вино или подсыпать в пищу. Это нечто вроде прививки. Посвящение в рабы. Оно требует выполнения особого обряда. Чтобы наложить Заклятие, надо, чтобы жертва позволила это сделать. Под действием убеждения, уговоров, обмана, дурманящей отравы. Реже этого можно добиться угрозами. Хотя, судя по хроникам Сумеречных Земель, и такое бывало. Мы — Пятеро — прикрываем друг друга от подобных вещей. И постараемся прикрыть и вас, Гость. Но вы — в очень уязвимой позиции.

Форрест помрачнел.

— И много у Криса теперь таких вот... пешек вроде Мэри-Энн? И какой Дар у нее-то прорезался? Если не секрет?

Цинь покрутила в пальцах так и оставшийся нетронутым бокал с молодым вином.

— Нет... Их не так много. С полдюжины — не больше. Сила Заклятия не может охватить слишком многих. Но зато Неназываемый выбирает себе в рабы тех, кто обладает наиболее эффективным Даром. А Дар Одиночки более чем эффективен. Она дарит Смерть.

* * *

Форрест стал и вовсе уж мрачен.

— И... И она им пользовалась — этим своим Даром?

— Увы — да. — Цинь исподлобья глянула на собеседника. — Не столь много, сколь устрашающе. Но нельзя ее винить за это. Кстати, это ведь она оставила вам тот блокнот... Путеводитель по Сумеречным Землям?

Форрест кивнул.

— Я вижу — он сильно устарел, этот путеводитель. Пятерка сменила состав. И... И многое другое.

Он замолчал на секунду.

— Скажите, а... А другие... Остальные его «камушки пирамиды» тоже заточены под такие вещи?

Цинь поморщилась.

— Да нет... В расчет можно принимать только одного. Неназываемый даже добился того, чтобы этому парню здешний государь пожаловал мистический титул. Князь Миров Обреченных. Это очень древний титул. И о многом свидетельствует. Но обычно его называют просто — Посланец. Его Неназываемый направляет вместо себя туда, где не желает появляться. Не желает или не может.

— И что за особый Дар у этого парня? — осведомился Форрест.

— Самый опасный для Неназываемого, — усмехнулась Целительница. — Самый для него опасный. Посланец — второй обладатель Дара Власти. Причем его Дар гораздо более силен, чем тот, который обнаружил в себе Кристофер Денджерфилд. С этим связаны некоторые сложности. Но об этом потом.

Она поднялась, давая понять, что все главное уже сказано. Ее завтрак остался нетронутым.

— Сейчас настала пора перемен. Многое указывает на это. Поэтому с вами, Гость, и с вашим Даром надо определиться как можно более быстро и более точно. Для этого нам надо встретиться как минимум еще с одним из Пятерых. С тем, кто лучше меня разбирается в таких вещах... Если вы чувствуете себя в силах, то готовьтесь отправиться в путь. Мне тоже надо сделать необходимые приготовления. У нас очень мало времени, Гость.

* * *

— Это ваш фирменный фокус? — с деланным равнодушием поинтересовался Рус, разглядывая неожиданно представший перед ним пейзаж: — Наведенная галлюцинация или просто гипноз? Или так у вас вообще принято?

Парре невесело улыбнулся в ответ.

— Можете действительно считать это спецификой местного гостеприимства. Ведь нам, проводникам, открыты некоторые тропинки не только между Мирами. Здесь и на Шараде, и на Джее есть места, не так уж далеко друг от друга расположенные — в пределах одного Мира сосредоточенные. Но между собой соединенные такими вот особенными тропинками. Мы их «переулками» называем. Только для того, чтобы эти места найти, надо иметь некоторые особые качества.

— Дар? — спросил Рус.

— Вам знакомо это понятие? — не столько спросил, сколько с облегчением констатировал Парре. — В таком случае нам будет легче понять друг друга. Да, для того

чтобы пройти «переулком» туда, куда хочешь, надо или самому обладать Даром, или походить в учениках у того, кто или сам Даром наделен, или тоже выучился в свое время... Вот таким «переулком» я вас и провел к своему дому. Для обычных людей — таких, как вы, — эти тропинки тоже не закрыты. Но вы — да и любой другой из Обитаемых Миров — не смогли бы правильно сориентироваться в пути. Поэтому я и попросил вас держаться за мое стремя.

Изредка в такие места забредают и простые смертные. И долго потом не могут понять, что же, в конце концов, с ними приключилось. Не всегда это для них кончается просто легким испугом. В этих «переулках» иногда попадаются и вполне кондиционные скелеты. Не всюду, куда заводят наши тропинки, есть пища и вода.

Он поморщился и добавил:

— Но не всегда в этом дело...

Странная досада охватила Руса. Он даже не сразу понял ее причину. И только через минуту-другую сообразил, что впервые над ним злую шутку сыграла привычка всегда знать все нужные ему направления в окружающем пространстве. Впервые он понял, что это его «шестое чувство» не сработало. Ему показалось, что он ослеп. Но ослеп незаметно для окружающих. Внутреннее зрение перестало служить ему.

Еще несколько секунд у него заняло осознание того, что слепота, неожиданно доставшаяся ему, вовсе не абсолютна. Да и не слепота то была, а некое странное состояние, в котором оказывается человек, забредший в места, ему совсем незнакомые и непонятные. В которых, однако, ему теперь приходилось обживать. Это ощущение породило в его душе надежду.

— Итак, — произнес он, отворачиваясь от окна, — мне остается ждать, к чему приведут ваши разговоры с тем, к кому я пришел? И как долго продлится это ожидание? Не проще ли будет...

— Не проще! — тихо, но с резким раздражением, проскользнувшем в голосе, оборвал его Парре. — Что бы вы ни предложили, вы не можете изменить принятой нами для таких случаев схемы действий. И поверьте, мы не заинтересованы в том, чтобы держать вас взаперти на полном пансионе до скончания века. И в том, чтобы пославшие вас приняли отправлять вам в помощь подкрепление.

Он подошел к своей конторке и начал перебирать сложенные там бумаги.

— Вам не придется скучать, — бросил он, не оборачиваясь к Русу. — С вами побеседуют еще несколько моих... друзей. У каждого из них свой интерес в ваших делах... Впрочем, ваша свобода здесь практически ничем не ограничена...

— Я могу, например, выйти за пределы вашего дома? — поинтересовался Рус. — Побродить по окрестностям?

— Мне не хотелось бы, чтобы потом пришлось вас разыскивать в этих скалах. Местность здесь пустынная. Водятся всяческие твари. Укусы некоторых здешних ящериц и змей не смертельны, но весьма неприятны...

— Я постараюсь не доставлять вам хлопот, — сказал Рус. — К тому же мне еще ни разу в жизни не приходилось заблудиться...

— Вот как?

Парре обернулся к нему. Лицо его было неподвижно. Только в светлых, словно выгоревших глазах, читалось цепкое любопытство.

— Ну что ж... Если вы так любите прогулки, то не стану вам в этом препятствовать. Вы

не будете возражать, если Лорри будет вашим попутчиком?

Он кивнул в сторону небольшой ниши в стене, где устроилась — оставшись незамеченной — ночная пушистая тварь.

— Это... — недоуменно начал Рус.

— Это тоже Разум, — улыбнулся сухой, выцветшей улыбкой хозяин. — Только другой. Совсем другой...

Глава 8

ТОМ МЕНЯЛА ДУШ

На залитой трепещущим, как всегда здесь, но так похожим на солнечный, светом полянке, казалось, царило безмятежное позднее утро. Собственно, по понятиям людей Земли, так оно и было.

Только жужжание, да трескотня здешних насекомых, да шуршание обитающих в траве и кустарнике зверьков нарушали тишину этого уголка Худых лесов.

Вдруг поляну огласили тихое ржание, звук шагов и хруст примаинаемого ногами и копытами валежника. Из уходящего вглубь чащи «туннеля», в который превратилась некогда проложенная здесь дорога, на поляну вышла девушка, почти еще девочка, одетая в пестрое рванье и ведущая под уздцы буланую лошадку. А следом появилась девушка постарше — одетая так, как одеваются совсем в других местах — далеко отсюда — люди, собирающиеся в путь.

— Ну вот и все, — сообщила ей младшая спутница. — Дальше я с тобой не могу... Тракт начинается вон там. Ты легко спустишься к нему по этой тропинке.

Она указала направление движением острого, чумазого подбородка и протянула спутнице поводья.

— Жаль, Кончита, что ты не остаешься с нами. Но раз ты уж так решила... Ты здорово в карты режешься и на коне держишься неплохо. Так что Чертомета выиграла честно. Постарайся не попасть в ловушку. Здесь их немало.

Она помолчала. Потом вытянула перед собой ладонь, на которой сверкнул тусклый серебряный диск нездешней чеканки.

— Это просил тебе передать тот... Смешной, что заблудился в Лесу. Он сказал, что это приносит счастье. Какой-то древнеамериканский талер. Или доллар... Если ты встретишь его друга... Он просил, чтобы он его нашел, если сможет. Так вот — он, этот смешной, будет с нами. Ему некуда идти. И он ничего не знает об этом Море. Но он понравился старику Пэлу. Старик говорит, что от него может быть какой-то прок...

— Спасибо, Каэра!

Конча подбросила монету в воздух, поймала в полете и, не взглянув даже — орел выпал или решка, сунула ее в карман.

— Ты еще что-то хочешь сказать? — спросила она, уловив, как по лицу спутницы пробежала тревожная тень.

Каэра молчала, словно не зная, стоит ли говорить о том, что ее тревожило, или лучше промолчать об этом. Потом все-таки заговорила — сбивчиво и отрывисто.

— Ты ничего не узнаешь у магов, Кончита. Это народ корыстный и жуликоватый. И на самом деле они ничего не знают. Даже если ты сумеешь заработать какие-то деньги, они их просто вытянут из тебя. И ничего не дадут взамен. Лучше тебе идти к кому-нибудь из тех... Из Пятерых... Каждому из них свой народ служит. Так что они часто без всякой корысти Пришлomu помочь могут. Только... Только рискованно это все... Знаешь... Если ты своих друзей найти хочешь — так это лучше к Меняле Душ напрямую идти. Я ведь тебе уже рассказывала про такого?

Конча кивнула.

— Да, когда мы говорили про Пятерых.

Каэра еще помедлила.

— Понимаешь, сам он, говорят, многим может помочь. Душу, в Мире потерявшуюся, найти может, вычислить. Но вот народец, ему вверенный... Шепчущее Племя... Они опасные очень. Есть такие, что за ним не пошли, а при Неназываемом остались... А без него на Менялу не выйдешь... В общем, так. К Темной поре ближе постарайся осторожно к Горным колодцам выйти. Лучше если б не в одиночку, да кто ж тебе в таком деле попутчик?

— Ты думаешь, я знаю, где у вас тут эти самые Горные колодцы? — улыбнулась Конча.

— А ты не побоишься туда идти? — исподлобья глянула на нее провожатая. — Если я покажу тебе дорогу, а ты попадешься Шепчущим Неназываемого, то получится, что я тебя им отдала...

— Эти... Шепчущие — они убивают?

— Н-нет... — Голос Каэры потерял уверенность. — Они превращают... Все говорят, что это хуже смерти... Но, может, с Пришлыми у них все по-другому... В общем, так, — повторила девчонка, и голос ее окреп. — До сумерек ты туда успеешь добраться. Это по Тракту вверх. К Отрогам. И приглядывайся — по правой стороне будет знак. Когда уже подальше от реки заберешься... Камень такой — красноватый... В мой рост высотой. И на нем — птичий глаз вычернен. С мое лицо. Даже больше немного.

— Птичий?

— Все говорят — птичий... И действительно похоже... Это очень старый камень. От него дорога вверх пойдет. Там только до половины — до озера малого — на коне добраться можно. Постарайся Чертомета понадежнее упрятать. Там Леса почти нет, но камни торчат высокие. Почти как деревья. Вот поводья привязать там трудно будет... А дальше развалины увидишь. Высоко. К ним тропинка есть. Только — трудная, крутая. А за развалинами и будут Колодцы. Над одним колокол висит. Позвонишь в него — много раз звонить нужно, — и жди. За тобой придут Шепчущие. Ты их, вообще, не пугайся, но близко лучше не подходи. Эти, что там обитают, они с Менялой в дружбе. Они тебя к нему и проводят. Они всех, кто в колокол звонит, к нему отводят. А уж с ним, может, у тебя и получится — в смысле договориться... Он же ведь тоже из ваших. Из Пришлых...

— Спасибо... — задумчиво наклонив голову набок, произнесла Конча. — Ну, тебе, наверное, пора возвращаться. Твой отец...

— Отец мне по первое число врежет. И за то, что тебя с Чертометом не устерегла, и за всякое-разное... На этот счет ты не волнуйся...

Конча посмотрела на загорелые босые ноги Каэры. На стройных девчоночьих ногах красовались рубцы, оставленные кнутом буйного нрава родителя. Ее новая подруга явно была не самой покорной дочерью Лоскутного Племени...

Каэра подняла руку в жесте прощания. Кончита Фарга взлетела в потертое седло, отсалютовала ей точно таким же жестом и исчезла в калейдоскопе теней, созданном склонившимися над Заброшенным Трактом кронами причудливых деревьев.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

* * *

Легкое покашливание за спиной отвлекло Магнуса Равновеликого, более известного среди коллег по Гильдии как Робин-Книжник, от размышлений, которым он уже третий час

предавался над шестьсот десятой страницей труда Иосифа Краткого «О триединстве и трех исходах Великой Мудрости».

Размышления фактического главы Гильдии Магов — номинально Книжник был лишь одним из ее Постоянных Секретарей — были, впрочем, сугубо мирскими. Посвящены они были предстоящему визиту его сиятельства князя Черни в его — Робина-Книжника — владения.

Владения эти были велики, богаты и, вообще говоря, сравнимы как по площади, так и по числу населяющих их душ с личными владениями августейшей фамилии. Собственно, именно личное богатство, а отнюдь не особые познания и умения в области магического ремесла сделали Магнуса Равновеликого формально вторым, а по сути — первым человеком в Гильдии Магов.

Дело, впрочем, было не во владениях этих. Размышления касались именно князя. Ни для кого из людей сведущих не было тайной, что под именем князя Черни скрывался обычно Его Величество Тан Алексис — законный государь Сумеречных Земель — в тех случаях, когда находил нужным посетить тот или иной удел своих владений инкогнито.

О том, что князь, следуя по своим неотложным делам, рассчитывает на ночлег и гостеприимство в замке Магнуса Равновеликого, Книжника известил специально высланный с этой целью герольд. Словно «сиятельство» и не подозревало, что члены Гильдии имеют и другие — более скорые и совершенные — способы связи. Сие было знаком высочайшего неудовольствия. К чему, впрочем, следовало быть готовым после решения, принятого Верховной Коллегией Гильдии на ее последнем заседании.

Вот почему мысли Равновеликого были мрачны. Как мрачен был и взгляд, который он обратил на потревожившего его покой ученика.

— В чем дело, Жан? — осведомился он. — Их светлость пожаловали?

— Вы всегда знаете наперед любую новость, Учитель...

Не удостоив склонившегося в лъстивом поклоне Жана даже взглядом, маг поднялся из кресла и стремительным шагом покинул свой кабинет. Во двор замка он вышел уже не столь стремительно, но с полной достоинства поспешностью простирая руки для приветствия формального главы Гильдии.

Свита князя состояла всего из полудюжины телохранителей, пары слуг и неизменного «дорожного камердинера» — графа Нолля, который в момент появления Книжника на месте действия помогал «сиятельству» спешиться. Вся эта кавалькада почти полностью заняла собой не такой уж большой внутренний двор Магнусового замка. При мысли о том, в какие расходы ввергнет его необходимость кормить эту ораву и давать ей кров в течение, быть может, не одних суток, маг помрачнел окончательно.

Что, впрочем, не помешало ему расцвести самой радушной из своих улыбок и устремиться навстречу высокому гостю, рассыпаясь в дежурных приветствиях.

Гость, однако, не спешил выражать ответную радость. С кислой улыбкой он позволил Робину приложиться к небрежно поданной руке, на безымянном пальце которой поверх перчатки был надет массивный серебряный перстень с узором из рун — атрибут Верховного мага и знак того, что прибыл гость сюда именно в этом качестве.

— Ваши люди, сир, наверное, устали с дороги... — начал было Робин.

— Я не сомневаюсь, что о них здесь позаботятся, — оборвал его Тан Алексис, вполне по-хозяйски направляясь к парадному крыльцу замка. — Надеюсь, и для нас, грешных, найдется, что подать на стол, за которым нам придется скоротать время за одной весьма

интересной беседой...

В этом гость, разумеется, не ошибался. В особом кабинете, на верхнем этаже замковой башни был уже накрыт стол. Все кулинарные пристрастия гостя были приняты во внимание. Вид из не слишком узких окон-бойниц открывался прекрасный. Слуги не стали отягощать господина и его высокого гостя своим присутствием и, сделав свое дело, удалились.

— Как я понимаю, Мудрейший, я удостоился чести принимать вас в своем доме в виду неких... э-э... надвигающихся событий? — взял на себя труд сделать первый ход в предстоящей им партии Робин-Книжник.

Он решил использовать принятое в Гильдии обращение к Верховному магу. «Мудрейший» — и все тут. Никакой путаницы с «сиятельствами» и «величествами». Тем более что Тан Алексис сам дал понять, что находится здесь именно в таком качестве. Предупредительно наполнив бокалы, хозяин склонил голову чуть набок, показывая, что с нетерпением ждет ответа собеседника.

Собеседник и не думал сейчас — за закрытыми дверьми — придерживаться правил этикета. Он в два глотка осушил свой бокал, отставил его подальше и грохнул кулаком по столу.

— Робин! Не будем валять дурака! Я не страдаю манией величия и прекрасно знаю, что в нашей маленькой лавочке всеми делами заправляешь ты! Мое дело — только сидеть во время заседаний в кресле председателя и милостиво улыбаться. Но это не означает, что ты не должен учитывать моих интересов! И интересов тех, кто стоит за мной!

— Я, как никто, далек от этого... — расстроенно молвил Робин.

— Тогда объясни мне, почему ты устроил на Верховной Коллегии этокое представление?! Если пользоваться теми дерьмовыми словами, которые научились говорить мои сенаторы, мне был вынесен «вердикт недоверия»!

— Это не так, поверьте, Мудрейший...

— Я не заявлял, сторону какого решения намерен занять. И, как это положено по традиции, воздержался при голосовании. Но ведь вы все — как один! — знали, что для меня жизненно важно, чтобы Предсказание было истолковано в том смысле, что Новые Пятеро изгонят Старых Пятерых! Ну и все такое насчет открояющихся Врат и далее — по тексту. Почему бы не принять за основу политики Гильдии именно такую трактовку этой бредятины?

— Мудрейший...

Робин позволил и себе отхлебнуть вина.

— Позвольте мне напомнить вам, Мудрейший, что я могу, допустим, заставить людей увидеть в небе летящего дракона. Я могу сделать куклу из дерева и заставить ее двигаться, говорить и даже гадать по картам. Я могу вызвать дождь или засуху. Но я не могу заставить девятых членов Коллегии проголосовать против собственных интересов.

— А они, эти девять членов, хорошо понимают, в чем на самом деле состоит их интерес?

Взгляд Тана Алексиса стал буравящим. Это не сулило ничего хорошего.

— Думаю, что да.

Робин выдержал этот взгляд не моргнув глазом. Не того калибра был он маг, чтобы бояться государева гнева.

— Тогда — во время пришествия Неназываемого — Коллегия взяла его сторону. Будем называть вещи своими именами. Мы применили магию, чтобы поссорить две Пятерки. И

последовала схватка. Сначала Пять Старых бились с Пятью Новыми. А потом уже все бились со всеми. И чем это кончилось для магов? Пятеро договорились с Пятерыми. Старые ушли с миром, а Новые воцарились надолго. И теперь союз Пяти простирает свою власть над половиной Сумеречных Земель и над третью народов, их населяющих. И магам закрыт путь туда, где властвует хоть один из Пяти. Отсюда и результаты последнего голосования. Никто не хочет снова оказаться в дураках...

— Лучше быть дураком, Робин...

Тан налил себе еще вина, сделал большой глоток и, брезгуя роскошными разносолами, закусил солеными орешками.

— Лучше быть дураком, Робин, чем покойником...

Равновеликий напрягся.

— Такие слова я слышу от тебя впервые, Мудрейший... Поясни свою мысль, если это не затруднит тебя.

— Не затруднит, — заверил его Тан. — Боюсь, что те, кто будет против пересмотра нашего последнего решения, рискуют встретиться с одной очень одинокой женщиной... С которой почему-то никто не хочет встречаться. А некоторых из них очень хочет повидать Князь Миров Обреченных. Он соскучился без кое-кого...

Губы Мудрейшего сложились в подобие злой улыбки. Робин потрясение смотрел в лицо высокого гостя.

— До сих пор, Мудрейший, ты свято исполнял свой долг и всячески защищал Гильдию и каждого из ее членов... Я не могу поверить тому, что услышал...

— Тебе придется в это поверить. И убедить в этом, по крайней мере, пятерых из девяти ослов, заседающих в Высшей Коллегии. Последнее решение должно быть отозвано и пересмотрено. Такое уже бывало.

Робин наконец отвел глаза от щучьей физиономии Тана.

— Вам известно непреложное правило, Мудрейший. Решение Коллегии может быть пересмотрено только по просьбе того, кто предложил проект этого решения. В данном случае речь идет о том, кого трудно переубедить. Озрик Мегал не станет... Не станет бояться угроз, — наконец нашел нужные слова Робин-Книжник.

Лицо государя дернулось.

— Ты не до конца изложил наше правило, Робин, — тихо произнес он. — Да, решение Верховной Коллегии не может быть пересмотрено без воли на то члена Коллегии, предложившего проект решения. Если он жив. Если только он жив, Робин...

* * *

Конечно, регулярные посещения клуба верховой езды пригодились Кончите Фарга в Море Молний. Но до здешних наездников ей было далеко. Дорогу от меченного знаком Птичьего глаза камня, изысканно уродливого и непонятно откуда взявшегося среди желто-серых скал, раскинувшихся вокруг, она преодолела с трудом. Чертомет за время пути несколько раз вполне успешно доказывал справедливость данного ему имени. Поэтому Конча почувствовала себя несказанно счастливой, покинув наконец седло.

Вопреки предупреждению Каэры, проблем с «припарковкой» коня не возникло. Побродив немного в лабиринте, образованном гигантскими, шершавыми столбами скал, она

неожиданно наткнулась на самую настоящую коновязь — вбитую в камень стальную скобу — прямо у ручейка, из которого Чертомет мог утолить свою жажду. И даже ниша для сена располагалась рядышком. В нее Конча вывалила запас сена из небольшого вьюка, прихваченного на всякий пожарный случай. Конь не был слишком голоден — по дороге через Лес он отдал должное подножному корму. И Конча не мешала ему в этом.

Вообще-то, она не представляла, что ей делать с выигранным в карты скакуном теперь, когда она покинула становище Лоскутного Племени. «Если в ближайшее время не удастся выйти на Форреста, — прикинула она, — то надо подороже сбыть конягу — тем же Лоскутным. Чтобы просто с голоду не сдохнуть...»

Передохнув немного и поужинав взятой в дорогу снедью, она решительно тронулась вверх по той самой — обещанной ей Каэрой — крутой тропке. Темнело гораздо быстрее, чем она рассчитывала.

«Забавно, — подумала Кончита. — Все время забываю, что здесь не вращение вокруг оси определяет ночь и день. А пульсации интенсивности разрядов на границе стратосферы. И ночь наступает по всей планете сразу. И утро — тоже...»

В сгущающемся сумраке она пару раз едва не сорвалась вниз по склону. И когда вышла к площадке, точнее — к скальной ступени, на которой возвышались Развалины, почувствовала себя уже снова выжатой как лимон.

Трудно сказать, развалинами чего были представшие перед ней руины. Это вполне мог быть и храм, и замок, и монастырь. А может, что-то индустриальное... Трудно было судить и о причине, по которой это раскинувшееся на многие сотни метров, некогда величественное сооружение пришло в запустение и было предано разрухе. На оставшемся свободном участке скальной «полки» действительно громоздилось великое множество колодцев. Наклонившись над одним из них, Конча услышала смутный гул — грозный голос подземных рек...

Девушка замешкалась с поисками колокола: он был слишком уж велик и непривычен. Отлитый из звонкого металла и украшенный странным чеканным узором, причудливой формы цилиндр высился над отдаленным колодцем, словно дополнявшая каменный сруб башенка, а удерживающие его на весу сваи почти терялись в сгустившейся темноте. Только сообразив, что перед ней возвышается именно то, что она искала, Конча осторожно коснулась холодного металла кончиками пальцев.

Ей показалось, что напряженный, вибрирующий звук живет в колоколе. Переливается в нем и рвется из него наружу. Надо только немного помочь ему. Она напряглась и слегка толкнула неподатливую металлическую массу. Колокол был тяжел. Еще бы — иначе его заставляли бы звонить хозяйничающие здесь, на высоте, ветры или случайно опустившиеся на него птицы.

Она толкнула еще раз, сильнее, уже принимая в расчет сопротивление инерции. И колокол грянул!

Колокольный звон повис над Отрогами. Волной стал расходиться окрест. А вслед первой волне поплыла вторая, третья. Конча, как зачарованная, все принуждала и принуждала колокол говорить с ней на его нечеловеческом, но до глубины души проникающем языке...

Потом заставила себя остановиться и, свернувшись в клубок, устроилась у подножия каменного колодца.

Тишина наступила не сразу. Звук колокола все плыл и плыл — то ли в кристально чистом воздухе Отрогов, то ли в усталом сознании Кончиты. Потом тишина взяла свое.

Оставалось только ждать.

* * *

Озрик из рода Мегалов, как и Робин-Книжник, не числился среди великих искусников магического ремесла. В отличие же от Робина, он не был чрезмерно богат. Авторитет его опирался на нечто другое.

Со времени восшествия государя Тана Алексиса на трон и падения дома Коронасов дом Мегалов возвысился и оброс связями при дворе. А сам Озрик Мегал, пробыв много лет наставником государева наследника в деле обучения того магическому ремеслу, пользовался репутацией человека, в политике сведущего лучше, чем кто-либо другой из Гильдии. К нему часто обращались за советами деликатного свойства, слово его для остальных членов Верховной Гильдии было непререкаемо. Принимая во внимание все это, Озрик мог чувствовать себя как у бога за пазухой.

Однако в эту ночь его снедало беспокойство. Конечно, и раньше ему приходилось перечить государю. Без этого он бы и не имел никакого авторитета, и в первую очередь в глазах самого государя. Но никогда противоречия между ним и Таном Алексисом не затрагивали жизненно важных для государя тем. В частности, никогда и речи не могло быть о том, чтобы не выполнить переданную устами Тана Алексиса волю Неназываемого. Теперь это случилось.

И вот Озрик Мегал сидел в своем загородном доме, пил горячий гог и ждал неприятностей. Впервые за много лет все складывалось не так, как он предвидел. Государь не призвал его к себе, чтобы выразить высочайшее недовольство решением Высшей Коллегии. Не явился к нему сам. Не прислал хоть какого-нибудь порученца. Ни слова, ни жеста. Тишина. И эта тишина настораживала.

Поэтому раздавшийся внизу звук дверного молотка даже ободрил Озрика. Он прислушался к голосу Аллена — старый слуга, должно быть, спрашивал, кто хочет видеть хозяина в столь поздний час. Последовал скрип открываемой двери. И снова наступила тишина.

Минуту-другую маг выжидал. Потом нервным движением взял со стола бронзовый колокольчик и осторожно потрянул им. В ответ на мелодичный звон на пороге возник Бетт — младший из двух слуг, разделявших с Озриком его одиночество в пустом доме.

— Бетти... — попросил маг. — Посмотри, пожалуйста, кто там приходил. Мне кажется, что Аллен позабыл запереть дверь.

Без лишних слов Бетт заторопился вниз по лестнице. Озрику показалось, что он услышал его голос. Смысла слов он не разобрал — только вопросительную интонацию сказанного. И снова наступила тишина.

* * *

Теперь Озрик знал, кого ему ждать. Он подумал о метательном ноже, лежащем в двух шагах от него, на письменном столе. Но было уже поздно.

Дарящая смерть стояла на пороге. Потом тихо вошла в кабинет. Стройная, слегка

угловатая женщина в строгом платье. Высокие скулы. И осенний ветер приближающейся старости в глазах.

— Здравствуйте, леди, — усмехнулся старый маг. — Присаживайтесь. Вы принесли мне благословение от государя?

Дарящая присела в предложенное ей кресло и тоже усмехнулась в ответ.

— Вы же знаете, о Мудрый, что я служу вовсе не здешнему монарху.

— Значит, не ему я буду обязан вашим визитом?

— Совершенно верно. Государь всего лишь только не возражал против него.

— Он понимает, что тем самым он все равно предал Гильдию? И что из этого следует?

Впрочем...

Маг безнадежно махнул рукой.

— Этот вопрос — не к вам, леди. Простите. А вот моих слуг вы благословили зря. Они не заслуживали этого.

— Я не могу оставлять следов, господин Озрик. Это необходимость. Если бы мне дали время, я дождалась бы, пока вы выйдете из дома, и просто прошла бы мимо вас на улице... Но мой приятель торопится... Впрочем, они все равно бы умерли — рано или поздно. Так даже лучше. Поверьте, благословленные мной не испытывают страданий.

— Думаю, что очень скоро, леди, я смогу это проверить. Но, к сожалению, не успею этому порадоваться.

Дарящая смерть улыбнулась.

— Вы не теряете присутствия духа. Это заслуживает уважения. Я могу сделать для вас что-нибудь? Понятное дело, речь не идет о прощальном письме или... И я не могу дать вам много времени. У меня немало работы сегодня.

Маг пожал плечами.

— Что ж... Не буду отнимать ваше время. Только допью мой грог — с вашего позволения. И еще — когда вы будете уходить, закройте за собой дверь, так чтобы замок защелкнулся. Я не хочу, чтобы первыми сюда пришли воры. Или бродячие псы.

— Не беспокойтесь об этом. Все будет как надо, — заверила его гостя.

Маг опустошил свой кубок и откинулся в кресле. С минуту Дарящая сидела неподвижно, разглядывая его лицо. Потом протянула руку и закрыла мертвые глаза. Поднялась из кресла, судорожно вздохнула и бесшумно ушла прочь.

* * *

Конча знала, что допустила ошибку, разрешив себе так устать. Тем более, что под рукой у нее не было ничего, чем можно было бы отодвинуть надвигающуюся завесу сна. Желание смежить веки и расслабиться стало уже непреодолимым.

Сон. Стремление выспаться любой ценой... В своей — сравнительно короткой еще — жизни Кончита Фрага уже не раз боролась с этим коварным противником и знала его хорошо. О эти сладко путающиеся мысли!.. О эти убаюкивающие воспоминания о том, чего никогда не было. Эти уводящие сознание за собой образы... Это сладкое безразличие ко всему...

Она заставила себя подняться на ноги. Встряхнулась по-собачьи. Пробежала трусцой круг вокруг колодца. Еще и еще один. Ухватила рукоять древнего ворота и, попотев,

вытащила — вот чудо-то! — побитое, из неизвестного, но не подверженного рже металла сделанное ведро и из него напилась ледяной воды из подземного потока.

Все это придало ей бодрости. Но не так уж надолго. Отступившая усталость вернулась, снова стала охмурять ее соблазном крепкого, глубокого, как эти вот колодцы, сна.

«Да наврала все клятая девчонка! — шептал ей его величество Сон. — Сказки все это... Только зря себя измучаешь и будешь завтра ни рыба, ни мясо...»

Конча присела на корточки и спиной уперлась в каменный сруб. Опять проглядывающие сквозь тьму склоны гор поплыли у нее перед глазами. И мерещиться стало всякое...

Или не мерещиться?!

Тень стояла неподалеку от соседнего колодезного сруба. Сгусток тьмы, лишенный формы. Нет... Если присмотреться, то ночной морок обретал форму... Форму кого-то, чье лицо было скрыто монашеским куколом, надвинутым по самые глаза. Если, конечно, у этого кого-то были глаза. Тьма, забранная в капюшон...

И эта Тьма манила ее. Подзывала движением выброшенной вперед руки. Или подобия руки...

Конча поднялась в полный рост. Выпрямилась... Присмотрелась...

Что-то отвлекало ее. Что-то уводило ее внимание в сторону.

Она обернулась.

Вторая укутанная в капюшон тень манила ее. Точно теми же движениями, что и та — первая. Словно ее отражение в невидимом зеркале.

Конча вздрогнула и подалась в сторону. Прочь от той невидимой «линии огня» — оси, что связывала два зовущих ее призрака. Быстро глянула на того и на другого.

Нет, это было не отражение. Они были очень схожи, но не повторяли одна другую, эти сотканые из Тьмы фигуры. И манили Кончиту они по-разному.

Одна — та, позади которой уползала в небо скальная твердь, — приглашающе взмахивала подобием руки с какой-то, как показалось девушке, безнадежностью. Словно не надеясь, что Конча последует ее призыву. Так это — для проформы — «Следуй за мной, следуй за мной, будь добра...»

Вторая — та, за спиной которой круто уходил вниз каменистый откос, — заманивала, умоляла, просила: «Ну пойдем, пойдем, дорогая... Не медли... Не раздумывай... Следуй за мной...»

Конча тряхнула головой, стараясь уйти от досадного наваждения. «Это не они... Это я... — подумала она. — Это я фантазирую. Придумываю. Это же — не люди. У них все должно быть по-другому... Но...» Но надо было делать выбор. И она шагнула к той тени, что показалась ей безнадежно унылой и отчаявшейся. Почему-то отчаянию и безнадежности верилось больше, чем призывающей страсти. «Если я ошиблась, то как долго мне придется в том раскаиваться?» — подумала Кончита.

Она прошла уже полпути к уныло манящему ее призраку, когда нашла в себе силы обернуться. Та — вторая — тень продолжала повторять свои мольбы с удвоенной энергией. Или это показалось ей?

Конча отвернулась и так сжала кулаки, что ногти врезались ей в ладони — до крови. Обернулась снова.

Призрак исчез — словно и не было его.

Унылая тень подпустила ее к себе — метров на пятнадцать-двадцать. Потом стала

отступать, повернулась к Кончите спиной и знаком еще раз пригласила следовать за собой. Конча повиновалась.

Сна больше не было — ни в одном глазу. Все ее тело и все ее сознание наполнились тревожным, неопределенным ожиданием. Который раз в своей короткой жизни Конча делала ставку на жизнь и на все, что в этой жизни ей было дорого.

Тень — еле различимая — бесшумно скользила впереди. Почти бесшумно. Потому что кое-какие звуки все-таки сопутствовали этому плавному скольжению. Шорох ткани. Скрип камешков под ногами (или тем, что у этого создания заменяло ноги). Что-то еще — трудноопределимое. Дыхание? Может быть... Кончу это радовало — эти звуки означали, что провожатый не был плодом ее расшалившегося воображения.

Они миновали нагромождение колодезных срубов и пространство, разделявшее площадь Горных колодцев и Развалины. В Развалинах Конча чуть не потеряла своего призрачного проводника — слишком много здесь было зыбких теней, игравших в прятки с провалами беспросветной Тьмы. Но призрак был терпелив, он останавливался через каждые несколько шагов и, ничем, правда, не выдавая себя, ждал, пока Кончита снова не обнаружит его. Как он догадывался о том, что снова попал в поле ее зрения, было для Кончи загадкой.

Следуя за тенью, она достигла дна подвальных сооружений здания, высившегося в центре всего обращенного в руины комплекса. Своды древних подвалов давно просели и обрушились. Но стены, разгораживавшие отсеки этих таинственных помещений, сохранились и образовали теперь причудливый лабиринт, выйти из которого было бы нелегко даже при свете дня. Под ногами то хрустел раскрошенный камень, то хлюпала оставшаяся от прошлых дождей вода. А время от времени тихо прошмыгивали, а то и проскальзывали невидимые твари. Не то пугливые, не то безразличные к незванным гостям.

У ближней к уходящим ввысь скалам стены, в черной, непроницаемой тени проводник Кончи стал говорить. Точнее, издавать звуки, похожие на человеческий шепот. Так проводник — в кромешной тьме — указывал Конче направление, в котором ей надо следовать за ним. Что-то подсказывало Кончите, что не стоит прибегать к помощи пристегнутого к поясу фонарика. Свет был этим местам противопоказан. И Конча вся обратилась в слух и осязание. И еще — в чувство равновесия. Она — словно на минном поле — тщательно выверяла каждый шаг, с величайшей осторожностью перенося свой — не такой уж и большой — вес с одной ноги на другую.

Однако на ступенях она едва не загремела вниз — в сырую утробу подземелья. На ступенях, которые совершенно неожиданно обозначились под ногами и вели круто вниз, в неведомые катакомбы, простершиеся, наверное, в недрах скалы, служившей опорой тому, чем некогда были Развалины. Холодный, кусающий ледяной пастью за сердце страх падения пронзил ее.

Но этот страх ни в какое сравнение не шел с тем страхом, который охватил ее, когда падение ее остановила чья-то сильная рука, крепко ухватившая за локоть и потянувшая прочь от разверзшегося под ногами провала. Потом она так и не смогла себе объяснить, как удалось ей сдержать вопль (а скорее всего, то должен был быть просто визг) ужаса, который готов был вырваться у нее при этом. Вместо того чтобы закричать, она просто спросила — сразу ставшим глухим голосом:

— Т-ты кто?

— Пожалуй что тот, к кому вы сюда пришли, храбрая мисс, — ответил ей из темноты не лишенный приятности баритон. Скрытый в темноте незнакомец слегка растягивал гласные и

чутьточку сэкономил на согласных — так говорят коренные обитатели далекого Джея. — Ведь вы не просто забрели сюда полюбоваться на развалины? И не шутки ради позвонили в тот стопудовый колокольчик, что над колодцем?

— Может, все-таки представитесь по-человечески? — сердито парировала Конча, стараясь попрочнее утвердиться на круто уходящих вниз ступенях.

— Давайте спустимся в более удобное для разговоров место, — миролюбиво предложил невидимый собеседник. — Там и представимся друг другу. А заодно и изложим свои проблемы...

— Я не против того, чтобы податься в место поудобнее этой норы, мистер, — согласилась Конча. — Только отпустите мою руку, пожалуйста. Вы мне синяков наделаете. Лучше я буду вас держать за рукав... У меня конь внизу остался. В скалах...

— О нем позаботятся... Вот мой рукав...

— Это кто позаботится? — возмущенно фыркнула Конча. — Эти ваши... черные?..

— Не бойтесь, мисс, — усмехнулся невидимый в темноте хозяин здешних мест. — Я дружен не только с нечистой силой.

* * *

— Здесь вы можете зажечь фонарик, если он у вас есть, — сообщил Кончите ее спутник после долгого спуска по лестницам и блуждания по залитым тьмой гулким коридорам. — На моих слуг свет действует неважно, но сейчас их нет с нами. Я их отпустил.

Конча же заставила себя долго упрашивать и бодро щелкнула кнопкой своего мини-светильничка. Косо глянула на своего спутника и чуть было не испугалась вновь. Ей почудилось, что у того под накинутым капюшоном нет лица. Но тусклые отблески света на лбу и щеках ее провожатого и огромные белки его глаз тут же рассеяли ее недоумение — тот был всего-навсего чернокожим.

— Сюда, мисс...

Провожатый открыл перед Кончей небольшую дверь, за которой вспыхнул мягкий, не режущий глаза свет, и они вошли в просторную кабину, в общем-то, самого обычного, слегка старомодного лифта. Провожатый коснулся панели управления, двери закрылись, кабина заскользила вниз.

— Меня зовут Кончита Фарга, — представилась Конча. — Я — гражданка Малой Колонии. И попала сюда несколько необычным путем...

— Обычным путем сюда не попадают, — вздохнул негр. — А я, как вы догадались, — Меняла Душ. А если по-человечески — Томас Лэмберт Роббинс. Один из Пятерых Носителей Дара... Можно просто — Том.

Лифт и не думал останавливаться и, по разумению Кончи, недалек уже был от здешней преисподней.

— Почему, мистер Роббинс, вы не вышли сразу забрать меня от этих Колодцев? — сердито осведомилась Конча.

— Да потому, мисс Фарга, что по мою душу могла прийти не очаровательная молодая леди вроде вас, а некто совсем другой. Некто или нечто... В этих краях, мисс, быстро пропадает привычка рисковать. Единственное, что заставило меня вылезти из моей берлоги, так это то, что у меня начали сманивать посетителей. Или клиентов, если хотите...

Вверенное мне племя оказалось не таким кротким, как те, что достались моим друзьям...

Лифт наконец остановился, и они вышли в узкий туннель, освещенный всего лишь парой далеко отстоящих друг от друга люминесцентных панелей. Туннель уходил во тьму. И тьма эта веяла свежей сыростью. Оттуда, из сырой прохлады, доносились приглушенный плеск и гул подземного потока. Конча чуть вздрогнула. Двери лифта с еле заметным чавканьем закрылись у нее за спиной.

— Сюда, — подсказал Том.

Он кивнул на одну из полудюжины тяжелых, окованных тусклым металлом дверей, украшавших правую стену туннеля. Противоположная стена была глухая — только черные лианы силовых кабелей тянулись вдоль нее. Не похоже, что все это было делом рук Предтеч. Пожалуй, этому туннелю исполнилось не так уж много десятилетий.

Том отворил дверь, и Конча оказалась в довольно просторной, вырубленной в скале комнате-пещере. Комната представляла собой странную смесь жилого помещения и рабочего кабинета. Вдоль одной из ее стен тянулись многоэтажные полки, заставленные не слишком понятными для непосвященных предметами. Это было типовое лабораторное оборудование. Наверное, несколько устаревшее. Верхний свет был пригашен. В полумраке мерцали экраны нескольких дисплеев, бесшумно перемигивались разноцветные бусинки индикаторов, тихо тлели в полумраке шкалы бог его знает для чего предназначенных приборов.

Но были там и предметы, которые кое-что говорили наметанному глазу младшей компаньонки торговца магическими артефактами Форреста Дю Тампля. Конча почувствовала в атмосфере этой полупещеры что-то хорошо ей знакомое.

У противоположной стены в ряд высились рефрижераторы, а рядом с ними приютилась неприязнительного вида кухонька с крохотной разделочной доской и утопленными в стенных нишах микроволновкой и кухонькой-автоматом. Посередине комнаты простиралась ровная каменная плита на каменных же ножках. Она, видно, исполняла роль рабочего и — по совместительству — обеденного стола. На плите высились стопки распечаток и были разложены диаграммы, схемы, диски и кубики компьютерной памяти, всевозможные карандаши и маркеры. Небольшой участок поверхности стола был зарезервирован под угощение ожидавшегося гостя — там в круге света, очерченном небольшой настольной лампой, дымился кофейник, на подносе высилась горка сэндвичей. Наличествовали также пара чашек, сахарница, молочник и разные мелочи, необходимые для выполнения обряда: пить кофе.

Том долго и тщательно мыл руки под ледяной водой, струящейся из старомодного крана над раковиной в углу пещеры, и тем принудил Кончу последовать его примеру. Подал ей бумажное полотенце и наполнил ее чашку.

— Садитесь, мисс Фарга.

Он вежливо пододвинул Кончите довольно неудобный, но крепко сработанный стул. Сам уселся так, чтобы лучше видеть лицо собеседницы. Двух одинаковых стульев в комнате не было, а кофейные чашки, украшавшие стол, явно не состояли в чересчур уж близком родстве друг с другом. Зато сам кофе был приготовлен отменно. Об этом можно было догадаться уже по одному его аромату. Том подождал, пока гостя пригубит дымящийся напиток, и спросил:

— Мне кажется, что у вас есть что рассказать мне, мисс?

Свой рассказ Конча отрепетировала, многократно повторив его и старику Пэлу, и своей новой подруге Каэре. И еще раз перебрала его по косточкам за время долгого пути от становища Лоскутного Племена до красного камня, меченного Птичьим глазом. Так что запнуться ей пришлось не больше чем пару раз. Том не прерывал ее лишними вопросами. Уточнил два-три неясных момента и только. Конче это понравилось.

— Вот, собственно, и все, — закончила она, отставив в сторону опустевшую — второй раз за время их разговора — чашку. — Для меня самой много есть непонятного в том, что произошло... Например, как получилось, что «нырнули» мы с Форрестом в проклятый сундук с разницей в несколько часов, а «вынырнули» — с разницей в несколько суток...

Том мягко улыбнулся.

— Вам, мисс, видно, не часто приходилось иметь дело с Порталами. Тем более с кочующими...

— Вообще никогда! — Конча возмущенно вздернула угловатые плечи. — Ни с кочующими, ни с какими другими! Я вообще не верила, что они существуют — эти Порталы Предтеч. Хотя я и насмотрелась в жизни всякой чертовщины, с магическим барахлом связанной, в это — не верила! Пока Форрест меня не убедил.

— Такие эффекты в работе Порталов — не диво, — вздохнул Том. — Ведь, когда пара космических кораблей совершает подпространственный переход и стартовавший позже оказывается в «точке выхода» на неделю раньше своего напарника, этому никто не удивляется... Физики могут спорить до хрипоты, но нам с вами, мисс, надо сосредоточиться на другом...

Он поднялся, подошел к холодильнику и достал графин с ледяной водой. Извлек плотно подогнанную хрустальную пробку, поставил на стол стаканы (одинаковые, что удивительно), налил пошедшей мелкими пузырьками водички себе и предложил Кончите.

— Здешняя минералка, мисс. Очень очищает голову... Не бойтесь простудиться — вы ведь смелы необыкновенно. Вот так, с голыми руками, нырнуть в чужой мир, о котором и знали-то только по рассказам...

Конча хлебнула тихо шипящую воду и не нашла в ней ничего необычного. Особого просветления в ее голове не наступило. Наоборот, несмотря на только что выпитый крепкий кофе, ее вновь потянуло в сон.

— Я, по-моему, ясно объяснила вам, что мне некуда было бежать с того чердака... — пожала она плечами. — Только сюда. Мое положение было безвыходным...

— В этом я с вами не спорю, мисс... Единственное, что я хочу сказать... У меня создалось такое впечатление, что вы шли, так сказать, навстречу событиям. Вы знали, что перед вами — ловушка. И смело в нее шагнули.

Конча молча побалтывала кофейную гущу на дне чашки.

— Хотя...

Том неожиданно выпрямился в кресле, и Конча вдруг заметила, что он довольно молод.

— Хотя, мисс, в свое время я и все мы — Пятеро — оказались примерно в такой же ситуации. И вовсе не только по воле Судьбы. Это был выбор каждого из нас. Так что можете рассчитывать на наше понимание в этом вопросе...

Он наклонился поближе к лицу Кончиты.

— А теперь я хотел бы понять — какую цель вы поставили перед собой сейчас, мисс? Когда чуть-чуть осмотрелись в этом чужом для вас Мире? И когда поняли, что все мосты за вами сожжены? Какую помощь я могу предложить вам?

Теперь выпрямилась уже Кончита. Выпрямилась и напряглась, словно ей предстояло выполнить очень сложное гимнастическое упражнение на конкурсе, где ей не нужно было ни третье место, ни второе — только первое!

— Мне ничего здесь не нужно, господин Роббинс, — звонко выговорила она. — Прежде всего я хочу найти путь отсюда. И, как только найду его, уйду немедленно. Точнее... Уйду по нему, как только встречу со своим другом, о котором говорила вам. С Форрестом Дю Тамплом. Мне кажется... Мне кажется, что он тоже не по своей воле тут. Он такой же беглец, как я. Только он еще и обманутый беглец...

— Вы думаете, что его друг... Что Кристофер Денджерфилд его обманывал? Это очень интересно. Почему вы думаете так?

Кончита задумчиво смотрела куда-то сквозь него, подбирая слова, чтобы выразить точнее какую-то очень непростую мысль.

— Знаете, Роббинс... Это — детство... В детстве человек очень хорошо понимает других... Взрослых... Все думают, что дети наивны, что их легко обмануть... Это потому, что сами давно позабыли себя в детстве. Никто так остро не чувствует ложь старших, как дети. Они очень многое понимают. Только вот не знают, что делать с этим своим пониманием. Может быть, не со всеми так, но со мной — так! Именно так! Так вот, я Форреста знала, когда еще была ребенком. И часто его видела вместе с Кристофером... Он лжив насквозь, этот Кристофер Денджерфилд! Я не понимаю, чем он так околдовал и его, и Мэри-Энн... Я несколько раз пыталась Форресту это объяснить. Но они были словно зомби. Во всем остальном — люди, а когда речь заходила о Денджерфилде, они становились зомби...

На минуту в комнате-пещере воцарилась тишина. Роббинс думал, сведя вместе кончики пальцев.

— Ну что ж... В интуиции вам не откажешь, мисс. И в смелости — тоже. Пожалуй, вы не напрасно завернули в этот наш лабиринт... Осталось только выяснить, какую роль для вас отвел Мир Молний...

— Я, Кончита Фрага, не собираюсь играть никаких ролей! — сухо отрезала девушка. — Если вы можете помочь мне найти моего друга и выбраться из этого, как вы сказали... лабиринта, то — называйте вашу цену. Если я не смогу ее уплатить, то нам лучше расстаться без лишних разговоров.

— Не горячитесь, мисс... — Роббинс скупым жестом попридержал вспышку раздражения, охватившего Кончу неожиданно для нее самой. — Вы еще плохо представляете себе ситуацию, в которой находитесь.

Он улыбнулся — грустно и ободряюще.

— Ну о какой плате может идти речь? Вы ведь и коня-то своего, и хлеб свой насущный чудом заполучили. Нет, что вы, я не преувеличиваю. Обшгопать игроков из Лоскутного Племена в карты — это действительно чудо. Чудо уже само то, что вы проникли в этот Мир. И чудо — то, что вы, проделав дневной переход по Заброшенному тракту, не попали в руки ни одной из разбойных шаяк, что шастают здесь. И вообще ни на кого не напоролесь. Ни на кого и ни на что. И даже когда к вам подкрался ложный проводник — из Шепчущих, — вы сделали правильный выбор. Вы находите все это игрой случая?

— Я — везучая! — улыбнулась Конча. — У меня с собой счастливый доллар!

Ей вдруг захотелось загладить свою неожиданную резкость.

— Плесните мне еще вашей водицы. Она и вправду проясняет голову, — соврала Кончита.

Похоже, Роббинс заметил вранье, но ничем не выдал этого и с безукоризненной заботой о госте, сквозящей во всех его движениях, наполнил ее стакан искрящейся минералкой.

— Дело в том, мисс, что люди никогда не приходят в Мир Молний сами. Их всегда приводит сюда их Дар. А раскиданные по Обитаемому Космосу остатки цивилизации Предтеч создают носителей таких Даров. Как бы заражают их ими. Или, может быть, наоборот, ставят им диагноз. Как-то находят их.

— Так вы и меня тогда числите среди Носителей?

В голосе Кончи прозвучала ирония.

— Вы в свои юные года немало пообщались с магическим антиквариатом, — продолжал развивать свою мысль Роббинс. — Так что все сходится. Остается поставить вам диагноз. Это — самое сложное.

Конча снова напряглась.

— Постойте, постойте! Мне вовсе не нужны никакие диагнозы. Точно так же, как эти ваши Дары! Я знаю, чем такие вещи пахнут!

Том опять попридержал ее, подняв в воздух сухую, желтоватую ладонь.

— Слегка притормаживайте на поворотах, мисс. Глотните еще водички... Вот так... Видите ли, мисс... Я мог бы представить вам ситуацию таким образом, что вы восприняли бы необходимость использовать ваш Дар — каким бы он ни был — как плату за выполнение ваших желаний — найти друга и покинуть эти края... И в какой-то степени так оно и есть. Но это — одна сторона вопроса. А правильной постановкой вопроса будет сказать вам правду. Правда же, мисс, состоит в том, что вы явились... Или — точнее сказать — были призваны в этот Мир в такое время, когда всем нам предстоят очень большие испытания... Очередной раз поставлено под удар равновесие сил в этом Мире...

Он на секунду смолк, приглядываясь к лицу собеседницы. Лицо это было мрачным.

— Угу... — угрюмо произнесла Конча, обращаясь неведомо к кому.

Должно быть, к своей судьбе.

— Я же сказала — я везучая... Ну и что же тут у вас намечается?

— Об этом чуть позже, — снова успокаивающе улыбнулся Том. — Чуть позже и — много подробнее. В двух словах дела, что затеваются на Сумеречных Землях, не объяснить. Сейчас — поймите главное. Ваш Дар — каков бы он ни был, повторяю, каков бы он ни был — это не просто способ расплатиться за освобождение из здешних мест и за спасение вашего друга. Это еще и единственный для вас шанс выжить. И поэтому, хотя бы вы сами, Кончита Фарга, должны понять, чем наделило вас общение с обломками цивилизации Предтеч. И надо сказать, что вы пришли по адресу. Здесь не много таких, что могут поставить, так сказать, диагноз на ранних стадиях... э-э... болезни.

Он улыбнулся, давая понять, что именует Дар болезнью лишь в шутку.

— И я — один из таких... Не рекомендую вам медлить.

Конча молча взяла со стола отставленную было в сторону чашку с кофейной гущей и снова принялась побалтывать на ее дне четверть глотка коричневой жижи, словно в причудливом узоре капризной суспензии хотела найти ответ на одолевавшие ее вопросы.

— Ну... — наконец произнесла она. — И какое же испытание я должна пройти? Какие

анализы сдать? Сеанс психоанализа по Фрейду? Не будет ли уже слишком для меня на сегодня? Дорога, знаете, была не из легких...

Том задумчиво поскреб подбородок. Потом нашел глазами на столе небольшой, причудливой формы стеклянный колокольчик и позвонил в него. Одна из полок у стены напротив съехала в сторону. Фигура, появившаяся в открывшемся проеме, сперва испугала Кончу, и лишь секунду спустя она поняла, что видит перед собой вовсе не тень, явившуюся из Племени Шепчуших, а обычного мальчишку лет двенадцати.

— Слушаю тебя, Меняла, — кротко прочирикал он.

— Конь мисс? — осведомился Том, строго уставившись на паренька.

— В ангаре, — доложил тот. — Сначала вел себя беспокойно, но потом мы подружились...

— Его зовут Чертомет, — уведомила его Конча. — И он любит, когда его с руки кормят хлебом.

— Угу, — ответил мальчишка. — И не приведи господи, если он попадется на глаза людям сэра Лэнгли... Его увели прямо из конюшни славного сэра...

— Пусть мисс постелят в нашей малой гостевой, — распорядился Роббинс, пропуская слова мальчишки мимо ушей. — И не забудьте хорошо проветрить помещение. Проследи за этими чучелами...

— Будет сделано, — бодро заверил его служка. — И... И вы позволите, чтобы Сонни остался у нас на ночь?

Меняла Душ воззрился на него сурово и раздосадованно.

— Так он до сих пор здесь?

Мальчишка издал какой-то неопределенный звук. Том махнул рукой.

— Не идти же ему через темный лес... Переночует у тебя в комнате. Сам ляжешь на полу, гостя — на лежанку. Все. Исполнять — быстро!

Потом повернулся к Кончите.

— Паренек — сирота... Здесь слишком много сирот. Всех в прислугу не возьмешь... Так что ему еще повезло. Впрочем, сейчас не стоит об этом. Вы говорили про психоанализ. Нет, подобной древности я, разумеется, не практикую. Так же как иудаистских и сатанинских обрядов. Я просто немного погуляю в вашем сознании этой ночью. А вам разрешаю погулять в моем. Возможно, после этого мы станем лучше понимать друг друга. А может, наоборот, возненавидим. Но одно я вам обещаю. Мы оба кое-что узнаем о вашем Даре.

Увидев, как округлились глаза Кончи, он тихо расхохотался.

— Да нет!.. Никакой физической близости. Вы спокойно будете спать одна в хорошо закрытой комнате. Я отдаю вам ключ от нее. Вот видите?

Он снял с укрепленной у двери доски один из множества ключей, висевших там, и протянул его Кончите.

— Видите ли... Здесь мы все погружены в среду, переполненную творениями Предтеч. Нанороботы, искусственно созданные клоны микроорганизмов, измененные свойства вещества... Здесь очень много каналов передачи информации, о которых мы не подозреваем. И которые совершенно невозможны в большинстве Обитаемых Миров. В Мире Молний кое-кому доступно и некое подобие телепатии. Это вплотную связано с моим Даром... Я, как видите, пытаюсь хоть как-то разобраться в этом... Пока есть время.

Он обвел широким жестом свою лабораторию.

— Вот уж не знал, что мне, юристу по образованию, следователю Федерального

Управления Расследований, вдруг когда-нибудь придется заниматься нейрофизиологией в условиях Мира Молний. Магического мира...

— Вы уверены, что ни у кого из нас не поедет крыша в результате этих ваших изысканий в моих мозгах? — угрюмо осведомилась Конча. — От меня-то что, собственно, требуется для того, чтобы разобраться с этой штукой — с моим Даром?

Снова Том почесал несуществующую бородку.

— Я не собирался просить вас ни о чем, кроме вашего согласия на проведение такого... м-м... сеанса. Делу мог бы помочь прием некоторых препаратов — вполне безвредных. Но я боюсь, что вы решите, что вас тут хотят опоить или отравить...

— Вы это могли сделать уже десять раз... — Конча обреченно махнула рукой. — Ладно. Если это облегчит вам работу... И к тому же — безвредно... Давайте сюда ваши пилюли. В конце концов — счастливый доллар со мной.

— Это не совсем пилюли, — сообщил Роббинс, доставая из холодильника объемистый флакон и заряженный разовый пневматический шприц. — Сможете сделать себе инъекцию? Перед тем как ложиться спать. Лучше — в предплечье. Вот так. Но прежде выпейте вот это.

Он кивнул на флакон.

— На вкус — гадость, конечно. Но там — в холодильнике — найдете чем запить...

Он снова потряс в воздухе колокольчиком.

Полка опять съехала в сторону, и шустрый служка торопливо обрисовался в просвете открывшейся за ней двери.

— Там все готово, господин Меняла, — бодро доложил он. Том с некоторым недоверием посмотрел на него и сардонически гмыкнул.

— Проводишь мисс до гостевой комнаты. Покажешь — где душ и все прочее...

— Когда разбудить мисс?

Том нахмурился.

— Пусть мисс хорошенько выспится. Завтра у нее тяжелый день. И у нас всех тоже.

* * *

Малая гостевая комната напоминала своим убранством несколько увеличившееся купе рельсового поезда — из тех, что до сих пор в ходу на Матушке-Земле. Стены, покрытые пластиком, с однообразным узором, четыре откидные полки-постели — одна из них уже застелена для гостя. Матовые плафоны на потолке и никелированные ночнички в изголовьях. Пара откидных столиков. На одном из них — несколько журналов многолетней давности. Изданных в различных Мирах Обитаемого Космоса. Рядом лежала трубка блока связи. (Мальчишка, проводивший Кончу в эти апартаменты, предупредил: «Чтобы поговорить с господином Менялой, просто нажмите на «единичку».) Наличествовал холодильник, а в нем — немереное количество здешней минералки и пара подносов с холодными закусками. За узкой дверцей — душ, умывальник и «удобства».

Конча повернула ключ на два оборота, отыскала взглядом металлический стул — слава богу, не прикрученный ни к стене, ни к полу — и вставила его ножку в ручку двери в качестве дополнительной щеколды. Удача удачей, а остеречься все-таки следовало. И счастливый доллар иногда, говорят, подводит...

Минимально обезопасив свой досуг, она отдала должное душу и под его горячими

струями разомлела окончательно. С трудом добрела до постели, вспомнив про наставления Роббинса, нашарила в кучке брошенной на пол одежды шприц и флакон и выполнила все, что следовало: проглотила содержимое флакона и сделала инъекцию в левое предплечье. Солоноватую гадость действительно хотелось запить хотя бы простой водой, но не было уже сил дойти до холодильника. Конча натянула одеяло на голову и провалилась в глубокий сон.

* * *

Странно. То, что ей удалось потом вспомнить об этом сне, вовсе не было связано с этой ночью и этим временем. И не сон то был, а какое-то странное воспоминание о том, что происходило где-то и когда-то совсем в другой жизни. Так ей, по крайней мере, казалось.

Она стояла перед непривычной архитектуры — под старину построенным — двухэтажным особняком красного кирпича. Нет, не она... Конечно не она. Стоял перед домом тот, чья память пришла к ней. Поднялся по ступенькам и осторожно нажал кнопку сенсора двери парадного. Потом ему пришлось недолго ждать в приемной, которая больше походила на филиал рабочего кабинета. А потом к нему вышел высокий, прямой старик с рублеными чертами лица. Время выбелило это лицо, но сохранило пригоршню веснушек на носу и щеках...

А потом вспомнился другой человек — крепко сбитый, с русой бородкой. Он вел его и еще троих спутников через болотистую равнину. И гигантские железные големы перекликались вдали — у затянутого зыбкой пеленой ночного тумана горизонта...

Затем в памяти всплыло самое яркое воспоминание: на деревянном столе, среди разложенных в беспорядке бумаг стоял продолговатый янтарный ларец и медленно наливался тусклым, красно-оранжевым светом. Низкий, почти неслышимый, но мощный гул плыл в воздухе. Причудливый узор, в который складывались рисунки на кубиках, что составляли верхнюю грань ларца, странно притягивал взгляд. Из глубины сознания всплыло странное слово «Джейтест»...

Конча не удивлялась. Не удивлялась ни постоянно возвращающимся видениям странного, больше на тропические джунгли похожего леса, ни блужданию по пещерам, где в вырубленных нишах ждали своего часа причудливые камни, каждый из которых заключал в себе свою вселенную... Потом пришли воспоминания о друзьях, которых у нее никогда не было. Снова крепко сбитый русский богатырь. Высокий и сутулый тип, так сильно напоминавший ей старика, встретившего в своем доме того, кому принадлежал этот сон. Хрупкая брюнетка с васильковыми глазами. И китаянка, смуглая, с отрешенным взглядом узких глаз. Глаз, в которые можно было провалиться, как в черные бездонные колодцы... Конча не удивлялась этим воспоминаниям. Должно быть, потому, что в эти мгновения — или часы — она и не была Кончитой Фарга.

Очнулась она в непривычном для нее состоянии — опустошенная и в то же время прекрасно отдохнувшая и полная сил. Интересоваться тем, который час, она не стала. Привела себя в порядок, проглотила нечто, напоминающее заливное из курицы с салатом и запила до отвращения холодной минералкой. Взяла трубку блока связи и нажала на «единичку».

— Я не спрашиваю вас, мисс, о том, как вы провели ночь, — предупредительно произнес Том, предлагая Кончите снова занять место за столом.

Убранство его не слишком изменилось со вчерашнего дня. Все тот же кофейник, только со свежесваренным кофе, те же, не родные одна другой, кофейные чашки и такие же, что и вчера, сэндвичи. Меняла Душ, видно, не склонен был баловать разнообразием блюд ни себя самого, ни своих гостей.

— Да... Пожалуй, не стоит об этом, — согласилась Конча и сжала в ладонях чашку с обжигающе горячим напитком, стараясь хоть немного согреться.

Только сейчас она поняла, что порядком замерзла. И проглоченная ею сразу по пробуждении холодная закуска, запитая ледяной шипучкой, отнюдь не способствовала разогреву организма.

— Так или иначе, но мы кое-что узнали друг о друге, мисс, — улыбнулся Том и отправил в рот разом половину основательных размеров сэндвича с ветчиной. — У вас нет ко мне вопросов?

— Н-не знаю...

Конча отхлебнула немного кофе.

— Может, это — только пустой интерес... «Джейтест»... Мне запомнилось это слово... Мне кажется, я слышала его раньше.

Том кивнул.

— Так называется Испытание, которое проходили воины Империи Зу. Это дело рук Предтеч. Если у них, конечно, были руки... Естественно, это мы его так называем. В те времена это звучало совершенно иначе. Но смысл примерно таков. Тест. Испытание. Испытание, которое надо пройти на Джее. И так еще можно назвать то устройство... тренажер, с помощью которого группа из пяти разумных существ подвергалась этому Испытанию. Он попал к нам в руки. Я чуть было не сказал: «случайно попал». Но вряд ли это так. Мы — Пятеро — прошли это Испытание. И в обмен на свободу Джейтест каждому из нас дал Дар. Дал и многократно усилил. И с этим мы и пришли сюда.

— Чтобы завоевать этот Мир? — осторожно спросила Конча.

Том рассмеялся.

— Меньше всего мы хотели завоевывать что-то. Просто случилось так, что нам не стало места там, в родном для нас Мире. Мы — такие же беглецы из мира людей, как и вы, Кончита... Мы надеялись найти здесь убежище. А оказалось, что нам предстоит новое Испытание. Еще более сложное, может быть, чем то, через которое мы прошли. С тех пор как нам в руки попала проклятая коробка, нам ничего не остается, как идти вперед и вперед по очень узкой тропинке...

Конче не надо было объяснять, о какой коробке идет речь. Привидевшийся ей янтарный короб все еще стоял у нее перед глазами.

— Он и сейчас у вас здесь — этот?..

Том отрицательно покачал головой.

— Эта штука осталась на Джее... И, надеюсь, ее еще не скоро найдут. Дай бог — не найдут вообще.

Конча снова глотнула обжигающий кофе.

— Наверное, вам неприятны мои вопросы... Потом... Я расспрошу вас обо всем этом как-нибудь потом... Скажите лучше, что вам удалось узнать обо мне. Что-нибудь получилось?

Том кивнул. Похоже, что ему не очень хотелось говорить Кончите о том, что ему пришлось узнать.

— Дар у вас есть. Я даже могу предположить — весьма примерно, — в чем он заключается. Но не будем торопиться. Есть способ проявить его. Тогда мы будем знать все точно. Пока что я могу сказать одно. Ваш дар, Кончита, странен.

* * *

Рус скормил Лорри еще один орешек панги — так здесь называлась какая-то странная разновидность земного орешника, преобразившегося в нечто совсем на себя не похожее.

Лорри безусловно заслужил это свое излюбленное лакомство. Он терпеливо ожидал вверенного его заботам гостя без малого четыре часа. Ровно столько времени Русу пришлось вести основательно измотавшую его беседу с очередным интервьюером из числа неназываемых. Разговор их бесконечно перескакивал с пятого на десятое и то и дело начинал ходить по кругу. Беседа, однако, оказалась небесполезной. Невысокий, сухой и желчный человек, который достался Русу в собеседники в этот раз, к концу их разговора несколько смягчился, видимо отчаявшись поймать Пришлого на лжи. Он неожиданно извлек из пухлой кожаной папки, которую принес с собой и не раскрывал все время их беседы, пачку распечаток. То были портреты.

— Посмотрите на эти лица внимательнее... — попросил Руса его собеседник. — Постарайтесь вспомнить — не приходилось ли вам встречать кого-нибудь из этих людей? Там — в Обитаемых Мирах...

Рус старательно перебрал тридцать с лишним разного качества портретов и узнал только одного из людей, запечатленных на них. То был Лорх.

Собеседник несколько раз переспросил Руса, уверен ли тот, что знает изображенного на листке человека. Убедившись, что Пришлый в своих словах уверен, он со значением переглянулся с молчаливо сидевшим поодаль хозяином. Тот поднялся из-за стола, быстро подошел к своему партнеру и заглянул ему через плечо. Потом с интересом глянул на Руса.

— Жаль... — задумчиво пробормотал он. — Жаль, что вы раньше ни словом не обмолвились об этом человеке... Впрочем, это не ваша вина. Ему приходится работать в совершенно невероятных обстоятельствах. Пожалуй...

Тут он снова переглянулся со своим партнером.

— Пожалуй, на сегодня нам стоит прерваться. Раз уж вам так любы прогулки по здешним окрестностям, то лучше до конца сегодняшнего дня вам предаться этому занятию... Тем более что Лорри уже соскучился по вашему обществу...

Рус не имел ничего против. Общество его симпатичного соглядатая было для него заметно приятнее, чем вечно ускользающие в неопределенность разговоры с очередным неназываемым. Тем более что относительно ближайших по времени прогулок по окрестностям у Руса были и свои планы.

С Лорри они стали друзьями. Может быть, тому виной та самая таблетка ароматизированной глюкозы, которой — совершенно бескорыстно — угостил Рус странного

зверька сразу после того, как ступил в этот Мир. Для себя Рус так и не решил — был ли и впрямь разумен этот молчаливый соглядатай, приставленный к нему хозяином дома, одиноко стоявшего среди пустынных и безжизненных нагромождений камня. Возможно, Парре и шутил. Человеческую речь Лорри явно понимал, но звуки, которые издавал этот зверек, были на речь похожи лишь весьма отдаленно. Хотя Рус уже стал неплохо разбираться в том, что хотел сказать ему пушистый приятель своим цоканьем и посвистыванием. Вот сейчас Лорри, хотя и принял угощение, к выбору пути, который Рус сделал, поколебавшись немного и прислушавшись к чему-то внутри себя, был настроен неодобрительно. Рус вздохнул — ему не хотелось обижать пушистого симпатягу. Но испытывать возможности своего внутреннего зрения совершенно необходимо. Оно — это зрение, которое он всю жизнь воспринимал как нечто само собой разумеющееся, — в этом Мире неожиданно обострилось, открыло ему новые, совсем незнакомые грани окружавшего его пространства.

Оно перестало быть подобием координатной сетки, каким представлялось там — на Земле. В нем появились направления, неожиданно возникающие и резко меняющиеся при самых ничтожных поворотах головы или других перемещениях его «внутреннего» взгляда. И еще — в этом странном пространстве существовало какое-то самостоятельное движение. Иногда это были неуловимые, крадущиеся тени. Тени, мгновенно исчезающие из поля зрения, стоило на них сосредоточить внимание...

А иногда — как вот сейчас — это были течения... Незримые, неосязаемые, норывающие увести сознание за собой... Неосязаемые, однако то пронзительно ледяные, то усыпляюще-теплые, омывающие душу зыбкими водами сна...

Лорри предупреждающе сжал его плечо своей тонкой, на редкость сильной ладошкой.

Рус шагнул следом за холодным течением — в причудливую расщелину меж вплотную сошедшихся скал. Миновал заполненный искрящейся мглой коридор, стиснутый высокими каменными стенами. Пошел вдоль обозначившегося среди камней под ногами ручья... Оглянулся на померещившуюся позади, в сумраке, и тут же исчезнувшую тень — сутулый призрак, сжимавший в сухих птичьих лапках причудливый черный посох. Тряхнул головой, отгоняя морок. Шагнул вперед.

И вышел в совсем другие места.

«Переулок... — сказал он себе. — Я только что нашел «переулок» и прошел им...»

Горы были теперь далеко. Злые коронные разряды обозначили вершины хребтов совсем не там, где Рус ожидал их увидеть. А внизу — там, на склонах, куда вывел его «переулок», в который он шагнул несколько мгновений тому назад, — высился Лес.

По шуршащему щебню, по скользкой, непривычно жесткой траве он стал спускаться к Лесу. Лорри снова предупреждающе сжал ладошку.

Рус огляделся. И заметил — на белом громадном камне на опушке — человеческую фигуру. Человек этот смотрел на него и явно ждал чего-то.

Полутьма еще окутывала мир. Кибитки и возы Лоскутного Племени пестрым караваном выкатывались из леса. Караван этот разноцветной змеею начинал извиваться по прихотливым изгибам узкой дороги, карабкающейся в горы.

На заднем бортике одной из последних кибиток, свесив ноги и не слишком беспокоясь о собственной безопасности, сидели двое. Оба были не молоды и не стары. Один — типичный человек бродячего народа, чернявый и жилистый, — курил свернутую из листа местного дерева самокрутку, второй — рыхловато сложенный, начинающий лысеть, кучерявый блондин — мученически морщился и отгонял ладонью дым, который ветром относил в его круглую, добродушную физиономию. В отличие от наряженного в живописные лохмотья спутника, этот человек был облачен в комбинезон работника охранной службы невероятно далеко отсюда отеля «Звездный Берег». Комбинезон этот, так же как и его хозяин, явно переживал не лучшие времена. Часть его деталей была вообще утрачена. А то, что осталось, остро требовало стирки и ремонта. К Лоскутному Племену кучерявый блондин явно не имел ни малейшего отношения. По крайней мере, до последнего времени. Об этом свидетельствовала и тонкая, но прочная цепочка, которая соединяла его левое запястье с одной из перекладин корпуса кибитки. Что, впрочем, нисколько не мешало пленнику совершенно по-дружески вести беседу со своим спутником.

— Куда мы теперь повернули? — живо поинтересовался он, выглянув за край брезентового полога кибитки. — А, Марко? В горы подались. Чего вы там потеряли? Одни камешки кругом...

— К барону Черри в гости едем, — пояснил его собеседник. — Ты, братец Эйб, еще не знаешь, что тут не одни камешки. Тут такие домики встречаются, что графам да князьям впору в них жить. Вот у Черри как раз такой. И двор широкий. Он всегда наших хорошо принимает — Черри здешних перевалов, считай что хозяин. Передохнем, лошадок приведем в порядок. Заодно и тебя продадим.

— А купит? — засомневался братец Эйб. — На кой я ему — Черри этому?

— Не бойся, — хлопнул его по колену Марко. — Если ты и вправду оттуда, — он ткнул оттопыренным большим пальцем правой руки в тускло пылающие небеса, — то наверняка купит. Он же сам такой — с Пришлыми дружбу водит. Он, — тут Марко нагнулся к уху собеседника и, отгородившись рукой, сжимающей самокрутку, от невидимых соглядатаев, прошептал: — и к Неназываемому, и к Пятерым вхож. Понял, лопух, — и к тем, и к другим... Это уметь так надо. Х-хе! Так что купит за милую душу.

Тут он вернулся к нормальной человеческой речи и, главное, убрал от физиономии Эйба свое смрадное курево.

— Он тебя купит, а ты — сбежишь! Х-хе!

— А-а потом? — осведомился Эйб.

Собственно говоря, его тянуло спросить, а что будет, если он не станет убегать от этого самого Черри. Но что-то удержало его от этого. Что до Марко, то он словно и не догадывался о существовании такой возможности.

— А потом, — охотно отозвался он, — известное дело — снова к нам. А мы тебя — снова запродадим. Не бойсь — покупатели найдутся... Раз пять мы этот номер урвем. Это

точно.

— А потом? — снова спросил Эйб.

— А потом — известно: побьют нас. Так и что с того? Нам не привыкать. — Марко откинулся на солому на дне кибитки.

Эйб же сгорбился и пригорюнился. Роль песика, выдрессированного для многократной продажи, мало улыбалась ему. Еще меньше улыбалось, правда, его теперешнее положение.

— Безвыходность, — сказал он сам себе, уныло разглядывая обхвативший его запястье наручник. — Безвыходность. Вот чего я не люблю в жизни! И кой черт понес меня в номер сэра Августа?!

— Чего ты там, братец Эйб? — поинтересовался из глубины кибитки задремавший было Марко.

— Возношу молитву господу... — вяло отозвался братец. — Кой только черт понес меня в номер сэра Августа?

* * *

Поселение было обнесено высоким частоколом. У ворот, как и положено, была выставлена стража. Правда, сейчас, когда небо только начинало светлеть, обоих дюжих молодцев, приставленных к воротам, похоже, сморил непреодолимый сон.

Посланец спешил и, ведя коня под уздцы, подошел к спящим поближе. Нагнулся над одним, над другим и выпрямился, болезненно морщась. Стражники уже успели окоченеть.

Отворив ворота и ведя коня за собой, он вошел в поселок. Тот казался пустым. Даже дым не поднимался из труб домов. Слышалось только квохтанье домашней птицы да блеяние домашнего скота. Потом где-то на задворках с протяжной тоской завыл пес. Животных явно что-то тревожило. Впрочем, ясно что. То, что их хозяев больше не было в живых.

Посланец оставил коня у первой попавшейся коновязи и заглянул в один дом, в другой. Всюду было примерно одно и то же. Ни крови, ни признаков борьбы. Просто люди, не успевшие проснуться. Умершие во сне. Мужчины, женщины, старики... И дети. Только в одном доме ребятишки лет десяти — брат и сестра, наверное, — почему-то не спали тогда. Или успели проснуться. И подбежали к дверям, чтобы посмотреть, как идет по поселку Дарящая смерть. У дверей они и остались лежать.

«Война? — спросил себя Посланец и попробовал слово на вкус. — Это война?»

Он пересек поселок и добрался до замка пешком. Прошел мимо мертвой стражи и мертвых слуг. Вошел в кабинет.

Магнус Равновеликий сидел в кресле перед раскрытой на шестьсот десятой странице книгой Иосифа Краткого. Борода мага была задрана к потолку.

Посланец просто для проформы тронул кончики его окоченевших пальцев. Пожал плечами: «Зачем?»

— Так надежнее, — произнес за его спиной глуховатый голос Неназываемого.

* * *

Посланец обернулся.

— Так надежнее, — повторил его шеф, выходя из библиотеки.

В отличие от ничем не приметного Посланца, Неназываемый удался всем — и внешностью, и одеждой, и манерой держать себя. Лицо его — узкое и смуглое — странно сочетало в себе черты римского патриция и индейского вождя. Ни нитки седины не просвечивало в черных, цвета воронова крыла, прямых волосах, чуть ниспадавших на лоб. Был он росл, строен и облачен в охотничий наряд из кожи, замши и тускло поблескивающего вороненого металла. В руках он держал позаимствованный в библиотеке Робина фолиант и рассеянно листал его.

— Теперь, — продолжил Неназываемый, вновь подняв глаза на Посланца, — когда они поймут цену своему своенравию, эти престарелые козлы единым стадом кинутся в наш загон.

Посланец поморщился.

— Вы поторопились, шеф. Я еще не закончил разбираться с Мечеными, с новыми Пришлыми. Впрочем, один из них уже сегодня будет беседовать со мной.

Неназываемый, не отрываясь от книги, вопросительно поднял бровь.

— Один из «горных баронов» взялся выкупить его для меня у Лоскутного Племени. Этот чудак, Пришлый, похоже, не нашел ничего лучше, как прибиться к одному из здешних таборов. Ну а те решили сбавить лопуха подходящему покупателю.

— Зачем дожидаться, пока Лоскутные будут торговаться с этим твоим перекупщиком? Они того и гляди сыщут себе другого покупателя. Возьми Мэри-Энн и навести табор с ней на пару. Как видишь, — Неназываемый обвел рукой вокруг, — она работает быстро и эффективно. Впрочем, я не давлю на тебя. Просто маги — отдельно, а твоя миссия — отдельно...

Посланец помрачнел.

— Но... Ведь вы используете Мэри-Энн как танк или ракетную установку. Деревни можно сжигать снарядами. А Дарящая смерть — это... Это для штучной работы. Иначе она может просто слететь с катушек...

— Вот как?..

Неназываемый снова отвлекся от старинной книги и с деланным недоумением воззрился на Посланца.

— Оказывается, ты лучше знаешь, кого и как я должен использовать?

Посланец выдержал иронический взгляд шефа и пожал плечами.

— Этого я не говорил. Вспомните, вы сами приказали мне немедленно сообщать вам, если я найду, что какие-то ваши действия ошибочны.

— Гм...

Некоторое время Неназываемый рассматривал Посланца, словно какой-то редкий экземпляр насекомого, но затем сменил гнев на милость.

— Значит, ты поступил верно... Однако нечего тебе торчать тут, в царстве мертвых. Тебя ждет твоя миссия. Ступай.

* * *

Марко закемарил на сене, заполнявшем нутро кибитки, но у Авраама Фукса появился другой собеседник. К медленно двигавшейся кибитке пристроилась и без особых усилий

поспевала за ней, придерживаясь рукой за деревянный бортик, босоногая и большеглазая Каэра.

— Здорово тебе от папаши влетело? — добродушно поинтересовался Эйб, улыбнувшись новой спутнице. — За то, что ты Кончиту отпустила. Да еще с конем вместе...

— Напрасно ты с нею не ушел, — ответила Каэра. — Потому что ничего хорошего ты так вот не дождешься.

— По крайней мере, девочка, — вздохнул Эйб, — здесь меня хотя бы кормят. Я, знаешь ли, не создан для здешних мест. Признаться, так я уже с голоду загибался, когда на ваш шалман бродячий наткнулся... И кой черт понес меня в номер сэра Августа?!

— Слабак ты, Эйб, — не столько с презрением, сколько с жалостью бросила Каэра.

Она была дочерью своего народа, а никто из Лоскутного Племени не променял бы свободу на кусок хлеба.

Каэра хотела сказать еще что-то, но осеклась и прислушалась. Издалека, из-за скрытого скалами поворота донесся еле слышный пока гул десятков конских копыт. И тут же откуда-то от головы каравана послышался пронзительный условный посвист.

С возов и кибиток горохом посыпались старые и малые. Мужчины, женщины, дети и седовласые старики. Самых старых и самых малых несли и волокли на руках. Вся эта пестрая толпа, словно вода в песок, стремительно впитывалась в складки местности и исчезала под прикрытием обступивших дорогу угрюмых скал. Марко спросонья «на автомате» выбросился из кибитки, скачками понесся вниз по склону. Каэра на миг задержалась рядом с осиротевшей кибиткой.

— Славное Сословие, разорви его на части! Не меньше дюжины!

В голосе девушки прозвучало злое отчаяние.

— Выследили все-таки! Знают, что когда мы в горы к баронам идем, так это с товаром. Сейчас свое барахлишко и лошадей назад заберут. И все остальное в придачу! Эх, Эйб, зря ты отдал свой счастливый доллар!

Эйб в ответ издал неопределенный, но умоляющий звук и глазами указал на приковывающую его к борту кибитки цепь.

— Э, да нет у меня сварочного аппарата! Да тебе они ничего плохого и не сделают! — махнула рукой Каэра. — Разве что на все четыре стороны отпустят. Ты ж этого хуже смерти боишься?..

Она снова отчаянно махнула рукой и легкой тенью исчезла в скалах.

На несколько удивительно долгих мгновений над брошенным караваном нависла тишина. И в этой тишине грозно нарастал топот копыт. Пока не вытеснил все остальные звуки во Вселенной.

* * *

Отряд вылетел из-за поворота и рассыпался цепью вдоль каравана. Их было почти две дюжины — закованных в сталь, увешанных всеми существующими в этом Мире видами оружия, совершенно озверелых конников. Четверо блокировали дорогу в голове пестрой колонны, четверо перекрыли пути отступления. Не меньше десятка принялись распрягать таборных лошадей и потрошить содержимое возов и кибиток. Еще с полдюжины встали вокруг, зорко озирая замершие в страхе окрестности.

Эйба не слишком интересовали детали тактики карательных операций летучих отрядов Славного Сословия. Он забился вглубь кибитки, насколько позволяла чертова цепь, зарылся в солому и с тревогой прислушивался к доносившимся извне звукам. «Кой черт понес меня в номер сэра Августа?!» — который раз спросил он у бога.

— Милейший сэр Персиваль! — орал глухой, как из бочки, голос. — Если зрение не изменяет мне, то ваша сивая кобылица нашлась. Соблаговолите взглянуть сюда!

— Эти скоты не удосужились даже вывести клеймо с лошадок из конюшен сэра Норта! — вторил ему хриплый бас откуда-то из середины каравана. — Славный сэр будет счастлив обрести их обратно, в свою собственность!..

— Вы только посмотрите! — перекрывал все шумы тонкий фальцет. — Здесь, в соломе! Столовое серебро! Подсвечники! Камешки! Клянусь, что это ворованное добро!

— Не тратьте даром время! — гудел чей-то начальственный глас. — Рубите поводья и гоните прочь всякую беспородную скотину! Забираем только клейменных. Нам чужое не надобно! Если дерьмо... Да не валандайтесь вы с барахлом этим! Валите телеги набок и тюки да узлы эти — по земле, мелкой россыпью! Что надо — само вывалится...

Совсем рядом под самым ухом Эйба зацокали тяжелые копыта, и уже знакомый ему хриплый бас провозгласил:

— Да тут кто-то есть... На цепочке, понимаешь!

Помянутая цепочка натянулась, поддетая острием меча, а потом это острие принялось ворошить солому, в которой нашел свое укрытие Авраам Фукс, рискуя лишиться его то ли уха, то ли глаза, а то и носа. Перепуганный Эйб судорожно закопошился и со словами «Я... Я не... Не надо, мистер!» явил себя взору сурового и усатого конника, вооруженного предлинным одноручным мечом и древней конструкции автоматом, закинутым за плечо.

— А ну вылезай! — скомандовал тот. Эйб поспешил выполнить приказ, чуть было не вывихнув свою прикованную к перекладине руку.

— Ты кто, приятель? И откуда? — грозно осведомился всадник.

— Я... Я вообще не отсюда! — начал объясняться Эйб.

— Не отсюда?

Конник стал мрачен, словно грозовая туча.

— Пришлый, что ли?

И, повернувшись к товарищам, усердно потрошившим перевернутые и разгромленные возы, заорал во всю мощь своих голосовых связок:

— Господа! Вот это находка! Пожалуйте сюда, господа!

Первым за его спиной возник, видно, главарь рыцарской шайки — смахивающий на закованную в латы и усаженную на коня пивную бочку. Краснорожий и бородатый. И тоже при мече и стволе.

Тип наклонился и всмотрелся в лицо претендента на роль Пришлого.

— А что? — прогудел он. — Похож... Сукин сын — папаша Пэл! Таки утаил этого типа! Он упер кончик меча в грудь Эйба.

— Что ты делаешь в таборе, Пришлый? Зачем тебя принесло сюда?

— М-меня везли п-продавать... — выдавил из себя Эйб. — Б-барону Черри...

Его слова вызвали дружный хохот конников, успевших собраться вокруг.

— Вы слышали, господа? — с притворным удивлением осведомился главарь шайки, развалясь в седле. — Вонючий бандюк с большой дороги — Одноухий Черри — ходит у нас в баронах!

Конники загоготали еще сильнее.

— Однако, — напустил на себя серьезность бочкообразный сэр, — что же прикажете делать с этим чудом в перьях?

— Отряхнуть от соломы, — предложил кто-то из собравшихся, — и дать пинка покрепче... Зачем нам эта головная боль, сэр Рённо?

— Ты в общем-то прав, — иронически скривился командир всадников. — Нам эта головная боль ни к чему. Но кое-кто из наших друзей не прочь ее занять... Вот что...

Он уселся в седле попрямее и посерьезнел.

— При другом раскладе я послал бы кого-нибудь из вас проводить этого чудака к одному моему приятелю, который очень интересуется Пришлыми. Но сейчас не время размениваться на всякое такое. Мы отведем типа к Паоло.

— Точно! — заметил тот конник, что первым обнаружил Эйба. — Паоло это оценит. Он сам из Пришлых. И живет тут рядом — за перевалом...

— Да, Паоло отблагодарит Сословие... — одобрительно бросил кто-то. — И, может быть, весьма существенно...

— Кто сказал, что Славное Сословие торгуется со своими друзьями?! — возмущенно взревел сэр Рённо и коротким взмахом меча рассек перекладину, к которой крепился удерживающий Эйба наручник. — Заканчивайте дело, друзья, и следуйте за мной к дому Паоло. Там нас, без сомнения, ждет дружественный прием.

Он подхватил освободившийся наручник и за цепочку подтянул Эйба поближе к себе.

— Держитесь за мое стремя, друг мой... — прогудел он. — Поторопимся...

Он, а за ним и большая часть отряда двинули коней неторопливым шагом в направлении к перевалу. Эйб вполне поспевал за ними. Он даже пару раз обернулся посмотреть на остатки разгромленного каравана. Отпущенные на свободу беспородные лошадки разбрелись далеко окрест, а небольшой табун некогда угнанных и теперь отбитых у разбежавшихся конокрадов породистых скакунов уже удалялся в сторону долины в сопровождении четырех-пяти конников помладше. Оставшиеся у перевернутых и разбитых возов и кибиток каратели были заняты завершающим этапом удачного рейда. Одни грузили на пару уцелевших и оставшихся запряженными возов трофеи Славного Сословия. Другие, вооружась канистрами с какой-то горючкой и факелами, предавали огню обломки телег и сваленный с них скраб Лоскутного Племена. Пегие столбы дыма поднимались над дорогой и были уже хорошо видны в долине и за перевалом...

* * *

— Вот перед вами и дом нашего друга Паоло...

Сэр Рённо простер руку в направлении невысокого холма, вершину которого венчал большой двухэтажный особняк, выстроенный, наверное, много поколений тому назад в каком-то изысканно аскетическом стиле. Материалом для здания послужил тот же светлый и неподатливый камень, из которого был сложен, кажется, весь здешний край. Поэтому Эйб не сразу заметил это сооружение. Сначала рассмотрел тень от дома, а потом уж и сам дом, обнесенный высоким — все из того же камня — забором. В окнах дома еле заметно отражались пылающие небеса, и оттого казалось, что в них затаилась подавленная злоба — словно в глазах маньяка, тщательно скрывающего свое безумие.

— Паоло — из ваших, — продолжал словоохотливый сэр. — Из Пришлых... Носитель Дара. Член Союза Пятерых... Это вам не маг какой-нибудь... Повелевающий Демоном... Он навел здесь — на Перевалах — порядок. Поставил на место эту сволочь — самозванных баронов... Помогает горцам. Посредничает в спорах. Если возникает резня — гасит эмоции... Так что если за тобой, приятель, нет особого греха, то можешь рассчитывать на его помощь... Хлебнешь еще? А то ты, я вижу, еле ноги передвигаешь.

Сэр — в который уж раз — протянул Эйбу объемистую фляжку с булькнувшей в ней прохладной влагой. Влаге этой цены бы не было, если бы не явно лишние в ней десятко-другой процентов алкоголя. Жажду содержимое фляжки преславного сэра удовлетворяло лишь на считанные мгновения, но в ноги ударило основательно. Так что в этот раз Эйб пригубил флягу чисто символически — из вежливости к Украшению Славного Сословия.

За время не слишком долгого пути через перевал сам преславный сэр и его не менее словоохотливые, чем он сам, спутники ввели Эйба в курс здешней субординации и правильного обращения к титулованным лицам.

«Господи! — подумал Эйб. — Первое, о чем я попрошу хозяина этого дома, это о глотке воды. Самой обыкновенной воды из-под крана. И стану, наверное, самым счастливым человеком во Вселенной. И кой же черт понес меня в номер сэра Августа?!»

Дом Паоло приближался к ним со скоростью черепахи. Сначала надо было спуститься в каменистую долину, преодолеть ее, а потом взбираться к вершине холма, который оказался гораздо выше, чем представлялось с перевала. Но все имеет свой конец. Кавалькада сгрудилась перед воротами, украшенными сигнальным молотком в виде клюва диковинной птицы.

Сэр Рённ уверенно отбил по врезанной в потемневшую древесину ворот тяжелой металлической плите условный сигнал.

* * *

В ванне, под струями горячего душа, Эйб окончательно лишился сил. Он опустился на скользкое дно каменной ванны и некоторое время пребывал в какой-то прострации. Трудно сказать, сколько времени длилось его путешествие в мир лениво переплетающихся мыслей и уплывающего в неизвестную даль сознания. Пришел он в себя лишь тогда, когда горячие струи, низвергавшиеся на него, неожиданно сменились ледяными, пронзающими тело холодными иглами потоками. Видно, такой контраст был предусмотрен программой этой душевой.

Одежда, предоставленная ему любезным хозяином, разумеется, не была подогнана по размеру, но штаны, слава богу, не сваливались с его поубавившейся за последние дни в объеме поясицы, а рубаха не доходила до колен. Так что к обществу, собравшемуся в столовой, он спустился в более или менее пристойном виде.

Общество состояло из хозяина дома — крепко сбитого русого светлоглазого бородача, сэра Рённа, и еще пары высокопоставленных членов Славного Сословия. Остальным гостям было накрыто «в большом зале», откуда уже доносились звуки разгорающегося застолья.

— Надеюсь, — хозяин жестом указал Эйбу на оставленное для него кресло, перед которым стоял столовый прибор, — вы не откажетесь разделить с нами этот... э-э... поздний завтрак. Или ранний обед... И поделитесь с нами вашей историей...

Эйба не надо было просить дважды. Он поосновательнее устроился в предложенном ему кресле и наполнил свою тарелку из всех расставленных на столе блюд. Хозяин налил в его стопку хрустальной чистоты спиртного и предложил тост за знакомство.

— Кстати, о знакомствах, — сказал хозяин. — Давайте познакомимся поближе. Паоло — это, с позволения сказать, мой местный псевдоним. Меня следует называть...

— Повелевающий Демоном! — вставил в разговор свое слово уже слегка разомлевший сэр Рённо.

— Вы не совсем правы... — улыбнулся хозяин. — Повелевающий Демоном — это мой титул здесь. А имя, данное мне родителями, звучит как Павел. Павел Сухов — урожденный гражданин Республики Джей — к вашим услугам. Но поскольку привыкшим к здешнему диалекту правильное произношение плохо дается, то я согласен и на Паоло. Титулование оставим для торжественных случаев. Вам, должно быть, уже рассказали о... мм... об особенностях моего здесь положения. Так что я не стану много распространяться на этот счет. Лучше будет выслушать вашу историю. И — мой вам совет — не стоит темнить. Мы не судьи и не священнослужители. Поэтому давайте начистоту...

«Начистоту, так начистоту, — подумал Эйб, набивая рот несколько непривычного вкуса паштетом. — После того как я посидел на цепочке в виде товара, предназначенного на продажу, терять мне абсолютно нечего...»

— Авраам Фукс, — представился он. — Гражданин Джея... Как и вы, сэр. Выходит, земляки мы... Профессия — кражи со взломом.

* * *

Кромка перевала скрыла колышущиеся в мареве нагретого воздуха фигурки последних всадников Славного Сословия, покинувших место расправы с табором Лоскутного Племени. И только после этого отовсюду — из расщелин скал, из скрытых в здешней неверной тени каменных глыб, ложбин, из заброшенных нор некогда обитавших здесь тварей и, наконец, просто из-за каменных столбов, обступивших дорогу, — стали выбираться люди. Люди, в который раз лишившиеся всего своего добра и теперь пытающиеся на этом лишенном и капли воды плато спасти от жадного пламени остатки своего имущества.

Воздух над дорогой наполнился истошным воем, проклятиями, рыданием. В чем-чем, а в умении сдерживать эмоции женщин Лоскутного Племени заподозрить было нельзя. Как, впрочем, и в склонности покоряться ударам судьбы. Каждый, кто хоть немного был знаком с характером этого народа, мог быть уверен в том, что уже завтра, когда отвоются завывающие, отрыдаются рыдающие и смолкнут плачущие и проклинаящие, наступит новый день. И на рынки и площади, на перекрестки дорог и под навесы придорожных таверн выкатится новая волна смуглых, черноглазых и цепких умельцев накрывать скорлупками орехов блестящие шарики, гадать по картам, по руке и бог знает как еще, угонять из запертых стоил все виды домашней живности, воровать все, что плохо лежит, и перепродавать ворованное, а также делать еще много такого, до чего не всякий ум человеческий может дойти в течение жизни.

Все это обязательно будет завтра.

А пока что вой, плач и рыдания смешивались в воздухе с дымом горящего скарба и возносились высоко над горной дорогой, ведущей к Перевалам.

И вдруг все оборвалось. Оборвалось по знаку одного-единственного человека. Старый Пэл стоял, предостерегающе вскинув руку, посреди дороги над парнем, прислонившим ухо к земле. Все смолкли, уставившись на старика с тревогой. А старик опустил руку, повернулся и зашагал к перекрестку, откуда недавно грянул на табор отряд преславных карателей. И сейчас оттуда все отчетливее доносился стук копыт. Секунда — и всадники были тут как тут. Только на этот раз их было всего двое. Мужчина и женщина. Обоих старый Пэл знал хорошо. Знал и боялся. Не дойдя дюжины шагов до этих двоих, старик встал на колени в дорожную пыль.

Посланец внимательно вглядывался в лицо вожака. Оно было неподвижно, словно высечено из камня. И только слезы, бежавшие по лицу, напоминали о том, что оно живое.

— Мы, кажется, не вовремя? — спросил Посланец. Старик сокрушенно покачал головой.

— Встретили конников? — продолжал задавать вопросы представитель Неназываемого. — Есть убитые?

— То были люди Рённа, — произнес старик. — Они никого не убили в этот раз. Просто не стали искать тех, кто успел спрятаться. Но они отняли у нас все!..

— Ты считаешь, что они поступили несправедливо? — холодно осведомился Посланник. — Учти, если бы вас взяли с личным солдатом государя, то вы все просто болтались бы на виселице. Но это не мое дело. Я хочу узнать одну маленькую вещь... Ты ведь не откажешь мне в ответе, старина Пэл?

— Н-нет, что вы, сир... Как можно? — затряс головой старик.

Слова его были адресованы Посланнику. Но глаза неподвижно удерживали в поле зрения его спутницу — стройную, скуластую женщину, в глазах которой трепетал страх осени.

— Скажи, ведь вы направлялись во владения барона Черни? Ведь так, старина Пэл?

— Д-да, — лихорадочно закивал старик. — Святая правда, сир. Вы видите старого Пэла насквозь, сир...

— Скажи, а Пришлого, за которого Черни обещал тебе деньги, его ты вел с собой?

— О, от вас ничего не скроешь, сир...

— Где он сейчас?

— Мы... Я не смог уберечь Пришлого...

— Короче, — оборвал его Посланец. — Он жив?

— Его увели с собой Рённ и его люди...

Лицо Посланца свела еле заметная судорога. Старый Пэл прикрыл глаза, готовясь принять смерть. Неизбежную и мгновенную.

— Встань с колен, старый осел! — хрипло приказал Посланец. — Встань и держи вот это...

Из седельной сумки появился тяжелый, туго набитый кошелёк. Посланец прикинул его на вес — золото глухо звякнуло — и швырнул старику под ноги. Тот поймал кошелёк на лету. Золото звякнуло вновь.

— Это вам — на то, чтобы подняться из дерьма, — презрительно бросил подручный Неназываемого. — Держите, шакалы. Держите и помните щедрость Неназываемого!

Не удостоив рассыпающегося в благодарностях и норовящего «приложиться к ручке» Мири Пэла даже взгляда, Посланец кивнул своей так и не произнесшей ни слова, но окатившей Лоскутное Племя волной ледяного ужаса спутнице, развернул коня и прищпорил

его. Оба всадника скрылись за поворотом, звук копыт их коней смолк. Словно никогда их здесь и не было.

«Какому из богов мне помолиться?» — подумал старик.

* * *

— Понимаете, — объяснял Эйб, — в этот чертов табор я подался с отчаяния. Я не знал, где я оказался. Не знал, как выбраться из этого дурацкого леса. Не знал просто, где добыть хоть какое-то пропитание...

— Вы говорили, — напомнил ему Павел, — что, кроме вас, в таборе оказалась еще и девушка откуда-то Извне...

— С Квесты, — уточнил Эйб. — Ее звали Кончита Фарга. Це знаю, откуда она взялась там. Она на такие вопросы не отвечала. Удивительная девочка... Обштопала в карты половину табора. Выиграла свободу и оседланного коня. И на нем ускакала. Перетащила на свою сторону одну отчаянную девицу из Лоскутных — и та помогла ей убежать. Фантастика...

Павел снова наполнил стопки, потер лоб и задумчиво уставился на замолкшего Эйба. Потом задал несколько неожиданный для того вопрос:

— До этого случая с товаром Посла Лента... Вам приходилось иметь дело с артефактами Предтеч?

— Почему вы меня спрашиваете об этом? — дернулся Эйб. — Ей же ей, я в эти игры с магией никогда не играл и играть не собирался...

— Послушайте, Фукс... — вздохнул Павел. — Или вам будет легче со мной разговаривать, если я буду величать вас по имени?

Эйб ответил судорожным кивком.

— Тогда буду называть вас Эйб... Так вот, Эйб, не старайтесь в моих вопросах видеть второе дно. Тем более третье. Поверьте — никто здесь, в этом Мире, не потянет вас к ответу за те дела, которыми вы занимались там — за Небесами. Но здесь постарайтесь не оступаться. Вы уже поняли, что Мир Молний — достаточно жестокое место.

Эйбу вспомнились дымы, ползущие в поднебесье над разоренным караваном. Он поежился.

— Поэтому, — продолжил Павел, — просто отвечайте на мои вопросы. И не задумывайтесь о том, почему я их вам задаю. Надо — и задаю. Вы поняли?

Эйб согласно кивнул.

— М-магия... — нерешительно произнес он. — Это такое дело, что лучше не связываться, вообще говоря... Хотя, с другой стороны, на какой-нибудь дурацкой безделушке можно такие деньжата огрести, что... В общем — приходилось. Только не спец я в этом деле. Фальшивку от настоящего товара не отличу — ни в какую... Мне настоящую-то вещь — из тех, что от Предтеч остались, — может, только одну и видеть пришлось. И ту — год, почитай, с рук сбыть не мог...

— Это уже интересно, — заметил Павел, кладя вилку и нож поверх полупустой тарелки и наклоняясь к Эйбу поближе. — Что за зверь такой вам попался?

Эйб потер лоб. Воспоминания о той — давней теперь уже — истории явно не доставляли ему удовольствия.

— Да монета то была. Магическая. С Шарады... Есть там такие деньги, на которые купить ничего нельзя. Только на другую магию поменять разрешается... Мне ее один хмырь втер. В обмен, понятно. На кости игральные — тоже особенные. На Шараде тамошние маги такими забавляются. Мне-то они по дешевке достались. Не при копах будь сказано — ворованный был товарец. И к тому ж — я тогда думал — новодел. Фальшивка то есть... Ну и поменял с легким сердцем. Монетку эту я тоже за серьезную вещь не имел. Пока знатокам не показал. Но у нас знатоки-то, знаете, еще те темнили... В общем, с одной стороны, говорят, мол, повезло вроде тебе — стоящий экземпляр попался... А с другой — не вздумай шутку эту продавать, счастья не будет. И все такое... Ну, в общем, и ходил я весь в сомнениях да в непонятках. Пока на девицу эту не напоролся ужасную... Кортни Микаэлли.

— Девицу... — пробормотал хранивший до сих пор молчание сэр Рённ. — О, как!

И наполнил свою стопку.

— В смысле — по возрасту, — пояснил Эйб. — И в том смысле, что незамужем. Но онс и понятно...

— Что — мордой вконец страшна? — предположил преславный сэр.

— Тут скорее наоборот, — задумчиво бросил Эйб. — Мордально вполне удалась. Ну и всем остальным тоже. Кроме манер разве что. И кроме характера. Просто у нее с магией отношения сложные. Она сызмальства со всякими такими штуками дело имела. Семейный, что ли, промысел у них такой был — не знаю. Не стану врать... Ну, в общем, она какую хотите вещицу — из Предтеч наследия — воспроизвести умела: комар носа не подточит. Она за тем и на Шараду заявила — за подлинными образцами. Аж с Террановы добиралась. Во как... Но в прошлом у нее темное место есть. В общем, типа того, что она вроде как душу свою заложила. Черту не черту, а демону какому-то, что ли...

Он прервался на пару секунд. Потому что лицо Павла — лицо человека, от рождения спокойного и уравновешенного, — на мгновение исказила молния боли и ненависти. Впрочем, спокойная уверенность почти тут же снова вернулась на это лицо.

— Продолжайте, — буркнул Павел.

— Ну так вот... В общем-то до ее — Микаэлли этой — отношения с Дьяволом-Сатаной мне дела никакого нет и не было, а вот монету эту чертову я ей загнать думал — за хорошую цену. Ну, принес я товар в условленное место, показал... И тут она мне и выдала! Все разъяснила да по полочкам разложила. Магические монеты эти только обменять можно — на другую магию. Или в магические кости проиграть. И никак иначе. Продашь или потеряешь — хана тебе. По крайней мере, на такой планетке, как Шарада. Или нечисть тебя заберет, или сам нечистью станешь. Вот так вот. Таким вот образом. А у самой у Микаэлли ничего такого, на что монету ту обменять можно б было, не числилось. Так я и остался с этой хреновиной, как с чемоданом без ручки. И бросить нельзя, и таскать неудобно...

— Но вам все-таки удалось от этой монеты избавиться. Ведь так? — осведомился Павел.

— В общем, да... — угрюмо согласился Эйб. — Только с этим делом немного смухлевал я... Может, — теперь вот думаю — из-за этого и приключилась со мной вся эта чехарда? Но иначе я сделать не мог. Потому что невоготу стало. Стал чувствовать, что хреново она на меня влиять начала, деньга эта чертова.

— И в чем это проявлялось? — с живым интересом спросил Павел.

— Да во всем! — мрачно отозвался его гость. — Мысли стали приходить дур-р-рацкие. Сны... И вообще, все кругом стало каким-то не таким представляться. Вот я и плюнул на все

на это. И эту хрень обменял.

— И на что ж ты ее обменял? — снова вошел в разговор заинтригованный не на шутку сэр Рённо.

— На серебряный доллар, — вздохнул Эйб. — На счастливый серебряный доллар...

* * *

Ворота поместья Варрадеш — родового гнезда магов рода Донагонов — были сработаны на века. Сколоченные из черного — «чугунного» — дерева, они были еще вдобавок обшиты полосами крепчайшей стали и упрочены специальной пропиткой из трех смол. Были они высоки, мрачны и заперты.

Заперты перед лицом Их Сиятельства графа Черни. Перед лицом государя, если называть вещи своими именами. Это было неслыханно.

Дорожный камердинер государя граф Нолль, не торопясь, спешил и решительным шагом приблизился к воротам. Игнорировав дверной молоток и присобаченный рядом (словно на двери рядовых апартаментов многоквартирного дома) сенсор дверного звонка, граф обнажил меч и грохнул в дверь его рукоятью. Еще и еще раз.

Поместье словно вымерло.

Свита государя недоуменно переглядывалась, сам Тан Алексис был мрачен, как грозовая туча.

— Герольд... — бросил он коротко. — Где герольд, который должен был?..

— Видите ли, — несколько неуверенно промямлил дорожный камердинер, — дело в том, что посланный мною баронет Фуга...

В этот момент узкая створка врезанной в правую часть ворот калитки стремительно отворилась и стремительно же захлопнулась. В промежутке между этими двумя быстротечными событиями в проем калитки турманом вылетел и распростерся в пыли — легок на помине — баронет Фуга. Вслед ему успел последовать и его головной убор — украшенная пером птицы Кун (варварски сейчас сломанным) форменная шапка герольда.

Государева свита наблюдала происходящее в тупом ошарашенности.

— Соизвольте встать на ноги и объясниться, баронет, — ужасающе тихо произнес Тан Алексис.

Баронет соизволил встать. Левый его глаз был украшен впечатляющим лиловым «фонарем». Баронет достал из-за обшлага и молча протянул государю запечатанный сургучом конверт.

Тан Алексис прикинул послание на вес, скользнул взглядом по отпечатанной в сургуче печати — то была Печать Большинства. Только по требованию большинства членов Гильдии Хранитель печатей Пастис Лесной мог извлечь этот атрибут и разрешить воспользоваться им в подтверждение решения, принятого большинством и закрепленного письменно. Брезгливо поморщившись, государь сломал печать.

Конверт содержал два листка. Один — с гербом Донагонов — был запиской (составленной с заметным небрежением правилами придворной субординации), в которой Донагон Молчаливый извещал графа Черни о том, что ввиду крайней занятости делами Гильдии вынужден покинуть на время свое имение и не может оказать какого-либо гостеприимства упомянутому графу.

Второй документ был коротким, по всей форме составленным предложением Верховному Магу Гильдии, Тану Властительному, явиться на экстренное и всеобщее собрание Гильдии, которое должно состояться в Высоком Храме в день Небес, в час смены стражи.

Повестка была подписана Секретарем и Хранителем печати. Половину плотного листа занимали оттиски печатей чуть ли не всех магических домов Сумеречных Земель.

С минуту государь думал, уронив голову на грудь. Потом выпрямился и жестом призвал к себе пажа-знаменосца. Тот приблизился и склонил древко знамени перед повелителем.

Тан Алексис резким движением сорвал с древка флаг рода Черни и швырнул его в пыль, под копыта коней.

— Разверни королевский штандарт! — приказал он. — Дальше я совершаю путь под этим знаменем! И поднимите на древко вымпел Войны!

* * *

— В конце концов, Ник сам напросился на этот обмен, — вздохнул Эйб, с сожалением озирая опустошенный стол. — Наплел мне небылиц про свой талисман. К тому же случай такой подвернулся, что вроде как доллар этот его свою силу продемонстрировал... Дело на Сендерелле было. Мы с ним, с Ником Юрски, вывозили... Ну, вывозили, скажем, такие вещи, за которые нас не погладили бы по головке, если бы копы нашли их у нас в багажнике.

Эйб подумал и махнул рукой.

— Эх, да чего тут темнить — полтонны гринзейских цехинов мы вывозили. Довольно крупными купюрами. Это было в период смены валют — три года тому назад. Все эти бесконечные цехины, злотые, кроны и прочие тутрики заменили на региональные баксы. В отличие от баксов федеральных. Вы, должно быть, не слышали об этой кампании?

— Нет, — признал Павел. — Не слышал. Я слишком давно обитаю в этих краях...

— Ну, в общем, по ходу обмена на всей Трассе насобирали по несколько тонн всех этих региональных валют и предполагали их благополучно спалить. Фишка состояла в том, что обмен-то еще не всюду успел закончиться. Ну и кое-кому из людей влиятельных и уважаемых удалось — с помощью сообразительных ребят из службы охраны — завернуть партию этого добра прямо, можно сказать, от дверцы мусоросжигательной печи. Для повторного обмена. Тоже на Трассе, но чуть ли не на другом ее конце. Ну а Ник сосватал мне работенку по доставке товара в Космотерминал...

Эйб тяжело вздохнул.

— Право же, отстегнули нам за такую работенку сущий мизер. А ведь загреми мы с этой макулатурой, отдуваться-то только нам одним бы и пришлось — по полной программе... Остальные чистенькими бы из этого дерьма вышли. Если вы не знаете, что означает «таскать каштаны из огня», так вот это оно самое и есть...

Он с досадой отмахнулся от горьких воспоминаний.

— Словом, добираемся мы до Терминала, проселком, со стороны складов. Все идет как надо — и тут — как снег на голову — копы. Причем не какая-нибудь дорожная инспекция, а самая что ни на есть криминальная полиция. Выставили свой «луноход» поперек дороги, фонарями светят, стволами машут... Ну, мы — в непонятках, то ли отстреливаться и по грунту уходить с разворотом, то ли шлангами прикидываться, типа того что машинку-то

взяли покататься — без спросу, правда, — а что там в кузове навалено, так мы не в курсе... Слабая, конечно, отмазка, но решили все ж за нее держаться. Все лучше, чем пуля в лоб.

— Разумно... — одобрил слова гостя Павел.

— Ну, тормозим. Тут к нам в салон вваливается пара федералов в штатском и начинает командовать — мол, жмите вперед, надо красный «Корвет», тут промелькнувший, нагнать. Опасные, мол, на нем преступники уходят. А у них — у федералов в смысле — движок не вовремя сдох. Так что мы со своим фургончиком как раз очень хорошо в ситуацию вписались. Можно сказать, очень даже к месту пришли. В общем, гонялись мы за тем «Корветом» по проселкам, что вокруг Терминала, считайте, полночи. Короче, «Корвет» этот, а в нем тезку, извините, вашего — Пашу-Родимчика — другая группа взяла. Тот еще жук. На контрабанде оружия погорел. Да еще двоих копов шлепнул... При аресте и задержании. Ну да это другая история. А нас с миром отпустили. Даже документы не проверили. Еще спасибо сказали. И извинились.

Эйб жестом дал понять преславному сэру, что питья с него достаточно, и продолжил.

— Ну, в общем, довезли мы клятые цехины куда надо, а сами в ближайший бар свалили. Там-то Ник свой серебряный бакс и вытащил. «Только, — говорит, — он нас и спас. Потому — никогда с ним не расстанусь». И пошел байки травить про то, как деньга эта у него в роду от предка к потомку переходила и от каких бед кого и как уберегла... Ну а я ему про свою заморочку тоже всякого наплел. Чего было и чего не было. Так вот — слово за слово — и решили махнуться. И махнулись. Ник потом ругался страшно — в том смысле, что если бы не местный джин еловый, так никогда бы он бакса того серебряного из рук не выпустил. Но — что сделано, то сделано. С ним, кстати, ничего плохого потом и не случилось. Только вот на Харуре, говорят, тамошний верблюд его покусал. Но точно не знаю. Давно известий о нем не имею. Да и со мной тоже вроде ничего особого потом не приключилось. Если не считать того, что вот сюда загремел. Так что теперь понимаю- не зря вы меня про то спросили, не имел ли я с магией дел. Получается, что имел...

— На ваш серебряный бакс можно глянуть? — осведомился Павел.

— Да отдал я его, дурак! На счастье — Кончите в дорогу.

— А то влияние, которое магическая монета на вас оказывала, оно осталось?

— Да нет... — с облегчением произнес Эйб. — На нет сошло. Я уж и думать о том забыл. Вот только из-за вопроса вашего и вспомнил... Странно...

— Ничего странного, — вздохнул Павел. — Просто вы мало знаете об этих вещах. Теперь придется узнать побольше. Сегодня отдохните и приведите себя в порядок. А завтра мы нанесем визит человеку, который хорошо разбирается в таких делах. Тогда, может быть, нам удастся как-то определиться с вашей дальнейшей судьбой. Постарайтесь быть в форме — дорога будет не из легких.

* * *

Здесь, в низине, воздух был неподвижен, но издалека, от горных кряжей, громоздящихся на горизонте, доносилось еле слышное завывание ночного ветра, вечно дующего на Перевалах.

Птица Кром трижды прокричала в спину Травнице — птица Кром с планеты Кром. И змеи Медных Камней трижды уползли из-под ее легких ног. Но Анна неотрывно смотрела

только на светлое пламя свечи.

Почти все было так, как во время последней их встречи у Камня. Кроме разве что ветра. Воздух был холоден, прозрачен и неподвижен в эту ночь. Три свечи тянули к потемневшему, словно закопченному небу, уверенные язычки светлого пламени.

Все трое молча поприветствовали друг друга условными жестами. Как всегда, Торн пришел последним. В этот раз он, видно, устал — устроился на плоском валуне чуть поодаль от Мертвого Камня и, вопреки обыкновению, не начинал разговор первым. Это взяла на себя Хло.

— Нам всем, кажется, есть что сказать друг другу? — осведомилась она.

— Есть, — согласилась Травница. — И первое, что я скажу вам, это то, что все оказалось куда сложнее, чем мы думали. Мне кажется... Мне кажется, что-то поломалось в этой системе... В той последовательности, в которой одни Пятеро сменяли других...

— Эта система сломалась еще раньше, — буркнул Торн. — Еще тогда, когда Неназываемый вторгся в этот Мир!..

— Давайте все-таки говорить по существу, — сухо оборвала его Хло. — Первой хотела что-то рассказать Сестра Анна. Давайте слушаем ее. Только я думаю, что начать лучше с фактов, а не с умозрительных выводов...

— Я и говорю о фактах, — с нажимом в голосе продолжила Травница. — Раньше в Мир Молний приносило Пришлых, которые там — в своих Мирах — прошли какое-то Испытание. Которые выявили свой Дар и укрепили его... Но тот, кого Видящая отыскала в Лесу...

— Скажи, Сестра, — со смирением в голосе спросила Хло, — ведь она нашла этого Пришлого не без вашей помощи?

— Я была с ней во время этих поисков, — лаконично определила свою роль в происшедших событиях Анна.

Она все более уверенно училась у Хло искусству уклончивых ответов.

— И этот человек... Он не прошел Испытания?

— Он его не то что не прошел, Сестра. Он его не проходил! Мало того, он пришел не для того, чтобы искать что-то для себя в этом Мире. Ну хотя бы убежища... Нет — он пришел, чтобы забрать отсюда своего друга. Маленького мальчишку... Понимаете, Брат и Сестра? Забрать отсюда. Увести прочь из Мира Молний...

— Еще сутки назад я сказал бы, что это невозможно... — мрачно произнес Торн.

— А теперь вы уже не скажете этого? — спросила Хло.

— Сейчас уже не скажу. Потому что выяснил, что между нашим Миром и другими Мирами движение двустороннее. И довольно оживленное. Но однако...

Торн хлопнул себя ладонью по колену.

— Об этом — потом. Пусть сначала Сестра Анна подробнее расскажет о том, что она обнаружила там — у Видящей...

— В самом деле, — согласилась Хло. — Какого, собственно, малолетку собрался освободить этот тип? Среди пришлых никогда не было детей...

Анна пожала плечами.

— Получается так, что все-таки были... Видящую, по крайней мере, это несколько не удивило. Просто мы не все знаем. И потом...

Тень сомнения прозвучала в ее голосе. Но она тут же отвергла колебания. Меченные Мглой не имеют секретов друг от друга.

— И потом, — закончила она, — это не просто малолетка. Это малолетка, который, может, умеет снимать Заклятия.

— Вот с этого места — поподробнее, — попросил Торн.

* * *

Анна постаралась быть в своем рассказе точной, краткой и, главное, все-таки не сказать чего-нибудь лишнего. Она прекрасно понимала, что принесла в клюве настоящую бомбу. И что вовсе не обязательно это придется по вкусу ее партнерам. Молчание, наступившее после того, как она закончила свой рассказ, служило тому подтверждением.

— Ладно, — буркнул наконец Торн. — Подождем с выводами. Давайте сначала переварим все то, что накопили мы втроем... В сумме, так сказать. Чтобы картина получилась правильной.

— Ну вот мы тебя и слушаем, Брат, — поймала его на слове Хло. — Что накопал лично ты?

Хло умела оставлять последнее слово за собой.

— Вы можете смеяться, девочки, — хрипло прогудел он, — но тот Пришлый, которого я застал в Шантене, в гостях у славного сэра Серафима, тоже не после Испытания к нам пожаловал. И не для того, чтоб здесь обосноваться. За подружкой своей он сюда пожаловал...

— Ты это серьезно, Брат? — спросила Травница.

— Серьезнее некуда. Особенно если учесть, что этот Пришлый в бытие свое по ту сторону Небес ходил в друзьях-товарищах у одного нашего общего знакомого. Он еще известен как Неназываемый, этот наш общий знакомый... В некотором роде этот Пришлый им и приглашен в этот Мир... Вы еще сильнее удивитесь, когда узнаете, кто та подруга, за которой его принесло сюда.

«Гос-с-споди! — подумала Травница. — Ну и каша заваривается в Сумеречных Землях...»

— И каким же образом этот козырный туз оказался в колоде сэра Серафима? — недоуменно пробормотала Хло, обращаясь, видно, к самой себе.

И уже потом воззрилась на Брата Торна.

— Что ему, собственно говоря, было нужно в этом Шантене?

— Для того чтобы с этим разобраться, — вздохнул Брат Торн, — наберитесь терпения, Сестра Хло. И вы тоже, Сестра Анна.

— Мы все — внимание, — заверила его Хло.

* * *

Краткий устный отчет Брата Торна произвел, в общем-то, примерно такое же действие, что и более эмоциональный, но тоже подозрительно краткий рассказ Травницы. На поляне вокруг Мертвого Камня воцарилось минутное молчание. Нарушила его на этот раз Сестра Хло.

— Примем ваши слова такими, какие они есть, — определила она. — Мне кажется, что

оба вы недоговариваете чего-то, о чем не считаете нужным ставить друг друга в известность. Я не могу упрекнуть вас в этом. По той простой причине, что и мне самой придется умолчать кое о чем.

Она бросила из-под полуопущенных ресниц пристальный взгляд на своих собеседников. Те не выразили особого недовольства сказанным ею.

— Речь идет о планах Неназываемого, — продолжила она уже более уверенно, — Мне пришло в голову сосредоточиться именно на них.

— Мне кажется, — пожала плечами Анна, — что его-то планы как раз достаточно ясны... Неназываемый не успокоится, пока не подомнет под себя все Сумеречные Земли. Или пока его не сотрет в порошок кто-то, кто окажется сильнее его. И то и другое, слава богу, пока далекая перспектива. Хотя если учесть то, что мы друг другу рассказали только что...

— У моих информаторов другие сведения, — мягко остановила ее Сестра Хло. — Мы напрасно принимаем Неназываемого за обычного маньяка, рвущегося к безграничной власти. Может быть, он был и не прочь сыграть такую роль — в ту пору, когда еще плохо представлял расстановку сил в наших краях. Но оказалось, что он достаточно гибок для того, чтобы извлечь выводы из того поражения, которое потерпел на первых порах. Нет, не подумайте, что я буду рассказывать вам сказки про то, как Неназываемый раскаялся и вот-вот свернет на стезю покаяния и добродетели. Он по-прежнему честолюбив и жесток. Но...

Она снова окинула осторожным взглядом исподлобья своих слушателей. Те явно были настроены скептически.

— Но он просто развернул свой корабль в другую сторону, — продолжила она. — Теперь его интересы вернулись к его родным Обитаемым Мирам. Тем, что лежат Извне. И Мир Молний ему теперь интересен не более, чем трамплин для того, чтобы заполучить свой кусок власти там — в Мирах гораздо более безопасных и гораздо более богатых и комфортабельных. Здесь он просто получил все необходимое для достижения этой цели — научился применять данный ему Дар Власти, развил его настолько, насколько это только возможно, приобрел опыт правления, создал покорных себе исполнителей своей воли, каждый из которых является носителем какого-либо Дара... Здесь он стиснут, блокирован силами не менее могущественными, чем он сам. А там — в Мирах Федерации — он не встретит фактически никакого сопротивления...

— Эх, — крикнул Брат Торн. — Кабы хотя половина этого была правдой... Да ты не подумай, Сестра, — то я не про тебя. Я про то, что информаторы твои, сдается мне, соврут — недорого возьмут...

Лицо сестры Хло еле заметно дернулось.

— Понимаю твое недоверие, Брат Торн. Я и сама точно так же восприняла бы такие слухи. Если бы они только не исходили из источников, которые заслуживают самого высокого доверия.

— И ты, разумеется, не можешь эти источники назвать. Ты, конечно, связана словом, — со скрытой насмешкой в голосе предположил Торн.

— А как ты иначе себе представляешь такие дела, Брат? — чуть повышенным тоном осведомилась Хло. — Впрочем, если ты жаждешь доказательств, то они будут. Нам предлагают помочь в деле организации встречи Пятерых и представителей Неназываемого.

— О, даже как! — крикнул Торн. — Интересно все складывается, да только... Тут и в дерьмо влипнуть недолго...

— Недолго, — согласилась Хло. — Дело требует проверки. Ею я сейчас и занимаюсь.

— Хотелось бы... — начал было формулировать очередной заковыристый вопрос Брат Торн, но тут Анна предупреждающе вскинула руку.

— Тихо! — прошептала она и приложила ладони к Мертвому Камню.

Там — глубоко внутри антрацитово-черной громады — медленно, но уверенно нарастал низкий, на грани инфразвука, гул. И постепенно в этом гуле начинал угадываться еще и иной, словно издалека приближающийся звук — исподволь набирающий силу перезвон тяжелых, неторопливых колоколов. Колоколов не этого мира...

Теперь уже все Трое стояли, прижав ладони к шершавой поверхности Камня, и молча впитывали в души что-то, что хотел сказать им этот гул и эти звоны. Понять это было самым главным для них сейчас.

Неторопливый перезвон достиг пика своей силы, окончательно переборол стихший почти изначальный, фоновый гул и неожиданно стих и сам. Не оборвался, а повис в воздухе последними своими медленно затихающими нотами. Момент наступления полной тишины остался неуловим.

И тишину эту первой нарушила Анна.

— Знак, — тихо сказала она. — Мать-Мгла зовет нас...

— В эту ночь мы в Долину уже не успеем, — угрюмо бросил Брат Торн. — Небо уж разгорается. Стало быть, день Мать нам на подготовку дает. И на размышление. А поразмыслить нам есть о чем...

— Вот что, — неожиданно по-деловому сказала Анна. — Встречаемся у Трех мостов. В час первого сумрака. А до этого каждый работает в своем направлении. Постараемся быть во всеоружии.

— Да тут другого ничего и не выдумаешь, — пожал плечами Брат Торн.

— Надеюсь, — Сестра Хло строго поджала губы, — никто из нас не сделает за это время ошибки.

«Я тоже на это надеюсь», — подумала Травница.

* * *

В этот раз они встретились у плеса, не сговариваясь загодя. Над ровной, словно замершей гладью реки стоял плотный туман, в котором гулко разносились всплески и шорохи ночной жизни. Так почти всегда бывает в пору безветрия, когда Небеса еще только начинают разгораться злым дневным огнем.

Сперва Торн решил, что чутье изменило ему и Травница не поняла, что им необходимо обсудить сложившуюся ситуацию подальше от чутких ушек сестрицы Хло. Но, когда он уже собрался прекратить свои блуждания в тумане и двинуться прочь, Анна тихо окликнула его.

Она еле виднелась в белесой мгле — призрачной светлой тенью на границе между влажным песком отмели и неподвижной водой реки.

— Господи ты Боже мой! — вполголоса попенял ей Брат. — Чего же ты молчала, покуда я туда-сюда тыркался, словно незрячий?

— А ты уверен, что мы с тобой одни здесь — в этом молоке? — вопросом на вопрос отозвалась Травница. — Не стоит тут орать в полный голос. Садись...

Она шагнула в туман и словно растворилась в нем. Последовав за Сестрой, Торн

обнаружил, что та уже устроилась на той самой замшелой колоде, сидя на которой они держали свой прошлый «военный совет».

— Ну, говори, — произнес он скрипучим голосом, занимая место на коряге, чуть поодаль от Травницы. — Ведь есть у тебя что сказать старому ворчуноу, а?

— Да наверное, и у старых ворчунов бывают кое-какие секреты, которыми им стоило бы поделиться с младшей Сестрой? — усмехнулась Анна.

Помолчала, чертя веточкой по песку контуры древних рун. Потом заговорила, стараясь не вспугнуть окружающую их тишину.

— Я не стала говорить о двух вещах... Во-первых, Марика... Видящая считает, что тип, который пришел сюда за своим приемышем, не случайный человек. Тому, кто забросил сюда этого мальчишку, ничего не стоило утаить от этого Чудина путь, который ведет сюда... Значит, что-то в нем есть такое...

— Думаешь — Дар? — торопливо спросил Торн.

— Видящая не сказала именно так. Но... Может быть, она это и имела в виду. Во всяком случае, она намерена вести этого типа в Горные Монастыри, к Находящему Путь... Он у них ведь вроде за главного. У Пятерых, я о них говорю...

— Он не то чтобы за главного у них... — Торн почесал в затылке. — Он просто больше всех знает о том, как работает эта мясорубка, в которой мы все крутимся. Может быть, даже лучше, чем здешние мудрецы. Он, собственно, только этим и занимается. Обошел вдоль и поперек все Сумеречные Земли. С магами дружен. Да и сам считай что маг... Хочет знать здесь все ходы-выходы. Говорят, что он даже знает, куда уходят каждый раз Старые Пятеро, когда приходят Новые. Но не то важно... Важно то, что, похоже, у этой Пятерки он — верховный орбитр. Ведь моего Пришлого потянули туда же. В Горные Монастыри. События начинают сходиться в какой-то один фокус... Так?

— Последнее слово — за Матерью-Мглой, — холодно констатировала Анна. — За эти сутки мы должны как-то определиться. Так или этак...

— Сутки... — мрачно буркнул Торн. — Сдается мне, что события сейчас поскачут таким галопом, что сутки эти нам покажутся вечностью...

— Ты считаешь...

Анна продолжила чертить веточкой по песку и произносила слова медленно, словно читая что-то там, на этом песке, написанное.

— Ты считаешь, Брат, что и нам следует направиться в горы — к Находящему Пути?

Торн пожал плечами.

— Все зависит от того, чем закончится наша встреча с Матерью-Мглой... Но мне очень хотелось бы узнать, что означает это нашествие таких странных Пришлых...

— А меня, — отозвалась Анна, — очень беспокоит эта история с тем мальчишкой. Я никогда не слышала о том, что сюда, к нам, могут попадать дети. Пусть даже несущие Дар.

Брат Торн вздохнул, взъерошил коротко стриженные волосы и искоса поглядел на Травницу.

— Понимаешь, я про того парнишку слыхал... Но... Словом я связан. Раз уж ты на эту историю сама вышла, то так тому и быть. Только мне об этом болтать не положено. Нет, тебе я доверяю без оговорок. Но слово есть слово. Сама понимаешь...

Анна усмехнулась.

— То-то у тебя был вид такой, словно ты мне рот заткнуть хотел, когда я про мальчугана этого рассказывать начала... Ну ладно... Темни дальше, темнила...

Она вдруг помрачнела.

— А может, и я напрасно все этак вот начистоту выложила... Есть у меня какое-то нехорошее предчувствие на этот счет...

— Эт точно, — согласился с ней Торн. — Чувствую — и ты тоже от сестрицы Хло добра не ждешь...

Анна посмотрела не то чтобы в глаза Брата, а куда-то сквозь него.

— До меня только сейчас дошло... Ведь она — как и мы все — никакими обязательствами не связана по отношению к тому мальчугану. А мальчуган этот — если он жив — для Неназываемого смертельно опасен. Вот и получается, что на руках у сестрицы — неубиенная козырная карта в той игре, которую она с Неназываемым затеяла...

Торн только тяжело кивнул седой головой.

Анна стремительно вскочила на ноги и с видимым трудом разжала крепко сжатые кулаки.

— Но ведь ни ты, Брат, ни я не поступили бы так? Верно? Не стали бы торговать жизнью ребенка? Значит, и Хло...

— Это ровным счетом ничего не значит, — угрюмо оборвал ее Торн. — Я с Сестрой Хло не один пуд соли съел. И знаю, что совесть ей заменяет личная преданность Матери-Мгле. Она верна нашим клятвам и никогда не предаст ни ее, ни нас. Потому что в таком случае потеряет все. Станет никем и ничем. Но любые другие законы ей не писаны. Ты не так давно вошла в Тройку, но, я думаю, уже заметила, что Хло способна оправдать любой свой грех. И приписать любое прегрешение тем, кто с ней не согласен.

Он снова взъерошил волосы своей могучей пятерней.

— Недаром она последней отчитываться стала. Да знай я, что она с людьми Неназываемого встречается... Вот тогда бы я тебе, сестрица, точно рот зажал.

— Послушай...

Анна нервно сжала ладони перед собой, словно собралась помолиться неожиданно явившемуся ей в тумане богу.

— Я не спрашиваю тебя ни о чем, Брат, но... Если ты имеешь возможность связаться с теми, у кого находится ребенок... Передай им, что возникла опасность... Что очень скоро на их подопечного начнется настоящая охота.

— Я именно это и собираюсь предпринять.

Торн тоже встал на ноги.

— Но нам надо действовать вместе и в согласии друг с другом, Сестра. Мне придется отправиться в город — навести кое-какие справки. Встретимся в той харчевне у Ратуши, ты знаешь, о чем я говорю. Я поспею туда к началу второй стражи. Мой тебе совет — постарайся хоть немного выспаться за это время. У нас будет очень тяжелый день.

* * *

Несколько мгновений у Руса ушло на то, чтобы преодолеть игру собственного воображения — на месте реального человека ему привиделась только что мелькнувшая в сумраке ущелья иссохшая ведьма с птичьими лапками вместо кистей рук. Но морок тут же рассеялся.

Вовсе не странный обитатель скрытых троп, соединяющих Миры и места, пристроился

на белом валуне. Это был обычный мальчишка, обряженный в одеяние, несколько напоминающее пастушье. Наличествовала сумка, но ни посоха, ни каких-либо пасущихся тварей окрест не замечалось.

Мальчишка понял, что его наконец заметили, и помахал Русу рукой. Потом спрыгнул на траву и пошел ему навстречу. Лорри неодобрительно цокнул и беспокойно завозился на плече у Руса. Затем смолк и затаился — насколько это было возможно в его положении.

— Я тебя все-таки дождался... — угрюмо сказал парнишка, остановившись перед Пришлым. — Учитель ждет тебя...

Рус удивленно потер лоб.

— Откуда ты...

— Это не я, — деловито прервал его мальчуган. — Это Учитель. Он — Находящий Пути. Он знает здесь все ходы. И он догадался, что ты сможешь уйти сюда.

— Но я только случайно... — начал Рус.

— Учитель говорит, что случайно здесь ничего не происходит. У него все вот тут.

Мальчишка постучал ладонью по своей голове и дернул Руса за рукав.

— Пойдем! Время не ждет!

Лорри снова забеспокоился на плече у Руса. Он явно был недоволен происходящим. Рус покосился на него, затем на своего неожиданного спутника. Оба они уставились друг на друга — искоса и недобро. Похоже, они были старыми знакомыми. Рус наморщил лоб, пытаясь сообразить, не грозит ли ему какая-то ловушка. Вообще-то, так вот — скоропалительно — покидать гостеприимного, хотя и навязчивого Парре Рус не собирался. Пока что Рус только еще испытывал возможности своего Дара — благо хозяин еще не учуял тот Дар в своем госте. Но события вносили в его планы свои коррективы. Они развивались слишком стремительно, и время действительно не ждало.

— Как зовут Учителя? — осведомился Рус, принимая строгий вид. — И как зовут меня? Он тебе назвал мое имя?

— Тебя зовут Руслан, — охотно, но угрюмо уведомил его мальчишка. — А Учителя я назову тебе на ухо. Нечего всяким посторонним...

Ладонь Лорри резко стиснула плечо Руса и принялась незаметно, но энергично тереть его. Рус успокаивающе почесал зверька за ушком. Но тот не отозвался привычной трелью, шерсть его осталась настороженно вздыбленной. Чувствуя себя предателем, Рус наклонился к мальчишке и подставил ему свое ухо.

Но мальчишка и не подумал шептать что-то ему. Вместо этого он на какую-то долю мгновения раскрыл перед его носом свою темную ладонь — так, чтобы ее не видел зверек на плече. Рус только после того, как ладонь снова сжалась в кулак, сообразил, что прочитал написанное на ней слегка расплывшимися чернилами имя.

«Надо же, — подумал он, — хитрец — еще до того, как меня увидел, знал, о чем я его спрошу. И что, наверное, я буду не один».

Его размышления были прерваны самым бесцеремонным образом. Он выпрямился от резкой боли — Лорри цапнул его за ухо, соскочил с плеча и почти мгновенно исчез в кустарнике. Рука Руса рванулась к поясу, но вместо бластера он вытащил из подсумка всего-навсего спрей с комбинированным — анестезия — репарация — составом и выпустил на пострадавшее ухо солидную кляксу заживляющей пены.

Мальчишка сочувственно следил за его действиями:

— Здорово он тебя цапнул, — вздохнул он. — Теперь побежал хозяину ябедничать. Но

отсюда он только к вечеру к нему доберется. «Переулками» сам ходить не умеет, гадина!

Он снова дернул еще не оправившегося от столь драматического разрыва с пушистым приятелем Руса за рукав.

— Пошли! Время не ждет!

Глава 10

КАЙЛ НАХОДЯЩИЙ ПУТИ

На ночь они устроили стоянку под сенью скалы. Каменная громада неплохо защищала от ветра и, кажется, еще хранила в себе остатки дневного тепла. Но уже в шаге от нее ледяной ветер пронизывал путников до костей.

— Холод... — уныло бросил Форрест. — Собачий холод у вас тут в горах...

— Это от Тьмы... — пояснил чеани, помогавший ему спешиться. — В часы Тьмы в горах всегда холодно.

Маска Путника, закрывавшая его лицо, оставалась бесстрастно-услужливой. Почти такая же украшала физиономию второго чеани, что был занят распаковкой багажа Целительницы. Багаж этот состоял, впрочем, всего лишь из небольшого рюкзака и плотно свернутого спального мешка. Второй — точно такой же — уже отстегивал от седла чеани-проводник Дю Тампля.

— У нас только два спальных мешка, — заметил Форрест. — Чеани не боятся холода?

— В общем-то, нет, — отозвалась Цинь. — Они просто впадают в оцепенение. Дс утреннего тепла. Но нам этого дожидаться не стоит. Разведем костер и согреем. Нам до светлого часа надо дойти до Скальных монастырей. До Находящего Пути. Так что и спать придется недолго. Часа два с половиной. По очереди. Чеани в сторожа не годятся. В темноте видят хорошо, но при низкой температуре...

— Цепенеют. Я понял, — кивнул Форрест, расстилая выделенный ему спальник. — А на всю ночь костер разжигать не...

— Вот именно, — подтвердила Цинь. — «Не». Здесь — за Перевалами — всякие шатаются...

Чеани, похоже, уже начинали впадать в спячку. Но — с грехом пополам — успели натащить к стоянке хворосту. Откуда он взялся среди этих голых скал — причудливый и окаменевший, догадаться было трудно.

Бросили жребий. Первой дежурить выпало Цинь.

Целительница поплотнее укуталась в шерстяное одеяло, упрятала ноги в спальнике и притулилась спиной к теплой еще скале. Чеани тоже жались к камню, словно стремясь слиться с ним в единое целое. И со стороны могло показаться, что именно так и происходит — их движения становились все более медленными и угловатыми. А потом и вовсе прекратились. Оба чеани замерли, уткнув забранные масками лица в компактно сложенные членистые конечности. Теперь они меньше всего напоминали живые существа. Скорее уж какие-то причудливые камни, оставленные здесь так и не окончившим свою работу камнерезом. В стороне, привязанные к окаменевшим, словно кораллы, кустам, еле заметно прядая ушами, кемарили местные выносливые лошадки — те, что благополучно доставили путников сюда. Им нипочем были часы Тьмы.

Цинь перевела взгляд на Пришлого. Тот уже спал. День нелегкого пути и остатки колдовства Шепчущих окончательно сморили его. Скорчившийся в своем спальнике на манер эмбриона, он был совершенно неподвижен. Только глаза под сомкнутыми веками двигались — беспокойно, очень беспокойно.

Целительница уловила это движение и напряглась. Вся обратилась во внимание. И не зря.

Минуто-другую спустя дернулись пальцы выпростанной из спальника руки Форреста. Затем сам он изменил позу. Согнулся, сел. Освободил вторую руку, сжал лицо в ладонях. Потом опустил руки, осторожно уперся ими в землю. Открыл глаза.

— Здравствуй, Том, — грустно произнесла Цинь. — Ты все-таки нашел нас...

* * *

Сухой, высокий и сутуловатый человек стоял перед узким окном своей кельи-кабинета. Белесый свет неразгоревшихся еще небес высвечивал россыпь неярких веснушек на его невыразительном, словно чисто выстиранном, лице. Человек без особого интереса рассматривал открывавшийся его взору пейзаж — россыпи каменных глыб, близкая кромка бездонного обрыва, а по ту сторону пропасти — громоздящиеся к небу скалистые стены горного кряжа, рассекающего Сумеречные Земли на неравные и несхожие друг с другом части.

Пейзаж этот был уже давно знаком человеку, стоящему у окна. Этим утром он просто коротал время, скрашивая созерцанием безжизненных плато и отвесных склонов свое тревожное ожидание.

Тихий условный стук, раздавшийся у входа, не был для него неожиданностью.

— Я привел его, Учитель, — тихо произнес мальчик-служка, остановившись на пороге открывшейся перед ним двери. — Мы все сделали так, как ты сказал.

Учитель сделал шаг назад, пропуская служку и приведенного им человека. Гость был сравнительно молод и не выделялся бы ни лицом, ни сложением из общей массы прохожих там, на улицах городов любого из Обитаемых Миров. Но здесь — в Мире Молний — его внешность могла многое сказать Посвященным. Одежда гостя — прочный комбинезон со множеством карманов — делала его похожим на космонавта или пилота стратосферного истребителя. За спиной его был приторочен не слишком большой рюкзак. На ухе — нашьепка репарирующего геля.

— Вы... — начал гость. — Вас предупреждали о моем появлении? Я должен передать вам привет от Квинта...

— Предупреждали, — кивнул Учитель, плотно прихлопывая дверь за вошедшими. — Повесьте ваш багаж сюда. — Он указал на подходящий крюк, вбитый в каменную стену кельи. — Вы действительно виделись со стариком Квинтом?

Рус смутился.

— Честно говоря, я считал, что это всего лишь условная фраза...

— Жаль...

В голосе хозяина прозвучало разочарование.

— Ну что же... Давайте знакомиться. Впрочем, меня вам уже называли... Кайл Васецки. В прошлом — экзоархеолог, доктор наук, декан... В настоящем — Обладающий Даром. Член Союза Пятерых...

— Руслан Рядов, — представился гость. — Можно просто Рус. Постоянно живу в Кенигсберге. Это в Метрополии... На самой Земле. Не могу похвастаться своими учеными званиями, но... Я всего лишь Посредник. Двадцать с лишним лет стажа в «Трансгалактик». Вы, должно быть, представляете, в чем заключаются обязанности людей моей профессии?

— Ну, грубо говоря, вы — полномочный представитель вашей корпорации... Так

сказать ее выездной посол.

— Один из многих, — улыбнулся Рус. — Но здесь я представляю вовсе не «Трансгалактик».

Мальчик-служка напомнил о себе тихим покашливанием. Кайл поднял руку в успокаивающем жесте.

— Принеси нам завтрак и можешь оставаться здесь и послушать нас, Сонни. Может быть, тебе будет полезно послушать, о чем мы будем говорить с господином Рядовым.

Сонни мгновенно исчез в соседней комнате. Учитель улыбнулся ему вслед и жестом указал Руслану на место у стола, больше похожего на журнальный столик, чем на обеденный стол. Гость не без труда устроился на предложенной ему каменной скамеечке. Кайл сел напротив.

— Должен поздравить вас, Руслан Рядов, — с некоторой торжественностью в голосе произнес он. — Вы — первый, кого удалось забросить в этот мир без помощи так называемой магии... Но, я полагаю, те, кто послал вас, — при постановке задачи не ограничивались только испытанием техники подпространственного перехода?

— Конечно нет, — признал Рус. — Будет проще, если вы, доктор, сразу прочитаете эти письма...

Он достал из внутреннего кармана плотный пакет и немного поколдовал с его пломбой. Потом вынул из него и протянул Кайлу два конверта, украшенных один — гербом Спецакадемии, другой — символом Федерального Управления Расследований.

— Должен сказать, — добавил Рус, — что у меня при себе есть еще один пакет — для одного из Пяти. Его зовут... Или звали раньше — Томас Лэмберт Роббинс.

— Его именно так и зовут по сей день, — еле заметно усмехнулся хозяин. — Но официальное, так сказать, его здесь величание — Том, Меняла Душ. Впрочем, он и на просто Том не обижается.

Рус, ощущая сильнейшую неловкость, закончил:

— Этот пакет просили передать ему лично в руки. Он — от прежних его... От его коллег. Меня предупредили, что только сам господин Роббинс знает, как вскрывают такого рода письма. Если что-то будет сделано не так, содержимое пакета самоуничтожится.

Узкие — словно шрам от разреза скальпелем — уста хозяина снова посетила ироническая улыбка.

— У вас будет возможность передать это послание лично Тому в руки. Ну а я, с вашего позволения, займусь тем, что адресовано мне самому...

Пока экс-декан Васецки распечатывал конверты и знакомился с их содержимым, в келье бесшумно возник Сонни и поставил на стол большой деревянный поднос с самыми обыкновенными бутербродами — с сыром и ветчиной. Признаться, Рус ожидал увидеть на столе нечто более экзотическое. Перед Русом Сонни поместил объемистую чашку с темным отваром. Отвар дымился, по келье поплыл его горьковатый аромат. Вторая — точно такая же — чашка досталась Учителю. Тот сперва словно и не заметил ее.

Учитель был погружен в чтение писем. Должно быть, для него это были не просто официальные предложения сотрудничества и заверения в соблюдении обязательств договаривающихся сторон. Несколько раз он поднимал глаза и приглядывался к сидевшему перед ним Русу. Мальчишка, поименованный Сонни, незаметно устроился в углу в позе лотоса и тихо уминал изъятый с подноса сандвич.

Кайл отложил письма в сторону, повертел в руках вложенную в одно из писем дискету и

поднял взгляд на Руса.

— Похоже, что мое послание попало по адресу...

— Там... — Рус запнулся, подыскивая слово, — на Большой Земле...

— Здесь говорят «Извне», — подсказал ему Кайл. — Или «За Небесами». Но говорите так, как вам будет удобнее. «На Большой Земле» — тоже хорошо звучит.

Он отхлебнул горького отвара, взял ломоть хлеба с ветчиной и кивком предложил Русу, не стесняясь, приниматься за трапезу. Того не надо было долго уговаривать.

— В общем, они там изрядно обеспокоены, — более уверенно продолжил Рус, принимаясь за бутерброды. — Все. Вплоть до Федерального Директората. Похоже, что они не ожидали, что столкнутся с целой разведывательной сетью мира Молний в Мирах Федерации.

— Сейчас правильное уже будет сказать — с личной разведкой Кристофера Денджерфилда... — усмехнулся Кайл. — Впрочем, я несправедлив к его предшественникам в роли Неназываемого. Начали обратное — если так можно выразиться — проникновение в Обитаемые Миры именно они. И к своим предшественникам я тоже несправедлив. Находящие Пути — те, что бывали здесь до меня, — изрядно помогли прошлым Неназываемым протаптывать дорожки в довольно интересные места. В том числе и в Обитаемые Миры...

— Вы писали об этом в своем меморандуме, — подтвердил Рус.

— Вас полностью ознакомили с этим документом? — поинтересовался Кайл.

— С некоторыми купюрами, — ответил Рус. — Как я понял, вы считаете, что реальная угроза для Федерации возникла только в последнее время?

— Если говорить более точно, то опасность стала реальной после появления здесь господина Денджерфилда, — ответил Кайл. — Те Неназываемые, что приходили в Сумеречные Земли до него...

— Сумеречные Земли — это одна страна или?.. — переспросил Рус. — Я, наверное, не до конца разобрался в вашем меморандуме...

— Так здесь называют обитаемую часть этого Мира, — пояснил Кайл. — По крайней мере, ту, что известна и описана здешними мудрецами в их сочинениях. В течение последнего тысячелетия это единая Империя. Вас, видно, готовили к заброске сюда по ускоренной программе...

Он снова отхлебнул темного отвара (довольно мерзкого на вкус, как показалось Русу) и вернулся к прерванной нити разговора.

— Предшественники господина Денджерфилда — по крайней мере, те, что мне известны, — пользовались возможностями выходить отсюда, из Мира Молний, в иные Миры, в основном, по мелочам. По-настоящему их беспокоила только лишь возможность появления здесь — в их вотчине — конкурентов. Непредвиденных и непредсказуемых. Для этого они и создавали вокруг тайных Порталов — Врат, по которым из других Миров сюда просачивались Посвященные, — целую паутину верных им организаций. Плодили различные культы, секты и тайные общества. Даже целые церкви порой создавали. Церкви, служащие выдуманном ими богам и святыням.

— Но ведь все-таки сюда приходили не только те, кого они готовы были пропустить, — заметил Рус.

— Ни одна система не совершенна, — улыбнулся Кайл. — И никто не может знать всех тропинок, что Предтечи проложили между Мирами... И никто не знает всех Посвященных

— тех, что несут свои знания еще от Древних. По сравнению с ними вся эта новая поросль, насаженная Неназываемыми, — просто малые дети... Но об этом как-нибудь в другой раз.

Он поднялся и принялся мерить тесное пространство кельи довольно широкими шагами. По диагонали.

— Никто — подчеркиваю: никто — за то время, которое описывают здешние хроники и изустные сказания, не затевал похода отсюда — из Мира, которым правит псевдомагия и тайные знания Древних, в Реальное Мироздание, в котором правят совсем другие законы... Прежние Неназываемые ограничивались малым. Приторговывали предметами магии. Втихую пользовались благами технократических цивилизаций Обитаемого Космоса. В общем, использовали Философский Камень для того, чтобы сшибать мелочь на карманные расходы. И — надо же! — в череду этих сереньких проныр и бонвиванов вдруг затесался настоящий хищник — с огромными амбициями и с умением мыслить масштабно! — Кристофер Денджерфилд.

Учитель остановился у окна и устремил в пространство отрешенный взгляд. Казалось, там, среди залитых разгорающимся трепетным светом Огненных Небес, нагромождений изуродованного неведомой силой камня, он видит что-то открытое ему одному. Сокровенное. Не подлежащее отрицанию.

— Должно быть, вы знакомы, — наконец продолжил он, — с обстоятельствами, при которых мне и другим членам нынешней Пятерки пришлось покинуть родной Мир. Мы не знали тогда, что нас ждет впереди. Не знали, что не ушли от своих судеб. Что всего лишь перешли на новый виток Испытания, которое дарит Избранным таинственная машинерия Предтеч. Но одно мы знали твердо: дороги назад нам нет. Я был уверен, что порвал все нити, связывающие меня с цивилизацией. По крайней мере, с цивилизацией Федерации Тридцати Трех Миров. Но в этом я ошибся.

Он оторвал наконец взгляд от пейзажа за окном и повернулся к Русу.

— Может быть, я переоцениваю возможности Неназываемого. Дай бог, чтобы это было так. Но он может принести в любой из Обитаемых Миров смерть и разрушение. Мы уже вдоволь насмотрелись на это здесь. Заклятие Власти — страшная штука. Он заставил служить себе самых сильных, самых способных и самых влиятельных людей Сумеречных Земель. Почти все они погибли, пытаясь привести его на престол абсолютной власти в этом Мире. Сейчас в его власти остались только такое ничтожество, как здешний номинальный монарх Тан Алексис, да несколько Пришлых, наделенных разными Дарами... Только мы, Пятеро, и смогли противостоять ему. Это было горько — сражаться с теми, кто был некогда добр и могуществен, но превратился в безвольный, послушный инструмент в руках циничного авантюриста... И не известно, чем бы закончилась эта свара, если бы свое слово не сказала Мгла.

— Мгла? — переспросил Рус.

— Мгла... — кивнул Кайл. — Еще одна из действующих сил этого Мира. Довольно непредсказуемая. Нам еще предстоит поговорить о ней. И, скорее всего, увидеть ее в действии.

Он помолчал, то ли собираясь с мыслями, то ли вспоминая что-то очень неприятное. Потом вернулся к прерванной мысли.

— Его удалось остановить. Но только здесь и только на время. А потери были несоразмерно велики. Когда я представил себе, что нечто подобное начнет происходить в моем родном мире... Вот тогда я и решился передать к вам, как вы выразились, на Большую

Землю этот свой меморандум. Меморандум Беглеца. У меня ведь тоже есть на примете свои дорожки, по которым можно забросить курьера в Миры Федерации. И люди Денджерфилда даже не догадываются об их существовании...

Стараясь собраться с мыслями, Рус провел рукой по коротко стриженным волосам.

— Ваши предупреждения приняты во внимание. Разрабатываются самые различные меры для того, чтобы свести на нет возможные последствия вторжения из Мира Молний. Одна из таких мер — вот эта моя миссия... Но... Я так до конца и не понял, почему выбор пал именно на меня. Каким-то образом это оказалось связано с Элом... С моим исчезнувшим братом... Мне представили дело так, что именно от вас я смогу узнать обстоятельства этого дела... И о моей роли во всем том, что с этим связано...

Кайл вернулся к своей конторке — почти такой же, что Рус видел в доме Парре, — переложил с места на место листки писем, доставленных ему Русом.

— Пожалуй, — вздохнул он, — действительно вам, Руслан Рядов, стоит узнать теперь и то главное... Главное для вас. То, что заставило вас согласиться на ваше путешествие сюда.

Он взял с боковой полки тонкую стопку от руки исписанных листков и протянул ее Русу.

— Будет лучше, если вы сейчас ознакомитесь с вот этими моими заметками. Я их приготовил специально для того, кого должны были прислать в ответ на мой меморандум. Стало быть, для вас. Тогда нам с вами не придется тратить слишком много времени на разжевывание деталей. А я за это время ознакомлюсь с вашим досье.

Он помахал в воздухе дискетой, прилагавшейся к одному из писем с Большой Земли.

— Вы тут располагаете компьютерной техникой? — слегка удивился Рус.

— Отчего же нет? — усмехнулся Кайл. — Только вот работать с ней в здешних условиях тяжело. Приходится хорошо экранировать аппаратуру. И применять особые способы защиты информации.

Он подошел к двери в соседнюю келью.

— Постарайтесь хоть немного отдохнуть. Я не буду беспокоить вас часа полтора. И не пренебрегайте этим вот... Он кивнул на чашку с темной дымящейся горечью.

— Настояй здешних трав, — пояснил он. — Сперва кажется отравой, но быстро привыкнете. Очень освежает. А нам с вами необходима бодрость. Сегодня у меня предвидится «приемный день». И с каждым из моих сегодняшних гостей вам имеет смысл познакомиться поближе.

* * *

— Мы довольно долго не виделись... — устало произнес Том устами Форреста Дю Тампля. — Дурацкая смута. Не только всех здешних перессорила, но и на нас зарубки оставила. На каждом...

— Да, — кивнула Цинь. — Обстоятельства нас долго не сводили. Не то чтобы они нас лоб в лоб столкнули, но и не сблизили они нас как-то... Но сегодня ветер вроде дует в другую сторону?

— Угу, — согласился Том. — Похоже, наступает время снова собираться вместе всем Пятерым...

Цинь нехотя кивнула.

— Пятерым... И Старым и Новым? — спросила она. И, не дожидаясь ответа, добавила:

— Тебе удалось заглянуть в моего гостя? Что он за штука? И что за гость пожаловал к тебе?

Том неопределенно покачал головой — не своей, конечно, а головой Форреста.

— Не все так просто, Цинь. Не все так просто... Эта девочка, которая сюда залетела по шальной случайности... С ней надо быть поаккуратнее. Я, пожалуй, немного боюсь этого создания. Притом — еще не понял — почему. А вот твой... Ты еще ни о чем не догадываешься?

— Давай без загадок, Том... — устало вздохнула Цинь. — Помни о времени.

— Если без загадок, то мне кажется, что твой гость прибыл, как выражается Павел, «аккурат по твою душу». Он, похоже, твоя смена на посту Целителя. Это, конечно, только моя догадка... И еще... Он имеет какое-то отношение к той несчастной...

— К Дарящей Смерть? — усмехнулась Цинь. — Спасибо, я уже поняла это.

Она помолчала немного.

— Догадки... — вернулась она к словам Тома. — Когда мы сойдемся вместе, догадки кончатся.

— Ты предлагаешь сойтись у Кайла? — осведомился Том. — Я как раз собрался к нему.

— У него нашей компании будет тесно, — пожалала плечами Цинь. — Я предлагаю сойтись в Часовне. Там, где наша компания встречалась последний раз. Там и лишних глаз меньше.

— В таком случае я оповещу наших... — решительно произнес Том.

И, чуть помолчав, добавил:

— Когда ты сказала, что когда мы соберемся, то с загадками будет покончено, ты имела в виду?..

— Да, Том, я имела в виду то, что пора пустить в ход мою химию. Она со мной.

— Это рискованно... Хотя... Если они согласятся пойти на это...

— Риск сильно уменьшился...

Голос Цинь снова стал уставшим.

— Я много поработала с этими препаратами... Будь мы на Джее или еще где-нибудь в Обитаемых Мирах, можно было бы уже разворачивать сеть пунктов по диагностике Дара. Потенциального и реализованного... Мы уже затянули сеанс. Как ты там?

Глаза Форреста снова начали затягиваться мутным сном, веки отяжелели, голова упала на грудь.

— Пожалуй действительно пора закончить это... — глухо пробормотал Том его устами. — А то завтра раскисну. А всю эту ночь мне предстоит видеть чужие сны...

Наступила тишина. Цинь поднялась и поправила капюшон спального мешка своего спутника. Став снова самим собой, Форрест Дю Тампль спал как убитый.

* * *

У города было три имени.

Моряки, люди, от моря кормящиеся, называли его просто Гавань. Гавань — с большой буквы. Ну хотя бы потому, что город был крупнейшим портом на побережье Темного океана. И потому, что он был именно той гаванью, в которую устремляются не только влекомые

ветрами паруса, но и сердца и души людей, что ходят по морю под этими парусами.

Те из обитателей города, что не были связаны с морем, и торговый народ со всех концов Сумеречных Земель называли город древним, из забытых языков пришедшим словом Тершоал. По поводу того, что означает это слово и как оно звучало на самом деле — в те забытые времена, — спорили и писали многочисленные трактаты мудрецы и просто люди сведущие и досужие.

Местная же аристократия, почитавшая себя древнейшей в Сумеречных Землях, и те из горожан, кто почитал себя коренными жителями города, ведущими свой род от самых его основателей, не называли его иначе как Старая Столица. В этом был своего рода вызов сравнительно молодой (не дотянувшей еще и до тысячелетия своего воцарения на троне) династии Танов. Те перенесли столицу Сумеречных Земель в укрытый в лесах Предгорий Ночной Град и тем несказанно насолили Древним родам Мира Молний.

Город жгли и разрушали шесть раз — только на протяжении его письменной истории. Но ни разу врагам не удавалось полностью сровнять его с землей. Поэтому Тершоал представлял собой невероятный конгломерат архитектурных памятников всех времен и множества народов. В путаном лабиринте его кривых улиц и улочек не всякий старожил мог сразу найти верную дорогу.

Сестре Хло пришлось спрашивать дорогу четырежды. Когда наконец она стала узнавать нависшие над улочками причудливые балконы и многочисленные лавчонки, оккупировавшие первые этажи рассыпающихся от старости зданий, она вздохнула с облегчением и, отыскав затесавшуюся среди будок и будочек уличных ремесленников часовенку Пестрой Веры, принесла небольшую жертву Скупому богу Удачи — Кунта-ин-Шая.

После этого ей пришлось, миновав замусоренный, грязноватый двор, отыскать вывеску мага-гадалщика — проржавевшую, с едва различимыми изображениями жезла, карт и костей, когда-то намалеванными на ней. Столь же малоразличимые буквы, расположенные чуть ниже, извещали, что всемирно известный маг и предсказатель судеб Клайв Бродячий за умеренную плату готов оказать помощь всем желающим знать и изменить к лучшему свою Судьбу, отвести порчу и найти защиту от хворей и несчастий. В резиденцию мага — подвальное логово-лавчонку — вели отменно скользкие ступеньки чертовски крутой каменной лестнички. Над незапертой дверью заведения был подвешен колокольчик, простуженным бряканьем известивший хозяина о появлении нового клиента.

Несмотря на свою всем известную скупость, Кунта-ин-Шай не подвел. Старый шарлатан Клайв Бродячий был не то чтобы хоть сколько-то трезв, но находился во вполне вменяемом состоянии. Узрев, что к нему пожаловала Сестра Хло, маг поднялся на ноги, обогнул прилавок и пододвинул госте шаткое кресло, чтобы та удобнее разместилась за предназначенным для приема особо почетных посетителей трехногим обшарпанным столом.

— Господи, как давно я вас не видел, Дочь Мглы... — медовым голосом произнес он.

— Да, мы давно не виделись, — согласилась Хло, располагаясь на предложенном ей подозрительно поскрипывающем сиденье.

Она окинула тесное и грязноватое помещение лавчонки невеселым взглядом.

— Не сказала бы, что за это время твои дела пошли на лад...

Что и говорить, прославившийся некогда своим искусством и поражавший всех глубиной своих познаний Клайв Бродячий, похоже, спился вчистую. Всякие помыслы о том, чтобы вновь подняться к высотам прежней славы и мастерства, он оставил уже давно. Да что

там, даже к просто приличной жизни он уже не стремился. Говорили, что причиной тому была некая несправедливость, учиненная в отношении него верхушкой Гильдии Магов. Говорили также, что у Клайва несчастным образом сложилась личная жизнь. Говорили, что его нервы не выдержали, когда он не смог спасти от Шепчущих своего лучшего друга... Да мало ли что еще говорили!

Для Сестры Хло все это не было интересным. Очевидным и непреложным фактом было лишь то, что сейчас на расшатанном стуле напротив нее, сгорбившись, сидел окончательно опустившийся, сломленный тип, наряженный в потертый, давно не стиранный шутовской наряд мага и ждал, когда наконец от неожиданной высокой гостии ему перепадет пара монет, чтоб можно было послать мальчишку-подручного за бутылку дешевого винца.

Да, конечно, Клайв Бродячий был человеком опустившимся и сломленным. Но в то же время чрезвычайно осведомленным в делах тайных и от посторонних глаз надежно скрытых. Во многих из них он принимал участие, а о многих был наслышан. Собственно, именно приторговывая чужими секретами и секретешками и выполняя различные деликатные поручения лиц, не желающих «светиться» в сомнительного рода сделках, спившийся маг и добывал себе средства на жизнь. Гадание же, снятие порчи и прочая мишура были не более чем фиговым листком, прикрывающим этот его основной заработок.

— Что и говорить, Сестра... — вздохнул маг. — Что и говорить... Деньги идут к деньгам, а долги — к долгам...

— Неужели твои кредиторы, Бродячий, еще не оставили надежды вытрясти из тебя хоть грош? — картинно удивилась Сестра.

Маг затрясся от беззвучного смеха.

— Знаешь ли, Сестра, — вымолвил он наконец, — людям свойственно надеяться. Надежда, говорят, умирает последней...

Хло дождалась, пока приступ истерического веселья, охвативший мага, стихнет, и бросила как можно более небрежно:

— А ведь у тебя, Бродячий, есть товар... неплохой товар. Если тебе удастся его сбыть с умом, глядишь, и не будет за тобой никаких долгов. Да, может, и сверх того что-нибудь добавится...

Клайв откинулся в кресле. Борода его задумчиво распушилась, скрытые под густыми бровями глазки алчно блеснули.

— Что до товара, который у меня хранится вот в этом костяном сундуке... — Он выразительно постукал себя указательным пальцем по лысому черепу. — То у меня есть много чего предложить хорошему покупателю... Только б такой нашелся. Знаешь, Сестра, хорошую информацию так же трудно пристроить, как и породистого щенка. Трудно найти покупателя — такого, кому можно доверить такой товар, да чтоб еще и заплатил он столько, сколько тот товар стоит...

— Ближе к делу, милейший Клайв, — оборвала его Хло. — Ближе к делу... Возьмите бумагу и что-нибудь пишущее и набросайте мне список ваших долгов. Сколько времени это займет у вас? Мой клиент намерен расплатиться с вашими кредиторами. Так что постарайтесь быть точны... Вам на руки я эти деньги не выдам. Вы получите только сумму на обзаведение более приличным... м-м... офисом. Ваша воля, как вы ею распорядитесь...

Сестра, разумеется, была совершенно уверена, что щедрые «подъемные», которые она посулила магу, будут немедленно обращены в спиртное. Она ни минуты не сомневалась в том, что Клайву Бродячему суждено рано или поздно сдохнуть с перепоя в его вонючей норе

под обшарпанной жестяной вывеской. Это мало трогало ее.

Маг вороном вспорхнул из-за шаткого стола. Полами своего, расписанного знаками Древних и рунами балахона он взмахивал, словно крыльями. Этаким манером он устремился за расшитую подобной же дребеденью занавеску — в скрытую за стойкой дверь во внутренние помещения лавки.

— Зачем же бумага? — возвестил он, почти молниеносно выныривая обратно. — Зачем же перо? Вот вам прекрасная распечатка... Я только внесу несколько последних... э-э... задолженностей... Буквально два-три пункта...

Он выхватил откуда-то из-под бороды огрызок карандаша и развернул распечатку. Она была длиной в его рост и еще немного стлалась по полу. Маг устроился на своем шатком насесте и принялся яростно что-то вписывать в самый низ этого пространного документа. Это заняло довольно много времени и отняло у мага последние силы. Наконец с громким «Уф-ф-ф-ф!» он откинулся на спинку своего ветхого стула и, не глядя, двинул распечатку по столу в направлении Сестры Хло. Та принялась аккуратно складывать ее.

— Ты даже не поинтересовался, — заметила она как бы между делом, — тем, какого рода информацию желает получить от тебя мой клиент...

— Я думаю, что раз ты, Сестра Хло, явилась ко мне с таким предложением, то, значит, нужный товарец у меня есть. И ты его мне назовешь. Не люблю я, когда со мной говорят загадками да голову ломать заставляют...

С этими словами маг задрал нечесаную бороду в потолок и сложил взятые в замок руки на объемистом животе. Сие символизировало готовность покорно выслушать собеседника.

Тут Сестра сделала стремительное, неувовимо быстрое движение и, перегнувшись через прилавок, за ухо вытащила на свет божий чумазого паренька, немного знакомого ей подручного Клайва, сына другого местного пьяницы.

— Да ты повзрослел, Хош, с того дня, как я тебя видела последний раз, — констатировала она. — Научился подслушивать... Ну-ка — держи!

Она с размаху вложила в грязную ладошку оборвыша пару увесистых монет.

— Быстренько принеси бутылку красного для своего учителя. Из вон той лавочки напротив. Учителю нужно прочистить мозги. Сдачу оставь себе. Купишь кусок мыла и отмоешься как следует. Хоть раз в жизни.

Юного Хоша как ветром сдуло.

— Э-э-э! — запротестовал было похмельный маг. — Да там не только на мыло хватит, а...

— Уймись! — оборвала его Хло. — Я пришла к тебе с таким предложением, что... что, когда ты его примешь, тебе не придется уже считать чужие гроши.

— Тогда побыстрее выкладывай его — это твое предложение, — почти простонал маг. — Признаться, у меня раскалывается голова...

— Ну что ж, — согласилась Хло. — Мой клиент ищет одного мальчишку... Лет двенадцати-тринадцати...

Маг издал озадаченный звук.

— Ты уверена, Сестра, что обратилась по адресу? — мрачно осведомился он. — Беглые и потерявшиеся малолетки, как правило, к магии отношения не имеют...

— Этот имеет, — заверила его Хло. — Он — Пришлый, этот мальчишка. И он может снимать Заклятие Неназываемого...

Слова произвели на мага действие, подобное действию ведра ледяной воды,

неожиданно опрокинутого ему на голову. Клайв Бродячий молниеносно втянул живот, выпрямился и вцепился костлявыми пальцами в край стола. Затем нагнулся к Хло и уставился на нее глазами, вылезшими из орбит.

— Так... — прохрипел он. — Теперь и вы дознались... Трое Меченых... Зачем это вам надо? И откуда у вас такие деньги?

Хло брезгливо поморщилась и рукой попыталась отмахнуться от окутавшего ее облака крутого перегара.

— Давай говорить по-деловому, Клайв. — Голос ее стал резок. — Тебе предлагают вполне выгодную сделку. Ты разом решаешь все свои проблемы с кредиторами. И получаешь возможность подняться на ноги. А за это от тебя хотят только одного — чтобы ты помог найти мальчика. Которого нечистая занесла сюда уже больше земного года тому назад... Что он тебе? Что ты ему?

— Откуда ты вообще взяла, что маги имеют какое-то отношение к тому парнишке? — вопросом на вопрос ответил Клайв.

— Я не знаю, каким боком Гильдия магов имеет отношение к этому загадочному ребенку, — менторским тоном произнесла Хло, — но если ты, Клайв Бродячий, не в курсе этой истории, то я — адмирал флота Его Величества. Или ты разочаруешь меня?

Последовала пауза, во время которой физиономия мага изобразила невероятно напряженную работу мысли. Глаза Клайва Бродячего затуманились и сошлись к переносице. Хло даже испугалась, что переоценила степень трезвости своего партнера и тот сейчас вульгарно грохнется в пьяный обморок. Но бог Удачи присматривал за ситуацией и не дал совершиться этакой промашке.

— Я... — задумчиво произнес маг, — я не могу изменить слову... Гильдия не простит мне...

— Мой клиент гарантирует тебе, что Гильдия и пальцем тебя не тронет. Если, конечно, вообще дознается, где приключилась утечка информации... А для этого, я думаю, у твоих друзей кишка тонка... Решай, решай, Клайв Бродячий. Такие предложения делают только один раз в жизни...

Тут на сцене появился запыхавшийся Хош с объемистой оплетенной бутылью, немногим уступающей ему самому в размерах, и небывало хитрым выражением черных блестящих глаз-бусинок.

— Не видеть мне света божьего, — мрачно констатировал маг, — если малолетний пройдоха не выцыганил вино в кредит, а денежки зажал...

Он повернулся к Хло.

— Это просто удивительно — до чего дошел разврат: малолетним на руки отпускают винище в долг...

Он грозно уставился на оборвыша.

— Так ведь?

Юный Хош испуганно замычал, стараясь не слишком открывать рот.

— Нет, нет, учитель! Что вы!

Он энергично затряс лохматой башкой, от чего упрятанные за щекой монеты дали о себе знать отчетливым стуком друг о друга и о зубы мальчика.

— Не берите в голову! — пресекла наметившуюся было разборку Сестра Хло. — Я зайду в лавчонку и, если что, погашу этот должок. А ты, дружок, обслужи учителя...

Хош тут же зубами вытащил из горлышка бутылки залитую сургучом пробку и,

поднатужившись, воздвиг бутылку перед своим покровителем. Потом, покосившись на гостью, приволок из задней комнаты стакан — предмет, с его точки зрения, совершенно излишний при потреблении спиртного.

— Ты позабыл про леди! — наставительно прогудел маг, и на стол был поставлен второй стакан — такой же пузатый и мутный, что и первый.

Маг попробовал наполнить емкость госте, но одолевший его в этот миг рукотряс сделал эту задачу практически невыполнимой. Ученик мага пришел на помощь своему учителю, и вдвоем они сумели-таки наполнить стеклянные емкости Хло вовремя прикрыла свой стакан рукой, и он наполнился не более чем на четверть. Зато Клайву Бродячему налито было «всклянь».

— Я думаю...

Взгляд мага прояснился, а глаза увлажнились. Не говоря худого слова, он опрокинул стакан в плотку и утер рот рукавом. Никаких тостов не предвиделось. Закуски тоже. Свой стакан Хло и не подумала даже подносить к губам. Она лишь бросила суровый взгляд на Хоша, и тот понятливо растворился в воздухе.

— Я думаю, — произнес Клайв, на глазах обретая силы и уверенность в себе, — что если твой клиент гарантирует... И, кажется, я догадываюсь, о ком идет речь...

— Ты правильно догадываешься, — заверила его Хло. — Но оставь свои догадки при себе. — Как я понимаю, ты принимаешь предложение.

— Принимаю... — задумчиво кивнул маг. — Список моих должков — у тебя. Как только они будут оплачены и как только...

— Согласна, — оборвала его Хло, вставая из-за стола. — Считай, что это будет задатком. А деньги на обзаведение новым хозяйством получишь только после того, как расскажешь все, что знаешь о пришедшем мальчишке. И никаких «но»! Составь смету — и не проявляй при этом излишней фантазии. Будь готов. Еще до сумеречной поры я снова буду здесь.

— Заметано! — мрачно прогудел маг.

* * *

Рус не без труда проглотил последние капли травяного настоя, который столь горячо рекомендовал ему Кайл Васецки. Похоже, что усталость это снадобье снимало не хуже, чем продукты хитроумных изысканий лучших фармацевтических фирм Федерации. Таковые имелись в наборе, которым Руса предусмотрительно снабдили адепты проекта «Страж». Но меньше всего на свете ему хотелось сейчас грызть ампулы и глотать таблетки из этих красивых пластиковых упаковок, вшитых в пояс его комбинезона и в дополнительные клапаны рюкзака.

Он сложил прочитанные им листки снова в аккуратную стопку и принялся перечитывать, теперь уже останавливаясь на тех из заметок, набросанных убористым, разборчивым почерком Кайла Васецки, которые привлекли его наибольшее внимание.

«Не стоит думать, что Мир Молний — это планета, — писал Находящий Пути. — Пусть даже очень необычная, но — планета... Это вовсе не так. Ну хотя бы потому, что планетами астрономы привыкли считать некие тела, которые, может быть, и находятся в разных со старушкой Землей весовых категориях, но в категориях как-то сравнимых... И тела эти

благопристойно вращаются по устоявшимся, стабильным орбитам вокруг какого-нибудь приличного центрального светила. Иногда — друг вокруг друга. Что совершенно не характерно для тела, которое принято называть Миром Молний.

Мир Молний обходится без центрального светила и без каких бы то ни было спутников. И сам ничьим спутником не является. Это — космическое тело размером с Юпитер и с силой тяжести на его поверхности, лишь на десятые доли превышающей один грамм, с атмосферой, состав которой у поверхности близок к составу атмосферы Земли. И движется это космическое тело в межзвездном пространстве, подчиняясь не изученным еще закономерностям, управляющим его взаимодействием с силовыми полями — гравитационными, электромагнитными, гарфилдовскими. Предсказать его траекторию хотя бы на несколько недель вперед для теперешней науки — задача пока невыполнимая.

Я придерживаюсь того мнения, что движение этого небесного тела управляется либо некогда заданной программой, либо скрытым от нас разумом его создателей. Да-да, я считаю Мир Молний искусственным образованием, созданным для не совсем понятных нам целей так называемыми Предтечами.

Косвенно мое мнение подтверждает тот факт, что Мир Молний существует в некоем стационарном режиме уже сотни тысяч лет. При этом не только не испытал столкновений с другими крупными космическими телами и не был «проглочен» какой-либо звездой, но даже и не приближался к звездам или другим источникам разного рода излучений настолько близко, чтобы это значительно изменило тепловой режим его атмосферы.

Но есть и прямые подтверждения этого мнения. Они, впрочем, доступны лишь для исследователей, работающих на самой поверхности планеты, под ее многочисленными облачными слоями.

Прежде всего — наличие огромного количества артефактов Предтеч. Их количество здесь в сотни и тысячи раз превышав все то, что собрано в коллекциях или ходит по рукам в остальных Мирах, «инфицированных» следами деятельности Предтеч, — на Джее, Шараде Квесте. Спектр этих артефактов широк — от нанороботов, обнаруживаемых только под микроскопом (да и то не под всяким), до гигантских комплексов достигающих геологических размеров.

Стремительно вращающееся, заряженное «внутреннее ядро» Блуждающей Планеты. В моем понимании это — источник той энергии, которая через переменное электромагнитное поле не только согревает и освещает Мир Молний разрядами, постоянно тлеющими в его фотосфере, но и питает всю эту разнообразную машинерию. (Странно, что только совсем недавно, где-то уже в современном поколении, к использованию этого дарового источника стали подключаться местные жители — все больше становится ветряков и речных мельниц. Зато появляются самодвижущиеся повозки — деревянные телеги на электрической тяге... Магам, видно, не удалось удержать в полной тайне свой «маленький секрет» — секрет того, что, для того чтобы соорудить в любой кузнице свой «вечный двигатель», требуются лишь кусок намагниченного железа и достаточное количество проволоки.)

Притом — и это отличительная черта артефактов этого Мира — оставшаяся от Предтеч уйма устройств и механизмов действует в Мире Молний как единая система. Может быть, заброшенная, давно разрегулированная, но все еще работоспособная и реагирующая на внешние воздействия система.

Именно она и обеспечивает существование в этом Мире феномена магии. Псевдомагии, всегда добавлял бы я. Но термин устоялся...»

Рус пригубил простой воды и с сомнением посмотрел на дымящийся горшочек с каким-то новым настоем, который успел поставить перед ним заботливый Сонни. Потом взял из стопки следующий листок и попытался сосредоточиться на его содержании.

«Мне придется упрощенно излагать свою концепцию магического, — писал Кайл Васецки. — По причине того, что даже в таком виде она достаточно сложна для неподготовленного читателя (каким, вероятно, вы и являетесь).

Магию, вообще говоря, усердно пользовали все кому не лень: и просто сказочники, и писатели-романтики, и мудрецы, и шарлатаны. Как литературный прием. Заниматься всерьез ее практическими аспектами всегда было уделом и привилегией лиц со, скажем так, своеобразно организованной психикой. По крайней мере, таково общепринятое мнение.

Попробуем взглянуть на дело с другой стороны. Для этого неплохо определиться в терминах. Хотя бы в одном — в самом значении слова «магия». Ее определения, что можно найти в энциклопедиях и справочниках, довольно схожи. Попробуем вычленить главное в них.

Во-первых, магия — это некая способность. Дар. Способность необъяснимым для простых смертных способом воздействовать на ход событий, происходящих в окружающем нас мире.

Во-вторых, само это воздействие может носить принципиально разные формы.

Либо оно имеет нормальные причинно-следственные связи, которые вполне вероятны и только тем и отличаются от других, что соответствуют тому заказу, который был сделан в форме магического действия. Назовем это управлением вероятностью исхода событий. Дюма, один из популярных литераторов древности, писал по этому поводу: «На Востоке, чтобы быть великим химиком, надо уметь управлять случайностями — и там это умеют».

Либо сами изменения, вызываемые в природе магическим воздействием, совершенно невероятны, носят характер чуда. Это отнесем к волшебной магии. Отдельно помянем о мантике — искусстве гадания и предсказания, то есть тоже об определенном наборе воздействий на окружающий мир, последствием которых является получение логически непредсказуемых знаний о том или ином моменте будущего.

В-третьих, магия — это некое знание. Так или иначе, такое знание систематизировано и имеет своих адептов и хранителей. И является знанием тайным. Заметим, что обладание подобным герметическим знанием, как правило, подразумевает то, что за знание это положена определенная плата: некое изменение структуры личности овладевшего магией — возникновение у него не свойственных обычному человеку стремлений и исчезновение (или запрет) других качеств.

Итак, говоря о магии, будем помнить ключевые слова: способность — необъяснимость — чудо — знание — тайна — трансформация личности. Лично мне импонирует краткое, довольно субъективное определение, которое дал магии мыслитель конца второго тысячелетия н. э. Еськов: «Магию — здесь и далее — я определяю просто как способ непосредственно воздействовать при помощи информационных объектов на объекты вещественные».

Посмотрим, как эффекты магии могут быть получены без всякого нарушения законов природы. Простейший случай: в руках у мага — палочка. Обычная палочка. Допустим, стеклянная. Что произойдет от того, что маг трижды взмахнет ею и произнесет некие слова-заклинания («абракадабра», к примеру). В условиях обычного жилого помещения — ровным счетом ничего. Однако предположим, что дело происходит не в простой комнате, а в

комнате, специально оборудованной: за событиями в комнате наблюдает скрытая телекамера, соединенная с компьютером, распознающим образы. Для компьютера трехкратное поднятие палочки (именно той, трехмерное изображение которой введено в его память) в сочетании с соответствующим звуковым сигналом является сигналом для включения голографического проектора — тоже скрытого).

И в комнате перед ожидающими чуда зрителями чудо и происходит — им является, скажем, дух Наполеона Бонапарта. Или (при включении другой программы) «сам собой» начнет передвигаться какой-нибудь предмет. Для того не предназначенный. Или запустится еще какой-нибудь процесс. Например, молния поразит того, на кого маг укажет той самой палочкой.

Вы скажете мне: «Да какая же это, к черту, магия?! Это жульничество! Всего-навсего обычный фокус!» Но ведь условие, звучащее в определении — «способ непосредственно воздействовать при помощи информационных объектов на объекты вещественные», — внешне соблюдено. Если у вас нет специальной аппаратуры, вы не сможете разубедить аудиторию в том, что воздействие-то было далеко не непосредственное! А во-вторых, я вас предупреждал, что говорю о той магии, с которой мы сталкиваемся в Мире Молний (а также на Джее, Шараде, Квесте). То есть о псевдомагии. Или, как предпочитают говорить некоторые, о техномагии.

Так вот, в двух словах: Мир Молний это и есть та самая «специально оборудованная комната» размером с огромную планету. Комната, в которой обычные предметы, изготовленные из самых обычных материалов, могут становиться магическими, и, обращаясь с ними надлежащим образом, вы можете творить различные чудеса — добрые и злые, большие и малые... Причем, сколько бы вы ни изучали эти волшебные палочки и магические жезлы, в них самих вы не обнаружите ничего необычного.

Потому что они — только сигнальные устройства. Сами по себе так же беспомощные, как клавиши компьютера — без компьютера. А реализует магию огромное количество скрытой, а часто даже и не скрытой вовсе машинерии, которую тут — в Мире Молний — найти-то легко. Достаточно только, как говорится, ногтем поскрести. А вот по-настоящему трогать все это опасно. Поэтому и решаются на это лишь немногие.

Самое смешное заключается в том, что большую часть всей этой супертехнологии мы просто не замечаем. Не признаем чем-то искусственным, имеющим определенное назначение. Так же как первобытный человек просто не узнал бы изделие рук человеческих в каком-нибудь автоматическом радиобуе. Ну, принял бы за причудливую ракушку или кусок камня. Наших познаний хватает на то, чтобы заподозрить в гигантских кристаллических слоях, прорезающих толщи скальных пород, системы обработки сигналов на квантово-механическом уровне. Я могу в пробе аэрозоля, зачерпнутой из облака Мглы, под электронным микроскопом разглядеть мириады упрощенных наномеханизмов. Но все это только потому, что земная наука уже создала нечто подобное. Если вспомнить, что возраст цивилизации Земли исчисляется единицами тысяч лет, а возраст цивилизации Предтеч — по оценкам специалистов — на два порядка больше, то мы в состоянии распознать всего лишь считанные проценты от всей той машинерии, что окружает нас в этой «комнате».

Разумеется, то, что я утверждаю здесь, — большое упрощение. Мир Молний не создан злыми богами только для того, чтобы водить за нос представителей разумных рас, свезенных сюда со всех концов Галактики. Миф о Магии — это не более чем побочный продукт того процесса, который уже десятки тысяч лет идет, как мне кажется, без всякого вмешательства

тех, кто его запустил. Ясно, что одна из целей этого процесса была — направленное изменение разумных существ, их приспособление к выполнению каких-то нам неведомых задач...»

Рус позволил себе слегка улыбнуться. Оказывается, Кайл Васецки здесь, в одиночку пришел примерно к тем же выводам, что и коллективы целых институтов Спецакадемии, с выжимками из отчетов которых ему пришлось ознакомиться в период подготовки к заброске в эти края.

Еще пара листков. Это — резюме Васецки по материалам изучения народов Сумеречных Земель. Тут, пожалуй, Находящему Пути не было равных там — по ту сторону Небес. Описания отдельных рас, населяющих этот край, — довольно увесистые стопки бумаги — он отложил в сторону — для глубокого изучения. Перечитал лишь листки по разделу «Носители Дара».

«Я уже писал выше, — прочитал он, — что Мир Молний, по моему мнению, был создан как некий завод-лаборатория, осуществляющий невероятно сложный процесс. Это процесс получения мыслящего, работоспособного «материала». «Материал» этот предназначен для неизвестных нам целей. Возможно, для заселения пригодных для жизни планет. (Это, конечно, только предположение, не более.)

Я предполагаю также, что уже давно контроль над этим процессом утрачен, искать смысл в том, что происходит в Мире Молний сейчас, вряд ли целесообразно. Скорее всего, Джей и Шарада были параллельными или вспомогательными «филиалами» этой «лаборатории». Трудно сказать, почему мы нигде не видим самих хозяев этих грандиозных полигонов. Не буду перечислять здесь гипотез о дальнейшей судьбе Предтеч — им несть числа.

Ясными мне представляются лишь два момента, связанных непосредственно с моей собственной судьбой.

Во-первых, Предтеч не устраивал «любой» материал для работы. Кроме разума, он должен обладать еще некоторыми специфическими особенностями. Точный их — этих особенностей — список мне не известен. Ясно только то, что среди них обязательным является наличие Дара — способности мозга, а точнее, сознания «кандидата» взаимодействовать с какими-то компонентами «магической» машинерии, сознательно использовать их.

Во-вторых, в число «кандидатов» никогда не входят аборигены, относящиеся к виду *homo sapiens*. Вербует Мир Молний исключительно Пришлых.

Что до качеств, необходимых для попадания в число «избранных», то они обнаруживаются системами распознавания Предтеч в ходе так называемых Испытаний, которые выбранные для этого «кандидаты» проходят, сначала попав в такую же ловушку, в которую попали я и мои друзья, столкнувшись с феноменом «Джейтеста». Видимо, это не единственный способ проведения «приемных экзаменов». Дальше подготовка и новые серии Испытаний ждут избранных уже в самом Мире Молний.

Мне долгое время было непонятно, почему отбор «кандидатов» на Испытания происходит только из Пришлых. Почему вербовка их осуществляется всегда «на стороне», в далеких Обитаемых Мирах, а не среди достаточно большой популяции людей, прижившихся в Сумеречных Землях. Собранный мною материал указывает на две причины этого.

Людское население Сумеречных Земель составляют потомки оставшихся здесь на вечное жительство «провалившихся» кандидатов. Тех, кто, может быть, и прошел первую

стадию Испытаний, но не показал нужных качеств на последующих этапах. По-видимому, способность обладать Даром предопределена генетически, а если и возникает самопроизвольно, то крайне редко. Поэтому поиск ее среди потомков «неудачников» лишен смысла.

Вторая же причина состоит, по-видимому, в том, что у живущих в Мире Молний на протяжении нескольких поколений происходит весьма характерное изменение иммунной системы. Они становятся неспособны к образованию симбиоза с нанороботами, которыми все среды Мира Молний — и его почвы, и воды, и воздух — насыщены гораздо сильнее, чем почвы, воды и атмосфера любой из планет Обитаемых Миров — микроорганизмами.

А именно такой симбиоз и обуславливает переход Дара из потенциальной возможности в реальность. Вне Мира Молний зачатки такого симбиоза возникают у тех, кому приходится часто соприкасаться с «предметами магии» — вещественными следами пребывания Предтеч в ряде Миров, населенных много позже людьми. Я не стану останавливаться на описании тех изменений, которые происходят при этом в физическом организме носителей Дара и в их душах. Это достаточно тяжелая для меня тема по чисто личным причинам. Напомню только слова, сказанные мною в другом месте этих записок, о том, что платой за овладение магией является «некое изменение структуры личности овладевшего магией — возникновение у него несвойственных обычному человеку стремлений и исчезновение (или запрет) других качеств». Для меня это не пустые слова.

Организм же здешних аборигенов приучен отторгать внедряющихся в него микрокиберов. Думаю, что к счастью этих людей.

Между тем Мир Молний вовсе не уничтожает накапливающийся в нем «мусор». Мало того, не способными к управлению «магическими» процессами являются не только отдельные люди, но и целые расы разумных существ, родоначальники которых явно были завезены в Мир Молний «со стороны».

Однако на планете поддерживается (в отдельных ее регионах, по крайней мере) такой диапазон природных условий, в котором эти «неудачники» могут существовать более или менее сносно. Тут снова открывается поле для догадок. Возможно, разгадка проста — с исчезновением Предтеч эти народы остались попросту без присмотра, а деятельность их никак не угрожала системам, обеспечивающим работу исполинского механизма Мира Молний.

А возможно, этому Миру требуется материал для экспериментов — биологических и социальных в нашем понимании, — результаты которых когда-то использовали Предтечи, а теперь они стали пустым «информационным шумом».

Я упорно твержу здесь о том, что создатели этого гигантского исследовательского комплекса давно канули в Лету, что мы столкнулись с бессмысленной и неразумной машинерией, продолжающей действовать в силу инерции своего астрономически огромного организма.

Похоже, я сам себя хочу убедить в этом.

Потому что мне не хочется верить в то, что все, с чем мне пришлось столкнуться, имея дело с «наследием Предтеч», настолько несовместимо с человеческим понятием о Разуме, что, окажись я не прав, это означало бы, что душа и разум вовсе не то, что мы о них думаем.

Ну как если бы я вдруг узнал, что моя мать была ведьмой или каким-нибудь другим гостем из преисподней.

Впрочем, я сбиваюсь на дневниковую лирику».

Странно, но именно после того, как Рус наткнулся на эти — наверное, невзначай, — в минуту усталости сорвавшиеся с пера Находящего Пути — совсем не похожие на весь остальной высокоумный текст строки, он стал как-то лучше понимать до сих пор совершенно чуждого ему человека Кайла Васецки.

Он отодвинул от себя бумаги, поднялся из-за стола, подошел к узкому, под самым потолком расположенному окну. Через него были видны только близкие вершины гор и начинающие угасать Небеса над ними. Так похоже на земной вечер. И так не похоже...

— Вас не утомила возня с бумагами? — раздался за его спиной голос Кайла Васецки. — Рекомендую прерваться и прогуляться перед сном. Если не возражаете, Сонни снова присоединится к вам. Он не замучил вас вопросами этим утром?

— Нет, что вы... — улыбнулся Рус, поворачиваясь к стоящему в дверях хозяину. — Смышленный мальчишка. Слушает больше, чем говорит. А когда говорит, то вопросы задает осмысленные. Вы, должно быть, ему хорошо объяснили все про жизнь там — в Обитаемых Мирах. Он про тамошние дела меня расспрашивал так, словно сам там родился.

— Сегодня ложитесь спать пораньше, — посоветовал Кайл. — Завтра с утра мы немного займемся вашим Даром. Надо посмотреть, чем вы уже овладели. Это иногда бывает утомительно...

* * *

Посланец спешил к у постоялого двора и кивнул вышедшему к знатному гостю дворовому конюху в знак того, что вверяет коня его заботам. Это безмолвное распоряжение он подкрепил монеткой с отчеканенным на ней профилем государя Тана Алексиса. Слуга поймал серебро на лету и не мешкая повел послушного жеребца в стойло. Проходить в приземистое здание «Дракона и Короны» Посланцу не потребовалось — хозяин сам выкатился навстречу редкому в такой сезон гостю «из благородных» и принял из рук гостя плату за пару суток постоя в лучших покоях своего заведения.

Подниматься в покои эти сам Посланец не стал, распорядился снести туда свой необременительный багаж, и покинул пределы постоялого двора и подозвал кемарившего неподалеку рикшу. Тот бодро покатил долгожданного клиента по утопающим в тени развесистых деревьев Старым аллеям. В районе Рыночных переулков рикша был вознагражден за свой труд и отпущен на все четыре стороны. Посланец же неторопливой походкой двинулся по прихотливо извивающимся — улочкам, не вызывая особого интереса у редких встречных пешеходов.

Ему не слишком долго пришлось совершать свой путь в одиночестве. Из скрытой в тени ниши в стене древнего особнячка выскользнул и как ни в чем не бывало зашагал рядом с ним некто невысокий и крепко сбитый. Судя по его наряду, был этот некто из торгового сословия и был он, скорее всего, не слишком богат.

— Граф Черни просил напомнить вам... — начал «некто», не тратя времени на приветствия и упражнения в красноречии.

— Я помню, что граф ждет меня в своей городской резиденции, — оборвал его Посланец. — Мне потребуются твои услуги, Месс. Твои и твоих людей.

— Я это уже понял, как только получил ваш вызов, Князь... — отозвался поименованный Мессом тип.

— Сейчас я направляюсь в «Кофейню двух ветров». Там у меня назначена встреча с одной особой. Так вот, постарайся взять эту особу под колпак. Мне необходимо знать обо всех ее действиях и особенно обо всех ее контактах. И постарайся держать меня в курсе всего этого. По крайней мере, пока я нахожусь в городе. Это все.

Месс согнулся в полупоклоне, демонстрируя полную готовность исполнить поступившее распоряжение. После чего свернул в ближайший переулок и растаял в нем, не попрощавшись, точно так же как и возник, не поздоровавшись.

* * *

— Конечно, хорошо, что вы оказались наделены тем же Даром, что и я, — согласился Кайл со словами своего гостя. — Так мы будем лучше понимать друг друга. И хорошо, что ваши способности быстро прогрессируют в здешних условиях... Все это хорошо.

Он задумчиво ковырнул каменистый грунт под ногами темного дерева посохом. Посох, видно, полагался ему по чину — вместе с полудюжиной других точно таких же он постоянно пребывал в специальной, укрытой от дождя отдельной крышей стойке у ворот монастыря. Подслеповатый и дряхлый страж этих ворот никогда не забывал с поклоном вручать сей почетный атрибут Кайлу. Тот обычно тут же доверял тяжеленную палку Сонни и сам шел налегке.

Хозяев остальных шести «жезлов» Рус не видел. Возможно, их и не существовало больше в природе. По крайней мере, в Мире Молний. Монастырь казался Русу заброшенным и вымершим. Это, конечно, было не совсем так. Временами звонили колокольчики в почти игрушечных башенках-пагодах по углам тесного монастырского двора. Временами, пока Рус изучал вороха записей, которые ему не уставал подкидывать хозяин, с кем-то разговаривал во дворе Сонни. Временами откуда-то долетали запахи дыма и кухни — да и готовил Кайл пищу себе и гостю отнюдь не сам.

Только к концу своего первого дня пребывания в монастыре Рус понял, что его нынешнее пристанище проходит по ведомству Донг-ин-Донга — Грустного Бога Иных Мест. Что ж, обитель Беглец себе выбрал подходящую. Что до статуса, которым Находящий Пути обладал в этом тесноватом оплоте Пестрой Веры, то для Руса это оставалось неизвестным. Руководил ли Васецки монастырской жизнью или какой-то ее частью? Являлся ли просто гостем монастыря? Кайл не торопился затрагивать эти темы в своих разговорах с гостем.

Сегодня пресловутый посох, однако, использовался по назначению — Находящий Пути тяжело опирался на него при ходьбе. Он показался Русу неожиданно постаревшим за прошедшую ночь. Что-то явно давило Кайлу на душу.

— Все это хорошо, — повторил он и поднял глаза на Руса. — Правда, у всего этого есть и другая сторона...

— Я помню... — отозвался Рус. — Я прочитал ваши слова о том, что за овладение магией приходится платить...

Кайл продолжал задумчиво смотреть на него.

— Вы верно вспомнили мои слова, — произнес он. — Но сейчас я имел в виду не это...

Он снова устало оперся о посох и двинулся вперед.

— Вы понимаете, что означает появление в Мире Молний двух обладателей одного и того же Дара?

— Признаться, я не очень-то в курсе такого рода примет, — пожал плечами Рус.

Они молча прошли еще несколько метров по направлению к монастырю.

— Смена состава, — наконец объяснил Кайл. — Смена состава Пятерки. Я должен уходить, оставив вам свои полномочия... Не сразу, конечно. Сначала мы должны выполнить свой долг перед Обитаемыми Мирами. А вот затем... Затем, если все мы уцелеем... В этом случае я должен буду ввести вас в курс дел Совета Пятерых. Я, видите ли, являюсь его неформальным... м-м... блюстителем, что ли... Для этой роли надо также подобрать кандидата... Все это займет некоторое время...

Рус недоуменно воззрился на Находящего Пути. Оба они снова остановились.

— Куда это вы собрались уходить? — недоуменно спросил Рус. — У меня нет ни малейшего желания...

— К сожалению, — угрюмо усмехнулся Кайл, — этот Мир не имеет привычки спрашивать нас о наших желаниях. Вас интересует, куда придется податься мне? Я думал, вы лучше изучили те места в моем меморандуме... И в тех записях, что я дал вам сейчас, тоже... Те места, которые касаются Пятерых и их судеб. Тот, кому Мир Молний дает Знак, претерпевает Изменение и уходит дальше по Тропе Испытаний. Вам надо расшифровать эти иносказания.

— Знаете, — сказал Рус, — я во всем предпочитаю ясность.

Кайл снова усмехнулся невеселой усмешкой.

— Мне снова предстоит потерять немного себя, господин Рядов. Уйти в другой Мир, где я уже буду не вполне человеком. И служить своим Даром кому-то или чему-то, кто уж точно людьми не являются. В противном случае мне придется вступить с вами в борьбу за то место, которое я сейчас занимаю среди Пятерых.

— Я не собираюсь сражаться с вами! — уже с откровенным раздражением прервал его Рус. — Как только я выполню свое задание, как только я узнаю судьбу Эла, вытащу его отсюда, я немедленно — не-мед-лен-но, слышите! — уберусь из этих райских мест! Откуда вы вообще взяли все это? Вычитали в древних рукописях?

— И в них тоже, — спокойно отозвался Кайл. — А еще — по мере того, как Дар овладевает тобой, — бывают сны, в том числе и сны наяву. И видения. И гости к тебе приходят оттуда, где тебя ждут. Приходят и торопят... У меня, правда, еще есть возможность — сделать пас в сторону. Но это тоже нелегкое решение.

— На этой милой планетке не существует легких решений! — зло бросил Рус. — Вам что, придется скрываться от повестки в ад где-то в окрестностях преисподней?

— Нет.

Кайла, похоже, немного развеселил этот всплеск эмоций.

— Почему же... Мне просто предложено занять место Неназываемого.

Рус в очередной раз недоуменно воззрился на Находящего Пути.

— Это пока неофициальное предложение, — задумчиво произнес Кайл. — Так, хорошо организованная утечка информации. Каста Проводников собирается избавиться от Кристофера Денджерфилда. А Квинт — добрая душа — порекомендовал им мок кандидатуру. Но сделаться членом Касты — судьба не из легких.

— Квинт? — наморщил лоб Рус. — Это тот человек, от которого я должен был передать вам привет?

— Именно, — подтвердил Кайл. — Должны были — и передали. Квинт — это мой наставник, Человек Леса. Так, оказывается, называют себя те из Проводников, что

постоянно присматривают за положением дел на Джее. Я не знал тогда, что Квинт — Неназываемый. И что он курирует меня с детских лет. Так же, как человек по имени Лорх курировал вас и Эла.

— Лорх?! — Рус снова вскинул на Кайла удивленный взгляд. — Лорх — в Касте? Он же работник Спецакадемии... Работает на Федерацию...

— Если Спецакадемия и Директорат Федерации считают, что дела обстоят именно так, — пожал плечами Кайл, — то я не намерен им мешать.

Из всех четверых членов координационной группы один только Лорх сохранял хотя бы внешнее спокойствие. Штуббе нервно гонял по экрану своего ноутбука какие-то таблицы и графики, Петр Николаевич нервно мерил шагами не слишком просторное пространство бокса, выделенного под помещение выездного Центра координации проекта «Страж», а номинальный руководитель операции — Людвиг Шефт, пребывавший в звании адмирала ОКФ, солидной, грозной глыбой неподвижно сидел во главе Т-образного стола и просто молча источал из себя раздражение.

— Вообще-то, по-идиотски мы распорядились с выездной миссией, — раздраженно бросил Борода.

Так просто — лишь бы сказать хоть что-нибудь.

— Мы практически не можем вмешаться в ситуацию, — продолжал он развивать и без того всем давно понятную мысль, — если возникнет экстренная ситуация. А она может возникнуть вот-вот. Через подпространство мы не сможем забросить туда никого и ничего. Слишком близко. Обычный десант высадить тоже не можем. Слишком далеко. В дополнение ко всему — радиослышимость преотвратная. Какого черта мы торчим здесь, когда с тем же успехом могли бы оставаться в Метрополии?

Адмирал Шефт, почувствовав, что нелепый вопрос в какой-то степени адресован ему, мрачно фыркнул, переложил с места на место увесистый электрокарандаш и произнес, не глядя на вздорного штатского «шпака»:

— Мы находимся от Бродячей на расстоянии, которое соответствует максимально допустимому риску для кораблей типа нашего «Тирсиса». Если это вас интересует, можете свериться в Люции относительно того, сколько кораблей и техники вообще угробилось в окрестностях этого шарика. Нестабильное гравитационное поле — это еще полбеды. А вот «пустотные молнии» это штука вконец непредсказуемая. И наш крейсер для одного только такого разряда — не более чем пустое недоразумение. Насколько я помню, ваша наука, господа, им — молниям этим — еще объяснения не сыскала? Кроме того, это не Космофлот, это Спецакадемия настаивала на том, чтобы операцией руководили с максимально приближенной точки. Не так ли?

Петр Николаевич выслушал этот — вполне справедливый и уже набивший всем оскомину — попрек стоически и обернулся к задумчиво-спокойному Лорху — если не за поддержкой, то хоть за утешением.

Тот улыбнулся ему.

— Не стоит так накручивать себе нервы, Петр... Да, мы не в силах быстро прийти на помощь Руслану. Да, ему приходится полагаться на самого себя. Но ведь не только на себя одного. Вы должны доверять тем, кто обратился к нам за помощью. Они — те Пятеро — не самая последняя сила из тех, что скоро сойдутся там...

Он выразительно поднял глаза на огромное окно-провал голографического экрана, в котором медленно поворачивался тускло мерцающий шар Мира Молний.

Глава 11

СЛОВО ТАЙНЫ

В городе лишь немногие знали Посланца в лицо. И эти немногие вовсе не склонны были афишировать свое знакомство с тем, за кем уже прочно утвердилась репутация «второго я» Неназываемого. Да и далеко отсюда, от неприметной кофейни, что возле Скобяного рынка, обретались те немногие посвященные. И уж совсем никто в городе не знал в лицо Сестру Хло. Так что ее встреча с неприметным, приятной, в общем-то, наружности незнакомцем не могла привлечь чьего-либо особого внимания. Не могла и не привлекла.

— Мне передали ваше послание, Сестра, в час Тьмы, — бросил Посланец, усаживаясь в плетеное креслице у приютившегося в углу столика, за которым ожидала его Хло. — Пришлось пожертвовать несколькими часами сна. Надеюсь, не напрасно?

— Вы не пожалеете об этой потере, — усмехнулась Хло. — Если мы с вами, конечно, найдем общий язык.

Хозяин кофейни удостоил вниманием пару посетителей, выглядевших явно более зажиточно, нежели обычный контингент его заведения, и лично приблизился к угловому столику. Его ждало небольшое разочарование — многообещающие на вид клиенты ограничились двумя чашечками двойного кофе и рогаликами. Посланец терпеливо дождался, пока заказанное появится на столе. Когда содержатель кофейни, пожелав почтенным госпоже и господину приятного аппетита, скрылся из виду, он покашливанием напомнил собеседнице о том, что не прочь выслушать ее аргументы.

Хло неспешно пригубила кофе и бросила на Посланца косой взгляд.

— Мы с вами остановились на вопросе о гарантиях... О взаимных гарантиях того, что ваш шеф — и вы с ним вместе — покинете Сумеречные Земли. И Мир Молний — вообще. Это — с одной стороны. И то, что вам не будет причинено никакого вреда, — с другой. Ну что ж... Сейчас я могу вас заверить в том, что нам есть что положить на стол переговоров. Вы не догадываетесь, о чем идет речь?

— Боюсь, что у нас слишком мало времени для того, чтобы говорить загадками, — сухо заметил Посланец. Хло понимающе поморщилась.

— Что ж. Вы правы. Не буду мудрить. Вам, стало быть, не известно, что уже больше года в Мире Молний пребывает человек, способный снять Заклятие Неназываемого?

Ни тени эмоций не отразилось на лице Посланца.

Хло с минуту или две играла с ним в «гляделки». Допила кофе. Потом откашлялась.

— Ну, значит, это не интересно для вас, господа... Тогда...

— Закажите нам еще по чашечке кофе, Сестра!

Голос Посланца стал резок и шершав, как наждак.

— Нам, похоже, есть о чем поговорить...

Сестра подняла взгляд на собеседника.

— Значит, я не открываю для вас великой тайны?

Она снова пригубила кофе.

— Может быть, я действительно зря потревожила вас в час Тьмы, Князь?

— Я же уже сказал: нам есть о чем поговорить! Ведь вы принесли на продажу Слово Тайны?

В голосе Посланца зазвучал металл. Но Сестру Хло не так легко было обескуражить.

— В таком случае, — вздохнула она, — примите к сведению, что как только я получу от вашего э-э... покровителя надежную гарантию того, что он действительно не станет далее обременять этот Мир своим присутствием...

Посланец поморщился.

— Бога ради, дорогая Сестра! Разве вам не ясно, что вы меня втягиваете в порочный круг? Пока вы не покажете нам этого человека, ваши слова ничем не подтверждены. А если вы его нам покажете, вы — не стану лицемерить — вводите Пославшего меня в большое искушение от человека этого избавиться. И это вы называете взаимными гарантиями?

Лицо Сестры украсила улыбка, которая сделала бы честь гюрзе. Или кобре.

— Предположим, что заботу о безопасности этого человека берем на себя мы...

Посланец молча смотрел на собеседницу. Краешек его губ — слева — свело еле заметной усмешкой. Потом он, словно вспомнив об этикете, поднес чашку ко рту.

— Мне кажется, — предположила Хло, — что мое предложение вводит в искус не только Пославшего вас, Князь...

Голос Сестры был благостен. Посланец встретился с ней глазами и произнес:

— Что ж... Если вы согласны так рисковать... Тогда выкладывайте карты.

Сестра вздохнула.

— Тот, кому я обязана этой информацией... — Она отодвинула от себя недопитый кофе. — Этот человек испытывает определенные... э-э... материальные затруднения. Но вы же лучше меня знаете, что мы — Меченные Мглой — вечно бедны, как монастырские мыши...

Вообще-то Посланцу приходилось иметь дело с мышами. В том числе и с монастырскими. Среди них попадались порой и весьма упитанные особи. Но сегодня у него не было настроения шутить.

— Так вы еще и вымогательством решили заняться, — мрачно констатировал он.

— О, речь идет о совершенно ничтожной сумме!

Сестра вскинула руки в жесте, долженствующем означать оскорбленную невинность. Затем небрежным движением бросила на столик листок бумаги, словно по волшебству появившийся в ее руке.

— Только и всего, — пожала плечами она. Посланец взглянул на листок и щелкнул в воздухе пальцами. Тут же за его спиной материализовался содержатель кофейни.

— Перо и бумагу! — распорядился порученец Неназываемого. — Вас устроит моя записка на имя братьев Гоцци?

— О, — улыбнулась Хло. — Весьма уважаемый банк. Весьма...

— Когда я могу рассчитывать на получение информации, за которую плачу? — осведомился Посланец, протягивая ей листок бумаги, украшенный парой строчек, содержащих распоряжение о выплате подателю сего истребованной Сестрой суммы.

— Пожалуй, не позже часа первой стражи... — подумав, ответила Хло. — Вам следует искать меня в это время в Храме Вод. Сегодня.

Посланец с демонстративным удивлением заломил бровь.

— Уже сегодня? Вы, право, стремительны в своих действиях, Сестра. Можно подумать, что для вас избавиться от этой информации важнее, чем для Пославшего меня заполучить ее.

— У каждого из нас в этом деле свой интерес.

— Ну что ж... Мы обо всем договорились.

Посланец поднялся из-за стола.

Некоторое время Посланец шагал, сосредоточенно глядя себе под ноги. Ему было о чем подумать сейчас. Двигался он машинально, словно не задумываясь о выборе пути. Но путь этот привел его к часовенке Пестрой Веры — той самой, в которую заглянула несколько часов назад Сестра Хло.

Собравшиеся в Сумеречных Землях потомки выходцев из всех уголков Обитаемого Космоса украсили здешние города и веси храмами всех, пожалуй, существующих религий. И Пестрая Вера, распространившаяся там, за Небесами, еще в период расцвета Империи, не была исключением. Что-то притягательное было для самых разных людей в этом пестром и противоречивом конгломерате суеверий и бесхитростных обрядов. Вот и сейчас, зайдя в пропитанный запахом горячего воска, освещенный трепетным светом полудюжины горящих свечей полумрак, Посланец ощутил прикосновение к чему-то по-детски простому. К чему-то такому, о чем давным-давно скупала его душа.

Но душа эта была сейчас стиснута сомнением. Зажата разрывающими ее клешнями неразрешимого противоречия. Он сторбился и некоторое время сжимал лицо руками. Здесь — без свидетелей — он мог позволить себе хоть на несколько минут стать самим собой.

Постепенно стальной захват, лишавший его воли, ослаб, отпустил его душу. Посланец выпрямился и, пошарив глазами в теплом полумраке, нашел спрятавшийся в затененной нише алтарик Так'ль Така — Неумолимого Бога Выбора. Потом похлопал себя по карманам и выудил из них зажигалку и еще одну вещь — вконец вроде не нужную никому в этих краях. Стобаксовую купюру Федерального Резервного, неведомо как и когда попавшую в этот Мир. Мир, в котором такие денежные знаки, разумеется, не имели решительно никакого хождения.

Купюру Посланец аккуратно подпалил и поместил на алтарик перед ликом Неумолимого. Сдвинул ладони в молитвенном жесте и снова сторбился. На него опять накатило. Князь Миров Обреченных стал на колени, потом скорчился и принялся кататься по пыльному полу часовенки, стараясь удержать рвущийся сквозь зубы стон. Потом замер и несколько минут лежал не шевелясь. Со стороны его легко было принять за покойника. Да, может быть, он и в самом деле пребывал там — за той, такой тонкой, завесой, что разделяет сущее от того, чего нет и не было.

Но отправляться к праотцам Посланец все-таки повременил. Медленно и неловко, словно после тяжелого обморока, он поднялся на ноги и принялся приводить свой наряд в божеский вид. Через несколько минут из часовни вышел уже вполне респектабельно выглядевший, просто заметно усталый человек из зажиточных приезжих, которых в Гавани пруд пруди. Постепенно бодрость возвращалась к нему, и, когда на Речной набережной Посланец остановил свободного рикшу, никому и в голову не пришло бы, что всего четверть часа назад этот ничем не приметный господин пребывал на грани безумия и небытия.

Клайв Бродячий был необыкновенно мрачен. Он даже не вышел встретить Сестру Хло, когда та по крутым ступенькам спустилась в его нору. Только лишь расторопный Хош встретил дорогую гостью в лавке и, не теряя времени, провел ее во внутреннюю комнатку, где нахохленный маг делил свое одиночество с давешней — еще не до конца опустевшей пока — бутылью. Кроме бутылки и недоеденного засохшего куска сыра на столе поместился еще набор гадальных костей и неплохой работы хоннский стилет. Такую дорогую вещь в подобном крысином гнезде Хло увидеть не ожидала. Поморщившись, она смахнула затынутой в перчатку рукой крошки, усеявшие стол.

— Надеюсь, ты не передумал, Бродячий? — с нарочитой небрежностью бросила она, выкладывая на расчищенное пространство один за другим два увесистых кошелька. — Это твои долги, Клайв. Так и быть — рассчитайся с кредиторами сам. А это... — Она добавила к выложенным на стол кошелькам пару упакованных в плотную бумагу с сургучными печатями королевского монетного двора столбиков монет новой чеканки. — Это на обзаведение конурой получше... Итак?..

— Дав слово, — мрачно прогудел маг, — Клайв Бродячий никогда не брал его обратно! Многих в Тершоале это заявление весьма позабавило бы.

— В таком случае — считай! — распорядилась Хло, двинув деньги к рассыпавшейся по столу бороде мага.

Глаза спившегося кудесника вспыхнули, словно в них зажглась яркая лампочка.

— Деньги... — прогудел он, вытряхивая перед собой содержимое кошельков. — Деньги, вот что погубит меня... Кости не лгут...

Хло покосилась на расклад гадальных камней, видно недавно выброшенных на стол. Ничего хорошего — насколько она в том смыслила — расклад этот и впрямь не сулил.

Пальцы мага тем временем с невероятной быстротой тасовали разнокалиберные монеты, выстраивая их в стопки разной высоты и диаметра.

— Кости не лгут, — продолжал гудеть он. — Ты, Сестра, ввергла меня в искус, поддавшись которому старый Клайв сделался игральным злым сил... И — чуе мое сердце — посланцы тех сил уже стоят на пороге моего жилища...

— Так вот почему вы достали на свет божий эту игрушку...

Хло кивнула на тускло посверкивающий на столе стилет.

— Фамильный... — пояснил маг. — Старая работа. Хорош и для ближнего боя, и для метания...

Он взял оружие со стола, полюбовался тонким клинком и принялся острием его выковыривать застарелую грязь из-под ногтей.

— Однако не довольно ли нам рассуждать о возможных неприятностях? — намекнула Сестра.

— Ну что ж...

Клайв взвесил на ладони упаковки с монетами новой чеканки и, не вскрывая, отложил их к уже пересчитанным монетам. Потом поднялся, подошел к дверям, отвесил тумака притаившемуся снаружи Хошу и плотно затворил двери комнаты. Потом уселся напротив Хло и тяжело вздохнул.

— Видишь ли, Сестра... — начал он, уставившись в стол, словно исцарапанная древесина, открывавшаяся его взору, несла на себе какие-то таинственные письма. — То, что существует Дар, Отпирающий Заклятие Власти, записано еще в Книгах Древних. И случаи проявления этого Дара описаны в некоторых легендах и преданиях. И когда

Неназываемый попытался стать властелином Сумеречных Земель, опираясь на силу заклятых им носителей Даров, то... То самым мудрым из нас стало ясно, что свою попытку этот Пришлый повторит еще и еще раз. Пока не победит. Или не будет уничтожен!

Маг приподнял тяжелую бутыль, взболтнул ее содержимое и приложился к горлышку.

— И еще самым мудрейшим из нас стало понятно, что избавиться от этой напасти можно только одним способом. Противопоставив Заклятию Власти Дар Снятия Заклятия. Для этого надо было обрести носителя такого Дара. Но, как вы знаете, Сестра...

Последовал тяжелый вздох и выразительное бульканье оплетенной бутылки.

— Как вы знаете, Мир Молний не наделяет Дарами тех, кто обитает тут, у нас. Они приходят Извне. И Дар почти никогда не передается потомкам. Даже если оба родителя наделены им. Думаете, приходится рассчитывать только на то, что судьба пошлет нам обладателя нужного Дара именно тогда, когда этот Дар нам понадобится позарез? Думать так — смешно. Можно ждать тысячу лет и не дожидаться.

— Я знаю об этом, — сказала Хло.

Пока что ничего нового для себя она не услышала.

— Но в том-то и состоит одна из тайн Высоких Магов и тайна Пятерых, что можно отыскать и привести в Сумеречные Земли обладателя Дара из других Обитаемых Миров.

Клайв Бродячий перегнулся через стол и, дыша перегаром в лицо Сестры, горячо зашептал:

— Есть, есть тропинки, по которым Посвященные бродят между Мирами! Испокон веку бродят!.. И Неназываемый — лишь один из тех, кто нащупал секрет одной такой тропинки... Он привел оттуда — из своего Мира — Дарящую Смерть. И наложил на нее свое Заклятие! И — что много хуже — привел вдобавок еще и это свое второе «я» — того типа, которому заставил Гильдию дать титул Князя Миров Обреченных!..

Клайв откинулся на спинку кресла и снова приложился к бутылки. Та, видимо, была и в самом деле бездонной. Потом маг снова нагнулся поближе к физиономии собеседницы.

— Но не он один так хитер, Сестра... Не он один! Бывали и среди нас такие, кому открывались дороги, связующие Миры... К сожалению, нынешнее поколение посвятивших себя магическим ремеслам обеднело Посвященными. Одни из них ушли в другие Миры. Других свели на нет старость и интриги врагов...

Он нахмурился и на несколько секунд замкнулся в себе. Его глубоко посаженные глазки-буравчики почти полностью скрылись под развесистыми кустами бровей. Должно быть, Клайва Бродячего целиком поглотила мысль о вредоносности вражеских интриг для благополучия бытия людского.

— Но Судьба милостива, — наконец соизволил продолжить он. — Среди нынешних Пятерых нашелся наделенный Даром находить Пути! И с его помощью были восстановлены связи с нашими друзьями в Мирах Обитаемых... Они издавна ищут — и находят — для Сумеречных Земель и носителей нужного Дара, и предметы Магии, и многое другое. Несколько человек — из наших — были посланы на поиски обладателя Дара, Отпирающего Заклятие Власти. И такой обладатель был найден. Найден и послан к нам.

Маг снова взялся за бутылку. Та сказала: «Глок!» — и иссякла. Клайв Бродячий воззрился на нее с немим укором.

— Не отвлекайся! — железным голосом распорядилась Сестра. — Скоро сможешь утопиться в этой дряни. Или даже в чем-нибудь получше... А сейчас — дело!

Клайв еще раз — теперь уже с глубоким презрением — воззрился на не оправдавший

надежд сосуд и отшвырнул бутылку в угол.

— Дело так дело... — угрюмо согласился он. — Вся беда, Сестрица, состояла в том, что единственный обладающий Даром снимать Заклятие Власти оказался несмышленным ребенком. Да и сам Дар его не был раскрыт полностью. Смешное дело: там — за Небесами — его использовали как взломщика. Потому что Дар Отпирать Заклятие, как и всякий другой Дар, Сестра, прежде чем созреть и раскрыться в полной своей силе, проходит разные стадии... В том числе и такие смешные. Поэтому парнишку решили отдать в обучение тогдашнему Целителю. Он умел раскрывать Дар... К сожалению, с отправкой этого ребенка вышла заминка. Наш человек надолго потерял его где-то на Шараде. Кое-кто из наших думает, что здесь не обошлось без вмешательства Неназываемого. Он забросил туда, в Обитаемые Миры, своих, покорных его воле людишек. Установил связь с тайными силами Обитаемых Миров... Он пытается взять под контроль все пути, что ведут оттуда в Мир Молний... Так или иначе, но время было потеряно. А за это время успело произойти многое...

Маг замолк и некоторое время созерцал выстроившиеся перед ним стопки монет. Потом наугад взял серебряную крону шаггарской чеканки и, сосредоточив на ней внимание, продолжил свой рассказ.

— Пришли Новые Пятеро. Неназываемый попытался поспорить их со старой Пятеркой. И кое-что ему в этом отношении удалось... Старый Находящий Пути ушел по дороге Предтеч. Старый Целитель избрал судьбу простого смертного. И сгинул в круговерти здешних междоусобиц. А мальчишка чуть было не пропал, оказавшись в наших краях. Оно и сейчас рискованно в одиночку по Сумеречным бродить. А в то время...

Маг махнул рукой. И тут же приободрился.

— Но Судьба — я это уже говорил — милостива! Старый Находящий Пути ушел дальше по дорогам, проложенным Предтечами. Но на смену ему пришел другой... Этот человек много принес с собой. Много знаний... Он... Мы решили доверить этого ребенка ему. Тайно. Под другим именем. Он — этот Пришлый — очень энергичен. Он собрал все, что смог разузнать о скрытой механике нашего Мира. И, кажется, ему удалось найти секрет Раскрытия Дара.

— Вот как... — тихо произнесла Хло. — И он — этот мальчишка — сейчас скрывается у Находящего Пути?

— Это — последнее, что я о нем знал, — тяжело вздохнул маг. — Но он в надежных руках, этот мальчишка. У Находящего Пути один только недостаток...

— Какой же? — поинтересовалась Сестра.

Клайв Бродячий поморщился, словно ему вместо красного вина поднесли касторки.

— Этот человек совершенно не верит в магию! — хрипло выговорил он.

* * *

Колокол на воротах полузаброшенного монастыря — позеленевший от времени, украшенный древним узором и наделенный тихим, но на редкость далеко слышимым звуком — запел свою нехитрую песню. Легко постукивая по плитам двора деревянными сандалиями, к воротам поспешил старый сторож.

Кайл заглянул в комнатку, где над разложенными перед ним листками сидел и потирал

кончиками пальцев уставшие глаза Рус Рядов. Кайл тихо окликнул его.

— У нас гости. Вам, Руслан, будет полезно поприсутствовать при наших разговорах. И на сегодня забудьте о том, чтобы ломать голову над моими каракулями. Нам, скорее всего, придется отправиться в путь. Теми переулками, которыми вы теперь учитесь ходить. Пойдемте.

Он кивком пригласил Руса пройти в свой тесноватый кабинет.

Послышались голоса и скрип узких ворот. Потом в дверь аккуратно постучал Сонни и после разрешающего «Войдите» отворил двери кельи, пропуская впереди себя гостя. Перед Учителем предстал чеани в маске Путника. На Руса, впервые видевшего чеани вживе, он произвел довольно большое впечатление.

Слегка коверкая слова, гость сообщил, что Целительница уполномочила его передать Находящему Пути, что она согласна с его предложением провести встречу членов Союза Пятерых и их гостей. С этой целью она ожидает Находящего Пути в часовне Четырех богов. Его самого и его гостей, если таковые имеются.

Учитель стоял напротив чеани — лицом к лицу — и улыбался самым милостивым образом. Однако ни проходить в комнату, ни тем более присаживаться он гостю предлагать и не думал. Очевидно, таков был здешний этикет.

— Передайте Целительнице, что ей не придется ждать нас долго... — заверил он чеани. — И не стоит провожать нас. Мы знаем путь...

Герольд Целительницы ответил странно изысканным полупоклоном — так мог бы поклониться богомол — и поспешил к воротам, за которыми, привязанный к вбитой в стену скобе, нетерпеливо перебирал копытами его конь.

Учитель повернулся к Русу и улыбнулся. В улыбке той проскользнула еле заметная снисходительность по отношению к посыльному Целительницы.

— Мы будем в Часовне раньше него, — бросил он. — Для вас, Руслан, это будет еще одним испытанием вашего Дара. Ты, — он повернулся к Сонни, — пойдешь с нами. Прихвати те сумки, что я велел тебе собрать.

* * *

На этот раз Рус чувствовал, что его внутреннее зрение явно прибавило в силе. И если бы не страх ударить в грязь лицом перед строгим экзаменатором и его любознательным учеником, то он мог бы считать, что уверен в себе.

Стоило ему тонким занавесом век отсечь себя от залитого трепещущим светом Небес реального пространства вокруг, как все менялось. Но, открыв глаза, он видел все тот же Мир Молний. Тот же, но каким-то странным, неуловимым образом преображенный. В этом мерцающем, сумеречном, словно звездной пылью покрытом мире ничего не прибавлялось и ничего не убывало. Просто становилось заметным то, чего он не замечал раньше. Не то чтобы не видел, именно не замечал.

Как не замечал этой вот открывшейся ему теперь дорожки, уходящей вниз, к основанию нависших над монастырем скал. Дорожки, сворачивающей прямо к каменному карнизу, скрывающемуся под «занавесом» бесшумно низвергающегося вниз, в туманные долины, водопада. Рус обернулся, ловя взгляд Кайла. Тот еле заметно утвердительно кивнул ему.

Когда они ступили на скользкую, ступень карниза, Сонни судорожно ухватил Руса за

руку. Впервые за время их знакомства он дал понять, что напуган.

За стеной падающей воды им открылся вход в лабиринт. Он был скрыт в щели между наложившимися друг на друга, словно страницы каменной книги, скальными стенами. И там — в том пространстве, куда открывался этот узкий проем, — царила тьма. Но для Руса она была только помощницей. Его Дар словно раскрепостился, заработал теперь уже в полную силу. Теперь он шел уверенно, не боясь ошибиться. И каменные коридоры лабиринта, по которому шли эти трое, вели их все ниже и ниже.

Порой что-то предупреждало Руса о том, что впереди их поджидает встреча с чем-то таким, что лучше не беспокоить. И он, не проявляя излишнего любопытства, проскальзывал мимо притаившихся в темноте тварей — далеко не безобидных, немыслимо уродливых. Руслан сам поразился собственному спокойствию.

Оно лишь раз изменило ему — в Зале Гигантов, как он окрестил для себя это место.

Коридоры вдруг прервались там. И сменились вновь узким карнизом над пропастью. Эта пропасть была не так темна, как остальные пространства лабиринта. Призрачный, больной свет источали ее неровные стены и нависшие над нею своды. Гнилой плесенью какой-то источаемый свет делал все вокруг не то чтобы видимым, но ощущаемым.

И становилось ясно, что не пропасть перед путниками. Точнее сказать, пропастью той была громадная пещера, под самыми сводами которой и проходил карниз, по которому они шли. Призрачный свет, заполнявший каменный зал, скрадывал его размеры, оставлял невидимыми дальние углы. Но его хватало на то, чтобы понять, что гигантский каменный зал далеко не пуст.

В нем нестройными рядами высились десятки, а то и сотни каменных истуканов. Каждый, пожалуй, в неполную сотню метров ростом. Этот лес каменных великанов почти подпирал своды пещеры. Лица их — одинаковые, грубо намеченные — были словно скованы мертвым сном. И хотя решительно ничего живого не было в этих фигурах, страх холодной иглой кольнул душу Руса. Чересчур услужливое воображение вдруг оживило для него эти нелепые громады. Ему показалось, что вот-вот шершавая рожа, которой он сам едва от подбородка до бровей будет, с каменным скрипом повернется к нему и веки-заслонки начнут — тоже со скрежетом — подниматься... Чтобы горящий желтым безумием взгляд голема испепелил чудака, осмелившегося нарушить покой каменного сна каменных воинов.

— Големы, — еле слышно прошептал он. Сонни шмыгнул носом — тихо и восторженно.

— Големы, — тоже очень тихим голосом подтвердил Кайл. — Боевые мегароботы Древних... Но не стоит их опасаться. Тот, кто мог разбудить их, сейчас далеко отсюда. Был среди предыдущих Пятерых такой человек — Тальбот. Но, я думаю, он теперь не в этом Море. Это долгая история. А следующий обладатель такого Дара, будем надеяться, появится здесь не скоро...

Карниз привел их ко входу в очередной лабиринт. На этот раз в совсем короткий. Пройдя всего неполную дюжину поворотов, Рус и оба его спутника оказались в пещере, освещенной уже не светом фосфоресцирующей плесени — гнилым и зыбким, а вечно трепещущим светом Небес Мира Молний. Пещера — не в пример Залу Гигантов — была невелика и вполне уютна.

И в ней их ждали.

— Ну что же... Это хорошо, что ты поставил меня в известность о существовании этого... э-э... феномена, — задумчиво произнес Неназываемый, поднимаясь из кресла.

Он подошел к окну, украшенному примитивной стеклянной мозаикой, и некоторое время молча рассматривал игру разноцветных бликов сквозь толщу вина в своем бокале.

— Очень хорошо, — продолжил он. — И Месс прекрасно справился со своей задачей... Передай, что я доволен им. Но мне не нравится то, как ты хочешь продолжить партию...

В лучших покоях «Дракона и Короны» воцарилось молчание. Посланец терпеливо ожидал, чтобы его шеф соизволил разъяснить свою мысль. Торопить его не стоило. Опережать полет мысли Неназываемого своими догадками — тоже.

— К чему, например, тебе эта встреча с сестрицей Хло в Храме Вод? — пожал тот плечами. — К чему дальнейшие переговоры вообще? Мы ведь теперь знаем, где они прячут своего гаденыша. Остается прийти и избавиться от него. А вместо Храма тебе лучше поскорее посетить Его Величество. Он слишком уж нервничает...

«И его можно понять», — подумал про себя Посланец. Но вслух сказал другое:

— Если они поймут, что нам все уже известно, то...

— То? — презрительно поморщился Неназываемый. — То что, собственно говоря? Мне кажется, что это только к лучшему, если они поймут, что о них вытерли ноги...

— То мы просто спугнем их, — закончил фразу Посланец. — Они поймут, что их главный козырь под угрозой, и...

Неназываемый улыбнулся и пригубил вино.

— Свой главный козырь они вынуждены будут выложить в Скальном Храме завтра в час смены суток. Они вынуждены будут поступить именно так, потому что кроме Тана Властительного поблизости будет находиться Мэри-Энн — Дарящая Смерть. Разве ты не понял, что мы раскинули для них силки? Единственное, чего мы не знали до сегодняшнего дня, так это того, как будет выглядеть этот их главный козырь. Теперь — благодаря тебе и Мессу — знаем...

— Значит, война... — бесцветным голосом произнес Посланец.

— Война. А ты сомневался в этом?

— Быть может, это покажется вам смешным, шеф...

Посланец осекся и отвел глаза.

— Ты, кажется, перестаешь быть искренен со мной? — Удивленно заломил бровь Неназываемый.

Посланец заставил себя снова встретиться глазами с тем, чьей воле не мог противостоять.

— Быть может, это вам покажется смешным, но... Я всерьез относился к вашему намерению... К вашим планам сменить декорации...

— А кто тебе сказал, что к моим планам направиться в Миры Федерации следует относиться не всерьез?

Теперь Неназываемый цепко удерживал взглядом зрачки своего раба и не давал тем ускользнуть в сторону.

— Но...

— Я действительно собираюсь покинуть эти прогнившие подмости, дружок. Покинуть

и отправиться на завоевание Миров этой хлипкой Федерации. Хлипкой, но отменно богатой. Федерация Тридцати Трех Миров как раз достаточно созрела для того, чтобы можно было взять ее со всеми потрохами. Как спелую грушу с ветки. Однако...

Неназываемый отхлебнул вина.

— Кто сказал тебе, что я собираюсь уйти из этого мирка побежденным? Это не в моих правилах, приятель. Да дело не только в этом.

Он улыбнулся нехорошей, больной улыбкой.

— Не только в этом, дорогой мой... Мне... Нам нужен какой-то тыл... Ведь Господь не дал нам никакой гарантии, что в иных Мирах Магия будет работать так же, как и здесь, под Пылающими Небесами? Что она будет работать вообще? Так что, как видишь, прежде чем бросить перчатку этим недоумкам, что правят теми Мирами, что лежат Извне, нам придется дать последний и решительный бой — здесь и сейчас!

Он опять отхлебнул вина.

— Вы не опасаетесь, шеф, что Пятеро в компании с магами все-таки переиграют нас?

Снова нездоровая улыбка исказила правильное, медальное лицо Неназываемого.

— Думаешь, им удастся снова сделать тебя, Мэри-Энн и других теми ничтожествами, какими вы были, пока дорога не привела вас ко мне? Не-е-ет... И знаешь почему?

— Я... Я догадываюсь, — чуть запинаясь, ответил Посланец. — Но... Но я хотел бы услышать это от вас, шеф.

Снова их глаза встретились, и снова взгляд Неназываемого сковал, подчинил себе взгляд Посланца.

— Ты не хуже меня знаешь, — ласково проговорил Неназываемый, — что для того, чтобы наложить на обладателя Дара — такого, как ты или Мэри-Энн, — Заклятие Власти, необходимо его, этого обладателя, внутреннее согласие с этим. То же самое и со снятием Заклятия. Без внутреннего согласия носителя ничего не получится. Только и всего, малыш.

— Я именно так и полагал...

Неназываемый улыбнулся — теперь уже доброй, почти отеческой улыбкой.

— Ты рискуешь прогневать государя...

В его голосе прозвучала ирония.

— Он ждет тебя еще с утра. Я не задерживаю тебя. Надеюсь, ты не боишься оставить на меня эти твои роскошные апартаменты?

Неназываемый жестом обвел окружающую обстановку. Для проезжих купцов — постоянного контингента «Дракона и Короны» — покои, снятые Посланцем, были действительно верхом роскоши. Наличествовал даже неведомо зачем нужный клавесин.

Посланец поклонился, улыбкой давая понять, что ценит юмор шефа, повернулся и покинул комнату, осторожно притворив за собой двери.

Неназываемый задумчиво постоял у окна, потом подошел к клавесину, откинул крышку и попытался сыграть несложную мелодию. Инструмент, видно, никто и никогда не настраивал. Неназываемый поднял недопитый бокал на уровень глаз и уставился в толщу янтарной влаги, его наполнявшей.

— Внутреннее согласие, — тихо произнес он. И бокал треснул в его руке.

— Ч-черт! Порезался... — пробормотал обладатель Дара Власти. — Совсем ни к черту стали нервы...

Вино, смешанное с кровью, закапало на пожелтевшие клавиши.

Парре пришлось дать о себе знать тихим покашливанием, настолько он был незаметен в залитой тенью нише чуть поодаль от выхода из лабиринта. Обернувшись к нему, Рус слегка вздрогнул. На такую встречу в пути он не рассчитывал.

— Ей-богу, мне впору было бы обидеться на вас, Васецки, — доверительно произнес знаток здешних «переулков». — Уж не могли дождаться, когда мы обсудим с вами намерения вашего гостя...

Кайл рассматривал неожиданного собеседника, наклонив голову набок, словно решая некую не имеющую пока решения головоломку.

— Но в конце концов за вами вины нет, — продолжил Парре, не смутившись отсутствием видимой реакции Находящего Пути. — Это я сплеховал — не догадался, что по вашему приглашению сюда прибыл ваш, так сказать, коллега по Дару... И все равно — вы могли бы позволить себе хоть какой-то... э-э... жест вежливости. Особенно принимая во внимание, что ваша кандидатура рассматривается в нашем кругу самым серьезным образом. Ведь вы не можете этого не знать.

— Вообще-то, я заявления о вступлении в ваш круг не подавал, господа неназываемые, — сухо оборвал его Кайл. — Хотя ничего против вашей компании не имею. А на жесты вежливости у меня, к сожалению, просто не осталось времени. Вы бы могли догадаться, что назревают события довольно неприятные. Такие, что требуют мер срочных... И хватит о вежливости. Вы ведь не за тем нас тут поджидали, чтобы пожурить за невоспитанность?

— Не за тем... — согласился Парре.

Лицо его стало несколько кислее обычного. Насколько, что Рус мог это различить в сумраке пещеры.

— Я, видите ли, числюсь чем-то вроде вашего куратора, Васецки, — уныло произнес он. — И отвечаю перед нашей Кастой за то, что от вас не будет исходить никакой непредусмотренной угрозы для нее.

Судя по всему, эта обязанность не слишком радовала его.

— А то, что назревает очередная ваша с бывшим нашим человеком свара, — продолжил он, — догадаться не трудно. Так же как и о том, что Пятеро наконец решили забыть друг другу ошибки и обиды прошлой такой свары. Ведь вы торопитесь на встречу с вашими друзьями, если я не ошибаюсь?

— Не ошибаетесь, — вздохнул Кайл. — У вас хорошо поставлена служба информации.

— Сами знаете, — все так же кисло отозвался Парре, — за тропинками между Мирами глаз да глаз нужен... И за теми, кто много о них знает... Но не в этом дело. Мне поручено кое-что передать вам. И кое-что услышать в ответ.

— Валяйте, — пожал плечами Кайл. — Как я понимаю, вы хотите означить позицию вашей Касты в предстоящей, как вы выразились, сваре? Оговорить какие-то условия?

— Именно так, — согласился Парре. — В прошлый раз именно из-за того, что мы слишком плохо понимали друг друга, мы пожали большой урожай неприятностей. Сегодня мы не хотим повторить эту ошибку. В сущности, мы намерены практически безоговорочно принять вашу сторону. И не считите это за пустой жест. Наша помощь может сыграть решающую роль — в определенной ситуации.

— Ну что же...

Кайл осмотрелся и, заметив удобный выступ каменной стены, устроился на нем, чем-то напоминая царствующего монарха. Жестом он пригласил своего «куратора» занять место рядом с собой. Рус, чувствуя, что момент того требует, тоже нашел себе более или менее подходящий валун и присел на него. Рядом — на корточках — пристроился и весь обратился в слух Сонни.

— Излагайте... — угрюмо бросил Кайл. — И ваши условия. И то, какую ситуацию вы имеете в виду...

Парре расположился на предложенном ему месте так, чтобы быть лицом к собеседнику, и наконец согнал с лица унылую досаду.

— Мы сильно ошиблись в одном из нас... — начал он, видно, издалека. — Вы уже привыкли именовать его Неназываемым, но... Но этот термин не подходит для нашего разговора. Звучит даже несколько оскорбительно для Касты... Среди нас мы его зовем Отщепенцем...

— Когда-то вы говорили о нем просто — Крис, — напомнил Кайл.

Напоминание это было неприятно Парре. Он поморщился.

— Ну что же... Будем называть кошку кошкой. Если это вам так нравится. Так вот — мы признаем, что ошиблись в Кристофере Денджерфилде, хотя он долго и не без пользы работал с нами. Был одним из наших лучших агентов в Обитаемых Мирах. Но... Исключившие события показали, что все знания и умения, которые Кристофер получил от Касты, он использовал только для того, чтобы возвыситься самому. Более того, он нанес Касте огромный ущерб, втянув многих из нас в междоусобную свару. Ныне мы отторгаем его.

— Каста порывает свои связи с ним? — уточнил Кайл. — Все и всякие?

Парре снова уныло поморщился.

— Мы отторгли Отщепенца, но вынуждены порой поддерживать с ним контакты. Хотя бы для того, чтобы оставаться в курсе его замыслов.

— Но однако же, — продолжал гнуть свою линию Находящий Пути, — в предстоящей «сваре» вы собираетесь поддержать все-таки Пятерых?

— Да, мы сделали свой выбор.

Парре вскинул ладонь, предупреждая следующую реплику, готовую сорваться с губ Кайла.

— Мы сделали свой выбор. Мы прекрасно понимаем, что вы не начнете очередной раунд борьбы с Отщепенцем, не имея в рукаве козырного туза.

Теперь поморщился Кайл. Он снова открыл было рот, чтобы вставить в разговор свою реплику.

— Можете держать его в секрете, — торопливо остановил его Парре. — Нам не нужны ваши секреты. Важно только то, что вы должны учесть те обстоятельства, которых, нам кажется, вы совсем не берете в расчет.

Он доверительно нагнулся к Находящему Пути.

— Он не сдастся!

Произнес это Парре тихо, но твердо.

— Даже если вы испепелите его огнем небесным, это не будет означать вашей победы, — продолжил он, напирая на каждое слово, словно вколачивая гвоздь за гвоздем в конструкцию некоего доказательства, которое хотел представить своему оппоненту в самом

прочном и крепко сбитом виде. — Он пришел в этот Мир раньше вас. И узнал о нем много больше. Ему знакомы такие тайные пружины здешней механики и такие разрушительные силы, о которых не все догадываются даже среди людей Касты!

— Вы считаете, что я не понимаю этого? — прервал его Кайл.

— Вы этого недооцениваете!

Парре воздел длинный, сухой палец и покачал им в воздухе.

— Вы можете разрушить его планы. Можете отнять у него часть его силы. Но упаси вас боги от того, чтобы припереть его к стенке. И тем более уничтожить! Вам знакомо понятие «закон мертвой руки»?

— Думаете, что в этом случае откроется ящик Пандоры? — с еле заметной иронией осведомился Кайл.

— Не думаю, господин Васецки, — отчеканил Парре. — Знаю!

И, снизив накал своего голоса, продолжил:

— Вы лучше меня знаете, что мы, Проводники, — не благотворительная организация и не пансион благородных девиц. Мы — Каста. И нами управляют традиции древние, мудрые и порой жестокие. Вы воображаете, что мы спокойно снесли бы присутствие в нашем кругу изменника и авантюриста? Да черта с два! У нас хватило бы сил растереть его в порошок! Но...

К Парре снова вернулась его угрюмая, унылая личина.

— Но он слишком хорошо подстраховался. Что поделать — он злоупотребил Даром Власти. В свое время Крису было оказано излишнее доверие, и он сумел проникнуть к секретам, которые мы оберегаем тщательно и даже никогда не упоминаем их всуе... Он смог вмешаться в программный механизм этой чертовой машины, что называется Миром Молний. Слава богу, он не мог внести в ее работу уж слишком больших изменений. Его вовремя остановили. Лишили доступа к «кнопкам». Эта система очень хорошо защищена от глубоких вмешательств. Но, для того чтобы устроить нам всем здесь небольшое светопреставление, многого и не надо.

— Итак, — вздохнул Кайл, — «закон мертвой руки»... Если Кристоферу Денджерфилду будет причинен вред...

— Нет, — покачал головой Парре. — Такое у него не вышло. Условие звучит однозначно: «Если Кристофер Денджерфилд будет уничтожен или лишен Дара...»

— То тогда... — подтолкнул маховик речи Проводника Находящий Пути.

— Тогда активизируется механизм сразу нескольких Испытаний, — сказал Парре. — Они и так здесь происходят сами по себе, в порядке выполнения программ, что правят этой планетой. Но уничтожение Криса запустит сразу десятки их. Драконы выпорхнут из подземных ангаров, люди станут превращаться в чудовищ, железные травы вырастут в полях...

— И големы выйдут из пещер... — припоминая недавние видения, невесело усмехнулся Кайл.

— Может быть, и это тоже, — пожал плечами Проводник. — Но хуже всего то, что изменится система переходов между Мирами. Для Касты это будет тяжелым ударом.

— О да... — с еле заметной иронией согласился Кайл. — Тогда только на Находящих Пути и останется вся надежда...

Парре молча проглотил эту пилюлю. Кайл провел рукой по коротко стриженным волосам.

— Это называется: «Я вам бучу отчебучу!» — сказал он. — И нет возможности исправить эти... Эти изменения в программе?

— В таком случае нашего разговора просто бы не состоялось, — ответил Парре. — То, что натворил Крис, было отчаянным риском. А пытаться исправить то, что он наделал, риск еще больший. Надеюсь, вы не желаете, чтобы, например, океаны вышли из берегов или...

— Все ясно, — оборвал его Кайл. — Подведем черту. Какой выход вы предлагаете? Новое перемирие?

— Оно невозможно, — усмехнулся Парре. — Да оно ничего и не даст. В лучшем случае — оттянет время. Выход совершенно в другом. Вы можете поставить Денджерфилда перед выбором. Если, конечно, я не ошибаюсь относительно того козыря, что вы прячете в рукаве. Либо он продолжит существование в Мире Молний, но всего лишь как носитель своего Дара и отставной Проводник. Само собой, при этом все его претензии на триумфальное возвращение в Обитаемые Миры, как говорится, обнуляются. Либо... Либо он уходит по Тропе Испытаний. Вместо одного из Пятерых. Уход из Мира Молний опознающие системы не зачтут ни за потерю Дара, ни за уничтожение. Каста может это обеспечить.

Молчание воцарилось в пещере. Проводник и Находящий Пути внимательно смотрели друг другу в глаза.

— Назовем вещи своими именами, — произнес наконец Кайл. — Вы предлагаете заменить одного из пришедших сюда Тропой Испытаний на забредшего сюда совсем другими тропами авантюриста. Пожалуй, он согласится на такой размен. И вы, конечно, наметили среди нас кандидатуру для такого размена?

— Вы верно догадались, Васецки. — Парре улыбнулся своей не слишком приятной улыбкой. — Речь идет именно о вас. Вам же недаром предлагают место в Касте. Это же ваше призвание. Стоять на вратах между Мирами и узнавать все новые и новые тайны Предтеч...

Снова тишина повисла в пещере. Потом Парре достал из складок одежды недлинную, замкнутую в кольцо, тусклого металла цепочку. Протянул ее Кайлу.

— Наденьте это на запястье. Можете размышлять сколь угодно долго. Когда наступит время нам играть свою партию — порвите цепь. Она не слишком прочна. Это сигнал. Мы не заставим себя ждать.

Не дожидаясь ответа, он поднялся, коротко кивнул всем троим, остающимся в пещере.

— Передайте Лорри, — неожиданно сам для себя Рус окликнул уже повернувшегося к нему спиной Проводника, — что я не обижаюсь на него. И он пусть уж простит меня.

Парре обернулся и ответил ему улыбкой — тусклой, но понимающей.

— Обязательно передам, — пообещал он и неторопливым шагом удалился в темноту лабиринта.

— Как он вычислил нас? — тихо спросил Рус. — Мы ведь еще час назад не знали, куда отправимся...

Кайл сухо пожал плечами.

— Проводники внимательно приглядывают за каждым из нас. Вы же слышали — Парре назвал себя моим куратором. Есть свои кураторы и у остальных членов Пятерки. И им легко было догадаться, где находится место нашей встречи. И потом... Проводники в большой дружбе с чеани. И те никогда не отказываются отвечать на их вопросы.

Рус задумчиво посмотрел вслед Парре.

— Должно быть, мне никогда не понять здешней дипломатии, — вздохнул он. — Алисе в Стране Чудес было легче...

Кайл задумчиво вертел цепочку в руках. Потом, не сказав ни слова, просунул в нее левое запястье. Поднялся и кивнул на выход из пещеры.

— Пойдемте.

Выход из пещеры открывался на небольшую полянку, расположенную на террасе над котлованом, тонущем в тени, отбрасываемой вознесшимися над ним скалами. Вниз, на дно котлована вела довольно узкая тропа.

— Спускаемся, — бросил Кайл. — Там, внизу — Часовня.

* * *

Часовня Четырех Богов вообще-то была не столько часовней, сколько неким гибридом мини-монастыря и несколько экзотического постоянного двора для избранных. Она была своего рода перевалочным пунктом на перекрестке путей и религий. К ней сходилась сразу несколько троп традиционного паломничества обитателей Сумеречных Земель, которые надумали приобщиться к той святости, что дарует простым смертным посещение мест, отмеченных богами и пророками в пору их пребывания в этом удивительном Мире.

Забредали сюда и странствующие монахи различных вер-религий самого различного толка мирно уживались под огненными Небесами. А бывало, Часовня с ее довольно просторным Залом четырех алтарей и пристройками, удобными для поселения гостей, служила местом проведения встреч, участники которых вовсе не стремились об этих встречах оповестить всех и каждого. Как, например, вот в этот раз.

И сама Часовня, и ландшафт, в который она была вписана, буквально очаровали Руса. Здание, похожее на ламаитскую пагоду, только менее яркое, приютилось на берегу причудливой формы озерца. А само озерцо располагалось на самом дне глубокой скальной воронки на стыке отрогов нескольких горных хребтов, разбегавшихся отсюда во все стороны света. В озерце этом мочили свои — и без того отчаянно мокрые — «бороды» с полдюжины водопадов — больших и маленьких. Но ни речки, ни даже малого ручейка не вытекало из странно спокойного и неподвижного озера. Сток, вбравший в себя весь объем рушащихся с заросших зеленью скал вод, был скрыт от людских глаз.

Все это — и вздымавшиеся в огненные Небеса черно-зеленые скалы, и стремительно-неподвижные потоки падающей воды, и замершее, словно заколдованное озерцо, и отраженная в нем, но странно непохожая на свое собственное отражение Часовня — словно появились из сна. Очень спокойного и отрешенного сна усталого путника, закончившего свой путь.

— Спускаемся, — повторил Кайл. — Народ уже подтягивается. Видите — лошадки. Там, у коновязи. Это Павел. С кем-то еще. Со своим гостем, наверное.

* * *

Его Величество Тан Алексис XXIII был, безусловно, вне себя. Находясь в здравом уме и твердой памяти, он ни при каких обстоятельствах не позволил бы себе возвысить голос на Посланца Неназываемого. Тот, впрочем, полностью игнорировал высочайший гнев и слушал словоизвержение государя, отрешенно разглядывая узор на потолке городского особняка

«графа Черни».

Особняк этот, уютно укрытый в тени старого, больше похожего на выросший посреди города дремучий лесок парка, был жемчужиной архитектурного искусства времен позапрошлого царствования. Того, что проходит он по статье монарших апартаментов, не знали в Гавани разве что только новорожденные младенцы. Старожилы Тершоала, по старой памяти недолголюбивавшие Танов, династию-выскачку, всегда поминали Нечистого, когда им случалось проходить мимо фигурнойковки ворот владений «графа».

— Вы ввергли все дела в государстве в полнейшее расстройство! Вы добились результата, прямо противоположного тому, что требовался! — срывающимся голосом объявил государь, вскочив из-за стола и двинувшись навстречу вошедшему в его кабинет Посланцу.

— Вы так полагаете? — холодно осведомился тот.

— Я намекнул вам... Точнее, я рассчитывал, что через вас намекну ему — Пославшему вас... Намекну на то, что следует припугнуть того же Озрика... В конце концов им действительно можно было и пожертвовать... Но вместо этого Пославший вас устроил в имении Магнуса Равновеликого настоящую бойню... И зачем прикончили его самого?! После такого... После такого злодеяния... После того, как я не только не защитил авторитетнейшего члена Гильдии, но получается даже и соучаствовал в его умерщвлении...

Государь торопливыми шагами обогнул свой необъятных размеров письменный стол, достал из выдвижного ящика лист гербовой бумаги с предложением Верховному Магу Гильдии, Тану Властительному, явиться на экстренное и всеобщее собрание Гильдии и швырнул его на раскрытый бювар перед Посланцем.

— Вы понимаете, что это значит?! — прошипел он, сверля собеседника глазами, которые сейчас казались белыми, словно у сваренной в кипятке рыбы.

Посланец взял лист и пробежал его глазами.

— Мятеж? — усмехнулся он. — Бунт на борту? Ну что ж... Неназываемый хотел, пожалуй, именно этого...

— Да вы в своем уме?! — возрился на него вседержитель Сумеречных Земель. — Вашему... Пославшему вас взбрело в голову сместить меня с поста главы Гильдии? Неужели не понятно, что экстренное и всеобщее собрание созывается именно для того, чтобы выразить мне недоверие и изгнать из Гильдии?! Это... Это беспрецедентно. Но возможно. Весьма возможно, черт возьми!

Посланец небрежно бросил лист на стол.

— Пославшему меня, — процедил он сквозь зубы, — взбрело — как вы изволили выразиться — в голову нечто иное. Ему взбрело в голову, что настала пора дать решительный бой всей этой самоуправной вольнице... Чтобы эта гидра больше никогда не посмела поднять голову...

Государь еще раз обогнул свой стол и тяжело опустился в старинное резное кресло.

— И как прикажете мне его вести — этот бой? — со злой тоской в голосе осведомился он.

— Собственно, — усмехнулся Посланник, — бой вести придется не вам, Ваше Величество. Вы уже убедились, что это у нас неплохо получается. Я думаю, что вы задались не тем вопросом, которым следовало бы задаться...

Их Величество смотрел на собеседника с непониманием.

— Неужели вы и в самом деле думаете, что причиной этого мятежа послужило лишь то,

что вы разрешили Неназываемому разделаться с парой строптивцев из верхушки Гильдии? Точнее, просто не смогли воспротивиться этой расправе? Поверьте мне, храбрецов среди магов — раз-два и обчелся. Да вы и сами это знаете лучше меня, государь. Они проглотили бы ту оплеуху, которую получили за непослушание, и утерлись бы. Если бы не туз в рукаве.

Недоумение монарха лишь возросло.

— Какой туз? Я все меньше понимаю, о чем вы говорите, сударь!

— Видите ли, Ваше Величество... — Посланец хрустнул пальцами. — Опыт предыдущей Смуты уже научил магов тому, что противостоять Неназываемому они не могут. По крайней мере, до тех пор, пока он способен налагать на сильных мира сего Заклятие Власти. И пока никто, кроме него самого, не может лишить это Заклятие его силы...

Недоуменно разверстые очи государя обрели осмысленное выражение, и очи эти начали сужаться, вновь приобретая привычную щучью холодность.

— Вы полагаете... — начал он.

— Не полагаю, — оборвал его Посланец. — Уверен! Я уверен, что маги, да и вся эта шайка, что крутится вокруг Пятерых, вообразили, что теперь Заклятие им по зубам. Что у них есть ключ от него!

— Они... Они действительно получили такой ключ? — с глубокой тревогой в голосе осведомился государь.

— Дей-стви-тель-но, — четко произнес Князь Миров Обреченных, перегнувшись через стол так, что лицо его чуть было не коснулось физиономии Тана Алексиса. — Но Неназываемый просил меня уведомить вас, что это ненадолго. Повторяю: не-на-дол-го!

— Не-на-дол-го... — повторил государь с механической обреченностью.

— А поэтому, — снова оборвал его Посланец, — действуйте смело и решительно, Ваше Величество. Помните, что за вами если не Право, то Сила!

* * *

Сестра Хло еще раз окинула Храм Вод внимательным, цепким взглядом.

В Храме было на что посмотреть. Почти весь он — огромный и величественный — был изваян Древними из единой скалы. Воздвигли Храм в те времена, когда на месте Тершоала еще только ютились у берегов океана и двух впадающих в него рек несколько рыбацких деревенок. На равнинах, сплошь застроенных сейчас домами, домишками и домищами, спокойно паслись в те времена буколические стада вымерших нынче тоненсов и тогда только недавно появившихся в этих краях овец.

Из скалы били холодные ключи и горячие источники — сочетание довольно редкое. Внутренность Храма заполнял белесый туман, в котором, однако, хорошо различались бассейны для ритуальных омовений, многочисленные искусственные водопады, величественные изваяния полузабытых богов и святых и прекрасная резьба каменных стен. Много чего можно было рассмотреть в этом тумане. Одного только Посланца не было решительно нигде.

Нельзя сказать, что для Сестры это было большой неожиданностью. Криво усмехнувшись, она омочила кончики пальцев в ритуальной чаше и торопливо покинула Храм. Чтобы не терять времени, ей пришлось нанять рикшу. Тот довольно живо доставил ее к арке, ведущей во дворы, в ближайшем из которых располагалась лавчонка Клайва

Бродячего. Убедившись, что за ней не наблюдают, Хло проворно спустилась по крутым ступенькам и толкнула незапертую дверь.

На этот раз встречать клиента не вышел никто. Из-за приоткрытой дверцы во внутреннюю конуру Клайвова жилища доносился приглушенный, но настойчиво повторяющийся звук.

Хло громко откашлялась. Один раз, второй... Потом осторожно обогнула прилавок и присмотрелась к полумраку, царившему за внутренней дверцей. Набралась духу и вошла в этот полумрак.

* * *

Золотые и серебряные монеты валялись на столе и под столом. Сам Клайв Бродячий сидел за столом, уронив голову на руки. Он был мертв. Рукоять его собственного — чудесной хоннской работы — стилета неприметно торчала у него из-за уха. Крови почти не было заметно. То небольшое ее количество, что все же выплеснулось из раны, стекло покойнику за воротник.

Подозрительный звук меж тем продолжал раздаваться в сумраке.

Исходил он из огромного темного шкафа в углу. Такого огромного и такого темного, что его вполне можно было и не заметить при здешнем неважном освещении. Просто принять за обшарпанную стену. Хло осторожно приоткрыла его дверцу и рассмотрела в темноте скорчившегося в три погибели Хоша. Тот пялился на Сестру полными ужаса глазами и тихо, но отчетливо икал.

Хло ухватила его за отвороты потрепанной куртки.

— Успокойся! — коротко скомандовала она. — Кто сделал это? Кто?!

Как ни странно, ее отрывистые, словно лающие окрики почти привели мальчишку в чувство.

— М-месс, — ответил он хрипло. — У-учитель называл его Месс...

— Этот... Месс. Ты его знаешь?

Хош отрицательно помотал головой.

— Он приходил сюда раньше?

Хош судорожно кивнул.

— Месс сразу убил Учителя? Или...

— П-пытал... Он его п-пытал... — выдавил из себя мальчишка.

Страх стоял в его глазах. А воспоминание о том, что происходило в этой пыльной, замусоренной комнате какие-то полчаса назад, превращало его из мальчонки в маленького, отчаявшегося старика.

— А тебя Месс не видел?

— Н-нет... К-когда он вошел, У-учитель выглянул в лавку и м-махнул мне — чтоб я прятался...

— Утри сопли и убирайся отсюда поскорее, — коротко бросила Хло.

Она отпустила Хоша, и тот мешком рухнул на днище шкафа.

И только теперь смог разреветься — дать ужасу выйти из своей души с потоком слез. Хло чуть скривила губы. Но и только. Не до сантиментов ей было сейчас. Не до сантиментов! Она проверила пространство за шкафом — там, как она и предполагала,

находилась дверь запасного выхода. Ухватив все еще трясущегося от рыданий Хоша за ухо, она вытолкнула мальчишку на задний двор и жестом приказала ему хранить молчание. Заперла за ним дверцу и поспешила убраться прочь сама — «парадным» выходом. Ей не стоило сейчас попадаться на глаза кому-либо. Особо людям Власти. В потайном кармане своего одеяния она несла завернутый в платок старинный кинжал. Орудие убийства.

Выходя из лавки, Сестра еще раз проверила — никого не было окрест. На улице ей снова пришлось ловить рикшу — времени до часа второй стражи оставалось в обрез.

* * *

Пока уже собравшиеся в Часовне трое из Пятерых обменивались приветствиями и представляли своих «подопечных», Рус, стараясь держаться в стороне, присматривался к остальным двум Пришлым.

Очень они были разными — эти двое. Так же как и те, кто привел их сюда. Но если о Целительнице и Повелевающем Демоном Рус уже был наслышан от Кайла, то оба «гостя» были совершенно ему не знакомы.

Худощавый и выглядевший старше своих лет тип с аристократической фамилией Дю Тампль явно не стремился навязывать кому-либо свое общество. Будучи представлен, он отошел к резной колонне и принялся изучать ее узор. Колонна вообще-то была не колонной, а молельным столбом поклоняющихся Поющему Богу — религии экзотической, но известной и в Обитаемых Мирах. Рус встречал ее храмы где-то на Терранове. Похоже было, что резьба по каменному дереву действительно интересовала Дю Тампля. На его лице сменялись различные оттенки хорошо сдерживаемого восхищения. Само лицо его было довольно ладно, не без изящества скроено природой с большой экономией на мелких черточках, но с хорошо, может даже излишне резко, прочерченными основными деталями. Все это складывалось в портрет не столь привлекательный, сколь своеобразный.

Носитель смешной фамилии Фукс был рыхл, светловолос и добродушен на вид. Осмотру достопримечательностей Часовни он посвятил не более минуты. После чего основной интерес для него представляли уже только люди, в ней собравшиеся. Человек он, видно, был чуткий к настрою собеседника и потому не стал даже пытаться завязать разговор с Дю Тамплем, а сразу подкатился к Русу. Тот, впрочем, не имел ничего против более близкого знакомства.

Никто не спешил занять место за не слишком большим каменным столом, вокруг которого для собравшихся были расставлены каменные же скамеечки. Видимо, серьезных разговоров до того времени, когда кворум наконец станет полным, решено было не начинать, так что завязавшейся беседе никто не мешал.

Минут через двадцать Рус уже знал о собеседнике гораздо больше того, что хотел бы о нем знать. А к тому моменту, когда из-за узких окон-бойниц донесся характерный, трепещущий звук вращающихся лопастей идущего на посадку вертолетика, они уже были на «ты». Уже просто Эйб и Рус — друг для друга.

Вертолетик доставил к Часовне двоих: настороженную и слегка взъерошенную Кончиту Фарга и, как всегда, радушно улыбающегося Тома Роббинса — Менялу Душ.

Конча инстинктивно замерла на пороге, угрюмо приглядываясь к собравшимся, и Тому пришлось, обхватив гостью за угловатые плечи, слегка подтолкнуть ее вглубь Часовни.

— Господи! Кончита! — озадаченно воскликнул отвлекшийся наконец от созерцания резьбы и росписей Форрест. — Откуда ты свалилась! Каким образом, черт возьми?!

— Так я и знала, что все-таки догоню тебя здесь! — сразу чуть охрипнув от волнения, сказала Конча и торопливо кинулась навстречу шагнувшему к ней Форресту. В последний момент она удержалась от того, чтобы броситься старому приятелю в объятия. Просто, глядя ему в глаза, ухватила его за лацканы и с силой потрясла. Видимо, в этом выражался немой укор за то, что приятель втравил ее в такую историю.

— Я потом все объясню, — угрюмо буркнула Конча, отступая в сторону, чтобы не стоять спиной к собравшимся. Том как раз рассказывал им, кого именно ему подкинула в гости запутанная сеть тропинок между Мирами.

Рус осторожно приблизился к странно для здешних краев строго одетому негру.

— Господин Роббинс? — осведомился он.

И получив положительный — и добродушный — ответ, представился сам, а затем, чувствуя себя полнейшим идиотом, произнес пароль: «Полковник Ясиновски просил осведомиться у вас, по-прежнему ли вы любите ежевику на завтрак?» Роббинс сразу поскучнел и стал угрюм. Но ответил правильно: «Кажется, полковник спутал меня с Эдвардом Джонсом».

Рус протянул ему небольшой плоский контейнер из жесткого пластика. С гербом Федерации, вытесненном на замке.

— Меня просили предупредить вас... — начал он.

— Не беспокойтесь, — остановил его Том, пряча контейнер во внутренний карман пиджака. — Я не забыл правил обращения с конфиденциальной корреспонденцией Федерального Управления...

* * *

Последней появилась Видящая След. Разумеется, в сопровождении своего «подопечного». Рус так и не сообразил, каким видом транспорта были доставлены сюда эти двое — изящная ведьмочка с васильковыми глазами в пол-лица и кучерявый и смуглый, как деревенский кузнец, тип. Не иначе как на помеле.

Эйб удивленно охнул и осторожно засеменил по направлению к новоприбывшему. Но тот еще не успел узнать его.

Чернявый тип — точно так же, как до него Конча, — замер на пороге, опасливо набычившись и всматриваясь в царящую в Часовне полутьму.

И полутьму это неожиданно пререзал крик.

— Ник! Ты пришел! Ты пришел за мной, Ник!

Невидимый и неслышимый до этого мгновения, притулившийся на корточках в тени изваяния Проказника, Сонни пулей вылетел навстречу кучерявому бородачу и повис у него на шее, вцепившись в него, словно боялся, что тот растворится в воздухе, как и полагается счастливому сну.

— Николай Чудин, — ни к кому, собственно, не обращаясь, отрекомендовала своего подопечного Видящая и устало облокотилась о постамент безликого Бога Семи Правд. Труд представить гостям ее саму взяла на себя Целительница. Но всеобщее внимание привлекала сейчас не она, а эмоциональная встреча воспитанника Находящего Пути и его старого друга.

— Шега... — растерянно бормотал Николай. — Зараза! Так ты жив-здоров... Вот ты где отсиживался!..

Кайл, стараясь не помешать столь теплой встрече, приблизился к Николаю и тихо заговорил с ним. Тот вертел головой, чему порядком мешал мертвый захват, в который была взята его шея, и одновременно что-то отвечал Васецки.

Сонни-Шега отцепился наконец от своего старшего друга, но тут же ухватил его за рукав и явно не намерен был покидать. На Кайла он посматривал виновато, но без всякой опаски.

Находящий Пути тем временем закончил свой короткий разговор с Николаем и, повернувшись к остальным собравшимся, провозгласил:

— Все мы — в сборе. Не будем терять времени! Присаживайтесь и начнем.

* * *

— Я все-таки представлял себе эсминец ОКФ чем-то более просторным, — уныло вздохнул Штуббе. — На проклятом суденышке невозможно даже найти место для разговора тет-а-тет...

— А вы собираетесь поговорить со мною именно так? — удивился Борода. — С глазу на глаз?

Собеседники действительно впервые оказались только вдвоем в комнате отдыха офицерского состава эсминца разведподразделения Второго Объединенного Космофлота Федерации «Тирсис». Что поделаешь — изобилием уютных уголков космические посудины военного предназначения обычно похвастаться не могут.

Петр Николаевич окинул тесноватый (но зато обшитый красным деревом) бокс задумчивым взглядом и подобрался в кресле. Конфиденциальность предстоящего разговора, которую так ясно обозначил подполковник, его явно тяготила.

— Именно, — подтвердил его догадку Штуббе. — Именно с глазу на глаз. Как-никак в нашей сводной группе контрразведку представляю именно я. И у меня накопились разные — далеко не праздные — вопросы, которые, пожалуй, только вы и можете мне прояснить.

— Как я понимаю, речь пойдет о проблемах, связанных с личностью господина Коули? — неприязненным тоном осведомился Петр Николаевич. — Вы ведь в курсе того, что Спецакадемия — далеко не благотворительное заведение? Временами нам приходится вступать в договорные отношения с весьма и весьма своеобразными личностями.

Штуббе потер переносицу.

— Мы очень много проигрываем, потому, что не бываем откровенны друг с другом, — глухим голосом произнес подполковник. — Боюсь, что ваша и моя «конторы» совсем по-разному смотрят на Странствующих между Мирами. Точнее сказать — на их искренность в отношении нас. Вот мы с вами имеем одну на всех нас головную боль — у нас нет возможности достаточно быстро вмешаться в происходящее на поверхности Блуждающей. А вы уверены, что в самом деле ни у кого из нас нет такой возможности?

Петр Николаевич откинулся на спинку кресла и с выражением мучительного сомнения на лице уставился на Штуббе.

— Вы хотите сказать, что Коули ведет двойную игру? Поверьте, это не в его интересах...

— А хорошо ли вы представляете себе интересы этого человека?

Голос Штуббе стал непривычно резок.

— Можете ли вы сказать мне со всей определенностью, — продолжил он, — Лорх Коули — это человек Спецакадемии, внедренный в Касту Бродящих между Мирами, или, наоборот, Лорх Коули — человек Касты, внедренный в Спецакадемию? Мы с помощью Касты добиваемся своих целей в Мирах Магии или хозяева Миров Магии заставляют нас добиваться для них того, чего хотят они?

Петр Николаевич почувствовал себе в кресле неудобно.

— Мы, Рихард, — произнес он, — неоднократно обсуждали с вами разные деликатные моменты, связанные с нашим взаимодействием с различными сектами и кастами. И вы тогда вполне резонно соглашались, что без уступок и компромиссов с нашей стороны мы не добьемся ровным счетом ничего. Теперь же вы вдруг считаете нужным обострить этот вопрос. Ни с того ни с сего. Просто потому, что вам на нервы действует наше вынужденное бездействие...

— С того! — оборвал его Штуббе. — С того и с сего! У меня есть основания подозревать, что Коули держит нас в неведении относительно своих возможностей устанавливать контакт с приятелями на Блуждающей. Вы только посмотрите, как он спокоен. Как он убийственно спокоен!

— Чушь!

От возмущения Борода всплеснул руками.

— Полнейшая чушь! Вы не хуже меня подкованы в вопросах теории подпространственных перемещений и должны прекрасно понимать, что просто невозможно без специального оборудования и без огромных затрат энергии такое перемещение осуществить из произвольной точки пространства в другую произвольную точку! Что до спокойствия Лорха, то...

— Я опираюсь не только на психологию! — снова оборвал его подполковник. — Я опираюсь на факты. А факты таковы: этой ночью Лорх Коули отсутствовал на борту эсминца «Тирсис». Он должен был находиться в своей каюте. Отсыпаться перед дежурством в центре управления «Стража». На которое недавно заступил, предоставив нам возможность поговорить наедине. Но его не было в его каюте. И ни в одном из других помещений корабля. У меня была возможность проверить это.

Глава 12

СЛОВО ИЗБАВЛЕНИЯ

Каждому из «новоприбывших» уже неоднократно пришлось излагать свою историю еще до общей встречи в Часовне Четырех Богов. Благодаря этому взаимный обмен информацией закончился довольно быстро. Находящий Пути провел эту часть встречи энергично, не давая никому из говоривших растекаться мыслью по древу и отсекая ненужные, на его взгляд, вопросы. Покончив с уяснением того, кто есть кто, он окончательно взял инициативу в свои руки.

— Поверьте, — произнес он, обводя собеседников взглядом, — если бы у нас оставалось хоть немного времени, я и сам был бы не прочь поговорить с каждым из наших гостей. Но, видимо, это придется отложить на потом. Если у нас будет это «потом».

Рус посмотрел на собравшихся. Похоже, ни для кого ситуация, о которой оповестил их Кайл, не была такой уж новостью. Принявшие «гостей» члены Пятерки рассказали им о положении дел.

Кайл коротко и по-деловому подвел черту под историей Неназываемого. Помолчал пару секунд. И перешел к главному:

— Основное столкновение состоится не через месяц и не через неделю. В День Небес, в час смены стражи. На это время в Высоком Храме назначено экстренное и всеобщее собрание Гильдии. На собрание приглашен Император. Но уже не в качестве председательствующего. Гильдия Магов приняла беспрецедентное решение — лишить Его Величество Тана Алексиса титула Верховного Мага и изгнать его из своих рядов. Не удивляйтесь. Для этого есть самые серьезные основания.

Кайл взял со стола конверт с гербом Гильдии и извлек из него лист плотной бумаги.

— Собственно, война уже началась. Погибли двое из руководства Гильдии. Наставник и воспитатель наследника престола Озрик Мегал и покровитель Речного Люда Робин-Книжник. Последний погиб не один. Смерти предано поселение верных ему речных стражей. К сожалению, все указывает на то, что очередной раз выполнила приказ Неназываемого леди Дарящая Смерть...

Лицо Форреста болезненно дернулось.

— Может быть, вам интересно будет узнать, — продолжил Кайл, — что поводом для этих смертей послужило то, что оба мага отказали Его Величеству в его настоятельной просьбе вмешаться в намечающийся конфликт между нами — Старой Пятеркой и теми, кто пришел нам на смену. Это про вас, господа.

Тут Эйб Фукс неожиданно всполошился и взметнулся со своей каменной табуреточки.

— Да упаси Господи! — всплеснул руками он. — О каком конфликте идет речь?! Я лично, господа, только о том и мечтаю, чтобы поскорее смыться из этих краев.

Кайл бросил на него взгляд, в котором отчетливо читалось сочувствие.

— Поверьте мне, когда нам в руки попал Джейтест — эта «посылочка из ада», у нас тоже не было других желаний, кроме желания выпутаться из беды, в которую попали... Если бы маги не отказали Его величеству в его просьбе, нам не удалось бы сейчас сидеть за одним столом и мирно обсуждать наши проблемы.

Он снова поднял над столом лист, вынутый из конверта.

— Этой ночью мне доставили письмо от одного из самых авторитетных членов высшего

круга Гильдии. Теперь, после гибели двух других — пожалуй, самого авторитетного. Донагон Молчаливый призывает нас на помощь. Об этом существовала предварительная договоренность между Пятерыми и несколькими посвященными в дело магами.

«Господи, — подумал Рус. — Письмо, писанное на бумаге и отправленное в конверте, с оказией... Словно я попал на съемки фильма о Робин Гуде...»

— Чудовищная может получиться свалка, — продолжал Находящий Пути. — Его Величество поднял знамя войны. Безусловно, на его стороне будет в первую очередь Неназываемый. Его Величество не забудет прихватить с собой на заседание Гильдии Магов ораву вооруженных головорезов, которую именует своей личной гвардией. Но основного удара следует ждать от Неназываемого. Сам он слишком уж грозной силы не представляет. Обычный человек, владеющий обычным оружием, и только. Но под его властью находятся несколько обладателей Дара из так и не состоявшихся Пятерок. Сюда иногда заносит таких... Их принято называть Одиночками. От них можно ожидать всего. Что до наших сил...

Кайл сделал паузу, как будто уже пересчитывал свое войско.

— Здесь нас пятеро — наделенных Дарами, о которых наш противник хорошо осведомлен. И пятеро новых носителей Дара. Каждый — какого-то своего. О природе которого можно только догадываться. И есть еще один... Некто шестой.

Он кивнул Сонни. Мальчик вместо того, чтобы, как положено прилежному ученику, подняться на ноги и почтить уставившихся на него взрослых поклоном, только еще сильнее подобрался, словно хотел вжаться в постамент статуи Бога Проказ и Непослушания. Только глаза его блеснули в ответ на слова Учителя. Но блеснули не страхом, а уверенным вызовом. Он чуть вымученно улыбнулся Кайлу. Тот тоже улыбнулся мальчику — уверенно и ободряюще. Похоже, они понимали друг друга с полувзгляда, эти двое — мальчишка-подросток и начинающий стареть искатель мудрости.

Кайл повернулся к Чудину.

— Вам, Николай, уже известна история того, как Шега попал в эти края... Но не все еще в курсе.

Он окинул взглядом остальных «гостей».

— Нам с большим трудом общими усилиями — нас, Пятерых, нескольких Магов и людей Касты — удалось найти в Обитаемых Мирах человека, несущего в себе скрытый до поры до времени Дар, столь нужный нам. Дар снимать Заклятия. В том числе и Заклятия Власти. Эти поиски начал не я. Это начал предшественник Цинь — Гуго Глосс. Уже тогда он понимал опасность, исходящую от Неназываемого. Этот человек проделал колоссальную работу — перелопатил записи нескольких поколений Союза Пятерых. И не только записи. Вообще поднял все, что мог о них узнать достоверного. И докопался до описания Дара Избавления и его основных признаков. Расшифровал способ его пробуждения. Но не дождался появления в этом Мире ни одного его носителя. Мне стоило больших трудов восстановить его результаты.

Находящий Пути медленно подошел к своему Ученику и положил ему руку на плечо.

— Мне пришлось быть чрезвычайно осторожным, — продолжил он. — Неназываемый слишком много знал и слишком о многом догадывался. В ту пору он еще не утратил своего влияния среди Касты Проводников. Да и сейчас среди них есть такие, кто втайне пребывает под действием Заклятия Власти. К счастью, нам удалось скрыть нашу находку. Правда, пришлось идти на большой риск. Тот, кто искал для Глосса носителя Дара Избавления в

Обитаемых Мирах, не стал сопровождать Шегу в Мир Молний. Он остался на Шараде и отводил глаза соглядатаям Неназываемого, продолжая свои якобы безрезультатные поиски. Ну а мне удалось незаметно встретить Шегу и заменить им моего предыдущего Ученика. Того действительно звали Сонни...

— Он, этот Сонни... — встревоженно спросила Конча. — Я имею в виду настоящий Сонни...

— Жив и здоров, — усмехнулся Кайл. — Я уступил его Павлу.

Повелевающий Демоном кивнул в ответ со своего места в уголке.

— Ему как раз пора было брать себе ученика из местных, — пояснил Кайл. — А Сонни только того и надо было. С Повелевающим Демоном ему проще живется. Не нужно вникать в те премудрости, которыми забиваю голову людям я в своем логове. Пришлось только сменить имя — всего-то ничего. И за Пришлого он никак не сойдет — типичный местный парнишка. Так что любая проверка, если бы людям Неназываемого пришлось в голову такую устроить, не даст им ровным счетом ничего. За то время, что Шега провел со мною, мне удалось научить его пользоваться Даром в полную силу. Научить его размыкать не только замки, но и заклятия.

Под взглядом двух десятков глаз мальчишка было сжался еще сильнее, но преодолел пробивший его озноб и выпрямился. Стал смотреть в сторону.

— И как же вы собираетесь свести Шегу с Неназываемым? — тяжелым, наполненным тревогой голосом спросил Чудин. — И как, по-вашему, мальчонка справится с этим чудищем?

Кайл смотрел на Николая понимающе. Но этот его понимающий взгляд был взглядом очень жестким.

— Нам вовсе незачем сводить ребенка с Неназываемым, — объяснил он. — Ведь с него-то никакого Заклятия снимать не нужно. Мы должны освободить от власти этого человека тех, кто исполняет его волю. Потому что без них он — ничто. И в первую очередь тех двоих, что составляют его «ударную силу», — вашу бывшую партнершу, Форрест, Мэри-Энн. Дарящую Смерть... И Посланца Неназываемого. Князя Миров Обреченных. Вашего брата Эла, Рус.

* * *

Странно, но большого потрясения Руслан не испытал.

Чего-то в этом духе он и ждал.

«Так вот кто поджидал Эла тогда. Там, в том голом, продуваемом ветром с холодного моря леске на дюнах, — сказал он себе самому. — И вот куда уводили тропинки того леса...»

— Почему вы до сих пор не говорили мне этого? — спросил он, глядя на Кайла с грустным недоумением.

Тот слегка потер виски, как бы собираясь с мыслями. Или борясь с легким приступом мигрени.

— Знаете, я просто боялся, — неожиданно легко ответил он. — Сначала осторожничал. Так же, как и пославшие вас люди Обитаемых Миров. Ни им, ни мне не было ясно, какой будет ваша, Руслан, реакция на сообщение, что ваш брат... Человек, отыскать и спасти

которого вы подсознательно стремились всю вашу жизнь, оказался в стане наших врагов. И отнюдь не на десятых ролях.

Рус, склонив голову набок, с каким-то отрешенным интересом смотрел в глаза Находящего Пути.

— Потом, — продолжал тот, — когда я чуть лучше узнал вас, я пришел к выводу, что вы, Руслан, правильно оцените ситуацию. Поймете, что ваш брат — жертва нашего врага. Что выбор свой он сделал под влиянием обмана и заблуждений. И лучшее, что вы можете для него сделать, это освободить его от того плена, в который он попал. Любой ценой!

«Даже ценой его жизни?» — подумал Рус. Но не сказал ничего.

Потому что ответил себе сам: «Пожалуй, что да». И встретился глазами с Кайлом.

— Но все равно... — вздохнул Васецки. — Я как-то боялся вас травмировать, Рус. Хотя времени на ожидание у меня не было, я все-таки ждал. Ждал, пока вы сами придете к этой мысли.

— Вы дождались этого, — глухо бросил Рус.

— Я думаю, что и вам, Форрест, нелегко было узнать о том, какую страшную роль играет в жизни этого Мира ваша... м-м... ваша бывшая партнерша по бизнесу.

Дю Тампль только пожал плечами. И, как показалось Русу, самую чуточку сгорбился.

Кайл чуть скривил уголки рта — понимающе и грустно. Но не стал углубляться в анализ эмоций.

— Вы оба, я полагаю, не откажетесь от встречи с теми, за кем явились сюда. У меня... Я знаю, как такую встречу организовать в самое ближайшее время. Вам лучше знать, о чем говорить с близкими вам людьми. Но главное, чего все мы ждем от ваших встреч, что вы убедите их обоих... Ну хотя бы одного из них — согласиться снять с себя оковы Заклятия Власти.

— Бог ты мой! — всплеснул руками Чудин. — Так их еще надо у-го-во-рить?! Хотя...

Он почесал в затылке.

— Хотя чего тут и уговаривать-то? Они если уж попали под чужую волю, так, верно, за счастье почтут свободу себе вернуть...

— Все сложнее, чем вам кажется, — остановил его Кайл, — Дело в том, что оба они — и ваш брат, Руслан, и ваша подруга, Форрест, — пошли в услужение к Неназываемому вполне добровольно. Эла он обратил в своего адепта постепенно. Вычислил его через людей Касты. Стал ему являться там, в лесочке на дюнах. Неудачное место Спецакадемия выбрала для своего «пансионата магов». Прямо у одного из «заколдованных» мест, куда выходят тропинки, по которым бродят люди Касты. Сам Денджерфидц находить такие тропинки не способен. Но Проводники показали ему несколько таких проходов. Думаю, что они теперь жалеют об этом.

— Я понимаю, чем ему удалось прельстить Эла... — тихо — больше самому себе, чем кому-то из собравшихся, — бросил Рус. — Брата всегда тянуло к чудесам. К Магии. К власти над тем, что не подвластно никому другому...

— Ну а Мэри-Энн просто не к кому было идти в этом Мире, — вступил в разговор Форрест. — Я, собственно, шел по ее следам. И если бы не попал в ловушку Шепчущих, то...

— Здесь не было ничего случайного, — остановила его Марика. — Единственные двое, кто знал, каким путем ты будешь добираться до своего бывшего друга, были Мэри-Энн — она, собственно, и составила для вас путеводитель по Сумеречным Землям — и сам Неназываемый. Шепчущих на вашем пути поставил он. Больше никому.

— Но... Но почему?

В голосе Форреста прозвучала обида.

— Да потому, что вы ему были просто не нужны. Вы не из тех, кто дал бы добровольно нацепить на себя ярмо Заклятия Власти. А свободный, наделенный Даром и слишком много знающий о прошлом Кристофера Денджерфилда партнер Неназываемому просто не нужен. Он ему еще и опасен!

— Все равно не понимаю! — пожал плечами Форрест. — Ведь тогда... Перед тем, как уйти сюда... Он ведь звал меня с собой...

Марика нервно дернула плечом.

— Вы не оправдали его ожиданий, господин Дю Тамплъ...

— Да, — кивнул Кайл. — Насколько я понял ситуацию, Денджерфилд разочаровался в вас. Как в послушном исполнителе. И пожалел о сделанном вам предложении. Направил указания своим людям в вашем Мире — лишить вас доступа к его сокровищу. К Сундуку принцессы Фесты. Что и стоило вам нескольких лет тюрьмы. Но, судя по всему, его люди действовали недостаточно тонко. Вспугнули и спецслужбы, и Спецакадемию... И вообще всех охотников за наследием Предтеч. Кажется, этот Портал можно считать потерянным. Так, по крайней мере, меня информировали люди Касты.

Форрест поморщился, словно проглотил что-то горькое.

— Мне очень хотелось бы объясниться с Крисом... — сказал он. — Всегда надо выслушать обе стороны...

— Может быть, такая возможность вам и предоставится, — с сомнением в голосе согласился с ним Васецки. — Но прежде всего вы должны поработать с Мэри-Энн. А вы, — он обернулся к Русу, — с вашим братом. Я думаю, что шансы у вас есть. Оба раба уже тяготятся своими ошейниками. Надо только использовать возможность, которую дает нам судьба. Нам — и им.

Тут в разговор неожиданно вмешался Эйб. Шмыгнув носом, он растерянно осведомился:

— Так что тогда получается? Весь расчет только на то, что эти двое перекинутся на нашу сторону? Это после того, что они тут натворили? Мне еще в лагере том, Лоскутном, такого про них понарасказали...

— Согласен, — подал голос Сухов, поднимаясь из-за стола. — По крайней мере, для мисс Габор выбор будет тяжелым. Но вы не единственная наша ставка. Мы далеко не безоружны. И маги в этот раз припасли за пазухой пару-другую камешков покрупнее. Но тогда нам не удастся обойтись без жертв...

Отойдя к узкому окну, он остался стоять там, чуть поодаль от всех. Он то ли присматривался, то ли прислушивался к чему-то, что происходило далеко отсюда, в горах. Том — Меняла Душ, тоже встревоженно поднялся и присоединился к нему.

— Я так понял, — озабоченно произнес Николай, — что малец где-то поблизости должен будет поджидать, покуда вы разговоры разговаривать будете с вашими... клиентами... Так я думаю, что будет лучше, если я присмотрю за парнишкой. Потому что мы с ним вроде как...

Он обменялся с Шегой понимающими взглядами.

— Я так вообще думаю, что не будем же мы сидеть и ждать, пока эта ваша эпопея чем-нибудь закончится... — вступила в разговор Конча. — Так что, если у вас есть какие-то планы на наш счет...

— Есть, есть такие планы, — заверил ее Павел. — Сейчас доктор Васеcki доведет их до вашего сведения.

* * *

— Вы верно догадались, мисс, — кивнул Кайл в сторону Кончиты, — относительно того, что на вашу помощь мы сильно рассчитываем. — Только в том качестве, в котором вы пребываете сейчас — в качестве новичков, еще ничего фактически не знающих об этом Мире, — вы будете скорее помехой в том... э-э... мероприятии, что мы тут затеваем. Так что качество это мы предлагаем вам сменить.

— На какое же другое? — поинтересовался Николай. По его голосу чувствовалось, что он догадывается на какое.

— Вы будете куда как более защищены и куда как более полезны, когда станете полноценными носителями своих Даров, — подтвердил эту невысказанную догадку Кайл. — Только в отношении двоих из вас мы уже знаем, какими необычными способностями наделило их наследие Предтеч. Руслан прибыл сюда на смену мне — он теперь второй Находящий Пути. Точнее, станет им после того, как его Изменение закончится. А вы, Форрест, дублер вашей спасительницы. Вам предстоит стать Целителем. Про остальных троих еще рано говорить что-то определенное.

Он окинул взглядом пять пар озадаченных глаз, устремленных на него, и кивнул Целительнице.

— Госпожа Цинь более подробно ознакомит вас с тем, мы предлагаем...

Целительница поднялась и встала рядом с Находящим Пути. Собственно, все Пятеро теперь стояли — Видящая След присоединилась к двоим, что-то высматривающим вдалеке за окном.

— Все мы — Пятеро, — слегка хрипловатым голосом начала Целительница, — люди не чуждые науки. Еще до того как попасть в эти края каждый из нас кое-что смыслил в артефактах Предтеч. И здесь не все наши силы ушли на распри и склоки. Как могли, мы пытались исследовать природу этого странного явления, которое привыкли называть обладанием Дара. Впрочем, гораздо большую работу проделали некоторые наши предшественники. Так что мы пришли сюда не на пустое место и не с пустыми руками. И старались не терять даром времени.

— С другой стороны, — вставил свое слово Кайл, — мы здесь находимся почти в полном отрыве от науки Обитаемых Миров... Ни толкового оборудования, ни...

Он только махнул рукой.

— Не буду тебя перебивать, Цинь...

— Мы не теряли времени зря, — сказала Целительница. — Его, правда, не досталось нам много — этого самого времени. Но то, что было у нас, мы использовали для того, чтобы понять природу того феномена, что принято называть Даром. И того, что в этом феномене связано с существованием Троп между Мирами. И кое-что узнали об этом. Ужасно мало, но гораздо больше того, что знают исследователи, работающие там, за Небесами. В Обитаемых Мирах.

Она подняла с пола и водрузила на стол свою сумку — тяжелую, со множеством карманов и клапанов. Молча принялась вынимать из них некие, явно медицинского вида,

принадлежности.

— Дар, — продолжила она, не прерывая этого занятия, — результат симбиоза между нашей нервной системой и тем сонмом нанороботов, которые в Обитаемые Миры попали из наследства Предтеч. Их давно уже обнаружили и исследуют на Джее и Шараде. Хватает их и на Квесте. А Мир Блуждающей буквально пропитан ими. Так вот, симбиоз этот, господа, проходит несколько стадий развития — от незаметного, латентного, скрытого Дара до умения сознательно свой Дар использовать в полной мере. И скорость, с которой это развитие происходит, зависит от многих условий.

— А остановить эту штуку никак нельзя? — осторожно осведомился Чудин. — Видите ли, мисс, хотя госпожа Карой мне и внушала всю дорогу, что, мол, у меня обнаруживаются признаки Дара, только вот какого — не ясно. Так вот, мне, госпожа Целительница, ничего такого сроду не нужно. Мне единственно, что надо, это мальчонку из всей этой вашей затеи живым-невредимым вытащить. И самому от ваших здешних дел подальше убраться.

Цинь с минуту смотрела на Николая, задумчиво поворачивая в руках заваренный в пластик разовый пневматический шприц. Потом сокрушенно покачала головой.

— Это неизлечимо. Если так можно выразиться. Если бы вы оставались там, откуда явились сюда... А еще лучше — если бы вы перебрались на жительство в Метрополию, где нанороботы Предтеч в среде отсутствуют начисто. Тогда вы двое... — Она кивнула в сторону Эйба, присоединяя его таким образом к обществу Чудина. — Вы, пожалуй, еще смогли бы прожить до конца дней своих, ничем не обнаружив ваших особых способностей. Даже не догадываясь о них. Но теперь уже поздно. После того как вы очутились здесь, в питомнике Носителей Дара, ваши скрытые способности активировались. Пошли в рост. Если все пойдет своим чередом, то они проявят себя уже через несколько недель. Самое позднее — через пару месяцев. И пока что не известен способ, с помощью которого можно бы было избавиться от них. Разве что с жизнью вместе. Но даже не это главное.

«О боже!..» — тихо прошептал про себя Эйб и окончательно сник на своей скамеечке.

— Главное, — решила добить своих слушателей Цинь, — что выйти из того положения, в котором мы оказались, каждый из нас сможет, пожалуй, только если использует свой Дар настолько полно, насколько это будет возможно. Атакованы мы будем все. И поэтому каждый должен сделать все, на что он способен, чтобы просто-напросто хотя бы выжить самому. Без этого нам ни выиграть предстоящей схватки, ни выполнить того, за чем каждый из вас пришел сюда. Вам, Форрест, без этого не вернуть в мир людей Мэри-Энн Габор, вам, Николай, не спасти Шегу, вам, Руслан, не вернуть брата. А вам, Кончита и Эйб, не вернуться в ваши Миры...

— А кто вам сказал, что я лично так хочу вернуться? — мрачно осведомилась Конча.

— Я что-то не очень понимаю вашу диспозицию, господа, — перебил ее Николай. — То вы нам сообщаете, что сроку нам на подготовку дадено до завтрашней ночи... То, оказывается, пару-другую недель подождать надо, покуда Дар у нас до кондиции дойдет... Как же быть все-таки вы нам предложите? Какому богу молиться?

Цинь остановила его — коротким, решительным жестом.

— Именно об этом я и веду речь. Я уже сказала, что ни наши предшественники, ни мы не разгадали и десятой доли тайн возникновения и развития Дара. Но воздействовать на этот процесс научились. В основном просто методом «черного ящика». Зная из множества опытов, что мы получим на выходе, если что-то подадим на вход. Главное, чего удалось достичь, это резкого ускорения созревания Даров. Вплоть до практически мгновенного — за

несколько часов протекающего. Вот этой процедуре я предлагаю вам подвергнуться. Заранее предупреждаю — она сопряжена с риском.

Воцарилось молчание. Конча и Николай застыли, приглядываясь к лицу Целительницы, Рус и Форрест, уже сведущие немного в вопросе, затронутом Цинь, искоса поглядывали на остальных «гостей», Эйб пребывал в состоянии, близком к обморочному.

— И каков же этот риск? — прервал паузу Рус. — Пятьдесят на пятьдесят? И чем мы, собственно, рискуем?

Эйб при этих словах оживился и активно закопошился на каменном сиденье, всем своим видом говоря окружающим: «Вот именно! Вот именно!»

— Для вас, господин Рядов, риск минимален. Ваш Дар уже хорошо проявляет себя. Господин Дю Тампль и госпожа Фарга... У них процесс созревания Дара только начался. Господин Фукс... У вас выражены только побочные признаки Дара. Он у вас находится еще в скрытом состоянии...

— То есть, — уныло определил Эйб, — мой расклад — самый, извините, фиговый получается?

— Немножко наоборот... — вздохнула Цинь. — Для латентной формы и для завершающих стадий формирования Дара вероятность нарушения этого процесса меньше всего. Наибольший риск приходится как раз на промежуточные стадии Изменения. Что до его степени... У нас не было возможности, наработать достаточно объемную статистику по этой проблеме. Но теоретически опасные отклонения могут возникнуть лишь в пятнадцати-двадцати процентах случаев...

Эйб покрутил головой, словно воротник стал ему тесен, но не сказал ничего. Остальные «гости» просто неподвижно замерли, не сводя глаз с Целительницы.

— Теперь о том, чем рискуют те, кто пройдет ускоренное Изменение, — произнесла Цинь после короткой паузы. — Собственно для жизни опасность минимальна. Пострадать может психика Измененных...

— То есть дурачком можно сделаться? — уточнил Чудин. — Здорово...

Целительница покачала головой.

— Это не самое страшное. И не самое вероятное. Могут произойти сбои в... Как бы это проще сказать... В «настройках» личности Измененного. В какой-то мере он рискует перестать быть собой. И это необратимо.

— Я, если честно, ни черта не понял, — уныло сообщил Цинь Эйб. — Это как — и живым остаться, и собой, однако, не быть... Вроде — лучше, чем в гроб насовсем, а с другой стороны...

Цинь как-то погрустнела. И во взгляде, которым она удостоила Фукса, проскользнуло сочувствие.

— На этот вопрос вам никто не ответит, — тихо произнесла она. — Даже те, кому это выпало испытать на себе... А сама процедура ускоренного Изменения не слишком страшна, — более бодро произнесла она. — Вам... Тем из вас, кто согласится пройти через это, просто будет сделано не более шести инъекций в течение десяти часов. К вам будет прикреплено несколько датчиков — для контроля за процессом. И еще электроды для электрофореза. Все это не слишком приятно. Но вполне в пределах того, что может вынести обычный человек. Хотя массы приятных ощущений не обещаю. На определенной стадии процесса вы лишитесь сознания. Потом последует пробуждение и — некоторое подобие постнаркотической ломки. Но это ненадолго. Ну и потом у нас останется еще несколько

часов на инструктаж и координацию действий. И на то, чтобы незаметно добраться до Высокого Храма. Основное действие развернется там...

Снова в маленьком, высоком зале Часовни повисла напряженная тишина. Нарушил ее Кайл.

— Мы все понимаем, что выбор, который вам предложен так неожиданно, — нелегко. И то, что выбирать приходится между плохим и вовсе ужасным, — понятно тоже. Но отступать нам некуда. Итак...

— Меня вы могли бы и не спрашивать, — отозвался первым Рус, поднимаясь с места... — Я знал, на что иду. Можете начинать с меня, — кивнул он Цинь.

— Что до меня, — начал было Форрест, но Конча, словно очнувшись от неожиданно охватившего ее оцепенения, резко выпрямилась, поднялась на ноги и шагнула вперед.

— Раз уж я решила оставаться здесь, в этом балагане, — слегка охрипшим от волнения голосом произнесла она, — то мне сам бог велел этот ваш Дар принять. Не ваш, точнее, а... Одним словом, чего тут долго объясняться. Я готова.

Форрест поднялся и сделал шаг к Целительнице.

— Мне грешно было бы оказаться пугливее девочки, — усмехнулся он. — Пусть даже очень решительной девочки... Записываюсь к вам на прием, госпожа Целительница.

— Тут вот господин Рядов сказал... — подал голос со своего места Чудин. — В том смысле выразился, что знал, на что идет. Ну, я и про себя то же скажу. Снявши голову, по волосам, знаете, плакать незачем...

Он тяжело поднялся на ноги и стал в неровную шеренгу, которую образовали Рус, Конча и Форрест.

Но и Пятеро — Старые Пятеро — теперь тоже стояли. Словно выстроившись — ряд против ряда.

Один только Эйб Фукс оставался на своей скамеечке недвижим. Недвижим и прошиблен холодным потом. Мелкие бисеринки жемчугом покрывали лоб и щеки записного взломщика. Он настолько слился в одно целое со своей каменной скамеечкой, что даже устремленные на него (теперь — на него одного!) взгляды собравшихся в Часовне Четырех Богов не могли, казалось, вернуть его к жизни. То, что слово предоставлено теперь ему одному, он уже понял.

Эйб обежал всех ждущих ищущим, испуганным взглядом, облизал пересохшие губы. Попытался что-то произнести, но словно лишился голоса. Он сглотнул слюну, судорожным вздохом набрал в легкие воздух. И вдруг выдал нечто неожиданное:

— А может... — как-то растерянно прошептал он. — А может, я этого и хотел? Всю жизнь хотел... Кем-то другим стать...

Похоже, что Эйб вовсе не собирался обращаться к кому-либо из окружавших его. Он снова замкнулся, сжал взятые в «замок» пальцы. Потом заговорил — быстро и путано:

— Я вот... Я подумал... Я все это время думал — зачем мне туда возвращаться? В Миры наши?.. Угу, здесь меня с самого начала на цепь и на продажу... А там? А там тоже цепь. То ли копы накроют, то ли свои тем же копам сольют. А то и «на перышко поставят»... А здесь хоть Дар какой-то...

Он поднял свои водянистые, лишённые обычно осмысленного выражения глаза почему-то на Кончиту. Сейчас в глазах этих читалась мольба о совете. Конча невесело улыбнулась ему в ответ. Потом быстрым движением вынула из кармана монету — Счастливый Серебряный Доллар. Подкинула его в воздух, поймала и окликнула Эйба, замороженно

уоставившегося на монетку.

— Держите денежку. Сейчас она вам нужнее. Возвращаю. Заодно и кинем жребий — куда вам податься. Загадывайте, Фукс!

Она перекинула Счастливый Доллар через стол.

Эйб поймал его на лету, небрежно заглянул в приоткрытый кулак, опустил доллар в карман и молча поднялся. Поймал обращенные к нему взгляды и угрюмо кивнул.

— Все в порядке, ребята... Старина Эйб с вами...

Он так и не уточнил, что он ставил на орла, а что на решку. Похоже, что ему и не к чему было даже бросать взгляд на монету.

Цинь молча закончила раскладывать инструменты на каменной поверхности стола.

— Ну что ж... — произнесла она как-то рассеянно, словно думая уже о чем-то другом.

Точнее, прислушиваясь к чему-то.

Руслан тоже прислушался. Сперва невольно. Потом встревоженно. Издалека, откуда-то из обступивших долину Часовни отрогов гор, доносился еле слышный пока, но все более и более явственный скрежет. Стон каменных громад...

— Не будем терять времени, — снова деловито и буднично сказала Цинь. — Нам могут помешать...

* * *

Долина Мглы была местом безлюдным.

Не то чтобы народ боялся селиться здесь. Вроде бы бояться тут было нечего. Мрачноватая низина, заросшая непривычными, нигде больше в Сумеречных Землях не встречающимися деревьями, травами и кустами. В зарослях этих водилось и зверье, тоже непривычное и странное. Но не сказать чтобы очень уж опасное или жуткое на вид.

Просто каждому, кого заносило в эти места, очень скоро становилось ясно, что все вокруг чужое. И не место тут для жилья или даже для краткого поста. Похоже, что звери, птицы и всяческая прочая живность тоже чувствовали нечто подобное. И не только они — деревья и травы тоже.

Мгла только своих принимала здесь. Да и то ненадолго.

Впрочем, случайным путникам, забредавшим в эти места, Мгла вреда обычно не причиняла. Даже показывалась она немногим. Но этой ночью посторонних здесь не было.

Трое спускались в Долину молча. Лишь изредка они перебрасывались парой-другой слов. А навстречу им начинала подниматься Мгла.

Она сначала туманом расплзлась в высокой траве — только не утренним, ленивым, молочно-белым разливом, а сумеречным, угрюмо мерцающим дымным маревом. Маревое это, не считаясь с почти полным отсутствием ветра, торопливо залило каждую щель, каждую ложбинку почвы. А потом оно — это маревое — вдруг, словно вспугнутое неслышимым человеческому уху громовым аккордом, взметнулось вверх на высоту человеческого роста — множеством истончающихся, истаивающих нитей.

Только не истончились и не растаяли эти потянувшиеся к небесам щупальца, а стали набираться сил, расплываться, переплетаться друг с другом, и уже через минуту-другую вся долина превратилась в беззвучно кипящее, онемевшее море тускло мерцающей мглы. Мглы, идущей волнами, стремящейся куда-то потоками. Мглы, закручивающейся водоворотами и

пульсирующей скоротечными приливами и отливами.

Троих Мгла захлестнула сначала по колени, потом по пояс. Потом стала подбираться к их лицам.

И тут все три лица этих изменились — каждое по-своему. Торн, нахмурясь, вперил взгляд в нечто находившееся почти прямо перед ним. Травница тоже вперилась в то же самое нечто. Только ее лицо говорило: «Ничего другого я и не ожидала от тебя, Сестра!»

А само «нечто», которое являлось не чем иным, как Сестрой Хло, совершенно произвольно изобразило на лице удивленный испуг и отвращение. На своих спутников Хло не смотрела. Она озиралась вокруг себя с таким видом, будто ступила неожиданно в выгребную яму, полную нечистот.

Никаких нечистот, меж тем, окрест не было. Испуг и удивление Хло были вызваны другим — поведением самой Матери-Мглы.

Та льнула к Брату Торну и Травнице, норовя закутать их в свой пепельный, искрящийся саван, а вот от Хло отступилась. Даже в траве у ее ног поток призрачной субстанции «высох», иссяк, обнажив сухой опад и свежую, пробивающуюся сквозь него траву.словно невидимый, прозрачный вихрь разметал покров подступившей к ней Мглы.

— Сестра, — голосом осторожным и нехорошим в одно и то же время произнесла Травница. — Мать-Мгла чувствует в тебе злое...

— Отступается она от тебя что-то, — голосом тоже недобрым добавил Брат Торн.

Впервые за годы их знакомства у Сестры Хло не оказалось в кармане весомого аргумента, чтобы осадить обнаглевшего Брата. Наверное, потому, что она понимала — осаживать-то придется не бывшего лихого офицера ударных частей Его Величества Морского Десанта Торна, а саму Мать-Тьму. Ту, что сотворила ее — Дочь Мглы — из ничего, из ничтожной послушницы заштатной обители. И так же легко может вновь сделать ничем!

Сестра силилась сглотнуть ставший поперек горла комок — сухой и горький. Ни Торн, ни тем более Анна не торопили Сестру. Но та все никак не могла справиться с собой.

— Ну что же, Сестра, — первым нарушил молчание не склонный к излишней тактичности Торн. — Сама за собой припомнишь грех или ошибку какую? Или нам тебе подсказку дать?

Хло наконец справилась со спазмом, перехватившим ей горло. Ее голос зазвучал как ни в чем не бывало — сухо и уверенно.

— Обстоятельства заставили меня сделать рискованный ход. И еще далеко не ясно, потерпели ли мы тут неудачу.

— Вот как интересно! — поднял кустистые брови старый десантник. — Рискованный ход, Сестра, делали вы, а неудачу, стало быть, терпим мы все — на троих, так сказать?..

— Собственно, вы были в курсе того, что я намерена была использовать для ликвидации конфликта между Пятерыми и...

— И Неназываемым! — закончила за нее Травница. — Которому ты сдала мальчишку, о котором я, дура, проболталась! Шегу!

Хло поморщилась. Чуть брезгливо и чуть насмешливо.

— Вы догадливы, Сестра. Вы точно определили, с какого козыря я пойду в своих переговорах с этим Пришлым. Точнее, с его Посланцем. Что одно и то же. Впрочем, не трудно угадать козырную карту, когда никаких других и нет...

— А мальчика пожалеть ты и не подумала... — прервал ее Торн. — Мальца, значит, по

боку...

— Его судьба... — Хло на мгновение запнулась. — Его судьба — всего лишь судьба одного человека. А когда речь идет о судьбе всех Сумеречных Земель... Ну и не все обстоит так мрачно, как ты думаешь, Сестра. Я уже послала предупреждение тому, кто опекает этого ребенка. Это не та фигура, к которой Неназываемому и его присным легко подобраться...

— Так ты догадалась, о ком идет речь? Еще тогда — у Камня? — прервала ее Травница. — Догадалась и не...

— Чушь! — отчеканила Хло. — Полная чушь! Если бы я имела хоть какое-нибудь представление, о ком идет речь, я не стала бы делать секрета из таких... Из таких догадок. Мне пришлось провести самостоятельное расследование. Я обратилась к людям сведущим...

— Это к кому же? — прогудел Торн.

— Клайв Бродячий знал секрет...

Травница нервно прищурилась.

— Говоришь, знал?

— Ну и где же маги держат мальчика? — не отклоняясь от главной темы разговора, продолжал давить на Сестру Торн.

— Маги его не держат! — коротко отрубила Хло. — Нигде! Он в воспитанниках ходит. У Находящего Пути. В учениках!

— Вот как...

Торн на секунду озадаченно осекся.

— Так и что же получается, сестрица? С одной стороны, заложила ты пацаненка Неназываемому. А с другой — Находящему предупреждение послала?

Хло дернула плечом.

— А что дурного в том, чтобы вести двойную игру с теми, кто не признает вообще никаких правил игры? К тому же Неназываемый сам спровоцировал меня на это.

— Да ну?! — картинно удивился Торн. — Что же такое сотворил этот безобразник?

— Он меня обманул, — холодно пояснила Хло, демонстративно игнорируя шутовство Брата. — Точнее, он воображает, что он меня обманул. Он вышиб из Клайва сведения о мальчишке, а меня, как говорится, «кинул». Не явился на торг.

— А на Клайва его навела ты? — уточнила Анна. — И за сколько старый пьянчуга продал ему мальчонку?

— Я не раскрывала Посланцу свой источник. Должно быть, он следил за мной...

— О да... — прогудел Торн. — Было так трудно догадаться, что этот безобразник так именно и поступит...

— Что до Клайва, — невозмутимо продолжила Сестра, — то хоть он и пьяница, но в цене с человеком Неназываемого не сошелся. Человек Неназываемого, некий Месс, его пытал. По всей видимости, старик, перед тем как отправиться к праотцам, все-таки выдал свой секрет...

Некоторое время все трое молчали. Мгла, словно простив Хло, перестала отступать от нее. Теперь она ровным слоем — пока что примерно по колено — затапливала долину и троих, стоящих посреди нее.

— Так... — определил наконец Торн. — Теперь они непременно схлестнутся. Старые Пятеро и Неназываемый... Ты ловко это подстроила, Сестра.

— Я не... — начала было Хло.

Но в этот миг Мгла стремительно рванулась вверх, и все Трое скрылись в ее мерцающей

Пятеро молча стояли вокруг каменного стола и прислушивались к повисшей в прозрачном сумраке тишине. Тишину эту только изредка нарушало тихое электронное попискивание, доносившееся из дверей, ведущих в пристройку. Там портативный блок контроля отслеживал протекание превращения погруженных в беспамятство «гостей».

Цинь бросила взгляд на часы и нарушила молчание.

— Первым проснется Руслан, — сказала она. — У него Изменение зашло наиболее далеко. И, как я понимаю, он уже неплохо информирован о том, что нам предстоит...

— Меня беспокоит эта девчонка... — отозвался Кайл. — Кончита Фарга. У нее самый невероятный Дар из всех, о которых мне приходилось слышать. Ты уверена, что не ошиблась в диагнозе?

— Уверена, — ответила Цинь. — Настолько, насколько вообще можно быть уверенным в чем-то, что касается Даров Мира Молний. Меня беспокоит другое. То, что происходит в горах... Как бы Тальбот не попал в сети Неназываемого.

— Ты думаешь, что големы...

— Очень похоже. Или Тальботу не удалось уйти из этого Мира, или... Или ему нашлась замена.

В этот момент Том, замерший у окна, предупреждающе поднял руку.

— «Вертушка»! — сообщил он. — К нам гости, господа...

— Если это к нам... — мрачно буркнул Павел, присматриваясь к вырастающему из светлой точки на серо-зеленом фоне горных склонов силуэту легкого вертолета. — Если это к нам, то получается, что о нашем месте встречи не знают теперь только ленивые...

— Это машина Хло, — сказала Марика. — Похоже, что Меченные Мглой решили поучаствовать в наших играх. А дорогу до Часовни им было кому подсказать. За нами не одна пара глаз здесь присматривает, да мы и не конспирировались пока особенно...

Кайл подошел к дверям Часовни и, опершись о каменную притолоку, стал присматриваться к приближающейся машине.

— Почему они не предупредили нас? — спросила Цинь, останавливаясь у него за спиной. — У них есть радио, и они знают наши частоты.

— С утра в эфире полнейший хаос, — объяснила присоединившаяся к Кайлу и Марике Цинь.

Она не спускала глаз с вертолета, словно подозревая, что вместе с ним к Часовне приближается нечто непредвиденное. И в то же время давно ожидаемое.

— Жаль, что ты не сказала об этом раньше, — вздохнула Марика. — Это начало войны. А мы его пропустили...

— Такое бывало и раньше, — отозвалась Цинь. — Без всяких войн. Просто Небеса разнервничались.

— Или Мгла... — предположила Марика. — Мгла может такое. Если захочет вмешаться в людские дела.

— Эта война начинается тем, чем кончилась предыдущая, — мрачно бросил Кайл. — Мгла решила сказать свое слово.

Вертолет завис над лужайкой — чуть поодаль от Часовни. Потом нехотя приземлился на травку и изверг из себя вовсе не ожидаемую всеми Сестру Хло, а крепко сбитую, коренастую фигуру в потертом бушлате — Брата Торна.

Кайл быстрым шагом двинулся ему навстречу.

— Вы здесь дожидаетесь, когда за вами придут? — с места в карьер, забыв даже про слова приветствия, почти закричал никогда не повышавший голоса увалень Торн. — А они идут уже. По ущелью к Высокому Храму прет имперская гвардия. А вдоль Реки скалы рухнули, и в проломы поперли чертовы каменные куклы... И, похоже, они скоро доставят вам уйму беспокойства.

Вслед за Находящим Пути навстречу неожиданному гостю спешили остальные члены Пятерки. Окружив его на полпути к Часовне, они образовали что-то вроде мини-толпы, жаждущей услышать последние новости с только что открывшихся фронтов еще вроде бы не начавшейся войны.

* * *

День Небес наступил. И час смены стражи был близок. На магов двинулись две силы: имперская гвардия — по одному ущелью, мертвая армия — полчище мегароботов — по другому.

— Я здорово ошибся, — угрюмо констатировал Кайл. — Тальбот — Повелевающий Големами — так и не ускользнул от Неназываемого.

— Или все-таки нашли ключи к программам запуска чертовых кукол, — предположил Павел.

«Чертовы куклы» — с небоскреб размером каждая — не торопясь шагали там, внизу. По руслу Реки, казавшейся в сравнении с ними ручейком, по нависшим над ее берегами каменистым террасам. Стены ущелья вздрагивали от их поступи. Три человеческих фигурки наблюдали за этим шествием из скрытой под скальным козырьком пещеры. Сюда входил еще один «переулок», сшивающий уголки Сумеречных Земель незримой для постороннего глаза сетью «быстрых» троп.

Эйб насчитал сорок каменных гигантов, прошествовавших мимо их убежища. Затем сбился со счета. Потом растерянно повернулся к Находящему Пути.

— Куда они? — спросил он, стараясь шепотом перекрыть каменный гул, заполнявший пространство вокруг. — По наши души, что ли?

— Неназываемый начал с того, чем кончил последнюю свою войну с магами, — мрачно отозвался Кайл. — Двинул на них мегароботов-големов.

— И магам удалось противостоять этому? — покачал головой Фукс.

— Не столько противостоять, сколько миновать, — отозвался Павел. — Не всем правда. И не без нашей помощи. Вот и сейчас придется. Однако я не знал, что их будет столько. С одного раза может не выйти. Но тем не менее...

Он глянул на Кайла.

— Начинать?

— Начинай, — кивнул Находящий Пути.

Эйб, испуганно косясь, подался в сторонку от Повелевающего Демоном. Но тот всего лишь смолк и сосредоточенно уставился куда-то вдаль. Фукс осторожно перевел взгляд в том

же направлении.

Там — над головами уже далеко, к самому устью ущелья, ушедшей колонны оживших истуканов — словно начала сгущаться поднятая грохочущим воинством пыль. Точнее, какой-то будто от жары примерещившийся полуденный мрак. Он сгустился, стал ощутим, как стая мошки над лесной прогалиной. Потом стал собираться в призрачную фигуру полукилометрового гиганта, нависшего над выходом из ущелья.

— Демон... — простонал Эйб. — Это тот самый ваш Демон, Павел?

Кайл тихо тронул его за рукав:

— Не мешайте...

А слепленный из темного марева гигант уже терял свою призрачность, воплощался в нечто уж и вовсе чудовищное, в собранную из каких-то словно из бреда больного оружейника взятых составных частей с эсминец размером каждая конструкцию. Неуклюжую и жутковато-изящную одновременно. Во что-то так напоминающее призрак рыцаря древности в тускло отсвечивающих в сполохах Небес вороненных латах. В нечто предназначенное нести смерть, и только смерть. Фукс чисто рефлекторно присел и приложил руки к ушам.

И правильно сделал. Колонна големов изнутри озарилась недобрым пламенем, оттуда навстречу Демону устремились один за другим бешеные огоньки противотанковых ракет. Трое отступили в глубь пещеры, а небо над ущельем тут же разорвали слепящие молнии разрывов плазменных зарядов.

Грохот взрывов поглотил все остальные звуки. И лавины камня и щебня, обрушившиеся со склонов ущелья, словно онемели. Они низвергались в полнейшей тишине, потому что заполнивший ущелье гром уже и не был звуком. Не воспринимался как нечто слышимое. Он просто был. И грозил заменить собой все.

Воздух, проникающий в пещеру, тут же наполнился запахом раскаленного камня и грозových разрядов. В пещеру слоистыми облаками поползла и через несколько секунд уже закрипела у всех на зубах тонкая, мерзкая на вкус пыль.

Эйб распластался на содрогающемся от далеких, но мощных взрывов каменном полу пещеры и тихо поминал про себя то Всевышнего, то Нечистого. Кайл и Павел, устроившись неподалеку от выхода и прикрывая глаза козырьками ладоней, пытались наблюдать ход сражения.

А посмотреть было на что.

Разрывы плазменных боеголовок превращали в разбегающееся по небу пламя надвинувшуюся на них громаду Демона. Они буквально разносили его в клочья. Но эти клочья тут же перетекали друг в друга, срастались и вновь являлись в самых неожиданных местах — чудовищная, из страшного сна вырвавшаяся фигура. И фигура эта не ограничивалась тем, что наводила страх. Демон вел бой!

И бой этот напоминал неистовый танец. Демон темным вихрем закручивался над ожившими истуканами и проливался на них антрацитово-черными водопадами разящих щупалец, бил слепящими разрядами молний. И те истуканы, на которых низвергалось это злое колдовство, прекращали свое движение. Застывали неподвижными столбами. Осыпались высохшими песочными небоскребами. Взрывались изнутри и занимались беспощадным белым пламенем... Но уцелевшие големы все шли и шли по ущелью. И их было больше, чем тех, что обращались в прах. Много больше.

— На всех меня не хватит, — коротко сообщил Павел. — Резервы кончаются... Надо

прерваться... Ущелье все равно перекрою. Но это пока все...

Действительно, Демон изменил тактику боя. Он уже все реже схватывался с големами. Вместо этого он перенес свою энергию на нависшее над сузившимся выходом из ущелья нагромождение скал. И скалы эти обрушились вниз, поднимая на сотни метров вверх клубящуюся пыль, под пологом которой поперек теснины стала расти стена. Стена, перекрывавшая и само ущелье, и струившуюся по его дну реку все более и более высоким барьером.

Осмелевший тем временем Эйб подполз к выходу из пещеры и не без интереса следил за происходящим. «Гос-с-спо-ди, — бормотал он себе под нос, — прямо водохранилище одним махом сотворил... Интересно, как эти дылды каменные через такой завальчик перебираться будут?»

Демон же, видимо истратив последние силы на свое — геологических масштабов — деяние, сконцентрировался в узкий, словно из ночной тени состоящий, трепещущий, на сотни метров вытянувшийся в огненные Небеса столб. И столб этот стал тянуться вверх, вверх, вверх. Уже на километры. Стал тонок и прозрачен. Истаял. Растворился в океане мерцающего воздуха, прижимающего к застывшей тверди горных склонов все на них сущее — живое, неживое и нечто чуждое тому и другому: наделенных вымороченным бытием оживленных техномагией каменных исполинов.

А те сгрудились уже нестройной и все нарастающей толпой перед выросшей перед ними стеной. Они почти утонули в клубящейся вокруг пыли и в дыму подоженных побоищем лесов. Но движение колонны не прекращалось. Из расколовшихся стен своего подземного убежища к плотине подходили все новые и новые големы.

И вдруг это движение оборвалось.

Чудовищный скрежет пронесся над горами. Стих в отрогах. И на изуродованное битвой ущелье снизошла Тишина. Нет... Тишину эту наполняли звуки — треск исходящих с небеса дымными стволами пожаров, затихающий грохот каменных лавин и плеск далеких водопадов. Но звуки эти были сами по себе. И сама по себе была Тишина. Не было больше ни грома рвущихся боеголовок, ни бешеного свиста и клекота сверхмощных разрядов. И не было сотрясающей горы поступи каменных гигантов. И сами эти гиганты прекратили свое движение. Остановились. Замерли.

Кончилась Магия.

— Кажется, им это удалось... — еле слышно произнес Кайл, прислушиваясь к обступившему их молчанию.

* * *

— Здравствуй, ты, считающийся Князем Миров Обретенных, — окликнула Посланца Сестра Хло. — Ты всерьез думаешь, что тебе удалось обмануть меня? И ты всерьез думаешь, что вам удастся найти того — приносящего Избавление прежде, чем он найдет тебя?

Впервые Посланец не мог скрыть свою растерянность. Долю секунды — но не мог.

Они — эти трое — застигли его невдалеке от того места, где только что стихла битва големов с Демоном. В маленькой, сложенной из слоистого камня, крытой горным сланцем хижине, уцепившейся за выступ скалы на водоразделе двух стекающих в долину рек. Отсюда местность просматривалась на многие километры вокруг — до самого Высокого Храма.

Подкрасться к этому наблюдательному пункту, оставаясь незамеченным, было попросту невозможно.

И все-таки они застали его врасплох — эти трое. Он не ожидал этого оклика Хло из угла хижины, что еще миг назад была — он готов был в том поклясться — совершенно пустой.

Из троих он не знал лишь одного — коренастого Пришлого. Крепко сбитого и чернявого. С нескрываемой сединой в кучерявившейся бороде и с тщательно скрываемой хитринкой в глазах. Третьим из тех, что так неожиданно обрисовались в этом углу, был мягкий, словно раньше времени начавший стареть и не заметивший этого, невысокий человек. Его — Посланца — «крестник» — Альфред Тальбот. Повелевающий големами.

Взгляд Посланца быстро перебегал с одного на другого. Ну, если бы они пришли его убивать, то он уже был бы мертв. Сентиментальные объяснения с жертвой совсем не в духе Мира Молний. Но оружие при них. Чернявый придерживает на животе десантный автомат. У Тальбота — наперевес — банальный обрез. Сестра не выставляет оружия напоказ. Прячет руки под накидкой. Но, скорее всего, держит наготове что-то скорострельное... Милая предстоит беседа...

Нет, конечно, можно было сразу внести ясность во все происходящее. Объясниться... Хло не стала бы подозревать его в мелкой лжи — они оба были искушенными игроками. И то, что обоих их переиграл Кристофер Денджерфилд, она поняла бы очень хорошо. Но... Но у него не было желания оправдываться. И еще что-то ему мешало. Он не мог отступить от клятвы, данной Неназываемому. Хотя ни малейшего вреда тому не принесло бы его признание.

— Почему ты остановил бой, Тальбот? — спросил он так, словно что-то еще оставалось непонятным в сложившемся раскладе.

— Я остановил не только бой, — усмехнулся его старый знакомец. — Я остановил свое служение тебе. Остановил Заклятие Власти.

— Вот как, — с нескрываемой иронией констатировал Посланец. — Сам взял и остановил...

— Мне помогли, — коротко и зло оборвал его Тальбот. — И я эту помощь принял с благодарностью. Потому что ты обманом получил мое согласие... Я в ту пору не знал, что ты служишь Неназываемому.

— И поэтому ты помог своим друзьям нанести мне этот маленький визит? — все с той же иронией не столько спросил, сколько снова констатировал Посланец.

Он не боялся взбесить Тальбота. Он знал, что ненависть «крестника» уже давно перегорела и стала просто злой, унылой тоской. И что Альфред прекрасно понимает, что обманувший его, поставивший его Дар на службу злу сам обманут этим злом. И сам ему служит, лишь подчиняясь злой силе Заклятия. Все это он хорошо знал по себе самому.

— Не говори глупостей! — поморщился Повелевающий големами. — Ты же прекрасно знаешь, что я твоих явок не знал и не знаю. Всегда ты находил меня, а не я тебя...

— Не тратьте времени, господа, на подобные мелочи, — прервала завязавшийся диалог Сестра Хло. — На вас, Посланец, нас вывел Месс. Ваш верный, преданный Месс. Пришлось поговорить с ним примерно также, как он перед тем пообщался с Клайвом Бродячим. А вот найти Месса удалось Видящей. Он след свой оставил — на кинжале, которым пришел старого пьянчугу. И в руках-то подержал вещь не очень долго, но вот отметился...

— Вот как... Значит, Меченные Мглой решили поучаствовать в решении судьбы

Пятерых Старых и Пятерых Новых на свой манер?

— Вы сами определили наше решение. Вы и Дарящая Смерть. Ну и, конечно, ваш шеф и ваш верный Месс.

Судьба верного и преданного Месса была, похоже, не столь интересна Посланцу. Может, потому, что по-настоящему верен и предан был тот лишь Неназываемому. Гораздо больше его интересовало то, каким образом, пусть даже дознавшись о его местонахождении, эти трое сумели остаться незамеченными ни им самим, ни притаившимися в засадах людьми шефа. Незамеченными ровно до того момента, когда они сами решили обозначить свое присутствие в хижине.

— А вы не слишком учтивы, господа, — криво улыбнулся он. Преимущественно Сестре Хло.

— Вы не удосужились познакомиться меня с новичком в здешних краях...

Он повернулся к чернявому Пришлему.

— Ведь вас недаром захватили сюда — ко мне в гости. Как я не сообразил сразу... Господин... э-э...

— Меня зовут Николай, — мрачно уведомил его чернявый. — Как зовут вас, я уже знаю.

— В самом деле? — иронически заломил бровь Посланец.

— В самом деле, Эл... господин Рядов...

На мгновение лицо Посланца окаменело.

— Да, говорить с вами становится все интереснее... — произнес он уже совершенно иным тоном. — Я думаю, однако, что вы здесь не только для того, чтобы сообщить мне мое имя. Я, слава богу, не успел его позабыть окончательно. И не за тем, чтобы поносить эту пушечку, тоже...

Он кивнул на автомат, который Николай не забывал придерживать в весьма недвусмысленном положении.

— Скорее всего, — кисло улыбнулся Посланец, — я с трех раз смогу угадать, каким Даром наградил вас Мир Молний. Пожалуй, рискну даже с одного раза. Вам достался Дар Отвода Глаз. Не так ли?

— Вы здесь уже столько прожили, — ответил Николай, — что догадливостью никого не удивите.

— Вам повезло, — продолжил Посланец. — Ваш Дар довольно редок. Последний носитель такого Дара ушел по Тропе Испытаний лет двадцать пять, а то и все тридцать тому назад... Упоминают о нем в летописях двое здешних историков...

— Похоже, что пришло время редких Даров, — усмехнулся Тальбот. — Снова пришло.

— Время... — задумчиво повторил Посланец. Словно главным для него стало попробовать на вкус это слово.

Потом странным взглядом он поглядел на обступивших его гостей. Словно вернулся издалека.

— Вы пришли, чтобы предложить мне... — начал он. Запнулся, снова вспомнив о чем-то своем.

— Вы пришли, чтобы пригласить меня на встречу с Дарящим Избавление? Эта встреча... Не нужна мне...

— Мы пришли, чтобы предложить тебе встретиться с братом, — оборвал его Николай. — Твой брат Рус пришел за тобой.

Они миновали сумеречный лабиринт. И вышли под затянутое дождевыми облаками небо. Можно было подумать, что они очутились на другой планете. Но это была лишь полоска побережья по ту сторону не самого высокого горного кряжа. Трепетное пламя Небес было здесь скрыто торопливо спешащей угнаться за ветром серой хмарью. И холодный ветер гнал под ногами поземку песка и пыли... И где-то неподалеку находился Портал. Надо было только найти его в лабиринте призрачных троп черного, голого леска на дюнах. До которого и идти-то было всего ничего. Все места, соединенные одной системой Порталов, похожи одно на другое... Вот и тут, вблизи пересечения полудюжины похожих миров, в каждом из них это — холодный ветер и дождливые дни в дюнах у берегов стынувших морей. Словно время и не движется в этой застывшей — одной на всех — декорации.

Посланец часто бывал здесь.

Нет, не наивная надежда самому заметить, отыскать ту дорожку, по которой он мог бы выскользнуть из этого ставшего для него ловушкой Мира. Он знал, что это дано только лишь людям Касты. Да и не отпустит его из этих краев Заклятие. Просто острая, в подсознании кроющаяся память родных мест, покинутых ради надежд на странное, тоска по тем, с кем напрасно — напрасно и навеки — расстался, давно привычная боль от того обмана, жертвой которого стал, и тех обманов — великих и малых, в которых сам повинен перед многими и многими, — все это приходило к нему в этом довольно унылом на посторонний взгляд месте. Да, все это было его болью. Но почему-то он в этой боли нуждался.

— Вы случайно выбрали это место? — спросил Посланец, зябко ссутулившись и поднимая воротник. — Или знали что-нибудь?

— Место угадал Шега, — отозвался Николай. — Это тот парнишка, до которого вы с Мэри-Энн должны были добраться сегодня. Но, считайте, он первый добрался до вас. И не с отравленной магией. Он принес вам Слово Избавления.

Он помолчал секунду.

— Учтите, если с ним что-нибудь случится...

— Не стоит пугать меня, — поморщился Посланец Неназываемого. — Мне не нужно Избавления. И не волнуйтесь сегодня за мальчишку. — Он из стороны в сторону помотал головой. — У меня нет оружия... А Мэри-Энн далеко. Так или иначе, от встречи нам не уйти.

— Вы встретите его в том лесу, — сухо бросила Хло. — Его и своего брата. Они ждут вас, Эл.

— Быстро они закончили, — удивленно произнес Его Величество, прислушиваясь к затопившей отроги хребта тишине. — Или это только затишье? Мне представлялось, что сражение големов с Демоном займет гораздо больше времени. Из-за этой чертовой радиобури ничего не возможно быстро выяснить...

— Не будем гадать, — хмуро отозвался Неназываемый. — Пошлите дополнительный разезд — уточнить ситуацию. Отдайте приказ выступить резервным частям. Высокий Храм

должен быть блокирован надежно.

Его Величество сделал короткий жест, от группы дежурных офицеров отделился и в два мгновения оказался под рукой готовый скакать в нужном направлении посыльный. Следом за ним приблизился комвзвода конной разведки. Через минуту они уже стремительно ринулись исполнять полученные приказания.

— Готов поклясться, — невесело буркнул Тан Алексис, — что радиочастоты перекрыла Мгла. Вы хотели напугать Меченых, мой друг, а они только закусил удила... Вы слишком многих спугнули. Как бы теперь еще маги не надумали оставить нас с носом и уйти в подполье.

— Вы плоховато знаете ту Гильдию, которую возглавляете, Ваше Величество, — снисходительно усмехнулся Неназываемый. — Раз они, как говорится, пошли на принцип, то, поверьте мне, они упрутся рогом и будут стоять в Высоком Храме насмерть. Ну и пусть. Это от них и требуется... Эпоха взаимного заискивания кончилась!

Его разбирала презрительная злоба. Даже двинувшись в бой, эти слизняки оглядываются назад и причитают... Да и на воинство это — только посмотреть! Бронетехника на электроприводе и тут же конница. Слава богу, что не со страусовыми перьями на шляпах. Потом артиллерия на самоходных электроплатформах — благо элетроэнергией Мир Молний снабжает народ задарма. А за ними тянется матушка-пехота. Кто с чем. От плазменного гранатомета до арбалета и Робингудова лука. И ему самому приходится выдерживать марку — гарцевать на буланом жеребце по правую руку от государя, успешно справляющегося со своим скакуном ослепительно белого окраса.

С досады он поворотил коня и поскакал в арьергард колонны — непозволительно растянувшийся и снова обросший ушлым посторонним сбродом.

Уж Лоскутное Племя своего не упустит! Знают, шельмы, что, идя в бой, даже самые прожженные циники не откажутся от того, чтоб им на руке или по глазам погадали или загорор на оружие положили. Или амулетик какой-нибудь дерьмовенький прикупить... Или контрабандное пойло пригубить...

Уже раза три патрульные получали приказ гнать прилипал этих в шею. Так нет же — их вроде только прибавилось! И страха-то нет у них ни малейшего. Вон та — ушлая девка, угловатая такая, аж к черному паланкину, что в самом конце колонны колышется, прицепилась. Странная девка, не похожая на других Лоскутных... Смелая. К паланкину этому даже патрульные близко подойти не рискуют.

Еще бы: в паланкине том — Дарящая Смерть.

* * *

— У меня две новости для вас, господа, — мрачно сообщил адмирал Штефф. — Одна плохая, а другая и вовсе никудышная.

— Начните с плохой, — уныло предложил Борода.

— Воля ваша.

Адмирал нажал кнопку селектора и велел дежурному по кораблю войти и доложить. Тот явился немедленно и некоторое время не мог определить, кому адресовать свой рапорт. Адмирал демонстративно сидел в сторонке, отстранений от двух других членов группы руководства операцией. В конце концов дежурный обратил свой доклад к восседавшему во

главе стола подполковнику.

Надо сказать, что выглядел дежурный офицер неважно. Рапортовать совершенно посторонней ищейке, которую по воле высокого начальства поставили распоряжаться тобой и твоим кораблем, — дело неприятное. Делать это в присутствии своего собственного адмирала — того хуже. И совсем уж никуда, так это когда приходится докладывать о таком, как вот сейчас.

— Доктор Лорх Коули, — произнес он, сглотнув неприятный комок, — на борту не обнаружен. При осмотре его каюты найдены его личные вещи и различные записи на разных носителях. В том числе вот это...

Он вынул из папки, которую сжимал в руках, обычный конверт — привычный предмет для тех, кому приходится пользоваться бумажной почтой.

— Это адресовано вам, господа.

Надпись на конверте, сделанная четким старомодным почерком Лорха, была достаточно лаконична и недвусмысленна: «Петру Н. Бороде, Рихарду Штуббе. Лично в руки. Секретно». Адмирал Людвиг Шефт не был упомянут в этой адресовке. Хотя, конечно, то был не слишком вежливый жест в сторону формально полноправного члена группы руководства операцией. Адмирал, впрочем, ограничился всего лишь неопределенным шевелением бровями. Каковое читалось в данном случае как: «Вам и карты в руки, господа...»

— Вы уверены, что обыскан весь эсминец? — более для проформы, нежели по делу осведомился Штуббе, к которому, собственно, и обращался дежурный. — И что ни один из путей покинуть корабль не был использован?

Дежурный, несмотря на всю аховость своего положения — сделал над собой видимое усилие, чтобы сдержать произвольную улыбку, вызванную вопросом, который мог задать только человек, в Космосе обретающийся исключительно в качестве «грузопассажирского балласта».

— Совершенно уверен, господин подполковник! — ответил он. — На борту просто некуда спрятаться. Тем более невозможно разгерметизировать эсминец, находящийся в режиме боевого дежурства, и не поднять всеобщую тревогу...

— Можете быть свободны, — бросил ему Шефт.

— Теперь давайте вашу вторую новость, — мрачно произнес Штуббе, крутя в руках нераспечатанный конверт.

— Час назад модуль подпространственной связи перестал подчиняться радиосигналам с борта «Тирсиса», — сообщил адмирал, глядя в пространство перед собой. — Сначала были зарегистрированы некие... Некие произвольно кем-то вносимые изменения в системе программирования модуля. Операторы это приняли сначала за помехи. Затем, забеспокоились. Запросили протокол внесенных изменений. Ответа не последовало. Все другие тесты, тоже не проходят. Делаю вывод: находящийся на поверхности модуль подпространственной связи в настоящий момент неуправляем с борта «Тирсиса». Кроме того, в программу его работы кем-то внесены не вполне ясные изменения. Будут у вас соображения по этому поводу, господа? Или распоряжения?

Адмирал помолчал. Потом откашлялся и поднялся из-за стола.

— Позвольте мне отлучиться на полчаса. Неотложные дела по управлению судном... Покорнейше прошу извинить...

И Штуббе, и Петр Николаевич оценили адмиралову деликатность и конечно же позволили оставить их наедине с письмом Лорха Коули. Оно было коротким.

«Уважаемые господа, — писал старый колдун. — С этого момента я вынужден приостановить свое сотрудничество и с руководством проекта «Страж», и со Спецакадемией. Причина этого кроется в расхождении наших подходов к тому, как должна сложиться дальнейшая судьба техучастников проекта, которым пришлось подвергнуться Изменению.

Для того чтобы они могли избежать участи простых объектов исследования, в отношении которых могут применяться любые методы получения информации, лишь бы эта информация представляла достаточный интерес, я должен буду внести некоторые изменения в программу действия модуля подпространственной транспортировки, находящегося на поверхности Блуждающей. Вместо подземных бункеров Спецакадемии те Носители Дара, которых подготовит к переброске Руслан Рядов, и он сам в том числе, будут перемещены в иной, более комфортабельный уголок Вселенной.

Я, к сожалению, не могу поделиться с вами информацией о способах скрытого перемещения с борта космического аппарата в Портал, находящийся на поверхности Блуждающей. Каста Проводников имеет свои, неразглашаемые секреты.

Уточняю. Я позволил себе вмешаться только в ту часть нашей совместной работы, которая не имела прямого отношения к основной задаче проекта «Страж» — предотвращению вторжения с Мира Молний в Обитаемые Миры. Переместившись в Сумеречные Земли, я буду верен до конца выполнению этой задачи, даже если мне придется отдать за это мою и так уж слишком затянувшуюся жизнь. При любом исходе дела мы с вами не встретимся больше в обозримом будущем. Прощайте, господа.

Лорх Коули».

Глава 13

СЛОВО ЗАБВЕНИЯ

Сестра Хло в который уже раз придержала Николая, положив ему руку на плечо.

— Не стоит, — тихо, с нажимом произнесла она. — Вы только все испортите. Если этот вариант продумал Находящий Пути, то можете быть уверены — риск сведен к минимуму. По опыту нашей работы с Пятерыми... Нашего общения, правильнее было бы сказать, я знаю Находящего как прекрасного психолога. Если с ним полностью согласен и Повелевающий Демон, то, значит, они выбрали самый надежный вариант. А выбирали-то они не одни. Кандидатуру для этого вот разговора им сыскали лучшие разведслужбы Метрополии. Так что сейчас нам не остается ничего другого, кроме как ждать.

Тальбот, присевший на камень поодаль, молчал. Молчал подавленно, сгорбясь, неподвижным взглядом уставившись в пространство перед собой. Похоже, что после первой эйфории, навеванной вновь обретенной свободой, у него началась «ломка». Должно быть, немало натворить пришлось ему, подчиняясь воле Неназываемого. И смесь раскаяния и ненависти выжигала сейчас его нутро.

Николай почувствовал это и присел рядом:

— Тяжело? — сочувственно бросил он.

Тальбот понял его не сразу. Потом рассеянно кивнул.

— Да. Мне... Мне надо уйти отсюда. Из этого кошмара. Уйти и забыть обо всем, что было здесь со мной.

Николай вздохнул.

— Относительно того, чтобы забыть... Это у вас может получиться. А вот выбраться из этих мест... Куда? Я вот сейчас начинаю понимать Эйба...

— Кого?

— Вы его не знаете, — махнул рукой Чудин. — Одним словом, я вот теперь задумался... О том, как мне жилось — там... Точнее, не как мне жилось, а как я жил. Это ведь разные вещи. Так?

Тальбот молчал, скосившись на него. Потом мрачно буркнул:

— Все мы начинали с этого искушения. С мысли о том, что нам возвращаться некуда. И незачем.

Но Николай теперь почти не слушал его.

— Так чего же мне туда, назад, рваться?.. — уже сам себя спросил Николай. — Где Шегу останется, там и я с ним... В конце концов мы с ним вроде как родные...

Он повернулся и стал пристально смотреть в сторону недалекого леса.

* * *

А там, в пронизанном холодным ветром лесу, на тропке, идущей берегом, продолжался тяжелый, лишь двоим — Русу и Элу — понятный разговор давно разлученных братьев. Впрочем, он уже подходил к концу, разговор этот.

— Ты напрасно спрашиваешь меня... — говорил Эл, глядя вдаль — в свинцовую гладь, которую морщил холодный ветер и рябила редкая морось дождя. — Напрасно спрашиваешь,

почему я не могу принять твоего предложения. Да, я знаю, что если Заклятие будет снято с меня, то будет снята и вина за все то, что я совершил не по своей воле. Только кто, кроме очень узкого круга посвященных, поверит этому? Впрочем, дело даже не в этом. У меня были бы причины «за» и «против» того, что ты предлагаешь мне, Эл, если бы мне приходилось выбирать. Но выбора у меня как раз и нет...

Он подхватил и подбросил на руке крошечный голыш, попавшийся на тропинке под ногами. Потом швырнул его по-над гладью воды и некоторое время следил, как тот отлетает от нее, оставляя следы — «блинчики». Когда-то они с Русом соревновались — кто больше таких «блинчиков» успеет «испечь» с одного броска. Они взглянули друг на друга и улыбнулись — понимающе и грустно.

Лес вокруг был зыбок, пелена моросящего дождя лишала его реальности. Среди голых, черных стволов, в нагромождениях мертвых корней поваленных деревьев, в обломанных колоннах сумеречно-темных пней, в причудливо изъеденных морем обломках скал и вылизанных прибоем камнях вдоль берега — во всем этом чудились призрачные фигуры, ускользающие соглядатаи странной беседы.

Эл улыбнулся еще раз — тому мальчишке, которого по правилам идущей войны ему давно надлежало бы уничтожить.

Мальчишка следовал за братьями на расстоянии, позволявшем ему слышать обрывки их негромкой беседы. Но то ли из деликатности, то ли по причине непонятности для него этой беседы он был больше занят рассматриванием деревьев, морских птиц, самого моря, туманного горизонта вдалеке. А вот сейчас присел на корточки и тоже занялся пусканием «блинчиков». Он оторвал глаза от воды как раз тогда, когда Эл взглянул на него. И тоже улыбнулся в ответ.

— Почему я тебя помню, Шега? — спросил Эл. — Ведь я не видел тебя раньше...

— Ты мне снился, — ответил мальчишка так, словно речь шла о чем-то совершенно само собой разумеющемся. — Ты снился мне уже давно... А теперь я пришел увести тебя отсюда.

* * *

Неназываемый уже собрался было окликнуть явно робеющего стражника, чтобы разобраться с подозрительной попутчицей, осмелившейся беспокоить обитательницу черного паланкина, когда всем мгновенно стало не до того.

Из-за оставшегося далеко позади поворота, поднимая клубящийся шлейф пыли, мчались два всадника. Впереди с большим опережением неслись затянутый в черную кожу и сам черный — от все той же дорожной пыли — его, Неназываемого, личный курьер. А за ним — пестрым, еле различимым пятнышком — курьер его Величества. Впрочем, где-то следом за этими двумя из-за поворота появлялись все новые и новые взмыленные вестники тревоги.

Все они — и стремительно мчавшиеся, и те, что придерживали коней, не срываясь в бешеный галоп, — были еще вдалеке, когда от головы колонны к ее задним рядам, нарастая, понесся тревожный гул. И не приближающаяся стайка гонцов неизвестной еще беды была причиной этого смятения. Причина его была где-то там — далеко впереди.

Неназываемый подал коня в сторону от тракта, которым топало загораживающее вид имперское воинство, и, придерживаясь за поводья, свесился вбок, чтобы рассмотреть, что же

происходит на следующем повороте дороги, там, где она словно упиралась в отвесную, к небесам уходящую желто-серую громаду горного склона.

Там происходило такое, от чего и впрямь у любого простолюдина должно было бы замереть сердце и засосать под ложечкой.

Из скальных щелей, из прогалин между скалами, из устья новой, лежащей на пути войска теснины навстречу ему торопливо сочилась мерцающая поземка. Субстанция зернистая, словно тщательно просеянный песок Серебряных пляжей, и почти прозрачная. Невидимая. словно бы и не существующая, но быстро скрадывающая сначала мелкие черты, а затем и весь облик проглоченных ею предметов.

Вот не стало далеких скал-близнецов, высившихся на полпути к повороту. Вот растаяла опушка совсем уж близкой рощицы. А вот и фигурки высланных вперед конных разъездов заколебались, утрачивая четкость и вместе с нею реальность своего бытия. Становясь миражом...

— Спокойствие! — прозвучал над загомонившими было в начинающейся панике рядами голос Его Величества. Голос этот приобрел некую уверенную твердость, которой ему всегда не хватало в присутствии Неназываемого.

— Спокойствие и только спокойствие, воины! Это Мгла! Всего лишь Мгла явилась приветствовать нас! Салют Владычице ночных ущелий!

Нестройное бряцанье мечей и не в лад прогудевшие слова традиционного приветствия понеслись над взволнованным строем. Но своей цели команда, отданная Его Величеством, все же достигла — паника не стала всеобщей. Ропот сделался ропотком. Сбившиеся было с ноги отряды торопливо равняли шаг на марше.

«Ох, не приветствовать нас выползла, гадина! — подумал Крис Денджерфилд. — Далеко не приветствовать. Вроде и не убивает Мгла людишек, но вот ума лишит — страхом, видениями, жутью плутаний в мерцающей утробе своей... это запросто!»

Словно слыша его подсказку, его Величество — там, впереди колонны, — сыпал распоряжениями:

— Сомкнуть ряды! Двигаться плотным строем! Каждый чтоб видел плечо соседа!

— Разрешите доложить?

Когда это личный курьер Неназываемого успел перевести дыхание после бешеной скачки издалека из-за перевала, сказать было трудно. Пот усердно прокладывал змеистые дорожки по его покрытой пылью физиономии, но дыхание гонца было ровным, и голос его не прерывался.

— Докладывай, — одобрительно кивнул Крис.

— Господин Месс не явился в назначенное время в...

— Дальше!

— Горная хижина пуста. Там не оставлено никакого знака, который бы...

— Дальше!

— Битва в Северном ущелье закончена. Големы частично разрушены, а большей частью инактивированы. Неподвижны. Полный разгром...

— И господина Тальбота ты тоже не застал на месте?

— Так точно, господин...

— Что еще?

— Я встретил гонцов из Города. Плохие новости...

Крис сделал рукой предостерегающий знак, снова подал коня в сторону от общего строя

и, кивком приказав гонцу следовать за собой, рысью направился к голове колонны. Та уже начинала утопать в клубящейся Мгле. Курьеру пришлось прищипорить заартачившегося коня, прежде чем тот пошел голова в голову со скакуном Неназываемого. Гонец вопросительно глянул на господина.

— Рассказывай, — бросил тот ему на ходу.

Новости из столицы, несмотря на их сверхсекретность, знало уже все войско. Не успела карательная экспедиция с Его Величеством во главе выступить в путь, как его же собственный племянник, Правитель Юга Тан Герхард, в своей резиденции собрал воевод Сумеречных Земель. Собрал и объявил компании старых вояк, что Гильдия Магов выразила Тану Алексису свое недоверие. А раз так, то Тан Герхард объявляет своего дядю низложенным, а себя — впредь до заседания Комитета Наследников — лицом, временно его замещающим. Государев племянник, конечно, сильно забежал вперед событий, но сами эти события спрогнозировал верно. И умело сработал на опережение. Половина воевод тут же присягнула на верность новому государю.

Буча началась.

Когда Денджерфилд нагнал Государя, тот был мрачнее тучи. Обмениваться информацией с ним уже не имело смысла. Тот знал, что Неназываемый уже знает все. А Неназываемый знал, что Государь знает об этом его знании.

Государь повернулся к нему:

— Кажется, нас переигрывают на всех направлениях... Я жду от вас реальных дел, сударь...

Крис криво усмехнулся. Развернул коня.

— Что ж... Мы достаточно хорошо попугали эту шваль. Пора переходить к тактике кинжальных ударов. Я бросаю в дело Дарящую Смерть.

* * *

Рус перевел взгляд с Эла на Шегу, потом с Шеги снова на Эла.

— Ты говоришь — нет выбора... — сказал он. — Мне кажется, ты сказал совсем не то, что имел в виду...

Эл посмотрел на брата, словно на хрустальный шар гадалщицы.

— Ты всегда лучше меня угадывал мои мысли, Рус, — вздохнул он.

И то была не шутка. Оба знали, что это действительно так.

— Ты хотел сказать, что у тебя нет пути назад, — объяснил Рус свою — и Эла — мысль. — Так ведь? Я хорошо понимаю тебя. Потому что и у меня... У всех нас, Измененных, уже нет пути назад. Но это не означает, что у нас нет выбора. Мы можем уйти отсюда. Можем вернуться в тот дом, где жили Эл и Рус... И те, кого они считали своими родителями. Но... Это уже не Эл и Рус вернутся туда. Пожалуй, только ты можешь понять, о чем я...

Рус осекся.

— Да вот он еще, — добавил он и кивнул на мальчишку. Шега, продолжавший сидеть в сторонке, смотрел на него расширившимися, все понимающими глазами.

— Тогда... — Эл потер лоб и снова поднял глаза на брата. — Тогда зачем ты зовешь меня туда — с собой... К людям... Я... Я не могу вернуться к ним...

— И опять ты сказал не то, что хотел сказать... Неужели ты не понял?

Теперь и Рус подобрал камушек и стал задумчиво примеряться к тому, чтобы пустить его вскачь по воде.

— Я зову тебя просто к себе. Не к людям вообще. Не к яйцеголовым мудрецам из Спецакадемии. Не к обитателям подземелий Комплекса. Просто я хочу увести тебя из неволи. Тебе надо уйти из этих мест. Они могут сломать тебя совсем. Ты не хочешь признавать того, что потерпел здесь горькое поражение. Стал рабом. И силишься доказать себе и всем, что это не так. А я предлагаю тебе просто быть со мной. Там — в Обитаемых Мирах — нас тоже будут ломать. И поодиночке, конечно, ломают. Но мы будем вместе. И при каждом из нас будет Дар. И с нами будут Бродящие меж Мирами.

Рус пустил камешек, и по зыбкой поверхности воды на миг пролегла цепочка расходящихся кругов.

— Решайся, брат, — тихо сказал Рус.

* * *

Войско утонуло в мерцании Мглы. Лоскутное Племя, примазавшееся было к войску на марше, словно ветром сдуло. Хотя как раз ветра-то и не было в пропитанном магической жутью воздухе. Мгла давала понять людишкам, кто здесь хозяин. И, похоже, воины не слишком-то охотно следовали передаваемым от головы колонны приказам. В мерцающем мареве на пути Кристофера то и дело возникали одинокие, неведомо куда — только не в направлении движения колонны — бредущие фигуры. Пешие и конные.

Похоже, преславный поход на Высокий Храм разваливался на глазах. Жуть и тоскливый страх, накачанные в души Мглой, худые новости из Столицы, слухи о разгроме армии големов... Все это сделало свое дело. Имперская гвардия превращалась в орду вооруженного сброда.

— Я повешу командиров на крючьях... — тихо произнес у него за спиной голос Его Величества.

Понятное дело, Тан Алексис последовал за своим господином и покровителем. Не решился остаться наедине со своей свитой. Если она еще существует, эта свита...

— Все остальные — вплоть до рядовых замухрышек — пойдут в шахты...

Голос императора был напоен злобой, но тих. Его Величество опасался быть услышанным подданными. Крис презрительно усмехнулся.

— Поберегите ваш гнев для вашей разгулявшейся Гильдии, Государь, — бросил он тоном, в котором уважения к собеседнику не было ни на грош. — А сейчас старайтесь... э-э... Старайтесь не привлекать к себе особенного внимания. Неровен час какой-нибудь честолюбивый лейтенантик захочет выслужиться перед вашим любезным племянничком...

Его Величество без лишних слов ступевался. Стал одной из теней в мерцающем тумане. Тенью, неотступно следующей по пятам Неназываемого.

Зато выступили из Мглы другие фигуры. Двое охранников — пеший и конный, недоуменно толкущиеся около поставленного наземь паланкина. Четверо носильщиков были тут же. Но старались держаться поодаль.

— В чем дело? — выкрикнул Крис.

Голос его мгновенно стал скрипуч и резок.

— В чем дело, черт возьми?!

Неназываемый торопливо спешил. Вплотную подошел к паланкину.

— Где ваш конь? — на ходу бросил он безлошадному стражнику.

Тот произнес только нечто вроде «И-и-и-эпп!» и растерянно принял стойку «смирно».

Неназываемый даже не посмотрел на него. Только махнул рукой.

И, поднимая полог паланкина, с удивлением спросил:

— В чем дело, Мэри-Энн?

Паланкин был пуст.

* * *

— Решайся, Эл, — словно эхом подтвердил слова Руса другой хорошо знакомый обоим братьям голос. Оба они разом повернулись на его звук. На камне, чуть поодаль от кромки торопливого прибоа сидел Лорх.

— Вы... — Рус чуть растерянно шагнул к старику, который легко поднялся ему навстречу. — Ты, Лорх? Ты здесь?

Эл молча поторопился вслед за ним. Он не сводил глаз со старого друга и учителя. И совсем неслышными прозвучали за его спиной легкие шаги Шеги.

— Наставник... — тихо сказал мальчишка. — Здравствуй, Наставник...

— Здравствуй.

Лорх провел рукой по его коротко стриженным волосам. Потом положил ладони на плечи братьев.

— Моя служба во славу Спецакадемии кончилась, — усмехнулся он. — Неужели ты подумал, Рус, что человек Касты может быть слугой двух господ? Мы и власть предержащая Обитаемых Миров живем в разных плоскостях. И эти плоскости пересекаются по очень узкой линии.

Он замолк, словно смахивая с лица невидимую паутину.

— По той линии, где наши интересы пересекаются с интересами Спецакадемий и Комплексов. Но мы — Люди Касты — не служим им. И, если говорить честно, они тоже и не думают служить нам. Они достигли тех целей, что ставили перед собой, — или будем считать, что уже достигли. А мне нужно достичь тех целей, что ставят перед собой Проводники по Мирам. Сейчас мы в кульминационной точке, где эти цели совпадают. Дальше наши пути расходятся.

— Ты... Ты же должен был быть там, на «Тирсисе»... — продолжал удивляться Руслан.

— Ну не обо всех же своих возможностях я обязался ставить в известность союзников, — усмехнулся Лорх. — Тем более что в этих возможностях я и сам ограничен.

— Ты пришел, чтобы увести нас отсюда? — голосом, неожиданно ставшим хрипловатым, спросил Эл. — Куда? Назад к людям? В Обитаемые Миры?

Лорх осторожно, но уверенно придавил ладонью его плечо.

— Тебе, Эл... Да и твоему брату сейчас нет дороги назад. Ни в Метрополию, ни в Обитаемые Миры вообще. Там вас ждет только хищный интерес Спецакадемий и Комплексов. Неусыпная слежка спецслужб всех сортов. Идиотская назойливость журналюг. Стена подозрительности всех и вся — и простых обывателей, и старых друзей...

Эл присмотрелся к лицу Наставника.

— Ты хочешь, чтобы мы шли дальше и дальше по Тропе Изменений?

— Вы сами решите это. Пока что вам обоим надо понять себя. Вас бросили в эту войну, не спросив вашего желания. Я хочу только восстановить справедливость. Всегда надо быть справедливым, когда это возможно. Сейчас такой редкий момент, когда это как раз возможно. Я просто хочу вернуть вам то, что вам необходимо, чтобы самим сделать выбор. Покой. Я уведу вас туда, где пока что он есть. И, надеюсь, сохранится достаточно долго.

— Покой? — спросил Рус, не ожидая услышать именно это слово.

Это слово, точно ключ, повернуло в нем что-то.

— Покой... — повторил он. — Только сейчас я начинаю понимать, что именно этого вокруг меня и не было. Уже давно.

— Пожалуй, я принимаю это... — подал свой голос Эл. — Хотя я и не рожден для покоя, Лорх. Но лучше покой, чем рабство.

— Не думайте, что я предлагаю вам полежать в заколдованном сне, ребята, — засмеялся Лорх. — Просто среди безумных Миров, по которым приходится странствовать мне... И таким, как я... Среди этого калейдоскопа есть и такой уголок, где вас примут, не спрашивая, кто вы такие. Дадут крышу и возможность заработать кусок хлеба. И право ночью долго глядеть в огонь камина. И счастье не бояться ничего. Это надолго. Но не навсегда. Затем придется сделать выбор и уйти. Только сначала надо перестать быть рабом.

Они молчали. И молчали довольно долго, медленно шагая вдоль кромки прибоя.

— Ты уведешь нас... туда... Сейчас? Из этого леса? — спросил наконец Эл.

Что-то сломалось в нем. Это был опять мальчишка, заглядывающий в рот многоопытному, взрослому приятелю.

— Ведь где-то рядом Портал. Правда?

Лорх отрицательно покачал головой.

— Из этого леса тропинки ведут совсем не в такие места. Вам вообще опасно ступать на тропинки между Мирами. Там сейчас не лучшие времена.

— Тогда куда же ты хочешь нас отвести, Лорх? — озадаченно посмотрел на него Рус.

— Это не я отведу вас. Ты сам забросишь куда надо Эла и еще кого-нибудь из своих друзей. Тех, что захотят присоединиться к вам. А я всего лишь провожу тебя до твоего модуля. Он до сих пор благополучно лежит на том плато, где ты вышел в этот Мир.

— Но...

Рус продолжал, ничего не понимая, смотреть на старика.

— Да... Модуль может перебросить чуть ли не полдюжину человек. Все зависит от массы каждого. Но... Ведь он же забросит нас на полигон Спецакадемии... Никуда больше.

Лорх усмехнулся.

— Твоя информация устарела, Рус. Люди Касты и я, грешный, основательно поколдовали с этой машинкой. Проводники знают толк в технике подпространственного туннелирования. Так что не беспокойся, не поломали... Только она теперь совсем другой Портал опознает как «свой». Тот, что в самом начале вашего пути, в места, где вас никто не достанет. Долго-долго. Но даже этот ваш первый прыжок никто не сможет проследить. Протокол отчета перед системой внешнего управления мы отключили. А внутренней регистрации выполняемой программы в десантированном модуле даже не предусмотрено. Потому что его электронная память превратится в плазму и раскаленный газ через тысячные доли секунды после того, как вас выбросит в подпространство.

Молчание повисло в пронизанном холодной моросью воздухе.

— Покой... — тихо произнес Эл и прикрыл глаза, словно пробуя это слово на вкус. — Покой...

Потом поднял взгляд на Лорха и стоявшего рядом с ним Руса.

— Оставьте меня с мальчиком, — тихо сказал он. — Оставьте нас вместе. Одних.

* * *

— Где?!.. Где Дарящая?!!

Неназываемый поднял глаза на обезлошадившего стражника. И в глазах этих был желтый огонь безумной злобы.

— О-она... — попытался ответить страж. — О-они у-ушли... О-она у-увела ее...

— К-кто «о-она»?! — заорал Неназываемый. — К-кого «ее»?!

Заикание — штука заразная.

— И где твой конь, черт возьми?! — не слишком логично закончил он.

— Ко-о-оня за-а-абрала го-о-оспожа Да-а-арящая...

Стражник на глазах зеленел и покрывался пупырышками. Но все-таки ему удалось справиться с перехватившим горло страхом, и он торопливо стал объяснять:

— П-понимаете, эта Лоскутная... Ну, которая прибилась по дороге... Их много, бывает, за войском тянется... Гоняешь-гоняешь их, так их только от того больше становится... Оно и понятно...

— Стоп!!! — страшным голосом заорал Неназываемый. — Я тебя человеческим языком спрашиваю: «Где Дарящая?!» А ты начинаешь мне ахинею нести про Лоскутных!

На этот раз слова его были подкреплены действием. Неназываемый снизошел до того, чтобы нагнуться и ухватить бестолочь за воротник. Засим последовала попытка встряхнуть из упомянутой бестолочи дух.

Случившийся тут же, в двух шагах поодаль, в мерцающей каше Мглы солдатик-носильщик неожиданно пришел на помощь попавшему в переплет сотоварищу.

— Кроч хотел отогнать нахалку! — быстро заговорил он, высовываясь из искристой мути. — Но та успела наговорить Дарящей такое... Наверное очень ей интересное... Потому что Дарящая махнула Крочу, чтобы он не трогал Лоскутную... Хотя то вовсе и не Лоскутная была, если разобраться... А потом вообще велела поставить носилки на землю... Паланкин в смысле... И велела своего коня подать... И у Кроча коня это... Реквизировала для той девки, что ей наплела чего-то... И они обе как дунули туда...

Солдатик махнул рукой в направлении достаточно неопределенном, но безусловно не совпадающем с предполагаемым направлением движения колонны.

Крис, не говоря худого слова, швырнул полузадушенного бестолкового Кроча оземь и, резко развернув коня, скрылся в жемчужной пелене.

* * *

После этого на пяточок у опустевшего паланкина ступил белоснежный скакун Его Величества. Государь как привязанный следовал за Неназываемым. Еще миг, и он бы последовал за ним в таинственное мерцание Мглы.

Но за его спиной из светлого тумана появились две словно из сна вынырнувшие фигуры. Обе верхом, каждая ростом и общими габаритами Государя покрупнее. На левое плечо Тана Алексиса XXIII легла рука в железной перчатке.

— Вы рискуете опоздать в Высокий Храм, Мудрейший, — произнес над самым его ухом скрипучий голос. — Позвольте нам ускорить ваше появление на собрании Гильдии.

Мудрейший нервически обернулся.

— Тимон Речной?! Что вы позволяете себе?!

Он энергично попытался освободиться от железной хватки Блюстителя Чистоты всея Гильдии. Но на правое плечо легла еще более мощная длань.

— Поверьте, Мудрейший, все, что мы делаем, мы совершаем во имя спасения вашего лица перед лицом нашего собрания. Поверьте, чтобы помочь вам без опоздания явиться к собравшимся, был выделен отряд под руководством достопочтенного Тимона и моей скромной особы — Лианора Шелкового. И это не что иное, как дань гуманизму. Ибо иные члены Гильдии склонны обойтись с вами совсем иначе...

Тан Алексис вдруг впал в панику.

— Солдаты! — возгласил он. — Воины гвардии! На ваших глазах премерзкие колдуны творят насилие над вашим Государем, самим Провидением Ниспосланным!..

Кряхтя и охая, покалеченный Кроч поднялся сначала на четвереньки, затем на полусогнутые. После чего сообщил окружающему пространству, что лучше он, Кроч из Нижних Верст, дерьмо на завтрак, обед и ужин вкушать будет, чем с колдуновским племенем в свару влезет. С тем он и убыл с места действия, оглашая окрестность прескверного свойства руганью.

Остальные свидетели столь неудачного (для Его Величества) развития событий также поспешили убратся восвояси, толкуя между собою, что в Законе ясно прописано, что сам Государь — первейший колдун и есть. А раз так, то пусть господа маги со своими магическими заморочками сами между собой и разбираются.

* * *

Мгла, как всегда, была обманчива.

Казалось, что вот он — за тонкой пеленой мерцающего тумана — ее край, а дальше идет одна только чистая прозрачность свободного от нанороботной болтушки воздуха. Так вот же вам! За пеленой той снова и снова только она сама — Мгла-Путаница проклятая...

Очень скоро он потерял чувство времени и уже не мог оценить срок своих плутаний в зыбком мареве. Кристофер понял, что всегда присущие ему качества — способность великолепно ориентироваться в пространстве и чутье, позволявшее ему не раз словно бы предвидеть непредвидимое, — отказали ему. Словно и не было их у него никогда.

Бросив поводья, он предоставил коню самому искать выход из путающей сознание дурной бесконечности. Впрочем, резвый совсем недавно Буланный тоже приуныл и, видно положившись на волю конского своего счастья, брел куда глаза глядят, останавливаясь временами, чтобы пощипать что-то подножное.

Да, точно — чутье изменило ему: Кристофер не сразу заметил, что не в одиночестве трусит по затянутому Мглой ущелью. Сначала он просто па привычке считал, что по левую руку от него тихо следует за ним Его докучное Величество.

Но немного спустя он задался вопросом: кто в таком случае маячит в тумане по правую руку от него?

Крис осторожно, не подавая виду, присмотрелся и прислушался. Похоже было, что он движется вдоль русла пересохшего ручья в сопровождении небольшого, в пять-шесть человек, отряда. И отряд этот был явно не из свиты Государя. Неназываемому стало весело.

Он выждал еще минуту-другую и бросил в туман:

— Может быть, поговорим, декан?

— Бывший декан, — поправил его тот, что трусил по левую руку от него. — Ныне я всего лишь Находящий Пути. Так же как вы — всего лишь Неназываемый, господин Денджерфилд.

Еще с минуту только шорох подков по щебню под ногами коней нарушал воцарившуюся тишину.

— Пора бы начать, вы не находите? — сказал Кайл, не дождавшись реплики Криса.

— Может быть, и пора, — с демонстративным равнодушием бросил Крис. — Смотря как вы собираетесь строить ваш со мной разговор, господа. Примите во внимание, что разговор этот необходим, по всей видимости, вам. Не мне.

— Тем не менее вам, Кристофер, лучше не пренебрегать такой возможностью...

Это сказал тот из возникших из Мглы непрошенных спутников Неназываемого, что занял место по правую его руку. На этот раз снисходительная усмешка на долю секунды покинула лицо Денджерфилда.

— Так ты, Эл, уже успел встретиться с тем одаренным мальшом, о котором мне рассказывал? — с горькой иронией спросил он того, кто еще совсем недавно был его полномочным Посланцем. — Вижу, встреча эта не прошла для тебя даром... Ну что ж, одним неудачным опытом больше, одним — меньше... Я догадывался, что на сверхчеловека ты не потянешь. Но почему-то не терял надежды. А зря!

— Да вы, Крис, и сами себя напрасно в такое звание произвели, — парировал немудреную поддевку Эл. — Нечеловек — это еще не сверхчеловек.

В тумане рассыпался еле слышный, иронический смех Неназываемого.

— Мы много об этом спорили с тобой, Эл. И, мне кажется, с каждым нашим спором ты становился только глупее и глупее... Как может обычный человечешко, неудавшийся вариант обезьяны, судить о том, что есть сверхчеловек, а что — нет? Это еще древние писали, помнишь: «Обычный человек не в состоянии видеть сверхчеловека или знать о его существовании, как гусеницы не знают о существовании бабочки... Высший тип ни в коем случае не может находиться под властью низшего типа или быть объектом его наблюдения, в то время как низший тип может находиться под властью и под наблюдением высшего типа...» Помнишь эти слова? Помнишь... И берешься судить...

— Я всегда был другого мнения на этот счет, — усмехнулся Эл. — Никто — ни бог, ни черт, ни сверхчеловек — не может отнять у человека право судить о том, с чем он столкнулся, по своему разумению. Вот я и сужу. От того, что я и ты можем то, чего не могут другие, мы не становимся лучше как люди. Обвал в горах может сотворить такое, чего не сможет целая армия. Но от того, что обвал сильнее тысяч людей, он не становится ни капли человечнее... А впрочем, давай оставим в покое наши давние споры. Сейчас не о сверхчеловеке речь.

— Да куда там... — с прежней иронией в голосе отозвался Кристофер. — Сейчас нам предстоит не дискутировать о высоких материях, а просто основательно поторговаться,

господа. А торг имеет малое отношение к философии. На торгах даже слово «спекуляция» меняет свой смысл... Кстати, об условиях торга... Бедняга Мэри-Энн — неужели она тоже поддалась на ваши уговоры? Уж ей-то...

— Не стоило бы тебе поминать Мэри-Энн Габор... — оборвал его женский, девичий даже, но с какой-то мужской хрипотцой голос.

Крис обернулся.

Девушка — худая, угловатая и, похоже, стриженная кровельными ножницами — довольно хорошо держалась в седле, шагах в четырех позади и чуть левее него.

А Мгла тем временем почти совсем рассеялась. Теперь каждый в этой небольшой кавалькаде мог видеть каждого. Ущелье устьем своим открылось в долину, за которой до горизонта простиралась степь. И кони шли уже не по щебню, а через высокий травостой. Такие травы не растут на Земле...

Маленькая кавалькада двигалась теперь уже не наугад. Ее движение определял конь Находящего Пути.

— Будьте знакомы, — подал свой голос Кайл. — Недавний Гость этого Мира, мисс Кончита Фарга. У нее чрезвычайно редкий Дар. Он не сможет оставить вас равнодушным...

Неназываемый только иронически покосился на него и не произнес ни слова.

— Конча — Лишающая Дара, — пояснил Кайл, не заметив этого сардонического молчания. — Ее Дар состоит в том, что она может отнять Дар у любого из нас. Не спрашивая разрешения. Вам следует иметь это в виду.

Снова наступило молчание, но далеко не сардоническое теперь.

— Поистине редкий Дар, — признал Неназываемый. — Я относился ко всяческим апокрифам, трактующим про этот феномен, просто как... Как к части здешнего фольклора. Но у вас теперь, я думаю, есть серьезные доказательства, что это не сказки?

— Да, — кивнул Кайл, — такие доказательства у нас теперь есть.

— Я понимаю это так, — усмехнулся Денджерфилд. — Когда Мэри-Энн не захотела поддаваться на ваши уговоры, то вы как раз к Дару госпожи... э-э... Фарга и прибегли. Как к последнему доводу...

— Вас не удивляет то, что сама Мэри-Энн не прибегла к своему Дару в ходе наших, как вы говорите, «уговоров»? — невозмутимо поинтересовался Кайл. — Ведь вы как будто уверены в ее несокрушимой преданности вам?

— Тогда почему же я не вижу ее в вашей компании?

Голос Неназываемого стал едок.

Он резко повернулся к молчавшему до той поры всаднику, маячившему в стороне.

— Я ошибся в своем Посланце! Но в вас двоих я не ошибался никогда! Я знаю, что Мэри-Энн считает себя проклятой. Обреченной. Готовится после смерти гореть в аду. Но именно потому, что дороги назад для нее нет, она никогда не свернет со своего пути. Останется верна своему проклятию! Лишите вы ее дара или нет — не важно. И еще: я знал, что ты, Тальбот, ускользнешь от меня, как только появится такая возможность. Поэтому я и скрывал тебя от Пятерых... Кстати, как они отыскиали тебя? Да еще, как я понимаю, в разгар сражения?! Или ты сам искал их?

— Месс показал им путь! — зло отозвался молчаливый всадник. — Месс сдал всех твоих крестников с потрохами!

— О черт!

На этот раз чувства Неназываемого не были наигранными. Голос его почти сорвался на

крик.

— Месс не мог стать на вашу сторону! Вы могли обещать этому глупцу, — он указал на Эла, — прощение и искупление грехов, за которые в ответе не он, а Наложивший Заклятие. Вы могли лишить Мэри-Энн ее дара — бедняга не станет жить долго с грехами на душе — ваше дело. Грехами, которые она, несмотря ни на что, берет на себя. Но Месс! На него и Заклятие-то не стоило налагать. Ему и так не деться никуда. На нем слишком много...

Неназываемый запнулся.

— Крови? — подсказал ему Кайл. — Грязи?

— Да он был черен душой, когда я только еще услышал о нем! — продолжал Крис, не слушая его. — Служил и бандам, и Имперской страже. И принимал заказы на любые грязные дела. Он так же, как...

— Недаром вы сделали его главой своей разведки, — усмехнулся Эл. — Впрочем, я не в обиде. Для меня вы оставляли работу почище...

Неназываемый не слушал его.

— Ему не было другой защиты, кроме служения мне! Он не для вас!

— Тем не менее, — усмехнулся Кайл, — он сам попросил нас снять с него Заклятие, чтобы он мог излить душу. После того как с ним поработали Меченные Мглой.

Неназываемый резко остановил поток своей речи. Он смотрел на Находящего Пути глазами, ставшими прозрачными, как вода в темном, бездонном колодце.

— Понимаю... Грибочки от Травницы, иглы под ногти от Сестрицы Хло, простая и непритязательная живодерня где-нибудь в лесном ските Брата Торна... И как это им удалось выследить и заполучить в свои лапы старого шакала?

— Вы всегда верите тем глупостям, что рассказывают о Меченых пьяные кабацкие завсегдатаи? — удивился Кайл. — Поверьте, их методы проще и гуманнее. Что до того, каким образом они нашли вашего друга, то могу признаться — с нашей стороны им была оказана определенная помощь. А палачам мы не помогаем. Конечно, «старому шакалу» перепало несколько зуботычин. И вообще, когда он был мне представлен, вид у него был неважный. Но никто не думал загонять ему иглы под ногти. Ему просто предложили выбор: быть переданным в руки магов или покаяться и пройти очищение с помощью наших методов... Он выбрал последнее.

— Упокой Господь его душу, — усмехнулся Крис.

— Вы раньше времени хороните и своего верного сообщника, и беднягу Мэри-Энн, — отозвался Кайл. — Хотя ее состояние сейчас, после лишения Дара и после того, как с нее было снято Заклятие, это состояние между жизнью и смертью.

— Все-таки вы проняли ее до мозга костей! — усмехнулся Неназываемый и обернулся к Конче. — Не вы ли та смелая девица из Лоскутных, что увела Дарящую из-под носа у охраны? Чем вам удалось приманить ее?

Тут он хлопнул себя рукой по лбу.

— Да как же я не догадался сразу! Ведь старина Форрест пожаловал к нам собственной персоной! Ну как могла Мэри-Энн удержаться от встречи со старым другом! Да куда там! Более чем с другом! Со своим деловым партнером и с первой и последней любовью своего сердца! Уж к нему бы она не применила свой замечательный Дар!

Конча, скрипнув зубами, отвернула коня в сторону и продолжила путь поодаль.

— Между жизнью и смертью, вы говорите? — продолжал ерничать Крис. — Стало быть, после разговора с Форрестом Мэри-Энн согласилась расстаться со своим Даром и

освободиться от Заклятия... Не удивительно, что после такого решения она слегла... Сердце? Или insult? Бесчувственная дубина Дю Тампль промурыжил девицу Габор черт знает сколько лет и так и не осмелился сделать ей предложение. Разбил ей сердце. А теперь явился сюда и доконал окончательно!

— Ваша ирония неуместна, — остановил поток его красноречия Эл. — Мэри-Энн находится при смерти вовсе не от несчастной любви. Она считает себя в ответе за все те смерти, которые ты заставил ее принести людям. А их слишком много, чтобы с этим жить. Она не стала валить всю вину на Заклятие Власти. Она просто сказала, что была дурой и дала себя обмануть. А поэтому считает себя в ответе за то, что совершила. Она попыталась подарить смерть себе. Только Кончита вовремя лишила ее гибельного Дара. За доли секунды до того, как все было бы кончено. Можно сказать, в процессе исполнения...

Крис посерьезнел, сгорбился...

— Напрасно вы помешали ей... Она все равно не протянет долго...

— Ну, — покачал головой Кайл, — это еще бабушка надвое сказала... Ее вытаскивают с того света сразу двое Целителей.

— Я совсем не то имел в виду, — махнул рукой Крис. — Вы же ясно поняли — она не может жить с этим в душе. Ну откачаете вы ее сейчас, так она вскрыет себе вены через пару дней. Или повесится. Или просто иссохнет с тоски. Она оказалась слабой. Сломалась. Вь напрасно тратите силы.

* * *

— Мы напрасно тратим силы, — устало произнес Эйб. — Она не хочет «возвращаться»... Вот уже и Маги — там, у себя наверху, закончили с Императором своим разбираться, а у нас все по нулям...

В тесноватой келье на подземном уровне Высокого Храма воздух был пропитан ароматами диковинных снадобий, запахом свечного воска и напряженным ожиданием. Именно это ожидание, а не хлопотные сами по себе обязанности ассистента-самоучки вконец доконало Эйба, который полными отчаяния глазами воззрелся на колдующих над неподвижно распростертой в каменной нише Мэри-Энн.

— Не каркай! — бросила ему через плечо, не оборачиваясь, Цинь. — Сейчас самый критический момент...

— Мы делаем все, что можем, — тихо добавил Форрест, сурово поглядев на отчаявшегося ассистента. — Она не должна...

— Смотрите-ка!

Как ни странно, именно отчаявшийся вытащить Мэри-Энн с того света Эйб первым заметил еле заметное дрожание век на лице женщины, пребывающей между жизнью и смертью. Еще мгновение тому назад лицо это было неподвижной гипсовой маской. Теперь к нему возвращалась жизнь. Оно слегка порозовело. Легкий тик искажил его на мгновение.

— Есть дыхание... — облегченно вздохнула Цинь и, выпрямившись, устремила свой взгляд на Эйба. — Теперь твой выход. Постарайся справиться с делом так же хорошо, как это у тебя вышло со старым шакалом Мессом...

Эйб с сомнением покосился на Целительницу.

— Все-таки... Ну понятно — этот ваш Месс... У него на душе такое, что пришлось ему

память чуть ли не до самого отрочества к черту выгравить, а эта подружка ваша... Она же...

— Ей пришлось исполнять злую волю... — слегка охрипшим голосом объяснила Цинь. — И на пути зла она совершила слишком много такого, чего не может себе простить. Не может жить с этим...

— Да это-то я понял... — недовольно буркнул Эйб. — Я вот боюсь только — не перестараться бы мне с этим моим Даром... Больно он для меня еще... Непривычный какой-то...

— Мэри-Энн должна забыть все, что с ней было с тех пор, как она стала Дарящей Смерть. Сами эти слова должна она забыть... И пусть забудет все, что связано с Неназываемым... Так будет лучше...

— Дьявол побери... — пробормотал Эйб, растирая виски. — Постараюсь... Постараюсь... Вы так прямо от меня многого хотите... Я ведь не волшебник, мисс. Я только учусь...

Мэри-Энн открыла глаза.

* * *

— Ну вот мы и на месте, — сказал Кайл.

Отряд приближался к возвышающейся на границе степи и предгорий группе скал, сгрудившихся словно для того, чтоб, поделиться между собой каким-то им одним известным секретом.

И от скал этих навстречу всадникам вышел человек в накинутаой на плечи ветровке.

— Господин Руслан Рядов, — в спину Неназываемому произнес Кайл. — Пожалуй, вы знакомы. Господин Рядов любезно согласился провести нас с вами, господа, по «переулку». До Высокого Храма. Где все и решится.

— Х-хе! — снова рассыпался неслышным, истерическим смехом Неназываемый. — Вы полагаете, что только вы — хранители этой тайны? Я сам мог бы провести вас тем «переулочком». Кое-чему люди Касты меня научили... Стало быть, вы собираетесь устроить судилище надо мной и над Его Ничтожеством одновременно? При одном, так сказать, кворуме?

Он бросил поводья и жестом приветствовал встречающего.

— Ну господи, как я мог забыть про вас, Руслан... И про ваш Дар... Признаться, я долгие годы колебался, на кого из вас двоих сделать ставку. Да вы, пожалуй, и не помните меня...

— Если и помню, то плохо, — утрюмо бросил Рус. — Извольте спешиться и следовать за мной.

— Вы напрасно считаете, что вам удалось переиграть меня, — бросил Крис, соскакивая на землю. — Да впрочем, не стоит подозревать вас в наивности. Если бы вы не были в курсе дела, то просто пристрелили бы меня, не разводя долгих разговоров. Вы прекрасно знаете, что у меня в рукаве — карта, которая бьет любые ваши козыри. Так что не рассчитывайте принять от меня полную и безоговорочную капитуляцию. Я уже предупредил вас, что будет торг. Долгий и не дешевый для вас.

Кайл спрыгнул на землю рядом с ним и кивнул двум появившимся из-за скал чеани, чтобы те занялись конями прибывших.

— Что касается места переговоров, — сухо бросил он, — то вы лучше меня знаете, что

из трех Порталов, что ведут дальше на Тропу Испытаний, основной выходит в лабиринт Высокого Храма. Да там и удобнее всего встретиться нам, Меченным Мглой, Магам и людям Касты.

— Господи, — рассмеялся Денджерфилд. — Какой представительный состав судилища! Тропа Испытаний... — добавил он после короткой паузы. — Значит, вы намерены предложить мне эту цену?

— Кстати, о козырях и о вашем неубиенном джокере, — все так же сухо сказал Кайл. — Кое-какие карты есть и у нас. В рукаве, как вы изволили выразиться. Мы не можем ни уничтожить вас, ни лишить вас вашего опасного Дара. Но среди Пришлых — а из них каждый принес в этот Мир свой Дар — есть такой, которому есть что положить на стол в предстоящих торгах. Он принес с собой довольно интересный Дар — Дар Забвения.

* * *

В главном зале Высокого Храма царила полутьма, наполненная тихим гвалтом только что закончившегося собрания. Сумеречные своды, нависавшие над полусотней собравшихся, освещал один лишь источник света — огонь горел в жертвенной чаше перед изваянием Так'ль Така — Неумолимого Бога Выбора.

Собрание Магов представляло собой довольно пестрое зрелище Среди осмелившихся явиться на суд над Государем и номинальным главой Гильдии преобладали носители традиционной личины Мага — они были облачены в широкого покроя балахоны, только что не отдающие нафталином, расшитые всяческой астральной и каббалистической символикой. Головы их — у кого украшенные означающими многая мудрость сединами, а у кого и сияющей плешью — покрывали широкополые шляпы, невероятной величины береты, а у некоторых — традиционные островерхие колпаки, расшитые неведомыми в лишенном звездного неба Мире Молний светилami.

Были, однако, среди этого экзотического маскарада и личности вполне прозаически одетые — кто в купеческий камзол, кто в безликое дорожное платье, а кто и в одежды служителей той или иной веры, исповедуемой под Огненными Небесами.

Кайла в зал проводил сам Донагон Молчаливый, замещающий — ввиду всем известных прискорбных обстоятельств — председателя почтенного собрания.

— Его Величество?.. — с некоторым безразличием в голосе поинтересовался Находящий Пути.

— Отторжение от Гильдии, — коротко и так же безразлично сообщил маг. — Десять лет покаяния в Дорнской обители... Уже убыл в указанном направлении.

Кайл оставил приговор Гильдии без комментариев и даже не поинтересовался, кого прочат на место ее новой главы. Он сел за стол президиума, рядом с остальными членами Пятерки и окинул собравшихся пристальным взглядом.

Сюрпризом для него было лишь присутствие среди приглашенных представителя Правителя Юга — насупленного и всячески имитирующего неприступный вид графа Брюи. Ну что же, Тан Герхард не медлил со своим вступлением в права полномочного правителя Сумеречных Земель...

Трое Меченных Мглой расположились по правую руку от Находящего Пути. Рядом с ними сидел Лорх Коули. Посмотрел на Кайла и кивнул ему — со значением. Кайл нащупал в

кармане цепочку, полученную от Парре, и легким движением порвал ее не слишком прочные звенья.

Неназываемому предоставили место на широкой каменной скамье, прямо у подножия алтаря Так'ль Така. Он с демонстративным безразличием поглядывал на то, как в зал, стараясь не привлекать к себе особого внимания, вошли шестеро представителей Касты Проводников во главе с напряженно сосредоточенным Парре. Люди Касты не стали занимать места ни в зале, ни в президиуме. Они остановились у громадной, под самые своды зала уходящей плиты с высеченными на ней письменами. Письмена эти по неписаному уговору было принято называть Письменами Предтеч. На что в свое время Павел Сухов, большой знаток древних текстов, заметил только: «Эт — вряд ли...»

Плита закрывала вход в лабиринт Портала. Портала, вокруг которого и вырос теперешний Храм. Не первый и, наверное, не последний из храмов, стоявших здесь.

Пятеро Новых Пришлых устроились на боковой скамье — не то чтобы в зале, рядом с Магами, но и далеко не во главе собрания. Последней на эту скамью села Мэри-Энн, которую привели, пытаясь поддерживать под руки, Форрест и Эйб. Мэри отрешенно, неузнающим взглядом скользнула по лицу Денджерфилда, заняла свое место и осталась сидеть с отсутствующим видом, временами потирая лоб и морщась, словно отгоняя тени каких-то неприятных воспоминаний.

Последним в зал проскользнул и незаметным комочком застыл у подножия алтаря Бога Выбора Шега. С молчаливого согласия сторон он был удостоен чести присутствовать на происходящем собрании.

Собрание это было все еще возбуждено победой над злокозненным Таном Алексисом, и Донагон Молчаливый вынужден был пару раз прочистить горло громоподобным кашлем, чтобы в зале воцарилось некое подобие спокойствия.

Поднявшись со своего места и пройдя к краю каменной ступени — подиума, — на которой высился стол президиума, он уведомил собравшихся Премудрых, а также всех других гостей Высокого Храма о том, что им предстоит потерять еще малую толику времени, так как союз Пятерых и Каста Проводников предлагают Гильдии Магов принять участие в принятии некоего решения, которое живейшим образом касается всех присутствующих...

И тут председательствующего прервали. Довольно резко и бесцеремонно. Со своего места поднялся Неназываемый.

— Вам, господа, не придется решать ничего! — выкрикнул он.

Выкрик этот был настолько неожиданным и резким, что даже пламя на алтаре Так'ль Така полыхнуло и зашлось трескучим, дымным угаром — словно в жертвенную чашу подкинули просмоленной пакли.

— Вам не стоит тратить времени на этот спектакль! — продолжил Денджерфилд, не снижая напряжения, наполнявшего его голос. — Решение принял я! Вы побоитесь тронуть меня даже пальцем, ибо тотчас оживут каменные великаны, драконы выйдут из скал и поля порастут стальными терниями! Вы можете обречь меня на заточение. Можете лишить памяти. Но все равно будете бояться меня. Поэтому я сжалюсь над вами. Я выберу меньшее из зол — и для вас, и для себя. Тропа Испытаний давно ждет меня. И я уйду по ней. Надеюсь, старый приятель Парре не откажется быть моим провожатым?

Он подошел к Плите и Парре, шагнув навстречу, положил ему руку на плечо, словно налагая арест.

— Тебя проводят двое других Проводников, — негромко сказал он. — Из тех, кто лучше знаком с твоими фокусами. На случай если ты вдруг передумаешь. Ты можешь захватить в путь что-то из твоих вещей...

— Чушь, — оборвал его Крис. — В такой путь отправляются налегке — с одним носовым платком в кармане. Командуй своим вождением...

Парре кивнул людям Касты, и двое из них приблизились к Неназываемому и стали по обе стороны от него.

— Пошли, — негромко произнес один из них и взял Криса за локоть.

Тот оттолкнул его руку и неторопливо, но решительно зашагал к обрезау Плиты. Перед тем как шагнуть за него, остановился и обернулся. С иронической усмешкой помахал рукой. Отвернулся и шагнул за каменную стену. Исчез за ней.

Двое Проводников последовали за ним.

* * *

Некоторое время в зале царил молчание. Потом Донагон снова огласил пространство своим кашлем.

— Ну что же, — провозгласил он. — Могу только сказать, что благодаря нашим согласованным действиям в Сумеречные Земли пришла новая эпоха. И от нас зависит, какова будет она. Всем нам есть о чем поразмыслить. Я думаю, что Премудрые не будут возражать против трех суток перерыва. В день Океана и в час смены стражи мы снова соберемся здесь, чтобы выбрать нового главу Гильдии. Надеюсь, нас почтят присутствием и те из Премудрых, кто по робости души или по какой-то другой уважительной причине не смог быть на нашем сегодняшнем собрании. А сейчас оставимGuests этого мира одних. Им есть о чем поговорить без нашего назойливого присутствия, я полагаю...

— Дурацкая мысль посетила меня... — тихо, как будто себе самой сказала Марика. — В одной древней книжке я прочитала такую притчу... Точнее, рассказ... О том, как некий ученый за большие деньги отправлял богатых беглецов — бандитов, мошенников, авантюристов — в какое-то другое измерение. Или, быть может, в прошлое... Он так премудро обставлял отправление в этот путь, что ему верили самые ушлые пройдохи. Только его машина времени представляла собой всего-навсего стальную камеру. С автоматическим люком в полу. А под полом была пропасть. Очень глубокая. Только и всего.

— Не каркай! — почему-то зло оборвала ее Цинь.

Зал опустел. Маги покинули Храм, на ходу обретая достоинство и величавость поступи. Отклонялись и исчезли через боковые двери трое Меченных Мглой. И люди Касты последовали за ними. Остались только Лорх и Парре. Кайл кивнул пятерым «новичкам», чтобы они поднимались на подиум и занимали места вокруг каменного стола. Те не заставили себя ждать. Шега остался на своем месте, словно греясь у пламени алтаря.

— Теперь пришла пора решать, — сухо, по-деловому начал Лорх. — Впрочем, кажется, здесь каждый сделал свой выбор. Осталось только произнести его вслух. Этот Мир ждет.

— Мы двое уже все решили, — глядя в сторону, произнес Эл. — Там в лесу, на дюнах. Вместе с тобой. Ты обещал нам тайм-аут. Покой... Это наш выбор.

— Покой? — переспросила Мэри-Энн.

— Покой, — подтвердил старик. — Покой надолго. Но не навсегда. Только на то время,

которое необходимо, чтобы найти себя. Вечного покоя нет.

— Нет? — с разочарованной иронией произнесла Мэри-Энн. — Значит, только там — за гранью бытия...

— За гранью бытия нет вообще ничего, — улыбнулся Лорх. — И покоя тоже. Просто там некому покоиться. Впрочем, мы слишком увлеклись философией. Я не собираюсь никому предлагать экскурсии в загробный мир. Если вы, мисс, желаете составить компанию этим двоим, то получите достаточно много времени на то, чтобы решить, на какую тропинку свернуть с того перекрестка, на котором они собираются устроить себе привал. Вы не пропадете там. Для специалиста по магическому антиквариату там работа найдется.

— Если в этом вашем поезде в рай найдется еще одно посадочное место, — вступил в разговор Форрест, — то Мэри может рассчитывать на то, что ее старый партнер поможет ей содержать такую лавочку. Если даже откидного не найдется, то я могу и постоять.

— Вы хорошо подумали о своем выборе, Форрест? — подала голос Цинь. — Для вас здесь открывается неплохая вакансия. Да и чеани не стоило бы оставлять без присмотра...

— Знаете, — усмехнулся Дю Тампль, — боюсь, что здешний климат не по мне. И здешние способы вести дела. Я думаю, здешний Мир недолго пробудет без Целителя. Да и чеани, наверное, найдут себе нового друга из Пришлых. А мой Дар, думаю, пригодится и в других Мирах. Если он там будет работать конечно.

— Там, куда вы решили последовать за мисс Габор, ваш Дар вам поможет, — кивнул ему Лорх. — Хотя на него нельзя будет так же твердо полагаться, как в этих краях... Места в поезде, о котором вы говорили, есть. Но только вы ошибаетесь — он идет вовсе не в рай, этот поезд... Я не обещаю вам рая, ребята. Никому из вас. Я обещаю только покой. И то не вечный.

Он повернулся к Целительнице. Та была сосредоточена на чем-то своем. Сосредоточена и, похоже, печальна. Печалью прощания.

— А вы, Цинь, ведь решили сесть на другой поезд?

— Да, — кивнула Целительница. — Мне пора отправляться совсем в другие края. Хотя Форрест и не принимает у меня эстафету, знак я поняла довольно ясно. Тот из Пятерых, кому пришла замена, должен освободить место. Я надеюсь, Кайл, ты не откажешься показать мне путь по Тропе Испытаний?

— Не откажусь.

В голосе Находящего Пути прозвучала грусть.

— Мне теперь многих придется провожать в путь по этой тропе. И по другим тропам тоже. Если, конечно, Каста не отвергнет мою кандидатуру.

— А ты хитер, Кайл, — заметил молчавший до этого Павел. — Нашел-таки способ сойти с дистанции. Хотя ведь тоже получил знак. И недвусмысленный. Ну ничего, надеюсь, оттуда — с твоих тропинок — ты иногда будешь заглядывать ко мне на огонек. Я-то пока что никуда не собираюсь деваться из своего дома на Перевалах. Мне никто знака не давал... Хватает мне, видно, здешних проблем.

— Да и я надеюсь, — усмехнулась Марика, — время от времени угощать тебя, Кайл, своим фирменным чаем. В моем саду. Мне уж точно рано трогаться в путь... Каины без меня от рук отобьются. Да и ты, Том... Заходи теперь почаще.

Она повернулась к Меняле Душ. Но вместо понимающей улыбки — такой привычной для них обоих — наткнулась на тяжелый, отсутствующий взгляд. Взгляд человека, чей выбор нелегок.

— Эй, Том!.. — тихонько окликнула она старого приятеля. — Ведь тебе не присылали замену?

Тревога колокольчиком тренькнула в ее голосе. Едва слышно.

— Замену?

Том вздрогнул, словно проснувшись от какого-то сна наяву.

— Нет, Марика. Замену мне не прислали.

Он косо усмехнулся.

— Мне прислали вот это.

Он бросил на каменный стол перед собой чеканный жетон с гербом Федерации и до боли знакомой всем собравшимся символикой Управления Расследований.

— Мое удостоверение, — пояснил он. — Мое клеймо. С моим личным кодом и номером. То, что я оставил на Джее, когда уходил сюда. Господи, как давно это было... Они разыскали его. Хотя — видит бог — это была не самая легкая задача.

— «Черная метка»? — с пониманием спросила Конча.

Она подхватила жетон со стола и стала рассматривать его, словно причудливое ювелирное украшение. А может, как редкое ядовитое насекомое из чужих земель.

— К «черным меткам» обычно не прилагают шифрованных писем, как это было в моем случае. Но смысл вы угадали верно. «От нас не уйдешь» — в этом суть послания. Но это между строк. А в строчках черным по белому: «Вернись, я все прощу...»

— Так вот, оказывается, какой гостинец я вез сюда для вас... — усмехнулся Рус. — Знать бы сразу... Как я понимаю, вам предлагают вернуться в строй?

— Можете не переживать насчет того, что оказались гонцом, доставившим мне этот сувенир. Если бы вы этого не сделали, то только ненадолго бы отсрочили контакт Центра со мной. Ведь вы же не думаете, что капсула, в которой вас закинули сюда, была первой и последней? Очень скоро последуют новые визиты агентов Федерации в этот страннейший из странных Миров. А насчет смысла сделанного мне предложения вы почти угадали. Они, бывшие мои руководители, все еще числят меня в этих самых «своих рядах». Они даже продолжают начислять на мой текущий счет жалованье и командировочные... Да-да, они не забыли и про командировочные! И даже очередной чин мне вышел. Задним, как говорится, числом. Одним словом, они делают вид, что не допускают и мысли о том, что я уже давно не имею к Управлению ни малейшего отношения. Что я послал их к черту. И уже разработали планы моей здесь деятельности по созданию резидентуры и агентурной сети на территории Сумеречных Земель. Им, видите ли, важно знать мое мнение об этих планах. И мои предложения...

— Если ты решил выложить нам все это, — остановил его Кайл, — то это автоматически означает, что ты эти предложения принимать не собираешься. Я не прав?

— Прав, как всегда, психолог ты наш, — с грустной иронией заверил его Том.

— И в то же время ты прекрасно понимаешь, что теперь тебе не будет покоя и здесь... Значит... Ты тоже собрался взять «тайм-аут»?

Том улыбнулся в ответ невеселой улыбкой.

— Ты думаешь, что это был бы такой уж хороший подарок тому Миру, в котором будут зализывать раны наши новые друзья? Я, как прокаженный, ношу в себе самую частичку ада. Того самого, который меня породил и послал в Миры. Я ни минуты не сомневался, что рано или поздно до меня доберутся. И не ошибся. Добрались в этом Море, доберутся и в том очаге покоя, про который нам поведал господин Лорх.

На Лорха устремилось сразу несколько испытующих взглядов. От него явно ждали скептической улыбки и слов, которые бы развеяли дурной смысл сказанного Менялой Душ. Но Лорх молчал. И молчание это было куда красноречивее любых самых неприятных слов. Человек Касты принимал угрозу, исходящую от мира людей, всерьез.

— Ну что ж, — нарушил наконец молчание Рус, — Это действительно очень... м-м... благородное решение, господин Роббинс. То, что вы не хотите подставить нас под удар... Но... Но тогда... Тогда что же вы выбрали для себя? Какой выход?

— Если вечное бегство можно считать выходом, то я выбрал его, — спокойно ответил Том и забрал со стола жетон. — Только я буду убегать от бывших коллег по такой тропинке, на которой им меня труднее будет догнать, чем на любой другой. По той же, по которой будешь уходить ты, Цинь.

Они — впервые за все время этого разговора — глянули друг другу в глаза. Быстро и смущенно.

— Берешь меня в компанию? Хотя я и отправляюсь в путь без пригласительного билета.

— Ты хочешь пойти по Тропе Испытаний дальше, не сдав «выпускного экзамена»? — недоуменно спросила Видящая След.

Она обратила взгляд на Кайла.

— Что говорят о таком виде сумасшествия, Находящий Пути?

Кайл молча пожал плечами.

— Считай что ничего, — объяснил за него Павел. — Сама должна хорошо понимать — Тропа Испытаний, она почти как смерть. Телеграмм с места прибытия ушедшие по ней не дают. А что до домыслов и слухов о вернувшихся с этого пути или о весточках от них, то они вызывают не больше доверия, чем рассказы о привидениях или отчеты о спиритических сеансах. В них верят те, кто хочет верить. Могу только предположить, что Тому придется нелегко — там, в конце Тропы.

— В конце этого участка Тропы, — уточнил не вмешивавшийся до поры до времени в спор о выборе Тома Лорх. — Только этого участка, ребята. Ибо никто не знает, где ее истинный конец.

— Ничего, Меняла, — вдруг сказала Цинь. — Ты ведь не один будешь там...

Теперь она смотрела на старого приятеля открыто и чуть насмешливо, как, бывало, смотрела во времена эпопеи Джейтесты.

В гулкой пустоте Храма прозвучал предупреждающий кашель. В разговор вступил второй человек Касты. Хранивший до сих пор молчание.

— Сказать честно, — задумчиво отозвался на слова Целительницы Парре, — никто не сможет обещать вам, что Тропа приведет вас обоих в одно и то же место. В один и тот же Мир. И даже если в один и тот же, то вовсе не обязательно, что ваши пути в нем пересекутся. Что вы когда-нибудь встретитесь. И даже того, что, встретившись, вы узнаете друг друга, никто не сможет обещать вам. Тропа изменяет. Но даже и не в этом дело...

Он смолк, приглядываясь к своим сведенным «домиком» пальцам.

— Дело в том, господин Роббинс, что никто не может обещать вам главного: что на Тропе вы не столкнетесь с тем, от чего хотите уйти. От служения чужой воле. От лишения права судить дела свои и чужие по своей совести. От риска принести в какой-то из Миров зародыш ада...

Несколько секунд в воздухе висело молчание.

— Тем не менее я от своего выбора не отказываюсь, — произнес после паузы Том,

откинулся на спинку кресла и сразу исчез в тени.

Будто, сыграв свою роль, сошел со сцены.

— Принято, — отозвался Лорх, словно тертый крупье древнего казино. И повернулся к Кайлу.

— Теперь вот что... — сказал он. — Теперь, считайте, самое главное. Мальчик... Мальчик, которого вы взяли на воспитание и который так помог всем нам... Если вы, Находящий Пути, уйдете в Касту — а вы так решили, — то вы не сможете оставаться Учителем Шеги. Даже просто часто видаться с ним не сможете. Ну и кроме того... с таким Даром, как у него, жить в Сумеречных Землях далеко не безопасно. Он — единственный из всех здесь, кому не заказана дорога назад — в Обитаемые Миры. К людям... Там люди Касты смогут укрыть его в одном из наших Монастырей...

Он смолк, приглядываясь к лицам собравшихся у стола. И тут в наступившей тишине звонко, словно щелчок кнута, прозвучало отчаянно выкрикнутое ломким мальчишеским голосом:

— Нет!

Все повернулись к скорчившемуся на стуле Шеге. А он выпрямился и напряженно, быстро, глотая слова, запинаясь, но очень твердо и уверенно затараторил:

— Нет, не надо назад! Там... Там я был воришкой. Обыкновенным воришкой. И даже про Дар свой ничего... Ничего в нем не понимал... А здесь... А здесь я могу спасти. Всех заклятых могу спасти. Могу свободу дарить. Избавление... И еще — потом — много чего буду. Много смогу... Всякого другого... Потому что надо, чтобы Дар совсем созрел. До конца... А что вы будете делать, если снова явятся... если Пришлые явятся... снова — с Даром Власти?.. А?

— Но это очень опасно, — возразил было Лорх. — Мы не хотим красть у тебя детство, Шега...

И тут его снова неожиданно оборвали.

— Я! — резко отрубил Николай. — Я присмотрю за тем, чтобы парнишке ни беды, ни обиды не вышло. Я и на Шараде мальчика в обиду не давал... Да ко всему вдобавок, оказывается, у меня и Дар такой, словно нарочно для такого дела задуманный, — глаза отводить Дар... Нам бы только для начала какую-никакую крышу над головой... А так — я со своим Даром, Шега со своим... Не пропадем, одним словом!

И Шега юркой обезьянкой сорвался со своего места и вмиг оказался возле Чудина — массивного и надежного. Мертвой хваткой вцепился в его рукав и не отпускал больше.

Эти двое тоже сделали свой выбор. И то, что они от него не отступятся, было ясно как божий день.

— Крышу над головой... — задумчиво произнес Лорх.

И уже по тому, как он это произнес, ясно было, что ни о возвращении мальчишки в Обитаемые Миры, ни о Монастырях Касты уже и речи быть не может. Да ее и не было больше.

— На первых порах я отдам Николаю свои, с позволения сказать, апартаменты в Скальном скиту, — как нечто уже решенное определил Кайл. — Это можно легко организовать. И наставников ему подыскать не проблема. Мне мои «покои» больше не пригодятся, а Шега там у меня хорошо устроен. И от чужих глаз подальше. А на случай опасности я мальчику показал в тех местах несколько «переулков», по которым можно мгновенно уйти совсем в другие концы Сумеречных Земель...

— Господи! Да нам пока и этого с головой хватит! — благодарно прогудел Николай.

— Принято! — отрубил Лорх.

— Ну, раз вам тут то и дело спасатели требуются, — отчеканила, не дожидаясь особого приглашения, Кончита, — то мне с моим-то Даром отсюда убираться грех. Правда, и «отсвечивать» повсюду со своим репертуаром я не собираюсь. Из такой штуки заработка не сотворишь. Ну, да это не проблема! Пока при каком-нибудь деле тут перекантуюсь... Пока мне не нужно. Я для себя уже все решила. Тропа как Тропа. Жаль, конечно, старика Фрагонара не увижу больше...

— Перекантоваться вам, мисс, — посоветовал Павел, — лучше всего у сестер-госпитальерок. Это даже не монастырь. Это здесь просто школа медсестер закрытого типа. Я могу замолвить...

— Не беспокойтесь за меня!

Конча выдернула из-за пояса колоду здешних карт, протрещала ею звонкую трель и снова засунула себе за пояс.

— Я не пропаду!

Она повернулась к Лорху.

— Принято?

— Принято, — усмехнулся тот.

И покачал головой — то ли в знак одобрения, то ли порицая столь отчаянное безрассудство.

Теперь — совсем так же, как бездну времени тому назад, — в перекрестке множества взглядов оказался Эйб. И снова чело его покрыли мелкие бисеринки пота. Он завел пальцы за воротник, словно тот стал ему тесен, дал было «петуха», но справился с голосом и обрел уверенный и даже чуточку лихой тон.

— Я? — переспросил он, хотя никто еще ни о чем и не спросил его. — А что? С моим Даром я тоже не пропаду. Да для уймы народу Дарящий Забвение — сущая находка! Кому грехи свои позабыть хочется, кому — долги. Кому — беду, кому — любовь... Ой, да это ж сумасшедшие денежки иметь можно! На прокорм всегда заработаю! Если не хватит, к Лоскутному Племеню подамся, вместе с ними по дорогам колесить стану, людям голову морочить буду... А что?!

Лорху не оставалось ничего другого, как снова усмехнуться и покачать головой.

— Принято, — отрубил он.

Эпилог

БИЛЕТ В НИКОГДА-НИКОГДА

Первой поднялась и направилась к Плите Цинь. Том не стал отставать от нее. Следом за обоими к воротам Тропы Испытаний приблизились Проводники — Лорх и Парре.

Перед тем как исчезнуть во мраке, Том наклонился и аккуратно положил на каменные плиты пола малую вещицу — свой жетон Следователя.

Марику снова посетило воспоминание о притче про люк над пропастью. Но она подавила его, резко тряхнув головой.

В зале оставались только четверо выбравших Покой и четверо остающихся в Мире Блуждающей. И еще один — обреченный на скитания по Тропам между Мирами.

— Теперь пора и нам, — поднялся со своего места Рус. — Вы проводите нас?

— Да, разумеется, — первой отозвалась Марика.

— Ты знаешь, как провести нас на плоскогорье, — глухо добавил Кайл.

Его подавляла неизбежность очередного Расставания. Перед тем как шагнуть следом за Русом, он подобрал с пола жетон Тома.

Уже потом, когда они стояли под темнеющим небом плоскогорья, он протянул эту вещицу Марике.

— Пусть это будет у тебя, — сказал он. — Я могу потерять эту штуку — там, на моих тропинках. Кто знает, может быть, когда-нибудь придется искать ее след.

— Вряд ли, — покачала головой Видящая. — Все мы давно купили билеты в Неверленд.

— Куда? — отрешенно спросила ее Конча. Слова Видящей словно заставили ее вынырнуть из каких-то своих мыслей.

— Это тоже из старых книжек, — вздохнула Марика. — Из одной сказки. Неверленд — страна «Никогда-Никогда»...

Рус остановил идущих.

— Дальше не стоит, — тихо сказал он. — Попрощаемся здесь, и возвращайтесь. Постарайтесь уйти подальше. Когда произойдет Бросок, выделится довольно много энергии. В основном тепловое излучение. Рванет так, что мало не покажется.

Они молча постояли друг против друга. А потом словно по неслышимой команде повернулись и пошли. Каждая цепочка в свою сторону.

Выбравшие Покой шли молча. Только уже подходя к почти слившемуся в наступающих сумерках с окружающими скалами модулю переброски, они снова начали говорить — скупое и отрывистое. Словно экономя слова перед дальней дорогой.

— Ты уверен, что действительно хочешь уйти с нами? — спросила Мэри-Энн, придерживая за локоть шагавшего рядом Форреста. — Уйти в тот странный мир Покоя, который обещал нам этот старик? Тебе ведь будет не так уж плохо и в этом Мире. В Мире Молний. Действительно, стоит ли оставлять его без Целителя? Неужели тебе в самом деле нужен покой? Ведь ты человек действия... Ты умрешь со скуки, возясь с оценкой наполовину поддельных магических побрякушек... И все это ради нашей старой дружбы?

— Дружбы? Скорее ради тебя самой, Мэри...

Та, что была когда-то Дарящей Смерть, только повела головой, словно услышав нечто забористое.

— Ну раз так...

Они повернулись и зашагали к модулю-капсуле, у которой терпеливо дожидались их Рус и Эл.

И каждый из четырех, перед тем как нырнуть внутрь металлического чрева, окидывал дикий, ни на что не похожий пейзаж и тлеющие трепетным огнем молний суровые Небеса этого Мира прощальным тоскливым взглядом. Последним такой взгляд бросил Рус. Короткая цепочка решивших продолжить свой путь в мире Изменений уже истаяла вдалеке, исчезла за стенами скал. Но все-таки Руслан помахал им вслед рукой и только тогда задвинул за собой тяжелую плиту люка.

* * *

— Мы уже в безопасности, — сказала Конча. — Надо остановиться... Проводить.

Видящая След глянула на нее. И жестом руки остановила товарищей.

— Здесь, — сказала она. — В этой ложине. Там, ближе к склону можем попасть под обвал. А обваливаться здесь есть чему...

Они сбросили рюкзаки и торопливо стали искать себе место в провалах каменистого ложа равнины, укрытых за накрепко вросшими в это ложе осколками скал. Они и в самом деле напоминали искусственно вырытые окопы — эти впадинки, в которые в месяцы дождей натекала дождевая вода, а в холодную пору поверх льда набивался колючий снег.

Но сейчас это были просто выбоины в камне — достаточно глубокие, чтобы в них можно было укрыться от предстоящего катаклизма. И чтобы оттуда за катаклизмом этим можно было подсматривать.

И катаклизм не заставил себя долго ждать.

Ярчайший — словно вспышка ста тысяч молний — всплеск света затопил все пространство между склонами гор. Высветил каждую травинку и каждую мельчайшую неровность рельефа.

И тут же сменился тьмой. Словно Вселенная сделала глоток крепчайшего черного кофе. Слепла. А потом и оглохла — от обрушившегося на каменную твердь удара взбешенной атмосферы. Словно Блуждающая силилась выместить на собственной каменной шкуре злобу на себя саму за то, что упустила в никуда, в какие-то иные Миры своих недавних пленников.

Первой осмелилась оторвать лицо от содрогающегося в пароксизмах блуждающей ударной волны камня та, кого происходящее трогало больше всех, — Кончита Фарга. И за то была награждена зрелищем, редким для Небес этого Мира.

В них — в эти Небеса — вознесся и теперь истаивал в них гигантский столб света. Весь сотканный из нитей перетекающих друг в друга цветов и оттенков. Расползающийся в небе, словно радужная пленка бензина в медленно вращающихся водах мертвой реки. Растекающийся узорами, словно пытающимися утвердить в небе карту некоего мира, так и не состоявшегося в той жизни, что протекает себе там, внизу.

Еще несколько мгновений спустя, когда уже все они смотрели в небо, призрачный узор скатился к горизонту и еще секунд десять стоял окрест сплошной стеной северного сияния. Гаснущего и истекающего в высоту.

И все закончилось.

Только раскаты грома гасли в отрогах.

— Прощай, Форрест, — сказала Конча. Совсем неслышно. — Я не вернусь. Никуда не

вернусь. Останусь в стране Никогда-Никогда. И ты не вернешься...

Гаснущий гром все еще заглушал все звуки в мире.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

